МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ПАНКЕЕВА

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПУТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Все имеет оборотную сторону. Любовь и страдания, преступление и наказание, поступок и ответственность, подвиг и его цена — как две стороны монеты. Каждый путь тоже имеет свою обратную сторону, и познание ее зачастую бывает горьким, печальным и порой болезненным. Но все же это не причина с него сворачивать. Ведь жизнь не кончена, а значит, и путь продолжается.

Уважаемые читатели! Поскольку электронные версии не помогут

Автору писать новые книги, вы можете это исправить: web-money Оксана Петровна принимает на кошелек **Z765938819912** (удостовериться в этом, найти единомышленников, а также задать вопросы и следить за выходом новых книг можно тут: pankeeva.info)

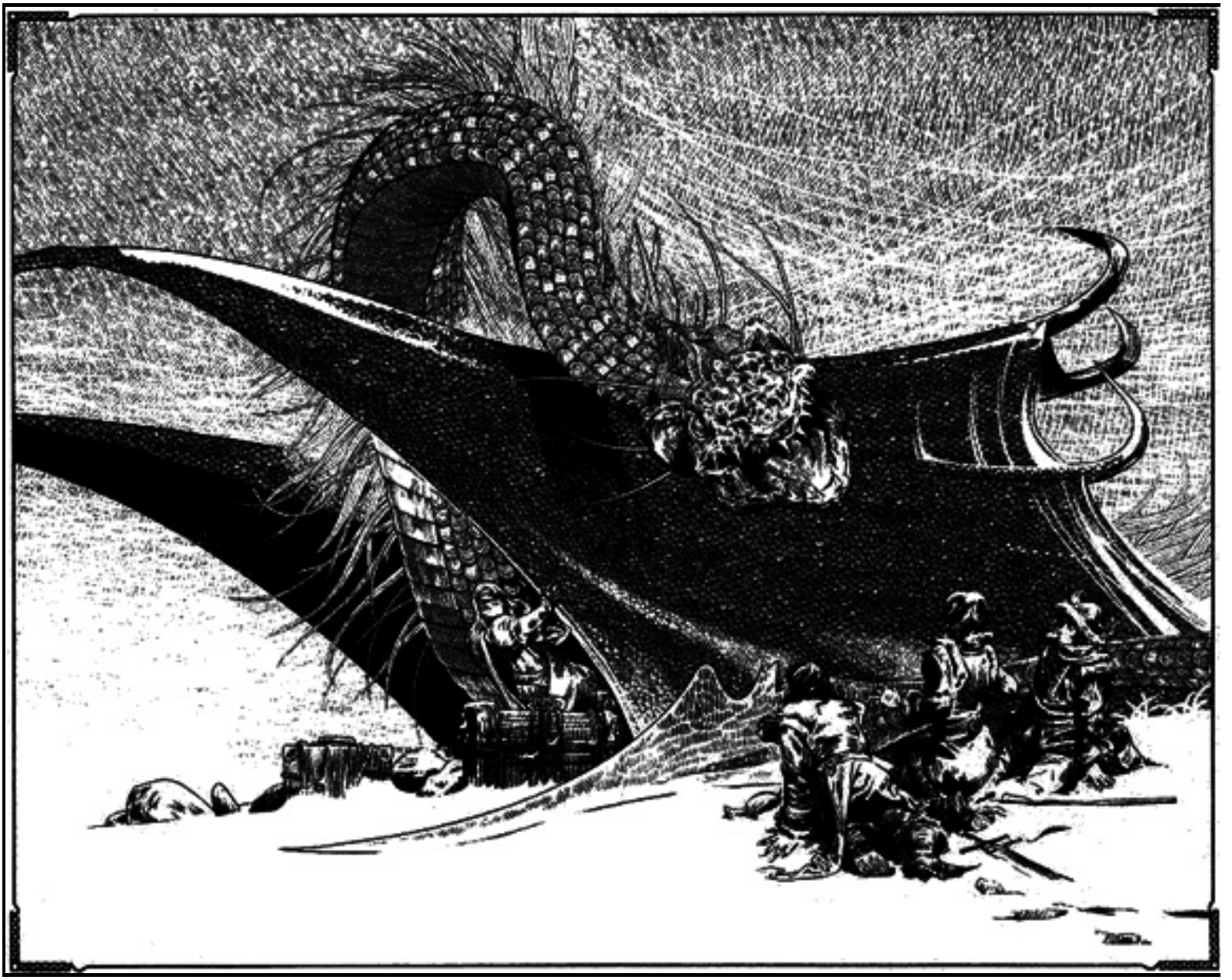
Также ждем вас в социальных сетях: facebook.com/pages/Oksana-Pankeeva/ и vk.com/deltaworld

---

- Оксана Панкеева
  -
  - Глава 1
  - Глава 2

- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Оксана Панкеева
Обратная сторона пути



Белокамень
Поморье
Лес
Лондра
Хина
Порт-Альбъ
Большой Хинский хребет
Варвары
Галлант
Вийонский лес
р. Эрин
Лютеция
Новый Капитолий
Голдиана
Дазн-Рисс
Кромати
Орта
Сорелло
Келси
р. Рисса
Зелёные горы
Белая пустыня
Эгина
Мистралия
Гелиополис
Арборино

Глава 1

— Ааз, — спотыкаясь, двинулся я к нему. — Мы в беде.

Его кулак с треском обрушился на стол и расколол его в щепки.

— Так я и знал!

Р. Л. Асприн

Всю свою предыдущую жизнь его величество Шеллар III находил, что рассветы над Даэн-Риссом необычайно красивы, особенно если любоваться ими с какого-нибудь из

верхних башенных этажей. Тогда городские строения не заслоняют горизонт, и можно без помех наблюдать восход во всей красе — начиная с момента, когда край неба только-только окрашивается первыми розовыми мазками, и до самого конца, когда золотистый шар дневного светила уверенно возносится над миром, начиная новый день. Рассветов он за свою жизнь повидал предостаточно, так как частенько просыпался намного раньше и к моменту пробуждения солнца успевал переделать кучу дел.

В последний день Зеленой луны Шеллару меньше всего хотелось

любоваться рассветом, и вовсе не потому, что из спальни на втором этаже Элмарова особняка можно было наблюдать только окружающие дома. Мало кому покажется приятным, промучившись всю ночь и с трудом уснув в четыре утра, в шесть проснуться от грохота в дверь и панических воплей «Господин советник, проснуться быстро-быстро! Вас срочно нуждают во дворец! Случилась беда и страшный ужас!»

Шеллар с трудом оторвал от подушки гудящую словно с похмелья голову и с не меньшим трудом вспомнил, что «беда и страшный ужас» были лично им самим

запланированы, разработаны и претворены в жизнь, и теперь ему следует только съездить в тот самый дворец, где его так «нуждают», и проверить результаты.

— Сию минуту! — отозвался он, пока исполнительные ученики мастера Ступеней не вынесли дверь от избытка энтузиазма. Грохот стих, но особого облегчения это не принесло.

Осторожно выбравшись из постели, советник обнаружил, что последствия его вчерашних подвигов (или преступлений, смотря с какой стороны смотреть) все еще ощущаются, хотя и не так, как с

вечера. «Хоть бы телепортиста прислали, коль уж так срочно…» — понадеялся он, вспоминая, чего ему стоила поездка в карете, и понимая, что чувствовать-то он может себя как угодно, но выглядеть должен как ни в чем не бывало.

Быстро умывшись и одевшись, Шеллар заглянул напоследок в зеркало и отметил, что на вид вроде бы ничего не заметно. Обладай он от природы здоровым цветом лица, может, его выдала бы излишняя бледность, но, на его счастье, бледным он был всегда, а заметить легкую прозелень сумел бы только особо зоркий наблюдатель,

способный различать тончайшие оттенки цвета.

Немного поколебавшись, он прихватил и трость, без которой уже прекрасно мог обходиться. На всякий случай. Хотя при ходьбе она и не требуется, но если вдруг закружится голова, было бы неплохо на что-то опереться…

В гостиной действительно ожидал телепортист, и всего через полминуты Шеллар имел честь наблюдать, как наместник Харган с разгневанным лицом мечется по кабинету, нервно тиская в руках какие-то бумаги. Как бы в насмешку над коварным отравителем, жертва

его выглядела абсолютно здоровой и в придачу отлично выспавшейся.

— Что случилось? — Сочувствие и беспокойство в голосе советника были подобающе дозированы: вроде бы и не скажешь, что верный служащий остался совсем уж равнодушным к чужим проблемам, но в то же время искать какие-либо внешние проявления переживаний бесполезно. — Мне сказали, что я вам срочно нужен. Что-то действительно произошло, или вы просто желаете выслушать продолжение доклада?

Наместник помянул лишайных граков, крокодилью матерь и почему-то полярную лису, после чего

швырнул на стол перед недоумевающим служащим несколько измятых листов.

Шеллар внимательно прочел Ольгино пространное послание, отметив про себя неплохой слог и несколько весьма удачных высказываний, и только после этого позволил себе «догадаться»:

— Ольга от вас тоже сбежала?

Гораздо больше его интересовала судьба излучателя, но о нем речь пока не зашла, следовательно, пока можно поинтересоваться успехами Ольги. А также изучить реакцию наместника на ее исчезновение.

— Ольга? — взвыл обманутый в

лучших чувствах демон. — Да Ольга — это мелочи! Тут настоящая катастрофа! Заговор! Измена!

— Прошу вас, господин наместник, не кричите. — Шеллар красноречиво оглянулся на дверь. На самом деле от воплей начальства у него усилилась ломота в висках, оставшаяся после вчерашнего, но не признаваться же в подобном. — Что конкретно произошло?

— Ваши драконы разнесли излучатель на дворцовой башне, прихватили с собой Ольгу и улетели!

— Он был на башне? — Советник чуть приподнял бровь. — Смелое решение. С одной стороны, удачно —

прибор не виден снизу, и добраться до него оттуда нет возможности. С другой — полностью беззащитен от атак с воздуха. Полагаю, спрашивать, что делали вампиры, будет глупо. Вряд ли они могли что-либо сделать с бронированным драконом. Я вижу, даже вам не удалось воспрепятствовать…

— Да если бы я там был! — огорченно воскликнул Харган и опять ввернул что-то о матерях. — Меня чем-то опоили, и я всю ночь проспал как убитый! Даже не слышал ничего!

— Надо же, как ловко они… — покачал головой Шеллар. Очень осторожно, так как от запаха в

кабинете его опять замутило. Хорошо хоть позавтракать не успел. А если б еще закурить додумался… — Как они ухитрились войти в контакт с драконами, предупредить Ольгу, да еще и добраться до вашей личной посуды? Впрочем, до посуды, скорей всего, добиралась сама Ольга.

— Это почему ты так решил?

— Потому что вы проснулись. Сами подумайте — если бы у наших противников появилась возможность подсыпать вам чего-либо в еду или питье, неужели они использовали бы ее столь бездарно? Рисковать головой, чтобы всего лишь усыпить вас на одну ночь, когда проще и вернее было бы

отправить вас вслед за мастером Ступеней, — это, извините, глупо. А вот Ольга сюда как раз вписывается. Она слишком сдружилась с вами, чтобы после всех ваших доверительных бесед столь подло убить.

— Хороша дружба… — процедил сквозь зубы наместник, бросив ненавидящий взгляд на валявшееся на столе письмо. — А все ты со своими «экспериментами»!

— Учитывая конечный результат, — невозмутимо изрек Шеллар, — я бы назвал сей эксперимент вполне удачным. Отбросьте на минуту лишние эмоции

и рассудите здраво. Имея прекрасные возможности безнаказанно вас умертвить — хоть при помощи яда, хоть банально перерезать глотку спящему, — Ольга все же оставляет вам жизнь и, более того, прощальное письмо с извинениями. Заметьте, ни слова ругани или злорадства, лишь сожаления и сетования на обстоятельства. Она действительно к вам привязалась, а сбежала лишь потому, что не хуже нас с вами понимает — ваши идиллические отношения не продлились бы долго. Даже мы с вами не можем достоверно предугадать, чем закончилось бы для Ольги знакомство с Повелителем, но

чем это грозит ее ребенку, догадалась и она несмотря на ее наивность. И вы ведь не станете отрицать, что при всем вашем добром отношении к Ольге, которое она несомненно ценит, вы не сможете защитить ее от Повелителя, что бы он ни пожелал с ней сделать.

— Она не смела так говорить об учителе! — уже не так уверенно, но все еще обиженно вставил Харган.

— Это верно. Странно только, почему у нее сложилось о нем столь превратное мнение. Ведь, если я не ошибаюсь, все, что Ольга знает о Повелителе, она услышала от вас.

— Но я ничего подобного не

говорил!

— Разумеется. Однако помните ли вы, как я вам советовал аккуратнее подбирать информацию? Как предупреждал, что одним и те же фактам Ольга может дать оценку, абсолютно противоположную вашей? Так и получилось. Если вам ваши отношения с наставником кажутся образцом доверия и преданности, то Ольга, будучи совершенно иначе воспитанной, усмотрела в этом примитивное рабство. Вы бы хоть про хвост умолчали, дабы не создавать себе образа жертвы.

— То есть… — Харган неуверенно покосился на злосчастный

листок. — Ты хочешь сказать, что она не поняла ничего из моих рассказов?

— Отчего же, — пожал плечами советник. — Очень даже поняла. Только немного по-другому. Разве для вас является новостью, что разные люди могут понимать одно и то же по-разному, причем совершенно искренне? Что со стороны многое видится совсем не так, как изнутри? Что любые человеческие отношения совсем иначе выглядят для постороннего наблюдателя, чем для эмоционально вовлеченного участника? Почему вас удивляет Ольгина реакция на ваши откровения? Лишь потому, что вы преданно

любите Повелителя и не способны себе вообразить, как может кто-то судить о нем без подобающего трепета? Должен заметить, подобная ограниченность — большой недостаток для правителя. Вам давно следовало бы научиться понимать способы мышления других людей и моделировать их поведение. Тогда для вас не будет неожиданной естественная реакция известного вам человека на известные вам обстоятельства.

— Погоди… — Наместник растерялся еще сильнее. — Так ты знал?… Знал, что этим кончится?

— Если вы помните, —

невозмутимо продолжил свою нотацию Шеллар, — я не общался с Ольгой и не мог никоим образом знать о содержании ваших бесед. Однако, зная вас и прекрасно зная Ольгу, я предполагал и такой вариант, о чем вас в свое время предупреждал. Разумеется, это касается ее письма, а не побега. Для предположения, что во дворце заведется изменник, у меня не хватало информации. Уже выяснили, кто именно передал ей снотворное и сведения о времени побега? А также кто выдал расположение излучателя?

— Я еще не знаю… — огорченно помотал головой Харган. — Просто не знаю, что и думать. Никто же не

знал… неужели вампиры где-то по пьяному делу растрепали?

— Возможно. А еще есть вероятность, что прибор и группу вампиров на башне заметила Ольга во время вашего с ней… гм… катания. Если ей что-то передавали, возможно, и обратная связь существовала. Кстати, на месте связного я бы после такого мероприятия поспешил исчезнуть. Гоблину же понятно, что под подозрение попадет очень ограниченное число людей, и уж их-то будут прессовать до победного конца. У нас там никто не исчез?

Погруженный в горестные переживания наместник только

гребнями покачал. То ли ему не успели доложить, то ли и в самом деле еще никто не заметил отсутствия Красавчика Тоти. По большому счету на роль «беглого изменника» годился любой солдат, но любимый адъютант командира Хашепа просто-таки напросился на сию великую честь. Уверенный в собственной неотразимости юнец трижды был замечен за попытками забраться в Ольгино окно по приставной лестнице и трижды же вместе с лестницей оттуда летел с большим шумом (отчего, собственно, и был замечен). Как не воспользоваться случаем, если человек сам

подставляется? В настоящий момент горе-ловелас благоухал своим одеколоном в королевской фамильной усыпальнице с кинжалом в спине, а его светлый образ работал на благо короны — честно отводил подозрения от ни в чем не повинных слуг и охранников, а также от советника Шеллара, повинного во всем, начиная с усыпления любимого начальства и заканчивая тем самым кинжалом, который, понятное дело, не сам собой в спине оказался.

— Пусть проверят, — посоветовал Шеллар. — Вы ведь сами говорили, что ваши солдаты к Ольге с цветами бегали, руку и сердце

предлагали. Если хоть один одурел от любви настолько, чтобы забыть все на свете, и предложил вместо никому не нужных цветов помощь в побеге… Хм… Знаете, при таком раскладе, пожалуй, и к лучшему, что мы от нее избавились.

— Я предпочел бы избавиться от нее другим путем! — проворчал Харган.

— Да полно! — рассмеялся советник. — Что она вам плохого сделала? Напротив, написала, что вы хороший и очень ей нравитесь. А что ей Повелитель не понравился — так, честно говоря, вы единственный, кто любит его без всяких ментальных

воздействий. Все остальные никакой любви к Повелителю не питают — либо боятся, либо хотят что-то за свою службу получить. Только мы, посвященные, думаем иначе, но вы ведь сами знаете, каково происхождение нашей преданности. Вам могут быть неприятны Ольгины рассуждения — смею заверить, мне они равно неприятны, — но все же посторонний человек, отягощенный излишним гуманизмом, не может воспринимать Повелителя иначе. А уж если человек не совсем посторонний, а прямой кандидат в жертвы — тут и вовсе удивляться нечему. Попробуйте поставить себя на

Ольгино место и посмотреть на проблему ее глазами, вы сами поймете. Кстати, подобная практика полезна и для общего развития. Но этим вы займетесь в свободное время, сейчас же перед нами более важная задача. Изменников пусть ищет мастер Чань, это его работа, а нам с вами следует подумать, как обезопасить оставшиеся излучатели. Надеюсь, их вы не догадались выставить на башни?

— Да нет, сам же знаешь… — недовольно сморщил нос наместник. — В храме он спрятан глубоко в подвалах, в Оплоте Вечности — тоже…

И в этот момент, когда Шеллар уже замер от предвкушения, готовясь выслушать долгожданные секретные сведения, удача самым несвоевременным образом от него отвернулась.

Вопреки обычному своему хладнокровию в этот раз он едва удержался, чтобы не пристукнуть на месте и некстати явившегося мастера Чаня, и злосчастного секретаря, которому так срочно приспичило об этом доложить.

— Что еще случилось? — устало поинтересовался Харган, мигом отвлекшись от обсуждения излучателей. Даже он уже научился

разбираться: если на обычно каменном лице главы департамента можно невооруженным глазом различить волнение, значит, случилось нечто действительно из ряда вон выходящее.

— Мы получили сведения из Лондры. — В голосе хина тоже явственно слышалось волнение. — Если только это не намеренная дезинформация и не происки вражеской пропаганды… то наши дела действительно плохи. Во-первых, все придворные маги, которых мы считали пропавшими, каким-то образом выбрались за пределы действия излучателя и

восстановились. Во-вторых, вернулся Вельмир. Есть свидетели, видевшие его лично. В-третьих, эти негодяи каким-то образом пробрались в святая святых Повелителя и что-то с ним сделали.

— Что? — взревел любимый ученик и вскочил с места, едва не вспоров крыльями одежду.

— Что именно сделали? — уточнил педантичный советник.

— Дословно этого никто не расписывал, — немного нервно отозвался глава департамента. — Из того, что удалось подслушать нашему агенту, можно заключить, что убить Повелителя они не смогли, но

привели в недееспособное состояние и похитили. Но это их не удовлетворило, и сейчас некая специальная группа ищет способ… довести дело до конца.

— Они привезли его сюда? — продолжал допытываться Шеллар, так как несчастный наместник, похоже, от шока потерял дар речи. Да и бедного брата Чаня можно понять — вот так верит-верит человек в божественность Повелителя, и вдруг какие-то обычные маги этак запросто могущественное божество обезвреживают и похищают. Есть от чего взволноваться.

— Нет. Где-то там спрятали.

— Мне нужно туда! — нашел наконец слова потрясенный Харган. — Срочно! Вы слышите? Я должен вернуться и спасти учителя, мне наплевать как! Что вы молчите? Придумайте что-нибудь!

Советник и глава департамента понимающе переглянулись и с одинаковой заинтересованностью покосились на дверь. Присутствовать при истерике любимого начальства оба полагали делом рисковым и неразумным, однако повода откланяться пока не представилось.

— С вашего позволения, мы немедленно займемся проблемой портала, — пообещал Шеллар. — Нам

потребуется ваше письменное распоряжение привлекать для консультаций всех доступных магов и, разумеется, ваше личное участие…

— Вы что, идиоты? — взвился разгневанный демон, и рубашка на нем все-таки треснула под напором рвущихся на волю крыльев. — Какие маги, какие консультации, что за бредятина, вы сами не понимаете, что портал можно открыть только с той стороны, с которой он был запечатан?!

Подданные еще раз переглянулись.

— Простите наше невежество… — осторожно начал

Шеллар.

— Мы, к сожалению, не сведущи в магии, — подхватил брат Чань.

— Не могли бы вы доступно объяснить нам, что вы намереваетесь делать и какая именно помощь требуется от нас?

— Контролировать ситуацию, пока я не вернусь, — зло отчеканил демон. — Я отправляюсь через ближайший портал и буду перемещаться по мирам, пока не найду родной.

— Рискованно, — заметил советник. — Вы уверены, что…

— А ты видишь другой выход? — Харган опять сорвался на крик, и

глаза его засияли еще ярче. — Я знаю, что я здесь нужен, что без меня тут через три дня будет полный бардак, что, если со мной чего случится, у Повелителя появятся лишние проблемы… Ты же видел — пока мы могли надеяться, что учитель сам разблокирует портал, я никуда не дергался! Но теперь другого выхода просто нет! Без Повелителя само наше существование теряет смысл! Если мы его не вернем, нам можно всем орденом смело идти топиться! Ты понимаешь, что в такой ситуации моя безопасность уже не важна!

— Да, — тихо произнес советник, подтвердив свои слова едва

заметным кивком. — Я понимаю. Но прежде чем вы нас покинете, не забудьте оставить подробные распоряжения и завершить несколько дел, по которым до сих пор не приняты решения. День-два в нашем случае вряд ли что-то изменят.

— Ни хрена ты не понимаешь! — в отчаянии выдохнул наместник и все же опустил крылья. — Ты не был в чертогах Повелителя, ты не видел его окружение, ты не можешь себе представить, что сотворит эта кодла, оставшись без присмотра! Один Нимшаст ненормальный чего строит!..

— Зато я прекрасно знаю бесценного нашего брата Хольса, а

также его братьев по разуму Вольдемара и Аркадиуса, — не отступал Шеллар. — И могу вам посуточно расписать, что сотворят они. Но самое главное — и, полагаю, брат Чань меня в этом поддержит, — прежде чем бросаться очертя голову в неизвестность, следует хотя бы проверить полученные сведения. Элвиса я тоже знаю как облупленного, с него станется устроить подобную провокацию, чтобы избавиться от вас хоть на время. Да и портал нужно подобрать не «ближайший», то бишь первый попавшийся, а самый активный. Что тоже потребует некоторого времени.

Что скажете, брат Чань?

— Ваши соображения как всегда разумны, брат Шеллар. — Глава департамента почтительно склонил голову, до боли напомнив советнику верного Флавиуса. — Только одно уточнение. За день-два я не успею проверить информацию.

Вот те раз… Поддержал, называется. Зачем он это ляпнул? Из желания быть честным несмотря ни на что? Или, напротив, у скрытного брата Чаня имеются свои интересы, которым вполне соответствует длительное отсутствие верховного правителя? Неужели он все-таки спутался с верховными жрецами,

достойными продолжателями дела Джарефа?

— Я сам проверю! — решительно перебил Харган.

— Это в высшей степени похвальное стремление, — вздохнул Шеллар, сознавая безнадежность своих попыток, однако не в силах оставить спор, пока в запасе остались хоть какие-то аргументы. — Но как вы намереваетесь вернуться обратно?

— Не прикидывайся глупее, чем ты есть! — раздраженно трепыхнул крыльями наместник. — Если я доберусь из одного мира в другой — это будет означать открытие нового портала.

— Тогда действительно стоит рискнуть. Ставки более чем высоки. Но все же, пока вы еще здесь, давайте разберемся с излучателями. И нелишне было бы оставить четкие указания нашим любезным братьям во избежание всяческой самодеятельности, к коей они питают нездоровое пристрастие.

— Если мне будет позволено высказаться… — подал голос глава департамента и, получив в ответ поощрительный кивок, продолжил: — Несмотря на то, что мы потеряли один из приборов, нам следует изыскать способ переместить еще один из оставшихся далее к северу.

Так, чтобы накрыть Поморье и Лондру.

— Ведь сто раз уже обсуждали… — взвыл Харган, но непоколебимый хин продолжил, словно не замечая этого:

— Посылать туда войска и устанавливать надлежащий порядок не обязательно, раз у нас нет на то возможностей. Но предложенный вариант решит проблему с враждебными магами. Мы не можем допустить, чтобы они и дальше продолжали свою подрывную деятельность.

— Тоже рискованно… — с задумчивым видом

прокомментировал Шеллар, ибо другие возражения могли показаться подозрительными. — Если уж перевозить, то, во-первых, надо выбрать из имеющихся излучателей тот, который хуже всех защищен, во-вторых, подобрать надежное укрытие и, в-третьих, осуществить это все в обстановке строжайшей секретности. Иначе мы окажем нашим врагам неоценимую услугу. Как вы полагаете, господин наместник? Какой из оставшихся приборов стоит переместить? Мы с вами, кажется, успели обсудить только два. Насколько надежно защищены точки в Эгине и Мистралии?

— Мэтр, вставайте! Вставайте скорей, ну же!

Почтенный магистр, который целый день лазил с коллегами по неподатливой пирамиде, а потом допоздна сидел над книгами, с трудом оторвал голову от подушки и простонал:

— Диего, ты в своем уме, а? Три часа ночи!

— Я знаю, который час! — раздраженно отозвался непочтительный мистралиец. — Но тут такое делается… такое, что даже Шеллар вприпрыжку скачет, не зная, за что хвататься!

Сонный волшебник вдруг резво подпрыгнул в постели и воззрился на Кантора с таким ужасом, что тот поспешил внести ясность, пока мэтр, не приведи небо, не состарился от горя. Это было бы в высшей степени неуместно, так как из комнаты Мафея уже высунулись два любопытных носа. И что эти два затейника там делают в такое время?

— Нет-нет, с самим Шелларом все в порядке, но кто-то настучал Харгану про вас! Он все знает и собирается разыскать Повелителя, чтобы освободить!

— Тьфу на тебя! — Мэтр в сердцах откинул одеяло и спустил

ноги с кровати, нашаривая тапочки. — Неужели эта страшная новость не могла подождать еще часа три? Ведь не отправился же он еще, и, насколько я знаю Шеллара, уж на день-два он этого спасателя задержит. Какой смысл поднимать всех среди ночи?

Кантор отступил в сторону, пропуская в комнату подбежавших зрителей. Действительно по-дурацки получилось, но Шеллар в панике — это столь мощное зрелище, что кого угодно с толку собьет.

— Мало ли что! — проворчал он, не желая признавать собственной бестолковости. — А вдруг у него не

получится, или вам этого времени не хватит, или еще чего… Вон про шпиона Шеллар еще когда предупреждал, а все равно прощелкали.

— Шпион в Лондре, — сварливо отозвался мэтр из-под надеваемой мантии. — А мы здесь.

— И думаете, что вы здесь в безопасности, — не унимался Кантор. — А между тем Небесные Всадники уже собираются передвинуть один из своих приборов севернее, чтобы и вас накрыть, чтобы вы им больше жизнь не портили.

— Но это ведь тоже не сию минуту, верно? — не поддался

упрямый волшебник. — Кстати, о себе лично Шеллар ничего не говорил? Я имею в виду, не пора ли его срочно эвакуировать? Если этот шпион, которого Элвис почему-то так и не выявил, подслушивал наши разговоры, он вполне мог услышать и что-либо о роли Шеллара в последних событиях.

— О себе лично Шеллар сказал, что торопиться не будет и сначала проверит, есть ли у него основания для беспокойства. Если его сразу не схватили, значит, либо все в порядке, либо притворяются, чтобы за ним понаблюдать… Да, и еще, это же важно! Он узнал наконец, где поставлены еще два излучателя!

Мэтр с мрачным видом провел расческой по волосам и изрек:

— Это если ему сказали правду.

— Вот он и предлагает вам аккуратно проверить, правду ли ему сказали. Вернее, не вам лично, но, в общем, если там вместо излучателя сидит засада, то вопрос об эвакуации становится насущным, если же ему сказали правду, то можно спокойно работать дальше. Там он еще Элвису кое-что передал, но я это вслух повторять не буду. Такие слова пусть Шеллар своему кузену лично высказывает. Кроме всего прочего у него там нарисовался план, как еще один прибор уничтожить, тот,

который собрались перемещать. Только надо расспросить Агнессу насчет Майольских погребов и поискать контакты с галлантскими гномами. Про «семерку» последнее время никто ничего не слышал?

— Диего, ты же прекрасно знаешь, как живут эти ребята и где они живут, — грустно вздохнул волшебник. — Если на момент катастрофы они были дома, то они там и сидят, не имея возможности выбраться. И поскольку мы до сих пор ничего о них не слышали, скорей всего так оно и есть. Поэтому контакты пусть Шеллар ищет у своих друзей из клана Сигмар. Отцу ты все

это уже рассказал?

— Да, он знает. Сказал, сейчас оденется, прихватит Казака и прибудет сюда.

— Разумно. Устраивать совещания в Лондре будет небезопасно до тех пор, пока Элвис не разберется с этим загадочным шпионом.

— А почему до сих пор не разобрался?

— Потому что новых людей при дворе не появлялось. А раз этот гад все равно начал работать, значит, он сидит где-то в городе и либо подкупает, либо шантажирует кого-то из слуг. Сейчас Элвис даст

побудительного пинка сестре, и та примется копать в нужном направлении. А пока лучше перенести наши встречи сюда, в Поморье. Пафнутий, по крайней мере, у себя шпионов повычистил.

— Я вам нужен буду? — уточнил Кантор, оглядываясь на притихших Мафея и Жака, которые так и торчали в дверях.

— Да. Доложишь подробно и обстоятельно. Поэтому иди и тоже оденься. А вы чего стоите тут и подслушиваете? Особенно кое-кто, кого на совещание не позовут.

— Ну и не больно-то хотелось, — скорчил рожицу Жак. — А ты после

этого совещания к нам заглянешь? Я хотел посоветоваться насчет одной мелочи…

— Как только освобожусь, загляну, — пообещал мэтр. — Мафей, ступай разбуди дядю. Диего, не стой столбом. На тебя даже смотреть холодно.

Кантор вспомнил наконец, что стоит босиком на голом полу, да еще и в одних трусах. А первое утро Сиреневой луны в Поморье — это вовсе не то же самое в Мистралии. Выругав вполголоса деятельного Шеллара, истеричного демона и главу орденской разведки со всеми его шпионами, сновидец торопливо

пошлепал в свою комнату.

На этот раз короли и маги собрались на удивление быстро. Даже Агнесса каким-то чудом успела принарядиться и навести красоту — наверное, всех наличных камеристок подняла. Кантор представил себе, как толпа сонных полуодетых камеристок скачет вокруг такой же растрепанной королевы — одна чешет, другая пудрит, третья глаз подводит, четвертая корсет шнурует, — и чуть было не захихикал, но в этот момент вошел Александр, и смех умер, не родившись, задохнулся в пережатых связках.

Кантор не видел короля Эгины с

самой свадьбы Орландо и до сих пор помнил таким, как прежде, — красивым, сильным, здоровым. Сейчас, когда Александр впервые вышел на люди после ранения, его можно было узнать только по глазам и по голосу. Вампирский клинок, скользнув по черепу, отсек левое ухо вместе с лоскутом скальпа и частью щеки, и в сочетании с коротко, почти под корень остриженными волосами смотрелось это страшновато. Впрочем, несмотря на то, что новое ухо у его величества не вырастет, эта рана только на вид казалась страшной. Да и то с временем отрастут волосы, прикроют рубцы и

отсутствующее ухо, и ничего особенного. Действительно страшное было сейчас скрыто под одеждой — разрубленное плечо и простреленное легкое. Прощайте навсегда кулачные бои, прощайте чемпионаты по фехтованию, если еще и с колесницами придется попрощаться — это будет уже полный конец всех жизненных радостей и вечные сожаления «почему я не умер сразу».

Пока что Александр ни о чем не сожалел и сдаваться не собирался — темные глаза на осунувшемся лице смотрели по-прежнему дерзко и уверенно, а голос, несмотря на одышку, звучал твердо.

— Извините, я опоздал, — произнес он, стараясь не замечать, как присутствующие изо всех сил стараются не смотреть на его лицо. — Можно начинать.

Кантор заставил себя перевести взгляд на кого-нибудь нейтрального — например, Мафея — и коротко изложил сегодняшнюю королевскую истерику.

— Спасибо, — кивнул мэтр Вельмир, когда сновидец закончил и сел. — Ящичек с коллегой Скарроном мы, конечно, перепрячем, чтобы не подвергать опасности владельца подвала — вряд ли разгневанный демон станет разбираться, кто

виноват, а кто нет, — но, увы, такого места, где его можно было бы спрятать хоть с какой-то долей надежности, не существует. Ученик найдет наставника по ауре. Сидеть над контейнером и лично его охранять я тоже не возьмусь — никто не гарантирует, что со мной пожелают сразиться в честном поединке, а не нагрянут телепортом с работающим излучателем под мышкой, в компании чокнутого лича и пары дюжин солдат. Поэтому времени у нас осталось… хм… трудно сказать, сколько именно. Зависит от того, как быстро демон найдет пропавшего наставника и как быстро

тот сумеет разобраться в заклинании и сломать его. Касательно всего остального попрошу высказываться.

— Майольские винные погреба? — Королева Агнесса чуть приподняла тонкие накрашенные брови. — Дерзкая идея. Но вполне реальная. Если только гномы согласятся.

— Да легко! — беззаботно улыбнулся мэтр Ален. — Смотритель — мой старый приятель и собутыльник. К тому же он наполовину гном и поддерживает связь с родным кланом. Я даже подозреваю, что туннель в погреба существует уже давно и гномы им

регулярно пользуются, только тщательно это скрывают.

— Проверить казематы Кастель Рокко Примо могу я, если меня кто-нибудь обеспечит невидимостью, — сообщил Казак. — Я там бывал.

— Так она ж с тебя слетит, болван! — раздраженно прошипела Морриган.

— Могу и так, но тогда меня увидят. Мне-то ничего, а для дела не будет ли какого вреда?

— Убедительно всех прошу не сажать меня больше в клетку и не катать колесом, — вставил мэтр Силантий.

— И оградить от всяческих

кошек! — поддакнула Джоана.

Пафнутий сделал вид, будто ничего не слышал.

Хирон промолчал. Похоже, он ничего не имел против того, чтобы на нем ездили. Даже когда он не превращен в лошадь. А кошки ему не грозили.

Элвис тоже молчал. Видимо, то, что он думал, не годилось для произнесения вслух в приличном обществе.

— Кстати, — вклинился в разговор мэтр Вельмир, ибо Морриган уже нехорошо прищурилась в сторону Джоаны и вот-вот должна была сказать какую-нибудь гадость. —

Проблема хищников может стать насущной не только для коллеги Джоаны.

Морриган немедленно передумала высказываться, а Пафнутий озабоченно нахмурился. При всей своей любви к кошкам и потакании их охотничьим инстинктам он вряд ли согласился бы скормить своим любимицам легендарного героя.

— У меня есть одна идея, — продолжал между тем волшебник. — Как вы полагаете, мэтр Максимильяно, сможете ли вы перевезти в Даэн-Рисс не человека, а, скажем, крысу в кармане?

— Идея шикарная, надо проверить, — откликнулся папа. — Но так ли это нужно? Там ведь тоже полно кошек и прочих опасностей.

— Их полно везде, но там я по крайней мере смогу быть чем-то полезен.

— Лучше переберитесь в Хину и оттуда продолжайте работать на соседний мир, — посоветовал Элвис. — Это будет полезнее.

— Действительно, — поддержала его Морриган. — Если у нас ничего не получается, это же не значит, что мы должны все бросить! Ты хотел поискать ответа в малоизвестных нетрадиционных школах…

— Это можно сделать и без меня, — пожал плечами мэтр. — К тому же я не собираюсь задерживаться в Даэн-Риссе надолго. Сколько, по-вашему, простоит этот излучатель в Майольских погребах, если у нас все получится так, как рассчитывает Шеллар?

— А если не получится? — не унималась Морриган.

— А чтобы получилось, надо заранее начинать готовиться. Идея ясна, время есть. Кого пошлем договариваться со смотрителем?

— Этель пошлите, — вдруг в один голос произнесли Элвис и Пафнутий.

— Может, все-таки лучше я? — ухмыльнулся Казак. — Понятно, что она там всех уже достала, но не годится снаряжать на такое дело старенькую бабцю. Еще не доедет. Только мы так и не решили с Кастель Рокко.

— Поддерживаю. — Папа энергично затеребил косу. — Этель может не доехать. Мне некогда кататься еще и по Галланту. А Кастель Рокко надо пока оставить в покое и подумать, какую бы провокацию нам учинить в Эгине, чтобы любезные наши бело-голубые братья кинулись спасать свою машину оттуда, а не из Мистралии. Ибо,

насколько я вижу, способов забраться в лабиринт под дворцом никто не предлагает.

— Там я не был, — беззаботно пожал плечами Казак.

— Туда можно забраться только через обычные входы и пробираться только пешком, — объяснил Хирон. — Лабиринт был специально спроектирован так, чтобы в нем было затруднительно взять ориентиры. Лично у меня есть один ориентир — центр, но он нам ничем не поможет. Зато могу по памяти нарисовать точную карту.

— Нарисуйте, коллега, обязательно нарисуйте! — оживился

папа, как обычно, когда ему в голову приходила какая-нибудь особенно коварная мысль. — Причем так, чтобы видно было, что это от руки нарисовано. И за вашей подписью.

— Идеальный повод для провокации, — чуть улыбнулся Элвис, выражая одобрение. — Слухи о несметных сокровищах, хранящихся в дворцовом лабиринте, ходят до сих пор, и желающих туда наведаться при наличии карты найдется неограниченное количество. Следует только продумать, как вам отбиться от группы, не вызывая подозрений.

— О, тут нет ничего сложного. — Папа ухмыльнулся так

многообещающе, что Кантору заранее стало кого-то жаль. — Я разберусь сам. Только выделите мне пару тех замечательных колометов, которые начали производить лондрийские гномы по идее господина Жака. Можно не лучшие образцы, мне не для боя, для провокации.

— Выдать врагу новое секретное оружие? — возмутилась Морриган.

— Увы, оно уже не секретное, — вздохнул мэтр Вельмир. — Наш таинственный шпион о нем пронюхал. Можете действительно выдать экспериментальный образец, из тех, что себя не оправдали.

— Хорошо, — произнес Элвис.

Таким ледяным голосом, что, пожалуй, стоило бы пожалеть кого-то еще. Но как раз эту сволочь Кантору жалко не было.

Ольга проснулась в самом отвратительном настроении (если, конечно, можно назвать сном дрожание от холода на сдвинутых сундуках под храп тролля и землетрясительную возню маленького дракончика). Пролетав почти весь день над какими-то неопознаваемыми местами, драконы к полудню устали и начали искать место для посадки. Как назло, последние два «прокола пространства» неизменно проводили

путешественников в какие-то северные широты, вот и пришлось ночевать в такой холодрыге, что не помогли ни одеяла, ни теплый бок дракона, ни его же крыло, худо-бедно защитившее от ветра. Костер разводить не стали — во-первых, готовить на нем все равно нечего, а греться и о дракона можно, во-вторых, кое-кто огня боится, а в-третьих, неподалеку находилось какое-то человеческое поселение. Что за люди там живут и как они относятся к чужим — неизвестно, поэтому решили не привлекать внимания. Доели вчерашние пирожки и легли спать почти засветло.

Пако безмятежно дрых прямо на голой земле и, похоже, ничуть не мерз, хотя здесь было куда холоднее, чем в Мистралии месяц назад. Крошка-дракончик тяжело бубухал о землю всем своим младенческим весом, требуя маминого внимания и что-нибудь пожрать. Мама вяло шевелила крыльями и сонно рекомендовала учиться охотиться. Для начала на птичках и мышках.

Ольга попрыгала на месте, пытаясь хоть немного согреться и размять закоченевшие ноги. Нет, надо было все-таки спереть у Харганчика и плащ. Он бы здесь ой как пригодился. Душечка Пако сундуки собрать и

запереть догадался, а вот ключи от них на радостях забыл в прихожей, и теперь добыть что-нибудь теплое доведется не раньше, чем в замках поковыряется специалист. Если бы мэтр не подсунул под седло пару одеял, то и вовсе можно было бы околеть за одну такую ночку. И как додумался? Не иначе, магическое чутье подсказало…

Поскольку прыжки на месте не помогли, Ольга пробежалась вокруг спящих драконов и направилась в сторону ближайших кустиков, прихватив с собой пару листов из так кстати запасенной стопки черновиков. Листья на кустиках еще

не проклюнулись, и спрятаться среди них было сложновато, но с другой стороны — все равно и драконы, и Пако спят…

Осторожно ступая по выбеленной инеем прошлогодней траве, Ольга медленно продвигалась в глубь рощи. Чтобы не заблудиться, она чуть ли не на каждом шагу оглядывалась, проверяя, видны ли отсюда ее огромные спутники, и из-за этого больше смотрела назад, чем вперед. Потому и заметила опасность намного позже, чем можно разглядеть трех увешанных оружием рыжих мужиков, торчащих посреди голых ветвей орешника примерно с той же

целью, с которой туда направлялась и сама Ольга.

Мужики ее тоже заметили и даже невероятно оживились, но дожидаться более конкретных знаков внимания Ольга благоразумно не стала, а шустро развернулась и припустила напролом через редкие кустики, под крылышко к Хриссу. Даже если эти рыжие парни в шкурах и железе намеревались всего лишь воспеть ее в стихах, слушать их творчество все равно безопаснее из-под этого самого крылышка.

Варвары загомонили, засуетились, но им еще нужно было закончить свои дела и поправить

штаны, на чем они потеряли несколько бесценных секунд. Выбегающих из рощи преследователей Ольга встретила уже из-под крыла, попутно пробуждая его хозяина пинанием в бок и громким визгом. Хрисс недовольно заворочался, проворчал что-то ругательное и даже приподнял голову, чтобы взглянуть на источник переполоха. По Ольгиным расчетам, одного вида сердитой драконьей морды должно было оказаться достаточно для вразумления навязчивых мужчин, с какими бы целями они ни гонялись по лесу за незнакомыми женщинами. Но

любопытные варвары не испугались и не сбежали. Они остановились, переглядываясь с таким видом, будто на них снизошло благословение их варварских богов, а затем дружно рухнули на колени.

Ольга немедленно вспомнила благородных и не очень донов, отравлявших ей путешествие по Мистралии, и успела даже испугаться, что в этих местах аналогичный обычай еще и отягощен непременным ползанием на коленях и целованием подолов. Но рыжики опять обманули ее ожидания. Не получив понятного ответа на свои речи, они вновь переглянулись, двое старших

подтолкнули локтями молодого — дескать, давай, салага! Юноша, продолжая стоять на коленях, выпрямил спину и произнес на чудовищном английском, достойном лучших перлов второгодника Жеребцова:

— Мы искать и находить! Дева и драконы! Мудрая женщина! Она говорить! Ты идти с нами!

— Чего-о? — Ольга даже растерялась от такой наглости. Затем вспомнила, что ее не понимают, и объяснила, искренне радуясь, что ее английский не настолько безнадежен:

— Я с вами не иду! Никуда!

Как бы специально для того,

чтобы ребята не додумались настаивать, из-за сундуков поднялся Пако, а Хрисс недвусмысленно оскалился.

Отважные варвары не дрогнули. С минуту они что-то яростно обсуждали, так и не вставая с колен, потом два старших куда-то убежали — видать, за подмогой, — а юный полиглот подполз на пару шагов ближе, умоляюще произнес:

— Ждать! Пожалуйста! Не улетать! Мудрая женщина!

Ольга искренне надеялась, что последнее относилось не к ней, хотя среди таких вот обалдуев и она могла бы сойти за мудрую.

— Встань, — вздохнула она, подозревая, что в противном случае юноша простоит на коленях до возвращения подельников. — Иди сюда. Садись здесь. Как тебя зовут?

— Ну конечно, это должны были быть именно Торвальд, Харальд и Свенельд! Три лоботряса, которые гребли тюками силу, когда прочим воинам боги раздавали ум! Несчастье отца своего и позор своей бабушки! Ну почему, почему именно они?!

— Но мы же нашли!!! — возмущенно воскликнули братья, ожидавшие совсем другого приема и весьма обиженные такой реакцией

вождя. — Мы нашли новую хранительницу, точно как говорила бабушка — белокурая дева с двумя драконами! Только она не хочет с нами идти… А про это бабушка ничего не говорила!

— Хвала богам, что не допустили этого! — вскричал вождь, потрясая церемониальной секирой. — Если бы хранительница выбрала в стражи кого-то из вас, это был бы…

Мудрой женщине, по совместительству бабушке незадачливых братьев, надоели крики и шум, и три звонких удара посохом по шлемам — бум! бум! бум! — прекратили бесполезную перебранку.

Ошалевший вождь, не в силах поверить, что это произошло с ним, недоверчиво воззрился сначала на братьев, потом на шаманку и угрожающе прошипел:

— Хильдур, ты что, последних мозгов лишилась?

— Ох, прости, вождь. — Старуха взмахнула посохом, чуть не задев вождя повторно. — Я привыкла, что их трое, вот и бью всегда трижды. Руки помнят, понимаешь… Где Свенельд?

— Сторожит!

— Хоть на это ума хватило, и то радость, — проворчала мудрая Хильдур и нахлобучила на голову

шапку. — Вечно вы слушаете мои слова через одно и сбегаете, не дослушав! С чего вы взяли, что это новая хранительница? Ну вождь понятно, он просто спал, а вы? Рванули поскорее на поиски в надежде опередить других воинов?

Братья промолчали, так как это была чистая правда. Более того, выигранные несколько минут времени ничем не помогли торопыгам — на околице им встретилась хохотушка Герда, дочь Бьярни-скальда. Как было не остановиться и не поболтать! А пока болтали, все прочие воины давно дослушали и разбежались на поиски. Только вот непонятно — если

белокурая дева не хранительница, зачем бабушка вообще про нее рассказывала?

— Ведите, оболтусы! — скомандовала старуха и, тяжело опираясь на посох, двинулась к выходу.

Хранительница умерла ночью — как заверяли охранники, без единого звука и без всякой видимой причины. Легла спать и больше не проснулась.

Особого доверия к их словам уважаемое начальство не испытывало, но умиротворенное выражение лица покойной безмолвно подтверждало: если причина и была, то не сегодня.

В раскосых глазах брата Чаня читалась такая знакомая безнадежность, что Шеллар невольно ожидал: с минуты на минуту глава департамента заведет разговор о ритуальных ножах.

— Что теперь делать? — безучастным голосом вопросил брат Чань, продолжая созерцать очередной провал в работе.

— Ничего уже не сделаешь, — виновато пожал плечами советник, словно это самое делание было его священным долгом, который он не мог выполнить. — Даже если вы найдете виновного, этим ее не воскресить. А вы его вряд ли найдете.

— Не буду я ничего искать. Велю просто повесить каждого десятого в назидание, и дело с концом. Меня другое волнует. Как доложить об этом господину наместнику.

— О-о… — Шеллар понимающе кивнул. — Боюсь, еще одного такого несчастья господин наместник не перенесет. Во всяком случае, я не взял бы на себя смелость докладывать о подобном. Руководствуясь личным опытом…

Советник не договорил, но проницательный хин и так прекрасно помнил, как один неосмотрительный господин уже попытался честно доложить о подобном инциденте и

чем это для него обернулось.

— С другой стороны, — продолжал рассуждать Шеллар, — мы можем с таким же успехом возложить сию опасную миссию на кандидатов в повешенные. Пообещав помилование выжившим.

Брат Чань горько вздохнул. Не то чтобы он сомневался в возможности упомянутой авантюры, просто, на его взгляд, от начальственного гнева это вряд ли спасло бы. Ну, пришибет господин наместник пару докладчиков, отойдет, остынет… И что — после этого даже не вспомнит об ответственном лице, которое не уследило, не исполнило и даже

доложить не удосужилось?

— С третьей стороны… — Поистине брата Шеллара иногда невозможно заткнуть! — Господин наместник завтра-послезавтра отправится на поиски Повелителя, а до того момента будет столь сильно занят, что беспокоить его лишними новостями несколько неуместно. Как вы полагаете?

Брат Чань оглянулся на охранников, стоявших здесь же в ожидании распоряжений. Лица нежелательных свидетелей были бледны и деревянны. Все рассуждения о «каждом десятом» они прекрасно слышали и теперь только ждали

высочайшего решения: повесят или отправят к наместнику с докладом.

Шеллар поймал его взгляд и прокомментировал:

— Полагаю, они будут молчать, ибо это в их интересах. Наместник, знаете ли, может и не ограничиться каждым десятым. А так нам, возможно, удастся обойтись без репрессий.

Он тоже оглянулся на слушателей, отметив некое понимание в их перепуганных глазах, и продолжил:

— Пойдемте отсюда, брат Чань. Дальнейшая часть нашей беседы будет конфиденциальна.

— А мой заместитель, полагаете, удержится? — с сомнением поинтересовался глава департамента, когда они покинули тюремный этаж.

— А он у вас рисковый парень? — тут же уточнил советник. Брат Чань поразмыслил и утешился выводом, что, пожалуй, нет.

— Насчет «обойтись без репрессий» — это вы всерьез или для усыпления бдительности? — поинтересовался он, когда господа заговорщики уединились в его кабинете. — Ибо я не намерен оставлять подобное неповиновение безнаказанным. Если господин наместник приказал пленницу не

трогать, он явно знал, что говорил. И тот тупой скот, который посмел ослушаться приказа ради собственной низменной прихоти, должен быть наказан так, чтобы прочим неповадно было.

— Если вы его найдете, то в воспитательных целях было бы неплохо, — согласился советник. — Это я и имел в виду, говоря «возможно». Так как есть вероятность, что упомянутого вами «скота» не существует вовсе. Видите ли, брат Чань… Вы, кстати, осведомлены об обстоятельствах, побудивших господина наместника отдать столь категоричный приказ?

— Частично. Вернее, он мне ничего не объяснял, но я где-то слышал, что хранительницами жезла всегда были нимфы, и сделал выводы.

— Вы сделали верные выводы, коллега. — Шеллар чуть усмехнулся и принялся набивать трубку. — Однако вы… распространили их далее, чем следовало. Насилие губительно для магических способностей нимфы, но не для жизни и здоровья. Господин наместник запретил к ней прикасаться именно потому, что Повелителю нужна Сила этой женщины, а не ее прелести, и Силу эту надлежало сохранить. Не знаю, насколько вняли предупреждению

ваши подчиненные, но независимо от того, насиловали эту женщину или нет, умерла она не от этого.

Мастер Чань устало опустился в кресло и с обреченным вздохом вопросил:

— От чего тогда?

— Вот тут и кроется истинная причина, по которой господину наместнику не следует пока ничего объяснять, ибо этого он точно не перенесет. Хранительница умерла от того, что он убил стража. И если ему об этом сказать… Господин наместник очень тяжело переживает собственные ошибки. К тому же ему предстоит доложить Повелителю обо

всем, что здесь произошло, и, на мой взгляд, чем меньше неприятного он доложит, тем лучше будет для него.

— Стоп. Еще раз. Объясните. Какую связь между этими двумя смертями вы усмотрели?

— Вы, видимо, не интересовались вопросом. — Брат Шеллар сочувственно покачал головой и выпустил очередной клуб дыма. — А я расспрашивал господина наместника и даже порылся в литературе из чистого любопытства. Они всегда пара — страж и хранительница. Созревшая нимфа и ее избранник. А зрелая нимфа живет, пока жива ее любовь. Поэтому их так

мало на свете.

— Он что, не знал? — Возглас главы департамента прозвучал откровенно горестно — наверное, вырвался из самой души.

— Мог и не знать, — пожал плечами советник.

— Хорошо, мы скроем от наместника смерть хранительницы, он ничего не скажет Повелителю, а потом? Не будем же мы скрывать это вечно? Все равно придется доложить, не сейчас, так потом.

— Придется. Но мы получим некоторое время на исправление ошибки. Думаю, если вместо умершей хранительницы наместник получит

другую нимфу, он не очень расстроится. А Повелителю так и вовсе безразлично.

— У вас есть конкретная кандидатура? — оживился хин.

Советник с сожалением развел руками.

— Нет, увы. Придется побегать и поискать. Впрочем… Азиль я отправил в Лондру вместе с Элмаром. Если у вас есть возможность ее оттуда достать… Если ваш достойный всех похвал агент сможет найти способ к ней подобраться… Тогда есть вполне реальный шанс. Созреть она должна в ближайшие несколько лун, но, думаю, это не так уж критично. Главное — не

повторить ошибку наместника.

— То есть? — Глава департамента заинтересованно приподнял брови.

— Не пришибите ненароком моего кузена, если он вдруг явится спасать свою возлюбленную. Иначе опять дело кончится мертвой нимфой и проблемой, как об этом доложить.

«Мудрая женщина» выглядела, как и положено даме ее статуса: почтенный возраст, четыре седые косы, свисающие из-под меховой шапки, ожерелье из каких-то черепушечек (судя по размеру, хомячковых), солидный посох с

бубенчиками…

И изъяснялась она намного пристойнее, чем юный герой, успевший Ольге надоесть своими косноязычными воззваниями и навязчивой саморекламой. Бабушка внятно и доступно объяснила, зачем «деву с драконами» искали, что от нее хотят и почему три рыжика вели себя так по-дурацки. Им она, похоже, тоже все объяснила, потому что выглядели грозные воины, мягко говоря, уныло. Особенно младшенький, который уже успел расписать «деве» свои немыслимые достоинства и чуть ли не посвататься по всем правилам.

Как Ольга и заподозрила, едва

увидев трех рыжих одновременно, она находилась на Ледяных островах. Тех самых, откуда господин наместник не так давно уволок злополучный жезл и его хранительницу (причем о последней он дипломатично умолчал, дабы не нарываться на проповеди). К тому же уволок напрасно — если верить мистическим способностям бабушки Хильдур, хранительница все равно умерла. В результате бедные варвары лишились своего священного артефакта, который обеспечивал им относительно успешное земледелие в этих холодных широтах (насколько смогла понять Ольга, ускорял рост и созревание, благодаря чему урожай

успевал вызреть за короткое северное лето). Кроме того, погибли хранительница и страж (о том, что бедняга не пережил поединка, Харган тоже умолчал, вот зараза стеснительная!). И если с новым стражем никаких проблем не было — им мог стать любой, кого выберет хранительница, — то с новой хранительницей…

Чтобы адекватно управляться с жезлом Весенней Зелени, требовалась не кто попало, а созревшая нимфа. Обычно за какое-то время до своей кончины хранительница объявляла, что пора искать замену, и замена очень быстро находилась. Воины всех

племен немедленно начинали прочесывать местность и где-нибудь в ближайшем леске или посреди дороги встречали странную девочку, на вид лет десяти, но без всяких воспоминаний о прошедшей жизни, словно она только что родилась. Несколько лет она росла, училась, присматривала себе пару, а когда приходил срок — скоропостижно созревала, и к алтарю уходили новая хранительница и новый страж. Если же случалось такое, как в этот раз, — население Ледяных островов ожидали годы сплошных неурожаев. Само по себе это не смертельно, не одним земледелием живут островитяне, но

очень и очень неприятно. Стоит лишь вспомнить, как триста лет назад Йормунд Золотой Рог разграбил несколько лондрийских городов только потому, что его беременной жене захотелось яблок…

Ольге опять навязчиво вспомнился гостеприимный демон. Этот тоже запросто что-нибудь сожжет и разграбит из-за какой-нибудь мелочи. А уж что может сотворить, если его угораздит влюбиться по-настоящему…

— А я-то тут при чем? — наконец решилась спросить она, так как подробному рассказу мудрой женщины конца-края было не видать,

а Ольга уже давным-давно замерзла и торопилась поскорее улететь отсюда куда-нибудь, где тепло и на кустиках листья есть. — Я ведь никак не могу быть новой хранительницей — я человек, у меня есть муж, и все прочее не сходится.

— Конечно, нет. — Бабушка сердито покосилась на непутевых искателей. — Новую хранительницу найдут где-нибудь, как обычно, если уже не нашли. Эти оболтусы вечно что-то не дослушают или перепутают хранительницу с вестницей. Тебя совсем не за тем искали. Ты видела пропавший жезл и знаешь, где он и кто его взял.

Ольга не стала отпираться. Чужое брать в самом деле нехорошо, и если рыжики хотят свою полезную реликвию вернуть — это их право. Другой вопрос, как они собираются это сделать. Ведь попрут сдуру с топорами под пули, и будет хуже, чем с эгинской армией…

На всякий случай она объяснила все, что знала, начиная с легенды о Скарроне и заканчивая описанием пулеметной тачанки, особо отметив исчезновение магии и неуязвимость вампиров.

Бабушка слушала внимательно и серьезно, и видно было, что она все понимает — в отличие от молодцов,

заранее потрясающих топорами.

— Думать будем, — сказала она, выслушав все до конца. — Соберутся вожди, соберутся мудрые женщины всех племен, все думать будем. Тяжело, опасно, очень далеко, но надо.

— Удачи вам, — искренне пожелала Ольга. Шаманка кивнула и раскрыла рот, чтобы поблагодарить, как вдруг где-то далеко, на другом краю леса, взревели торжествующе боевые рога и в небо взвился столб белого дыма.

Братья-неудачники горестно взвыли и принялись яростно что-то выяснять между собой.

— Нашли, — поведала мудрая Хильдур в ответ на недоуменный взгляд Ольги. — На нашем острове, наши воины нашли. А эти олухи все прозевали и теперь виноватого ищут.

Она приблизилась к увлеченным разборкой внукам и привычным, видать, с прошлого поколения отработанным движением трижды взмахнула посохом.

— Бумм! Бумм! Бумм! — гулко отозвались шлемы.

Глава 2

Едва Пух увидел Походные Сапоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и, смахнув лапкой остатки меда с мордочки, подтянулся, как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

А. Милн

— Это был совершенно безумный день, — пояснил Шеллар, предугадывая очередное замечание

Кантора касательно содержания своего сна. — Наместник назначал нового главу ордена, передавал дела и раздавал инструкции. Можешь представить, что там творилось и почему мне эти рожи теперь снятся.

Мужики в бело-голубых рясах продолжали свои разборки, мигом вписав в них новое лицо, — теперь они хором доказывали непонятно кому, что появление Кантора есть прямое доказательство измены брата Шеллара и сговорившегося с ним глубоко неуважаемого конкурента (имя подставить).

Можно было куда-нибудь уйти, но эти… гм… неприятные люди

Кантора раздражали, и он предпочел удалить их. Заодно проверить, кто же был прав тогда, он или Карлос, когда они рассуждали о странной уступчивости министра изящных искусств. Опять же тронный зал ортанского королевского дворца ему нравился, а базарная склока святых отцов все портила и нарушала гармонию.

Непочтительно спихнув с трона унылого господина наместника, которого тоже удручало непотребное поведение подданных, Кантор во всю мощь своего голоса рявкнул:

— Все вон отсюда!

Скорей всего, они с Карлосом

тогда оба ошибались. Никакие обстоятельства реальной жизни не имеют отношения к поведению персонажей сна. И загадочная «высшая магия бардов» есть не более чем плод воображения маэстро. Все проще. Обычная магия сновидца, ничего более. Это она дает власть над картинками и куклами, составляющими ткань сна.

— Кантор, ну у тебя и голос, — недовольно отозвался сзади Шеллар. — Я сам чуть не пошел вместе с ними.

— Это в вас стадный инстинкт сработал, — злорадно заметил мистралиец. — На хозяина сна мои

способности действовать не должны.

— Они и не подействовали, — не остался в долгу король, усаживаясь на свое законное место, которое так кстати освободилось, и указывая собеседнику на соседнее. — Я ведь здесь. Да садись, это всего лишь кресло и всего лишь сон. Не станешь же ты женщиной только от того, что немного на нем посидишь. Как там Ольга? Добралась?

Кантор огорченно махнул рукой и все же присел, стараясь скрыть раздражение. Кому приятно, когда ему высказывают в лицо простыми словами его собственные мысли, причем настолько потаенные, что он

их сам не решается облечь в словесную форму.

— Ольга глупость сделала. Улетела с Ледяных островов. Она там и местных встретила, и пообщалась с ними весьма дружелюбно, вполне могла бы напроситься переночевать на день-два, а тем временем папа снарядил бы за ней мэтрессу Морриган.

— Боюсь, мэтресса не осилила бы телепортацию драконов, — заметил Шеллар.

— Да и не надо. Пусть бы драконы с троллем летали себе дальше, но беременную женщину можно было и высадить. Даже нужно,

при первой же возможности. А она полетела дальше. Даже еды никакой не додумалась попросить у добрых варваров и воды набрать. Сегодня они ночуют где-то в пустыне. Я за нее боюсь.

— Я больше боюсь за всех остальных, — грустно прокомментировал король. — Из-за этого проклятого перемещения, чтоб нашему мудрому брату Чаню с его идеями…

— Да не переживайте так, — утешил его Кантор, — с погребами уже работают, долго он там не простоит. А наши мэтры как-нибудь перебьются.

— Я очень надеюсь. Но вы не подумали еще об одной вероятности. Вернее, полагаю, Элвис и мэтр Максимильяно подумали, но не стали оглашать этого публично. Возможно, понял и Пафнутий, но ты ж его знаешь. Скорей всего, они еще обмозгуют этот вопрос со всех сторон и обсудят в очень узком кругу. Но решить его эффективно вряд ли смогут.

— Вы о чем? — с подозрением уточнил Кантор, опасаясь, что сейчас ему так и не скажут ничего конкретного, мотивируя это особой секретностью.

— Когда Поморье и Лондра

останутся беззащитны, руководством ордена может овладеть искушение напасть. Пусть не захватить, но хотя бы высадить десант, учинить резню, создать хаос и удалиться. У Харгана есть ориентиры на территории дворца в Белокамне. И в Лондре он был, пусть и не во дворце, но в столице точно. Может, мое предупреждение и лишнее, но все же напомни им, чтобы были к этому готовы. Никто не может гарантировать, что наместник не делился ориентирами с магами ордена. А у них как раз освободилась дюжина вампиров. Скорей всего, их раскидают по остальным точкам, но для рейда могут и снять с излучателей

половину охраны.

Нетерпеливое ожидание встречи вдруг резко сменилось на нечто противоположное — Кантору мгновенно расхотелось видеть Ольгу рядом с собой в таком опасном Белокамне. Пусть лучше ночует в своей пустыне, там ее точно никакие вампиры не достанут.

— А куда ж Ольге приткнуться в таком случае? — спросил он, поняв, что вечно порхать по незнакомым местам драконы не будут и рано или поздно Ольга все же заметит что-нибудь узнаваемое. Папа ведь дал ей с собой карту.

— Те же Ледяные острова, к

примеру. Хина. Любое провинциальное местечко в Поморье или Лондре. Таккат.

— Я понял, — кивнул Кантор. — Завтра Ольгу предупрежу.

В конце концов, ее ведь можно сразу же перевезти из столицы куда-нибудь в тихое неприметное местечко… Поморье и Лондра — не Мистралия, там блондинка в глаза бросаться не будет…

— Что решили по двум излучателям? — продолжил Шеллар, с обычной своей скоростью перехода от одной темы к другой.

— Ориентиры Кастель Рокко Примо знает Казак. Он даже готов

туда наведаться в качестве смертника, если возникнет срочная необходимость или когда этот прибор останется последним. До тех пор он будет полезнее живым. Так все решили. В лабиринт не пробраться иначе как пешком через тайные входы. Поэтому сегодня ночью папа собирается организовать небольшую провокацию — неудачный налет на лабиринт.

— Хочет спровоцировать на перемещение именно того излучателя, до которого нельзя добраться? — понимающе усмехнулся Шеллар. — Прекрасная мысль. Постараюсь организовать подобающую панику.

Какие-либо идеи касательно остальных двух?

— У папы идей полно, но со мной он не делился, — начал Кантор, и вдруг весь тронный зал начал расплываться и рушиться под громогласный вопль откуда-то из поднебесья:

— Господин советник! Проснитесь! Опять беда!

Бормоча на ходу проклятья, Кантор бросился прочь из разваливающегося на глазах сна. Ничего особенного ему не грозило — если спящего резко разбудить во время контакта, то сновидец всего лишь проснется тоже, — но Кантор

хотел еще в пару снов наведаться. А если так вот проснуться под утро, то можно потом и не уснуть вовсе.

Одно приятно — у этих гадов там какая-то беда. Даже если это всего лишь папина провокация сработала, все равно приятно.

Искать по снам дядюшку Дэна было по меньшей мере неразумно — сей почтенный мэтр мог сейчас находиться где угодно, только не в собственном сне. Поэтому Кантор решил навестить юную кузину без посредников. В конце концов, они лично знакомы и довольно много общались, к тому же кровные родственники…

Юная кузина, вернее нижняя ее половина, обнаружилась в незнакомом интерьере — комната, уставленная кроватями и тумбочками (по четыре и тех и других). Больше всего это напоминало номер в пристойном отеле, но мало ли что это было на самом деле, Кантор еще не настолько изучил соседний мир, чтобы определить точно…

Из-под одной из кроватей и торчала упомянутая половина кузины. Вторая ее половина, неразборчиво ругаясь, энергично шуршала в подкроватном пространстве, словно что-то ловила (Кантор не смог представить себе, что еще можно

делать под кроватью с такой скоростью).

Мимо ноги прошмыгнуло что-то белое, похожее на крысу. Кажется, он не ошибся — малышка и в самом деле ловила этого зверька.

— Саша! — позвал Кантор. — Оставь животное в покое и вылезай из-под кровати, дело есть.

Кузина шустро вывинтилась из своих охотничьих угодий и расстроенно пояснила:

— Подожди, мне надо крыс переловить! Мы с Аленкой приехали на конференцию по биоэлектронике, и у нас все подопытные крысы разбежались! Это я виновата, дверцу

как следует не закрыла!

— Саша, — терпеливо пояснил Кантор, которому эта искренняя паника до боли напоминала Ольгины душераздирающие сны о несданном зачете, — это сон. Никуда вы не поехали, никто не разбежался, и, насколько мне известно, никаких научных экспериментов с животными ты вообще не делала.

— Тьфу ты! — Похоже, о семейных способах контроля сновидений кузина была осведомлена и дополнительных объяснений ей не требовалось. Она одернула задравшуюся кофточку и чинно уселась на ближайшую кровать. —

Опять эта зараза приснилась!

Высунувшаяся из-за ножки шкафа любопытная мордочка пошевелила усами и медленно растаяла в воздухе.

— Тебе часто снятся крысы? — уточнил Кантор. — Ты их не любишь или наоборот? И что это значит, ты не спрашивала у старших магов?

— Да нет. — Саша досадливо передернула худенькими плечиками. — Дело не в крысах, а в ситуации. Я давно знаю, к чему это и зачем, но управлять снами у меня пока не получается. Ты меня навестить пришел? Если честно, я думала, ты позвонишь или в реале заглянешь.

— Звонить мне нечем, а живьем в ваших краях лучше не мелькать. Как там продвигается расследование? Настин шустрый сокурсник не заглядывал, не проверял?

— Висит пока, — охотно отозвалась девочка. — Когда по городу начали трясти багларцев, они спешно стали разбегаться кто куда, опасаясь, что реального виновника не найдут и повесят все трупы на первого попавшегося.

— А стражи порядка решили — бежит, значит, виновен, — понимающе кивнул Кантор. — Не хотелось бы, чтоб пострадал кто-то невиновный.

— Да не бойся, никто не станет шить суххяну дело, на которое только потомственный и хорошо обученный ыххын способен. А если и выцепят где-то ыххына-нелегала, то не все ли равно, за что он будет сидеть? Такие невиновными не бывают. Работать им нельзя, даже просто красть не позволено. Только вооруженный грабеж и всякие боевые подвиги на службе большому криминалу. А ты там как? Толик вроде обмолвился, ты на Каппе был?

В голоске юной кузины появилось знакомое любопытство ребенка, жаждущего приключений. Не это ли вызвало у его сопливого

высочества такой интерес к недорослой деве? Не делает ли товарищ Кантор фантастическую глупость, согласившись устроить их свидание, и не натворят бед ли эти малолетние авантюристы, если сговорятся и объединят усилия?

— Ничего там нет хорошего, — недовольно отозвался он. — Грязь, нищета, заразные болезни и мерзкие насекомые.

— А правда, что Жак тоже с тобой был?

— Вот он бы тебе как раз и поведал подробнее про сизую лихорадку и заразных блох, — проворчал Кантор. — И еще про то,

какие части тела надо поотрывать писателям, которые сочиняют сериалы о приключениях на Каппе. А также кому сих сочинителей скормить и чем заразить. Впервые замечаю за Жаком подобную кровожадность, обычно он относится к человеческим слабостям более гуманно… Впрочем, возможно, тебе выпадет случай увидеться с ним лично, вот и расспросишь.

«И о том, что у него есть невеста, а тебе ничего не светит, пусть тоже скажет сам», — мысленно закончил Кантор.

Ничего не подозревающее дитя безумно обрадовалось.

— Правда? И кому из вас удалось уговорить Толика? И как? У меня так ничего и не получилось…

— Вот что, — не выдержал Кантор, — давай внесем ясность. Толика никто не уговаривал, и он тут ни при чем. Жак о свиданиях никого не просил. С тобой хотел увидеться Мафей. Мальчишка-эльф, который приходил за мной. У него к тебе какое-то дело, насколько я понял, из области магических наук, а не то, что подумали бы на твоем месте придворные дамы. Если у тебя получится попутно раскрутить его на небольшое путешествие, он, может быть, и согласится сводить тебя в

гости к Жаку. Но очень тайно и без Насти.

— Почему? — Малышка обиделась. Как же так, лучшую подругу бросить заставляют!

— Потому что Настя и тайна — несовместимые понятия. Нельзя доверять тайны подруге, которая их выложит любому, кто даст себе труд угрожающе на нее посмотреть. Тем более такие тайны, которые чреваты межмировыми скандалами. Мафей к вам попал нелегально, и попасться он там не должен. Поэтому назови время, когда ты сможешь подойти в дяди Витину квартиру, и ни слова о этом Насте. Зато папу, напротив,

предупреди.

Сашина мордашка мгновенно затвердела до полного сходства с господином Флавиусом, что означало — кузиночка очень обиделась и советам последует ровно настолько, насколько сама оценит их разумность.

— Послезавтра, — сказала она, поджав губки. — Вечером, часиков в пять. У нас хоть время-то совпадает, или мне придется ждать неизвестно сколько?

— Мне откуда знать? — пожал плечами Кантор. — Спроси у папы.

Похоже, этим советом он окончательно уронил себя в ее глазах, открыто перейдя на сторону

противника — этих занудных, вечно поучающих и все на свете запрещающих взрослых.

— Итак, что мы здесь наблюдаем? — с обычной своей невозмутимостью изрек Шеллар, преспокойно пуская кольца дыма, словно ничего не произошло. — Мы наблюдаем очередное подтверждение старинной пословицы о ворах-магах. Диверсия, которую готовил и осуществлял мэтр Максимильяно, увенчалась успехом. Аналогичная акция со стороны почтенного Хирона во всей красе показала нам, что значит планировать подобные вещи

без участия толкового вора.

Харган раздраженно зыркнул на советника, но промолчал. Сегодня он собирался отправляться, и вдруг непредвиденная задержка. Придется ведь самому этих диверсантов поднимать и допрашивать — это еще если они встанут…

Промолчал и брат Павсаний, задумавшийся над вечным вопросом — а не кроется ли здесь какой-нибудь очень тонкий намек, оскорбительный для его персоны?

Глава эгинской контрразведки брат Константин еще раз оглядел ровный рядочек покойников и повертел в руках экспериментальный

коломет.

— Это лондрийское изобретение, — сообщил он. — Полагаете, Элвис в разработке плана не участвовал?

— Полагаю, нет, — не изменил своего мнения Шеллар. — Иначе мы бы узнали об этом от агентуры нашего брата Чаня. Скорее всего, они просто одолжили у Элвиса этот нескладный прибор, чтобы испытать в боевых условиях. План же разрабатывали самостоятельно. Более того, я не удивлюсь, если это окажется и вовсе не полноценная операция по уничтожению, а пробная вылазка, небольшая разведка боем, целью

которой было всего лишь уточнить, а здесь ли находится искомый предмет. Смею напомнить, наши противники все еще не знают о местоположении всех излучателей и активно стремятся это выяснить. Недавно отыскавшийся придворный маг Эгины лучше нас всех знает этот город, не говоря уж о дворце. Неудивительно, что он первым делом подумал о знаменитом лабиринте, — самое подходящее место. Еще узнать бы, как они собирались получить результаты проверки…

— Ну что ж… — Наместник мрачно пожал плечами. И крыльями заодно. — Зовите солдат, зовите

телепортиста, пусть перевезут материал в мою лабораторию в Ортане.

— А нам покажите пока место преступления, — втиснулся Шеллар. — Начиная от входа, через который они пробрались внутрь, и до того места, где их встретили вампиры. Кстати, личности этих господ устанавливать не будем? Полагаю, они сами скажут?

— Если встанут, — раздраженно рыкнул Харган. — Потом разберемся. Ты, если хочешь полазить по пещерам, отправляйся. Брат Константин тебя проводит или выделит в провожатые кого-нибудь из

вампиров. А я возвращаюсь домой, мне надо подготовить лабораторию.

На самом деле никаких особых подготовительных работ для предстоящей короткой беседы с нестабильной нежитью не требовалось. Ну, может, минут на пять тех приготовлений — флаконы расставить, — а в остальном лаборатория и так пребывала в постоянной готовности. Нет, истинная причина была совсем иная. Харган, который и прежде не имел особой склонности к самообману, а под влиянием советника окончательно отучился подыскивать своим поступкам утешительные

объяснения, подумал и честно признался сам себе: он просто не хочет никого видеть.

Все было плохо, отвратительно, хуже некуда. Большие беды и мелкие неприятности навалились на правую руку Повелителя огромной кучей, и теперь он задыхался под ней, как если бы эта куча была материальной. Все шло не так, как планировалось, предполагалось и должно было идти. Частично вина за все неурядицы лежала на врагах ордена — глупо было бы предполагать, что завоеватели не встретят вовсе никакого сопротивления, и неловко и неприятно было вспоминать

наместнику, как совсем недавно он эти глупые мысли разделял со своими солдатами — прямо скажем, не великого ума людьми. Но немалую долю справедливо было бы возложить и на соратничков, уж и послала судьба героев-подвижников, видел бы Повелитель… И ведь куда ни плюнь, а по всему выходит, что прав-таки зануда Шеллар, когда критикует братьев, отзывается о них пренебрежительно и даже брезгливо поджимает губы при одном упоминании о некоторых экземплярах. И сто раз был прав покойный мастер Ступеней: пришедшие на путь служения

добровольно сохранили все свои пороки. А уж после того, что вчера устроили на обсуждении кандидатуры верховного иерарха, даже не возникает сомнений, зачем они вообще на этот самый путь пришли. Высшие силы, ведает ли Повелитель, какие шкурные, мелочные и жадные до власти мерзавцы сбежались под его длань? Пусть даже разбежаться и предать они уже не смогут, видеть их каждый день и выслушивать их речи… Как только Повелитель ухитрялся общаться с подобными личностями и сохранить ясность рассудка?

Харган раздраженно прошелся

вокруг стола и без надобности переставил с места на место несколько флаконов. Один, приземистый и пузатый, до отвращения напоминал брата Павсания; другой, высокий и узкогорлый, — тощего брата Хольса, а еще один, безлично-прямоугольный, но с яркой вычурной пробкой, — нового первосвященника брата Аркадиуса, с трудом и грандиозным скандалом выбранного из десяти кандидатов. Подумать только — из-за этих сварливых жлобов, неспособных даже власть между собой поделить по-хорошему, он должен терять бесценное время сейчас, когда

Повелителю требуется его помощь, когда в Первом Оазисе наверняка творится непотребный бардак — уж ему ли не знать этих «верных сподвижников»… Нимшаст небось забросил все дела и с плачем и причитаниями ищет свой филактерий, благо ему теперь никто не мешает. Кайден и его соплеменники в лучшем случае просто дезертировали, а в худшем — договариваются о разделе совместно нажитого с прочими стервятниками, чтобы, уходя, еще и прихватить с собой как можно больше. Танхер, поди, продает направо и налево все, до чего может дотянуться. Вампиры

беспредельничают, а бандиты могли запросто разбежаться и опять податься на вольные хлеба. Остается только надеяться, что покоренные оазисы еще не взбунтовались и Конфедерация слишком слаба, чтобы нанести ответный удар. Иначе все старейшины-перебежчики немедленно осознают былые ошибки и поторопятся искупить прежнее предательство новым.

Ну почему, почему под крыло к Повелителю сбегается всяческое отребье, как справедливо именует этот сорт людей брат Шеллар? Почему честные, смелые, умные люди не приходят служить добровольно,

проникшись величием учителя и желая сделать жизнь лучше и правильнее? Почему таких людей надо обязательно сначала обмануть, потом сломать, а потом еще спорить с ними, доказывая, что брат Джареф и ему подобные тоже нужны для дела?

От этих мрачных мыслей наместника отвлекли явившиеся с грузом подданные: сначала из телепорта вывалились четыре трупа, а за ними возник и сам телепортист — проверить, все ли доставлено успешно. Харган зачем-то выругал его и велел убираться с глаз, хотя, если подумать, бедняга все сделал правильно и, кроме того, пригодился

бы как ассистент. Впрочем, работать без ассистента наместнику было не впервой, а видеть он и в самом деле никого не желал.

Осмотрев материал и отпихнув ногой в сторону одно тело сомнительной пригодности с сильно разорванным горлом, демон без особого труда поднял и бросил на стол другое, поцелее.

Вопреки опасениям, выпитый наемник исправно встал, но ничего полезного от него добиться не удалось. Как и от двух его подельников. Харган тщательно допросил всех троих, но покойники в показаниях не путались и друг другу

не противоречили. С одним, правда, пришлось повозиться — видно, впечатлительный оказался, поминутно стенал о том, что их обманули и подставили, чем здорово наместника раздражал. Выловить из этого нытья полезную информацию стоило получаса потерянного времени, и, как оказалось, без этого можно было обойтись — страдалец только подтвердил слова товарищей.

Их нанял какой-то старикашка, сильно похожий на мага, хотя и рядился в стрелка. Контракт был стандартный: он им карту лабиринта — настоящую, с личным автографом придворного мага, — они же, в свою

очередь, должны разбить сооружение, стоящее в центре, и принести содержащийся внутри кристалл. Сокровищами могут распоряжаться на свое усмотрение. Ну, тот простой факт, что придурков обманули и подставили, Харган понял и без их назойливых стонов — лабиринт обыскали еще в первые дни весны под его личным руководством и никаких сокровищ там не нашли. Причем обманули с умом — сумей они и в самом деле добраться до центра и обнаружить отсутствие награды, они бы все равно выполнили задание. Не ушли бы прочь с руганью и угрозами, а все-таки разбили бы прибор и

унесли кристалл, надеясь за него поторговаться. Хотя… неужели эгинский придворный маг и его подручные в самом деле рассчитывали, что четыре обычных бандита с одним примитивным орудием одолеют дюжину вампиров и прорвутся к цели? Или и впрямь только прощупать хотели — точно ли здесь? Потому и не послали своих, наняли первых попавшихся преступников, расходный материал. Или все же прав брат Константин и это провокация?

Над этим вопросом он и ломал себе голову до возвращения Шеллара. А едва лишь советник, вдоволь

налазившийся по подземельям и собравший на свою персону всю имевшуюся там грязь и паутину, возник в облачке телепорта, необходимость ломать голову была тут же переложена на него.

— Нашел что-нибудь? — поинтересовался Харган, наблюдая, как Шеллар аккуратно отряхивается и добывает из кармана гребешок.

— К сожалению, ничего такого, что могло бы дать пищу для дальнейших умозаключений, — признался советник. — Мы прошли до самого выхода. Снаружи обнаружили следы пятого человека — видимо, заказчик показал наемникам вход — и

даже немного прошлись по этим следам, но на мощеной дороге они оборвались. Единственное, что могу сказать, — заказчик не стал ждать у входа, а сразу же ушел. Либо они договорились встретиться где-то еще, либо он просто знал, что эти четверо господ живыми не вернутся… Кстати, что сказали по этому поводу они сами?

— Он должен был ждать, — уныло сообщил Харган. — Значит, все-таки знал. Что еще?

— Я рассмотрел следы, но ничего особенного в них не нашел. Обувь — ничем не примечательная и совершенно новая. Походка без

особых примет, обычная, ровная. Не хромает, не шаркает, стопу не выворачивает.

— Собаку по следу не пускали?

— Не стали зря мучить животное. Над дорогой, где заканчиваются следы, так щедро рассыпан перец, что даже я, не будучи собакой, его унюхал. Брат Константин поищет свидетелей, может, кто-то этого старика видел, но я бы не возлагал на это особых надежд. Даже если кто и видел, вряд ли поспешит делиться наблюдениями с нашими людьми. Я заметил, в Эгине население настроено весьма враждебно. Помнится, ваши ребята там знатно порезвились, и это

не прибавило им народной любви и уважения.

— Значит, обещал ждать и ушел… — задумчиво повторил Харган. — Ты думаешь, проверка?

— Думаю, да.

— А версия брата Константина насчет провокации тебе кажется недостойной внимания?

Шеллар закончил вычесывать из волос паутину и дохлых мух и, протерев гребешок носовым платком, бережно спрятал в карман.

— Для того чтобы начать рассматривать эту версию, — бесстрастно пояснил он, — мы должны сначала принять за исходную

посылку, что противник осведомлен о нескольких фактах. Во-первых, о расположении всех излучателей. Во-вторых, о планирующемся перемещении одного из них. В-третьих, о месте, куда мы намереваемся переместить. Кроме того, чтобы организовать подобную провокацию с одним конкретным излучателем, противник должен иметь возможность добраться до остальных трех и не иметь возможности добраться до этого одного. Не слишком ли много допущений?

— Не знаю, — мотнул головой наместник. — Ничего не знаю и

боюсь даже предполагать. А проверить как-то можно?

— Конечно. Попросим брата Чаня, пусть даст задание своему агенту в Лондре…

— Сам займешься. Я уже не успею.

Шеллар, занесший было спичку, чтобы разжечь трубку, остановился с поднятой рукой и несколько секунд внимательно всматривался в собеседника. Затем все же чиркнул спичкой и вежливо уточнил:

— Вы по-прежнему намерены отбыть сегодня?

— А чего ждать? Я уже выбрал портал, назначил нового

первосвященника и хорошенько вздрючил остальных. Надеюсь, этой профилактики им хватит до моего возвращения.

— Вы сегодня не спали ночь, — серьезно сообщил советник, как будто Харган этого сам не знал. — Вы только что отработали три поднятия, не считая множества телепортов за последние сутки. И вы очень нехорошо выглядите.

— Я не устаю от телепортов, — ворчливо откликнулся наместник. Это, конечно, нельзя было назвать чистой правдой, все зависело от количества, но так хотелось хоть что-то возразить…

— Значит, по остальным вопросам возражений нет, — заключил коварный Шеллар. — Как вы себя чувствуете? Так же, как выглядите?

— Прекрати занудствовать! — огрызнулся Харган. — Я совершенно здоров и не особенно устал, а плохое настроение — это не проблема. Вернее, проблема, но не моя, а окружающих.

Советник понимающе шевельнул бровями и словно невзначай — а Харган мог поклясться, что нарочно! — потер переносицу.

— В этом тоже мало хорошего, — произнес он, прежде чем

демон успел сообразить, следует ли объяснять, что его слова не следует понимать как угрозу, или же это будет звучать как оправдание. — Но я все же считаю, что дело не только в плохом настроении. Вы в последние дни выглядите не совсем здоровым. Поскольку травить вас повторно после того, что вышло с братом Джарефом, вряд ли кто-то рискнул бы, осмелюсь все же спросить: вы не принимали каких-либо стимуляторов или иных снадобий?

— Да нет же! — раздраженно рыкнул Харган. — Отвяжись, со мной все в порядке! Вернее, с самочувствием все в порядке, а

выгляжу я так, потому что на душе гадко.

— Я искренне вам сочувствую. — В голосе советника явственно прорезалось то самое «искреннее сочувствие». — Докладывать Повелителю о смерти мастера Ступеней и утрате излучателя — тяжкий долг, который не всякий осмелился бы взять на себя. Это и есть то самое, что так вас угнетает, или имеются и другие причины?

— Да полно, — безнадежно махнул рукой наместник. — Сам ведь все знаешь, все, ну буквально все идет наперекосяк, а после вчерашнего заседания меня не покидает

ощущение, словно я в дерьме искупался.

— Вам никого не хочется видеть и тяжело дается любая интеллектуальная деятельность, — ровным голосом произнес Шеллар, пристально глядя на него сквозь дым. — Все, что вокруг вас происходит, вызывает отвращение, раздражение или глубокое уныние. В глубине души вы больше всего желали бы забиться в какое-нибудь тихое темное место, чтобы никто вас не трогал. Ночью вы либо не можете уснуть, либо видите дурные сны, а днем ходите сонный и разбитый…

Харган встрепенул крыльями:

— Только не говори мне, будто я в самом деле болен!

— В некотором смысле, — пожал плечами советник. — Но это легко лечится. Я знаю несколько рецептов, из которых один вам категорически не подходит, второй не совсем уместен, третий вы вряд ли воспримете, четвертый страшно не одобрял мой придворный маг, но это единственный недостаток, так что можно попробовать. Как вы переносите алкоголь?

— То есть? — Харган даже растерялся слегка. — Ты же сам приучил меня хлебать вино за обедом.

— Я имею в виду не бокал вина

за обедом, а крепкие напитки в больших дозах. Проще говоря, вам случалось напиваться?

Харган вспомнил несколько пьяных оргий, коим был свидетелем, и представил себе, что бы с ним сделал учитель, если бы застал в таком виде.

— Еще чего! Не хватало мне упиться в грязь, а потом с похмелья отправляться в серьезное и опасное путешествие!

— Конечно, лучше в него отправляться усталым, не выспавшимся и в депрессии, — насмешливо откликнулся Шеллар. — К сожалению, раз вы прежде не

пробовали, экспериментировать с вашим здоровьем сейчас я не рискну. Выпейте обычного снотворного или попросите кого-нибудь из магов вас усыпить. Но не отправляйтесь в таком состоянии. Мне будет жаль, если с вами что-нибудь случится.

— Почему? — машинально выпалил Харган, вспомнив слова учителя «мне понадобится не менее двадцати лет, чтобы вырастить тебе замену».

Советник улыбнулся — странно как-то, не то грустно, не то снисходительно.

— За эти полторы луны я успел к вам привязаться. И мне будет очень

вас не хватать.

Повелитель молча смотрел на тело, корчившееся у его ног в предсмертных судорогах. Завернувшись в картинно-черный плащ и величественно сложив руки на груди, он стоял неподвижно, устремив бесстрастный взор на подозрительно знакомую фигуру, которую ожесточенно клевали чудовищного вида полуптицы-полуящеры.

Тело выло, извивалось, билось о серый неровный бетон и безуспешно пыталось отмахнуться перебитыми в нескольких местах руками от хищников, выдирающих из него

изрядные куски мяса. Раны в считанные секунды затягивались и откушенные фрагменты восстанавливались, что должно было сделать забаву Повелителя поистине бесконечной.

Макс остановился и покачал головой.

— Мне не нравится этот сон.

— Совершенно правильно он тебе не нравится, — согласился Дэн, пристально рассматривая диковинных хищников. — Кстати, их странный цвет что-либо означает?

— У пациента спросишь, — проворчал Макс. — Как эту мерзость прекратить? Он же не в состоянии

разговаривать.

Дэн еще немного полюбовался на кошмарных монстров, запоминая для истории, затем негромко и внушительно произнес:

— Кыш.

Птицеящеры обеспокоенно закудахтали, словно вспугнутые куры, и ринулись прочь, панически трепеща крыльями. Их жертва со стоном перевернулась на живот и попыталась встать.

— И смерть не принесет тебе покоя, — зловеще изрек Повелитель, не двигаясь с места.

Почти поднявшийся Шеллар вскрикнул и опять упал на колени.

Макс четко разглядел, как его сгорбленную спину вспарывают два черных крыла, прорываясь сквозь плоть, словно лезвия.

— Дэн, сделай что-нибудь, — раздраженно потребовал он.

Шеллар поднял голову, покрасовавшись новенькими клыками, и наконец заметил гостей.

— Это сон… — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он. После чего совсем не подобающим королю образом плюнул и выругался по-мистралийски.

— И этот ваш сон меня очень беспокоит, — начал Макс, но его уже не слушали. Уяснив обстановку, его

величество уже без всяких страданий поднялся на ноги, огляделся и сдернул с Повелителя шикарный черный плащ.

— Неловко общаться с достойными людьми в голом виде, — пояснил он. — Кстати, нельзя ли куда-нибудь убрать это чучело? И что-нибудь сделать с моим вампирским обличьем?

Дэн столь же непринужденно кышнул умолкшего Повелителя и поинтересовался:

— Вам клыки мешают?

— И клыки, и крылья, и… подумать только, я даже жажду крови ощущаю. Приснится же такое.

Похоже, замечание Макса он

оставил без внимания, и мэтр не преминул его повторить.

— Я уже сказал, что этот ваш сон мне очень и очень не нравится…

— А кому такое может нравиться? — раздраженно перебил его Шеллар. — Думаете, мне приятно было предстать перед вами в таком позорном положении?

— Макс не то имел в виду, — пришел на помощь Дэн. — Подобные кошмары не снятся просто так.

— Сегодня вечером я пил с вампирами, — пояснил Шеллар. — Вот и приснилось.

— Могу я уточнить, что это означает и кто там кого пил? —

осторожно поинтересовался Макс.

— Мэтр, вы становитесь патологически подозрительным. Никто меня не кусал, мне нужно было поговорить с этими господами по делу, а они предложили выпить. Видимо, общение с ними не прошло даром для моего подсознания. Вы хотели сообщить мне какие-то новости?

— Все же общение с вампирами объясняет только вторую часть сна, — задумчиво произнес Дэн, пристально изучая его величество. — Но никак не первую. Раз вам начинают сниться кошмары о провале и последующей жестокой расправе, значит, вы всерьез

этого боитесь, но вытесняете свой страх в подсознание. Вывод: либо у вас есть основания опасаться, но вы их не осознаете, а только чувствуете, либо у вас попросту сдают нервы. И то и другое — тревожный сигнал. Кстати, можете объяснить, почему эти животные такого странного цвета — голубые с белыми полосками?

— Ой, да проще простого. — Шеллар махнул рукой, отчего повелительский плащ с него тут же сполз. — На днях наши иерархи должности делили и вели себя примерно так же, как эти твари. Вот их бело-голубые рясы и всплыли. Давайте все же о деле.

— Да прислушайтесь же вы к тому, что вам говорят два не самых последних менталиста в этом мире! — раздраженно перебил его Макс, ибо его величество явно уходил от разговора о своих проблемах. — И подумайте…

— Мэтр, я обещаю вам: как только проснусь, непременно подумаю, — заверил упрямец. — Однако должен заметить, толку от этого немного. То, чем я сейчас занимаюсь, было опасно изначально, и даже если мой нюх пытается дать понять, что дело стало еще опаснее, бросить его недоделанным я не могу. Равно и мои расшатанные нервы не

причина все бросать и срочно ударяться в бега. Кстати, уклоняясь от прямого вопроса о новостях, вы заставляете меня еще больше нервничать. Я начинаю искать варианты самостоятельно и только на вопрос «почему не пришел Кантор» придумал уже четыре ответа, очень… гм… губительных для душевного равновесия.

— Он ужасен, — прокомментировал Макс, демонстративно повернувшись к кузену, как будто короля здесь не было.

— Нет, — безмятежно отозвался Дэн, рассматривая сей диковинный

экземпляр с некоторым даже одобрением. — Во всяком случае, не ужаснее тебя.

— С Кантором ничего не случилось. — Не получив поддержки даже от любезного родственника, Макс все же перешел к делу. — За исключением того, что ему иногда надо и просто спать, а также того, что к нему прилетела Ольга.

— В Поморье? — Видно было, что радость Кантора Шеллар не разделяет, и Макс даже понимал почему.

— Ничего не поделаешь. Вынырнули чуть ли не над самой столицей. Остается утешаться тем,

что вместе с ней прилетели два дракона, а это может оказаться полезным в случае чего.

— Вы предупредили Пафнутия? Элвис, полагаю, и сам догадался.

— Пафнутий тоже. Меры они приняли, но оба сейчас как на иголках. С погребами вопрос решается. Как прошла моя провокация?

— Успешно. А что сказали маги по поводу… четверного варианта?

— Мнения разделились. Поровну. Боюсь, этот вопрос вам придется решать самостоятельно.

— Почему я не удивлен… — Шеллар горько усмехнулся и без

необходимости поправил плащ. — Что ж… Из предложенных четырех вариантов меня не устраивает только один, который к тому же легко поддается коррекции. Помимо того, Азиль наверняка что-то знает, раз сорвалась и ринулась сюда. И в довершение всего, ничего лучшего наши мэтры предложить не могут. При таком раскладе и выбора-то как такового нет. Остается только… как сказали ваши провидцы, «взаимодействовать». Чем я и займусь. Элвис там у себя шпиона вычислил наконец или до сих пор в носу ковыряет?

— Да, — кивнул Макс. —

Решили пока не трогать, а по возможности использовать для передачи дезинформации.

— Замечательно. Тогда пусть почтенные мэтры подкинут Повелителю чрезвычайно секретные сведения о том, чего ему ни в коем случае нельзя делать. А то он, чего доброго, сам это сделать не додумается. Да и о вашей провокации неплохо было бы пару замечаний отпустить, а то наша контрразведка все еще сомневается.

— «Замечательно»? По мне, так лучше бы они как следует прижали этого сукина сына и выяснили, слышал ли он что-нибудь о вас!

— Это можно сделать позже. — Если его величество и опасался провала настолько, что даже видел в снах, на его лице эти тайные опасения не отразились. — Азиль главнее. Лишь бы Элмар не вмешался… У вас нет возможности как-то его задержать или направить в другую сторону?

— С одной стороны, можно попробовать, — неохотно отозвался Макс, исполненный сочувствия к несчастному первому паладину, мнением которого даже не поинтересовались, вовлекая его возлюбленную в смертельно опасные игры. — С другой… если вы помните, он тоже должен как-то…

взаимодействовать.

— Однако на него почему-то не дается прогноза с четверной вилкой.

— Значит, там прогноз однозначен. Я могу уточнить у Ресса, если вам так уж важно знать все наперед, но исходя из самого первого видения роль Элмара — успешные военные действия.

— Все же уточните. Если его роль состоит в том, чтобы спасти Азиль после того, как она сделает свое дело, то хорошо, а если нет?

— Я понимаю, если его «взаимодействие» заключается лишь в том, чтобы надавать вам по лицу за авантюру с Азиль, вам это не

понравится, — не удержался Макс. — Но не беспокойтесь, уточню.

Его величеству действительно не понравилось — лицо мгновенно превратилось в обычную для таких случаев маску ледяной вежливости, а голос зазвучал сухо и официально.

— Как там Кира?

— С ней все в порядке. Ах да, чуть не забыл еще одну новость. «Бойцовые коты» нашлись.

— Их нашла Кира? — Лед немедленно затрещал, и сквозь него пробились тревожные нотки — видимо, Шеллар не на шутку обеспокоился, представив себе, что может натворить его жена, получив

под командование отряд спецназа.

— Нет, Ольга, — неохотно пояснил Макс, ибо опасения его величества полностью разделял, но поделиться ими, не выдавая расположения беглых королев, никак не мог. — Они попались ей во время очередного выхода.

— Где? — Шеллар немедленно сделался сосредоточен и деловит, словно и не он только что обиженно поджимал губы и не желал разговаривать.

— В западных степях. К тому моменту, как их обнаружила Ольга, они уже определились со своим местонахождением и сейчас

маршируют строем в сторону Такката.

— Прекрасно. Как дойдут, пусть там и остаются до особых распоряжений. Дана найдет им применение.

Макс молча кивнул, стискивая зубы, чтобы не проговориться. В конце концов, может, еще обойдется. После родов Кира вроде перестала совершать глупости, обрела прежнюю рассудительность и вспомнила о дисциплине, вряд ли она ринется воевать с кем попало, не составив прежде четкого плана действий и не согласовав его с союзниками. Да и командир «Котов» наверняка мужик серьезный, на авантюру не поведется.

Все обойдется. Если только… Ох, это «если только», похоже, никому не давало покоя последние дни…

Если вдруг что-то случится с Шелларом — никто не сможет точно предсказать, как поведет себя его молодая вдова, чего натворит обезумевший от горя кузен и даже что предпримет верный Флавиус, приверженный хинским традициям мести…

— Если здесь все, то пойдем навестим Витьку, — предложил Дэн, видя, что пауза в разговоре уже намекает на его завершение.

— Да, конечно… вроде все, разве что его величество сейчас вспомнит

еще что-нибудь, как обычно бывает.

— Мэтр, иногда мне кажется, что Кантор по сравнению с вами нечеловечески тактичен и доброжелателен, — не остался в долгу Шеллар и обратился к Дэну, словно каким-то образом чуял, кто из двоих мэтров легче откликнется на его просьбу: — Прежде чем вы откланяетесь, не могли бы вы меня разбудить? Что-то нет у меня желания этот сон досматривать, лучше я поработаю.

— Нет проблем, — улыбнулся тот и с силой хлопнул в ладоши.

— Ты хоть предупредить мог? — раздраженно вопросил Макс, когда

они, едва успев выскочить из королевского сна, двинулись дальше.

— А ты сам разве не видел, что я делаю? — безмятежно отозвался Дэн. — Или ты полагал, что я откажу этому бедняге в мелкой любезности, ничего мне не стоящей? В таком случае виноват ты сам. Вернее, твоя вредность, которую ты неосознанно пытаешься проецировать на других.

— Кошмарные сны — не повод жалеть людей, — огрызнулся Макс. — Тем более таких.

— А твое свинское отношение — очень даже повод.

— Что? — Макс даже остановился от возмущения. — Да ты

хоть понимаешь, о чем вообще идет речь?

Дэн тоже остановился, повернувшись к нему лицом, и посмотрел в глаза. Тем особым беззаботно-спокойным взглядом, который страшно раздражал импульсивного кузена.

— Я прекрасно знаю, о чем, — мы же вместе обсуждали эту четверную вилку. И не хуже тебя понимаю, что, когда перед вами встала сложная этическая проблема, вы, могущественные маги, без малейших угрызений совести свалили решение на обычного человека, которому и без того несладко. А когда

он принял его за вас, ты тут же осудил его выбор.

— А потому что я был против! И ничего ты в самом деле не понимаешь! Мы голосовали! И голоса разделились поровну!

— То есть как? Если в обсуждении участвовали только короли и придворные маги, как вышло, что их оказалось нечетное число?

— Да так оказалось, у Джоаны нет короля. Вернее, у нее есть внук-президент, но нет с ним связи, да и не интересует никого его мнение, честно говоря, и тайны такого уровня я бы ему не доверил. Вот так и получилось

нас тринадцать. Кто виноват, что голос Шеллара оказался последним и решающим? Был бы он тогда вместе со всеми…

— И что бы изменилось?

— Я все равно против. Можно было потянуть время, поискать другой способ… Впрочем, повторять тебе всю нашу дискуссию нет смысла, проехали уже…

— Ты был против? — Дэн даже слегка удивился. — Кажется, раньше ты был безоговорочно за.

— С тех пор кое-что изменилось. А, да что теперь говорить. Пойдем.

— Да, конечно. Только обрати свое бесценное внимание на еще один

нюанс. Из всех вас — кстати, у некоторых народов тринадцать считается несчастливым числом — этот человек единственный, кто готов отвечать за свой выбор собственной жизнью. При том, что такая перспектива для него реальна. На семьдесят пять процентов.

— Ты же сказал, что Ресс не дает вероятностей.

— Ресс не единственный провидец на свете. Я сходил к пятой верховной. Она рассчитывает. И вилка, и веер равновероятностны.

— Ну, тогда пятьдесят.

— Нет, Макс, ты невнимателен. Ты разве не слышал, что он сказал?

Один вариант его не устраивает, но можно скорректировать.

— …! — Агент Рельмо выругался и опять остановился. Ну конечно же, покойники ничего корректировать не могут, а вариант, где все живы и счастливы, всех устраивает и в исправлениях не нуждается… — Не может такого быть. Ты просто не знаешь его величество. Шеллар и самоубийство — вещи несовместимые.

— Он имел в виду не самоубийство, а ситуацию «только через мой труп». И говорил совершенно серьезно. И если я это понял, а ты нет — кто из нас хуже его

знает?

— Ты видел его три раза, если не считать тот случай с головой. А я знаю с детства. Поэтому знаю-то его лучше я. Но ты почему-то лучше его понимаешь, а это немного другое.

Дэн помолчал, затем вдруг произнес вполголоса, словно опасаясь испугать кузена столь крамольной мыслью:

— Знаешь, он мне чем-то деда напоминает.

Макс не нашелся, что ответить.

Собираясь на встречу со странной девочкой, Мафей так замаялся с выбором одежды, словно

ему предстоял не деловой разговор, а любовное свидание. Нет, он вовсе не имел намерения потрясать недорослую даму ни эльфийской элегантностью, ни придворным шиком, ни иномирской экзотикой. Но в этом как раз и состояла главная проблема, так как все его немногочисленные наряды, которыми принц успел обзавестись за прошедшую луну, грешили либо одним, либо другим, либо третьим.

Как назло, именно в тот момент, когда его высочество в горестных раздумьях созерцал свой гардероб, развешанный для пущей наглядности на спинках стульев, дверцах шкафа и

крышках сундуков, демоны принесли Жака, который не преминул поддеть младшего товарища.

— Ты что, стирку затеял или на свиданку собрался?

— А на что больше похоже? — огрызнулся Мафей, раздосадованный подобным непониманием со стороны давнего друга.

— Вот на это и похоже, — усмехнулся шут. — Если тебе и правда надо принарядиться для дамы, ты лучше с Кантором посоветуйся. У него на эти дела нюх. Только учти — чтобы он посоветовал тебе что-то путное, ему придется про твою даму все рассказать.

— Да не надо мне принаряжаться! — раздраженно отозвался Мафей, который как раз решил действовать методом исключения и решительно убрал в шкаф поморский кафтан как самое экзотичное из всех одеяний. — Мне, наоборот, надо одеться как-то так, чтобы я не походил на романтического героя из кино. У меня будет деловая… или, вернее сказать, научная беседа, и я не хочу, чтобы девушка отвлекалась на мой наряд или заподозрила с моей стороны какие-нибудь ухаживания или там попытки произвести впечатление. Вот посмотри, как на твой взгляд, что из

всего этого будет смотреться пристойно и нейтрально для человека из твоего мира?

Жак честно оглядел развешанные по комнате штаны, рубашки и разнообразные верхние одежды и столь же честно ответил:

— Ничего.

Мафей тяжко вздохнул и снова полез в сундук.

— Может, это? — в отчаянии предположил он, добыв оттуда измятый мундир Конфедерации, в котором путешествовал по Каппе.

— Ничуть не лучше. Твоя дама наверняка смотрела эти идиотские сериалы, и каппийские шмотки тоже

будут смотреться романтично. Да и вообще… Не забивай себе голову, надевай что хочешь. Ты — эльф, и тебя хоть в мешок из-под картошки наряди, ты все равно будешь элегантен и романтичен. И со своей эльфийской сущностью ты ничего не поделаешь, хоть ты мантию надень, хоть камзол, хоть мундир этот каппийский… Кстати, его лучше не надо, ты в нем смотришься как юный кадет в самоволке, направляющийся в ближайший бордель.

— А в этом? — с надеждой спросил Мафей, прикладывая к груди вешалку с белой рубашкой и голубым камзолом.

Жак развел руками и беспощадно сообщил:

— Как принц.

— А в этом? — Мафей в отчаянии предъявил черный костюм, который не любил частично из-за мрачности расцветки, а главным образом — за претенциозность, ибо усматривал в ношении такой одежды недостойное подражание Шеллару.

— Зверски элегантен, — оценил Жак, — девки штабелями попадают.

— Ы-ы-ы! — совсем по-детски взвыл бедный кавалер, в сердцах бросая наряд обратно на стул. — Что же мне надеть?! Может, попросить у Ольги ее старые джинсы?

Жак заверил, что в джинсах и камзоле его высочество будет смотреться особенно шикарно, заодно это исключит всякие намеки на ухаживание за дамой. Только пусть не высовывается на улицу в этом наряде, а то все нетрадиционно ориентированные господа примут его за своего.

Мафей сердито запустил в него башмаком и уныло опустился на край стола.

— А о каких науках ты там собрался беседовать? — поинтересовался Жак, постепенно проникаясь сочувствием.

— Да о магии, разумеется, в

каких еще науках я могу разбираться?

— Ну мало ли… А о какой магии можно разговаривать с моими соотечественниками, если… Постой, ты что, решил с Канторовой родней обмен опытом устроить? С Санькой, поди, вы с ней как раз по возрасту и уровню развития подходите?

— Да, только не… Придумал! — Мысль посетила его столь внезапно, что юный эльф оборвал фразу на полуслове и бросился к дальнему стулу. — Раз я иду туда как профессионал… ну только не смейся, я ведь почти уже полноценный маг, вот-вот бакалавра получу… то и выглядеть я должен как маг. Вот в

мантии я и пойду… Ну чего ты ржешь, а? Что тут смешного?

— Я представил, — простонал Жак, честно стараясь придавить невежливый хохот, — как сейчас мучается твоя дама, точно так же выбирая покрышки… Если ты, парень, развесил тут свои полторы тряпицы, то представь, что сейчас делает девчонка, которой назначил свидание взаправдашний эльф!

— Да перестань, — оборвал его Мафей. — Она ведь знает, что я по делу!

— По-твоему, по делу юные девы должны ходить с немытой головой и в мятых майках? Особенно когда к

этому делу прилагается молоденький и до писка очаровательный эльф?

Мафей невольно представил себе маленькую кузину Кантора в роскошном платье с глубоким декольте, в бриллиантовом гарнитуре и с макияжем как у Камиллы.

И испугался.

Конечно, в следующий миг он отогнал эту мысль, посетовав на нездоровое воображение, но коварное предположение Жака сделало свое черное дело. До самого момента свидания его высочество не мог отделаться от назойливого вопроса: а и правда, как сейчас выбирает наряд девочка? И что она в результате

выберет?

Печальнее всего оказался тот факт, что, увидев ее наряд воочию, Мафей так и не смог определить для себя этот самый результат. И как он сразу не подумал… Ведь чужой мир, другая культура, совсем иные смыслы могут вкладываться даже в знакомые вещи… Жак тоже хорош, не мог напомнить, что мантий тут не носят и он в ней будет смотреться как дурак…

— Симпатичный костюмчик, — сказал он, надеясь одним махом и комплимент отвесить, и что-нибудь про этот самый костюмчик выяснить.

— Школьная форма, — пожала плечиками Саша. Как показалось

Мафею, слишком равнодушно, чтобы в это поверить. — Что поделать, если это единственная нейтральная одежка, подходящая для обоих моих возрастов. Остальные шмотки делятся на две категории: «пацанка» и «мечта педофила». А это у тебя что за плащ-распашонка?

— Мантия, — пояснил Мафей, чувствуя, как щекам вдруг становится горячо. — Ученическая. Словом, тоже что-то вроде твоей школьной формы.

— Угу, — коротко прокомментировала девушка и присела напротив. Больше она ничего не сказала, но Мафей по одному лишь движению глаз понял — она что-то

вычисляет и делает какие-то умозаключения. У Шеллара точно так же взгляд уходил в сторону и замирал, когда он что-то наскоро прикидывал в уме и обстановка не требовала этого скрывать. Неужели тоже, со своей стороны, боялась показаться смешной в своем стремлении закадрить эльфа и долго мучилась, выбирая, что надеть, — так, чтобы и выглядеть хорошо, и не вызывать у собеседника подозрений, будто специально для него принарядилась? И теперь смотрит на его, собеседника, мантию — и на кой он ее напялил? — и соображает себе в уме, что у кавалера те же проблемы… Тьфу ты! Лучше уж

было то черное надеть…

— Ну давай, что у тебя за дело? — Малышка, похоже, и к разговору подходила так же, как кузен, деловито отрезая ненужные вступления и расшаркивания. Сбитый с толку Мафей торопливо перепрыгнул через несколько заранее заготовленных вступительных реплик и выпалил:

— Я хотел поговорить о твоем возрастном феномене.

— Это не феномен, — сразу поскучнела Саша. — Это естественная реакция на сделанную в детстве глупость магического характера. И об этом я уже сто раз говорила с

шархийскими магами, так что эти разговоры мне давно надоели.

— А с классическими магами не говорила? — Просто принять такой резкий облом было сложно, и Мафей решил зайти с другой стороны. — С Толиком или с господином Раэлом?

— Классические маги тут ни к чему, это наши родные заморочки. Может, немного смыкается с местным ведовством, но уж точно никакого отношения к эльфам.

— Я, собственно, к чему это все веду… — Вроде с этой стороны пошло лучше, может, удастся все же разговорить. — Этой зимой я столкнулся с похожей проблемой и

хотел бы их сравнить и проанализировать.

— Ты что, тоже не растешь? — Глазенки юной ведьмочки широко распахнулись. Вроде зацепило…

— Нет, дело не во мне. Я познакомился с одной девушкой, у которой схожая проблема, только зеркально наоборот. Она выглядит на все свои девятнадцать, а разум у нее — как у маленького ребенка.

— Ну-у-у… — Интерес к вопросу мгновенно утих, Саша даже рукой махнула разочарованно. — Что тут интересного, таких умственно неполноценных без всякой магии пруд пруди.

— В том-то и дело, что нет! Ее смотрели и маги, и мистики, и прочие целители, и все соглашаются в одном — это не умственная отсталость, а что-то другое, связанное с магическим даром. Ее дедушка неплохо разбирается и в ментальной магии, и в некромантии, он тоже говорит, что это не врожденное заболевание, не проклятие и не порча, а что именно — тоже понять не может.

— А дядя Макс что сказал? — Взор девушки опять ушел куда-то вверх — значит, где-то внутри этой милой головки опять заработали невидимые счеты, отщелкивая версии.

— Астральных проклятий он тоже не нашел.

— А других отметин? Ты сказал, у нее магический дар? Какие-нибудь последствия игр с магией в детстве? Если бы это был откат, как у меня, дядя бы увидел.

— Тут вот какая проблема… Во-первых, Сила у нее классическая, как у меня или Толика. Во-вторых, сомнительно, как в четыре года можно так лихо поиграть с магией, чтобы заработать откат. Если я правильно понял, что означает это слово.

Мафей очень надеялся услышать объяснения, что это значит и как это

правильно понимать, но Саша только качнула головой.

— Да, слишком сопливый возраст, чтобы сознательно напортачить. Но вроде в эльфийской магии можно благополучно себя угробить и неосознанными манипуляциями с Силой.

— Обычно от этого либо случаются стихийные бедствия и массовые разрушения, либо сгорает сам маг. Но Лола не похожа на сгоревшую. Скорее похоже, что в какой-то момент — вероятнее всего, в тот день, когда убили ее родителей, а дедушка вместе с ней едва спасся телепортом, — случилось что-то

такое, что остановило ее развитие.

— Интересно… — задумчиво изрекла девушка, уставившись на поцарапанную столешницу. — Только вряд ли имеет какое-то отношение ко мне. Слишком все разное. Системы магии несовместимые. Время не совпадает на десять лет. Возраст не совпадает. Личное участие опять же — я себе откат заработала сама, она никак не могла. Кроме того, у меня все легко укладывается в магические традиции моей школы, и, когда все случилось, папа определил за минуту. Вернее, в чем выразится откат, сразу было непонятно, но никто не сомневался, что он будет. А у этой

твоей знакомой пятнадцать лет разобраться не могут.

— Потому я и хочу разобраться!

— Ну, это понятно, я бы тоже хотела. Только тут явно дело в чем-то другом.

— Может быть. Мне кажется, тебе просто не хочется рассказывать свою историю, поэтому ты так категорически отказываешься связывать эти два случая. Я не настаиваю, но все равно думаю — что-то тут есть. Понимаешь, Лола, кроме всего прочего, еще и предсказывает будущее. Как-то не очень внятно — во всяком случае, в тех областях, которые выходят за

рамки ее понимания — но есть у нее это. И она как-то сказала, что все безобразие с возрастом у нее потом пройдет и к этому моменту ее ведет некая цепочка знакомств. Кто именно будет в конце этой цепочки, Лола не знает, как все произойдет — тоже, но едва появляется следующее звено, она объявляет, что ждала его. К сожалению, толком вычислить цепочку не получается из-за того, что она предвидит массу неважных бытовых мелочей, в том числе новые знакомства, и попробуй разберись, кто тут по делу, а кто просто так. Последний раз, когда мы общались с ней на эту тему и я пытался вытащить

из нее хоть что-то внятное, она прощебетала что-то о зеркале.

— Ты серьезно думаешь, что это обо мне?

— Может, она имела в виду, что ей подарят новое зеркальце или что она расквасит дедушкино рабочее с большим скандалом. Что угодно. Но я не буду знать покоя, если не проверю.

Точно так же загорались глаза у Шеллара, когда его посещала какая-нибудь гениальная догадка касательно решения безнадежной и почти заброшенной задачи.

— Ты хочешь, чтобы я отправилась с тобой… туда, в твой мир? — чуть ли не с восторгом

прошептала Саша, как будто она об этом всю жизнь мечтала и от радости аж голос потеряла.

— Ненадолго, — предупредил Мафей. — Туда и обратно.

— Конечно же, надолго не получится, мне ведь в школу надо, а завтра еще и пятница, у меня дополнительные занятия… давай в субботу? — И не успел Мафей удивиться такому внезапному энтузиазму, как причина тут же всплыла, как ни пыталась хитрая дева скрыть ее за нарочито-безразличным тоном: — Кстати, заодно я хотела бы повидать Жака, от Насти привет передать, спросить кое-что… Это

можно будет устроить?

Пришлось пообещать. А то ведь возьмет да и не придет. И ломай потом голову…

Последний вопрос Мафей задавать не стал. Нет уж, если она мигом просчитала ситуацию с костюмами, неуместный вопрос непременно вызовет у нее желание докопаться до истинной подоплеки. Лучше поинтересоваться как-нибудь к слову, когда речь опять зайдет о нарядах и прическах.

Глава 3

— Когда на этом корабле будет дисциплина? — сказал Быков.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий.

Миры, порталы, камни, деревья, здания, руины, пустыни, джунгли, люди, звери и сомнительной разумности существа, не поддающиеся классификации, — все, что мелькало перед взором Харгана за прошедшие двое суток, смешалось в

какую-то безумную киноленту, которая крутилась в его в голове, стоило лишь опустить веки.

Надо было все же послушаться Шеллара и выспаться перед отбытием, но кто же думал, что поиск окажется таким утомительным делом, да еще и ужасно однообразным и скучным. Шаг в портал — ориентиры портала на месте прибытия — телепорт в Первый Оазис — по обстоятельствам либо ничего, либо перемещение непонятно куда — огорченная констатация промаха и телепорт обратно — сброс ненужных ориентиров — опять шаг в портал…

В теории после каждого промаха

он должен был возвращаться обратно, но на такое счастье Харган не очень рассчитывал. Частые включения выбранного портала компенсировались очень коротким активным временем, и стоило хоть немного замешкаться с возвращением, как оно становилось невозможным. В какую-то из неудачных телепортаций путешественник оказался в пещере, полной крайне неприветливых и, видимо, голодных созданий, напоминающих слизней на ножках. Несмотря на то, что перед путешествием Харган предусмотрительно наложил на себя невидимость, чтобы не отвлекаться на

всяких перепуганных идиотов, никогда не видевших демонов и мутантов, пещерные жители проявили намерения отъесть гостю хвост и прочие конечности. Увы, невидимость никогда не действует на существ, лишенных зрения. Пришлось немного повоевать, ибо укорачивать хвост господина наместника имел право только Повелитель, а прочие конечности ему и самому были еще нужны.

Казалось бы, всего на пару минут отвлекся, но за это время портал успел отключиться, и пришлось ждать следующей активации, усевшись посреди портала, словно грак у

крысиной норы. Ни отойти, ни уснуть, ни чем-нибудь заняться — а вдруг сейчас заработает. Только и остается — сидеть и думать, а мысли в голову лезут одна другой гаже. Особенно усердствует одна, самая мерзкая: а вдруг этот портал в этом мире бывает активен раз в сто лет, и незадачливый спасатель как раз в этот единственный раз вписался? И пока он будет тут ждать, а не дождавшись, искать другие пути, враги-злодеи еще что-нибудь сделают с беспомощным Повелителем, а то и вовсе найдут способ…

Когда Харган наконец объявился в знакомой лаборатории Первого

Оазиса, занятые покраской стен рабы узрели нервного, невыспавшегося, голодного и очень злого демона с почти одинаковыми глазами, потому что левый, синий, покраснел так, что стал похож на правый.

Не удостоив перепуганных маляров своего внимания, наместник пинком отворил дверь и отправился на поиски хоть кого-нибудь дееспособного, к каковым, конечно же, не относились ни рабы, ни охранники-халки, ни попадающаяся по пути всякая низшая нежить.

Первым он отыскал Кайдена, что оказалось приятным сюрпризом. Надо же, не сбежал и даже, кажется, каким-

то делом занят. Что-то кому-то приказывает и выглядит не более отдохнувшим, чем путешественник между мирами. Если прочие так же усердно поддерживают порядок в отсутствие Повелителя, то он напрасно думал о них хуже чем следует…

— О, Харган вернулся, — устало и без особого удивления констатировал Кайден, заметив его присутствие. — Наконец-то хоть какие-то новости.

— А пропажа Повелителя — это для тебя уже не новость? — раздраженно рыкнул наместник.

— Ш-ш-ш, не кричи. — Кайден

поморщился, словно у него разболелась голова от одной-единственной фразы. — Это давно не новость, но я постарался, чтобы об этом знало как можно меньше народу. Ты же знаешь нашего любезного Танхера, наших верных старейшин и наших нечеловечески дисциплинированных командиров, которых Повелитель в пустошах наловил. Стоит им узнать — тут же начнется повальное дезертирство и дележ всего и вся. Поэтому я поддерживаю иллюзию, что Повелитель никуда не исчезал.

— И они верят? — поразился Харган. Вот ведь, оказывается,

думаешь, будто знаешь человека всю жизнь и можешь легко вообразить, что он сделает в той или иной ситуации, а получается — ты знал его очень и очень плохо. А Шеллар еще рассуждает о «моделировании поведения» и прочих высоких материях… Хотя, возможно, Шеллар и прав. Возможно, наместник действительно не разбирается в людях и не умеет предсказывать их реакцию, потому и ошибся в прогнозах.

— Во избежание лишних проблем, — криво усмехнулся усталый куфти, — по официальной версии Повелитель сейчас в отъезде, исследует закрывшийся портал, а

заодно ищет новый и выслеживает злоумышленников, напавших на склад и лаборатории. Чтобы наши доблестные приближенные не расслаблялись, он иногда приезжает проверить, как у нас тут дела. А на самом деле я вызываю к себе кого-нибудь из них и внушаю, что они только что видели Повелителя. Они уходят с полной уверенностью, что действительно его видели. Для полной картины я еще внушаю случайно попавшимся под руку слугам или солдатам, будто они только что встретили Повелителя в коридоре или что он дал им какое-то пустяковое бытовое указание.

— А Нимшаст с Танхером чем заняты? — поспешил уточнить демон, уже почти смирившись с мыслью, что чокнутый лич забыл о своих личных проблемах и круглосуточно трудится на благо великого дела, а ушлый администратор в поте лица приумножает благосостояние Повелителя и за это время ни винтика не украл.

— Не знаешь ты их, что ли? — грустно вздохнул маг. — Нимшаст сначала бегал как полосатиком ужаленный, искал не то Повелителя, не то предмет своих маниакальных стремлений. Потом его посетила мысль, что, раз исчез единственный

человек, знающий, где этот предмет находится, — теперь его никогда не найти, и все пропало. По этому поводу наша «левая рука» впал в депрессию, закрылся в своих комнатах и недели две страдал на полную катушку. Что-то пил — только не спрашивай меня, что именно, я вообще не представляю себе, что может подействовать на это существо, — с надрывом и рыданиями исполнял печальные песни трагического содержания… ну, знаешь, такие, где все умерли… потом ему это надоело, и с тех пор он опять пребывает в непрерывных поисках своего филактерия. А Танхер —

только не смейся, — даже будучи уверен, что Повелитель уехал недалеко и ненадолго, ухитрился толкнуть куда-то налево партию рабов. А потом еще объяснял, что мы все неправы, что он это не для себя, а для дела. Вояки усердно тренируются, несут патрульную службу и периодически дерутся из-за рабынь. Требовать от них объяснений, как они прозевали налет, я не стал, сам понимаешь — еще заметят, что Повелителя на самом деле нет. Найдется — сам потребует, и уж ему-то они объяснят от всей души, без всяких многозначительных взглядов и уточнений, перед кем они должны

отчитываться, а перед кем нет. А ты как?

— У нас тоже проблемы, — сдержанно ответил Харган, не желая вдаваться в неприятные подробности раньше времени.

— Как ты сумел вернуться? Повелитель ведь не успел восстановить портал.

— Когда я узнал, что случилось с учителем, то отправился через порталы наобум, чтобы поскорее его найти. Теперь у нас есть другой портал, правда, не знаю, где он находится, потом разберемся. Ты пока продолжай в том же духе, а я пойду проверю, чем заняты остальные,

сделаю внушение кому потребуется… а потом… потом…

— Потом выспишься и поешь, — посоветовал Кайден. — Иначе от твоих поисков никакого толку не будет. Кстати, я буду тебе весьма благодарен, если ты вправишь мозги Нимшасту и заставишь его хоть на время меня сменить. Мне тоже надо иногда спать, я пока еще живой.

— Посмотрим, — проворчал Харган. Затем спохватился, поняв двусмысленность сказанного, и добавил: — Я насчет сна. А пожрать что-нибудь прикажи. Пусть принесут… а где бы мне устроиться?

— Твой жилой бокс никто не

занял. Можешь там устраиваться. И от налета он не пострадал. Но объясни, как ты там, в своем мире, узнал, что случилось с Повелителем? И раз уж ты знаешь, куда он девался, то скажи хоть мне.

— Его похитили! — Демон не смог сдержать негодования. — Недобитые маги из того мира как-то проникли сюда, похитили Повелителя и учинили здесь… Кстати, что именно они учинили?

Кайден огорченно развел руками.

— Был пожар в главной лаборатории, где всегда работал Повелитель, и на складе, где хранились готовые приборы. Те,

которые тебе обещали. Впрочем, приборов-то можно еще собрать, а вот кристаллы погибли все. Заново растить придется.

Харган, который так надеялся восполнить потерянный излучатель и еще пару штук добавить для усмирения севера и востока, едва унял поднимающийся из самого сердца приступ демонической ярости. Какая низость, какие сволочи, как можно было даже помыслить о том, чтобы так поступить с Повелителем и результатами его тяжкого труда!..

Торопливо попрощавшись с куфтийским магом, наместник резво зашагал прочь. Справляться с гневом

ему удавалось все еще с трудом, и он всерьез опасался, что задержись он хоть на минуту — и ни в чем не повинный Кайден разделит печальную участь брата Шеллара. Нет уж, лучше добежать до обиталища Нимшаста и, если уж случится, вывалить все на него. Во-первых, он заслужил примерную взбучку за свое депрессивное бездействие в критический момент, а во-вторых, ему от этого ничего не сделается.

Левая рука Повелителя правую, мягко говоря, недолюбливал. Частично оттого, что до появления Харгана сам был правой рукой и любимым учеником, а частично

полагал, что мерзкий детеныш призванной нечисти нагло занял его, Нимшаста, место в сердце учителя. Учитывая ориентацию левой руки, а также ходившие среди куфти сплетни о том, что в молодости он был безответно влюблен в наставника, заявления насчет «места в сердце» выглядели весьма двусмысленно и где-то даже оскорбительно для репутации Повелителя.

Жилые боксы первых магов располагались по соседству друг с дружкой и относились к помещениям повышенной комфортности — до завоевания здесь обитали старейшины. Харган никогда не

интересовался, в чем эта комфортность состояла и чем его бокс отличается от обычных, он просто пользовался жилищем по назначению: приходил туда спать и мыться, а также читал на ночь какие-нибудь полезные книги, коими вскоре завалил все свободное пространство. Жилищами соседей он не интересовался и в гости к ним не ходил, но не увидеть личные апартаменты Нимшаста мог разве что слепой, ибо левая рука обладал столь тонкой душевной организацией, что из малейшего промаха прислуги учинял вселенский скандал. При этом он обычно излагал свои

сопровождаемые истерическими взвизгами претензии, стоя на пороге своей комнаты при распахнутой настежь двери, так что все проходящие мимо могли видеть старинный комод на гнутых ножках, кровать с балдахином, граммофон с тремя пластинками, занавески дикого кислотно-желтого цвета, кальян с облупившейся позолотой, всяческие ископаемые безделушки и прочие свидетельства любви хозяина к роскоши и, как он полагал, утонченности вкуса. Харгану его балдахины и занавески напоминали покойного президента Гондрелло, хотя следовало отдать должное

Нимшасту — по сравнению с президентом он действительно являл собой образец вкуса. Суровые воины пустошей втихомолку смеялись над барскими замашками левой руки; перебеглые старейшины и часть особо зажравшихся командиров, склонных прихвастнуть и порисоваться, отчаянно завидовали. К роскоши и шику они тянулись инстинктивно, слабо себе представляя, как это все должно выглядеть, ибо принадлежали к восьмому или девятому поколению, выросшему в руинах, развалюхах, землянках и палатках. Нимшаст, который успел пожить до Падения и даже получить благородное

воспитание, почитался у них за знатока и авторитет в таких вопросах.

Харгану все это было интересно исключительно в познавательном смысле, а после визита в соседний мир эстетическая ценность облупленных сокровищ сильно пошатнулась в его глазах. Сейчас, успев пожить в настоящем королевском дворце, он уже не мог воспринимать их иначе как кучу барахла, не имеющую иной ценности, кроме исторической. Владелец же всего этого хлама, валяющийся в данный момент на плешивом ковре, изъеденном неведомой живностью, по глубокому убеждению Харгана, и

такой ценности не представлял. Демон даже подозревал, что Повелитель завел себе новую правую руку именно по причине полной бесполезности старой.

Рядом с хозяином возлежал в прострации гость — один из свеженьких вампиров, кажется, кто-то из старейшин, только сильно помолодевший, из-за чего его трудно узнать. Еще чуть поодаль, уже за границей ковра, на голом полу, валялись в отключке двое живых молодых рабов разного пола, прикованные к ножкам знаменитого комода. В комнате невыносимо для чувствительного демонского нюха

смердело потом, сортиром, тремя разными видами наркотиков, ацетоном, денатуратом и еще какой-то химией. Словом, условно покойные господа развлекались по полной, с легким сердцем наплевав на то, что их владыка и благодетель томится в плену у врагов, а дело всей его жизни разваливается на глазах.

Харган, который в первый момент хотел было начать разговор с хорошего пинка под ребра, немедленно передумал тратить силы на подобные глупости и двинулся дальше, в свою комнату, где лежала в шкафу тренировочная плеть с серебряными нитями. И в тот момент

было ему невыносимо жаль, что он не припас в том же шкафу хоть одной пары серебряных наручников.

Первым гнева наместника отведал гость, который по воле неблагосклонной судьбы оказался ближе ко входу. Первое же соприкосновение с болезненным металлом оборвало отдых истомленного вампира и исторгло из его груди сначала перепуганный вопль, затем (уже после второго удара) нецензурные угрозы. После третьего, разув наконец глаза и разглядев, кто перед ним, любитель изысканных развлечений с собачьим визгом бросился спасаться под

кровать, и Харган злорадно переключился на хозяина помещения.

— Спим, значит! — проорал он, не сдерживая больше злость и возмущение. — Пьянствуем, трахаемся и валяемся под кайфом! Вместо того, чтобы помочь Повелителю! Вокруг бардак и разгром, а левая рука весело проводит время и развлекается в свое удовольствие!

Не удержавшись, он все же пнул проснувшегося, но еще не вполне соображающего коллегу под копчик и постучал по столбику балдахина:

— А ты живо вылезай, забирай рабов и вон отсюда!

Вампир проворно выполз из-под кровати с противоположной стороны и явил чудеса физической подготовки: приподнял тяжеленный комод, чтобы освободить прикованных, затем подхватил по телу на каждое плечо и, прикрываясь ими от возможной агрессии, резво поскакал прочь из комнаты.

— Ты что, последние остатки совести потерял? — Едва дождавшись, когда закроется дверь, Харган набросился на пробудившегося лича, уже не беспокоясь о секретности. — Напали враги, исчез Повелитель, ты об этом знал и даже пальцем не шевельнул,

чтобы хоть как-то помочь! Ты преспокойно развлекаешься, и тебя даже не волнует, где он, что с ним, как он!..

— Неправда! — Нимшаст сфокусировал наконец расползающиеся глаза и уяснил, что перед ним действительно Харган, неожиданно вернувшийся из иного мира. И что молодой демон очень зол, причем отчего-то именно на него. — Я так переживал пропажу наставника, что у меня случился ужасный стресс! Я был просто не в состоянии нормально работать! Ты бы сам попробовал что-нибудь сделать, когда беспросветная депрессия простерла

над тобой свои черные крылья…

Харган поморщился. Левая рука обожал себя жалеть по поводу и без, но это еще можно было бы пережить, если бы его жалостливые монологи не сопровождались поэтическими красивостями и излишним пафосом по отношению к своей особе.

— Пробовал! — безжалостно оборвал он намечающийся сеанс душераздирающих страданий. — И даже сделал! Тогда как ты тут отдыхаешь!

— Никто меня не понимает! — трагически всхлипнул Нимшаст. Для полноты образа не хватало только скупой слезы, стекающей по щеке, но

тут уж увы — последнюю свою слезу он уронил еще до Перерождения. — Вместо того чтобы как-то поддержать, подбодрить, вытащить из пропасти, все только и думают, как бы меня больнее унизить. Кричат, хамят, обвиняют во всем на свете, а едва вернется Повелитель — побежите вперед друг друга клеветать и наушничать…

Харган скрипнул зубами. Это была еще одно любимое порождение нездоровой психики левой руки — святая уверенность, что все вокруг обязаны носиться с ним и его нежной душой, «поддерживать» и «подбадривать» всякий раз, как он

ощутит недостаток внимания к своей особе. «Поддержка» обычно выражалась в позорном сюсюканье, драматических сочувствиях и уверениях в том, как его все ценят, любят и уважают. Отказ от всех этих театральных действий считался верхом черствости и бессердечности, попытки заставить страдальца работать — злым умыслом против его несчастной особы, а жалобы Повелителю — клеветой и подсиживанием. Первые маги и прочие соратники одного ранга еще могли послать Нимшаста к шестиногим крокодилам с его претензиями, а вот подчиненным

Харган не завидовал. Что занятно, ни на что иное, кроме себя, самого несчастного, обиженного и непонятого, безграничной жалости левой руки не хватало. Он запросто мог замучить насмерть раба, довести до нервного срыва подчиненного, даже, как выяснилось, бросить в беде самого Повелителя. Но при этом с упоением переживать о своем душевном равновесии и заставлять о нем переживать всех окружающих.

— Из-за вас у меня такая мигрень, такая мучительная боль… — окончательно заврался между тем страдалец. — Ты представить себе не можешь, что это такое…

Харган, который по собственному опыту мог в подробностях представить куда более болезненные вещи, озверел окончательно.

— У тебя не может ничего болеть, идиот! — прорычал он. — Ты нежить! Ты умер хрен знает когда! Вяленое мясо болеть не может! И вообще, как бы ты там себя ни чувствовал, спасение Повелителя важнее твоих депрессий! Сейчас же прекрати прикидываться, оденься и иди помоги Кайдену! Иначе про свои ужасные стрессы ты будешь рассказывать лично Повелителю, когда придется держать ответ, почему

за целый цикл его левая рука даже не задался вопросом, куда он подевался!

Последняя угроза, кажется, возымела действие — Нимшаст малость протрезвел, вспомнил, что он есть такое и для чего он вообще условно живет на белом свете, и на время задвинул свою вековую ипохондрию в дальний угол до более подходящего случая. Правда, он все же не удержался от комментария:

— Это пока ты живой, тебе так кажется. А у нас после Перерождения появляются заместительные псевдореакции.

— То, что лич и вампир ухитрились обдолбаться по самое

некуда, хотя, по идее, на них ничего не должно действовать, — это тоже заместительная реакция? — полюбопытствовал Харган. — Это иллюзия или что-то другое?

— Не знаю. Я не разбирался, как оно действует. Боюсь, если разберусь, действовать перестанет. Но точно знаю, что если просто так принимать — то не действует, а если накачать раба и выпить его крови…

Эта бредовая теория прекрасно объясняла состояние прикованных рабов и бокал в следах засохшей крови, но ничего более полезного Харган в ней не усмотрел.

— Дожили! Ладно вампиры, они

так устроены, но с каких пор личу понадобилось пить кровь? Этак на твои развлечения рабов не напасешься!

— Между прочим, — наябедничал обиженный лич, — Танхер продал каким-то дикарям целый грузовик рабов, и ничего, а мне за одного-единственного… и вообще, чего ему сделается? Проспится, очухается и пусть дальше работает. А Клюв со своими головорезами вообще весь цикл не просыхали, но им почему-то можно, а мне скандал учиняют. И Кайден тут тоже своими делами занимался, мотался то в долину, то обратно. И ему тоже

ничего. А я…

— Ты левая рука! — возмутился Харган. — Ты здесь должен был всем командовать в отсутствие Повелителя! Всем и всеми! Клювом, Танхером и Кайденом в том числе! И это ты должен был смотреть, чтобы они не пьянствовали, не воровали и никуда не мотались! Словом, не зли меня! Вставай, приводи себя в порядок и ступай на продуктовый склад, там Кайдену помощь требуется. Сейчас я еще Танхера с Клювом в чувство приведу, потом отдохну, а завтра будем вместе искать Повелителя.

Выпроводив Нимшаста на трудовые подвиги, Харган отнес на

место плеть и отправился в казармы. Общаться с оставшимися горе-руководителями ему не особенно хотелось — он был уверен, что сейчас еще раз выслушает историю о проданных налево рабах и многократных поездках в долину; что Клюв обязательно с видом оскорбленной добродетели вопросит «Почему Нимшасту можно, а мне нельзя?» — и подробно опишет все прегрешения левой руки; что вечно все про всех знающий Танхер ударит себя в могучую грудь и возгласит, что из выручки за проданных рабов не взял себе лично ни патрона, ни зернышка, на капли бензина, а вот все

прочие… И по секрету нашепчет в устной форме сорок два доноса на весь высший и средний состав поименно. Но встретиться с обоими все же следовало, хотя бы для того, чтобы они поняли — их вольной жизни пришел конец, и даже в отсутствие Повелителя бездельничать им никто не позволит.

Значит, сейчас — разобраться с этими двумя, потом — мыться, есть и спать, а завтра… Завтра он с утра пораньше растолкает Нимшаста, привыкшего нежиться под своим балдахином чуть ли не до полудня, хотя сон ему на самом деле не требуется, затащит в лабораторию, и

они вместе примутся за поиски. Куда бы ни спрятали злодеи похищенного Повелителя, два ученика обязательно найдут наставника. Тем более когда у него такая уникальная, ни на что не похожая аура.

Солнечным пятничным утром через восточные ворота в славный город Даэн-Рисс въехал угрюмый и крайне необщительный варвар.

Настроение у его высочества и в самом деле было скверное, а лишняя разговорчивость могла обернуться для него крупными неприятностями, из-за чего он предпочитал вообще не подавать голоса без достойной на то

причины. Получившийся в результате образ нелюдимого хамоватого бирюка, дополненный надвинутым на пол-лица шлемом и покрывающей остальные пол-лица недельной щетиной, несколько компенсировал подозрительно породистого коня и слишком хорошее оружие. Тут уж Элмар ничего не мог с собой поделать — еще раз расстаться с Каштаном или бросить где-то у чужих людей Доллегар, потенциально опасный для любопытных посторонних, было свыше его сил.

Молодой и феерически наивный стражник попытался потребовать у него документы, над чем старшие

сослуживцы заржали раньше, чем Элмар успел произнести естественный варварский ответ: «А что это такое?»

Вдоволь насмеявшись, просвещенные господа стрясли с глупого варвара соразмерную взятку и выписали ему «временную регистрацию», где в графе «цель приезда» горделиво значилось: «нанимацца на слушбу». Заодно и посоветовали, где здесь нынче можно наняться. Элмар старательно вывел крестик в указанном месте и вслух позавидовал — вот, дескать, как только попадется хорошая работа, непыльная и денежная, так

непременно окажется, что там грамоту надо знать…

Довольные прибытком и бесплатным цирком стражники посмеялись, велели беречь документ и попрощались, пригласив напоследок заходить, если вдруг выучится грамоте. Варвар с серьезным видом ответствовал: «Вот еще!» — и с достоинством зашагал прочь по улице, ведя коня в поводу — ему казалось, так он будет привлекать меньше внимания. Уж слишком заметно возвышался огромный герой на не менее огромном жеребце над прочими прохожими (и даже проезжими).

Путь его лежал в извилистые переулки Кишелки — района весьма негостеприимного и даже опасного для большинства горожан, к каковому первый паладин, по счастью, не относился. Лично ему вряд ли что-то могло грозить, а кошелек он, наученный горьким опытом, спрятал поглубже за пазуху, в собственноручно подшитый изнутри карман, где уже лежало изрядно помятое и не раз промокшее письмо. Из-за этого письма, ради которого его догнали уже на конюшне и уговорили подождать полчасика, Элмар и направлялся в Кишелку. Пообещал ведь передать лично в руки, письмо,

сказали, важное. Странно, правда, почему «истинные патриоты» поддерживают связь с городом через такое подозрительное место, но с другой стороны — почему бы и нет? В таких кварталах и спрятаться можно, и убегать в случае чего сподручнее…

Переулок Кривопетельчатый оправдал свое название на первой же минуте поиска в его бесконечных извилинах дома номер шестнадцать. Если вдруг кто-то и думал поначалу, что название переулка имеет отношение к виселице или вязанию, то быстро свою ошибку осознавал. Элмар сделал шесть или семь кругов по извилистым тропам Кишелки,

прежде чем разобрался, что шестнадцатый дом — не что иное, как вон та избушка, похожая на голубятню, мимо которой он каждый раз проходил, считая вторым этажом дома номер восемь. А на самом деле улочка делает здесь петлю, из-за двух лестниц между десятым и двенадцатым и одной на самом перекрестке он оказывается двухуровневым, и шестнадцатый дом аккурат над восьмым. Пожалуй, настоящий варвар и не нашел бы…

Хозяин дома-голубятни, господин Скрайс, гостей не ждал — перед тем как открыть, долго и подозрительно изучал странного

посланца через дверную щель и три раза переспросил, от кого письмо. Элмар уж хотел было сунуть конверт прямо в ту самую щель, за которой поблескивали настороженные мышиные глазки, и убираться отсюда, но хозяин все же соизволил открыть дверь и получить свою почту в руки. Разделавшись с неприятным поручением (если кто не видит ничего неприятного в доставке писем, пусть хоть раз попробует доставить их в Кривопетельчатый переулок), первый паладин развернул коня и уже уверенным шагом старожила направился прочь из этого неуютного места. Дверь за его спиной быстро и

шумно захлопнулась.

Передавая ему письмо, Гейран вроде что-то говорил насчет приютить и спрятать, если понадобится, но Элмар не стал ждать, когда господин Скрайс прочтет письмо и пригласит гостя пожить в его доме. Ему не нравился этот кривопетельчатый район, этот дом-голубятня и этот господин Скрайс, действительно похожий на вороватую мышь — маленький, настороженный, с бегающими глазками и постоянно двигающимися пальцами.

Элмар проверил на всякий случай кошелек за пазухой — тот оказался на месте — и задумался: где бы лучше

всего остановиться? Так, чтобы и не слишком шикарно для приезжего варвара, и не совсем уж клоповник, и на знакомых не наткнуться, и никого не подставить в случае чего…

А в это время господин Скрайс, дочитав письмо, огорченно охнул и высунулся из окна в надежде застать нежданного посланца если не под дверью, то хотя бы в пределах видимости. Эх, если бы он хоть дверь перед носом не закрыл… Догонять теперь поздно, да и вряд ли его высочество теперь вернется, обиделся, поди… Опять же привлекать лишнее внимание властей к своему жилищу было бы весьма неразумно. Помянув в

огорчении три тыщи демонов и одного прокурора, господин Скрайс окликнул слонявшегося поблизости уличного мальчишку и, показав ему издали серебрушку, дал задание: догнать вон того варвара с лошадью, проследить, где он остановится, вернуться и доложить. Сам же вернулся в комнату, сел за стол, положил перед собой письмо, пустой конверт и еще одно запечатанное письмо, вынутое из того же конверта. Еще раз пробежал глазами послание.

— Хм… брось в ящик для доносов… хитрый какой… а если меня засекут у этого ящика?… Для собственного же блага лучше не

вскрывай… И вправду, что ли, вскрыть? Или демоны с ним, вдруг там такая политика, что лучше не знать — целее будешь? Письмо мое сожги… Не, хитрый этот мистралиец, что жук, а все равно дурак. Щас вот прям так я и спалил на него компромат, ага…

Он выдвинул ящик стола и бережно уложил письмо в небольшой, запирающийся на ключ ларец. Туда же, по недолгому размышлению, отправилось и второе письмо, так и оставшись запечатанным. Взамен из ящика были добыты чернильница, перо и бумага.

Господин Скрайс еще раз

взглянул в окно, за которым разгуливали чуждые политики и доносов голуби. Затем обмакнул перо в чернила и аккуратно вывел: «Верный слуга ордена спешит уведомить, что утром сего дня в столицу инкогнито, под видом варвара-наемника, прибыл из Лондры принц-бастард Элмар…»

Изучить головоломные закоулки Майольских погребов и выбрать в этом бесчисленном множестве тупичков и пещерок уютное неприметное место для излучателя Шеллар с тщательно скрываемым злорадством поручил братьям

Константину и Павсанию (первому — чтобы не был таким умным, а второму — ибо всех достал), повесив на них заодно и всю ответственность. Под предлогом того, что прибор их, вот пусть и заботятся, а то в Галланте бардак и безобразие, поручить некому. Как его задание будет выполняться, он знал задолго до того, как оно было выдано, и не боялся, что братья отыщут неудобный для подкопа уголок где-нибудь с противоположной стороны. Поскольку брат Павсаний по прибытии немедленно займется дегустацией и от дел самоустранится, а брату Константину некогда будет

изучать весь лабиринт знаменитых винных погребов в одиночку, он поступит как любой здравомыслящий человек: спросит совета у специалиста. То есть у смотрителя. Который уж позаботится о том, чтобы его собратьям пришлось как можно меньше трудиться над подкопом. В идеале — вообще не пришлось.

С вампирами тоже получилось удачнее некуда: брошенный на месте преступления коломет вызвал их живейшее любопытство, и давно мучивший Шеллара вопрос, как найти подход к сумрачным воинам, не знающим языка, да еще и обиженным на советника за всяческие ущемления,

отпал сам по себе. Мигом и знатоки языка нашлись, и обиды на второй план отодвинулись. Если бы брат Павсаний не был таким заносчивым, и если бы брат Константин догадался прикинуться добрее и глупее, чем есть, да спровадил делегацию по-хорошему, вместо того чтобы ссылаться на режим секретности и грозить карами за его нарушение, вампиры нипочем не пошли бы к Шеллару. Столкнувшись же с таким вопиющим непониманием, пораскинули мозгами и решили попробовать — может, хоть этот объяснит толком.

Шеллар принял делегацию

учтиво и дружелюбно, уделил господам надлежащее внимание и, конечно же, все объяснил. Особенно подробно он остановился на измышлениях вражеской пропаганды, из-за которой брат Константин и отказался говорить на предложенную тему. Подборка всяческой клеветы, используемой врагами ордена для морального разложения его воинства, произвела на вампиров неизгладимое впечатление. Особенно ее финал, когда в ответ на вопрос: «Значит, эта штука на самом деле ничем не опасна?» — советник многозначительно уставился в потолок и изрек: «Ничуть. Если

только колья не из настоящей осины. Во всяком случае, на вашем месте я не стал бы этого проверять на себе».

Вампиры оказались ребятами дотошными. Следующей же ночью они все-таки проверили. Не на себе, разумеется: то ли жребий бросили, то ли нашли в своих рядах особо неприятного типа, которого не жалко, но один вампир из эгинской группы внезапно и бесследно исчез.

Еще днем спустя из лаборатории Харгана исчезла книга «Краткий практикум по некромантии», которая лежала на самом видном месте. Дело сдвинулось, и Шеллар уже начал строить планы, под каким бы

предлогом поведать об измышлениях вражеской пропаганды живой части орденского воинства.

В тот же день состоялось давно намеченное переселение излучателя из дворцового лабиринта Гелиополиса в Майольские винные погреба в пригороде Лютеции. Операция происходила слаженно и четко и заняла чуть больше двух минут: сначала переместили генератор, затем вампиров, а под конец сам прибор — он, кстати, оказался довольно компактным, не больше средних размеров шкафа. Установив все перевезенное, включая вампиров, на надлежащие места,

излучатель запустили. После чего один телепортист вернулся в Эгину с ответственными лицами, а второй — в Ортан с Шелларом и братом Чанем.

— Вы чем-то обеспокоены, господин советник? — вкрадчиво поинтересовался глава департамента, едва лишь телепортист оставил высочайших персон наедине.

Шеллар с досадой отметил, что его размышления о судьбе любимого наставника и прочих магов самым неподобающим образом отразились на его лице, и кивнул:

— От Харгана нет никаких вестей. Уж третий день, как он отбыл, я начинаю беспокоиться.

Брат Чань отвел взор от окна, за которым уже вовсю зеленел дворцовый парк.

— Не рано ли?

— Если быть совсем откровенным, беспокоиться я начал с того самого момента, как господин наместник изволил высказать свой план. И не переставал до сих пор. Просто по мне это не всегда заметно. С вашего позволения… — Шеллар чуть приподнял только что вынутую из кармана трубку, сопроводив сей краткий жест безмолвным вопросом. Брат Чань столь же безмолвно кивнул и открыл окно. Дескать, травитесь на здоровье, глубокоуважаемый

советник, не смею мешать. — Желаете чаю или кофе? — продолжал между тем Шеллар. — Или чего-нибудь покрепче?

— Нет, благодарю вас, — сдержанно отказался хин. — Я хотел поговорить немого о другом… Вот, взгляните…

Шеллар внимательно изучил донос, на этот раз не забывая удерживать на лице подобающее выражение. Нет, он, конечно, не ожидал, что кузен сможет долго скрываться в городе, где его знает половина населения, но все же надеялся, что опознание произойдет хотя бы не в первые часы по

прибытии. К сожалению, анонимное послание не говорило об отправителе ничего, кроме того, что он небольшого достатка человек (судя по качеству бумаги), уверенно владеет пером, часто пользуется письменными приборами и содержит их в порядке, пишет довольно грамотно и строчить доносы ему не впервой.

— А что именно вы хотели обсудить? — с некоторым удивлением вопросил он, откладывая наконец листок, из которого вряд ли можно было выжать что-то еще. — Мы ведь уже, кажется, все выяснили на эту тему.

— Простите, но все, что мы выяснили, — это что его высочество следует сохранить в живых до тех пор, пока Повелителю будет нужна его нимфа.

— Разумеется. И где, по-вашему, он будет в большей безопасности, чем в надежно запертой камере? Вы ведь не рассматривали такой вариант, как оставление его на свободе?

— У меня была мысль последить за ним некоторое время — возможно, он попытается выйти на подполье и ему это удастся.

— Ну, последите, действительно, вдруг получится. Хотя я бы особенно не надеялся. Такой выдающийся

подпольщик, как мой кузен, которого выявили, едва он успел прибыть в город, провалит все, до чего дотянется. И если это понимаем мы, то Флавиус понимает еще острее, так как его это касается вплотную. Словом, умный подпольщик не пойдет на контакт с Элмаром. Единственная надежда на то, что вам попадется какой-нибудь наивный юнец из низового звена, убежденный, будто великие герои велики во всем и их присутствие ценно само по себе. Можно попробовать. Но недолго. Элмар, хоть и неопытен в подобных делах, слежку все же может заметить.

— Я учту. И еще один нюанс.

Можете что-либо посоветовать по… процедуре задержания?

— Да, конечно. Если кузен приволок с собой фамильный меч и этот предмет попадет вам в руки, не вздумайте пытаться достать его из ножен, да и за рукоять вообще брать нежелательно.

— Я слышал о нем, но полагал, что все приписываемые ему волшебные свойства — легенды.

— Скорей всего, приписываемые — действительно легенды и с настоящими не имеют ничего общего.

— А каковы настоящие?

— К сожалению, мне не была доверена честь это знать.

— Как? Вы же были королем!

— Но я не был воином. Элмар обещал передать фамильный меч моим детям, если будут достойны. Я же, по его мнению, безнадежен как потенциальный кандидат, и меч меня просто не признает за хозяина.

— А ваша жена?

— Она не родня нам по крови. Если захватите меч вместе с Элмаром, аккуратно и с почтением возьмите за ножны и принесите сюда. Я подарю его Повелителю. Он великий маг и сможет разобраться в заклятиях, к тому же единственный, кто не пострадает от них, ибо бессмертен.

— Благодарю за предупреждение,

брат Шеллар, но изначально я говорил несколько о другом. Хотелось бы провести арест предельно аккуратно, чтобы обеспечить сохранность объекта и не потерять при этом половину своих людей. Принц-бастард ведь наверняка окажет сопротивление, и…

— Понимаю, — перебил Шеллар. Трудно было бы не понять, что, если Элмара попытаются взять живым, потери будут куда больше, чем половина. Особенно если кузен вдруг решит живым не даваться.

— Возможно, стоит задействовать магов? Для нейтрализации…

— По мне, так проще задействовать одного вампира. В нашем распоряжении их полсотни, и едва ли не половина умеет насылать сон. Если Элмар и имеет при себе какие-либо защитные амулеты, они все равно не действуют.

— Действительно, — согласился брат Чань. — Самое простое и эффективное решение. — Он помолчал, вновь найдя за окном нечто невероятно для себя интересное. Затем вдруг спросил: — Брат Шеллар, можно один нескромный вопрос?

— Смотря насколько нескромный, — усмехнулся Шеллар, прокручивая в голове разговор и

пытаясь вычислить, действительно ли хитрый хин его щупает, или же ему только кажется и виноваты во всем расшатанные нервы?

— Вас никак не трогает тот факт, что сейчас вы обсуждаете арест и, возможно, впоследствии казнь человека, которого прежде любили столь сильно, что позволяли ему пренебрегать долгом перед державой?

Неужели действительно щупает? Неужели заподозрил?

— Вот вы, — вопросом на вопрос ответил Шеллар, — до обращения на какую разведку работали?

— На хинскую, — чуть повел бровью глава департамента. — Но

какое это имеет…

— А были у вас в то время родные, любимые и дорогие вам люди? Которые впоследствии не разделили ваших новых убеждений? Так что бы вы чувствовали, оказавшись с кем-нибудь из них по разные стороны в разгорающейся битве? И отчего вам вдруг пришел в голову столь глупый вопрос?

Шеллару действительно было интересно — отчего? Но брат Чань так и не ответил.

— Взгляните, брат Шеллар, — вдруг сказал он, заинтересовавшись чем-то по другую сторону окна. — Как занятно… Впервые вижу, чтобы

женщины ломились в дворцовые ворота и спорили с охраной. Да еще такие молодые, красивые и бедно одетые.

— Уж не Камилла ли вернулась? — попробовал пошутить Шеллар, поднимаясь, чтобы тоже выглянуть в окно. — Не вынесла бедности и решила, что господин наместник при всех его недостатках все же лучше жалкого кучера?

— В таком случае она ужасно исхудала, — заметил глава департамента и подвинулся, чтобы дать советнику возможность выглянуть и самому оценить происходящее. — И, кажется,

съежилась.

Шеллар высунулся из окна, всмотрелся, прищурившись, и понял, что ответ на тот мучительный вопрос, о котором столь яростно спорили короли и маги, ни в коей мере не зависел от их мнения и от принятого ими решения. То ли судьба, то ли некие высшие силы, то ли боги, в несуществовании которых Шеллар последнее время начал сомневаться, сплетали цепь событий на свой лад, из своих, одним им ведомых соображений.

— Брат Чань, — поинтересовался он, — вы умеете быстро бегать?

— Предположим, — уклончиво

ответствовал глава департамента. — И?

— Поскольку я со своей ногой вряд ли смогу достойно с вами соперничать, вам сейчас придется пробежаться до ворот независимо от того, насколько быстро вы это умеете. Ибо та самая нимфа Азиль, которую мы с вами намеревались искать где-то в Лондре, сейчас стоит у наших ворот и в любой момент может развернуться и уйти, обиженная нашими доблестными стражами.

Брат Чань молча развернулся и без лишних вопросов ринулся прочь из кабинета.

Шеллар чуть усмехнулся,

представив себе, что учинил бы на его месте брат Павсаний, и бодрым шагом двинулся следом.

Он не слишком сильно отстал — когда он приблизился к месту событий, Азиль уже стояла по эту сторону ворот, оглядываясь по сторонам, будто что-то искала, а глава департамента весьма категоричным тоном что-то втолковывал солдатам, охранявшим ворота. Те, в свою очередь, предъявляли какие-то претензии и возмущенно махали руками. Обе стороны друг друга не понимали и без помощи Шеллара вряд ли до чего-то договорились бы, поэтому он ускорил шаг.

Первой его заметила не участвующая в споре Азиль и, конечно же, с радостным криком бросилась навстречу. Шеллар едва успел предусмотрительно наклониться, чтобы она не повисла на нем с разбега и не опрокинула ненароком.

— Шеллар, ты здесь! — тут же защебетала она, расцеловав его в обе щеки и подпрыгивая от избытка чувств. — Ты жив, с тобой все в порядке, как это здорово! Когда меня не пустили в собственный дом, я сначала испугалась…

— Не бойся, дорогая, ничего страшного, поживешь пока во

дворце… Я тебе потом все объясню, а сейчас подожди минутку… — Он высвободился из объятий прелестной нимфы и приблизился к спорщикам. — В чем дело?

— А чего он! — тут же загалдели солдаты, переключаясь с бесполезного главы департамента на понимающего советника. — Нам, значит, нельзя, а местным так можно! Девка сама пришла, и мы ее уже почти уломали, а тут прибегает местная шишка и уводит! Как будто так и надо!

Шеллар демонстративно поскучнел лицом и очень вежливо порекомендовал господам

внимательно изучить наружную сторону ворот, а именно — верхнюю часть арки.

— А чего? — оторопел кто-то поглупее прочих.

— Да нет там ничего, — тут же доложил кто-то повнимательнее прочих.

— Да ну? — сердито оскалился кто-то поумнее прочих.

— Вот именно, — кивнул Шеллар. — Место рядового Нихха сейчас свободно. Там давненько никто не висел. Поэтому потрудитесь вести себя как достойные люди, а не как самцы пустынного скалозуба в сезон размножения.

— А вам так можно! — не унимался самый упорный.

— Нам тоже нельзя, — утешил его советник. — Лично я и пробовать не стану. Ибо если Повелитель узнает, что кто-то выпил Силу этой женщины раньше него, повешением на воротах за определенное место дело не обойдется.

— Да что ей сделается!.. — начал кто-то и был тут же довольно резко перебит на середине фразы:

— Именно это и сделается. Вы, господа, молоды, необразованны, вы чужие в этом мире и слишком мало о нем знаете. Посему слушайте, что вам говорят старшие и знающие люди. —

Шеллар повернулся к главе департамента и перешел на ортанский, давая понять, что разговор на этом окончен. — Благодарю вас, брат Чань. Полагаю, разумнее всего будет поселить Азиль в какой-либо из пустующих комнат дворца и поручить охрану… к примеру, кулаку Усима, его ребята уже имеют опыт и кажутся мне вполне сознательными и вменяемыми. Я их надлежащим образом проинструктирую во избежание недоразумений. Желаете лично проконтролировать?

Хин легонько качнул головой.

— Полагаю, брат Шеллар, вы справитесь сами. У меня еще много

дел.

«Ну и хвала богам, вали отсюда, — невежливо подумал Шеллар, провожая главу департамента светской улыбкой и учтивым поклоном. — Как раз сейчас мне тут слишком умные свидетели без надобности. К тому же одним высшим силам ведомо, что может сболтнуть Азиль и что ей вообще известно».

— Пойдем, я провожу тебя в комнату, где ты будешь жить. — Он подхватил прелестную нимфу под локоток и мягко, но настойчиво повлек ее прочь от любопытных взоров охраны. — К вечеру или завтра утром я позабочусь о том, чтобы тебе

доставили что-нибудь из одежды — ты оставила дома много своих вещей. Пока можешь умыться с дороги, отдохнуть и поесть. Я зайду к ужину, и тогда мы обо всем поговорим. Хорошо?

Азиль, как всегда, была со всем согласна, и все ее устраивало. Да, конечно, все прекрасно, поговорим вечером, а не знает ли Шеллар, как там Элмар, где он и что с ним? Ну да, конечно, потом, а когда ей можно будет увидеться с Повелителем? Да, хорошо, не сейчас, а когда? И где этот… ну, такой, с крыльями? Он должен здесь быть…

У нее, как всегда, все было

просто и понятно — вот так должно быть, и так будет правильно, а вот почему — попробуйте догадаться сами. А Шеллар торопливо тащил ее дворцовыми коридорами и с беспощадной ясностью осознавал, что в таких условиях его провал становится вопросом времени. Причем очень и очень короткого.

На этот раз исчезновение магии не вызвало такого переполоха и вселенского хаоса, так как к нему все были готовы. Мэтресса Морриган, кокетливо подергивая хвостом, подставила ладонь собеседнику, и вновь окрысевший мэтр Вельмир

шустро взбежал по рукаву на плечо. Отсюда он мог с чувством полнейшей безопасности плевать на всех окрестных кошек и показывать им любые комбинации из пальцев.

Пушистого беленького кролика мэтресса мстительно поймала за уши и в таком виде понесла в гостевое крыло, где располагались апартаменты Галлантского двора.

Ворона ругательно каркнула и нахально потеснила на насесте королевского любимца. Берендей не возражал и даже проявил к невесть откуда взявшейся даме некоторый интерес.

Мэтр Силантий грустно

потоптался по креслу, осмотрелся по сторонам, высунув голову насколько это было возможно, и, покорившись судьбе, стал безропотно ждать, когда кто-нибудь придет и снимет его отсюда.

Мэтр Хирон прервал на полуслове консультацию, попятился совсем по-лошадиному и после секундной паузы закончил фразу тонким, словно извиняющимся ржанием.

— Ой… — сказала Ольга, которой так и не суждено было узнать, как правильно заваривать полезную травку, о которой как раз шла речь. Диего тоже высказался

очень кратко, но вовсе не травки его так взволновали.

— Вот это мы попали… — добавил он после паузы, поглядывая то на коня посреди комнаты, то на дверь. — Как же его теперь отсюда спустить?

Ольга вспомнила, что их комната находится в одной из башенок и ведет сюда узкая деревянная лестница, довольно крутая, с крошечными площадками, словом, настолько неподходящая для выгула лошадей, что мэтр Хирон даже в обычном своем обличье, оснащенном руками, не рискнул по ней подниматься — воспользовался услугами местного

придворного телепортиста. И вопрос, как его теперь спустить по этой лестнице, действительно выглядел весьма проблематично.

— Ты же говорил, это ненадолго? — вспомнила Ольга. — Может, пусть пока здесь поживет? А мы на это время переберемся куда-нибудь… Ну, например, Мафея потесним или Жака. Или вон комната мэтра Вельмира сейчас пустая, ты сам говорил, что он в Лондру уехал, подальше от кошек, и ключ тебе оставил на всякий случай.

— Но ведь мэтры все как один сказали, что тебе нужен покой и никаких физических нагрузок! —

обеспокоенно напомнил Диего.

— Но не настолько же все плохо, чтобы лежать не вставая! Такого мне никто не говорил, даже, помнится, речь шла о небольших прогулках. Я же не собираюсь таскать сундуки, только спущусь этажом ниже.

Мэтр шумно вздохнул, всем своим видом давая понять, как ему неловко за созданные хозяевам проблемы.

— Ну что вы, не стоит беспокоиться, — принялась утешать его Ольга. — Ничего страшного, нам не трудно, честное слово…

— Даже наоборот, все только на пользу получится, — добавил

Диего. — Пока в комнате мэтра Вельмира будем жить мы, можно будет не беспокоиться, что Мафей заберется туда в его отсутствие и чего-нибудь натворит.

Белогривый конь несколько раз быстро-быстро переступил передними копытами и мотнул головой, указывая на дверь. Дескать, поторопитесь, ребята, а то вы же знаете его высочество — запросто успеет раньше вас.

Ольга наскоро собрала кое-какие вещи из самого необходимого, вручила любимому мужу узелок, и они неторопливо — как и предписывали целители —

направились вниз по лестнице.

К несказанному их удивлению, ключ, который Ольга долго искала по мужниным карманам, ибо у самого Диего руки были заняты, не понадобился. Дверь была не заперта, а в комнате обнаружилась какая-то совершенно посторонняя девочка. Она сидела у стола, горестно подперев кулачком щеку, и отчаянно шмыгала носом — видимо, таким способом бедняжка пыталась справиться с подступающими рыданиями.

— Я все-таки оборву ему уши, — мрачно произнес Диего, бросая на кровать узлы и аккуратно прислоняя к стенке винтовку.

— Он опять взялся за старое? — поразилась Ольга. Последней добычей Мафея, насколько она помнила, была она сама, после чего мальчишка переключился на другие развлечения. Но наряд шмыгающей девочки, странный даже на Ольгин взгляд, недвусмысленно намекал на ее иномирское происхождение.

— Он же не знал, — всхлипнула девочка, не здороваясь, не делая попытки знакомиться и даже не интересуясь, о чем вообще идет речь. — Это тебе надо уши оборвать, а не ему. Ты же знал, гад такой, все знал и даже не сказал!

Ольга окончательно растерялась.

— Вы что, знакомы? О чем вообще речь?

— А, ты с Жаком пообщалась? — догадался Диего, не торопясь что-либо разъяснять. — Так ты из-за этого ревешь?…

Девочка резко обернулась, зло сверкнув глазами:

— Нет, блин, я маленький ребеночек и плачу, потому что потерялась! Ты что, сегодняшний? Что, трудно было сказать? Знал же!

— Такие вещи порядочный мужчина должен говорить своим женщинам сам, — неожиданно ощетинился Диего, вмиг оставив всякие намеки на сочувствие. — Не

перекладывать на друзей, не оттягивать до бесконечности, не пытаться избежать неприятного разговора. «Не люблю» надо говорить честно и в глаза. Особенно если к нему еще и прилагается «женюсь на другой».

— Как глубокомысленно! — ядовито огрызнулась девочка. — Как охренительно красиво и благородно! Скажи лучше, что ты трусливо увильнул от этой темы, чтобы меня не расстраивать! А я из-за тебя, как дура…

Она безнадежно махнула рукой и опять отвернулась.

— Сама могла догадаться! —

мрачно проворчал Диего. Видать, в упреках девчушки содержалась изрядная доля правды. — Такая вроде умная и сообразительная, а отчего-то решила, будто Жак должен был запомнить десятилетнюю малявку, возлюбить по-взрослому и всю жизнь хранить верность в ожидании — а вдруг она явится. При всех его бесчисленных пороках он все-таки не педофил.

Девочка волчком крутнулась на стуле и уставилась на него так, что Ольга за долю секунды успела вообразить себе зверское умерщвление с последующим расчленением, но сказать никто

ничего не успел. В комнату ворвался запыхавшийся Мафей, на ходу выдергивая из-за пазухи и разворачивая некую тряпицу.

— Вот, смотри, должно подойти… — начал он и замер, так и держа на вытянутых руках помятый ситцевый сарафанчик детского размера и веселенькой пасторальной расцветки, вопиюще дисгармонирующей с происходящим. — Ой, твою…

Диего злорадно (и, как показалось Ольге, даже с удовольствием) всей пятерней ухватил бедного эльфа за ближайшее ухо и с силой крутанул.

— Ты научишься когда-нибудь думать, что делаешь?

Малявка вскочила и, сверля «воспитателя» взглядом, от которого чудом не подохло все живое в радиусе ста метров, шагнула вперед. То была поступь неумолимой судьбы, то были шаги Каменного Гостя.

— Отпусти его, ты!.. — чужим, недетским голосом выдохнула она. Ольга испуганно отступила на шаг, а Диего свободной рукой сложил свои любимые два пальца и язвительно ответил:

— Не работает. На кошках потренируйся.

Ухо, однако, выпустил. Мафей,

сердито сопя, посулил отомстить, Диего, в свою очередь, — оторвать второе ухо и настучать наставнику, Ольга в который раз потребовала объяснений, грозная девочка сморщила носик и уже обычным голосом вопросила, точно ли она должна это надеть и уверен ли Мафей, что ему удастся ее на это уговорить.

Мафей переключился на уговоры и понес какую-то околесицу о маскировке и мимикрии в дикой природе, Диего тоже сменил объект издевательства и коварно поинтересовался, предупредила ли гостья родителей. Та, разумеется, обиделась, ибо ни о каких родителях,

как это свойственно ее возрасту, даже не вспоминала. Об Ольге опять все забыли, и она поспешила о себе напомнить, еще громче, чем в предыдущие разы…

Видимо, на ее вопли и прибежал Александр — босиком, с обнаженным мечом в одной руке и почему-то с черепашкой в другой. А впрочем, может, и нет — вопили-то все одинаково, почему именно Ольга должна быть крайней?

Мужчины принялись извиняться и объясняться, а Ольга, улучив момент, потянула за рукав девчушку.

— Пойдем прогуляемся. Почирикаем.

Как ни странно, та не стала ни хныкать, ни огрызаться, а с нормальным детским любопытством направилась за Ольгой к лестнице. Мафей попытался остановить их невнятным «Ы!» и потрясанием сарафанчиком, но Ольга только отмахнулась:

— Носи ты это сам. Все равно уже все видели, так что маскироваться поздно.

Глава 4

Примерно шесть часов в день Маленькая Баба-Яга училась колдовать. Ведь колдовство не такая уж простая штука: лениться в этом деле никак нельзя!

О. Пройслер

Харган ужасно не любил работать вместе с Нимшастом. Хотя Силы их прекрасно совмещались, а вернее сказать, были одинаковы, при их слиянии у демона непременно возникало некое брезгливое, гадкое

ощущение, словно его окунули во что-то густое, смрадное и хлюпающее. И непонятно почему. Присутствие смерти в ауре левой руки здесь было совершенно ни при чем — Повелитель ведь тоже прошел Перерождение, но с ним Харган всегда работал нормально. Возможно, причина таилась всего лишь в том факте, что к учителю молодой демон привык и попросту не замечал негативных слоев ауры. А возможно, вся разница заключалась в личных качествах Повелителя и его левой руки.

Насколько было бы проще, владей они пространственным

поиском хотя бы так же посредственно, как Повелитель! Можно было бы поставить зеркало и работать спокойно, без всяких этих совместных трансов, после которых хочется мчаться скорее в душ и отмываться хозяйственным мылом от макушки до кончика хвоста. Но увы, ни один, ни другой не умеют. Вот и приходится… Интересно, а как Нимшаст воспринимает ауру напарника? Возникает ли у него какой-то дискомфорт при слиянии Сил с демоном? Или просто с живым существом? Любопытно было бы узнать, но ведь попытайся спросить — мигом нарвешься на

полуторачасовой сеанс жалоб на тяжкую долю и упреков в бессердечности.

— Да куда же они его дели? — утомленно пронырл где-то над ухом ненаглядный сподвижник. — На Крайний Восток забросили? Или вовсе в Тулан?

— Не знаю. Не отвлекайся. Надо будет — и там проверим. Это где?

— Далеко. На других материках. Думаешь, мы дотянемся?

Харган стиснул зубы.

— Надо будет — дотянемся.

— Ты даже не знаешь, где это, а говоришь.

— Достаточно того, что знаешь

ты. Но я думаю, эти пришлые маги тоже о таких местах не знают и спрятать там Повелителя никак не могли. Не ной раньше времени, мы еще даже область Конфедерации не прочесали.

— Так дальше уже ничего нет, там одни развалины и радиация. Не могли же они туда забраться, они ведь живые!

— Могли, — пришлось огорчить беднягу, а ведь он так надеялся, что на этом поиски можно бросить хотя бы до завтра. — У них есть какая-то защита от радиации.

— Не может быть!

— Говорю тебе, есть, мне маги

рассказывали.

— Откуда?

— Их магия вообще наука очень оперативная. Как только гномы разрыли урановые залежи, так и пришлось изобретать что-то для защиты. И придумали, причем довольно быстро.

— Так что, они могли под этой защитой до самой столицы допереться и разгуливать там по эпицентру, как у себя дома? А что же нам делать, если они и вправду его туда затащили? Ты эту защиту не изучил?

— Нет, к сожалению, некому было показать. Заклинание редкое, сам понимаешь, спрос маленький, не

каждый год гномы уран находят. Я даже не знаю, насколько надежно оно защищает и зависит ли степень такой защиты от дозы излучения. Может, в эпицентр они и не полезут, но проверить все равно надо везде.

За прошедший день они обследовали практически всю известную Харгану обитаемую территорию, но так и не наткнулись на след искомой ауры. Вернее, на след натыкались, но это был всего лишь след, который мелькал и обрывался. Какое-то время Повелителя держали в Пятом Оазисе, но теперь его там нет. И след никуда не ведет — перемещали-то наверняка

телепортом, надо заново искать, где еще зацепиться.

— Ты точно уверен, что здесь стоит искать? — опять принялся ныть Нимшаст. — Мы уже почти у самых Гиблых Туннелей…

Харгану захотелось прервать на минутку поиски, выйти из транса и отпинать его как следует, но это отняло бы время и не принесло никакой пользы — что бы там ни рассказывал ненормальный лич о «заместительных реакциях», реакции на пинки у него точно не было. Даже заместительной.

— Туда еще тянуться и тянуться, — резко ответил он и вдруг

почувствовал слабый, едва уловимый след. — Стой! Ты чувствуешь?

— Да, зацепили…

— Тянемся по следу! Это должно быть где-то недалеко!

— Если только опять не пустышка, как в Пятом… — не удержал своего дремучего пессимизма Нимшаст, и Харган в очередной раз возжелал прибить страдальца, чтоб не мучился. Он потянулся дальше, еще, след стал четче, различимее, вот уже и полная плотность, вот и ближний слой…

— Есть! — ликующе выдохнул он. — Нашел! Засекаем где — и туда!

— Ну, засекаем, — уныло

согласился левая рука. — Ну, не эпицентр. Но тоже место горячее. Группу зомби послать, что ли?

Ну, мудрец! Ну, находчивый какой! Прямо словно сегодня на свет появился или никогда в жизни зомби не видел!

— А объяснять этой группе задачу будешь ты сам? Так, чтобы они поняли? Неужели ты думаешь, зомби справятся с таким сложным заданием? Нет, собирай всех вампиров, каких найдешь, вооружайтесь чем только сможете и двигайте туда. Командовать будешь сам. И будь осторожен — там может быть засада, охрана, что угодно.

— Ну вот, — горестно вздохнул Нимшаст. — Как только кого-то послать в зараженное место, где может сидеть засада, так сразу меня!

— А что мне, живого кого-то послать? — рассердился Харган. — Чтобы он там околел на полдороге? Вот вам с вампирами радиация не страшна, вы и отправляйтесь.

— Пешком? — ужаснулся горе-спасатель.

— Нет, пешком долго будет. Ты засек место?

— Да.

— Тогда выходим, берем карту и смотрим. Насколько сильно это местечко фонит и как до него лучше

всего добраться.

Как всегда после совместной работы с Нимшастом, по выходу Харган первым делом ощутил потребность забраться в душ и отмыться от той склизкой мерзости, из которой только что вынырнул, но времени было не настолько много, чтобы уделять его своим воображаемым переживаниям. Усилием воли напомнив себе, что его ощущения не имеют ничего общего с реальностью, он с трудом поднялся с рабочего стола Повелителя и поковылял к карте, заранее приготовленной и висящей сейчас на стене поверх таблицы химических

элементов. Сколько же они так пролежали? За окном уже темно, все тело затекло и отказывается повиноваться…

В двух шагах от него поднялся с пола Нимшаст, постанывая и жалуясь, что он отлежал себе спину, что его бессовестно унизили, положив на коврик, как собаку или раба, и вообще он мог простудиться на холодном полу…

— Показывай! — прорычал Харган, удержавшись от пинка единственно потому, что ноги все еще плохо его слушались.

Страдалец добрел до карты с таким видом, будто у него и в самом

деле что-то могло болеть, и ткнул высушенным пальцем куда-то чуть ниже Гиблых Туннелей.

— Вот тут.

— Ближайшие известные тебе ориентиры?

Палец спустился еще ниже.

— Если получится. Ориентиры еще довоенные.

— Если не получится, я тебе голову откручу, и будешь носить ее под мышкой. Бери вампиров, машину и вперед.

— Там не проедет машина. Представь себе, что там творится. Ты был когда-нибудь в развалинах?

— Ну, возьми вертолет.

— А кто его поведет? И сколько вампиров в него влезет?

— Да ты можешь хоть такие мелочи решить без наставлений?! — взревел Харган и грохнул кулаком по столу так, что на цинке образовалась вмятина, а на костяшках пальцев — ссадина. — Пошли!

Четверть часа спустя правая рука Повелителя стоял перед строем вампиров, коих, к его удивлению, оказалось намного меньше, чем в соседнем мире на охране излучателей, и задавал свой вопрос:

— Кто-то из вас умеет пилотировать вертолет?

Депрессивное отвращение после

слияния Сил быстро куда-то ушло еще во время последней перепалки с Нимшастом и сменилось лихорадочным возбуждением, которое часто охватывало Харгана перед сражением или при приближении к цели.

Ответа не последовало, только где-то за спиной обреченно вздохнул Нимшаст:

— А я что говорил?…

— Кто умеет летать сам, шаг вперед, — скомандовал Харган. Мало, ой как мало… Если в самом деле придется сражаться… Эх, ну хоть бы один излучатель уцелел, как был бы кстати… Знал бы, оттуда бы с собой

один захватил… Или хотя бы кристалл вынул…

— А я тоже не умею летать… — раздалось за спиной.

Не обращая внимания на это пораженческое нытье, Харган отдал следующий приказ:

— Вызовите сюда пилотов. Всех. Весь состав.

Еще через четверть часа перед ним стоял строй пилотов, столь же немногочисленный, как и предыдущий, а чуть в стороне отдавал честь командир Шему, вперившись в наместника преданным взором.

— У нас есть машины мощнее «стрекоз»? — Харган уже не

задумывался над вопросами, он давно знал, что и как должно быть сделано, и его несло от слова к слову, от действия к действию, словно он поймал восходящий поток.

— Один грузовик, — доложил Шему. — Не очень надежный, из реставрированных, но на ходу.

— Сколько пассажиров может поднять?

— Не больше десятка.

— Сколько пилотов нужно для управления? Теоретически один может справиться?

— Так точно.

— Хорошо. — Харган кивнул офицеру и перевел взгляд на строй. —

Мне требуется один доброволец на досрочное Перерождение. — Он уловил смятение и настороженность в глазах потенциальных добровольцев и добавил: — На вампира. Для задания особой важности Повелителю нужен вампир, умеющий пилотировать вертолет.

Последняя фраза была лишней — весь строй шагнул вперед еще на предпоследней. И командир вместе с всеми. Что значительно упрощало дело.

— Шему, — на всякий случай уточнил Харган, — ты справишься с управлением? Не разучился за последние полтора года?

— Я летаю до сих пор! — с некоторой даже обидой в голосе отчитался доброволец.

— Хорошо. Твои слова — твоя ответственность. Все прочие живые свободны, ты следуй за мной. Будет немножко больно…

Еще через два часа немного ошалевший от происходящего свеженький вампир стоял на крыше и не совсем вменяемым взглядом следил, как грузятся в вертолет упыри, таща за собой ящики с боеприпасами. Рядом стоял Нимшаст и по обыкновению ныл, что свежеподнятого вампира нельзя посылать на ответственные задания,

что им требуется несколько суток, чтобы осознать себя и полностью очухаться, что они непременно разобьются, потому что ночные полеты требуют особого внимания и мастерства…

— Не разобьетесь! — огрызнулся Харган. Теперь, когда Повелитель был уже практически найден, любое промедление казалось ему кощунственным и он не согласился бы ждать даже до рассвета, не то что несколько дней. — Командир Шему — боевой офицер, а не придворная дама! Он справится. А разобьетесь — пойдете пешком. Насмерть вам все равно не убиться при всем желании.

Шему сделал попытку улыбнуться и в который раз невольно потянулся ладонью к лицу — пощупать.

— Ничего, клыки всем поначалу немного мешают, потом привыкнешь, — хохотнул кто-то из вампиров.

Харган развернул карту.

— Смотрите сюда. Вот точка выхода. — Он указал то самое место, в котором Нимшаст опознал довоенные ориентиры. — Вот точка назначения. Будьте внимательны — возможна засада. Стрелять на поражение без предупреждений, вражеские маги могут быть опасны

даже для вас.

— А цель операции? — уточнил летчик.

— Поисково-спасательная, — уклончиво ответил Харган. — Ваша цель — переброска. За остальное отвечает Нимшаст. Он знает, что и где искать. Задача всех остальных — прикрывать вас обоих. Вопросы есть?

— А если я его там не найду в темноте? — не унимался левая рука.

— Еще раз войдешь в транс, — отрезал Харган. — На таком расстоянии ты и без меня управишься. У кого-нибудь, кроме Нимшаста, вопросы есть? Начинай телепорт.

— А если вертолет не влезет?…

— Тогда я тебе откручу не только голову, но и кое-что еще! — заорал демон и все-таки пнул окаянного пораженца под зад.

Еще через полчаса он сидел у рации и старался не подать виду, что растерян не менее тех, чей доклад сейчас слушает.

— Никого тут нет, — уныло излагал ответственный спасатель. — Ни засады, ни охраны, ни Повелителя. Бродит зигзагами одинокий зомби с коробочкой в руках, бормочет что-то невнятное.

— Давай его в третью лабораторию вместе с коробочкой и ищи дальше, — приказал Харган и

поспешно отключил рацию, пока Нимшаст еще на какое-нибудь несчастье не пожаловался или не спросил в очередной раз, как искать и что делать, если не найдет.

До лаборатории номер три он почти бежал — и не потому, что оставленный без присмотра зомби мог там что-нибудь сломать или разбить, а потому что его несло все тем же восходящим потоком — скорее проверить, выяснить, найти…

Зомби этого он видел в первый раз, и ни на кого из знакомых добыча не походила. Но магию Харган ощутил с первых прикосновений. Знакомое авторство, очень

знакомое… и запоминающееся, полтора цикла в коме так быстро не забываются…

— Ты кто? — быстро спросил он, не желая тратить время на долгие разговоры с низшей нежитью.

— Я Джо, — тупо отозвался зомби.

— Что ты делаешь?

— Я иду.

— Куда идешь?

— Приказ: Занести это в туннели и бросить в самое глубокое место. Не могу найти вход.

Харган, не раздумывая, рванул из-под стола пустое ведро и протянул бестолковому посланцу.

— Ты уже на месте. Можешь бросать. Это и есть самый глубокий провал.

Зомби бесстрастно бросил свою коробочку и замер. Задание было выполнено, а что делать дальше, ему никто не приказал.

— Выйди за эту дверь, — велел Харган, для лучшего понимания указав на нужную дверь, — встань у стенки и жди.

— Хозяйка, — сообщил зомби, не двигаясь с места. Ну да, с чего бы ему слушаться приказов посторонних, если у него есть «хозяйка»…

— Встань у стенки и жди хозяйку, — скорректировал указания

Харган. — Она придет и скажет, что делать.

Подействовало. Зомби неторопливо потопал в коридор, а демон осторожно сунул руку в ведро и достал вожделенную коробочку. Да. Все верно. Не показалось. Но как?…

Он быстро окинул взглядом подставку с ритуальными ножами. Нет, не возьмут… не консервная банка, хорошая сталь… в мастерские надо идти… И там аккуратно вскрыть… так, чтобы не повредить Повелителю… но как, как они упихнули его в эту коробочку?…

Уже в дверях его перехватил запыхавшийся радист. Пришлось

опять зайти в пункт связи, выслушать сообщение Нимшаста, что след опять пропал, и объявить отбой.

В мастерских должны быть инструменты для резки металла. А если не найдется здесь — в соседних Оазисах есть заводы, уж там точно нужные станки имеются…

Дверь в последний раз захлопнулась, и наконец наступила тишина.

Мафей и его гостья осторожно переглянулись и одновременно тихонько вздохнули.

Кажется, на этот раз все закончилось.

Его высочество смущенно пригладил волосы, которые почему-то сами собой встопорщились и превратились в неаккуратную копну. Саша почти одновременно повторила его жест, но ее прическе это точно так же не помогло — нашкодившие подростки по-прежнему выглядели как два взъерошенных воробья, чудом вырвавшихся из дядюшкиного кошатника, куда сдуру залетели в поисках крошек.

Позорище… Если бы Ольга была хоть чуточку не такой невезучей и не наткнулась на дядюшку всего одним этажом ниже… Или если бы хоть кто-то знал, что прогулки по территории

запрещены из-за угрозы нападения, и отправил девчонок наверх, а не вниз… И если бы один бестолковый эльф хоть чуточку складнее умел врать… И вообще если бы демоны не принесли дедушку, все обошлось бы намного тише… А так — каждый, кто пробегал мимо, счел своим долгом проехаться по интеллектуальным и нравственным качествам принца Мафея, и все вслух, громко, неуважительно и в присутствии дамы… Даже дядя на этот раз изменил своей обычной бессловесной манере и изволил высказаться. Добавить ко всему этому скандалу перетаскивание кроватей и сундуков,

а также апофеоз сегодняшнего безобразия — спуск лошади по ступенькам на плечах двух богатырей из дядюшкиной личной охраны… Неудивительно, что бедная девочка тоже сидит пришибленная, хотя ее никто ни в чем не упрекал… Кроме Кантора, конечно, но ее он хоть за уши не хватал, и на том спасибо.

Саша еще раз вздохнула и обреченно произнесла:

— Папа меня изничтожит.

— Может, мы как-то уговорим Кантора, чтобы тебя не сдавал? — Сам Мафей был безутешен, поэтому попытался утешить хотя бы девушку. — Ну что он, не поймет?

— Да не в том дело… — еще горше вздохнула Саша. — Он-то, может, и поймет, но если меня несколько дней не будет дома, папа это все равно заметит. И как я потом свое отсутствие объясню, уже не особенно важно. А если я еще и из-за щитов буду объяснять, это будет только доказательством, что я вру.

— Ты в самом деле его не предупредила?

— Ну да! А если б он меня не пустил?

Тут она была права, как ни крути. Мафей и сам давно усвоил, что спрашивать разрешения на сомнительные с точки зрения старших

деяния губительно для любых планов. Мало того что запретят, так еще и проследят, чтобы не проделал желаемое без разрешения. Лучше уж не спрашивать — так хоть есть шанс, что не заметят. А если и заметят, за сделанное без спросу все же накажут не так, как за нарушенный запрет.

— Прости, пожалуйста… — пробормотал принц, виновато отводя взгляд. Маленькая ведьмочка единственная из всех ни в чем его не упрекнула, хотя опять же единственная из всех имела для этого основания. — Я ведь не знал, что такое может случиться. Как всегда, все всё знали, а мне никто ни слова не

сказал, не дорос, видите ли…

— Да что уж теперь… — Саша махнула рукой и опять умолкла, уставившись в стремительно темнеющее окно. Пока они говорили, в комнату незаметно вползли сумерки, выпуская из углов прятавшиеся днем тени, размывая очертания предметов, скрывая лица и превращая собеседника в условный силуэт, похожий на фантомы в тире Шеллара.

— Как только с этим разберутся, я сразу же верну тебя домой, — пообещал Мафей, не зная, чем еще утешить бедняжку. — Хочешь, я сам пойду к твоему папе и все ему

объясню? Хочешь, я скажу, что ты не виновата, что ты ничего не знала, что я пригласил тебя в одно место и не предупредил, что оно в другом мире?

Девушка подняла взгляд, и ее глаза блеснули в полумраке особой, ведьмовской искоркой. Точь-в-точь как год тому назад в этот же самый день… вот ведь, бывают же совпадения… Или это не просто совпадение и стоит поискать в нем скрытый смысл и определенную закономерность?…

— Мой папа запросто может поймать твои мысли точно так же, как мысли любого другого человека, и то, что ты маг, никак ему в этом не

помешает. К тому же ты не умеешь убедительно врать.

— Что, настолько? — не удержался Мафей. Слишком уж было обидно. — Мы общались всего ничего, и тебе я даже не пытался врать, но все же ты успела заметить, что я этого не умею?

— Достаточно было один раз послушать, как ты пытаешься объяснить ситуацию своему дяде, — пожала плечами Саша. — Да и что тут странного, ты же эльф. Это естественно — вам не дано складно врать, но взамен вы умеете тонко чувствовать неправду.

— Как — не дано? — Личный

опыт Мафея вопиюще протестовал против подобного утверждения. — А Толик? А господин Раэл? Вот уж кто врет как дышит!

— Толик психологически почти чистый человек, — пояснила девушка. — То, что он долго жил среди эльфов и перенял многие их воззрения, не делает его одним из них, так же как и его уши. Он всего лишь человек, хорошо знающий и понимающий эльфов. А Раэл, думаешь, просто так от природы умеет упаковывать откровенную ложь в красивые слова и вежливую улыбочку? Он этому человеческому искусству специально и старательно

учился много лет, потому что оно необходимо для карьеры дипломата. Ты еще каких-нибудь эльфов знаешь или только с этими исключениями знаком?

Мафей вспомнил Хоулиана и вынужден был признать, что этот господин уж точно исключением не является — что подумал, то и сказал с милой детской непосредственностью. А если и попытался из вежливости или сочувствия сказать не то, что думает, — у него это получается ничуть не лучше, чем у самого Мафея.

— Если господин Раэл научился, то и я смогу, — решительно заявил он. — Жаль только, что на это уходит

много лет.

— Да уж, до встречи с моим папой никак не успеешь, — невесело засмеялась ведьмочка. — Да и бесполезно — мысли все равно не спрячешь.

— Ну все равно… Даже если я не буду обманывать, а честно ему все объясню…

— Вряд ли это понадобится… Ему Диего все честно объяснит сегодня же ночью, так что твоя помощь уже будет лишней.

— Тогда хотя бы извинюсь.

Она не ответила. Оглядела комнату, задерживаясь на особо тенистых углах, всмотрелась в его

лицо — странно как-то, словно силилась там что-то уловить и ничего не увидела.

— Может, мы тут как-нибудь свет включим? — произнесла наконец, оставив предыдущую тему беседы тихо помирать в забвении. — Или там свечку, керосинку, чем у вас пользуются? Я не боюсь темноты, но не умею в ней видеть.

— Ой, извини, — спохватился Мафей и бросился к каминной полке, где стоял подсвечник. — Я совершенно забыл… Мне казалось, что еще не темно… Тебе не холодно? Может, затопить камин?

— Нет, — донеслось из-за

спины. — Если только меня не заставят при такой температуре снять штаны и куртку и нарядиться в этот дурацкий сарафан, который ты, наверное, снял в темном углу с какой-нибудь младшей помощницы ученицы кухарки.

— Нет, я его с веревки спер, — признался Мафей, чиркая спичкой. — Глупо, конечно. К нему все равно надо еще рубашку, и кофту, и обувь… И вообще надо его вернуть. Спешить теперь некуда, завтра я для тебя поищу пристойную мальчишескую одежду. Если тебе еще что-нибудь надо, ты говори, не стесняйся. Может, ты отдохнуть хочешь? Или кушать?

— Ты после сегодняшнего хочешь кушать?

Пришлось честно помотать головой. Как раз после сегодняшнего скандала провинившемуся принцу кусок бы в горло не полез.

— Разве что выпить, — столь же честно признался он, поразмыслив и прислушавшись к своим ощущениям. — Но лучше этого не делать. Потому что мне сейчас так хреново, что стоит начать, и я не удержусь, налакаюсь хуже Элмара. А тебе придется потом общаться с тем, что получится, и ночевать с ним в одной комнате. Разве что составишь мне компанию…

Гостья наставительно постучала себя по лбу.

— Я же не только выгляжу так, у меня организм детский по всем параметрам. Ты б мне еще дорожку предложил или пчелку.

— Разве что косяк, — развел руками Мафей, надеясь обратить неловкость в шутку. — Но за ним придется сбегать…

— Куда-нибудь в соседнюю страну, где мы так и не побывали, — поддела его Саша. — Вот если бы вы мне сразу сказали, что нечего мне переться в гости к Жаку, делать из себя дуру и ставить его в неудобное положение, мы бы, может, и успели

все, что задумали.

Высшие силы, ей тоже было плохо, ничуть не лучше, чем ему, и она все еще старалась как-то это скрыть…

— Ты ведь мне тоже не сказала, зачем ты хочешь его видеть. Если бы я знал… я бы сказал, меня всякие бредовые мистралийские завихрения «чего мужчина должен» не посещают.

— Я думала, ты сам заметил. Дурацкая подсознательная накладка, будто всем свойственно то же, что и мне. Умом понимаю, что нет, но когда дело касается таких переживательных моментов, напрочь все вылетает…

— Э-э… чуть понятнее можно? — попросил Мафей, надеясь хоть немного разговорить девушку на тему ее магических способностей.

— А, забудь… Ты все равно не виноват в том, что я навбивала себе в голову всякой ерунды.

— Я просто подумал: если я буду хоть немного знать о том, что тебе свойственно, то смогу учитывать это… ну, в следующий раз… если он будет… понимаешь, все-таки хотелось бы довести до конца…

— Да уж конечно, раз я здесь застряла, то пусть это хоть не зря будет. Как включится у вас магия, перед отъездом домой обязательно

наведаемся к этой твоей аномалии. Мне уже и самой интересно. А если еще и папе рассказать, он может заинтересоваться и хоть чуть-чуть отвлечься от меня.

— Я обязательно ему все расскажу и спрошу его совета. Но все же хотелось бы чуть подробнее о том, почему из твоих способностей следует, что я должен был сам заметить… ну, ты понимаешь… Я просто не улавливаю связи.

— Объясняю понятно, — изрекла Саша, и Мафей вдруг ощутил навязчивую уверенность, что сейчас она примется набивать трубку. — У каждого шархи есть какая-нибудь

способность к восприятию и к воздействию по отношению к другим людям… ну то есть разумным гуманоидам всех родственных видов. Как эмпатия у Диего, это ты, наверное, знаешь, или как спонтанное чтение мыслей у моего папы… Насчет дяди Макса я не уверена, что там у него приоритетно на восприятие — бабы или покойники. У меня дар смещен в темную сторону еще сильней, чем у дяди Макса.

— Ты разбираешься в некромантии? — заинтересовался Мафей, не смея верить в такую удачу.

— Нет, это не некромантия. У меня просто и восприятие, и

воздействие завязаны на негативные эмоции. Воздействие — на страх, на стыд, на гнев или безысходность, в общем, ничего хорошего я человеку сделать не могу. А восприятие — только на страх.

— То есть ты воспринимаешь не все чувства, как Диего и Орландо, а только страх?

— Не-ет, вот ты опять не понял. Это не эмпатия и не чтение мыслей, это особое такое знание… Я могу посмотреть на человека и узнать, чего он боится. Не сам страх почуять, как эмпаты, а источник и объяснение этого страха. Теперь улавливаешь связь? Если кто-то боится, как бы не

узнали о его тайных чувствах, то я о них непременно узнаю. Из-за этого самого страха. А если я сама боюсь, как бы кто не узнал о моих — потому что ну дура же дурой тогда буду выглядеть, — тут и срабатывает подсознание. Раз боюсь, значит, узнают. Понял теперь?

— Ага, — завороженно кивнул Мафей. — И что, сегодня, пока все скандалили, ты потихоньку стояла и слушала, чего мы все боимся?

Саша усмехнулась.

— Когда вы скандалите, вы в этот момент ничего не боитесь, потому что мысли у вас в другую сторону направлены. Только извечные страхи

можно разглядеть, но они в целом у всех одинаковы — умереть, потерять близких… есть еще навязчивые страхи, которые никогда не оставляют, их тоже видно. Или слишком реальные, чтобы о них забывать, как, например, у твоего дяди.

— Серьезно? — Не то чтобы Мафей так уж искренне изумился — почему бы дяде и не иметь какой-нибудь глубоко скрытой фобии, тем более если угроза реальна? — но ему показалось, что чем шире он откроет рот от удивления, тем охотнее юная ведьмочка сообщит что-нибудь еще. — Чего такого может бояться

дядя Пафнутий?

— Обернуться и покусать кого-нибудь. Он правда оборотень, или это его глючит так?

Вот тут Мафей действительно на время потерял дар речи от изумления.

— Впервые слышу! Дядя всегда был нормальным человеком и отличался от прочих членов семьи именно здравостью рассудка.

— Тем не менее он все время боялся, как бы не случилось чего-нибудь такого, что могло бы его неожиданно напугать. Потому что от испуга он может обернуться, а его амулет, который контролирует разум в животном обличье, перестал

работать. Оборачивается же он, насколько я поняла, в какого-то крупного хищника, опасного для окружающих. Если, конечно, это правда, а не выверты больной психики.

Мафей подумал и признался, что он охотнее поверит в то, что его дядя в самом деле оборотень, чем в то, что он сумасшедший.

— А почему ты не знаешь? — удивилась в свою очередь Саша.

— Наверное, это скрывают специально. Он ведь король. Может, королям не положено… Демоны его знают…

— Имидж портится? —

понимающе усмехнулась девушка. — А что, вполне себе объяснение. Дедушка твой тоже, наверное, скрывает?

— Что, и дедушка? — потрясенно переспросил Мафей.

— Ага. У него тоже амулет не работает, и он боится в беспамятстве куда-нибудь улететь или обернуться человеком на не подходящей для этого высоте. Ты и этого не знал? Ну, раз уж я взялась выдавать тебе твои же семейные секреты, кузен твой тоже оборотень.

— Который?

— Тот, который так смешно головой встряхивает, ну точь-в-точь

как собака. Его второе обличье ни ему, ни окружающим не опасно, но выглядеть он при этом будет полным идиотом, потому и боится.

— То-то он так собак любит… — Столько непонятного и необъяснимого вдруг обрело логику, столько вопросов получило ответы, что Мафей даже отвлекся от разговора, пытаясь упорядочить все это в голове. Надо же, сколько он всего не знал и даже не догадывался… Интересно, а Шеллар знал? А придворные маги? Нет, мэтр Силантий — вне всяких сомнений, вот, кстати, почему придворные маги в Поморье традиционно

принадлежали только к одной школе… А все остальные?

— Мафей! — окликнула Саша, едва пауза в разговоре затянулась достаточно, чтобы понять — один из собеседников о другом забыл.

Задумавшийся принц встрепенулся.

— Да?

— А та девчонка, которая меня звала пройтись… Это и есть жена Диего?

— Ну да, там, по-моему, и без уточнений видно, — удивился Мафей.

— Ну тебе, может, и видно, а я себе его жену представляла… Ну, такой, вроде кузин и тетушек ветви

Кирин… а она совершенно обычная, и ножки-палочки точь-в-точь как у меня, а на голове я вообще молчу что.

— Да перестань! — возмутился Мафей. — Она последнее время очень похорошела! Вот как только забеременела, так и грудь выросла, и ножки стали не палочки, и даже волосы легли. То ты, наверное, тоже уловила ее страхи, вот у тебя и перекосило картинку. Она вечно боится, что у нее то не так, и это не этак, и все вокруг видят и чего-нибудь нехорошее о ней думают…

— Да нет, как раз в тот момент она ничего такого не боялась, у нее все страхи были за Диего, за ребенка

и еще за какого-то дядьку, который остался где-то в логове врага в большой опасности. Я-то как раз видела то, что есть, что видно глазами. А ты — нет. Значит, она носит девочку, и эта девочка ветви Кирин фонит на всех мужчин своей фамильной притягательностью. Но я не красоту ее дивную хотела обсудить, хоть и приятно, что не одна я такая и что даже таким, бывает, везет в любви. Я хотела спросить, ты не в курсе, зачем она хотела меня увести и о чем «почирикать»? Может, есть что-то, чего я знаю, а ей знать не следует? Или хотела про Диего расспросить?

— Да нет, — честно признался

Мафей, решив, что уклончивая тактичность в данном случае может обойтись дороже, чем прямой ответ. — Скорей всего, утешить хотела. Она в позапрошлом году тоже несколько лун по Жаку страдала, и, наверное, у нее есть что утешительного по этому поводу сказать.

Саша оторвала взгляд от собственных ботинок, которые сосредоточенно изучала последние несколько минут, и с величайшей заинтересованностью вперилась прямехонько в глаза.

— Что, она ему тоже не понравилась?

— Ну, понимаешь… на тот момент он уже встречался с будущей невестой…

— Убиться, какое постоянство! То есть она хотела мне рассказать, как она сперва точно так же ревела, в потом пострадала-пострадала, да и нашла Диего?

— Ну, наверное, что-то в этом роде…

— Что ж, считай, я ей сэкономила кучу времени и сил. Можно уже не рассказывать. — Она опять уставилась на носки ботинок и добавила: — И чего я, в самом деле, как дура… эти девки хоть взрослые, их трахать можно. А я куда со своим

малолетним сокровищем, которым только педофилов соблазнять?

— А это у тебя навсегда, или ты еще когда-нибудь вырастешь? — поинтересовался Мафей, решив, что разговор свернул в нужную сторону и сейчас самое время попробовать выяснить.

Саша вздохнула.

— Ты себе примерно представляешь механизм порчи и возможного отката? Или в вашей школе это происходит иначе, или вообще не практикуется?

Мафей торопливо напряг память.

— Порча и проклятия относятся к некромантии и сейчас запрещены

законом. То есть за них бывает не «откат», а уголовная ответственность.

— А если не поймают? — фыркнула девушка. — Или не докажут?

— Не поймать могут в одном случае — если пострадавший не поймет, что с ним, и не обратится к магу за помощью. Если же обратится — любой квалифицированный маг обнаружит и порчу, и след ауры налагавшего, по которому некроманта можно будет выявить.

— А с пострадавшим тогда что? Такая порча снимается, или все, с концами?

— Зависит от конкретного

метода. Есть такие, что снимаются, есть неснимаемые.

— И когда наведенную порчу с человека снимают, на некроманта идет какое-то обратное воздействие?

— В классической школе такого нет. Кажется, что-то подобное я слышал о ведовстве, но не уверен, факт это или народное творчество. Так, значит, вот что ты имеешь в виду под откатом? Обратное воздействие? А оно идет автоматически?

— Тоже от школы зависит, но у меня получился такой курьезный случай… Такое может произойти только с малолетней дурочкой, которой Силу боги выдали, а ума еще

нет… Подожди, так что, классический некромант может преспокойно разбрасываться проклятиями, и ему ничего за это не будет? Если уголовной ответственности удается избежать, то никакой другой он и не несет?

Мафей попытался разобраться и быстро понял, что его знаний для этого не хватает. Пришлось честно признаться, что в некромантии он полный дилетант, если не сказать невежда. Но можно поспрашивать мэтрессу Морриган и мэтра Алехандро, они должны знать точно. А кроме уголовной ответственности бывает еще личная или семейная

месть, тоже штука эффективная. В общем, как только все это безобразие закончится, обязательно навестим знающих коллег и выясним все в точности. А пока, может, Саша ему сама объяснит, что это за откат и как он действует в ее школе?

— Не поймешь ведь… — тоскливо вздохнула девушка.

Мафей вдохновенно заверил ее, что он просто неимоверно понятливый.

В сути вопроса действительно не оказалось ничего сложного, однако всей заявленной понятливости его высочества не хватило, чтобы постигнуть, что двигало этими

девчонками. Нет, мальчишки тоже ссорятся, враждуют и непременно дерутся, кое-что из этого букета он даже испытал на себе, но начать войну из-за туфелек с пряжками, танцующей куклы, конкурса бальных танцев и работы по математике… на такое способны только девчонки.

Школа, где училась Саша, официально считалась школой для одаренных детей, но, как бывает с большинством престижных заведений, в особых случаях недостаточную одаренность детей успешно могли компенсировать высокое положение или солидное состояние родителей. Назвать Аленку

Сомову дурой было бы несправедливо — с занятиями она худо-бедно при помощи трех дополнительных частных учителей справлялась. Но вот в общении она была невыносима. Так считала Саша. Позднее выяснилось, что Алена, в свою очередь, имела полностью противоположное мнение касательно того, кто из них невыносим, но, на взгляд Мафея, Саша все же была права. Хвастливых манерных девиц, избалованных роскошью и вседозволенностью, он тоже не любил. И будь он так же остер на язык, как эта юная ведьмочка, с такой же радостью обламывал бы однокласснице

попытки блистать и править бал.

История великой войны двух непримиримых девиц, продолжавшаяся без малого два года, включала в себя множество эпизодов, большую часть которых Саша либо уже не помнила, либо пропустила за незначительностью. Начавшись со взаимного осмеяния туфелек в первый учебный день, продолжившись ежедневными подколками, оторванной головой куклы и выброшенной в окно косметичкой, докатившись до стертой работы по математике на школьном состязании и намазанных клеем туфель на конкурсе танцев, великая война

пришла к своему завершению, когда в ходе боевых действий были нарушены одновременно очередность ударов и негласное правило: не втягивать в военные действия учителей и родителей.

В один и тот же день сначала в школу примчалась Аленкина мачеха и закатила директору скандал, затем к директору вызвали Сашу и сделали капитальное внушение, а едва она оттуда вернулась, Аленка нагло и бессовестно проехалась по святому — по дружбе с Настей. Нет, какая-то часть правды в том была — действительно из неблагополучной семьи, мама сетезависимая, папы все

время разные, с братом такая вот беда, — но это же не повод делать подобные предположения о Настином моральном облике, как будто если у девочки нет богатого папы, то она непременно должна добывать пропитание на панели… Словом, на этот раз дело кончилось дракой, и, как это водится у девчонок, кто раньше успел пожаловаться, тот и оказался пострадавшим. А Саше повторно пришлось краснеть в кабинете директора, выслушивая уже не о товариществе и приличном поведении, а о спецшколе для трудных детей, куда она непременно отправится, если будет продолжать в

том же антиобщественном духе.

В тот момент Саша и открыла для себя свой дар. Она вдруг поняла, что директор все врет ради того, чтобы ублажить Аленкину мачеху (которая до сих пор не ушла), а на самом деле он панически боится Сашиного папу. Причем без малейшего понятия, чем он реально может быть опасен, просто слышал что-то где-то о шархийской магии, вот и боится. А Аленкина мачеха боится, что муж узнает про ее измены. А классная руководительница — что никогда не выйдет замуж.

Ощутив в себе столь долгожданные способности, Саша не

удержалась от маленькой мести — кротко посмотрела в глаза директору и предложила вопрос о спецшколе обсудить с папой.

Что происходило в кабинете, когда ее оттуда выставили, она уже не слышала, но наверняка перепуганный директор просветил Аленкину мачеху, кто есть доктор Рельмо и почему с ним не надо ссориться. Потому, наверное, она и сообразила, в чем дело, когда все началось.

А обиженная Саша под влиянием новой открывшейся ей стороны бытия вдруг подумала — а ведь и в самом деле, я же не просто девочка, которую можно безнаказанно унижать, я ведь

тоже владею Силой, как и мои сестры. И за сегодняшнюю подлость могу наказать Аленку сама, без всяких жалоб родителям.

И дальше началось самое интересное.

Силу она, может, и ощутила, но что с ней делать, не имела понятия. Из разговоров старших слышала, что есть способ магическим путем восстановить справедливость и наказать обидчика. Но вот как именно… Спрашивать у папы было бы верхом глупости, и поэтому Саша сделала глупость еще большую: полезла искать требуемую информацию в мегасети, как

привыкла. Впоследствии оказалось, что найденное ею руководство по наказаниям обидчиков с настоящей шархийской магией ничего общего не имеет, кроме упоминающихся имен богов, что на самом деле какой-то шарлатан слепил его на скорую руку из разных обрядов разных школ и выложил, чтобы обманывать доверчивых девиц, жаждущих сделаться ведьмами… И будь Саша обычной человеческой девочкой, вреда от ее колдовства вышло бы не больше, чем от исполнения песенки про елочку… Но Сила у девочки была настоящая, и в ее устах слова обрели вес, а пустой ритуал — значение.

И понеслось.

Аленкин папа все-таки застукал мачеху с любовником и выгнал.

На следующий день он попался на взятке.

А Аленка попала в больницу, потому что у нее вдруг за одну ночь лицо покрылось уродливыми болячками, волосы выпали, зубы почернели и ноги отнялись.

Так бы, наверное, и скончалась вредная одноклассница среди разводящих руками врачей, если бы о случившемся не узнала ее родная мать, которую отец в свое время здорово пробросил при разводе. Первое, что она сделала, —

совершенно искренне обвинила во всем мачеху. Дескать, на мужа донесла, падчерицу отравила, все в корыстных целях. Мачеха, такое заслышав, ударила себя под грудь, напомнила, что с арестованного имущества законного супруга никакой корысти поиметь не может, и мигом нашла другого виновника. Вот только пару дней назад ей в школе рассказывали…

Домой к Сашиным родителям семейство Сомовых явилось в полном составе: Аленка в инвалидном кресле, ее папа, отпущенный под подписку о невыезде попрощаться со смертельно больной дочерью, безутешная мама и

мачеха, жаждущая доказать свою невиновность, а заодно, чем черт не шутит, может, и любовника на темные чары как-то списать…

Мафей представил себе визит подобной делегации потерпевших к мэтру Истрану и мысленно содрогнулся.

Саша в тот момент тоже ощутила нечто подобное. Отчасти ее потряс плачевный вид соперницы — честно говоря, такого разгромного результата она не ожидала. Но куда более ужасающим был папин страх, который она уловила. Мама еще ничего не поняла, мама была удивлена и опасалась разве что

скандала и неприятностей. Папа же понял все, едва вглядевшись в невидимые для людей сплетения Сил вокруг несчастной жертвы. Причем «все» здесь не является преувеличением, так как сообразив, чьих шкодливых ручонок это дело, он сразу же понял и все, что из этого следует.

Никогда прежде, да и позже пожалуй, не видела Саша своего сдержанного, рассудительного отца в таком ужасе. И никогда не представляла, в силу своего возраста, что такое страх потерять ребенка, особенно когда он из извечного становится реальным.

Тогда она тоже испугалась. И за папу, и за себя, и собственно того, что натворила. Откуда-то вдруг пришло понимание, что идея в одночасье лишить вредную Аленку всего, чем она до сих пор могла похвалиться, не так уж и удачна. И вспомнилось, что взрослые обычно такие идеи сначала согласовывают с богами. И много чего вспомнилось такого, что в момент сладкой мести отчего-то вылетело из головы. В первую очередь — что местью ведает темная ипостась двуликого Дира-Эйдма, а обращение к темному лику, пусть даже по ошибке, ни к чему хорошему не приводит…

На этом месте Саше пришлось

объяснить неподготовленному слушателю некоторые особенности школы Пламени Духа, примерно так же, как объяснял ее отец перепуганному семейству Сомовых.

В шархийской магической школе такого понятия, как порча, нет вообще. И самого предмета, соответственно, нет. Эта цивилизация слишком гуманна, чтобы допускать возможность нанесения вреда другому человеку просто по желанию. Нет, конечно, всякие способы нанесения вреда существуют и в этой школе, но делается это только в качестве наказания или для предотвращения злодейства. Сами шархи друг другу

злодейств не устраивают и свои внутриобщинные конфликты умеют решать полюбовно, поэтому обычно всякие наказания и предотвращения применяются к людям. Как утверждал доктор Рельмо, если бы Аленка была ни в чем перед Сашей не виновата, ее кустарная порча просто не сработала бы, невзирая на вложенную Силу. А поскольку вина с ее стороны все-таки имелась, ритуал сработал по схеме наказания. То, что оно получилось несоразмерным, — вина уже Сашина, и безнаказанной она не останется. Что до пострадавшей — разумеется, в таком состоянии ребенка никто не оставит, срочно вызовем дядюшку

Молари, он специалист. Но одно следует иметь в виду: не стоит ожидать, что после его вмешательства все мгновенно станет как было и даже следа не останется. Удалится только лишнее, несоразмерное. А чтобы полностью избавиться от проблемы, Аленка должна осознать, в чем была неправа, и понять, что она сделала плохого.

А что после этого будет с Сашей — одним богам ведомо.

Боги, судя по всему, учли сопливый возраст, детскую дурь и чистосердечное раскаяние. Когда после очистительных обрядов над жертвой на незадачливую

вредительницу пошел откат, она его поначалу просто не почувствовала. Потом вся семья, вздрагивая от каждого телефонного звонка, больше полугода ждала какого-нибудь несчастья. И только спустя год заметили, что деточка отчего-то перестала расти и вообще как-либо меняться. Такой, видимо, у богов взгляд на воспитание: дескать, поступила как малявка бестолковая, так малявкой и живи, пока не поумнеешь.

Аленка вскоре поправилась, только с танцами ей пришлось завязать и личико утратило былую свежесть. Отца ее все-таки посадили

— как объяснил доктор Рельмо, взятки-то он брал независимо от всякой магии. Мачеха куда-то испарилась — видимо, на поиски нового мужа. Аленка все это время жила у матери. Школу ей пришлось сменить, как оказалось — к лучшему. В новой школе она увлеклась биологией, стала ходить в научный кружок, даже что-то полезное придумала, собирается поступать в университет, и у нее есть все шансы получить государственную стипендию. Через год выйдет на свободу ее папа-взяточник и, скорее всего, вернется к семье. Словом, относительно неплохо там все

складывается.

— А как же ты? — не удержался Мафей. — Неужели это навсегда? Должны же быть и для тебя какие-то варианты… Ну, не знаю… испытания там или условия, которые надо выполнить…

— Может быть, — согласилась Саша, опять устремляя взгляд на ботинки. — Только никто мне эти условия не объявляет. Суть испытания в том, чтобы испытать человека жизнью, а не проверить, как он выучил правильные ответы. Я должна жить, как живу, и поступать, как считаю правильным. А кто-то там, — она указала пальцем в потолок, —

будет оценивать мои поступки и их мотивы. И, может, если сочтет, что я исправилась… А я, наверное, ничуточки не исправилась. То есть о том, как вышло с Аленкой, я сожалею и понимаю, что это было чересчур. Но вот как попадаются на моем жизненном пути экземпляры вроде Настиного Брыля, прямо руки чешутся… Нет, я, конечно, ему ничего не сделала, но ведь только потому, что не умею делать как положено, а как попало уже не рискну. А невозможность при желании — совсем не то самое, что нежелание. Как-то так. А может, и не в том дело, и никто меня не испытывает. Знаешь,

у нас считается, что, творя зло, человек открывает себя для ответного зла, как бы лишается защиты. И когда я открылась, меня стукнуло, и ничего с этим теперь не поделаешь. Так тоже запросто может быть. А может, все зависит не от моего поведения, а от чего-нибудь другого, например, простила ли меня Аленка, или, может, она до сих пор страдает, и пока не перестанет…

— Но как же?…

— Ты имеешь в виду, как я дальше жить буду, когда разница станет не пять лет, а десять, двадцать и больше? Ну что делать, так и буду. Ну живут же всякие там карлики и

лилипуты. Может, меня все-таки возьмутся учить, да буду колдовать на дому. А нет — попрошусь в винтиловку, а то и в контору, почему бы нет. В средние века в Куйфэне таких, как я, создавали искусственно, их были единицы, и они очень ценились как шпионы. Думаю, мне найдется куча интересных дел и помимо ловли педофилов на живца.

Похоже, утешения здесь не требовались. Если когда-то давно эта девушка и была склонна к глупостям, то сейчас перед ним сидела рассудительнейшая юная особа из когда-либо виденных. Чтобы, оказавшись в такой ситуации, не

впасть в депрессию, не озлобиться на весь мир и даже не смириться с безнадежностью, а найти в своем несчастье позитивные и, более того, полезные стороны — это надо быть поистине образцом самообладания и рассудительности.

— Что мы все обо мне да обо мне, как будто это зачем-то нужно, кроме как для удовлетворения твоего любопытства. Расскажи лучше о своем мире, это полезнее будет, мне ведь придется здесь какое-то время пожить.

Мафей, застигнутый врасплох этой вполне закономерной просьбой, принялся судорожно вспоминать, как

просвещает новых переселенцев Жак и о чем говорил с Ольгой Элмар. С чего же начать — с семьи или с географической карты?

— Давай, ты будешь спрашивать, — выдавил он, так и не додумавшись ни до чего умного. — А то я не могу сообразить, с чего начать.

— Начни с себя, — посоветовала Саша. — А весь мир соберется из кусочков по ходу дела. Вот ты живешь здесь у дяди. А где твои родители?

Похоже, его рассказ тоже будет не особенно радостным, отметил про себя Мафей и честно объяснил где. А что оставалось делать, ведь с этой милой родственницей семейки дель

Кастельмарра только так и можно было общаться — честно, ничего не скрывая. А как иначе общаться с ведьмой, которая непременно почувствует, как ты боишься, что кто-нибудь узнает… Боги, это ведь еще хуже, чем вечно все знающий наставник, тот хотя бы мысли не читал и чужие страхи магически не чуял… Вот это вы попали, ваше высочество…

— Что это? — совершенно искренне ужаснулся Харган, когда содержимое заветной коробочки было извлечено и с почтением поднесено ему на обрезке листового железа.

Нимшаст, все еще не в силах осознать ужасающий факт, в пятый раз простер костлявую ладонь над неподвижным тельцем и отсутствующим голосом произнес:

— Это он. Ошибка исключена.

— Да я не о том. Во что такое странное он превратился?

— Песчаный вислоухий заяц, — прокомментировал Нимшаст, покосившись на добычу.

— Такой маленький? — удивился Харган, вспоминая длинноногих шустрых грызунов.

— До Падения они как раз такими и были.

Харган оглянулся на дежурного

мастера, который прислушивался к их разговору с излишним любопытством, и, приглашающе мотнув головой, направился в лабораторию, бережно неся на вытянутых руках освобожденного из заточения Повелителя. Нимшаст последовал приглашению, впрочем, без особого энтузиазма. Наверное, опять заместительно-реактивно устал, перетрудился, голова у него болит и тяжелый стресс, только говорить он об этом стесняется, не зная, слышит ли Повелитель происходящее вокруг.

Что делать дальше, Харган не имел ни малейшего представления, но надеялся, что как только сядет и

начнет разбираться, все сразу станет ясно.

— Куда мы так несемся? — недовольно простонал за спиной левая рука.

— Назад, в третью, — на бегу отозвался демон.

— Ты можешь не мчаться сломя голову? Я за тобой не успеваю, сейчас задохнусь… И в боку колет…

Харган едва не задохнулся сам, а затем едва не уронил Повелителя, так как руки невольно дернулись огреть симулянта тем, что в них сейчас находилось.

— Какая одышка? — взвыл он, не в силах это терпеть и не понимая, как

с этой жертвой эволюции общался Повелитель. — Ты же не дышишь!

— А как я, по-твоему, говорю? — немедленно парировал Нимшаст.

— На эту антинаучную чушь можешь ловить безграмотных идиотов вроде Клюва, — не поддался Харган. — Но мне-то не надо гребни полировать, я же знаю, что дыхательная и опорно-двигательная системы у тебя автономны и никакое питание твоим мышцам не требуется, и вообще тебя прекрасно можно ставить на погрузку кирпичей или прополку моркови наравне с зомби, если бы ты не был таким лентяем…

С таким же успехом он мог

излагать эти прописные истины некромантии своему отражению в зеркале, группе скелетов или стайке вислоухих зайцев. То, чего Нимшаст не желал видеть в своей картине мира, отскакивало от него, как дротики от танковой брони. Вот и сейчас на чистую правду он демонстративно обиделся и нарочно всю дорогу плелся нога за ногу с таким лицом, словно его действительно поставили на прополку морковки, где он подвергся издевательствам и травле со стороны зомби. Наверное, он ждал извинений, но Харган проявил поразительную черствость и бестактность.

В лаборатории он все с тем же обиженным видом сел в сторонке, предоставив напарнику самому разбираться в структуре чужого заклятия. Харган сделал вид, будто ничего не заметил, и принялся за дело.

Окунаться в чужую некромантию оказалось намного легче, чем сливать Силы с Нимшастом или прощупывать чуждый и опасный жезл. Поначалу Харган ощутил даже что-то вроде злорадства. Сейчас он сделает все сам, сам во всем разберется и освободит Повелителя, а этот придурок пусть сидит и обижается дальше.

Однако, поковырявшись с четверть часа, правая рука слегка приуныл и понял, что все гораздо сложнее, чем ему казалось. Ту часть, что касалась некромантии, он понял и вычислил, но хитроумные вражеские маги словно предполагали, кому предстоит их заклятие ломать: нарочно насовали в него элементов разных школ. И если с Чистым Разумом Харган был знаком хотя бы теоретически и поверхностно, то третья школа — какая-то из природных — не только оставалась для него неизведанной областью, но и вызывала неприятные ощущения при попытке проникнуть глубже.

Радужная мечта совершить подвиг и покрасоваться победой уныло растаяла, уступив место раздражению, а Нимшаст мгновенно из конкурента превратился опять в нерадивого соратника, который сидит и бездельничает, вместо того чтобы помочь.

— А ну-ка попробуй ты, — скомандовал Харган, отстраняясь от опутанного заклинанием зайца.

Левая рука обиженно пожал плечами.

— Зачем? Если у тебя не получилось, чем я могу помочь?

— Ты думаешь, что хуже меня разбираешься в магии?

Нимшаст обратил полный страдания и укоризны взор на учителя.

— Он учил нас обоих, — дрогнувшим голосом произнес он. — Но в тебя вложил больше.

— Больше? — Харган вскочил и по привычке хватил об пол стулом, хотя вполне можно было не сдерживаться и запустить этим стулом в вечно обиженную физиономию лича. — Мне нет тридцати, тебе за двести, и ты все равно считаешь, что я научился большему?

— Он всегда любил тебя больше, чем меня! — неожиданно взвыл

Нимшаст. — Всегда!

— Даже до того, как я появился на свет? — зло огрызнулся Харган.

— Да! Даже до того! Он давно хотел меня заменить! Ты знаешь, что он со мной сделал?

— То, что он рано или поздно делает со всеми избранными! — Теперь они стояли и орали оба, и Харган чувствовал что-то вроде удовольствия от сознания, что можно вести себя как угодно, сказать все, что думает, сделать что заблагорассудится. Не надо больше сдерживаться, соблюдать какие-то приличия или переживать о целости шкуры собеседника — лича хоть об

стенку бей, хоть огненным шаром поджарь, ничего ему не сделается… — И о чем мечтают все, кто ему служит! Ты на это хотел пожаловаться?

— Ничего ты не понимаешь! — истерически взвизгнул левая рука. — Я любил его! Я пошел бы за ним куда угодно и сделал бы все для него, лишь бы добиться взаимности! А он… использовал меня как подопытного зверька!

— Ты же сам сказал, что сделал бы для него что угодно, — ядовито прошипел Харган. — Или твоя преданность настолько сильно зависела от взаимности, которой ты

так и не дождался?

— Что ты мог умного сказать, ты же никогда не любил! Ни мужчину, ни женщину, ни даже собачку! Ты вообще не знаешь, что это такое!

— Если это похоже на то, что я вчера застал в твоем обшарпанном будуаре, то и знать не хочу!

— Можно подумать, сам никогда такого не делал!

— А что, ты когда-нибудь видел, чтобы я пил ацетон? Ты еще кислоту попробуй, может, растворишься к едреным демонам, бездельник!

— Посмотрю я на тебя после перерождения, проповедник полухвостый!

Харган уже собрался достойно ответить что-то в духе «а что отрезали тебе, бесхвостому?» и продолжить в зависимости от полученного ответа, но вдруг почувствовал, как из него осторожно, почти незаметно, тянут Силу. Нет, этот извращенец окончательно рехнулся! Он что, надеется таким образом захмелеть? Или в кои-то веки собрался подраться и решил обеспечить себе фору?

Два одинаковых «прыгающих камня» сорвались со сложенных горстью ладоней, два возмущенных крика слились в один:

— Заговариваешь зубы, а сам потихоньку Силу тянешь?!

И оба, как ни странно, попали.

Харгана швырнуло через стол и ударило о стену. Грудь словно сдавило прессом, но боль сейчас волновала демона меньше, чем сброшенный со стола лысый заяц.

— Идиот… — прохрипел он, — ты свалил Повелителя…

Где-то у противоположной стенки стонал и охал Нимшаст — как будто личу мог чем-то повредить несчастный камень третьего уровня!

— Нечего было чужую Силу качать!

— Ну и наглая скотина! — Харган обессиленно закрыл глаза и прислонился к стене. — Сам из меня

потянул и еще возмущается!

— Прекратите этот безобразный скандал, — неожиданно произнес третий голос. — Это я позволил себе воспользоваться вашими Силами. И правильно сделал, иначе вы бы друг дружку поубивали.

Харган встрепенулся и открыл глаза.

У стола, с которого только что слетел мумифицированный грызун, стоял Повелитель, оправляя на себе халат и глядя на учеников примерно так же, как брат Хольс на неисправимых грешников.

— Учитель! — Вместо радостного восклицания получился

сдавленный стон, но все последствия ушиба сейчас были не важны по сравнению с великой радостью. — Вы вернулись!

— Да уж, — раздраженно произнес Повелитель, ничуть этой радости не проявляя. — Не сумей я вернуться сам, вы бы еще долго разбирались, кто из вас лучший маг, кто меня больше любит, кого я больше люблю, кто кому чего должен и кому как следует поступать. Если бы действительно не поубивали друг друга в процессе.

— Да он же бессмертен! — не удержался Харган. — Ему даже не больно, он просто прикидывается!

— О, ты недооцениваешь силу самовнушения. Истерия у мага — страшная штука… Даже если он нежить. Но в одном ты прав… — Наставник перевел взгляд куда-то по другую сторону стола. — Ты настолько проникся ощущением собственной неуязвимости, что забыл обо всем остальном? О том, например, что среди твоих соратников есть живые и боевым заклинанием их можно нечаянно убить или покалечить? Хорошо, что Харган намного сильнее и крепче обычных людей, а если бы ты Кайдена приложил? Я не приветствую досрочных Перерождений, да еще по

такому глупому поводу! Кстати, почему я не вижу здесь Кайдена?

Харган немного отдышался и осторожно попробовал встать. Вроде получилось.

— Я решил, что Кайден здесь не нужен, — пояснил он, хотя говорить было все еще трудно. — У него другая специализация и даже другая природа Силы. К тому же у него и так дел полно; когда вы исчезли, он взял на себя руководство и постоянно поддерживал иллюзию вашего присутствия. Он и сейчас этим занят.

— Вот как? — Повелитель немного успокоился и, как показалось Харгану, удивился. — Впервые слышу,

чтобы ты хорошо отзывался о Кайдене и даже защищал его передо мной.

— Он оказался лучше, чем я о нем думал, — честно признался демон. — Наверное, Шеллар прав — мне надо учиться разбираться в людях. Я все время ошибаюсь.

— Главную лабораторию отремонтировали? — перебил его Повелитель.

— Кажется, да… Вчера там что-то красили…

— Найдите Кайдена, и чтобы через десять минут были там. Будем разбираться, кто где чего наошибался.

Харган вспомнил, о чем ему сейчас предстоит доложить, и

отсутствующий кончик хвоста вдруг болезненно заныл.

Глава 5

— По-моему, пчелы что-то подозревают!

— Что именно?

— Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя подозрительно!

А. Милн

Кантор не сразу узнал турнирную арену в Даэн-Риссе — он видел это место всего несколько раз и к тому же целым, чистым и нарядным. Сейчас же оно больше напоминало развороченный двор Кастель Агвилас,

по которому носились в панике незнакомые люди. Причем часть их носила мундиры ортанского департамента Безопасности и Порядка, а часть — каппийский зеленовато-охристый камуфляж.

Шеллара Кантор легко заметил еще издалека — единственную черную фигуру, неподвижно стоящую среди хаотического движения, возвышаясь на голову поверх прочих. Опять его величеству какой-то кошмар видится, и опять придется его как-то отсюда выдергивать…

На оклик король обернулся медленно, словно неохотно или с опаской. Увидев, кто его зовет, на

мгновение оторопел, словно ожившего покойника увидел, затем быстро сморгнул и шагнул навстречу.

— Это сон. И, должен заметить, подобные бредовые сюжеты мне порядком надоели, — произнес он вместо приветствия. — Пойдем отсюда.

Кантор заметил, что его величество как-то уж очень торопится перехватить его на полдороге, и не удержался — присмотрелся, что же такое он хотел скрыть. В той стороне находилась королевская ложа, вернее, то, что осталось от нее после взрыва, а вокруг валялись изуродованные тела и их части, тем же взрывом

разбросанные.

— Декорации шестилетней давности, — прокомментировал Шеллар, не дожидаясь вопросов или, не доведите боги, сочувствий. При этом он даже не замедлил шага, чтобы не дать собеседнику задержаться и рассмотреть что-либо подробнее. — Я сам попал туда только через несколько дней, когда все уже было убрано, но ограниченностью воображения никогда не страдал и смог восстановить исходную картину. Все остальное — дичайшая смесь прошлого, настоящего и моих тайных страхов.

— То есть там были не только

ваши покойные родственники, но и ныне живущие? — Кантор сам не знал, зачем ему понадобилось это уточнять. Наверное, инстинктивно почуял, что либо папа, либо дядюшка об этом спросят.

— Проще спросить, кого там не было, — невесело ухмыльнулся король. — Ты, кстати, там тоже был. И, что удивительнее всего, в эту компанию близких и дорогих мне людей каким-то образом затесался наместник Харган. Забавно, не правда ли?

Кантор вспомнил Ольгины рассказы и плюнул в сердцах:

— Да что вы все в нем нашли?

Урод уродом, и это я, между прочим, не о рогах его говорю.

— Будь он действительно таким, как ты о нем думаешь, ты больше никогда не увидел бы Ольгу живой.

— Это не его заслуга, а ваша. А от него в данном случае требовалась только неустойчивость к манипуляциям, ах, какое достоинство!

— Ничего ты не смыслишь в манипуляциях, товарищ Кантор, — насмешливо бросил Шеллар с высоты своего роста. — Дело не в том, насколько сильно человек поддается манипуляциям, а в том, за какие ниточки при этом приходится дергать. Как лично дергающий

заверяю: ниточки эти вполне позитивны. Если только мне удастся вдолбить этому дитяти природы, что не на все в этой жизни можно класть, а что-то стоит уважать и ценить, из него получится нечто… не особенно добродетельное, но вполне приспособленное к жизни в обществе.

— Да зачем вам это? Ну проще же убить.

— О, я заметил, это твой любимый метод решать проблемы. Однако мы увлеклись беседой на абстрактные темы, а между тем есть дела более насущные. Во-первых, ко мне пришла Азиль. Пришла сама, прямо во дворец, и высказала желание

повидать меня, господина с крыльями, которого она, заметь, ни разу не видела, и лично Повелителя.

— Зачем? — Кантор даже приостановился, но король не последовал его примеру, и пришлось догонять.

— Я тоже не смог понять. Единственная приемлемая версия — она что-то знает. Не от Элвиса, и не от других людей, а из того магического источника, который дает ей уверенность в том, «как надо и как правильно». И во-вторых, найди сейчас Элмара и скажи, чтобы срочно просыпался, хватал коня и вещи и убирался прочь из этого города.

Сегодня на него уже получили донос и установили слежку в надежде выйти на городское подполье, через пару дней арестуют. Заодно расспроси, где он был и кого видел, возможно, мне удастся вычислить, кто на него донес. О своих планах спасать Азиль пусть забудет, спасать надо было до того, как она явилась во дворец. Теперь он ее не достанет. Пусть оставит это мне, я что-нибудь придумаю. С Ольгой же получилось. Растолкуй ему доступно, что мне крайне сложно будет спасать еще и его, особенно учитывая, что живой Элмар очень тут всем мешает.

— Да, — послушно кивнул Кантор. И добавил, мысленно укрыв

себя в три этажа за абсолютно свинскую забывчивость: — Спасибо.

— Не за что. — Они добрались до противоположной трибуны, относительно целой, и его величество наконец остановился, высматривая место, чтобы присесть. — Это была услуга скорее Ольге, чем тебе. У вас там как? Все в порядке?

— Пока да. — Это была почти правда, так как внезапное прибытие кузины значимым событием не являлось и без информации об этом безобразии некоторые господа вполне могли обойтись. — Что-то новенькое для нас есть? Ваши соратнички не решили напасть?

— Пока ничего. Я опасаюсь, что они вообще не сочтут нужным ставить меня в известность, поэтому будьте начеку постоянно, особенно в часы перед рассветом. Как много времени займет подкоп?

— Несколько дней. Точнее никто сказать не может.

— Возможно, мне удастся как-нибудь оттянуть момент операции… Например, уговорить дождаться Харгана… или что-нибудь уточнить, выяснить, подготовить… Я подумаю. Но вы все равно будьте ко всему готовы, хорошо?

— Я передам, — кивнул Кантор. — Что-то еще, или можно

отправляться к Элмару?

— Пожалуй, все… разве что… не говори мэтру Максимильяно, что мне снилось. Если спросит — соври что-нибудь невинное. Я заметил, он отчего-то ужасно нервничает из-за моих снов.

Кантор еще раз оглянулся на жертвы и разрушения и вслух предположил:

— А у него точно нет оснований… э-э… нервничать?

— С равной вероятностью возможно и то и другое. Но даже если они и есть, ни переживания мэтра Максимильяно, ни осознание мною их обоснованности не могут ничего

изменить. Именно сейчас обстоятельства требуют моего присутствия в центре событий независимо от того, чем это может для меня закончиться.

— А вам не кажется, что папа больше переживает, как бы это не закончилось печально для всего дела, а не для вас одного? — Не хотелось напоминать самоуверенному теоретику о некоторых обстоятельствах, наверняка для него болезненных, но, похоже, его величество собрался наступить на те же грабли во второй раз. — Если вас действительно разоблачат, вас же не просто возьмут и сразу убьют.

Сначала вас обязательно кое о чем спросят. И они уже из собственного опыта знают, как вас спросить… эффективно.

Король помрачнел, но все же поражения не признал.

— По-твоему, я из этого самого опыта ничего не вынес?

— И какая вам с того польза? Если не считать того, что вы уяснили для себя пределы своих возможностей?

— Ты действительно не догадываешься, как можно воспользоваться полученным знанием в комплексе с заработанной репутацией?

— Просветите недогадливого? — Кантор прекрасно понимал, что его язвительный тон можно воспринять и как оскорбление (что было совсем неправда), и как защитную реакцию (что было очень даже правда), но ничего не смог с собой поделать.

Похоже, король все-таки обиделся, так как просвещать отказался под странным предлогом, что Кантору это все равно не пригодится. После чего весьма сухо и прохладно сообщил, что у него на этом все, а Кантора ждут еще несколько важных визитов, посему не смеет задерживать.

Развеивать заблуждения его

величества было бесполезно, так как он даже не потрудился привести аргументы, которые можно было бы опровергнуть. Объяснять, что он не то хотел сказать, и извиняться за свой тон Кантор не пожелал. Но когда он уходил, на душе было донельзя паршиво.

Отчего-то навязчиво лезли в голову воспоминания о прошлой весне, когда он считал короля погибшим и искренне сожалел о каждом недобром слове в его адрес. И одолевала нехорошая уверенность, что о сказанном сегодня тоже придется пожалеть.

«Глубокоуважаемый брат Чань.

Я пишу вам, так как именно вас считаю единственным достаточно умным, умелым и беспристрастным человеком, способным профессионально разобраться в сложившейся ситуации, не отвлекаясь на личные привязанности и не поддаваясь влиянию стереотипов, но руководствуясь одной лишь логикой.

Вы, несомненно,

знаете, что сейчас я нахожусь в розыске по обвинению в убийстве, и можете отнестись к моим словам с закономерным недоверием, но все же прочтите это письмо до конца.

Приписываемого мне преступления я не совершал. Обвинили меня лишь на основании того, что все остальные участники ужина были исключены из списка подозреваемых ввиду отсутствия мотивов. Я охотно соглашусь, что у

наместника таких мотивов быть не могло, так как в мастере он крайне нуждался. Что до советника, то единственным аргументом в его пользу оставался факт, что он прошел третью ступень, которой не прошел я. И я не ошибусь, если предположу, что автором версии о моей виновности является сам брат Шеллар. Ибо, по моему мнению, это было ему не просто выгодно, а необходимо.

Вы можете мне не

верить и подозревать какую-либо нечестную игру с моей стороны, но уверяю вас: я не убивал мастера Ступеней и совершенно точно это знаю. Поэтому с моей точки зрения логический вывод напрашивается один: Шеллар успешно всех обманул, и на самом деле никакого влияния посвящение на него не оказало. Или же мэтр Максимильяно каким-то образом ухитрился вернуть его в прежнее состояние в первые же дни после

посвящения — по некоторым сведениям, в число его умений входят различные манипуляции с субреальностями измененного сознания. Как бы то ни было, в настоящее время в самом верховном руководстве ордена орудует вражеский шпион, и вы наверняка уже ощутили на себе результаты его вредительской деятельности. При этом все вы безоговорочно ему доверяете, а господин наместник еще и слушает

каждый его совет с раскрытым ртом.

Я не надеюсь, что вы, уважаемый коллега, поверите мне на слово, поэтому не стану изводить бумагу на заверения и клятвы. Единственное, о чем я вас прошу, — проверьте мои слова. Примите предположение об измене брата Шеллара как обычную рабочую версию и в обычном порядке проверьте ее. Проверьте сами, лично, ни с кем не делясь подозрениями, в

особенности с господином наместником — как мне кажется, он настолько попал под влияние Шеллара, что их отношения давно вышли за рамки официальных. Наместник просто не поверит вам, пока не увидит неопровержимых доказательств. А вы их непременно найдете — в противном случае я потерял Тень и мне пора на покой, апельсины выращивать.

Я не стремлюсь вернуть себе прежнюю должность, тем более что посвящение я

так и не прошел, но мне дорого наше общее дело и мое доброе имя, поэтому я позволил себе обратиться к вам с этим письмом. Искренне надеюсь, что оно принесет какую-то пользу.

С почтением,

ваш покорный слуга,

мастер Астуриас».

Брат Чань отложил письмо и в

задумчивости уставился на диковинную лампу, которыми теперь освещался департамент. Свет едва заметно мигал — видимо, не хватало мощности генератора или же барахлила наспех протянутая проводка.

Все было просто, предельно просто, всего две версии без каких-либо побочных вариантов: либо один врет, либо другой. И самое главное — проверяются они одинаково. Нужно только сесть, вспомнить и проанализировать все поступки и высказывания брата Шеллара. Примерить к ним бредовую на первый взгляд версию одноглазого

мистралийца. Скорей всего, он действительно врет и не просто хочет вернуться, а затеял какую-то многоходовую игру, но даже самую мизерную вероятность надо все же проверить. А вдруг?

Брат Чань положил перед собой два чистых листа и вывел на одном аккуратный иероглиф «правда», а на втором — столь же аккуратный иероглиф «ложь». После чего принялся вдумчиво и неторопливо покрывать мелкими, почти нечитаемыми иероглифами оба листа попеременно.

Глава департамента отлично знал ортанский язык и умел писать рунами

куда грамотнее, чем престарелый брат Чи, но сегодняшние размышления… Чем меньше народу сможет их прочесть, тем будет лучше. В такой ситуации очень легко ошибиться, поэтому действовать следует так, чтобы в случае ошибки ее никто не успел заметить.

Наместник вернулся внезапно, как возвращаются из похода рогатые мужья. Вечером восьмого дня Сиреневой луны Шеллар, сидя в его (бывшем своем) рабочем кабинете, на мгновение склонился над очередным творением брата Гельби, чтобы внести поправку, а когда поднял

голову — у стола уже стоял Харган, странно возбужденный, нервный и недовольный.

Шеллар быстро окинул его взглядом, безошибочно выхватив из общего встопорщенного облика шефа все значимые мелочи, и изобразил самую нейтральную и скромную улыбку, на какую был способен. Несмотря на успешное завершение своей миссии, парень явно раздражен и чем-то недоволен, следовательно, неуместные выражения счастья могут разозлить его еще больше. Но вместе с тем не выразить вообще никакой радости по поводу успеха — тоже не лучший вариант.

— Вижу, вас можно поздравить. — Теплоту в голосе изображать не пришлось, Шеллар действительно рад был видеть этого оболтуса, хотя тот своими подвигами изрядно усложнил работу господам магистрам. — С Повелителем все в порядке?

— С ним — да, — проворчал Харган и, рывком подтянув к себе ближайший стул, уселся на него верхом. — А как ты догадался?

— Ваш хвост, — честно пояснил Шеллар, взглядом указывая на источник своей осведомленности. — Он до сих пор кровоточит, из-за чего на штанах образовалось небольшое

пятно. И, кажется, он стал короче. Следовательно, вам довелось докладывать Повелителю о происходящем, ибо никто иной не посмел бы судить ваши поступки и наказывать подобным образом. Соответственно, смею предположить, что расстроены вы именно этим?

Наместник раздраженно дернул носом и с видимой неохотой выдавил:

— Частично.

— Если вы не хотите об этом говорить, я не стану больше проявлять подобную бестактность. Единственное, что осмелюсь все же спросить, — как ваше самочувствие? Вы в состоянии рассказать мне

подробнее о спасении Повелителя или предпочтете сейчас отдохнуть и к делам приступить завтра? Может быть, пригласить целителя?

Харган сверкнул глазами и красочно послал всех целителей по веками проверенному маршруту, отправив вслед за ними и брата Шеллара с его заботой. Как и ожидалось.

— Что ж, раз в медицинской помощи вы не нуждаетесь и чувствуете себя нормально, то я с нетерпением жду вашего рассказа о спасении Повелителя.

— Да что рассказывать… — вздохнул демон. — Ты же никого там

не знаешь, половину не поймешь…

— Полагаю, мне рано или поздно все же следует хотя бы поверхностно и заочно познакомиться с нашими соратниками в соседнем мире, — не отступил Шеллар. — Но если для вас даже краткий рассказ о них представляет сложность, или если Повелитель запретил вам распространяться, скажите хотя бы в двух словах, что с ним произошло и каково положение дел на данный момент. Что поведал Повелитель? Какие инструкции дал? Что еще, кроме инструкций, вам удалось получить? Будут ли у нас новые излучатели?

— И все это в двух словах? — обреченно произнес наместник.

— То есть ваша необщительность объясняется не усталостью или самочувствием, а просто нежеланием кого-либо видеть и о чем-либо беседовать? Простите, я не имел намерения обидеть вас. Если все так плохо, идите отдыхайте. Поговорим, когда у вас появится такое желание. Есть что-нибудь, что мне следует знать срочно?

Бедняга помолчал немного, пока нежелание жаловаться на Повелителя боролось с нежеланием выглядеть депрессивным нытиком.

— Послушай, — сказал он

наконец, — что ты прицепился? Я нормально себя чувствую и в состоянии работать, но ты же видишь, что я сейчас раздражен и сердит, потому и не хочу заводить разговор о делах, боюсь выйти из себя и опять вынести тобой дверь. Неужели ты сам этого не понимаешь? Или любопытство все равно сильнее? Потерпи до завтра.

Советник почтительно наклонил голову.

— Как скажете. Совещание на завтра собирать, или вы будете обсуждать все вопросы приватно, с каждым по отдельности?

— Еще чего — с каждым! Разве

что с тобой, и то после совещания. Собирай.

— На который час?

— Ну и зануда… На десять.

— Будет исполнено. Спокойной ночи, господин наместник.

— Угу, — мрачно проворчал Харган и, одним движением спрыгнув со стула, вышел вон.

Шеллар отметил про себя, что кому-то сегодня все же не поздоровится — по пути от кабинета до спальни наместнику обязательно кто-нибудь попадется, а он сейчас готов отвязаться на первого попавшегося, — прислушался к звукам из коридора и вновь склонился

над бумагами.

Харган действительно пребывал в расстроенных чувствах, но, объясняя это советнику, все же немного покривил душой. Не настолько он был зол, чтобы на людей кидаться, да и в целом назвать злостью владеющее им чувство было бы неправильно. В душе наместника кипели обида и яростный протест против несправедливости. Впервые в жизни он не мог безропотно принять наказание от учителя и признать его правоту.

Возможно, в отношении лично Харгана Повелитель не слишком погрешил против справедливости.

Мастера Ступеней не уберег — раз. Излучатель потерял — два. За пленниками не присмотрел как положено — три. Козни вражеских магов прозевал — четыре. Брата Джарефа вовремя не приструнил — пять. Дракона из-под носа увели — шесть. За Блаем недоглядел — семь. Истинная вера распространяется плохо и медленно — восемь. Артефактов собрано только шесть из десяти — девять. Итого девять раз — хрясь! хрясь! хрясь! И девять колечек хвоста, действительно напоминающих нарезанную колбасу. Больно, обидно, и хвост укоротился настолько, что даже Шеллар заметил.

Но как бы то ни было, свою нарезку хвоста Харган заслужил, пусть даже остальные из девяти пунктов и были придирками, одного мастера Ступеней и потерянного прибора хватило бы с лихвой, чтобы порубить этот хвост на любое количество частей. Он также согласен с тем, что Танхер и Клюв были биты за дело — вернее, за отсутствие такового. Но Кайдена за что? Нет, Повелитель, конечно, всегда прав и все такое, но почему? Почему Кайдена, который все взвалил на себя и со всех сторон Повелителя прикрыл, наказали всего лишь за поездку в долину, а Нимшаст за все свое

свинство и безделье никакого наказания не понес? Так нечестно!

Поглощенный своими мыслями, Харган даже не заметил, как автоматически, по привычке вместо своей спальни пришел к той самой комнате на третьем этаже, кивнул охраннику, не поняв, отчего тот так удивился, и толкнул дверь.

Только войдя, он вспомнил, что Ольга здесь давно не живет, и тоже удивился — почему тогда охранник у дверей и свет в комнате?

— Кто там? — донесся из-под кровати нежный голосок, показавшийся Харгану смутно знакомым. Затем появилась тонкая

женская рука, сжимавшая то ли сережку, то ли подвеску, словом, какую-то побрякушку, за которой хозяйка и полезла под кровать.

А потом поднялась и сама хозяйка, представ перед заплутавшим советником в полный рост.

— О, это ты, — улыбнулась она, словно старому приятелю, которого давно ждала, условившись о встрече. — А Шеллар сказал, ты уехал.

— Я… — едва выдохнул Харган, продираясь сквозь внезапное оцепенение. — Я… приехал.

Перед ним стояла девушка из его снов. Та самая. Прекрасная.

Единственная. Которую он даже не надеялся когда-либо встретить во плоти.

Она стояла и улыбалась — точно так же, как во сне, открыто и приветливо, без тени страха или отвращения.

— Вот и хорошо. — Девушка шагнула вперед, грациозно качнула станом, огибая кровать, легко и невесомо переступили по ковру босые ножки… Сходство с красавицей из сна было слишком точным для случайного совпадения. Харган узнал каждую черточку, каждое движение и даже браслет на щиколотке. На миг ему показалось, что это — тоже сон,

что на самом деле он спокойно дошел до своей кровати и лег спать, просто не помнит, потому что это сон и в нем нет места бытовым мелочам реальности.

— Кто ты? — в очередной раз задал он свой мучительный вопрос, на который так ни разу и не получил вразумительного ответа.

— Азиль, — ответила она и протянула руку. Не как протягивают женщины для поцелуя. Не как мужчины для рукопожатия. А как это делают дети — чтобы взяться за руки и вместе куда-то бежать.

Харган осторожно взял ее руку в свою, все еще не понимая, что

происходит. Надо было что-то сказать, а в голове было пусто и звонко, словно все мысли тоже взялись за руки и куда-то убежали, лишив хозяина способности соображать и оставив глупо хлопать глазами перед прекрасной незнакомкой. Ах нет, она же представилась. И он даже где-то слышал ее имя прежде… но разве теперь вспомнишь?

— Я… меня зовут Харган, — с большим трудом вспомнил он, что надо представиться в ответ, а всякие подробности вроде того, что он наместник и к нему следует обращаться как-то там, оказались

слишком сложны для его мозгов, затуманенных нечеловеческой прелестью девушки из снов.

— Ты очень странный… — Ее взгляд, устремленный скорее не на собеседника, а куда-то вглубь него, застыл, а голос стал звучать неестественно, словно из транса. — В тебе много зла, но в то же время… Ты сам не сознаешь, чего хочешь… Не знаю, смогу ли я тебе помочь… Ты ведь человек только наполовину… И нужно ли тебе это?…

— Кто ты? — повторил Харган, начиная уже нервничать из-за полного непонимания происходящего. — Не имя, а вообще…

Что ты такое? Ты тоже не человек… Ты что-то волшебное…

Мало того, что он не мог ничего понять, — он был не в состоянии даже обдумать ее слова, вспомнить, где слышал имя, и найти какое-то приемлемое объяснение ее появлению в этой комнате. Единственное, что ясно сознавалось и не требовало умственных усилий, — безумное желание пасть на колени у ее ног, облизать руки, подхватить в объятия и уткнуться носом в нежную ложбинку между грудями… И тогда то самое мягкое, головокружительное чувство, исходившее от ониксовой статуэтки и не раз пережитое потом в снах,

придет вновь и останется с ним навсегда.

— Ну да, — с легким недоумением отозвалась красавица. — Я не человек. Я нимфа. Я думала, ты видишь. Маги обычно видят.

— Я… вижу, просто не знаю, что это такое и как называется. — Чтобы это объяснить, потребовалось такое нечеловеческое напряжение мысли, что больше ничего умного Харган подумать не смог. Сил не хватило.

— Ты пришел просто посмотреть или хочешь остаться со мной на ночь? — как ни в чем не бывало предложила нимфа.

— А можно? — сорвалось с языка прежде, чем разум успел сообразить, как глупо и унизительно выглядит взрослый человек, правая рука Повелителя, правитель четырех держав, произнося эти слова, достойные покойного рядового Нихха.

— Не знаю, нужно ли, — ласково рассмеялась она и все так же непринужденно притянула его за руку поближе к себе. — Но несомненно можно. В тебе что-то есть… Что-то… такое… небезнадежное.

И, протянув вторую руку, бережно погладила по щеке.

Это было… как удар током. Как выстрел в голову. Как «объятия

мрака», только навыворот. Он словно потерял сознание, но при этом мог видеть, слышать и владеть своим телом. Только думать не мог совершенно — все, что случилось потом, происходило стихийно, на инстинктах, на эмоциях, в непрерывном бессознательном восторге.

Харган все-таки упал на колени у ее ног, обхватил руками, зарылся лицом в шелка и кружево и замер так, боясь пошевелиться и спугнуть овладевшее им блаженство. Он даже не заметил, как тихонько приоткрылась дверь у него за спиной и почти сразу же закрылась вновь,

едва не прищемив любопытный нос советника.

— Все в порядке. — Шеллар кивнул перепуганному охраннику, который, опасаясь за сохранность вверенного объекта, но все же не смея войти и нарваться на гнев демона, принял единственное разумное решение — позвать на помощь советника. — Она его уже пригласила, так что все дальнейшее ничем ей не грозит. А подробности я разъясню господину наместнику завтра утром.

Рядовой Нетери облегченно выдохнул, покосился на дверь,

помялся и все же решился спросить:

— А она… ну, это… как выбирает?

— Что, тоже хочешь? — понимающе усмехнулся Шеллар. Хотя сам он был решительно против подобного способа решать проблемы, но жаждущих чуда все же мог понять. Это вчера, когда незнакомка в потрепанном платьице ломилась в ворота, им хотелось только секса с красивой молодой девицей. Сегодня же, после того как юный Харим, сын Амана, провел с ней ночь и наутро излечился от врожденной аномалии развития гениталий и сопутствующей импотенции, его товарищи уже не

просто желали удовольствий — они ждали чуда. Грубые, суровые люди, выросшие в мире, весьма недобром к своим обитателям, они бесхитростно поверили в сказку, едва лишь столкнулись с наглядным свидетельством — чудеса бывают, и их можно увидеть собственными глазами и даже пощупать… ну, теоретически… за «практически» Харим и морду может набить… И так же легко, как существование подобных чудес, они приняли и главное правило игры: чудо нельзя получить силой или обманом, его должны тебе подарить, иначе ничего не будет. Теперь они все ждут подарка

— хорошо, если только шестой кулак, слухи наверняка уже распространились по всей столице, и жаждущих значительно больше. — А у тебя разве какие-то проблемы?

Видно было, что только высокое положение советника уберегло его от адекватного ответа на подобные намеки.

— Таких нету, как у Харима, — чуть зардевшись, пояснил парень. — Ну а вдруг чего-то такое… такое… необычное будет?

— Магическую Силу от этого не обретают, — щедро проконсультировал советник. — Во всяком случае те, у кого ее прежде не

было. Крылья, как у господина наместника, у тебя тоже не вырастут. Внешний облик в подобных случаях тоже не меняется, так что красавцем вроде Тхима ты за одну ночь не станешь. Но что-то хорошее будет несомненно. А как нимфа выбирает мужчин — не знает никто.

— Даже вы? — поразился Нетери. Похоже, не один Харган теперь считает советника всеведущим.

— Более того — даже она сама этого не знает. Понимаю, каждый из вас хотел бы заслужить ее внимание и готов ради этого на жертвы и подвиги, но нет такого способа. Вы можете только ждать. Кому-то повезет, кому-

то — нет.

Из комнаты донесся грохот упавшего стула. Судя по неприкрытой зависти, с которой охранник оглянулся на дверь, он был уверен, что наместнику повезло, причем совершенно незаслуженно и не в свою очередь.

Шеллар в этом уверен не был. Разумеется, что бы ни произошло с Харганом после неожиданного свидания, это несомненно будет полезно и для него, и для окружающих. Но вот принесет ли оно ему счастье — еще неизвестно.

К десяти на совещание любезное

начальство не явилось. Видимо, усталый демон пригрелся под теплым бочком нимфы и проспал все на свете. Будить его, разумеется, желающих не нашлось. Даже вечно недовольный брат Павсаний, не успевший позавтракать и оттого обиженный на весь свет еще более, чем обычно, только засопел в ответ на предложение исправить ситуацию самостоятельно. А донья Хосефина, которую патрон в последнее время пристрастился посылать на подобные совещания вместо себя, намекнула, что советник мог бы сделать это и сам, как пользующийся особым расположением.

— Я понимаю, — с самым серьезным видом согласился Шеллар, — вас склоняет к подобному рассуждению тот факт, что у меня осталось еще три целых конечности и две челюсти в придачу. Однако сочту уместным заметить, что у всех прочих присутствующих вдобавок к вышеперечисленному имеются еще по одной целой ноге и неповрежденному носу, что делает их более подходящими кандидатами на подвиг.

Брат Вольдемар скривился, словно от зубной боли. Шеллар давно заметил, что подобные образцы высокого канцелярского слога оскорбляют поэтический слух

министра, и при каждом удобном случае старался доставить ему это удовольствие.

Брат Хольс сердито нахмурился — он тоже не любил, когда ему всякий раз напоминали о его босяцком происхождении и вопиющей необразованности. Не для того он достигал вершин власти, чтобы еще каким-то глупостям учиться, достаточно того, что грамоту осилил и труды Повелителя прочел.

Брат Чи скорбно полез в словарь с обреченным видом человека, заранее знающего, что искомого не найдет, а если найдет, то не сможет сложить найденное в целостную

фразу, обладающую смыслом.

Донья Хосефина слегка изменилась в лице — видимо, представила себя на костылях и со сломанным носом, это в дополнение к прочим ее несравненным прелестям.

Брат Павсаний засопел сильнее, подозрительно поглядывая на окружающих: а не скрывается ли в столь сложном для понимания обороте какое-нибудь скрытое оскорбление его персоны?

Брат Аркадиус посмотрел на советника с отеческой укоризной и покачал головой: дескать, зачем же провоцировать конфликты?

Шеллар в первый момент даже не

понял, что не так. Все вроде как обычно, все реакции предсказуемы и проверены, откуда странное ощущение, будто где-то произошел сбой и что-то пошло вопреки привычному порядку? Он наскоро обежал глазами явившихся на совещание братьев — а вдруг кого-то просто нет? — и вмиг понял, в чем дело. Нет, все на месте. Просто один из них повел себя не так, как всегда. Знаток и ценитель бюрократической словесности брат Чань обычно в таких случаях едва заметно усмехался и слегка приопускал веки, выражая тайное одобрение. Сегодня же брат Чань словно пропустил замечание

мимо ушей, занятый какими-то своими мыслями. Казалось бы, ладно, задумался человек, прослушал, с кем не бывает. Но в тот момент брат Чань вовсе не о философских тайных смыслах задумался и не о грядущем отчете. Он смотрел на брата Шеллара, пристально и внимательно, словно что-то анализировал.

Неужели подозревает? И если да, то на чем он прокололся? А если нет, то какое иное объяснение можно найти?…

— Зачем же так шутить, дорогой брат? — Глава ордена решил все же высказаться на правах старшего. — Ведь прекрасно понимаете, что имела

в виду уважаемая дама. Вы действительно пользуетесь особым расположением наместника, и к вам он относится немного иначе, чем к остальным. Я тоже полагаю, что вам он легко простит то, за что любой другой из братьев будет жестоко наказан.

— Увы, вы ошибаетесь, — возразил Шеллар, заставляя себя оторвать взгляд от брата Чаня и перевести на собеседника. — В гневе господин наместник не делает различий между соратниками, не разбирает правых и виноватых и не помнит, к кому он расположен, а к кому нет. Смею вас заверить, в тот

печальный момент, когда он меня покалечил, он был расположен ко мне не менее, чем сейчас.

— Что поделать, — вдруг подал голос брат Чань, — никто из нас так и не знает толком, как это все произошло, отчего и за что. Ни вы, ни господин наместник не снизошли до объяснений и до сих пор аккуратно обходите эту тему в разговорах. Неудивительно, что братья толкуют происшедшее в меру своего разумения и ошибаются в толкованиях. Кстати, раз уж мы в ожидании господина наместника все равно скучаем в праздности, может быть, вы просветите нас? Что там произошло

на самом деле?

Вот те раз… И как понимать это внезапное любопытство? Как праздное? Как профессиональное? Или оно все же связано с уже замеченным пристальным интересом уважаемого брата к персоне советника? Высшие силы, неужели заподозрил? Хотя что тут удивительного, давно пора было. Сам Шеллар заподозрил бы неладное еще луну назад. Но вот знать бы точно…

— К сожалению, я не уверен, что господин наместник сочтет подобные откровения с моей стороны уместными и допустимыми. Поэтому без его согласия я считаю

неприемлемым публично обсуждать упомянутый инцидент. Кроме того, мне странно слышать от главы департамента открытое признание, что он скучает и ему совершено нечего делать.

— За пределами этой комнаты у меня полно дел. — Брат Чань не дрогнул, но и ответного выпада не сделал. — И я хотел бы поскорее к ним вернуться, так как даже временное безделье тяготит меня не менее, чем вас.

— Кстати, о ваших делах. Как поживает мой кузен? Удалось вашим людям обнаружить какие-либо контакты?

— К сожалению, никаких контактов он искать не стал, а направил свои усилия на поиски способа проникнуть во дворец. Поскольку путь этот он успешно нашел, пришлось срочно брать его прямо на месте.

— Подумать только! — старательно удивился Шеллар. Кузен Элмар, конечно, достаточно бестолков, чтобы наплевать на осторожность, когда речь идет об Азиль, но не настолько глуп, чтобы не найти способа проникнуть на охраняемую территорию дворца. Самый очевидный и простейший способ, до которого первым делом

додумываются бесхитростные особы вроде Элмара и Ольги, — поднырнуть под ажурные Речные ворота. И если для Ольги подобная попытка окончилась бы глубоким разочарованием, то Элмару, чтобы разогнуть донные решетки, достаточно всего лишь немного поднапрячься. — И где же обнаружилось слабое место в охране дворца?

— Речные ворота, брат Шеллар. К счастью, чтобы воспользоваться этим слабым местом, злоумышленнику требуется обладать столь же выдающееся силой, как у вашего кузена.

— Как все прошло?

— Наилучшим образом. Усыплен и водворен в надежную камеру, для верности к дверям приставлен вампир.

В разговор немедленно влез брат Хольс, который вторую неделю ныл, что для укрепления веры ему позарез необходимо устроить хоть одну показательную торжественную казнь какого-нибудь еретика-злоумышленника и теперь нашел для этого дела подходящего кандидата. Разочаровать энтузиаста Шеллар не успел — в зал ворвался проспавший Харган, на ходу извиняясь за опоздание, и все разговоры смолкли

сами собой. Не потому, что братья испугались или вострепетали, а потому что они единодушно потеряли дар речи, услышав из уст наместника извинения.

Шеллар, который заранее ожидал увидеть в нем изменения и лишь гадал с обычным своим любопытством, какими именно они окажутся, внезапному припадку вежливости не удивился. Но вот неуместный щенячий восторг, блаженная улыбка и отсутствующий взгляд его обеспокоили. Если ночь с нимфой и сделала демона добрее, это все же не должно было доходить до клинической степени. Не хватало

только, чтобы он теперь бросил свою тяжелую неэтичную работу и посвятил остаток жизни помощи больным и убогим…

Харган между тем занял свое место и вопросительно воззрился на присутствующих. Похоже, он не помнил, зачем они вообще собрались, и ждал, что ему кто-то объяснит, зачем в такой прекрасный весенний день толпа народу набилась в тесный и душный зал, вместо того чтобы собирать ромашки в полях.

— Господин наместник, — Шеллар поспешил на помощь, пока остальные братья не догадались о том же, что и он, — мы все тоже

невыразимо рады вашему успешному возвращению и жаждем услышать хоть какие-нибудь подробности. Поэтому, если вы не возражаете, было бы лучше, если сначала вы расскажете нам о вашем путешествии и сообщите новости от Повелителя, а потом мы доложим, что здесь произошло за время вашего отсутствия.

Витающий в облаках правитель с трудом вернулся на низменную и суетную землю. Даже не совсем вернулся, а просто снизился до высоты, с которой видны копошащиеся на улицах людишки.

— А может, все-таки вы начнете? — не очень уверенно

произнес он. По-видимому, бедняга забыл, о чем собирался говорить, и нуждался во времени и наводящих вопросах.

— Действительно! — тут же поддержал драгоценное начальство брат Аркадиус. — Брат Шеллар, я понимаю, вы с братом Чанем хотели бы максимально оттянуть свой доклад, но неужели вы думаете, что часом позже господин наместник более благосклонно воспримет новость о том, что вы уморили хранительницу жезла и скрывали сей факт от господина наместника до самого его отбытия?

Вот те раз! Нет, конечно,

наблюдая за выборами первосвященника, Шеллар видел, что брат Аркадиус пакость еще та, и не возражал против его кандидатуры лишь потому, что по его расчетам выборы на эту высокую должность фактически являлись подбором кандидатуры на грядущую публичную казнь. Но настолько наглого стукачества советник не ожидал. То ли братом Аркадиусом кто-то умело манипулирует, то ли он оказался хитрее, наглее и глупее, чем думал о нем Шеллар.

— Спасибо, дорогой брат Аркадиус, что взяли на себя нелегкую задачу доложить об этом

прискорбном инциденте, — тут же откликнулся он. — Если бы вы еще знали обсуждаемую ситуацию получше и доложили также, что мы давно нашли замену умершей, наша благодарность была бы даже более ощутимой. Но раз самое главное вы уже все равно сообщили, не вижу смысла прерывать господина наместника.

— Подожди… — Наместник предостерегающе поднял ладонь, дабы подданные несвоевременными замечаниями не мешали ему медленно возвращаться в реальность. — Что там случилось с хранительницей? Кто ее уморил?

Какая замена?

— Никто ее не морил, — послушно доложил Шеллар. — Просто нашему дорогому брату захотелось щегольнуть красноречием. Хранительница скончалась от естественных причин, и замену мы ей действительно нашли. Полагаю, Повелитель осведомлен об особенностях физиологии нимф и поймет ситуацию правильно.

Харган медленно опустил руку и оперся о стол, словно ему вдруг стало трудно стоять без опоры. Затем столь же медленно сел и обвел почтенное собрание непонимающим взором блаженного.

— Нимф?.. — беспомощно переспросил он.

— Ну вы же помните, — поспешил на помощь брат Чань, тоже заметив, что начальник малость неадекватен и нуждается в поддержке. — Хранительницами жезла всегда были созревшие нимфы… А Стражами — их избранники… Потеряв любимого человека, зрелая нимфа очень скоро умирает…

— Да я не о том! — нервно перебил его наместник. — Замена — это… та самая… на третьем этаже…

— Да, это Азиль, — подсказал Шеллар, понимая, что бедняга не

забыл имя красавицы, а просто не решается произнести его вслух.

Наместник вдруг резко вскочил, словно собирался заорать, рвануть на груди рубаху и ринуться истреблять все живое в пределах видимости, но своевременно взял себя в руки.

— Найдите другую, — срывающимся голосом произнес он. Это прозвучало несколько неуместно, но очень четко и уверенно. По крайней мере теперь было видно, что демон окончательно вернулся из заоблачных высей и полностью понимает, где он находится и что вокруг него творится.

— Конечно, — торопливо влез

Шеллар, пока глава департамента на секунду зазевался, пытаясь понять причины столь странного заявления. — Мы понимаем, незрелая нимфа — это не совсем то, что требуется Повелителю, и продолжаем искать более приемлемый вариант.

— Э-э… Да. Спасибо. Я понял. — Вот теперь, кажется, он понял действительно все. В том числе и бестолковость собственного поведения. — Итак, прежде всего позвольте мне сообщить вам самую приятную из сегодняшних новостей. У нас опять есть портал, и мы опять можем регулярно получать помощь и указания от Повелителя…

Итак, налицо всеобщее понимание. Молодой демон понял, что произошедшие в нем перемены не стоит демонстрировать этой стае стервятников. Советник понял, что балбеса угораздило каким-то образом влюбиться в нимфу, чего с нормальными людьми обычно не происходит. Первосвященник понял, что мимо него проходит какая-то важная информация и надо как следует напрячь понималку, чтобы вдруг не упустить выдающийся шанс возвыситься. Хотя, казалось бы, куда ему еще? Брат Павсаний понял, что лично его никто обидеть не пытался, и ладно, брат Хольс понял, что

публичную казнь ему опять зажилят, брат Чи по обыкновению не понял ничегошеньки… А вот что понял брат Чань? И более того: как он намеревается свои новые познания применить?

Пробудившись от заполошного грохота, Ольга за несколько мгновений в полной мере ощутила жизненность народного выражения «чуть не родила с перепугу». Вот так спишь себе спокойно в своей постельке, и вдруг за окном кто-то внезапно, без предупреждения начинает лупить в рельсу… ну, или в колокол, или в огромный гонг, чего

там у них в хозяйстве имеется. Сопровождается это сольное выступление хором невнятных воплей, выстрелов, топота и звона оружия. Ты, вскочив спросонья и не понимая, что происходит, кидаешься вцепиться в единственное, что может поддержать в тебе связь с реальностью и как-то защитить, — то есть в мужа. И обнаруживаешь рядом с собой пустую кровать и ничего более! Как тут не перепугаться!

Правда, несколькими секундами позже, проснувшись окончательно и вспомнив, что Диего сегодня ночью дежурит в карауле, потому что уже второй день на дворец ожидают

нападения, Ольга все поняла. Ожидаемое нападение состоялось, вот в чем дело. Кто-то бьет тревогу, а во дворе идет бой. Боже мой, и ведь надо было им напасть как раз в тот момент, когда Диего там!

Ольга торопливо впрыгнула в тапки и натянула через голову длинную местную рубаху. Кажется, наизнанку, но попробуй разберись в темноте. Поверх рубахи полагалось еще надевать сарафан или юбку с кофтой, но на условности не было времени, и Ольга ограничилась кольчугой, успокаивая себя, что и так сойдет. Нашарив на столе заряженный пистолет и прихватив стоящее в углу

осиновое копьецо с посеребренным наконечником, она выскочила из комнаты и, осторожно нащупывая каждую ступеньку, двинулась вниз по лестнице. Стоило бы взять свечу, но куда — в зубы разве что, и так обе руки заняты.

Как хорошо, когда тебе заранее объяснили, что делать, и не надо мучительно соображать, как поступить, чтобы и правильно, и достойно, и дурой потом не выглядеть! Значит, оружие взяла, теперь спуститься к Мафею и Саше и вместе с ними бежать на первый этаж, там найти девицу Анфису и помочь ей перетащить в королевские покои

принцев-бастардов. Не ахти какая перспектива — отсиживаться в укрытии, куда сбежится все женское население дворца и непременно учинит панику, истерику и плач с завываниями, но делать нечего… Ольге очень, очень хотелось бы помочь Диего и всем, кто сейчас сражается во дворе, но увы! Он был совершенно прав, объясняя, что против вампиров она со своим пистолетом и отвагой совершенно бесполезна, а все эффективные методы — то есть махание серебряными мечами, опутывание серебряными сетями и забивание осиновых кольев — требуют мужской

силы. Ну или хотя бы приближенной к мужским показателям многолетними тренировками, чем Ольга, конечно же, не могла похвастаться. Нет, как все-таки несправедливо устроен мир!

Мафей и Саша выскочили из своей комнаты точнехонько в тот момент, когда Ольга ступила на последнюю ступеньку. Девчушка, азартно и где-то даже восторженно сияя глазами, одной рукой прижимала к груди здоровенный осиновый кол, а в другой держала керосиновую лампу, чтобы освещать дорогу. Похоже, осветительный прибор тоже вызывал у нее восхищение. Мафей сжимал в каждой руке по такому же копьецу,

как и у Ольги, и на его обиженной мордашке огромными буквами читались все те же мысли о несправедливости мира. Только, пожалуй, без всякого осознания собственной бесполезности — он-то не ребенок и не беременная женщина, а его все равно не пустили в бой и поручили всяких беспомощных сопровождать!

— Ты знаешь, куда нам теперь? — спросила Ольга, чтобы скорее отвлечь его от обид и занять вопросами более практическими.

— Знаю, — недовольно отозвался Мафей и двинулся к лестнице, взмахом руки приглашая следовать за

собой. — Только одно мне непонятно: неужели нельзя было заранее тебе это показать, чтобы вы без меня туда спустились?

— Нам еще детей тащить, — напомнила Ольга. — А мне нельзя поднимать тяжелого, и Саша, пожалуй, такого бутуза не унесет. Поэтому одного возьмет мать, а второго — ты. Там все продумано.

— Там продумано только одно, — огрызнулся принц, — чем бы меня занять, чтобы в бой не пустить! Помочь вам тащить детей могла любая служанка!

— Все эти умные рацпредложения изложишь потом

дяде, — перебила Ольга, которой совсем не хотелось выслушивать запоздалые жалобы его высочества. — Раз не изложил сразу.

Мафей покосился на подружку и продолжать свои рассуждения о жестком мире не стал. Уж больно смахивало на нытье и жалобы, а суровая девочка Саша не относилась к породе жалостливых недотеп, подбирающих непонятых миром сусликов.

Уже на первом этаже они наткнулись на несколько организованных групп дворовых женщин. В каждой группе насчитывалось три-четыре

перепуганных до дрожи в коленках паникерши, которыми руководила несгибаемая тетка, из тех, что коня на скаку и в горящую избу. Под суровым взором и грозным цыканьем руководящих теток дрожащие бедолаги резво следовали куда им было сказано, не решаясь причитать или, упасите боги, визжать. Это ж надо было так их всех организовать, вот ведь какой молодец Мафеев дядя!

— Вы куда? — строго вопросила одна из теток, заметив группу, идущую не в том направлении. Было видно, что она готова поруководить и этими заблудшими овцами, если понадобится.

— За Анфисой, — коротко пояснил Мафей, даже не притормозив. Уточнений не последовало — раз люди знают, куда бегут, значит, в присмотре не нуждаются.

Бесперспективная любовь принца Кондратия, которой надлежало в ожидании сопровождающих поднять и одеть детей, стояла посреди комнаты, беспомощно расставив руки, и истерически всхлипывала.

— Ты чего? — растерялся Мафей, у которого не было пока случая близко познакомиться с дамскими истериками.

Анфиса еще раз судорожно

всхлипнула и выдавила:

— Дети…

— Что случилось?

— Пропали…

— Как пропали? — Тут уж растерялась и Ольга. Бой шел во дворе, в здание дворца еще никто не врывался, как могли пропасть два таких упитанных карапуза, да еще и бесшумно?

— Я проснулась… — прорыдала несчастная мать, — а их не-е-е-ет…

Саша аккуратно прикрыла за собой дверь и словно прислушалась к чему-то.

— Где-то они здесь, — уверенно сказала она. — Я слышу, как они

боятся.

— Может, они испугались и спрятались? — предположил Мафей. — Под кровать например?

Обнадеженная Анфиса немедленно прекратила рыдать и упала на четвереньки, высматривая под кроватью и окликая свои сокровища.

— Нету их там… — доложила она, исследовав темноту под кроватью. — Может, в шкафу?

Все вчетвером они быстро осмотрели комнату — по крайней мере, все ее места, где может спрятаться двухлетний ребенок. Это уже мистика какая-то получалась —

детишек не было! Не видно и не слышно, вот что больше всего поразило Ольгу. Даже спрятавшиеся дети производят какой-нибудь шум — возятся, сопят, дышат, в конце концов. Принцы же умудрились исчезнуть бесшумно, хотя все еще было непонятно, куда можно деваться из запертой комнаты.

— В шкафу хорошо смотрели? — задумчиво изрекла Саша, когда все разумные места были обшарены и недоумевающие искатели остановились, растерянно пялясь друг на дружку, словно ожидая мудрого совета.

— Три раза, — отозвался

Мафей. — А что, ты и направление чувствуешь?

— Не очень точно, но в комнате всего четыре угла, и все близко. А под шкафом?

— Да не влезет туда дите-то!

— М-да? — Саша задумчиво оглядела комнату и опять уставилась на злополучный шкаф. — А они у вас во что превращаются?

— Они же маленькие еще! — укоризненно отозвалась Анфиса. — Ни в кого еще не… постой, кто тебе сказал?

— Я ведьма, я так вижу, — пожала плечиками малявка. — А дайте-ка мне лампу, ну вот кажется

мне, что все-таки под шкафом.

Она плюхнулась на живот и деловито заерзала, пытаясь направить свет под шкаф, не пролив при этом керосин на пол.

— Давай я. — Мафей проворно улегся рядом. — Я в темноте вижу.

— Ну, смотри. Что ты там видишь?

— Что-то шевелится… Мышь… нет, крыса… Тьфу ты, надо же — бурундук!

— Один?

— Да вроде… Ой, нет, два. Они просто прижались друг к дружке.

Саша неторопливо поднялась, отряхивая пыль с кофточки.

— Я уже люблю ваш мир, — с насмешливой иронией произнесла она. — В нем столько уникальных образцов альтернативной логики…

— Чего? — растерянно переспросила бедная Анфиса, которая таких слов не слышала даже от своего якобы образованного возлюбленного.

— Если папа — собака, — разъяснила девочка, — и мама тоже собака, объясните мне, почему дети — бурундуки?!

— Я тебе потом объясню, — быстро перебил ее Мафей. — А сейчас лучше подумать, как нам их поймать.

Ольга немедленно вспомнила,

как однажды неплотно закрыла стекло на ящике и семейство хомяков в количестве одиннадцати хвостиков разбежалось по дому. Выслеживание и отлов этого стада сделали ночь большой охоты незабываемой.

— Как обычно, — посоветовала она. — Один выгоняет, а остальные сидят в засаде и ловят выскочивших.

Эх, как же ей самой тогда не хватало помощника, чтобы выгонять! Приходилось ждать, как кошке у норки, когда сами вылезут…

— Ну, давайте попробуем, — согласился Мафей и пошуровал под шкафом древком копья.

Очень скоро выяснилось, что

испуганные бурундуки способны передвигаться по любым поверхностям, включая вертикальные, с такой скоростью, что поймать их можно, только обладая стремительностью столь же дикого хищника. Или хотя бы домашней кошки. А если учесть, что ловить надо нежно и бережно и ни в коем случае не за хвост, чтобы ненароком не покалечить детишек…

Побегав несколько минут по комнате, вереща, толкаясь и двигая мебель, охотники остановились передохнуть и подумать, а дичь в очередной раз забилась под шкаф.

— А еще говорят, что эльфы

нечеловечески быстры и проворны, — ехидно заметила Саша.

— Врут, — огрызнулся Мафей. Покосился на убитую горем Анфису, но предлагать оставить бурундуков в их убежище не решился. И так понятно, что мать не бросит детишек — а вдруг обратно превратятся, а рядом никого? К тому же никто не знает, что будет, если они обернутся все под тем же шкафом, где нет места для человека. Хорошо если просто застрянут, а если задохнутся? — У тебя платки есть?

— Полно.

— Доставай.

Платков у Анфисы действительно

оказался огромный ворох — то ли она их так любила, то ли у бедняги Кондратия туго работала фантазия по части подарков.

Саша с Мафеем встали у шкафа, растянув платок за четыре конца, а Ольга, как недостаточно проворная для ловли, переквалифицировалась в загонщики. Про шкафом, правда, ни черта было не видать, но от нее и не требовалось подпихивать зверьков точно под хвосты — достаточно было просто постучать древком о пол и днище шкафа. В углу немедленно зашуршало, и малыши вылетели из своего убежища, как две полосатые ракеты. Один с разгону точно

вписался в самую серединку платка и был немедленно подхвачен, укутан и увязан в узелок, второй же успел отвернуть в сторону. Молниеносно прошмыгнув мимо зазевавшейся матушки, хвостатый принц-бастард одним прыжком взлетел на сундук и втиснулся между сундуком и стенкой, смешно вертя хвостиком и попкой. Ловцы, поспешно сунув Анфисе узелок, ухватили второй платок и ринулись к сундуку, но малыш уже успел перебраться под кровать. Пришлось лезть за ним и опять шарить в темноте, осторожно постукивая, чтобы не задеть хрупкого зверька. Паршивец выскочил совсем

не с той стороны, где его поджидали, стрелой промчался через комнату и опять исчез под шкафом…

После третьего круга, проводив бессильной руганью в который раз ускользнувшего под шкаф племянничка, Мафей высказал мысль, что этот из близнецов почему-то пошел не в отца. В отличие от быстро пойманного брата, который давно утих, пригревшись у матери за пазухой, и уже не порывался выпутаться из платка и удрать под шкаф.

Ольга заметила, что мысль умнейшая, но в бурундуколовном деле бесполезная. И предложила заменить

платок на простыню для большего охвата. А то они тут возятся уже минут десять, если не больше, и вот будет весело, если припрутся к запертым дверям.

— Ну уж для нас-то откроют, — возразил Мафей и сдернул с кровати простыню.

Минуту спустя они уже бежали прочь, надеясь, что им все-таки не придется ломиться в запертую дверь. Анфиса прижимала к себе трепыхающийся комок ткани, внутри которого все еще боролся за свободу ошалевший от приключений бурундучок, Мафей непотребно ругался по-мистралийски, Ольга,

которая давно в этих коридорах запуталась и потеряла всякое представление, куда бежать, искренне надеялась, что хотя бы его высочество это знает и не заведет бедных женщин в какой-нибудь кишащий вампирами тупик.

Бежать в темноте было ужасно неудобно, полудохлая керосинка, мелко подпрыгивающая в такт детским шагам, едва успевала высветить пол под ногами, и попадись на этом полу хоть что-то, обо что можно споткнуться, Ольга бы и затормозить не успела. О том, чтобы смотреть по сторонам или далеко вперед, и речи не было. Точно так же,

наверное, чувствовали себя и Саша с Анфисой, потому и не поняли, отчего бегущий впереди Мафей вдруг остановился, да так резко, что они чуть было не налетели на него с разгону.

Только остановившись, Ольга расслышала то, что до сих пор заглушал их дружный топот: чужие шаги, шорох и едва слышный смешок где-то впереди. Саша подняла лампу повыше, и в сумраке коридора они с трудом разглядели две высокие фигуры у лестницы, что вела к их комнатам. Над плечами незнакомцев чудовищными бурками вздымались полусложенные крылья.

Во дворе еще звенели, бегали и орали, значит, бой еще не закончился — видимо, самые хитрые прорвались внутрь через окна верхних этажей, воспользовавшись своей способностью летать. И сейчас стояли как раз на пути беглецов — между ними и последним коридором, ведущим в королевские покои. Ольге даже показалось, что она видит ту самую запертую дверь, но, наверное, все же показалось — слишком далеко и темно…

Свет метнулся в сторону и ниже — это Саша поставила лампу на пол и перехватила коломет двумя руками.

Мафей беспомощно оглянулся.

— Бегите назад, запритесь в комнате и привалите чем-нибудь дверь… — не очень уверенно произнес он. Идея действительно была не самая лучшая — кто знает, что там, позади? Может, туда тоже успели прорваться враги? А если и нет, надолго ли задержит двух вампиров хрупкий мальчишка с легким копьем?

Вампиры неторопливо двинулись вперед уверенным шагом охотников, точно знающих, что дичь никуда от них не денется. Ольга на мгновение пожалела, что не умеет тоже оборачиваться бурундучком или какой-нибудь маленькой мышкой, и

подумала, не стоит ли сейчас выпустить малышей и дать им укрыться где-нибудь в укромной щелке.

Вампиры приближались, в тусклом свете лампы блеснули клинки, похожие на лезвия косы, и металлические кирасы на груди — бессмертные воины позаботились о своих уязвимых сердцах.

Ольга вдруг с ужасающей ясностью поняла, что ни у Мафея, ни у нее самой попросту не хватит сил пробить копьем кирасу и все их оружие совершенно бесполезно.

— Чего стоишь? — хладнокровно произнесли где-то у ее локтя. —

Стреляй.

Ольга встрепенулась и поспешно оглянулась, чтобы поскорее избавиться от наваждения — ей вдруг почудилось, что за спиной стоит призрак короля и отдает распоряжения чужими голосами.

Девочка Саша, вертя в руках практически бесполезный кол, пристально изучала противников тем особым оценивающим взглядом, который Ольга не раз замечала у любимого супруга.

— Ну, быстрее, — подбодрила девочка. — Сделай ему дыру в броне.

Ольга спохватилась и вскинула пистолет. Действительно, пуля

пробьет обычную кирасу, вампиру она не повредит, но потом в эту дыру можно будет попробовать вогнать копье или кол…

Дыхание не успело выровняться после бега, и мушка прыгала перед глазами, как пьяный кенгуру. Так не пойдет, надо ведь точно в сердце…

Она глубоко вдохнула и, задержав дыхание, выровняла пистолет. Три выстрела разорвали тишину. Как легли пули, было не видно, но вампир удивленно приостановился и уставился на свою кирасу. Его приятель подошел, наклонился, приглядываясь, и оба рассмеялись. Как-то уж очень зловеще, как

показалось Ольге.

— Дырочки маленькие! — с досадой простонала девочка. — Кол не войдет! А такая идея была…

— И что теперь?

— Предлагается рассмотреть вопрос об отступлении. В смысле драпать со всех ног.

— Вот и не задерживайтесь, — не оборачиваясь, бросил Мафей.

— Это ты не задерживайся! — Ольга дернула его за рукав. — Вот вы с Сашей берите детей и драпайте, а мы прикроем. Вас точно убьют сразу, а нас с Анфисой, может быть, сначала трахнут, а это какое-то время займет, может, кто-то на помощь прибежит.

— Это ты сама до такого додумалась? — Саша изумленно опустила бесполезное оружие.

— Нет, — честно призналась Ольга. — Само сказалось. Но мысль-то не лишена смысла…

— А если они идейные собратья Луи? — мрачно предположил Мафей.

— Так что, поговорим, выясним их предпочтения и разберемся, кому бежать, а кому стриптиз устраивать?

Где-то далеко за спинами вампиров с тяжелым скрежетом отворилась дверь, выпустив во мрак коридора широкую полосу света и заодно неразборчивый хор подвывающих причитаний. Да, это

действительно была та самая дверь, до которой они не дошли. И ее действительно успели закрыть, но теперь открыли из-за них, вернее, из-за услышанных выстрелов. Почти в тот же миг свет заслонила чья-то фигура, а причитания заглушило энергичное восклицание, не раз слышанное Ольгой от Гиппократа и ни разу для нее не переведенное, ибо самому герою не хватало знания иностранных языков, а все прочие опрошенные вдруг начинали страдать необъяснимыми провалами в памяти или образовании.

Вампиры остановились и заинтересованно обернулись.

— Куда? — Женский голос, рявкнувший сей краткий вопрос, по степени суровости и властности вполне тянул на поминаемый Жаком «королевский ряв».

— Запритесь и не открывайте, пока я не скажу! — столь же непререкаемо огрызнулся мужской, и дверь опять захлопнулась, резко и вызывающе, словно желая сообщить ее величеству, что приказывать она может своим придворным дамам и стражникам, но не гостящим у нее королям.

Десяток шагов в темноте, все ускоряющихся, словно разбег перед прыжком, затем короткий свист…

Зазевавшийся вампир вдруг совсем по-человечески пошатнулся, удивленно уставившись на торчащий из груди наконечник копья, и упокоенным кулем повалился под ноги товарищу. Товарищ гневно оскалился, повертел головой туда-сюда, словно оценивая, с какой стороны опаснее, и стремительно шагнул в темноту.

— Свет! — Саша первой сообразила, что в темноте нежить будет иметь преимущество перед человеком, и бросилась вперед.

— Подожди, давай лучше я… — спохватились Ольга. — Я же выше…

Мафей, спохватившийся

одновременно с ней, уступил даме эту честь и бросился вперед, туда, где уже лязгнули, скрестившись, клинки, — наверное, надеялся как-то помочь.

Ольга подняла повыше лампу и ринулась за ним, успев только крикнуть вслед:

— Не лезь без спросу!

Когда-то давно, еще в первые месяцы их с Диего знакомства, когда она донимала экзотического возлюбленного глупыми мальчишескими вопросами о боевых искусствах и своих шансах на этом поприще, мистралиец среди прочих умных мыслей сказал примерно такое: «Когда два пьяных подмастерья

бьют морды друг дружке, третий может вмешаться и помочь. Когда же дерутся два опытных обученных бойца, которые просчитывают каждое движение и точно понимают, что делают, влезший в драку дилетант — не помощь, а помеха». Ольга не знала, слышал ли об этом Мафей, но точно была уверена, что в фехтовании он примерно такой же специалист, как и она.

— Не лезь! — подтвердил Александр, не отвлекаясь от битвы. — Поставь копья. К стене. Оставь свет. И уходите.

Он выдыхал каждую фразу коротко, хрипло, торопясь скорее

вдохнуть снова. Да, эгинский чемпион был одним из немногих людей на этом свете, способных схватиться на клинках с вампиром и продержаться какое-то время, возможно, его мастерства хватило бы на задуманное — игнорируя уязвимые места все равно бессмертного противника, его выпады раз за разом целили в застежки кирасы, — но уже сейчас, в первую минуту боя, он задыхался.

— Женщины! — повелительно бросил Мафей, кивая на заветную дверь, едва видимую вдалеке. — Бегите!

И послушно прислонил к стене оба копья.

Но вслед столь же послушной невестке не побежал — выхватил третье копье у Ольги и осторожно приблизился, следя за поединком и высматривая возможность отвлечь врага или сунуть древко ему под ноги. Вмешиваться напрямую он не рискнул — наверное, все-таки понимал и намеревался влезть только в случае, если Александр споткнется или промедлит. Впрочем, Ольга очень сомневалась, что упомянутый случай Мафей сумеет вовремя определить. Сама она точно бы не успела. Но и точно так же попыталась бы.

Ни она, ни Мафей, ни вредная девочка Саша так и не побежали.

Эльф метался со своим дрыном, Ольга стояла столбом, изображая подсвечник, а за ее спиной что-то выкрикивала малявка — тем самым потусторонним не своим голосом, каким недавно пыталась наехать на Диего. Языка Ольга не понимала. Вампир, похоже, тоже, но почему-то оглядывался и нервничал.

Александр в очередном пируэте дотянулся до стоящих у стены копий и схватил одно, но ему тут же пришлось принять на древко удар, который иначе он не успевал парировать, и в его руке остался осиновый обрубок.

Опять распахнулась дальняя дверь, на этот раз на всю ширину,

полностью осветив коридор, и Мафей тут же повторил свое ценное указание для присутствующих дам, которому опять никто не последовал. Ольга подумала, что дверь может закрыться опять, и тогда дерущиеся точно окажутся в темноте, а Саша, наверное, осталась просто из вредности.

В прямоугольнике света опять встала чья-то тень. Ольге не видно было, кто это и что он делает, но Александр, видимо, что-то понял и вдруг изменил тактику — оставил в покое вожделенные застежки, принял клинок на клинок, тупым концом древка резко толкнул противника в грудь и отскочил как можно дальше.

Секунда понадобилась пошатнувшемуся вампиру, чтобы восстановить равновесие и шагнуть вперед, намереваясь атаковать дальше.

Человеку в дверях этой секунды тоже хватило. Последний шаг вампир сделал уже по инерции и, выронив свой страшный, похожий на косу меч, рухнул лицом вперед, предъявив зрителям оперенный конец стрелы, торчащий из спины.

Александр перевел дыхание и, подхватив второе копье, всадил рядом со стрелой — для верности.

— Быстрее, вы, герои убогие! — грозно ругнулась королева Глафира,

упирая в бок свободную руку, словно намеревалась устроить скандал в лучших народных традициях загулявшему мужу. Второй рукой она все еще держала огромный лук с себя размером.

Героев не потребовалось приглашать дважды.

Прошмыгивая в убежище мимо грозной королевы, Ольга успела услышать, как та вполголоса сожалеет о невозможности оторвать некоторые важные части тела младшему сыну, чтобы впредь знал честь и не плодился как попало. Подумать только, из-за его бурундуков…

Глава 6

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, что вы лишились кошки. Она сожрала сапожный крем и позволила себе после этого сдохнуть.

Я. Гашек

Каждый город, более того, каждый район имеет свой неповторимый шумовой фон, привычный для местных обитателей и частенько не дающий нормально

спать приезжим. Жители больших городов спокойно спят под звон и лязг поздних трамваев, невезучие владельцы жилищ, расположенных рядом с железной дорогой, привыкают к грохоту поездов, а, например, добрые горожане Порт-Альбы не вскидываются ночами всякий раз, как Большой Джон отбивает очередной час.

По причине определенной специфики района Кишелки звуки разнообразных драк и крики о помощи тоже являлись естественным шумовым фоном и вряд ли могли сподвигнуть местных жителей мчаться кого-то спасать, даже если

господа при этом не спали, а прогуливались по соседней улочке. Господин Скрайс прибег к этому безнадежному способу исключительно по причине отчаяния и безвыходного положения.

Увы, вместо мало ожидаемой помощи или гораздо более вероятной рекомендации заткнуться, пока не прирезали, он получил такой предупредительный удар, что едва не подавился собственным зубом.

— Внучек, не надо нервничать, — произнес где-то у самой двери скрипучий старческий голос с характерным мяукающим акцентом. — Ему же еще

разговаривать придется. Сынок, зажги свет, глаза у меня уже не те, что в молодости…

Что-то зашуршало, вспыхнула спичка, и еще до того, как ее огонек перекочевал на свечи в трехрогом подсвечнике, господин Скрайс понял, что его ночной привратник не просто обезврежен, а бесповоротно мертв и самого его в ближайшие минуты ждет та же участь.

Знаменитого Шэ Бао он знал в лицо, как и многих других господ, находящихся сейчас в его жилище.

Флавиус брезгливо вытер перчатку о скатерть и сухо обронил:

— Ничего страшного. Язык у

него пока цел.

Братья Лю и Ли почти бесшумно отодвинули от стола и выставили на середину комнаты удобное мягкое кресло, которое так любил его побитый хозяин, и с почтением пригласили:

— Пожалуйста, уважаемый дедушка.

Отчаянная надежда на спасение забрезжила где-то далеко на горизонте. Если его не убили сразу и пригласили для разговора почтенного патриарха воровского мира, значит, будет законное разбирательство, а на этом поле скромный юрист вполне может потягаться хоть с Бао, хоть с

его сыновьями.

Старый Паук Шэ с явно нарочитым кряхтением опустился в кресло и ласково оглядел сидящего на постели господина Скрайса.

— Соблаговолит ли преждерожденный поведать недостойным, как дошел до жизни такой?

— Может, для начала мне кто-то расскажет, что все это значит и по какому праву ко мне врываются среди ночи и избивают в собственном доме? — скорбно возгласил господин Скрайс. — Вы ведь сами знаете законы. Адвокат неприкосновенен, ибо…

— Э-э, яшмовый мой, — отечески проскрипел старик, — уж не нам, необразованным, объяснять светочу знаний, что стукач прикосновенен независимо от статуса.

— Не было ничего такого, — уверенно заявил юрист, чувствуя, как все крепнет и крепнет надежда на спасение. А как только они уйдут — сжечь к демонам проклятое письмо, это надо же было так проколоться, сам себе чуть могилу не вырыл от собственной жадности… Откуда, откуда они могли узнать? — Кто-то меня подставляет, не иначе. Откуда ветер-то?

— Что ж, давай по порядку, — добродушно согласился Паук, оставив на время хинские церемонии. — В пятницу… Верно, внучек, в пятницу? А то у меня уж память совсем не та…

Флавиус почтительно подтвердил.

— Ага, так вот, в пятницу к тебе приезжал некий варвар и передал письмо. Был такой?

— Был, — не стал отпираться Скрайс. Варвара-то вся улица видела.

— И что ты сделал потом?

— Да ничего. Прочел письмо, бросил в камин.

— Письмо. — Голос блудного внука Шэ аж трещал от яда и

ненависти. — В камин. Ты. Профессиональный шантажист. Я бы посмеялся, если бы все не было так серьезно.

— Да не было в том письме ничего ценного, потому я его и сжег! — в отчаянии вскричал господин Скрайс. Трудно врать, когда твои слова воспринимают с таким предубеждением, знать бы еще, откуда оно у Флавиуса, это предубеждение? Неужели единственный факт, что Элмар привез кому-то письмо, дает основания утверждать, что этот же человек на него и донес? Что еще он знает?

— От кого же было это

письмо? — участливо поинтересовался Паук, жестом заставляя умолкнуть нервного внука. — Откуда? Какие новости тебе сообщили?

— Это было личное письмо!

— Глупенький, — почти с нежностью проскрипел дедушка Шэ. — Твоя весьма недорогая жизнь — вот что для тебя сейчас должно быть действительно личным. Так кто? Откуда? И о чем?

Долго раздумывать было нельзя — поймут, что сочиняет, ведь для того, чтобы просто пересказать известное, времени на размышления не требуется. Срочно надо что-то

врать, а что? Если первые и последний вопросы не проверяемы, то на втором можно здорово проколоться. Флавиус мог откуда-то знать, где бедному варвару дали письмо. А господин Скрайс этого не знал. Не потрудился хитрый мистралиец указать обратный адрес, да и какой бы дурак на его месте так поступил?

— От моего кузена Скути. Он сейчас гастролирует по провинции, поэтому находиться мог где угодно, а варвара я не спросил. Кузен писал, что жив-здоров, дела идут не особенно успешно, стража зверствует, а в конце рекомендовал доставщика

письма как своего приятеля и просил ему посодействовать, но тому, видно, не очень требовалось мое содействие — он развернулся и уехал, прежде чем я прочел письмо.

— А следил ты за ним зачем?

— Я? Следил? Да я даже из дома не выходил!

— Ай-яй-яй, как нехорошо обманывать старших. Если ты хотел это скрыть, надо было заплатить ребенку за молчание.

— Про письмо он тоже врет, — добавил кто-то за спиной Флавиуса. — Тут и магии никакой не требуется. Мы точно знаем, где оно было получено, и это место не из тех,

где может гастролировать уличный карманник.

— А он его точно сжег? — заинтересованно обернулся бывший глава департамента.

— Я не чую вранье просто на слух, но могу уточнить, если клиента кто-нибудь крепко подержит. Касательно содержания письма могу уточнить тоже.

— Мальчики, помогите мэтру, — кротко кивнул старый хин.

Господин Скрайс мысленно проклял и Астуриаса с его авантюрами, и свою недальновидность, и в который раз свою же жадность. Да подавился бы

этот мистралиец своими обещаниями, толку с них бедному адвокату, если за оказанную услугу он вместо невиданных перспектив получит нож в брюхо…

Двое дюжих ребят крепко ухватили его за руки и прижали плечи к стене, так что вырваться не получилось бы при всем желании. Темный человек, прятавшийся за спиной предводителя, вышел на свет и, сжав ладонями голову «клиента», почти вплотную приблизил лицо к лицу. Когда он наклонился, из-под капюшона вывалилась коса. Опять мистралиец, горе одно от них!

— Так куда ты, говоришь, девал

письмо? — спросил он, сверля взглядом несчастного господина Скрайса.

— Сжег! Сжег в камине! — почти в истерике выкрикнул тот и почувствовал, как взгляд-сверло обретает материальность и с немилосердной болью ввинчивается в мозг. — А-а-а! Что вы делаете! Отпустите! Больно же!

Маг — и где они нашли в такое-то время действующего мага, хотелось бы знать? — неторопливо выпрямился и сообщил, потирая пальцами висок:

— Врет, как мы и предполагали. Письмо где-то здесь, в тайнике. Подробнее я, к сожалению, не сумею

выяснить, решайте сами — либо пусть ваши кузены профессионально обыщут комнату, либо поспрашивайте это мерзкое насекомое сами, я вижу, вы уже давно приготовили кусачки с плоскогубцами и томитесь желанием пустить их в дело.

— Тц-тц-тц… — укоризненно поцокал языком почтенный дедушка Шэ. — Как нехорошо обманывать старших. Целых три раза за такое короткое время… Кстати, времени у нас не много, поэтому будет сообразно совместить оба предложенных варианта. Только… давай-ка, малыш, как-нибудь обойдемся без кусачек. Начни с

плоскогубцев. В случае чего вставную челюсть наш друг себе сможет сделать, а пальцы восстановить невозможно никакой магией.

Братья Шэ тенями метнулись к шкафу и секретеру, а кровожадный Флавиус, почтительно согласившись с дедушкиными разумными рассуждениями и посетовав на собственное несовершенство, послушно отложил кусачки и взял плоскогубцы.

Надежда исчезла так же быстро и неожиданно, как и появилась. Паук, приглашенный как представитель общества, от имени этого самого общества сдавал господина Скрайса с

потрохами. Слов незнакомого мага ему хватило, чтобы разрешить дознание, а когда еще и письмо найдется… В том, что оно найдется, не стоило и сомневаться — если два вора и не найдут хитрый тайник, то уж сам хозяин недолго продержится, когда ему начнут выдирать зубы один за другим.

— Пощады! — завопил господин Скрайс, не видя более перспектив отпираться. Тем более он с детства боялся зубодеров. — Я все скажу, я все отдам, только не убивайте! Пощадите! Затмение на меня нашло!

— Где письмо? — дружелюбно поинтересовался старик.

— В секретере… задняя стенка… выдвижная панель…

— Ловушки?

— Есть… одна…

— Мальчики, будьте осторожны.

Предупреждение было лишним — опытные воры Лю и Ли и сами нашли бы ловушку при проверке, а уж попасться в нее при их квалификации и вовсе невероятно.

Извлеченный из тайника и предварительно открытый ларчик с письмами братья первым делом вручили дедушке — с почтительным поклоном и прочими хинскими церемониями. Нужное письмо и искать долго не пришлось — оно

лежало на самом верху, как его и положили.

Паук Шэ долго и вдумчиво изучал мелкие руны Астуриаса (напрочь забыв о жалобах на плохое зрение), затем столь же задумчиво протянул исписанный лист Флавиусу и поднялся с кресла (столь же легкомысленно забыв покряхтеть и пожаловаться на больные ноги).

— Общество не имеет претензий, — произнес он и приглашающе махнул рукой. — Мальчики, проводите старика до дому. — И добавил, уже сделав пару шагов к двери: — Думать надо, на кого доносы пишешь.

Спустя несколько мгновений представители семьи Шэ исчезли, словно просочившись сквозь стены, и официально отданный на растерзание господин Скрайс остался наедине с главой городского подполья и его людьми.

— Где второе письмо? — Флавиус оторвался от чтения и в упор посмотрел на посиневшего от ужаса юриста. — О котором здесь идет речь?

— Я его отправил… как и просили… — пролепетал Скрайс. При одном взгляде в глаза проклятого хина как-то сам собой отнимался язык, не поворачиваясь просить о пощаде. —

Вместе с доносом бросил в ящик…

— А о чем шла речь в этом письме?

— Не знаю… Я не вскрывал его… Побоялся… Вдруг там что-то страшное… такое… политическое… чего лучше не знать…

— Настрочить донос на первого наследника престола он не побоялся, — демонстративно обращаясь к магу, произнес Флавиус. — А вскрыть чужое письмо побоялся, ибо там — может быть! — политика. Мэтр, вы ему верите?

— Могу еще раз прощупать, — невозмутимо предложил мистралиец.

— Думаю, вам совершенно

незачем так утомляться из-за какого-то презренного клопа. — Хин вежливо склонил голову и как бы мимоходом прихватил со стола кусачки. — Мы его сами пощупаем.

— Пощадите… — еле слышно выдавил господин Скрайс, обращаясь скорее к потолку, чем к присутствующим людям.

— Знаете, любезнейший, — холодно отозвался мистралиец, аккуратно отбирая у Флавиуса письмо и суя туда свой нос, — возможно, мы бы вас и пощадили, если бы ваша мерзкая выходка не имела таких последствий. Но вчера ночью принц-бастард Элмар был арестован по

вашему доносу. А учитывая наши предположения касательно второго письма…

Флавиус остановился на полушаге и резко обернулся.

— Вы тоже думаете?…

— А что еще мог написать Астуриас, да еще в такой тайне? Только еще один донос. На кое-кого важнее Элмара. Настолько важнее, что не мог доверить это имя кому попало и вложил запечатанное письмо.

— Если оба доноса были отправлены одновременно, значит, второй тоже уже получен. Передайте ему, чтобы сегодня утром был готов к

экстренной эвакуации. Согласно плану «зинн».

— Не успеем. Только завтра.

— Хорошо, завтра.

— Я передам. Но он может не согласиться.

— Почему?

— Он не бросит ее.

— Это несерьезно.

— Не берусь судить, но он вполне может счесть иначе.

— В таком случае похищение будет не инсценировкой. Но вот об этом его предупреждать не надо.

— Ничего, что нас слушают?

Флавиус мельком покосился на лишнего слушателя, который вжался в

стену ни жив ни мертв, ибо давно понял, что такие вещи можно обсуждать только при покойниках, и коротко отрубил:

— Ничего. Мы позаботимся, чтобы его не подняли.

— Тогда не смею мешать. — Маг заправил косу под капюшон, собираясь уходить, и добавил: — Если эти бестолковые патриоты все-таки найдут какие-то контакты с вашими людьми, не забудьте им сказать, что у них там вражеские шпионы разгуливают как у себя дома и, не особо прячась, подменивают личные письма предводителя. А то ведь сами не догадаются.

Каменную стену сверлили вручную, что для трудолюбивых гномов не являлось чем-то выдающимся или чересчур напрягающим. Толика подобное фанатичное прилежание ужасало, но он честно изобразил одобрение и энтузиазм, дабы не уронить свой с таким трудом завоеванный авторитет в глазах подземных тружеников. Что-то ему подсказывало, что на одном пиве уважение гномов сохранить будет сложно. Да и правы они были, как ни крути: прежде чем что-то делать, надо осмотреться, и дыра нужна непременно. Опять же для

закладки заряда дыра тоже требуется. А ручная работа — единственный способ проделать эту нужную дыру без шума.

Макс, услышав Толикову идею, повторно обозвал его сапером недоделанным и категорически запретил даже показывать гномам альфовские технологии. Кому-кому, но уж точно не гномам такое показывать! Это ж вам не эльфы! Им ведь придется еще и объяснять, что это и где взял, да так, чтобы они остались довольны объяснением! А их удовлетворить — это почти то же самое, что Шеллара.

Толик без возражений

согласился. Действительно, альфовские технологии — это для гномов чересчур. Гораздо уместнее в такой ситуации простенькая каппийская взрывчатка, якобы боевой трофей, отобранный у проклятых захватчиков, а на самом деле купленная в Витькиной лавке. Без ведома и одобрения Макса, а то этот старый параноик и тут чего-нибудь запретит. Правда, в подрывном деле по-каппийски Витька сам не особо разбирался; для консультации пришлось пригласить бедного убаса и все-таки доконать его материалистические убеждения Толиковой экзотической внешностью

и очередным сеансом изгнания тараканов, неуязвимых и бессмертных, как Повелитель.

Осмотр помещения, произведенный через высверленную дырочку, подтвердил точность и правильность плана, предоставленного Шелларом. Впрочем, в способностях Шеллара никто и не сомневался, но, поскольку передавалось все через Кантора, проверить все же требовалось. В этом Толик был абсолютно согласен с гномами, которые в принципе не могли доверять памяти всяческих бардов-людей с примесью эльфийской крови. Памяти Толика

они тоже не особо доверяли, но проверить инструкцию к пользованию взрывчаткой у них не было возможности, и это бедняг заметно нервировало. Пришлось утешиться тем, что Толик показал собственный конспект инструкции и заверил, что сие написано почтеннейшим человеком, мастером своего дела, отродясь не видевшим эльфа даже на картинке. Что было частично правда.

Почтенный Штайнбрехер азартно потер руки в огромных рабочих рукавицах и хлопнул по стволу ближайшей пушки.

— Ну, с нами духи предков! Начинаем! Первый готовность!

Толик мысленно помянул гномью дотошность и сбегал в пятый раз проверил заряды.

— Первый готов! — отрапортовал он.

— Второй готовность!

Дюжина гномов-пушкарей старательно проверила замки, фитили и что там у них в этих доисторических пушках еще имелось.

— Второй готов! — рявкнула дюжина тренированных глоток. Толик даже испугался, что эти вопли долетят до вампиров через длинный коридор и каменную стену. То, что гномы скромно именовали «подкопом», представляло собой огромный

тоннель, в котором в ширину помещалось три пушки, а в высоту можно было из них стрелять, не рискуя задеть потолок. Хрупкому образцу каппийской маготехнологии за глаза хватило бы и одного ядра, но обстоятельные гномы не могли не предусмотреть случайный промах. Вернее, два.

— Третий готовность!

По «подкопу» опять зашуршали проворные проверяльщики — поглядеть, не отвязались ли где тросы, не застрянут ли крепи, которые предстояло вырвать сразу же после залпа, если вдруг тоннель не обвалится сам.

— Третий готов!

— Четвертый готовность!

Резервный отряд сдерживания, вооруженный арбалетами с серебряными болтами, копьями с осиновыми древками, а также крюками для удерживания и раздевания — на случай, если особо прыткие вампиры все же прорвутся, — дружно отчитался о готовности.

— Пятый готовность!

Шесть вагонеток камня стояли в готовности со вчерашнего утра, два десятка каменщиков, которые еще на «первом» плеснули в заранее заготовленные корыта воды, а к

настоящему моменту уже замесили раствор, чтобы замуровать за собой проход, тоже доложили, что готовы.

— Шестой готовность!

Последние ряды диверсантов — вспомогательные подразделения, вроде санитаров, носильщиков и разнообразных «подай-принеси», — томились в готовности уже с полчаса, при том что до них вряд ли вообще дело дойдет.

— Первый готовсь!

Толик натянул звукоизолирующий шлем, притащенный контрабандой с Альфы, и жестом посигналил о готовности. Гномы — они ребята покрепче, им и

просто затычек в ушах хватит, чтобы не оглохнуть от взрыва в закрытом пространстве, а свои чувствительные человеческо-эльфийские уши инспектор предпочел поберечь, помня о печальном случае в королевском кабинете.

Почтенный Штайнбрехер еще раз сурово оглядел подданных, оценил готовность и поднял топор. Ну да, голой рукой давать отмашку — оно как-то несолидно для гнома, а как же…

Топор опустился коротким рывком. Гномы, все как один, дисциплинированно уткнулись носами в пол, поплотнее прижав

ладонями шлемы поверх заткнутых ушей. Наверное, и рты раскрыли столь же исправно. Это вам не эльфы…

Толик присел и чиркнул спичкой. Скромный огонек бесшумно и едва заметно искря побежал по шнуру.

Какие-то отголоски взрыва пробились даже сквозь шлем — хотя, скорее, это просто показалось из-за того, что под Толиком содрогнулся пол, а над ним пронеслась взрывная волна.

Он поднял голову. Стены в конце тоннеля больше не было, а в самом проходе местами осыпался потолок, украсив пол кучами земли. Предводитель клана уже успел

вскочить и опять занять свое место на командном ящике. Топор стремительно поднялся, свободная рука вытянулась в направлении позиции артиллеристов.

Толик спохватился и торопливо рванул назад, подальше от пушек и поближе к четвертой линии, где его ждал заранее заготовленный лук. После того случая с неудавшимся розыгрышем Раэл по-своему отыгрался на дорогом друге — всю зиму гонял, как призовую гончую, но научил правильному обращению с оружием. Как оказалось, очень кстати. Не будь он уверен в Толиковых успехах, нипочем не

доверил бы безответственному раздолбаю серьезный снайперский лук настоящей эльфийской работы.

Не то чтобы инспектор так уж рвался повоевать или жаждал похвастаться меткостью перед гномами, но с оружием в руках он по крайней мере не чувствовал себя беззащитным и не испытывал потребности прятаться за гномьими спинами, не слишком для этого подходящими.

За его спиной еще трижды содрогнулся пол. Орудийные расчеты двумя четкими движениями выбили опоры из-под колес и, споро впрягшись, покатили пушки прочь с

поля боя. Толик едва успел посторониться, чтобы их пропустить, и сменить шлем на обычный, защитный. Гномы вокруг него торопливо вынимали затычки из ушей и трясли головами — видимо, даже их достало.

— Четвертый — цельсь! — проревел Штайнбрехер во всю мощь своего командирского голоса, чтобы даже полуоглохшие подчиненные могли расслышать.

Эльф встал в один ряд с гномами-арбалетчиками и торопливо наложил стрелу. Сквозь оседающую пыль и пороховой дым было видно, что потолок обвалился в еще нескольких

местах и ближайшая осыпь почти скрыла от наблюдателей все, что происходило за ней. Штайнбрехер не торопился с командой обвалить проход полностью — дожидался появления вампиров. Если просто засыпать, их могут потом откопать. Или они сами откопаются. В любом случае они опять вернутся в строй, живые и невредимые. И ими усилят оставшиеся излучатели. Поэтому отважный мастер хотел отстрелять хотя бы часть.

Между кучей земли и потолком появилась голова. Затем плечи. Затем весь вампир перетек на ближнюю сторону, а позади и по бокам от него

появились новые головы.

— Четвертый — пли!

Толик спустил тетиву и тут же схватил новую стрелу, отмечая, что из всех успевших перелезть уцелело только двое. А за ними лезли еще…

Еще залп… Еще несколько тел скатилось по насыпи… Этак они всех тут положат, если постараются…

Рядом кто-то злорадно закричал, перемежая гномью речь мистралийскими ругательствами, столь знакомыми всем, кто имел счастье общаться с Кантором. Толик не удержался, чтобы хоть мельком не покоситься туда, — иначе не достиг бы нужного сосредоточения и

непременно промазал бы, отвлекаясь на изумленные размышления. Ах да, конечно… Конрад Вайсмюллер-младший. Беженцы из уничтоженных мистралийских кланов хорошо помнят, кто устроил им веселую жизнь, и у них ненависть к пришельцам глубоко личная.

— Третий пошел!

Ну вот и вампиры кончились… Интересно, сколько они положили, а сколько осталось, не решившись перелезть под стрелы? В рукопашную не поперлись, сообразили, гады…

С грохотом осыпался вырытый тоннель, похоронив под завалом оставшихся нерешительных вампиров.

— Отходим!

Так, теперь лук — в чехол и не отстать от гномов, а то потом засмеют — ноги от ушей, а бегаешь как черепаха… И как они сами так шустро носятся на своих культяпках?

— Пятый — пошел! Остальные — стройсь!

Больше всего Толику хотелось сейчас перезвонить Максу и узнать — ну как? Получилось? Но доставать телефон в присутствии толпы гномов он не рискнул. Ладно. Сейчас замуруют проход, потом обвалят еще один коридор, потом умоются, переоденутся и закатят пьянку, вот тогда можно будет подойти к

Штайнбрехеру и спросить. У него подзорная труба, он должен был видеть…

За весь прошедший день Шеллару так и не удалось переговорить с влюбленным демоном наедине — всевозможные подданные, не видевшие господина наместника аж почти целую неделю, лезли один за другим. Каждому непременно требовалось что-то доложить, спросить или проконсультироваться, а между делом и донести на кого-нибудь из соратников, как же без этого. Вечером увлечь беднягу в кабинет и расспросить тоже не

получилось — Харган удрал в комнату Азиль, отмахиваясь по пути от надоедливых подданных, и скрылся там. Шеллару, который так и не успел перекинуться с шефом хоть парой слов, пришлось еще и выслушивать возмущенные жалобы охранников. Они, как честные и порядочные люди и добрые товарищи, решили выстроиться под дверью всем кулаком, чтобы у всех были равные шансы на непредсказуемый выбор нимфы. А господин наместник вломился прямо в комнату, никого не спросясь, никого не предупредив, и вообще так нечестно! Он уже был там вчера! Почему она его не выгнала?

Шеллар дипломатично предположил, что из сострадания, и поспешил удалиться, искренне надеясь, что хоть эти-то не кинутся доносить наместнику, что сказал о нем советник.

Ночью в его тревожные сны никто не пришел, и кошмар о массовой казни всех друзей и родственников, с финальным сажанием на кол себя самого, пришлось просмотреть до конца в подробностях.

Проснувшись удушливым рывком, словно вынырнув из памятной ледяной воды зимней Риссы, он первым делом выругался от

бессильной злости на самого себя и свои неуместные страхи. Где-то за закрытыми ставнями и задернутыми шторами начинал предутреннее шевеление город — скрипели тележки, направляясь затемно на рынки, с неблагозвучным, но отчаянно громким пением шествовала домой компания ночных гуляк, неподалеку ритмично ухал топор, торопясь обеспечить дровами чью-то кухню…

Шеллар приподнялся, сбрасывая леденящее оцепенение сна, и нашарил на столике спички. Хорошо, что сегодня никто не пришел. Если бы мэтр Максимильяно опять явился к

концу представления и увидел эту позорную сцену, он бы точно не отцепился. А уж Кантор, наверное, потерял бы всякое уважение…

Свет зажигать он не стал — темнота казалась странно уютной и безопасной; наверное, из-за того, что во сне был солнечный день, и поэтому…

«Проклятье, скоро я от собственной тени шарахаться начну! — раздраженно подумал Шеллар, механически набивая трубку. — Некстати я научился бояться, сейчас это умение только во вред… Но действительно, почему? Если подобная мерзость стала сниться

мне с завидной регулярностью, значит, на то должна быть причина. Простая материальная причина, объяснимая с научной точки зрения, без привлечения мистики, волшебства и прочих божественных вмешательств. Будь на моем месте Мафей, Кантор со всей его родней, любой маг или мистик — в навязчивых снах стоило бы искать скрытое значение. Но я обычный человек, значит, объяснение должно быть столь же обычным…»

Он уселся прямо на кровати, хотя раньше всегда порицал курение и еду в постели, и принялся методично, одну за другой, перебирать все

возможные естественные причины повторяющихся скверных снов. И так увлекло его это занятие, что вскоре померк и стерся из памяти пережитый ужас, превратившись в материал для анализа и почву для умозаключений, а о времени Шеллар и вовсе забыл. Только когда из кухни донесся грохот посуды и возмущенные вопли кухарки, господин советник опомнился и обратил внимание на усыпанную пеплом постель и собственный непотребный вид. Нехорошо, со всех сторон нехорошо. Во-первых, свинство и неряшество, а во-вторых — подозрительно выглядит. Надо вытрясти простыню,

пока никто не увидел, и привести себя в порядок, скоро пора спускаться к завтраку и отправляться на работу. О природе сновидений нужно будет еще поговорить с мэтром Дэном, когда он появится, — как с величайшим сожалением выяснил Шеллар, его собственных знаний по этому вопросу не хватало для полноценного исследования, из-за чего он так и не пришел ни к какому выводу.

Кухарка внизу продолжала утренний концерт — наверное, осиротевшие ученики мастера Ступеней, которые так и остались жить в доме советника бесполезным балластом, опять ночью шарили по

кухне в поисках чего бы перекусить и опять то ли съели что-то нужное, то ли не прибрали за собой, то ли еще как нашкодили. Самих виновников было не слышно — наверное, укрылись в своей комнате и намереваются пересидеть скандал, притворяясь спящими. А может, и вправду спят — ребята молодые, судя по тому, как они едят, сон у них тоже должен быть здоровый и крепкий, не то что у бедного советника с его нервной работой…

К тому времени, как Шеллар спустился в гостиную, все давно утихло, но юные вредители так и не высунули носа из своей комнаты.

Впрочем, их можно было понять — советник и сам предпочел бы лишний раз не встречаться с братом Аркадиусом, братом Чанем, братом Павсанием, братом Константином и командиром Махтом, причем вампир в этой группе вовсе не казался самым страшным. Напротив, сегодня он выглядел угнетенным и подавленным, из чего Шеллар сделал осторожный вывод: ночная операция завершилась полным успехом.

— Доброе утро, господа, — вежливо и даже приветливо поздоровался он, обводя взглядом ранних гостей. Судя по тому, что живые господа выглядели ничуть не

лучше вампира, либо у них заодно еще один излучатель сломался, либо произошла какая-то иная неприятность. — Чем обязан столь раннему визиту?

Господа переглянулись. Затем командир вампиров мрачно произнес, покосившись на живых соратников с тайным негодованием и презрением:

— Произошли крупные неприятности, и теперь они не знают, как доложить наместнику.

— Кажется, только вчера я объяснял, что возложить на меня обязанность докладывать наместнику плохие новости — не самая разумная идея. Особенно если я лично не имею

никакого отношения к причине упомянутых неприятностей.

Брат Константин нервно облизал пересохшие губы и хрипло выговорил:

— Нет, мы вовсе не имели в виду…

— Уважаемые братья хотели сказать, — подхватил брат Чань, несколько осунувшийся, но не утративший присутствия духа, — что мы пришли не с просьбой доложить о неприятностях вместо нас. Мы объяснимся сами, а вас просим всего лишь присутствовать при этом и… я понимаю, что был непростительно самонадеян и очень перед вами виноват, но надеюсь, что вы простите

меня и поймете… как коллега коллегу…

Шеллар чуть приподнял бровь, демонстрируя удивление, легкое непонимание и готовность слушать дальше и ждать объяснения.

— Я должен был поставить вас в известность о готовящейся операции и принять ваши советы по ее организации, — покаянно продолжал мастер Чань. — Но в последнее время в департаменте проводилась стандартная проверка каналов утечки информации, и я не мог сделать исключение даже для вас… поймите меня правильно…

Советник начал понимать. Не

только то, что ему пытались сказать, но даже больше того. Итак, мудрый брат Чань все же что-то заподозрил. Разумеется, никаких тотальных проверок в департаменте не проводилось, а проверялся лично брат Шеллар, знать бы еще, когда же он дал повод в себе сомневаться и каким образом… Обычно, чтобы проверить, кто сливает информацию, разным фигурантам сообщают разные варианты и потом следят, который всплывет. Глава департамента, видимо, из особой секретности, просто не стал ничего сообщать и хотел проверить, случится ли утечка в этот раз. Судя по его торжественной

скорби и негодованию вампира, проверка оказалась катастрофически убыточной и ничего не выяснила. Разве что в какой-то степени сняла подозрения с брата Шеллара.

— Господа, — вставил советник, видя, что брат Чань затрудняется объяснить суть дела. — Не желаете ли продолжить наш познавательный разговор за завтраком?

— Нет, спасибо! — в один голос отозвались все, за исключением брата Павсания, чье робкое «не помешало бы» сгинуло в общем хоре.

— Тогда объясните наконец, что случилось и чем так провинился передо мной бедный брат Чань?

Глава департамента завершил торжественное изложение предварительных извинений и наконец пояснил:

— Мы предприняли вылазку в Поморье. Без вашего ведома.

— Зря, — заметил Шеллар, словно и не слышал предыдущего объяснения. — Лучше бы вы все-таки сказали мне об этом перед операцией, а не после. Я бы вовремя посоветовал вам отказаться от ваших планов и привел соответствующие доводы. Насколько я понял, вылазка не удалась?

— Да, — честно отчитался хин. Вампир проворчал что-то на харзи, из

чего Шеллар уловил только: «Не удалась? Да нам таких…» Достроить фразу не составляло труда для любого взрослого человека, знакомого с нецензурной частью хотя бы родного языка. Провал вражеского налета не мог не радовать, но ничуть не прояснял вопроса о возможных жертвах.

— Потому что вас там ждали, — безжалостно продолжил Шеллар. — Ну что вам стоило меня спросить, а? Выбрали же вы для своих проверок что время, что повод, что объект! Я бы вам сразу сказал, что вас будут там ждать! Я ведь знаю Пафнутия лучше вас! И что в результате?

— Четырнадцать вампиров, сорок солдат, один маг.

Шеллар почти искренне изобразил, как он шокирован такими потерями.

— Пожалели бы господина наместника, — укоризненно сказал он. — Ему же теперь о ваших художествах Повелителю докладывать! Я ведь верно догадываюсь, его вы тоже не поставили в известность?

Брат Чань скорбно кивнул.

— Я очень вас прошу, брат Шеллар, не сообщать господину наместнику о моем самоуправстве. Я понимаю, что обязан был

предупредить хоть одного из вас, но я просто не успел…

«Да уж, — подумал Шеллар, — успеешь тут… когда у дорогого шефа все мысли только о нимфе и о том, как бы скорее спрятаться от государственных дел под ее пестрой юбкой…»

— То есть вы будете объяснять, как вы ухитрились наделать глупостей, а я должен делать вид, будто обо всех этих глупостях знал заранее и не пресек, не предотвратил? … Простите, как я буду при этом выглядеть?

— От вас требуется только промолчать и не накалять обстановку

замечаниями вроде «а я предупреждал» или «а вот если бы меня вовремя поставили в известность…».

— Но ведь господин наместник обязательно меня спросит.

— Не спросит, — печально поведал брат Константин. — Потому что как раз тут ему и доложат и о второй неприятности.

— О, так это еще не все?

— Излучатель в Майольских погребах уничтожен.

— Всемогущий Повелитель! Каким образом?

— Подкоп, — лаконично пояснил брат Чань.

— Как — подкоп? Там ведь каменная кладка!

— Разрушена.

— А охрана?

— Сейчас еще идет расследование и выяснение всех обстоятельств. Но, учитывая печальную судьбу вампиров, погибших в Поморье, мы не слишком-то надеемся откопать охранников живыми.

Командир опять покосился на соратников и проворчал что-то о дрянных доспехах. Хвала богам, что в свое время околдованный брат Шеллар как человек, далекий от дел военных, не потрудился растолковать

дорогим братьям, что такое бронебойные наконечники и как они делаются. Иначе господа спохватились бы не сейчас, а намного раньше.

— Я уверен, расследование выяснит все подробности этого невероятного происшествия, — согласился он, — но по-прежнему не могу понять, зачем вам понадобился я? Для того чтобы я не влезал с комментариями, достаточно всего лишь моего отсутствия. Но вам нужно что-то другое. Могу я получить внятное объяснение?

— Ах, дорогой брат Шеллар! — Глава ордена пропел это с таким

приторным умилением, что дорогой брат немедленно понял — грядет очередная гадость в его адрес. — Если вы помните, идея разместить прибор в Майольских погребах принадлежала вам, и было бы несправедливо, если бы вы не разделили с братьями Павсанием и Константином нелегкий долг отчитаться перед наместником…

Вот ведь мерзавец! Да этот тихоня — пакостник почище покойного Джарефа! Ну ладно, получи свой мелкий шантаж обратно…

— Что вы, брат Аркадиус, не иначе, вам память отказывает. Место размещения выбиралось

коллегиально, и нечего возлагать на меня ответственность за то, что из всех предложенных мною вариантов вы выбрали именно этот. — Разделавшись с неудачной попыткой запугивания своей бесстрашной персоны, Шеллар обвел взглядом убитых горем братьев, взирающих на него с отчаянной надеждой, и вдруг понял, зачем они пришли и что от него хотят. — Уж сказали бы прямо, не виляя и не пытаясь давить на жалость и вызывать чувство вины: «Дорогой брат Шеллар, нам предстоит говорить с господином наместником о крайне неприятных вещах, и мы боимся его гнева.

Поэтому мы были бы чрезвычайно благодарны, если бы вы отправились с нами и тем самым помогли нам сохранить жизни и здоровье. Возможно, ваше присутствие и созерцание вашей физиономии вызовут у господина наместника муки совести и удержат его от приступа бесконтрольной ярости, которыми он славится. А если вы еще захватите с собой трость и во время обсуждения будете прохаживаться по кабинету, старательно при этом хромая, наша благодарность и вовсе не будет знать границ».

Разоблаченные просители засопели и дружно начали прятать

глаза. Только вампир криво усмехнулся, в очередной раз окатив их безмолвным презрением, да брат Чань отважно встретил взгляд советника и понимающе улыбнулся — как обычно, едва заметно приподняв уголки губ.

— Так вы не откажете нам в этой небольшой просьбе? — произнес он с традиционной хинской вежливостью.

— Как я могу! — улыбнулся в ответ Шеллар. Действительно, как он может — отправить этих милых господ самостоятельно докладывать Харгану о проблемах и дать всяким братьям Аркадиусам возможность облить помоями и обвинить во всех грехах отсутствующего брата

Шеллара. — Конечно, я пойду с вами. Сейчас, только захвачу трость.

— Брат Шеллар, наша благодарность… — начал брат Аркадиус, но советник быстро оборвал его льстивые речи.

— Поскольку я не успел позавтракать, после совещания выжившие угощают меня обедом. Вперед, господа.

По перилам соседней башенки важно и нахально разгуливали голуби — словно знали, что даже королевские кошки не забираются так высоко. Кажется, там же располагалась и голубятня, но отсюда

не очень хорошо было видно. А здесь, на резной скамье, что двумя полукругами опоясывала вход на обзорную площадку самой высокой башни Белокамня, сидели два воробышка, точно так же, как четыре дня назад, смущенно уставившись куда угодно, только не друг на друга.

— Жалко, что так скоро, — сказала Саша, изучая западные окрестности столицы, раскинувшиеся внизу. — Я толком ничего и не увидела. А у вас тут столько интересного…

— Я обязательно как-нибудь еще к вам наведаюсь, — пообещал Мафей, столь же пристально рассматривая

восточную сторону пейзажа. — И мы увидимся. А когда у нас тут все утрясется, можно будет и тебя в гости зазвать… То есть я понимаю, что ты ничего не боишься и готова к нам в гости в любое время, но после сегодняшних вампиров я уже сам боюсь. Если с тобой что-то случится, я… ну… понимаешь, два раза подряд — это для меня слишком.

— Да не бойся, — вздохнула девочка. — Ничего страшнее, чем учинил в воскресенье дядя Макс, мне уже не грозит. Даже папа вроде бы не ругался и не обещал наказать.

— Правда? — Мафей изо всех сил пытался обрадоваться, но это у

него получилось не слишком убедительно. Скандал, учиненный мэтром Максимильяно, казался детским баловством в сравнении с пространной нотацией, которую прочел легкомысленному ученику мэтр Вельмир. Кстати, свежеприобретенными страхами его высочество в большей степени был обязан этой воспитательной лекции, чем ночным приключениям.

— Диего сказал, что папа на меня не сердится. Правда, он честно признался, что, объясняя папе ситуацию, свалил всю вину на тебя…

— А что тут валить, я в самом деле виноват. И вообще, сейчас за что-

то обижаться на Диего…

Он не стал подбирать подходящее слово, так как все было понятно и без слов. Когда знакомый тебе человек попадает под «ядовитое облако» и ты потом видишь его, посиневшего от удушья и выгнутого судорогой, обижаться уже не хочется, будь он хоть и в самом деле перед тобой виноват… Как повезло бедняге (а заодно еще паре десятков таких же), что почти одновременно с окончанием боя восстановилось магическое поле! Если бы мэтресса Морриган и мэтр Вельмир не примчались на помощь в тот же миг, неизвестно, удалось бы спасти всех

пострадавших, или в братскую могилу на королевском кладбище положили бы вдвое больше тел…

— С ним правда все будет в порядке? — уцепилась за тему Саша.

— Да правда, правда… — устало повторил Мафей. После того как он раз двадцать повторил это Ольге и еще столько же мэтру Максимильяно, объяснять в сорок первый раз было уже тошно. — Я его потом специально к тебе в гости привезу, как поправится, чтобы не сомневалась.

— Жаль, попрощаться с ним не получится…

— Да еще увидитесь.

— Если у вас опять не стрясется какая-нибудь война.

— Такие вещи случаются всегда, но они не мешают людям вновь и вновь встречаться друг с другом. Мне больше жаль, что с Лолой так ничего и не прояснилось…

— А что должно было проясниться? Если бы она чего-то особенного боялась, я бы это прояснила. А так… она же правда как ребенок. Боится темноты, наказаний и браслета, блокирующего магию. Если хочешь, можно ее папе еще показать. Приходи как-нибудь, когда дома все утихнет, я тебя познакомлю с папой.

— Приду обязательно. И надо

будет еще попробовать разговорить Лолу. Сегодня она тебя стеснялась, может, без тебя станет разговорчивее. Хочется все-таки выяснить, что там с этим зеркалом.

— Думаю, со мной это все-таки никак не связано. Но мне уж и самой интересно, в чем же тогда дело.

— Я тебе расскажу, если узнаю.

— Ага.

Они опять замолчали, любуясь каждый своей стороной раскинувшейся внизу столицы.

«Может, все-таки спросить? — терзался сомнениями юный принц. — Ну как-нибудь так, чтобы она не подумала ничего конкретного… Ведь

потом если что случится — я буду виноват, что не предупредил, а каяться будет поздно… Но с другой стороны — сходство слишком уж отдаленное…»

«Интересно, — размышляла Саша, — с какой радости он вдруг так за меня боится? Реакция на вчерашнее? Внезапный приступ гиперответственности после втыка от наставника? Или неосознанная параллель между мной и той, другой девчонкой, которая погибла? Нет, последнее — это, пожалуй, желаемое за действительное, больно уж кривая параллель получается…»

— Саша, — сказал вдруг

Мафей, — ты когда-нибудь красила волосы?

— А что тебе говорит по этому поводу здравый смысл? — не удержалась от ехидства огорченная девочка. Можно подумать, ей нравится походить на японскую школьницу из древних двумерных мультфильмов! Можно подумать, она не предается низменной зависти, глядя на Васькину модную прическу, и не хочет себе такую же! Но разве непонятно, что в таком случае она будет выглядеть как недалекая соплячка в маминых покрышках?

— Извини… Но я же не знаю, как у вас там принято… Вот твой папа,

например, говорил Диего, что подростком красил…

— Ой, ну прикинь, сколько лет прошло с тех пор. Сто раз мода поменялась. Да и не в том дело. Я ведь даже подростком не выгляжу. А крашеный ребенок смотрится глупо.

— Да, действительно… я как-то не подумал… — Мафей уже почти обозвал себя мысленно недоумком, как вдруг его осенило. — А кстати, как выглядит твоя средняя сестра?

— С чего вдруг такой интерес? — Малышка остро прищурила и без того узкие глазки.

— Пытаюсь отыскать одну особу, которую видел только во сне.

— Что, так хороша? — Это прозвучало откровенно насмешливо, но Саша никогда не могла сдержаться, услышав глупости. — Или это роковое мистическое притяжение?

— Ей грозит опасность, — с укоризной отозвался эльф, и она тут же устыдилась. — А хороша ли — не знаю, не рассмотрел. Только прическу. И глаза — сиреневые какие-то, нечеловеческие…

— Сиреневых глаз не бывает, — наставительно заметила девочка. — Это линзы… Ну, для красоты как бы, хотя с эстетической точки зрения очень и очень сомнительно. Кстати, у нас в семье их никто не носит. Только

дядя Ресс, но он по делу — чтобы не так бросалось в глаза, что он слепой. А Васька уж точно не носит.

— А как она выглядит? — все же продолжил расспросы Мафей. Мало ли что не носит, а вдруг понадобится сменить внешность или еще чего… надо выяснить точно.

— На все свои девятнадцать, — пожала плечами Саша. — Похожа на папу, как и я. Волосы носит «скунсом»… Это вот здесь приподнято и ровно уложено, сзади хвостик, а посередине белая полоса прокрашена.

— Тоже не подходит. И возраст, и прическа… Ну что ж, значит, я

ошибся.

— А почему ты вообще начал с меня?

— Потому что больше никого из вашего мира не знаю, а твой папа и Виктор не подходят.

— Почему ты решил, что надо искать именно в моем мире?

Мафей отогнал сразу две навязчивые ассоциации и пояснил:

— Потому что у той девушки из сна волосы были покрашены точно как у твоего папы в Лабиринте.

— Это рыжим, что ли, как на его старых снимках? Да нет, что-то с твоим сном не то. Какая ж нормальная девушка выкрасится по

моде тридцатилетней давности? Так уже давно никто не ходит, даже фанаты.

Мафей даже растерялся.

— Не может быть. Это точно не был обычный сон, ну что я, в самом деле, не способен отличить простой сон от вещего…

— Ну если мне попадется такое ископаемое, я тебе обязательно сообщу, — утешила его Саша. — Ничто на свете не абсолютно, и я не могу дать стопроцентную гарантию, что совсем-совсем никто так не красится. Не расстраивайся заранее. А что там ей грозит, можешь сказать точнее?

— Не могу, — помотал головой принц. — Нельзя рассказывать, это влияет на цепь событий и может все нарушить. Обычно в худшую сторону. Просто… если это окажется твоя знакомая… или ты с ней познакомишься… и она соберется в какое-нибудь увеселительное заведение… попробуй ее как-нибудь от этого удержать до моего появления.

— И мы ее спасем? Правда?

Мафей заметил, как азартно загорелись глазки юной ведьмочки, и сделал неприятное открытие. Оказывается, это выглядит совершенно по-детски, а в его

исполнении, наверное, еще и глупо… Неудивительно, что его до сих пор за мальчишку держат, если он сам постоянно вот так же глазки распахивает в младенческом восторге…

— По крайней мере постараемся. А почему ты вдруг так заинтересовалась?

— А вдруг это и есть… то самое… — Намек прозвучал весьма уклончиво и осторожно, но Мафей понял. И не стал ничего говорить, чтобы не разбивать надежду, хотя ему самому она виделась напрасной.

Опять повисла тягостная пауза. Оба понимали, что прощание

неуместно затянулось, что Сашу ждут дома родители, а принца ждет внизу очень много чего, в том числе дежурство в лазарете, но ни один так и не решался произнести вслух банальное «наверное, пора…».

— Ты еще обещал про бурундуков рассказать, помнишь? — спохватилась Саша, радостно цепляясь за предложенную тему как за повод еще немного оттянуть неминуемый момент расставания.

— Ах да… Там все просто. Если у родителей разные типы обращения, то дети наследуют какой-то один. Судя по тому, что мы выяснили, у нас в семье идут оборотни стихийные, без

привязки к определенному животному. Птица, дикий хищник, собака… Значит, Кондратьевы бастарды унаследовали наш родовой тип, и вторая ипостась им могла достаться какая угодно, независимо от того, какая у них мама и во что обращается папа. Вот поэтому бурундуки.

— Ваше высочество!

— Да, мэтр… — по привычке откликнулся Мафей, с огорчением понимая, что заветные слова, которых они так избегали, сейчас скажут за них. Впрочем, у них еще будет достаточно времени на бесконечное прощание — не отправит же он

девочку одну, не будучи уверен, что она прибудет по назначению, они отправятся вместе, а в квартире Виктора их никто не побеспокоит. Только мгновение спустя до него дошло, что, отвечая на зов, он имел в виду совсем другого мэтра, и если бы не безличное обращение…

— Вы отправили домой юную барышню?

— Я… сейчас как раз… мы прощались…

— Прошу вас поторопиться с прощаниями, так как сейчас нам понадобятся все доступные телепортисты.

— Да, конечно… а что

случилось?

— В порт Васкевичи прибыл эгинский флот. И мистралийский тоже. Часть беженцев нужно перебросить в столицу, часть разместить по стране, словом, работы предстоит множество.

— Сию минуту, мэтр. — Мафей торопливо спрыгнул с лавки, и спустя несколько секунд эльф и ведьмочка уже стояли в знакомой пустой квартире, еще хранившей следы недавней уборки.

— Ну… вот и все… — грустно произнесла Саша, не поднимая глаз. — Но ты же еще появишься? Правда?

— Да, конечно…

— Давай, я буду приходить сюда по четвергам, как в прошлый раз. В то же время. У нас столько невыясненных вопросов осталось…

— Я обязательно приду.

Они опять умолкли, стоя друг напротив друга и беспомощно опустив руки.

— Ну, я пошла…

— Ага… — Мафей понял, что сейчас она развернется и действительно уйдет, а он так и будет ломать голову, проклинать свою нерешительность, сожалеть о подозрениях и вновь подозревать, обзывать себя трусом и до конца дней

гадать — все-таки да или нет? — Саша, подожди…

— Что? — Она с готовностью вскинула взгляд, словно надеялась, что сейчас вдруг обнаружится что-то важное, что окажется важнее державной нужды в телепортистах и позволит задержаться еще на минутку.

— Ты ведь видела моего наставника, мэтра Вельмира?

— Да.

— Ты учуяла, чего он боится?

— О, очень много чего. Но дядя Макс запретил мне об этом даже думать под страхом конца света. И я поклялась.

Мафей огорченно выругался,

пожалел, что не умеет так хитро обходить клятвы, как кузен Шеллар, и немедленно вспомнил один из способов, коему сам был свидетелем.

— Тогда не говори. Я сам скажу. И если ошибусь, ты скажешь, что я говорю глупости. А если нет — можешь просто промолчать. Это не касается государственных тайн и судеб миров. Это личное. Только мое.

Саша заинтересованно прищурила один глаз, словно прицелилась.

— Ну, давай.

— Он боится, что я его узнаю. То есть что узнаю в нем другого человека, которого знал раньше.

— Нет. А должен бояться?

— Ну, если бы мои догадки были верны…

— Ты подозревал, что он не тот, за кого себя выдает? Что он не настоящий? Шпион или что-то в этом роде?

— Нет. Просто… он временами так напоминает моего пропавшего наставника… Другого наставника… Что у меня закралось подозрение, будто это один и тот же человек.

— А в этом есть что-то действительно страшное? Для него?

— Вряд ли… О, проклятье, ты имеешь в виду…

— Именно. Твоя проверка ничего

не доказывает. Он может не хотеть быть узнанным, может стыдиться своего обмана, но не обязательно должен бояться. Ну что страшного случится, если ты прав и ты его разоблачишь? Ты его никогда-никогда не простишь?

— Что ты! Прощу, конечно. И даже не обижусь, если у него есть действительно серьезные причины скрываться даже от меня.

— Вот-вот. Ему будет перед тобой неловко, стыдно, но ничего страшного не случится. А я, к сожалению, чувствую только страх. Хочешь, мы попробуем вместе разобраться? Ты мне расскажешь

подробнее, и подумаем…

— Да, конечно. Только сейчас мы не успеем, меня ждут…

— Значит, завтра?

— Завтра четверг?… Да. В то же время.

Глава 7

Униженно виляя задами, они побежали в Город Дураков, чтобы наврать в полицейском участке, будто губернатор был взят на небо живым, — так по дороге они придумали в свое оправданье.

А. Толстой

На правую руку Повелителя жалко было смотреть.

Вопреки опасениям

проштрафившихся братьев наместник не приказал казнить всех на месте, не учинил скандал, не попытался кого-нибудь покалечить и даже для порядку не поинтересовался, как, по их мнению, он должен теперь докладывать Повелителю.

Он молча слушал покаянные стенания брата Аркадиуса, созерцал склоненную голову брата Чаня, не замечал дерзких реплик вампира и честно хромающего по кабинету Шеллара, и похоже было, что бедняга просто потерял дар речи. Он даже не шевелился — с самого начала разговора как обхватил руками гребни, так и сидел до сих пор.

Шеллару столь неестественное поведение демона не понравилось сразу, а по прошествии четверти часа начало и вовсе вызывать опасения. Он оставил свои театральные упражнения, на которые все равно никто не обращал внимания, и присел к столу, поближе к брату Аркадиусу, дабы в удобный момент пнуть его под столом и, воспользовавшись паузой, выставить страдальцев вон. Но это не понадобилось.

Едва ритмичный стук, сопровождавший шаги советника, прекратился, Харган встрепенулся и наконец оторвал взгляд от безутешного хина.

— Пошли вон, — глухо проговорил он, уставившись теперь почему-то на говорливого первосвященника, отчего тот подавился очередной фразой и умолк. — Уроды убогие. Ошибки природы.

Первым сориентировался брат Константин, как и подобает профессионалу, — резво вскочил, одновременно ухитрившись отдать честь, и в мгновение ока уже был у двери. Брат Чань отстал от него всего на пару секунд, ибо ситуация требовала на прощанье поклониться, не теряя достоинства. Почти одновременно с ним шагнул к двери

дисциплинированный вампир, за которым с отрывом в несколько секунд последовал глава ордена. Брат Павсаний несколько замешкался, поскольку его толстый зад застрял между подлокотников кресла и бедняге потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы не унести кресло на себе. Из-за этого Шеллару, чтобы его промедление не выглядело намеренным, пришлось уронить трость и какое-то время шарить под столом.

Когда кресло наконец стукнуло о пол и двести стоун брата Павсания с невероятной для него резвостью затопотали к двери, Шеллар

неторопливо выпрямился и начал тоже выбираться из кресла — нарочито медленно, опираясь всем весом на трость, словно ему было тяжело.

— А ты останься, — произнес Харган, когда дверь за остальными посетителями захлопнулась, а Шеллар едва успел встать на ноги. — И перестань прикидываться калекой.

— Как скажете, — безропотно согласился Шеллар и опять сел, прислонив трость к столу.

— На кой тебе вообще это понадобилось?

— Простите мою дотошность, но что конкретно вы имеете в виду?

— Вашу авантюру с вылазкой.

— Я о ней не знал. Но это между нами, братья слезно просили умолчать о моем неведении, и я им обещал.

— А чего тогда признался, раз обещал? — уныло поинтересовался наместник, опять упираясь взглядом во что-то за плечом Шеллара.

— Мне, в свою очередь, гарантировали, что прямой вопрос мне задан не будет и лгать вам не придется. Поскольку условие не было соблюдено…

Демон все-таки сфокусировал на собеседнике печальный взор и безучастно сообщил:

— Тебе вторая нога еще не мешает? Тогда не занудствуй.

— Простите. Я не хотел вас огорчать.

— Все вы не хотели… А как мне теперь докладывать Повелителю?

— Например, так, как сегодня докладывал вам я.

— «Как выяснилось при практическом применении, доспехи наших вампиров никуда не годятся»? Начало хорошее, но, увы, Повелитель внимательно дослушает до конца и свое впечатление сложит, только получив целостную картину. Наверное, на этот раз мой хвост кончится-таки.

Шеллар одарил дорогого шефа сочувственным взглядом и принялся набивать трубку. Не попробовать ли… Избавиться от брата Чаня вряд ли получится, учитывая, что топить его откровенно нельзя, наоборот, следует изо всех сил делать вид, будто пытается защитить… Но все же почему не попробовать?

— Может быть, стоит возложить эту нелегкую миссию на непосредственного виновника? Хотя и жаль терять такого специалиста.

— Повелитель не одобрит. Он уже не раз мне напоминал, что я должен сам руководить и организовывать и ни в коем случае не

нарушать иерархию. Я отчитываюсь перед ним, а все, что я там делаю с моими подчиненными, и все, что делают они, — это не его проблемы.

— Ну накажите их как-нибудь. Не смертельно, но больно. Брат Чань, как мне кажется, готов принять любое взвешенное и обдуманное наказание, а брату Павсанию и вовсе достаточно посидеть пару недель на хлебе и воде, это для него будет страшнее любой экзекуции.

— Не вижу, каким образом это может облегчить мою собственную участь. Как вообще получилось, что вампиров положили обычными стрелами и копьями?

— Скорее всего, для них припасли специальные стрелы и копья — из осины.

— А ты почему не предупредил?

— Во-первых, я полагал, вы осведомлены в этом вопросе лучше меня. Разве под Большим Афедроном не применялось аналогичное оружие?

— Но не настолько же эффективно!

— Видимо, на тот момент его было еще не так много. И во-вторых, я не изучал специально кирасы вампиров, опять же полагая, что этим уже занимались люди, больше моего смыслящие в металлургии и военном деле. Только сегодня мне

представилась возможность увидеть сии доспехи вблизи и пощупать. Должен признаться, господин наместник, я пришел в ужас, хотя по мне это, может быть, и не заметно. Кто создавал эти хлипкие жестянки? И на что они были рассчитаны?

Демон досадливо поморщился и опять подпер ладонями гребни.

— Но ведь до сих пор с ними все было в порядке! По крайней мере от лука и копья они защищали. Что вдруг случилось?

— Полагаю, более мощные луки и бронебойные наконечники. — Шеллар философски пожал плечами. — Вы ведь знаете,

оружейное дело на месте не стоит. Как только появляются более прочные доспехи, совершенствуется оружие, а с появлением нового оружия создаются новые средства защиты. Появились вампиры в кирасах — через некоторое время нашлось и средство…

— Спятил? — Унылый наместник от возмущения немного ожил, даже ладонью по столу врезал. — Как их можно сделать без магии?! А если сделать в месте, где магия присутствует, и привезти сюда — они работать перестанут.

— Значит, либо их делают без магии, либо используют рунную

магию гномов. Если хотите, я могу уточнить у Рутгера. Не казнитесь так, господин наместник. Да, мы понесли тяжелые потери, но ведь на этом еще ничего не кончается. Нам слишком легко и бескровно далась победа, вот мы и расслабились, привыкли к хорошему. Теперь совершенно обычное для войны явление — потери личного состава — кажется нам трагедией. На самом же деле не все так фатально. У нас осталось еще три излучателя, добраться до которых сложнее, чем до двух потерянных. — Это, к сожалению, была чистая правда, Шеллар уже не одну неделю ломал голову над тем, как проникнуть

туда, где расположены оставшиеся, и пока ничего не придумал. — На западе нет никаких гномов, к подвалам храма никто не подкопается. В островные казематы тоже не попасть ни с воздуха, ни из-под земли. Оплот Вечности и вовсе недоступен. Учтем прежние ошибки, укрепим броню вампиров, дождемся новых излучателей, и все образуется, все будет хорошо.

— Ага, — тяжко вздохнул наместник. — Заодно у нас вдруг поумнеют мистралийцы, галлантский недоумок бросит пить, Павсаний похудеет, а враги раскаются и сдадутся на милость Повелителя…

— С этими проблемами мы тоже рано или поздно разберемся, но в первую очередь следует заняться…

— Вот, между прочим, я велел найти другую нимфу. И что, кто-то пошевелился?

Шеллар приободрился. Он так старательно изыскивал повод перевести разговор на интересующую его тему, и тут Харган весьма вовремя перешел на нее сам.

— Господин наместник! — укоризненно произнес он. — Вы действительно полагаете, что нимфы бегают по улицам стаями и подходящий экземпляр отыщется за один день? Нам эта-то перепала

только благодаря счастливой случайности. И не настолько уж она неподходяща, как вам кажется, — Азиль вот-вот должна созреть, еще в начале прошлой зимы она чувствовала приближение заветного часа, и, пусть этого до сих пор не случилось, ждать уже точно недолго.

Наместник ничего не ответил. Он опять уставился куда-то мимо собеседника, уплыл в дебри собственных мыслей и застыл — без звука, без движения, словно учебное творение бездарного подмастерья-скульптора. Только глаза, устремленные в пространство, оставались живыми, и в них легко

можно было различить боль и безнадежность. Очень не понравился Шеллару этот взгляд, особенно оттого, что нюхом чувствовал советник — не ночные происшествия тому виной. Лучше всего подождать, пока расстроенный шеф сам все не скажет, но коль уж разговор пошел в нужную сторону, внезапная пауза может все испортить — вот так помолчит-помолчит господин наместник, а потом вдруг стукнет ему в голову, что нечего обсуждать глубоко личные вопросы с подчиненными…

— К тому же, — продолжил он, делая вид, будто ничего не

заметил, — даже если мы и найдем другую нимфу, она скорее всего тоже будет незрелой, и даже в большей степени.

— Слушай, ты вообще дурак и ни грака не понял или нарочно мне на нервах играешь?

— Ни то ни другое, — ничуть не смутившись возразил Шеллар. — Я все понял, просто считал бестактным поднимать эту тему. Но если вы сами желаете об этом поговорить…

Демон грустно вздохнул и наконец посмотрел в глаза. Жалобно и горько, как обиженный ребенок.

— Ты понял, да? Просто ждал, когда я сам скажу? Я не хочу ее

отдавать. Она… Я… я понял, какое оно — настоящее! Я люблю ее, я никому ее не отдам, потому что не смогу жить без нее.

— Мне очень жаль. — Это опять была чистая правда. Нежданная любовь господина наместника никак не вписывалась в планы Шеллара, да еще именно сейчас и именно к этой женщине. Он намеревался просвещать и воспитывать его постепенно, давая время осмыслить и понять каждый шаг, каждый этап собственного развития, и уж ни в коем случае не желал, чтобы первая любовь бестолкового демона оказалась столь глухо безнадежной. По себе знал, как

плохо сказываются подобные несчастья на характере и мировоззрении. Самому до сих пор стыдно вспоминать оплеванную статуэтку…

— Чего тебе жаль? — огрызнулся Харган.

— Что все так неудачно получилось. Мне хотелось, чтобы, когда вы действительно познаете настоящую любовь, она оказалась счастливой с первого раза, а не как у меня. Но вижу, вы со странной закономерностью повторяете все мои ошибки.

— То есть?

— Меня в свое время тоже

угораздило влюбиться в женщину, которая не могла быть моей. Но вы меня даже превзошли — ваша избранница не сможет вам принадлежать никогда и ни при каких обстоятельствах, даже теоретически. И поэтому мне действительно жаль.

Наместник возмущенно встопорщился.

— Как это не может? Мы уже две ночи как вместе!

— Простите, но разве перед тем, как отправляться за жезлом, вы не изучили все, что касается нимф и… особенностей их существования? Вы сможете быть вместе еще несколько ночей, но вам все равно придется

расстаться. Все мужчины, кроме избранника, вообще не должны задерживаться у нимфы дольше, чем на одну ночь. Она может сделать для кого-то исключение, но ненадолго.

— О Всемогущий Повелитель… — потрясенно прошептал демон. — Так у нее уже есть… избранник?

— И давно. И, надеюсь, вы понимаете, что устранить его вы не в силах. Вернее, устранить, конечно, в силах, но занять его место невозможно. Нимфа любит один раз. Только один. И, лишившись избранника, она просто умрет. Не сразу, через некоторое время после

созревания, но, думаю, вас это вряд ли утешит. Поэтому самым разумным для вас будет как можно скорее отвезти ее к Повелителю и постараться забыть.

Невнятное хриплое рычание и окончательно озверевший взгляд вряд ли можно было считать разумным ответом, но разумного ответа Шеллар и не ждал.

— Поверьте, так будет лучше, — с искренним участием добавил он. — Время лечит все. Боль проходит. Надо только потерпеть, пережить первые, самые трудные дни.

— Он же ее убьет! — в отчаянии выкрикнул Харган. И советник с удовлетворением отметил, что не

чувствуется в этом непроизвольном всплеске чувств былого почтения к Повелителю и готовности выполнить любой его приказ, оправдать любое деяние.

— Что вы, — примирительно произнес он вслух. — Не стоит драматизировать ситуацию. Нимфа нужна Повелителю только для того, чтобы держать жезл во время ритуала. И для этого она нужна ему живой.

— Знаю я эти ритуалы… — Глава четырех держав подозрительно шмыгнул носом. — И чем они обычно кончаются…

— Этот конкретный, насколько мне известно, должен завершиться

переходом Повелителя в божественное состояние, после чего ему уже будут безразличны прежние способы накопления Силы. В самом деле, господин наместник, не надо заранее представлять все в черном цвете, жизнь покажет, кто был прав.

— Если бы этот чокнутый варвар не подвернулся под топор… — горестно простонал Харган. — Эх, ведь все было бы совсем иначе…

— Господин наместник, я бы все же осмелился порекомендовать вам…

— Да иди ты к шестиногим крокодилам со своими рекомендациями! И так жизнь дерьмо, еще ты со своим занудством.

Иди-иди, я серьезно. Займись делом и постарайся не попадаться мне на глаза, пока не позову, потому что я хочу побыть один, и тот, кто мое уединение нагло нарушит, очень об этом пожалеет.

Шеллар вежливо поклонился и повиновался, как и подобает почтительному подданному. Увы, разговора по душам не получилось, зато появился интересный материал для дальнейших наблюдений. Завтра правая рука Повелителя отправится к наставнику докладывать об очередных неприятностях, и будет невероятно любопытно посмотреть, как он поступит с Азиль. Если, как

предполагал Шеллар, одуревший от любви мальчишка посмеет ввести своего кумира в заблуждение и промолчит о новой нимфе, задача здорово усложнится. Но даже в такой ситуации все же можно найти позитивный момент.

Если этот конфликт пробьет хоть крошечную трещинку в беззаветном обожании ученика, ему потом будет гораздо легче и проще смириться со смертью наставника (от несчастного случая из-за небрежного обращения с магией, никак иначе, и ни слова об убийстве!) и впоследствии прибиться к первому, кто пожелает взять его под крылышко. Важно лишь вычислить

нужный момент и дать команду Флавиусу, чтобы советника как бы похитили и как бы только сейчас расколдовали, а он потом как бы сбежал и вернулся… Впрочем, об этом думать пока рано. Лучше заранее подготовить запасной вариант на случай, если Харган действительно осмелится ради спасения любимой женщины обмануть Повелителя.

Между прочим, только сегодня утром кое-кто задолжал благородному советнику обед. Прекрасная возможность для слива информации — застольная беседа, несколько почти нейтральных фраз, как бы невзначай оброненных в присутствии

стукача и карьериста брата Аркадиуса, которому в ближайшие пару недель обещана личная аудиенция Повелителя… И все прекрасно: Азиль в нужном месте, советник ни при чем, а брат Аркадиус все равно изначально планировался в убытки. Харгана, правда, жаль, изведется бедняга, но тут уж ничего не поделаешь, а ему все равно хуже не будет, хоть так, хоть этак.

В промежутках между переходами Харган украдкой разглядывал пленника. Ревнивый взор влюбленного демона был отчаянно пристрастен; полный мучительного

негодования крик: «Что она нашла в этом тупом дикаре?!!» — бился в груди, не имея возможности вырваться на свободу. Впрочем, судя по настороженным физиономиям сопровождающих, криков в данной ситуации и не требовалось — вся раздирающая наместника ревность была, как обычно, написана у него на лице. И если солдаты, несущие службу у портала и не осведомленные о тонкостях дворцовой жизни, лишь недоумевали, то встречающие… Граки бы драли этих встречающих!

По одной лишь гаденькой ухмылочке Нимшаста можно было заключить, что левая рука все понял

правильно и втихомолку злорадствует. Любые неприятности, связанные с женщинами, будь то неразделенное влечение или банальная драка при дележе добычи, всегда вызывали у него торжествующее злорадство. Когда же речь шла о симпатичных юношах, те же самые проблемы воспринимались с пафосным трагизмом и вызывали живейшее участие с его стороны.

Кайден, напротив, не повел и бровью, однако его понимающий взгляд беспощадно говорил: «Я все вижу, но если тебя это так нервирует, то лучше промолчу».

Харган представил себе, что

сделал бы на их месте Повелитель, и постарался придать своему предательскому лицу непроницаемо-вежливое выражение, которое всегда так здорово получалось у Шеллара и Чаня и почти никогда не удавалось ему самому.

— Распорядитесь посадить этого… — он небрежно кивнул на недостойного избранника нимфы, — в какое-нибудь укромное местечко с прочными замками и решетками. Он нужен мне надежно изолированным и живым. Это… э-э… очень важно. Чтобы он был живым и невредимым. Персонально для некоторых поясняю: наркотиками не пичкать и кровь не

сосать, если захочешь его отыметь — устраивай это как-то иначе, уговаривай там или привязывай, но чтобы без последствий.

Маленькая пакость удалась на славу: на лицах обоих предполагаемых партнеров почти синхронно возникло одинаковое негодующее отвращение, только пленник нашел в себе мужество промолчать, а истеричный лич немедленно разразился визгливыми воплями — как, дескать, можно предполагать, будто утонченной личности с изысканным вкусом может быть интересен неизящный волосатый дикарь…

«Который к тому же запросто переломит утонченную личность в четырех местах и неизящно завяжет узлом, благо личность бессмертная и ее от этого не убудет», — мысленно добавил Харган.

Он случайно перехватил очередной безмолвный взгляд Кайдена и невольно улыбнулся — неразговорчивый глазастый куфти полностью разделял его мнение.

— О, какой экземпляр! — неожиданно раздалось за его спиной. Харган вздрогнул и постарался поскорей взять себя в руки, ибо неожиданно подкравшийся Повелитель мог раскусить его еще

вернее и быстрее, чем первые маги. — Это ты мне привез?

— Э-э… ну… почти… но не совсем… — Харган заставил себя обернуться и, чтобы выгадать немного времени на коррекцию выражения лица, приветствовал наставника глубоким поклоном. — Приветствую вас, учитель. Это… как бы точнее выразиться… пожалуй, заложник. Видите ли, пока меня не было, случилась огромная неприятность: умерла хранительница жезла, и теперь наши подданные спешно ищут ей замену. К счастью, советник Шеллар лично знает одну, но она уехала на север, и найти ее мы не можем. Зато

нам удалось изловить ее избранника. Поэтому я распорядился перевезти его сюда и надежно спрятать. Как только нимфа почувствует, что с ним что-то случилось, она прибежит к нам сама.

— Очень разумно, — одобрил Повелитель. — Что ж, раз нам все равно кормить этого красавца, пусть пока внесет свой вклад в общее дело. Посадите его в «крольчатник», такой материал не должен пропадать зря. А ты, дорогой ученик, следуй за мной. Расскажешь мне подробно, как это твои бездельники ухитрились не доглядеть.

Харган послушно направился за учителем в лабораторию, втихомолку

радуясь, что, кажется, все прошло нормально. Его уже не особенно волновали предстоящие объяснения, что случилось с Хранительницей, как он ухитрился потерять еще один излучатель и почему его войско понесло такие потери. Еще три куска хвоста — да и граки с ним, не жалко. Зато Азиль останется жива.

Полностью восстановить разгромленную лабораторию не удалось, несмотря на все старания магов, ученых и работников. Стены покрасить и мебель новую принести — дело нехитрое, а вот с аппаратурой будет сложнее…

— Ну, докладывай, — приказал

Повелитель, когда они разместились по разные стороны новенького стола. — Как это вышло, кто виноват и что ты по этому поводу предпринял?

— Честно говоря, виноват я сам, — честно покаялся Харган. — Я помнил, что вы велели оставить стража в живых, но он оказался поразительно упорным и сдаваться не желал, а я не настолько хорошо владею топором, чтобы точно соразмерить удар…

— Почему в прошлый раз не доложил?

— Надеялся, что обойдется, — покаянно вздохнул ученик. — Увы, к

моему возвращению все было кончено…

— Что еще плохого ты застал по возвращении?

— Выяснилось, что кирасы наших вампиров слишком непрочны и не гарантируют должной защиты. Местные за эти два цикла подсуетились и наделали стрел и копий с осиновыми древками и бронебойными наконечниками.

— Они предприняли нападение на излучатель или просто оказали сопротивление нашим войскам?

— И то и другое, — тяжко вздохнул Харган. — Мы перенесли один из приборов севернее, чтобы

обезвредить магов, засевших в Поморье и Лондре. На него и напали. И как раз в ту же ночь мы решили для пущего вразумления покарать враждебных нам правителей. Там-то нам и оказали сопротивление. Наш десант перебит, охрана излучателя тоже, сам прибор не подлежит восстановлению.

— Что? — Повелитель даже привстал от потрясения. — Вы угробили еще один излучатель?

Если быть точным, то «угробили» бесценный прибор вовсе не верные подданные, а подлые враги, но поправлять наставника ученик не стал, а лишь ниже склонил голову.

— Я виноват, учитель.

— Да ты представляешь, что будет, если вы потеряете все излучатели, прежде чем мы сделаем новую партию?

— Этого больше не повторится, учитель. Оставшиеся три скрыты более надежно, к ним не подобраться ни с воздуха, ни из-под земли. Перемещать мы их больше не станем, чтобы не рисковать, лучше подождем новой поставки.

— Вы хотите моей погибели, я знаю… — обреченно произнес Повелитель, бессильно падая обратно в кресло. — Меня окружают дураки и предатели. Там под твоим бездарным

руководством нам наносят поражение за поражением, здесь недобитые конфедераты затевают заговоры — давно пора было с этим Пятым Оазисом разобраться! — а мои приближенные в мое отсутствие роются в моих бумагах…

— Как? — ужаснулся Харган, от неожиданности даже дерзнув поднять глаза. — Кто посмел?

— Они так и не признались. Но вряд ли ученые или вояки. Либо Нимшаст опять искал свой филактерий, либо Кайден совал нос не в свое дело.

— А ему-то зачем?

— Не доверяю я этим

союзничкам. Я давно заметил, что наше долгое сотрудничество стало их тяготить и они не прочь бы от него избавиться.

— Но чем им могут быть полезны ваши личные записи?

— На самом деле — ничем, но они-то этого не знают. Вернее, не знали, пока не покопались. Если это действительно Кайден.

— А Танхер?

— Этот копался бы в чем-то более материальном, магия ему непонятна и неинтересна. Ты ничего не заметил?

— Нет, — покачал головой Харган. — Но думаю, это Нимшаст.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому, что у него причина весомее и понятнее.

— А не потому ли, что ты питаешь к нему личную неприязнь?

— Ничего я к нему не питаю! — запротестовал ученик. — Пока он не ноет.

— Да уж, беспристрастный подход налицо… — горько заметил Повелитель и резко перешел на другую тему. — Что с Радужным Камнем?

— Все еще ищут, — отрапортовал Харган, вдруг вспомнив, что в прошлый раз совершенно забыл о

странном торговце и его сомнительных предложениях. — Я нашел, кто его взял и куда пристроил. Но торговец, купивший украденный камень, успел его перепродать. Он обещал разыскать и доставить, но ему потребуется на это время. Кроме того, он обещал свести меня с некими загадочными людьми, которые могут предложить технологии, намного превосходящие наши, в обмен на секрет производства наших излучателей. Что вы об этом думаете?

— Они просили доставить им один из приборов как образец?

— Нет.

— Тогда это вряд ли провокация

врага. Ты им что-то обещал?

— Нет. Я сказал, что не вправе решать такие вопросы без вашего одобрения.

— Правильно. Я пока не буду торопиться с одобрением. Не раньше, чем мы получим новую партию. А там посмотрим. Пока можешь начать предварительные переговоры. Сначала надо взглянуть на их чудеса — стоят ли они того. Затем обсудить цену — может быть, нам будет выгоднее просто продавать им приборы поштучно. Но главное — постарайся выяснить, кто они такие и откуда у них в этом мире столь высокие технологии — если, конечно,

не врут.

— И если они вообще из этого мира, — поколебавшись, все-таки высказал свои сомнения Харган.

Повелитель заметно оживился.

— Вот как? Откуда возникла у тебя эта гипотеза? Магия, логика или просто интуиция? Или все еще проще — подсказал советник?

— Нет, с Шелларом я об этом еще не говорил. Все, что касается поиска артефактов, я с ним почти не обсуждаю. Там слишком много магических вопросов, в которых он не может посоветовать ничего полезного, да и вообще я стараюсь по мере возможности поменьше

посвящать в это дело кого бы то ни было. В этом же конкретном случае мне показалось, что первым должны узнать вы, а там уж можно будет судить, нужно ли обсуждать это с кем-нибудь еще. Я не могу точно сказать, сколько здесь логики, а сколько интуиции, подозрение как-то само собралось из множества мелочей, где-то осознанных, где-то нет.

— И как тебе кажется, это не могут быть шуточки конфедератов?

— Да откуда у них технологии, которых нет у нас?

— Харган, не будь наивным. Если это они, с чего бы им говорить

правду?

— Тогда не знаю. Раньше, чем я увижу, что они хотят нам предложить, я не смогу судить. Но опять же они не просили действующий образец. Только знания. Значит, собрать прибор они могут и без нас.

— Или напрасно надеются на это. Да, пожалуй, это все-таки не Конфедерация. У них подобных напрасных надежд быть не может.

— Почему, учитель? — Харган немного растерялся — последнее замечание Повелителя несколько выбивалось из логики его рассуждений. Если ученые Конфедерации сами придумали

способ подавления Силы, то им может быть не интересна технология изготовления приборов — это было бы понятно. Но при чем здесь «напрасные надежды»?

— Потому что они не хуже меня знают: создать кристалл, основной рабочий компонент прибора, они не способны. Как ты полагаешь, почему излучатель, над которым работали конфедераты, был единственным и уникальным и, потеряв Первый Оазис, они не смогли возобновить работу в другом месте?… Ах да, ты не совсем осведомлен об этой истории, тебя тогда не было с нами. Кристалл попал в их руки совершенно случайно, нам

до сих пор не известно, как именно и откуда он взялся. Может, из разграбленного музея, а может, из другого мира. Как бы то ни было, он создан магически, и воспроизвести его силами научной лаборатории оказалось невозможно. Следовательно, если твои потенциальные партнеры не врут, они не имеют отношения к Конфедерации. Иначе они бы это знали.

— Тулан? — предположил Харган первое, что пришло в голову.

Повелитель усмехнулся.

— Откуда ты слова-то такие знаешь?

— Нимшаст просветил, — честно признался ученик.

— Сомневаюсь, — покачал головой наставник. — Не в словах Нимшаста, разумеется, ибо в существовании Тулана, Дхармапура, Линьцзы и прочих довоенных держав я сомневаться никак не могу, а в том, что хоть в одной из них дела обстоят лучше, чем здесь. Я не бывал там после Падения, но, насколько можно доверять слухам, последние две вообще стерты с лица земли, а что творится в Тулане, до сих пор неизвестно. Можно, конечно, предположить, что он пострадал немного меньше, чем Конфедерация,

но его тоже бомбили со всем возможным старанием. Мне скорее кажется, что мы имеем дело с третьим миром. Более могущественным технологически, но мало знакомым с магией. И на твоем месте я был бы вдвое осторожнее при контактах с этими «партнерами», потому что скорее всего они нам не партнеры, а конкуренты.

— Что мне им сказать? — напрямую спросил Харган, опасаясь, что наставник, увлекшись рассуждениями, забудет дать четкие инструкции, а потом ученик окажется виноват в неправильном истолковании намеков.

— Тяни время. Давай уклончивые обещания. Изучай, присматривайся. Обязательно посмотри, что именно они собираются предложить, и уточни, что конкретно хотят получить. Возьми с собой кого-нибудь из магов, более искушенных в школе Чистого Разума, пусть прощупают. Подключи телепата, если найдешь. Можешь посвятить в это дело советника, он будет полезен при переговорах и удержит тебя от опрометчивых поступков в случае необходимости. И уж точно ни о чем с этими господами не договаривайся, пока не получишь камень.

— Я так и сделаю, учитель, —

пообещал Харган, слегка удивленный, что наставник так быстро ушел от разговора о его провинностях. Неужели забыл или пришел к выводу, что нарезка хвоста в некоторых вопросах не помогает? Если так, то что он придумает… новенького?

— Что ж, будем надеяться, что хоть это дело ты не провалишь. А теперь поведай мне, мой ученик, о женщине, которая занимает твои мысли и волнует твое сердце.

Упомянутое сердце тяжким комком ухнуло куда-то вниз, мгновенно превратившись в ледышку.

— Неужели это так заметно, учитель? — не удержался от вопроса

Харган. Даже не потому, что хотел выяснить степень осведомленности наставника, а просто от удивления. В следующий миг он понял, что его вопрос как нельзя более уместен, и уточнил: — Или вы просто читаете мои мысли?

— Разумеется, мой мальчик, ведь они написаны у тебя на лице и просто-таки лезут в глаза. К тому же твоя внезапная рассеянность и небрежность в делах, из-за чего ты делаешь непозволительное количество ошибок, подтверждают мои догадки. Так кто она?

Несмотря на испуг и растерянность, Харган все же нашел в

себе силы сообразить, что ошибки он начал делать задолго до знакомства с нимфой, значит, Повелитель действительно читает только те мысли, которые написаны на лице, а имя и статус там не упоминаются. И без колебаний рассказал начистоту все об Ольге, втайне радуясь, что она была в его жизни и так удачно оставила после себя кучу неразрешенных вопросов.

Реакция наставника оказалась несколько неожиданной. Внимательно выслушав все до конца, Повелитель задумчиво постучал пальцами по столу и поинтересовался:

— Не кажется ли тебе, что твой советник был с тобой не совсем честен?

— Не знаю… — От неожиданности Харган опять растерялся. — То есть я подозревал, что он хотел эту женщину для себя, и по этой причине сделал все, чтобы сохранить ей жизнь. Но условия договора он соблюдал честно — не виделся с ней, не общался и даже не переписывался тайком, иначе охрана доложила бы мне о попытках. Во всяком случае, когда сама Ольга пыталась передать ему записку, ей этого не позволили и мне доложили.

— Ах вот в чем дело. Для себя,

значит… — Повелитель по-прежнему не выказывал ни одобрения, ни порицания и казался погруженным в свои мысли. — Знаешь что, Харган… в следующий сеанс, когда будешь тащить сюда своих избранных, захвати и советника. Я хочу на него взглянуть лично. Нам с ним давно пора познакомиться.

— Что-то не так? — забеспокоился ученик.

— Не то чтобы я подозревал твоего советника в измене… Но мне все же любопытно будет изучить его образ мыслей. Какой-то он странный. — Задумчивый Повелитель даже не заметил, что ничуть не

утешил ученика этим уточнением. По большому счету, Харгану было все равно, по какой причине наставник вдруг пожелал видеть Шеллара, его пугал сам факт их встречи. Советник был единственным из приближенных, кто знал все о нимфе и… о том, что из этого последовало. Даже если попросить его не выдавать — кто поручится, что человек, прошедший третью ступень, осмелится солгать Повелителю, будучи прямо о чем-либо спрошен?

— Как вам угодно, учитель, — послушно склонил голову ученик, с ужасом осознавая, что, обманув наставника единожды, вынужден

будет обмануть еще неоднократно. В следующий сеанс Шеллара здесь не будет. Брата Чаня тоже ни в коем случае нельзя показывать Повелителю — хоть с ним никто и не делился секретами, он мог и сам догадаться, к тому же о наличии нимфы во дворце осведомлен во всех подробностях. Нет уж, хватит с дорогого наставника брата Аркадиуса и… ну, скажем, Хольса можно взять, пусть порадует божественного Повелителя своим искренним обожанием. А этим двоим нечего здесь показываться. Предлог какой-нибудь можно придумать. А не получится самостоятельно — признаться во всем Шеллару и

попросить помощи. Он не откажет. Он поймет…

— Что ж, я бы еще много о чем хотел с тобой поговорить, но портал ждать не станет. Наказание свое свершишь самостоятельно дома, а мне потом отчитаешься. Три раза по полпальца, как обычно. И задумайся наконец о том, что хвост у тебя не бесконечен.

Харган чуть не ляпнул, что он думает об этом уже не первый год, но что-то удержало. Не тот был момент, чтобы лишний раз раздражать наставника. Лучше спросить его в более доверительной обстановке.

И как только ему могло прийти в

голову, что Повелитель может простить подобные промахи в работе или забыть о наказании?…

Почтительно попрощавшись, он перенесся к порталу, который действительно не будет ждать опоздавших, и неожиданно застал там все тех же встречающих — то есть теперь провожающих. Правда, к великому облегчению наместника, среди них не было Нимшаста — общение с ним дважды за одно утро было бы уже надругательством со стороны судьбы. Зато Кайден явно ждал именно Харгана, и именно с целью что-то сказать.

— На пару слов, — коротко

произнес он, жестом подзывая его и давая знак сопровождающим отойти за пределы слышимости.

— Ну, чего? — устало отозвался демон, приблизившись.

— Повелитель не приказывал тебе взять меня с собой?

— С чего бы?

— Я его об этом просил, — негромко пояснил куфти. — Ну, раз не приказывал, значит, счел неразумным. Забудь.

— А зачем? — не сдержал любопытства Харган.

— Зачем просил?

— Да. Что тебе там понадобилось?

Кайден поскучнел лицом и уклончиво ответил, что это долго объяснять, а портал вот-вот закроется.

Харган так и остался в недоумении.

Долгие годы беспросветного невезения, казалось бы, давно должны были приучить Витьку Кангрема к мысли, что самые катастрофические неприятности случаются как раз тогда, когда их меньше всего ждешь, и особенно если вдруг вообще про них забудешь, увлекшись чем-нибудь интересным и замечательным.

Приказ об эвакуации грянул, как гром с ясного неба. Если честно, все

было не так плохо, как опасались сотрудники лавочки: саму службу «Каппа» никто не расформировывал, увольнять никого не грозились, но регион Конфедерации, где теперь почти повсеместно хозяйничал Повелитель, решено было эвакуировать, а агентов до лучших времен отправить в неоплачиваемые отпуска. Формальным поводом послужило трагическое происшествие с агентом Чандром и забота о жизнях и здоровье оставшихся, но и Витька, и его коллеги прекрасно понимали: помри они хоть всем составом, любезное начальство только посетует на проблемы с кадрами, а вот если

кто-то из померших попадется в лапы Повелителю и в благодарность за счастливое посмертие сдаст ему родную лавочку… Опять же оборудование денег стоит, за каждым зачищать — разориться можно…

Поэтому регион временно объявили карантинной зоной, а сотрудникам предписывалось собрать манатки, демонтировать и вывезти все, кроме собственно кабин, после чего законсервировать сами кабины, снять и упаковать контрольные устройства и своим ходом согласно графику явиться к месту эвакуации. Последний пункт вызвал недовольное ворчание и возмущенные вопли (в

зависимости от возможностей что-то куда-то вывозить), но по причине скудного бюджета лавочка не могла позволить себе массовую зачистку. Этак угробишь несколько десятков дорогостоящих кабин, а где их потом брать? На новые денег никто не даст, хоть бери да старые из пенобетона обратно выковыривай. Голыми руками.

За последние пять лет Витька так привык к своей работе и прижился в оккупированном тараканами магазинчике, что мысли о поисках нового места вгоняли его в тоску и в панику. Он просто забыл уже, как это делается в его родном мире, да и от

самого мира успел отвыкнуть.

Но это было еще не худшее.

Разгребая шкафы в потайной комнате и укладывая вещи, агент Кангрем вдруг неожиданно для себя понял, что ему будет тяжело и горько расставаться с этим неприветливым и пакостным миром. Что ему будет не хватать толкового и сурового Кетменя, доброй девушки Ллит, пьянчуги Шакерифа, пройдохи Шварта и даже доктора Хаши с ее патологической ненавистью к тараканам.

С пришельцами из соседнего мира получалось и того хуже. Он, конечно, предупредит их и объяснит,

что его лавка, из которой они сделали повстанческий штаб, больше для этого дела непригодна и в ней, может быть, чужие люди поселятся. Даже Кетменю можно будет как-то объяснить свой отъезд, волшебники прикроют и подтвердят любую легенду. Но как же чертовски обидно бросать все из-за этой несвоевременной эвакуации, когда уже увяз с головой в интересном и действительно стоящем деле! И как же обидно будет потом выслушать от мальчишки-эльфа подробный рассказ, как все кончилось, когда это «все» произойдет без него!

И куда, скажите ради всего

святого, девать Ллит? Он бы с радостью оставил на нее свою лавку, но, во-первых, ей не позволят жить в черте города, а во-вторых, с некоторых пор магазинчик Морковки безопасным местом считать никак нельзя. Осталось только придумать, какое же можно. Пока никто не придумал, даже мудрецы-волшебники в растерянности. Тащить ее к себе они по понятным причинам не хотят, хотя и рассматривают этот вариант на самый-самый крайний и безвыходный случай.

Кангрем вполне понимал споткнувшегося на тонком этическом моменте Мыша: каково будет сначала

показать бедной девчонке волшебный мир, а потом вернуть обратно в родную помойку? Насовсем забрать — тоже не лучший вариант. Если здесь мутанты привычное явление и никто на них внимания не обращает (по крайней мере, пока они не пытаются пробраться в город), то там она будет изгоем. Да и подозревает почтенный мэтр, что эта девочка зачем-то нужна именно здесь, что ей как последней наследнице Нарны уготована особая роль в предстоящих событиях (Витька искренне надеялся, что не жертвы). Опять же эльф этот непонятный, который разгуливает по чужим снам не хуже Дэна и ездит

девчонке по ушам, а зачем — не признается… Да еще пророчество это дурацкое! Бедный агент и так настрадался из-за слишком пристального внимания к редкостному цвету своих волос — мало того что на него дикари косились, так еще и Повелителя черти приносили, и убас в свое время аккуратно прощупывал, нет ли тут чего достойного его внимания… А еще родственники у бедняжки придурочные, хоть и нехорошо так о покойных, анекдот, ей-богу: им полный текст пророчества оставили, а они текст забыли, бумажку потеряли… По всем раскладам

получается, что оптимальный вариант — вернуть Ллит в родную деревню, из которой ее увезли в целях безопасности.

Кангрем закрыл последний опустевший шкаф и пересчитал ящики и коробки. Вот уж накопил барахла за годы службы… И что всего противнее, целый ящик личных вещей, никому не нужных, кроме самого хозяина, а казенных, что по описи числятся, штук семь не хватает. И попробуй теперь вспомни, то ли недополучил, то ли сломалось, то ли, как те несчастные родственники, — потерял и забыл… ну не пропил же, в самом деле! Тьфу ты, гадство…

Пойти, что ли, к Дэну, попросить, чтоб память обновил, как тогда, с той монеткой? А что, это мысль! Ящик все равно надо домой переправить, заодно под это дело и самому туда наведаться. И навестить Дэна. И вспомнить наконец, куда девались семь пунктов из этой хреноматерной описи, которых он знать не знает и в глаза не видел.

Региональный координатор, выловленный на бегу в коридоре, на объяснения агента только рукой махнул и умчался дальше. Витька представил себе, что таких растерях у бедняги целое подразделение, и все носятся со своими описями и ищут

растворившееся в воздухе оборудование… Словом, можно спокойно отправляться, не беспокоясь, что в ближайшие сутки у шефа найдется время проверять, как истолковали его ответ. Даже на переодевание можно было бы забить, но во-первых, как-то уже привык, а во-вторых, с ящиком в руках гражданин бомжеского вида становится вдвойне подозрительным, не хватало еще в винтиловку загреметь.

Ящик оказался довольно увесистым, поэтому Витька решил сначала занести это барахло домой, да и позвонить заодно, а то вдруг Дэна

дома нет, а он ввалится как дурак…

Всего четверть часа спустя он с величайшей досадой обнаружил, что к себе домой, в собственную пустую квартиру, тоже, оказывается, можно ввалиться не вовремя и неуместно. Потому что вот такие пустые квартиры страшно привлекают всевозможную бездомную молодежь, желающую обрести уютное гнездышко для свиданий.

Юная парочка азартно ерзала перед монитором, чуть ли не воткнувшись в него носами, и увлеченно что-то обсуждала. Кто бы сомневался, что, получив ориентиры и познакомившись с интересной

девчонкой, наглый эльф наплюет на все межмировые конвенции и начнет шастать сюда, как к себе домой! И что с того, что девочка малость… как бы это сказать… не соответствует? Эти целомудренные уголовники и без всяких глупостей найдут себе занятие! Взаимно интересное, чертовски увлекательное и наверняка противозаконное.

— Здрасьте, дядя Витя! — радостно приветствовала нежданного хозяина Санька, отворачиваясь от монитора, на котором дядя мельком успел заметить открытую программу создания фотороботов.

— Добрый день… — Эльф, не

столь бесстыжий и самоуверенный, как его подружка, слегка зарумянился и на всякий случай отодвинулся подальше, чтобы всякие непонятливые люди чего дурного не подумали. — Хорошо, что вы пришли. Я сегодня был у вас в магазине, но не застал, а мэтр Максимильяно очень просил…

— Я в подвале был, — пояснил Витька, между делом присматриваясь к их художествам. — А если ты еще скажешь, что пришел сюда искать меня и совершенно случайно встретил Саньку, получишь по ушам.

— Дались вам всем эти уши! — вспылил мальчишка. — Разумеется,

не случайно! Мэтр просил меня кое-что передать Сашиному отцу, и, не найдя вас, я отправился сюда, где условился встретиться с ней.

— А найдя ее, напрочь забыл о делах и сел поразвлечься, — не удержался от сарказма Витька.

— Дядя Витя, как вам не стыдно! — Малявка мигом кинулась вступаться за своего обидчивого приятеля, прямо как мать родная. — Мы не развлекаемся, у нас тут важный научный вопрос.

— Ну да, карикатуры на учителей тоже неким боком к науке относятся, — согласился Кангрем. — За что вы так бедного Мыша? Двойку

влепил любимому ученику? Или еще как обидел?

— Это не карикатура! Мы пытаемся прикинуть, как он будет выглядеть в старости, чтобы сличить с одним… то есть другим… И у нас проблема — Мафей умеет рисовать, но не умеет обращаться с компьютером, а я наоборот…

— Я вам в вашей проблеме не помогу, потому что не умею ни того, ни другого. Так что продолжайте на здоровье, только скажи: папа сейчас дома?

— Должен прийти в четыре. А вы к нему пойдете?

— Да, он мне нужен по делу.

— Вот и прекрасно! — Санька ликующе подтолкнула эльфа локтем. — Вот дядя Витя сейчас и передаст папе все, что нужно, и не надо мне все бросать и бежать, до семи вполне можем посидеть.

— Ну, говори, — обреченно вздохнул Кангрем, понимая, что тащить ее сейчас домой и запрещать дальнейшие противозаконные свидания было бы верхом глупости. Это пусть лучше ушастому паршивцу наставники и родня шею намылят и все за жизнь растолкуют, чтоб не шастал и ориентиры незаконные забыл.

— Мэтр Максимильяно просил,

чтобы мэтр Дэн сегодня навестил его сон, — серьезно пояснил мальчишка, мигом задвинув куда-то свои детские обиды. — У нас там несчастье случилось… Диего еще пару недель работать не сможет, а мэтру необходимо очень срочно поговорить с Шелларом… предупредить его, он в большой опасности… Не забудьте, пожалуйста.

— Не забуду, — проворчал Витька. — А если и забуду, Санька напомнит. Она же на ночь здесь не останется, правда?

Маленькие негодники дружно согласились и переглянулись.

Агент Кангрем готов был

поставить свой мотоцикл против игрушечной машинки, что в этом полном взаимопонимания взгляде уже прокручивались варианты, как протащить эльфа к Саньке домой, чтобы дать ему ориентиры ее комнаты и больше не тревожить мнительного и склонного к панике дядю Витю.

Глава 8

И если так, это значит, что нам придется сделать нечто такое, чего мне действительно не хочется делать.

Р. Л. Асприн

— О, ты только взгляни, как здесь сегодня все красиво и безмятежно! — порадовался Дэн, переступив границу королевского сна. — Жаль даже портить такой сон…

— А придется… — мрачно

вздохнул Макс, выискивая среди зрителей Шеллара. Вряд ли он заметит их в такой толпе, надо самим подойти. И звать бесполезно — музыку перекричать будет сложновато.

В огромном, увешанном осветительными шарами зале сверкал, гремел, кружился, вспыхивал и переливался грандиозный бал. Невидимый оркестр не жалел сил, отчаянно наяривая что-то подозрительно знакомое, но малоуместное в королевских бальных залах, — не то мистралийскую народную пляску, не то аргентинское танго. Стремительные кавалеры с

грацией профессиональных танцовщиков вели очаровательных, изящных и весьма скудно одетых дам, восхищенные зрители, затаив дыхание, следили за каждым головокружительным па и время от времени приветствовали особо удачные криками искреннего восторга. Алмазными искрами вспыхивал хрусталь бокалов, зеркальными изломами переливался атлас бальных платьев, слепили белизной кружева, а глаза танцующих затмевали своим блеском все наличные драгоценности.

— Дэн, я его не вижу, — нервно произнес Макс, в третий раз и с

особой тщательностью осматривая зрителей в поисках возвышающейся над толпой головы. — Не нарвались ли мы на сон «без участия»?

— Нет, он здесь, — успокоил его кузен. — Скорее всего ты его просто не узнаешь. Знаешь, бывают такие сны, когда человеку снится, что он одновременно и он, и кто-то еще…

— О боги, как же я его тогда узнаю?

— У тебя же есть я. Нечего так нервничать. Вон он. И не так уж сильно он изменился.

— Где?

— Видишь пару в самом центре? Мужчина в белом и женщина в темно-

красном? Кстати, он вполне узнаваем, может, чуть ниже ростом и более гармонично сложен. Он действительно так хорошо танцует, или это сон-мечта?

— Я никогда не видел, как он танцует, — мимоходом пояснил Макс, присматриваясь к указанной паре и с изумлением узнавая в ней королевскую чету. — Он никогда этого не делает. Стыдится своей нескладности и боится показаться смешным. Вот уж не думал, что Шеллару может сниться что-то подобное… Да еще в белом! Он этот цвет терпеть не может.

— А его дама? Кто-то

конкретный или просто образ… — Дэн обрисовал руками в воздухе нечто неопределенное.

— Это его жена. Только в реальной жизни за предложение одеться подобным образом она убила бы затейника на месте.

— О, так мы наблюдаем плоды подавленной сексуальности?

— Ну, учитывая, что бедняга два месяца не видел супругу, а до того она была беременна, может быть. Но в целом это для него не характерно. И вообще мне эти копания в королевском подсознании сейчас нужны, как варвару неорганическая химия. Звать, или подождем, пока

дотанцует?

— Кто примчался по срочному делу — ты или я? Сам определись, действительно ли тебе надо поговорить срочно, или ты можешь себе позволить еще танец-другой попялиться на полуодетую королеву. Кстати, она действительно так хороша, или это тоже мечта?

— Скорее воспоминание. Но в целом почти без изменений.

Они еще немного полюбовались, как противоестественно похорошевший Шеллар кружит в танце непривычно сексапильную Киру, и почти одновременно пришли к выводу, что дожидаться окончания

этого танца могут до самого утра.

— Ваше величество!

Шеллар оглянулся, сбился с такта и остановился. Всего пара мгновений — и король на глазах вытянулся, обрел обычную сутулость и неловкость движений, белый камзол почернел до традиционного похоронного цвета, а оголенные плечи и коленки королевы скрыла сверкающая сталь доспехов.

— Добрый вечер, почтенные мэтры, — невозмутимо произнес Шеллар, даже взглядом не выражая досады за испорченный сон.

— Извините, что оторвали вас от столь приятного

времяпровождения, — начал Макс, — но дело не терпит отлагательства…

— Ну что вы, это ведь всего лишь сон, — махнул рукой король. — Кира, извини, я на минутку — государственные дела…

— По крайней мере этот сон нормальный, — заметил Дэн, пока они пробирались к выходу из зала. — Без всяких поеданий птицами, подрываний бомбами и сажаний на колья.

Макс досадливо дернул себя за косу.

— И чтобы все перечисленное осталось всего лишь кошмарными снами, вам следует срочно

эвакуироваться. Согласно плану ноль.

Шеллар удивленно остановился, едва не сбив с ног пробегавшего мимо слугу с подносом.

— Как — эвакуироваться? Вы в своем уме? А Элмар и Азиль?

В кои-то веки его величество понятен и предсказуем, хвала богам.

— Их мы тоже по возможности постараемся вытащить. Но вам следует бежать немедленно.

Король ничего не ответил, резко развернулся и зашагал прочь, предоставив носителям дурных вестей самим догадываться, желают ли с ними общаться далее. Макс предпочел считать, что желают, и двинулся

следом. Дэн, похоже, такие вещи просто знал — тоже без вопросов побежал с ними.

Только когда огромная двустворчатая дверь закрылась за их спинами и праздничный шум утих, оставшись где-то далеко, словно в другом сне, а сами они промчались по боковой лестнице, торопясь поспеть за быстрым шагом его величества, ворвались в кабинет и получили приглашение располагаться, Шеллар наконец изволил посмотреть им в глаза и произнести все еще предсказуемый вопрос:

— Что случилось?

— У нас есть все основания

предполагать, что Астуриас написал на вас донос персонально брату Чаню.

Лицо его величества приобрело выражение крайнего недовольства. Словно речь шла не о его жизни и смерти, а о недостаточно горячем чае, поданном на завтрак.

— Подробности? — кратко поинтересовался он. — Вероятность?

Бедняга все еще надеялся, что удастся выкрутиться. Например, что сведения недостоверны и предположения о грозящей ему опасности — лишь плод фантазии паникеров. Или что опасность эта преувеличена. Или у него еще есть время и возможность скорректировать

ситуацию. Или из новой информации можно заодно почерпнуть материал для возможных махинаций и успешно обратить происходящее в свою пользу…

Даже жаль было его разочаровывать.

— Так… — произнес изрядно приунывший Шеллар, выслушав подробное повествование и получив ответы на все дополнительные вопросы. — Весьма и весьма неутешительно это все. И откуда в мире берется такое количество беззаботных идиотов?…

— Это о ком? — живо поинтересовался Дэн. У Макса было

несколько предположений, но раз уж неосведомленный кузен столь вовремя влез со своим вопросом, он решил сначала послушать, что скажет его величество.

— О многих участниках событий. Например, маг, у которого хватило ума повернуться спиной к Астуриасу. Скользкая гадина Скрайс, перехитривший в итоге сам себя. Мой дорогой кузен, который всем верит и почему-то считает, что прочие дядюшкины бастарды, подобно ему, шарахаются от короны, как от чумы. Его благородный братец, до сих пор, небось, свято убежденный, что спасает отечество…

— А вот тут попрошу поподробнее, — спохватился Макс. — Этот благодетель — действительно непризнанный бастард Деймара? Это не сплетни?

— Мэтр, и это вы у меня спрашиваете, при вашей способности видеть родство на глаз?

— Я не знаком с виконтом Бакарри и никогда его не видел.

— Увидите — поймете. Я уверен, что сплетни не лишены оснований и что сам он точно знает все о своем происхождении. Иначе не полез бы в огромное отхожее место, именуемое политикой.

— Так вы полагаете, письмо не

подменяли и он сознательно сотрудничает с Астуриасом? Я просто не знаю этого человека… Он действительно жадный до власти подонок, готовый предать короля, которому присягал, и послать на смерть родного брата, стоящего между ним и короной?

Шеллар вздохнул, заглянул в пустую трубку и полез в карман за кисетом.

— Как я уже сказал, он точная копия отца и братьев, и это касается не только внешности. Благороден, простодушен, жаждет всех спасти, всех облагодетельствовать и прославиться как герой. Астуриасу

такие возвышенные идеалисты на один зуб. Стоит поставить перед ними высокую цель — например, спасти отечество, — и под этим соусом их можно сподвигнуть на любую мерзость. Ведь ради великой цели, ради всеобщего блага, конечный результат спишет мелкие накладки, возникшие в процессе. Вы не поверите, как низко можно пасть в стремлении творить добро…

— Уж мне можете не рассказывать, — проворчал Макс.

— Простите. Увлекся. Передайте Флавиусу — если есть возможность, пусть пошлет туда кого-то из своих людей. Кого-то, кто знает в лицо

Астуриаса и, в свою очередь, не знаком ему. Этого скорпиона надо срочно ликвидировать. Сейчас он сделал ставку на оппозицию, но после моего провала обстоятельства могут обернуться так, что ему станет выгоднее вернуться к прежним хозяевам. Всей этой милой компании патриотов, что собрались в замке, устроят второй Большой Афедрон.

— Вы полагаете, он еще не убедился, что у его прежних друзей нет будущего?

— У них оно может быть или не быть, а вот лично у Астуриаса при условии их поражения будущего не будет точно. Вы еще не забыли, что,

как только магоподавители будут отключены, мастеру придется вернуться на полочку, с которой он столь удачно и неожиданно спасся? Это в лучшем случае. А в худшем на него просто кто-нибудь случайно наступит.

— Ваше величество, я бы на вашем месте о своем будущем побеспокоился. Раздавать поручения Флавиусу и прочим подданным вы вскоре сможете лично, но для этого нужно прежде всего согласовать дату и время эвакуации.

— О, простите, я, кажется, заговорился и не дал вам четкого ответа на этот вопрос… В настоящий

момент эвакуация невозможна.

— Вы что, с дуба рухнули? — Макс непочтительно вытаращился на самонадеянного придурка, не умеющего учиться на собственных ошибках. — Вы все равно ничего не сможете сделать для Элмара, сами будучи под колпаком.

— Вы почти правы, — перебил его Шеллар, глядя куда-то поверх его головы. — Единственное, что я мог для него сделать, — подарить Повелителю наш фамильный меч и попросить дорогого кузена хоть раз в жизни обдумать свои будущие действия. Далее ему придется выкручиваться самостоятельно. Если

он действительно сумеет повести себя правильно, у него есть шанс. В вопросе моей эвакуации Элмар не столь важный фактор, так как его уже отправили сегодня утром и на данный момент я сделал все, что мог. А вот как быть с Азиль? Сегодня ее не отослали, и я не могу даже примерно предсказать, сделают ли это в следующий сеанс. Новый портал работает раз в три дня. Неизвестно, что может случиться за это время.

— Погодите… — спохватился Макс. — А как вышло, что ее не увезли сегодня? Кажется, ваш любезный шеф тащит в норку к наставнику все, что успевает сгрести к

очередному сеансу.

Шеллар раздраженно пыхнул дымом.

— В том-то и дело, что в этот раз он изменил своему обычному образу действий! Мэтр, вы представить себе не можете, как портят жизнь досадные случайности, которые невозможно предвидеть или просчитать! Этот балбес влюбился в Азиль.

— Этого еще не хватало! Как такое возможно? Или вы имеете в виду…

— Я имею в виду то, что сказал. Харган влюбился в Азиль. Не просто пожелал с ней переспать, как можно

было бы предположить, зная его, а исполнился возвышенного обожания, свойственного всем юнцам, впервые познавшим любовь.

— Но ведь она же…

— Я все ему объяснил, исчерпывающе и доходчиво, хотя и жаль было разрушать единственное светлое и чистое, что появилось в его жизни. Но не уверен, что он понял все правильно. Вернее, понять-то он понял, но какова будет реакция, просчитать невозможно.

— Вот вам и веер на бесконечность, — тихонько заметил до сих пор молчавший Дэн.

— Боюсь, вы правы, уважаемый

мэтр. Влюбленный демон — существо абсолютно непредсказуемое.

Макс страдальчески скривился и потянул себя за косу.

— Я, конечно, преклоняюсь перед вашим педагогическим подвигом — за две луны так обработать безнадежного отморозка, что в нем проснулась чистая и светлая любовь, — но…

— Боюсь, это не моя заслуга, — печально покачал головой Шеллар. — Я, конечно, могу ошибаться, но меня не оставляет мысль, что столь неуместное и безнадежное чувство — это месть Матери Богов. Или же какого-то иного божества

соответствующей направленности, чей алтарь был разорен ради очередного артефакта из списка.

— Я попробую обратиться к солнцеглазой… — без особой надежды пообещал Макс. — Божества разных культов обычно либо знакомы друг с дружкой, либо отражения одного и того же, известные под разными именами… Может, она что-нибудь знает или чем-нибудь поможет… Но вам все равно нельзя оставаться. Судьба не любит, когда ее искушают.

Шеллар мрачно уставился в стол, вертя в руках погасшую трубку.

— А теперь представьте себе

дальнейшее развитие событий. Азиль не отправили, она осталась здесь. Я унес ноги, бросив ее и даже не попытавшись прихватить с собой. А после этого департамент брата Чаня получает из Лондры заботливо заготовленную для них информацию — помните какую? Ни в коем случае не допустить, чтобы Азиль оказалась в постели с Повелителем до созревания. Какие выводы сделает наш мудрый брат или любой умный человек?

Макс горестно выругался.

— Вот именно, — грустно кивнул Шеллар. — Он поймет, что, будь это правдой, я бы, удирая,

обязательно взял с собой Азиль. Или хотя бы попытался. А тот факт, что из Лондры не поступало никаких сведений обо мне, усугубит недоверие к остальной информации оттуда и вызовет закономерные подозрения: все ли в порядке с агентом? Словом, чтобы толкнуть Повелителя в объятия нимфы, мы должны очень убедительно доказать ему, что мы этого не хотим. Моя эвакуация все разрушит.

— На крайний случай действительно бегите вместе, — в отчаянии предложил Макс. — Мы потом придумаем другой способ, а то и другую нимфу найдем. Любой

вариант будет лучше, чем… то, что вы регулярно видите в снах.

— Вряд ли мои сны имеют какое-то значение. Скорее всего я давно почувствовал, что брат Чань меня разрабатывает, только не осознал этого. Хотелось бы знать, сколько времени ему понадобится, чтобы во всем разобраться и точно убедиться, кто я есть на самом деле. Как давно поступила информация?

— Письмо бросили в пятницу. В ящик для доносов. По всей видимости, после полудня.

— Ящик открывают каждое утро в шесть. Затем почту сортируют и передают в отдел. Значит, в субботу

утром брат Чань еще ничего не знал и двусмысленность его вопросов мне просто почудилась. Прежде чем добраться до него, письмо должно было пройти несколько инстанций, раньше понедельника он его получить никак не мог. Да, скорее всего, это и был понедельник — во вторник на совещании брат Чань вел себя несколько странно, и я заметил это глазами и разумом, без всяких подсознательных фокусов с нюхом. Если учесть, что копать он будет крайне осторожно, чтобы не вызвать неудобных вопросов со стороны наместника… возможно, мы даже успеем все провернуть, прежде чем он

докопается. Хорошо бы, конечно, его убрать, но рискованно — если кто-то из умных подчиненных найдет тот проклятый донос и как-то свяжет его с безвременной смертью шефа…

— Ваше величество, давайте все же определимся с эвакуацией, — напомнил Макс.

— Вот что, уважаемый мэтр, точно я вам смогу сказать не раньше следующего сеанса. Сейчас мы имеем два варианта: либо попытаться успеть, пока брат Чань не завершит свое расследование, либо бросать все и бежать вместе с Азиль. К тому же… я принял кое-какие меры на случай, если Харган все-таки решится

предпочесть любовь служению. Если мой замысел сработает как надо, в следующий сеанс Повелитель обо всем узнает. И тогда…

— Я бы вам посоветовал не тянуть и под любым предлогом вывезти Азиль за пределы дворца. Остальное сделает Флавиус. В конце концов, вопрос о ее участии был и остается сомнительным.

— Ошибаетесь, уважаемый мэтр. — Взгляд его величества мог раздавить в лепешку средних размеров танк. — Он был и оставался спорным ровно до того момента, как Азиль сама, по собственной воле явилась во дворец и пожелала встретиться с

Повелителем. С того момента сей вопрос… вообще больше не вопрос.

— Послушайте…

— Нет, это вы послушайте. И подумайте заодно. Все, что говорил вам ваш друг-ясновидец, и все наши рассуждения и споры по этому поводу знал лишь очень узкий круг посвященных. Азиль не входила в этот круг. Если бы ей хоть что-то случайно стало известно, эта информация давно сделалась бы достоянием широкой публики. Все это заставляет нас исключить версию о ее добровольном участии в наших замыслах. Вернее, в добровольности и готовности к самопожертвованию сомневаться не

приходится, но наши планы здесь ни при чем. У Азиль имеется свой собственный план, и источник ее информации нам неизвестен. Более того, он нам в принципе недоступен, так как бедняжка никогда не могла вразумительно объяснить, почему «так надо» и «так правильно» и откуда она это знает. Не только мы, но, кажется, и она сама не способна постичь те силы, что ею движут, однако при всем том она всегда оказывается права. Поэтому если что-то сорвало ее с места, погнало пешком через весь континент и заставило отдаться в руки врагов — только для того, чтобы лично

встретиться с Повелителем! — мы не должны недооценивать ни могущество этого «чего-то», ни важность его мотивов.

— Полагаете, некие высшие силы решили, что Повелитель должен умереть? — с недоверием переспросил Макс, невольно представив себе, как разношерстные боги и богини на общем собрании решают: этому наглому выскочке среди них не место.

— Я понятия об этом не имею. Но убежден: если завтра я попрошу Азиль бежать вместе со мной и она откажется, не приведя понятных простому смертному объяснений, —

это будет последним и неопровержимым доказательством моей гипотезы. Что тогда прикажете делать? Снотворного в чай и выносить на руках?

— Попробуйте разыграть вариант с влюбленным демоном. Подбейте его «спасти» несчастную деву от жестокого Повелителя так, чтобы вас слышали. После этого бегите. Ваше поведение будет расценено как попытка заставить других сделать то, что сами вы не имеете возможности провернуть.

— Увы, не далее как позавчера я излагал ему абсолютно противоположные соображения.

Слишком резкая перемена мнения может показаться подозрительной.

— Ну, спишут на то, что вы получили новые инструкции. Мы попытаемся как-то это подтвердить.

— Я поработаю с этим. Но понадобится время. Я не могу просто так, без причины и повода, поймать наместника за пуговицу и ни с того ни с сего заговорить о спасениях дев, да еще чтобы нас кто-то слышал и при этом не знал, что я знаю… Такие акции требуют подготовки. Поэтому эвакуацию в любом случае придется отложить.

— Сколько у вас времени, как вы полагаете?

— Думаю, несколько дней я могу себе позволить. Брат Чань — человек обстоятельный, он не станет афишировать свое расследование, пока не обнаружит веских доказательств моей измены, способных убедить даже расположенного ко мне наместника. Все, что я когда-либо говорил, — всего лишь слова, которые мало того, что к делу не пришьешь, так еще и толковать можно по-разному. Единственное вещественное доказательство, дающее возможность меня уличить, покоится в фамильной усыпальнице. Да и то я бы не назвал тело адъютанта неопровержимой

уликой — мало ли кто его прирезал, сам он меня не видел, кинжал не мой, а то, что я в это время гулял поблизости, — хитроумная попытка врагов бросить тень на верного слугу ордена. Вот если брат Чань окажется настолько дотошным, что пороется в старинных саркофагах и найдет там мои перчатки, тогда мне придется туго.

— Не могли вы и перчатки чужие свистнуть! — не удержался от замечания огорченный мэтр.

Шеллар невесело усмехнулся.

— Полагаете, перчатки моего размера можно легко добыть в первом попавшемся чужом шкафу?

Макс покосился на его грабли и вполголоса выругался. Да уж, попробуй тут воспользоваться чужими перчатками, если они попросту не налезут…

— Так что мы решили?

— Ждать, — пожал плечами его величество. — Думаю, шесть дней я еще протяну. На всякий случай обговорите с Флавиусом запасной аварийный вариант, которым я мог бы воспользоваться в любой момент. Вдруг мне придется спешно удирать своим ходом, потребуется кто-то, чтобы задержать погоню, и место, чтобы укрыться на первое время. Все остальное… — Он удрученно развел

руками. — К сожалению, слишком многое зависит от дальнейшего поведения Харгана, которое, как вы верно заметили, предсказанию вообще не поддается.

Все повторялось. Как и два цикла назад, Харган отстранился от реальности, потерялся в цветочном сумраке весенних ночей, заплутал среди фантазий и воспоминаний. Как и тогда, он проводил в томительном ожидании ненужные, бесполезные дни, существовавшие лишь ради того, чтобы настала новая ночь. Так же мчался, едва дождавшись несправедливо поздних сумерек, в ту

самую комнату на третьем этаже, чтобы забыть опостылевшую суету державных дел и броситься в объятия волшебной ночи, где ждала его хрупкая женщина с нездешним взором…

Нет, все было не так. Вернее, почти так, но гораздо хуже. Если тогда он всего лишь изнемогал от желания, то теперь сходил с ума во всех смыслах, включая прямой. Он жил в сплошном лихорадочном полубреду и в редкие минуты просветления в ужасе осознавал, что катится в бездну, увлекая с собой всех, кто хоть немного с ним связан.

Он забросил дела, на него уже

начинают посматривать с подозрением и бело-голубые братья, и солдаты, и вампиры, не говоря о Повелителе и советнике.

Он обманул наставника и собирается обманывать его и дальше — эта мысль терзала измочаленную совесть демона с особой жестокостью. Он называл себя предателем, ужасался чудовищности своего поступка, напоминал себе, что еще не поздно все исправить, но перед глазами вновь вставала Азиль — ее ласковая улыбка и наивный, беззащитный взгляд, — и он опять ломался, терял рассудок и бежал прочь от безжалостной

действительности.

Какая-то часть его понимала, что подобное положение вещей не может продолжаться долго и рано или поздно все закончится катастрофой. Что единственный разумный выход — отступить и смириться с неизбежным. Но отказаться было свыше его сил, и он тянул, откладывал, безнадежно и бессмысленно, словно пытаясь надышаться перед повешением.

Харган с надеждой посмотрел в окно, за которым медлительное солнце с издевательской неторопливостью уползало за верхушки деревьев дворцового парка. Нетерпеливо поерзал и решил, что

закат можно считать состоявшимся — ну сколько там осталось, сущие мелочи, пока он дойдет до заветной комнаты, солнце и вовсе спрячется…

Он честно отправился пешком, словно действительно верил, что за это время стемнеет, и словно это имело какое-то значение. Даже честно старался не бежать.

Слуги, посетители и даже охрана при виде него старались сделаться незаметными и куда-нибудь срочно убраться с дороги. С десяток солдат, оказавшихся у двери вместо положенного одного, порскнули в разные стороны, как вспугнутые тараканы. Причем все, включая

часового, которому следовало остаться. Харган отметил это мимоходом и забыл через мгновение.

Он открыл дверь, почти влетел в комнату, на ходу расстегивая упрямые крючки, и вдруг словно с разгону налетел на стену.

Азиль была в комнате не одна. У стола, непринужденно развалившись в кресле и дымя на весь дворец, сидел советник. Нет, он не делал ничего предосудительного, просто сидел с трубкой в одной руке и чашкой чаю в другой и, похоже, о чем-то разговаривал с нимфой, но одного факта, что он вообще здесь находился, хватило для того, чтобы наместника

затрясло от гнева.

— Что ты здесь делаешь? — прорычал он, чувствуя, что еще немного, и этот нахал поплатится за свои похождения по гостям сломанной челюстью и… словом, дальше как получится.

— Жду вас, — преспокойно ответствовал Шеллар, отставляя чашку. — Извините, что здесь, но это единственное место, где мне не скажут, что вы не принимаете или только что вышли. У меня сложилось впечатление, что вы намеренно меня избегаете, а между тем нам необходимо поговорить.

— Здесь? — угрожающе

произнес Харган, понимая, что этим советника не испугать.

— Где вам будет угодно, но наедине.

— Да, — подхватила Азиль, прежде чем он успел что-то ответить. — Поговори с Шелларом. Ко мне придешь в другой раз. Не надо приходить каждый день. Достаточно было одной ночи.

Харган отступил на шаг и невольно разжал кулак. Она не хочет его видеть… она отсылает его прочь… Он обманул Повелителя ради нее, а она…

— Я ведь вам уже говорил об этом, — напомнил советник. — Итак,

мы куда-то отправимся или останемся здесь и предложим Азиль прогуляться? Не думаю, что она сбежит.

Да. Верно. Он об этом говорил. И везде об этом пишут. Одна ночь. Для всех, кроме избранника. Для него и так сделали исключение — он провел с нимфой четыре ночи подряд. И его не прогнали. Но природа берет свое, и на пятый вечер навязчивого любовника вежливо просят удалиться. Вот почему под дверью собралась толпа… Все знали…

Ему захотелось взвыть, взбеситься, что-нибудь сломать, кого-нибудь убить…

Но вместо этого он лишь жалобно выдохнул:

— А завтра? Можно мне прийти завтра?

Азиль непонимающе пожала плечами.

— Но ведь тебе это больше не нужно.

— Нужно! — Крик вырвался из сдавленной гортани, как беглый раб из загона. — Ты — единственное, что мне нужно в этой жизни.

Она посмотрела на него странным отсутствующим взглядом, затем сморгнула, и в ее глазах промелькнула жалость.

— Можно, но лучше не надо. Так

будет только хуже.

Шеллар выпрямился и встал, почти заслонив собой девушку.

— Пойдемте, господин наместник. Что делать завтра, вы сами решите. Тоже завтра.

Харган стиснул зубы и, сделав два шага вперед, очертил телепорт.

О том, что после его ухода Азиль впустит к себе кого-то из ждущих под дверью, он старался не думать.

— Зачем ты приперся? — выкрикнул он, едва в кабинете рассеялся серый туман. — Что тебе от меня надо? Тебе-то чем помешали наши встречи с Азиль?

Советник молча опустился на

диван, продолжая дымить как ни в чем не бывало.

— Я пришел затем, чтобы попытаться вас спасти, — серьезно сообщил он.

— Тебя кто-то об этом просил?! — Харган с ужасом различил в своем голосе истерические нотки и немедленно представил себя в узорчатом халате в обшарпанном будуаре Нимшаста, отчего у него опять наступило некоторое просветление. — Тебе жить надоело? — уже спокойнее продолжил он. — А если бы я опять сорвался и тебе что-нибудь сломал, кто бы тебя спасал?

Шеллар сосредоточенно смотрел куда-то мимо него, и вид у него был несколько взволнованный.

— Выслушайте меня, господин наместник. Как бы вам ни хотелось мне что-нибудь сломать, все же сдержитесь и выслушайте, потому что больше вам этого никто не скажет. Вы действительно в большой беде, и вас необходимо срочно спасать. Проблема в том, что в деле вашего спасения слишком многое зависит лично от вас, и если вы сами за себя не возьметесь, вам не смогу помочь ни я, ни кто другой. Даже сам Повелитель.

Харган устало опустился в

кресло.

— Шеллар, неужели я произвожу впечатление ненормального? Вернее, может быть, и так, но неужели ты, именно ты не понимаешь, что со мной на самом деле? Ты ведь любил. Ты сам знаешь, как это.

— Да, — все так же серьезно кивнул советник.

— Что именно — да?

— Не перебивайте. Все, что вы сказали, — да. Я любил сам и видел за свою жизнь достаточно влюбленных, но то, что происходит с вами, выходит за рамки обычных безумств, творимых из-за любви. Вы действительно теряете рассудок, постепенно, но

неуклонно. И если вы не осознаете, что с вами происходит, и не возьмете себя в руки, то через неделю будет просто поздно.

— Ну перестань… — неуверенно возразил Харган. — Если бы это было так, Повелитель заметил бы.

— Если бы у него была возможность понаблюдать за вами подольше, непременно заметил бы. Вы провели с ним не более получаса, столь короткое время вы еще в силах выдержать. А я вижу вас постоянно, и передо мной вы не трепещете так, как перед наставником. Поэтому поверьте и отнеситесь к моим словам серьезно. Сейчас я вам все объясню, вы сами

поймете.

Наместник покорно вздохнул.

— Объясняй.

— Начнем с того, что внезапно охватившая вас всепоглощающая страсть уже сама по себе является патологией. Вы наверняка изучили все известные науке материалы по нимфам, если не перед походом за жезлом, то в последние дни. И мимо вас никак не мог пройти тот факт, что со случайными партнерами такого обычно не происходит. Максимум — легкая влюбленность, которая безболезненно проходит в течение пары недель. Вполне логично, что в природе просто обязан существовать

подобный защитный механизм, иначе нимфы несли бы зло, а не добро. Они не смогли бы выполнять свое предназначение, если бы за каждой тянулась вереница разбитых сердец. Однако с вами это почему-то произошло. Вы согласны, что это ненормально?

Харган уныло кивнул.

— Частично. То есть я согласен, что для обычного человека это ненормально, но я ведь человек только наполовину, и на меня все действует не так, как на людей.

— Продолжим. — Советник словно не заметил его пояснения. — Второе, что меня насторожило, —

внезапность и интенсивность вашего чувства. Посудите сами — случайно наткнувшись на даму, которую вы видите впервые в жизни, вы мгновенно влюбляетесь в нее настолько страстно, что забываете обо всем на свете.

— Нет, — не удержался от поправки наместник.

— То есть? Что именно из сказанного мною вы пытаетесь опровергнуть?

— Не впервые. Я видел ее раньше. Во сне. И полюбил ее уже тогда, только не понял этого, пока не встретил во плоти.

Шеллар вдруг подался вперед,

словно ищейка, взявшая след.

— Она вам снилась? Когда?

— Дайте-ка вспомнить… Кажется, в тот вечер, когда я уснул в кабинете, а вы меня разбудили. В тот день, когда я поймал Ольгу. Точно, мне еще два мистралийца тогда снились, и жрица, и какие-то богини…

— Так я и думал! — горестно возгласил советник и надолго умолк, ожесточенно пыхая трубкой.

— Что именно?

— Что без нее тут не обошлось.

— Ты об Ольге?

— Нет. О богине. И, кстати, в продолжение моих объяснений…

Скажите, господин наместник, вы отвезли Повелителю статуэтку Матери Богов?

— Конечно! Я отвез все артефакты, которые собрал.

— Точно?

— Да ты что, думаешь, я совсем уж потерял разум, и память заодно? — Харган раздраженно рванул ящик стола и замер в изумлении.

— Вы сами это сказали, — сочувственно развел руками Шеллар, который, конечно, не мог видеть содержимое ящика, но легко понял все по выражению лица наместника. — И Повелитель ничего

не заметил?

— Кажется, я забыл о ней упомянуть, когда перечислял…

— Что ж, по крайней мере это вы сделали не намеренно. Чего нельзя сказать о некоторых других ваших поступках. Вчера вы должны были переправить Азиль вместе с Элмаром. Она до сих пор здесь. Что вы сказали Повелителю? Как объяснили свое поведение? И была ли в ваших объяснениях хоть частица правды?

— Это не твое дело.

— На ваше счастье, мне вы можете заявить, что это не мое дело, а также послать меня куда подальше или велеть заткнуться. Повелителю вы

ничего подобного сказать не можете, следовательно, ему вы солгали. Вдумайтесь, господин наместник, хорошенько вдумайтесь в мои слова. Страсть настолько овладела вами, что ради еще нескольких ночей с любимой женщиной вы не задумываясь обманули самого Повелителя, человека, который был для вас всем, которому вы поклонялись, которому были преданы всей душой.

— Не скреби по больному, а? — взмолился Харган. — Я знаю! Я понимаю! Я сам в ужасе от того, что сделал. Но я… не могу.

— Именно. То, что вами владеет,

сильнее вас. И чтоб мне бросить курить на всю оставшуюся жизнь, если это обычная человеческая любовь!

— Может, для демона это и нормально? — засомневался Харган. — Или ты намекаешь, что меня околдовали, приворожили?

— Все гораздо хуже. До сих пор я в этом сомневался, но, когда вы упомянули мистический сон, никаких сомнений не осталось. Ваша безумная, безнадежная любовь — это кара Матери Богов Пустыни. И она вас погубит. Если обычный приворот можно снять, то в вашем случае…

Шеллар замолчал и отвел глаза.

— Вначале ты говорил, что я могу что-то сделать, — напомнил Харган.

— Теперь я не уверен. Но все же попытайтесь… опомниться. Держать себя в руках, сопротивляться… не знаю… получится ли… Но прежде всего вы должны расстаться с Азиль и отвезти ее к Повелителю. Пока она здесь, рядом с вами, вам будет вдвое труднее бороться с собой. Может быть, стоит рассказать все ему и попросить совета? Впрочем, если вам не под силу признаваться в обмане… Ну а если ничего не поможет, есть еще один способ, который, как говорят, работает практически со

всеми богами. Отправиться снова в этот храм, покаяться и попросить прощения. Только не знаю, как в таком случае поступить с этой статуэткой, — с одной стороны, она нужна Повелителю, с другой — если ее не вернуть, все мольбы могут оказаться напрасны… Разве что пообещать вернуть потом? Не насовсем же Повелитель ее берет, а только для одного ритуала.

Харган впервые в жизни пожалел, что не может плакать, как все люди.

— Вы сделаете это? — не отставал советник. — Вы отвезете Азиль?

— Да, — с трудом пообещал Харган. Даже произнести это было трудно, а каково будет выполнить обещанное?

— Не забудьте.

— Постараюсь.

— Ну а теперь, когда мы обо всем договорились, поведайте о вашей последней поездке. Как вел себя мой кузен?

— Как обычно, смотрел волком и молчал. Но глупостей не делал, и на том спасибо.

— Вы отдали Повелителю меч?

— Да. Поблагодарил за подарок и сказал, посмотрит на досуге. — На самом деле никаких благодарностей

наставник не высказывал и вообще отнесся к подарку равнодушно, но Харгану было неловко об этом говорить и он слегка приукрасил действительность, чтобы сделать приятное собеседнику.

— Как прошло ваше объяснение с Повелителем по поводу последних событий? — продолжал расспросы дотошный советник. — Есть ли новости, о которых я должен знать?

— Прошло как обычно.

— То есть за все опять расплачивался ваш хвост?

— Это мелочи. Это неважно. Меня другое беспокоит. Повелитель хочет видеть тебя.

— Я польщен, — кратко, но с подобающим чувством произнес Шеллар, почтительно склонов голову.

— Я понимаю, какая это честь для тебя и для любого из братьев, но… ты не обидишься, если я попрошу тебя не ездить?

Советник вопросительно приподнял бровь и полез в карман за кисетом.

— Понимаешь, я боюсь… Ты ведь правильно сказал — в прошлый раз я обманул Повелителя. И не хотел бы, чтобы это вскрылось. Если я привезу Азиль в следующий раз, это нормально впишется в мою версию событий и обман не раскроется. Но

если вдруг Повелитель начнет расспрашивать тебя и задаст какие-нибудь неподходящие вопросы… Понимаешь, я не могу просить тебя поддержать мою ложь. Ты не сумеешь. Посвящение не позволит. Ты меня выдашь. Прошу тебя, останься в этот раз.

— Мне не трудно. Но не боитесь ли вы, что, когда я все-таки встречусь с Повелителем и он спросит меня, почему я не смог приехать в прошлый раз, я опять же не смогу солгать? Или что братья опровергнут ваши объяснения? Они ведь тоже посвященные.

Харган печально выругался.

— А что можно сделать?

— Нужно придумать способ задержать меня так, чтобы я действительно не мог отправиться с вами. Только убедительно попрошу обойтись без переломов.

— А если я тебя легонько стукну, но перед самым отбытием?

— Я бы сделал проще. Если объявить братьям, что количество приглашенных ограничено, скажем, тремя персонами… а затем сообщить, что одной из этих персон буду я… обязательно найдется какая-нибудь завистливая сволочь, которая пожелает занять мое место.

— А если они тебя прикончат?

Или по голове стукнут, причем не легонько?

— На всякий случай можете предупредить, что за подобное вредительство можно поплатиться. Но, по моим расчетам, наши дорогие братья придумают способ потоньше. Например, переведут часы или где-нибудь меня запрут. Они ведь понимают, что, если со мной что-то случится, по этому поводу будет разбирательство и им не поздоровится. А если все дело будет заключаться только в этой почетной аудиенции, это вполне может сойти им с рук. Ведь тот факт, что я сочту ниже своего достоинства толкаться с

ними у кормушки и выискивать, кто украл причитающийся мне кусок, они тоже отлично понимают. Тогда мы оба сможем честно доложить Повелителю правду. Такой вариант вас устроит?

— Если сработает.

— Ну, если окажется, что я ошибся в наших дорогих братьях, стукнуть меня вы всегда успеете. Сделаем вид, будто я вас разозлил своим занудством, думаю, братья не усомнятся. Надеюсь, за ушибленных в припадке гнева подданных Повелитель не наказывает вас укорочением хвоста.

— Не думаю… — отозвался

Харган и в который раз вспомнил о великом вопросе всей своей жизни. — Но не хотелось бы лишний раз нарываться на наказание, а то в этот раз Повелитель намекнул, что хвост не бесконечен… Я так и не понял, что он имел в виду. Вернее, то, что мне следует быть осмотрительнее и больше стараться, я, конечно, понял, а вот насчет бесконечности… Я давно ломаю себе голову, что будет, когда хвост закончится, и до сих пор ничего вразумительного не придумал. Вот как ты думаешь, на что намекал Повелитель? Что будет, когда хвост кончится?

— А что вызывает у вас

затруднение? — пожал плечами советник. — Элементарная задача для детей. Ноги вам нужны для передвижения, руки — для магии, ушей у вас нет. Следовательно, остаются крылья. Их очередь и настанет, когда кончится хвост.

— Крылья? — еле выговорил потрясенный Харган. — Мои крылья? Отрезать? Как какой-то ненужный хвост?

Словно не замечая, как шокирован наместник его словами, Шеллар невозмутимо чиркнул спичкой и заметил:

— Не думаю, что Повелитель питает к ним столь же трепетные

чувства, что и вы.

Саша критически оглядела получившееся существо и неодобрительно покачала головой.

— Не годится, видно, что с чужого плеча.

Мафей, который успел в полной мере осознать, как чувствовала себя Ольга в платье Камиллы, с огромным облегчением потянул через голову ношеную девчачью блузку.

— Да погоди! — остановила его подружка. — Может, достаточно просто подложить чего-нибудь в лифчик?

— Чтобы оно в самый

неподходящий момент выпало или скособочилось, — огрызнулся Мафей. На самом деле его больше пугала сама вероятность того, что упомянутый предмет вообще придется надеть.

— Вот уж не думала, что у Насти такой выдающийся бюст…

— Это смотря с чем сравнивать, — проворчал Мафей. — Может, мне лучше вернуться домой да в Ольгиных сундуках порыться? Она разрешит.

— Да она-то разрешит, но ведь кузен как пить дать заметит! Да и вряд ли у нее там найдется что-то подходящее, она-то свои сундуки уже в вашем мире собирала.

— Может, так сойдет? — с сомнением предложил Мафей. — Все равно сверху курточку надевать, под ней не видно…

— Ага. А если мама дома? Прямо не раздеваясь и порулишь ко мне в комнату?

Его высочество еще раз посмотрелся в зеркало, поправил сбившийся набекрень парик.

— А какая вообще разница, кого ты приведешь домой? Ну пусть я буду мальчиком.

— Человеческие мальчики в твоем возрасте уже бреются, — безжалостно отрезала ведьмочка. — Хотя бы местами. А даже если и нет,

все равно видно, что у них на рожицах что-то уже растет.

— Ну пусть я буду младше.

— Но ты же мой одноклассник!

— Ну пусть я буду не одноклассник. И пришел я к тебе не уроки узнавать, а просто книжку взять почитать.

— Все равно не годится. Парик слишком лохматый.

— Значит, демоны с ней, с курточкой, не буду снимать. Пусть твоя мама считает меня невежей. В конце концов, я к тебе ненадолго. А если повезет, мы вообще на маму не наткнемся. — И, видя, что Саша все еще сомневается, Мафей

категорически добавил: — А дамское нижнее белье я не надену ни за какие коврижки.

— Ну ладно, — смилостивилась девочка и деловито посмотрела на часы. — Думаю, сейчас идти рановато, надо еще с полчасика выждать. Жаль, что сегодня не будний день, когда мама на работе, но по крайней мере сегодня мы гарантированно не наткнемся на папу, а это важнее… Нет, не снимай эти покрышки, лучше в них посиди, привыкни.

— А чем мы в эти полчасика займемся?

— Как чем? У нас до сих пор не

решен вопрос с твоими наставниками, которых то ли два, то ли один.

— Но мы ведь уже пробовали…

— А мы по-другому попробуем. Раз с визуальным опознанием у нас не вышло, пойдем путем логических построений. Давай ты сейчас вспомнишь все подробно об этом дяденьке, всю историю вашего знакомства, и мы постараемся вместе выявить те моменты, которые вызвали у тебя подозрения. А потом их проанализируем.

Мафей честно принялся вспоминать.

Первый день их знакомства с мэтром Вельмиром он помнил ясно и

четко, во всех подробностях — еще бы, такие дни не забываются! Не каждый день встречаешься с живой легендой. Но в этот день никаких подозрений у него еще не возникало, поэтому его можно смело пропустить. И еще несколько дней ничего подозрительного не случалось, а если и случалось, то Мафей, пребывающий в состоянии непрерывного восторга от личного знакомства с великим героем, все равно ничего не заметил. А впервые мысль о сходстве двух наставников мелькнула у него… кажется, после истории с вампиром. Да, точно.

— С каким вампиром? —

немедленно заинтересовалась Саша, и пришлось рассказать ей сцену покусания дяди Вити с точки зрения очевидца. Девочка слушала чуть ли не с раскрытым ртом, и на ее детском личике ясно читался невысказанный стон: «Ну почему меня там не было! Уж я бы…» Мафею подобные мысли были очень и очень знакомы, но ему никогда не приходило в голову, что лица, их отражающие, выглядят столь глупо и наивно. Понятно теперь, почему его вечно считали «еще маленьким» и ничего не доверяли. Мальчишке с таким выражением лица он бы и сам ничего не доверил.

— Ну а наставник-то тут при

чем? — спросила Саша, когда он закончил. — Его же там не было?

— Нет, но потом мне пришлось ему все рассказать, и он отреагировал… несколько странно. Он мне сначала не поверил. И сказал об этом с таким видом, будто давно меня знает и все время нашего знакомства я только и делал, что пытался ему соврать. Мэтр Истран часто слышал от меня топорные отмазки и отлично знал, что я не умею врать, но честно стараюсь научиться, и, если бы он мне не поверил, это было бы естественно. Но с чего бы мэтр Вельмир, который знал меня меньше недели, вдруг

засомневался в моих словах?

Саша заинтересованно прищурилась.

— Ты обратил внимание только на сам факт недоверия, или твой мэтр-два и вел себя похоже на мэтра-один?

— В том-то и дело! Интонация почти точь-в-точь совпадала!

— А голос?

— А как я могу сравнить, у мэтра Истрана был голос старого человека, а у мэтра Вельмира — молодой, звонкий.

— Тьфу ты, так ведь это можно было попросту у Диего спросить! У него же слух идеальный, это все

говорят — и дядя Макс, и дедушка, и даже Ольга.

— Думаешь, он сказал бы?

— А, действительно… ерунду спорола, — мгновенно сообразила Саша. — Конечно, раз он до сих пор ничего не сказал, то и не скажет. Он же познакомился с этим мэтром давным-давно, и если там что-то было, то услышал сразу. Раз не сказал, то либо там ничего такого, либо он специально скрывает. В любом случае спрашивать бесполезно. Давай дальше.

— Потом… после того как я сходил через кабину и взял ориентиры Первого Оазиса, мы с Жаком долго

ломали головы, как объяснить все и не спалить при этом Виктора. К моему удивлению, мэтр даже не спросил, откуда у меня ориентиры. Более того, и другим магам не позволил спрашивать. Тогда я просто удивился, а уж потом, когда начал подозревать, вспомнил и подумал — а не потому ли он не стал допытываться, что и без того все знал?

— И как это укладывается в твою гипотезу?

— Ну, я подумал… Даже если мэтр Вельмир и не проспал эти триста лет, как он говорит, он все равно не мог знать некоторых вещей,

которые были известны только очень узкому кругу и держались в строжайшей тайне. Например, о существовании службы «Дельта» и кабинах. А вот мэтр Истран об этом точно знал.

— Ты сам-то откуда знаешь? Жак растрепал?

— Частично Жак, частично Орландо… в общем, из разных источников.

— А не может быть такого, что мэтр Вельмир тоже узнал все от Жака?

— Нет. Я бы об этом знал. Жак, конечно, не очень-то умеет хранить тайны, но если бы он сказал, скрывать

это от меня смысла не было. Он уверял, что ничего не говорил, и это была правда.

— Хорошо, добавляем еще один пункт. Давай дальше… А вообще-то погоди, я включу машину, и будем записывать…

— Не надо, — попросил Мафей. — Лучше найди бумагу и карандаш, и записывать буду я.

— Тогда будем писать каждый себе. Потому что я твои руны потом не прочту, а ты, в свою очередь… то же самое.

Мафей записал свои соображения подряд, а Саша быстренько нарисовала табличку и разнесла их в

разные колонки, пояснив в ответ на удивленный взгляд эльфа:

— Подозрительные факты удобнее группировать по общим признакам. Например, похожее поведение — это одно, а то, что знает, хотя не должен был, — это другое. И что там было дальше?

— Потом мы вместе участвовали в одной секретной операции. И одно, и другое там было. Когда мы отправлялись, мэтр вел себя как заботливый наставник — сам проверял мою защиту, присматривал, контролировал… Может, это у меня уже навязчивые мысли, может, любой наставник в такой ситуации

беспокоился бы за ученика, но… вряд ли я смогу объяснить, просто почувствовал…

Саша ни словом не прокомментировала его несвязные попытки объяснить свои смутные ощущения, только шевельнула перчаткой и добавила колонку в таблицу.

— И еще, — продолжил Мафей, — в тот же вечер он велел мне набросить одно заклинание… понимаешь, оно штучное, я его однажды сам придумал и использовал только раз в жизни, и об этом опять же мало кто знал… и среди них единственный маг, который мог

разобраться в технических подробностях, — мой наставник. Жак не в счет, он, даже разобравшись, не смог бы вразумительно объяснить что-либо классическому магу.

— То есть он опять знал то, чего не должен был? — уточнила Саша и дописала пару строк в соответствующую колонку.

— Да. И не только это. Буквально на следующий вечер я опять обратил внимание… как бы тебе объяснить, не вдаваясь в долгие отступления… Был при дворе один человек, который много лет портил жизнь всем нам, включая моего наставника, и все мы этого господина очень не любили.

Последний год он существовал уже в нематериальном виде, но все равно умудрялся всем досадить…

— То есть вы его все-таки прихлопнули и дальше он шкодил уже в виде призрака?

— Сначала призрака, потом духа…

— А в чем разница?

— Призрак — естественная посмертная сущность, а дух — стабильная нежить, созданная с помощью некромантии. Итак, в тот вечер пакостного духа наконец изловили, и мы все не отказали себе в удовольствии на него посмотреть. Выглядел он сильно потрепанным и

огорченным, чем вызвал злорадное удовлетворение у всех, кто имел несчастье знать его прежде…

— …И у твоего наставника тоже, хотя, по идее, он этого вредителя знать не должен был, — закончила за него сообразительная девчушка, шустро двигая перчаткой.

— Ты бы видела его взгляд!

— Я догадываюсь. Дальше.

Мафей вспомнил памятный совет у Элвиса и задумался, подыскивая слова, способные доступно для постороннего человека описать тот особый взгляд, под которым затыкаются на полуслове короли, принцы бросаются убирать со стола, а

отпетые неряхи безропотно отдраивают заросшую грязью лавку.

Он объяснял долго, косноязычно, зачем-то отвлекся на описание персоны Элвиса и ударился в воспоминания о том, как мэтр Истран ухитрялся построить даже неуправляемого Кантора, и, наверное, еще долго путался бы в словах, если бы Саша не перебила его:

— Я поняла, о чем ты. Мой папа тоже так умеет.

— Думаешь, это ни о чем не говорит?

— На всякий случай запишу под вопросом, но на доказательство это не тянет. Кстати, ты помнишь, когда

именно у тебя возникли подозрения? После какого случая? Вернее, после случая из какой колонки? — Она кивнула на монитор. — Это был осознанный логический вывод из очередного «знания чего не следует» или что-то неуловимое, взгляд, интонация, магическое какое-то чутье, из разряда «чувствую, а объяснить не могу»?

— Нет, это было позже… После разборок вокруг пирамиды. Я в который раз попытался скрыть от старших свой вещий сон, и меня опять раскусили как семечку. И вот тут-то, когда мэтр начал читать мне нравоучение, он… он как будто опять

стал сам собой. Я в тот момент по привычке опустил глаза, поэтому лица его не видел, а слова, которые он мне говорил… это были те самые слова, которые мне всегда говорил мой наставник. И интонации те же. Он даже на «вы» перешел, как будто для пущего сходства. Вот как раз тогда мне и показалось, что стоит мне поднять взгляд — и я увижу не молодого Вельмира, а старого мэтра Истрана.

— Э-э… — Подруга честно попыталась быть деликатной, но это у нее получилось не лучше, чем у Мафея врать. — Это было так же, как тогда?… Я имею в виду то

нравоучение, которое он тебе два часа втирал в моем присутствии, оно такое же?

— Ну, примерно… — При одном упоминании об этом позоре злосчастные уши запылали так, что Мафею показалось, будто они просвечивают сквозь парик.

— А ты опять на него не смотрел?

— А что? Неужели у него менялся возраст, а я пропустил?

— Нет, но… он как-то странно руками делал… Я пару раз заметила… такое движение, будто начинает некий привычный жест и на полпути резко останавливается.

— А какой?

Саша попыталась воспроизвести, но из невнятного подергивания руками трудно было извлечь полезную информацию.

— Не узнаю, — огорченно признался Мафей.

— У меня не получается воспроизвести правильно, — виновато развела руками Саша. — Может, иначе попробуем? Ты все-таки эльф, у тебя с пластикой должно быть получше, чем у меня. Вот ты помнишь какие-нибудь характерные жесты своего мэтра-один при чтении тебе многочасовых нотаций?

Мафей принялся вспоминать.

Мэтр, сидящий в кресле. Мэтр, стоящий у стола. У доски. У кафедры. Мэтр, в волнении расхаживающий по комнате…

— Он вот так руки поднимал, когда сильно разойдется, — неуверенно предположил он и изобразил наставника, озабоченного нравственностью современной молодежи.

— А ну, еще разок… — заинтересовалась зрительница.

Мафей прошелся по комнате, входя в образ и стараясь изобразить возмущенного мэтра как можно точнее, чтобы это не выглядело как кривлянье.

— Точно! — победно воскликнула Саша после четвертой или пятой попытки. — Вот именно это он и делал! Вот точно как ты показал, начинал поднимать обе руки и где-то на уровне диафрагмы спохватывался и опускал.

— Так, значит… — Мафей от волнения не смог договорить фразу, тем более и так все было понятно. Он перевел дыхание, опустился на краешек дивана и растерянно произнес:

— И что же мне теперь делать?

Глава 9

Опустим же завесу милосердия над концом этой сцены.

М. Твен

Виктор Кангрем давно перестал праздновать свой день рождения — частично оттого, что не видел поводов для радости, частично из-за все той же невезучести, которая в подобные дни исправно поставляла какие-нибудь неприятности. Не то чтобы выдающиеся, но даже обычные мелкие неурядицы в день личного

праздника кажутся особенно обидными и удручающими. К тому же последние пять лет его день рождения весьма удачно ни разу не совпал с выходным.

Свой сорок шестой день рождения агент Кангрем намеревался провести в полном соответствии с инструкциями, то есть погрузить в машину демонтированную контролку и чинно-благородно двигаться к точке эвакуации. Правда, вечером седьмого мая, аккурат перед этой великой датой, планы пришлось немного скорректировать и спешно искать в машине место для пассажира, но эта накладка не тянула даже на мелкую

неприятность. Слава богу, уж одного-то человека на переднее сиденье втиснуть можно было, не так уж много оказалось того багажа. Другое дело, что приперся приятель до чертиков не вовремя.

В первое мгновение, увидев на пороге обтрепанного похмельного отца Жана, Витька слегка обалдел, так как миссию вывезли еще позавчера и в настоящий момент непутевый служитель культа должен был второй день праздновать возвращение где-нибудь в недорогом кабачке на исторической родине.

— Представляешь, — горестно возгласил вместо приветствия

трезвый и несчастный миссионер, — они меня бросили!

— То есть как — бросили? — удивился Кангрем, начиная уже понимать, что на самом деле произошло с этим обалдуем и почему у него такой вид, будто он перся пешком через пустоши. Даже учитывая, что святые подвижники Жан и Анджело ладили между собой примерно как кошка с собакой, напарник вряд ли способен был просто так его «бросить», каким бы закоренелым грешником ни считал. А вот если батюшка изволили где-то загулять, упиться до беспамятства и проспать условленное время — вот

тогда действительно…

— Всего-то на четыре часа опоздал! — пожаловался Жан, подтверждая его догадку. — Ну скажи, не подлец ли он?

Кангрем неопределенно хмыкнул. Окажись на месте «подлеца» он сам, вряд ли он проявил бы такую же неуместную пунктуальность и невнимание, ведь проблемы пьянчуги-приятеля были ему в какой-то степени близки. Но ждать аналогичного понимания от истового трезвенника падре Анджело тоже довольно глупо…

— Ладно, хорошо хоть, что ты меня еще застал, — дипломатично

ответил он. — Завтра и я уезжаю, так что тебя с собой прихвачу. Только не вздумай опять напиться и проспать отъезд.

— Разве я враг своему здоровью? — вознегодовал святой отец. — Никто не собирается напиваться, скромно и культурно посидим за бутылочкой.

— У меня нету, — попытался избежать безобразия Кангрем. — Только местное пойло, но его я пить не могу совсем. Если хочешь, пей сам, а мне завтра за руль садиться, и я хочу хоть до завтра остаться здоровым.

И все бы обошлось спокойно и без шума, если бы не принесли черти

еще одного гостя. Убас, который тоже знал о предстоящем отъезде, с чего-то решил зайти попрощаться. Вот уж не думал скромный коммерсант Морковка, что господин начальник питает к нему настолько дружеские чувства.

Пришлось спешно сочинять объяснение, дескать, сектант-собутыльник напросился в попутчики, потому что ему надо съездить по своим церковным делам и как раз в ту же сторону… И к окаянной местной отраве приложиться пришлось, потому как принесенный господином начальником вполне приличный спирт быстро закончился, а

вдохновение нет. И безумную теологическую дискуссию пришлось выслушать, спасибо хоть на личном участии господа не настаивали, только обращались периодически за подтверждениями и довольствовались неразборчивым «мгм».

Уставший за день Витька в самый разгар дискуссии умудрился заснуть за столом, предоставив гостям самостоятельно развлекать друг друга. Гости, похоже, от этого ничуть не страдали — когда он проснулся, они все еще о чем-то спорили. Убас — вполне внятно и разумно, священник — спотыкаясь на каждом слове и временами сбиваясь на неразборчивое

бормотание.

— Гады… — уныло проворчал Кангрем, прислушиваясь к знакомым ощущениям под ребрами. Из чего они ее гонят, в самом деле? И как ухитряются пить безболезненно? — Напоили все-таки…

Гады не обратили на него внимания. Вот ведь засада, аптечку еще вчера сдал… И что теперь делать? Может, пойти прилечь, авось до утра попустит? Или не геройствовать, а перейти через улицу да постучать к доку Шакерифу? Который там час? Три двадцать… Что уж тут осталось до утра…

Он попытался встать и тут же

засомневался, что считать истинным геройством — пять шагов до постели или непосильный поход за сомнительным исцелением.

Заметив шевеление, собутыльники наконец обратили внимание на виновника торжества.

— Морковка, тебе что, плохо? — слегка обеспокоился наблюдательный убас.

— Кстати, ты говорил, что у тебя где-то еще есть! — напомнил Жан, приподнимая пустую бутылку.

— В подвале… — выдавил Кангрем, борясь с внезапно накатившей тошнотой. Вот будет весело, если он еще и желудок

посадил… Выгонят к чертям по состоянию здоровья… — Идите туда сами, берите, что хотите, пейте, сколько влезет, если жизнь не дорога… Я выйду на улицу… воздухом подышу…

Вслед ему понеслось укоризненное: «И зачем пить, если здоровье не позволяет?»

Выбравшись на условно свежий воздух, он повис на ближайшем заборе и попытался прочистить желудок, но там давно было пусто, и лучше от этой попытки не стало. Придется все-таки будить доктора, хоть и стыдно вламываться среди ночи с такими проблемами. Хоть бы

он не упился вчера, а то ведь его хрен добудишься, когда он пьяный спит…

«Великий поход», к Витькиному удивлению, дался намного проще, чем казалось. И док открыл дверь всего через каких-то десять минут, и даже пьян он не был, ибо успел проспаться после вчерашнего. Правда, с похмелья он тоже соображал туговато, но отличить печень от сердца еще был способен. С другой стороны, лекарства мог и перепутать. Во всяком случае, впоследствии, пытаясь вспомнить и привести в порядок события той ночи, Витька так и не понял, почему отключился на докторской кушетке прямо под

капельницей. То ли расслабился, почувствовав облегчение, и просто уснул (опять же устал, выпил, а нескольких часов сна за столом недостаточно для отдыха после такого напряженного дня), то ли док Шакериф в похмельном помрачении ума вколол пациенту что-то не то, то ли ему просто во сне что-то тяжелое на голову свалилось. Как бы то ни было, вырубился бедный пациент настолько качественно, что даже не слышал всего, что происходило с трех до шести и долетало даже до ближних поселков.

Ни предварительного минометного обстрела.

Ни короткой перестрелки на стенах.

Ни беспорядочной пальбы, беготни и панических воплей, коими сопровождались захват города и последующие грабежи.

И проснувшись — или, вернее будет сказать, очнувшись? — долго не мог понять, где находится и что вокруг происходит, почему он лежит на полу и что за странная косая крыша над ним… Пока не очухался окончательно и не рассмотрел, что не крыша это вовсе, а покосившаяся стена, и не рухнула эта стена на забытого пациента лишь потому, что на пути ей попался стол, а стол устоял

потому, что стена цельнофанерная. Но вот сверху на ней — если вид из окна не врет — лежит действительно крыша, и лучше из-под этого ненадежного бутерброда поскорей выбираться, пока все не рухнуло. И как только док не боялся жить в такой развалюхе?… И где он сам? Не придавило ли его?

Осторожно перебирая локтями, Кангрем выполз через уцелевшую нижнюю половину двери и с трудом встал на ноги, оглядываясь по сторонам. Он все еще плохо соображал, что происходит, его до сих пор тошнило, а воспоминания о вчерашней пьянке и сегодняшней

эвакуации были смутны и невнятны.

Потом он увидел свой дом. Вернее, то, что от него осталось.

Лицо и спину словно обдало морозом.

Неосознанно Витька сделал несколько шагов на внезапно одеревеневших ногах, зачем-то уверяя себя, что его гости могли выйти на улицу или спуститься в подвал… Впрочем, вряд ли в подвале кто-то мог спастись…

Он беспомощно оглянулся, словно пытался найти объяснение случившемуся, и увидел нацеленное на него дуло винтовки. И не одно.

Солдат что-то сказал,

красноречиво шевельнув стволом. Кангрем не понимал наречий Чигина, и в «лютике» они у него не значились, но жест был понятен без слов.

«С днем рождения, Витек…» — горько сказал он сам себе и послушно поднял руки.

Неизвестный строитель, создавший храм Белого Паука, наверное, был или сумасшедшим, или истинно избранным своего жестокого бога. Нормальный человек не смог бы построить здание и расчертить двор перед ним таким непостижимым образом, что, залитый солнцем, храм производил еще более гнетущее и

устрашающее впечатление, чем во мраке ночи.

Прежде Харган не обращал на это внимания, но сейчас, стоя посреди двора в ожидании очередного включения портала, он особенно остро ощущал тягостное, подавляющее воздействие этого места. Может быть, потому что Азиль рядом с ним не было. А может быть, потому что подсознательно чувствовал: несмотря на все его ухищрения, она рано или поздно все равно здесь будет.

Он пытался. Честно пытался послушаться умных советов и сделать то, что должен, — для наставника, для

дела, которому служил, для собственного ускользающего рассудка, в конце концов. Вчера он полдня разговаривал сам с собой у зеркала, окончательно уподобившись помешанному, и убеждал себя во всем том, в чем днем раньше убеждал его советник. Вернее, та его часть, которая еще сохранила способность мыслить разумно, убеждала ту, которая уже рехнулась окончательно. Увы, первая значительно уступала второй в живой силе и технике и была тупо задавлена количественным превосходством. Вечером он опять пришел к Азиль. Прекрасно зная, что не должен, что губит себя, что его не

любят, не ждут и принимают только из жалости, — все равно ничего не смог с собой поделать.

Рано утром, нежно лизнув на прощание спящую нимфу, он попытался последовать еще одному совету и наведался в тот самый храм посреди пустыни, хотя особых надежд на милости чужих богов не питал. Невидимый для одинокого служителя, подметающего зал, Харган стоял на коленях у пустого алтаря и честно просил прощения у мстительной богини, уверял, что все понял и больше так не будет, обещал вернуть украденную статуэтку, как только ему самому ее вернет Повелитель…

Видимо, либо советник ошибся и богиня не имела отношения к его несчастьям, либо она просто не приняла его извинений. Никакого просветления в мозгах не наступило. Когда настал час собираться, он честно зашел к Азиль — или, вернее будет сказать, сам себя силком притащил, — постоял, посмотрел в ее полные недоумения глаза, безмолвно вопрошающие, не одурел ли он окончательно — днем являться? Даже открыл рот, чтобы объяснить. И опять не смог. Молча развернулся и вышел вон.

Солнце почти добралось до зенита. До открытия портала

оставалось три минуты.

Высочайшая делегация в лице брата Аркадиуса и брата Хольса, а также человек двадцать провожающих терпеливо ждали, напряженно переминаясь с ноги на ногу и поминутно поглядывая то на часы, то по сторонам. Брат Шеллар был, как всегда, абсолютно прав, когда предвидел коварное устранение своей персоны завистливыми иерархами, и сейчас Харган только опасался, не зашли ли братья слишком далеко в своих честолюбивых стремлениях и не найдут ли потом бедного советника в нетрудоспособном виде. О том, что его не найдут вообще, он старался не

думать. Мрачных мыслей у него и без того хватало. Тщетно пытаясь от них отвлечься, он украдкой рассматривал провожающих, пытаясь угадать, кто из этих постылых соратничков позаботился о Шелларе и как именно.

— Время, господин наместник, — деликатно намекнул первосвященник.

— Сам вижу, — огрызнулся Харган и в который раз оглядел строй провожающих, взиравших на него с тайной надеждой.

— Мы не можем больше ждать, возьмите кого-нибудь для количества и пойдемте. По возвращении разберемся, что случилось с

советником.

Харган скрипнул зубами, еще раз оглядел страждущих и вдруг понял, что не желает никого из них видеть и уж тем более оказывать им честь лицезреть Повелителя. Уж слишком явно читалось на их лицах безмолвное: «Меня! Меня возьмите!»

Взгляд наместника чуть задержался на неподвижном лице главы департамента, который не присоединился к общему порыву и выглядел скорее озабоченным, но чести предстать перед Повелителем брат Чань все же не удостоился. Не для того Харган тут постигал искусство интриги и избавлялся от

Шеллара, чтобы заменить его еще одним таким же верноподданным умником.

Он беспомощно огляделся и наткнулся взглядом на брата Лю, смиренно стоявшего в стороне от остальной братии, скромно опустив глаза, по своему обыкновению. В отличие от прочих телепортист находился здесь по делу, а не мозолил глаза наместнику в надежде привлечь высочайшее внимание.

— Брат Лю! — решительно скомандовал Харган. — Подойди сюда. Ты едешь с нами.

И пусть кто-нибудь посмеет сказать, что верный хин, служивший

наместнику еще в Мистралии, менее достоин высочайшей аудиенции, чем этот сброд зажравшихся бездельников!

Сказать никто не посмел.

В особенности не посмел брат Чань, по личному указанию которого брат Лю десять минут назад телепортировал советника немножко не туда, куда должен был, намереваясь впоследствии выдать все случившееся за досадную ошибку и искренне в оной раскаяться.

— А как же… — растерянно крикнул вслед уходящим кто-то из братьев, первым сообразивший, что запасного телепортиста прихватить

никто не догадался. — Как же мы домой попадем?

— Подождете полчасика, не полиняете! — зло огрызнулся Харган и шагнул в портал.

Среди обманутых братьев поднялся недовольный ропот, все принялись вполголоса жаловаться на несправедливость и выяснять между собой, кто из присутствующих должен был оказаться на месте счастливчика, если бы наместник выбирал не наобум, а действительно достойного…

Только брат Чань молча отошел в сторонку, присел на каменную скамью и употребил обещанные

полчасика на анализ ситуации и поиск ошибки в своих планах.

Что до пропавшего советника, то он тоже не терял времени на бесполезные глупости.

Оглядевшись по сторонам и заметив неподалеку группу вампиров, заинтересованно на него уставившихся, он мгновенно сообразил, где находится, и решительным шагом направился к ним.

— Добрый день, господа, — как ни в чем не бывало приветствовал он клыкастых стражей, удобно расположившихся в тенистой беседке

с вином и картами. — Позвольте представиться: советник Шеллар, прибыл с плановой инспекцией. Кто из вас старший группы?

Вампиры дружно заухмылялись, стараясь, впрочем, не афишировать своего игривого настроения. Шеллар отметил, что над произношением надо поработать дополнительно, раз его акцент все еще кажется смешным, и обратился к незнакомому темнокожему господину, который назвался старшим:

— Как вас зовут, сударь?

— Хабек, — коротко представился вампир, опустив всякие вежливые обращения.

— Все остальные могут оставаться на своих местах, а вы проводите меня по вверенному объекту и покажете, как организована система охраны. По возвращении произведем сверку личного состава.

Вампиры повторно предъявили клыки, на этот раз — одобрительно и понимающе. Инспектор, который не рыщет в поисках нарушений, а дает время на затыкание возможных дыр, — это хороший инспектор, добрый и достойный всяческого уважения. Во всяком случае, принудительное донорство ему не грозит, теперь точно постесняются. А там видно будет, может, до пересчета

дело и не дойдет. Уж если Шеллар в кои-то веки попал в Оплот Вечности, порыться в котором давно и безуспешно мечтал, надо пользоваться случаем, пока есть время. Заодно и организация охраны пригодится. Вряд ли, конечно, у него есть больше получаса на все радости — едва вернется наместник, он тут же поднимет всех на уши и заставит найти пропажу. А то и хуже — хитроумный брат Лю примчится сюда, рассыпаясь в извинениях, как только делегация отбудет. Интересно, это его личная инициатива, или кто-то его нечаянную ошибку хорошо оплатил?

Шеллар достал часы, засек время и направился вслед за вампиром Хабеком, на ходу набивая трубку.

Было видно, что ко встрече с избранными и заслуженными Повелитель тщательно и вдумчиво готовился. Встречающие сияли чистыми выглаженными одеждами, где белый был действительно белым, а голубой мог соперничать с ясным весенним небом. Мундиры охраны загадочным образом обрели свой естественный цвет (или были спешно сшиты для особого случая за несколько ночей). Кайден, в кои-то веки чисто выбритый и для

разнообразия потрудившийся ровно расчесать непослушные волосы, перед тем как собрать в хвост, смотрелся исключительно благообразно. Даже резинка от хвоста сегодня находилась ровно на затылке, не смещаясь в сторону уха и не норовя сползти к лопаткам. Нимшаста, к Харгановой искренней радости, не было вообще — видимо, Повелитель не пожелал, чтобы картину его божественных чертогов портили всяческие уродцы. Ни одного мутанта Харган тоже не обнаружил — для встречи выбрали только здоровых (хотя бы на вид) и относительно приятных глазу людей.

Телепортист, впервые за

последние пять лет подстриженный и лишенный бороды (вероятней всего, насильно), церемонно поклонился и жестом пригласил следовать за собой. Собственно, Харган мог бы и сам, но возражать не стал. У Повелителя есть сценарий, у каждого исполнителя — свои инструкции, вмешиваться в эту кухню без спросу не следует. А то еще притащит делегацию не туда, где ее ждут…

Повелитель, как и подобает, затмил величием и белизной всех своих подданных. Он встречал верных последователей в самой чистой и новенькой лаборатории, облаченный в белоснежную мантию и вуаль из

настоящих кружев (которую Харган пару циклов назад спер в эгинском дворце вместе с полюбившимся ему красным плащом).

Кайден еще только начал опускаться на колени, чтобы подать пример, а братья уже рухнули и даже лбами о пол приложиться успели.

— Встаньте, любезные дети мои, — произнес Повелитель, и Харган от потрясения даже опущенную голову невольно поднял — взглянуть и убедиться, что это действительно наставник, что он не выставил вместо себя кого-то еще. Нет, это все же он, но что он сделал со своим голосом, откуда взялись эти

звучность и мелодичность? Магия, решил Харган и запомнил себе — спросить потом, как это делается. — Садитесь, ибо я желаю видеть ваши лица.

«Хорошо, что мы не прихватили с собой брата Павсания», — невольно подумал Харган, наблюдая, как гости рассаживаются на новеньком диванчике, где места хватало ровно троим мужчинам среднего веса. Затем, поняв, что наступила его очередь говорить, представил Повелителю троих избранных и заслуженных, хотя, по его личному мнению, таковым являлся только один.

Аудиенция неспешно шла по расписанному сценарию — сначала он коротко описал заслуги и беззаветную преданность каждого, затем брат Аркадиус произнес приветственную речь, описал общее благоговейное счастье, каковое все они испытывают при виде божественного Повелителя, выразил общую благодарность за оказанную честь и напоследок пообещал служить так же преданно и даже еще преданнее.

Харган, который сидел будто на иголках с того самого момента, как братьям разрешили открыть рты, с нетерпением ожидал, когда же их

можно будет заткнуть. Хотя он лично проинструктировал и Аркадиуса, и Хольса, особенно упирая на недопустимость личной инициативы в разговоре, а молчаливый брат Лю и без всяких инструкций не представлял опасности, наместнику все же было неспокойно.

Выслушав говорливого первосвященника, Повелитель благосклонно кивнул, в двух словах поблагодарил за службу и наконец обратил свое внимание на ученика.

— Харган, ты неважно выглядишь, — заметил он, внимательно всматриваясь в его лицо. — В столь торжественный и

радостный момент ты кажешься мрачным, нервным и несчастным. Поведай же мне, что опять случилось у вас? Только потрудись, чтобы твой ответ не содержал сведений о еще одном уничтоженном излучателе и новых потерях в наших войсках.

— Нет-нет, что вы, учитель! — спохватился Харган. — Это было бы слишком…

— Это было слишком еще в позапрошлый раз. В чем дело тогда?

— Простите, учитель, за то, что я отвлекся и в такой момент, как вы верно заметили, позволил себе предаться посторонним мыслям, но мне не дает покоя вопрос, куда

подевался мой советник и что с ним случилось.

— Ах вот почему ты не привез его, хотя я этого требовал.

— Да, учитель. Третьим должен был стать советник Шеллар, но он куда-то пропал перед самым отбытием, и, поскольку искать его не было времени, пришлось срочно заменить.

— Я все же не понимаю, почему это досадное недоразумение тебя так взволновало. Этот советник тебе чем-то особенно дорог?

— Не то чтобы дорог… Он полезен, как и многие другие специалисты, а порой даже более

других, так как никогда не боится указывать мне на мои ошибки, но дело не в том, что я боюсь его потерять, а в странности и нелепости его пропажи. Я не могу даже предположить возможной причины и поэтому все время возвращаюсь мыслями к неразрешенному вопросу.

— Ну что вы, господин наместник, — нагло вмешался Аркадиус, видимо, позабыв об инструкциях. — Возможных причин можно предположить множество.

— Я имею в виду реально возможные, — раздраженно рыкнул Харган. — Фантазия у меня, хвала Повелителю, не беднее вашей. Но с

этим мы все равно не сумеем разобраться раньше, чем вернемся, а тратить на пустые догадки драгоценные минуты свидания с Повелителем — не лучшая идея.

Он выразительно покосился на братьев — на случай, если вдруг словесный намек до них не дошел.

— Ты меня заинтриговал, — сообщил Повелитель, продолжая всматриваться в ученика. Хотя глаз не было видно за вуалью, Харган чувствовал взгляд наставника всей своей бронированной шкурой. — Мне теперь тоже интересно, куда подевался твой советник как раз сейчас, когда я так ждал встречи с

ним. В следующий раз расскажешь мне, что там случилось.

— Непременно, учитель. Может быть, он даже сам расскажет, если вы пожелаете.

— Да, я все еще желаю его видеть, если окажется, что сегодняшнее недоразумение действительно было… недоразумением.

Кажется, у двух из трех спутников были свои версии «недоразумения», но высказывать их непроверенными они не решились. Не то чтобы брат Аркадиус или брат Хольс постеснялись бы сказать какую-нибудь гадость про Шеллара,

даже зная, что Харган передаст ему услышанное, но им очень не хотелось выглядеть дураками в глазах Повелителя, если их предположения потом не подтвердятся.

До возвращения оставалось еще немного времени, и наставник поинтересовался, как идут поиски Радужного Камня. Харган уловил в его голосе уклончиво-намекающие нотки и понял, что Повелитель хочет услышать отчет, но не хочет, чтобы гости узнали что-то лишнее.

— Я нанес повторный визит в ту лавочку, о которой мы говорили в прошлый раз, — послушно доложил ученик. — Как вы и советовали, взял с

собой брата Шеллара и брата Лю, — он кивнул на хина, — чтобы дать ориентиры еще кому-то кроме меня. К сожалению, торговца не оказалось на месте. Мы навестим его еще раз.

— Хорошо, а… сопутствующие объекты?

— Пока ничего нового. В нескольких местах мне пообещали… — Он запнулся, но быстро сообразил: — Пообещали доставить еще два объекта. Пока ждем.

— А нимфа не появилась?

Харган, не ожидавший, что об этом спросят прямым текстом, и застигнутый вопросом врасплох,

замешкался с ответом на несколько секунд, и этого промедления хватило проклятому болтуну Аркадиусу, чтобы влезть со своим подхалимским воплем:

— О божественный, вы поистине всеведущи!

— Заткнись и помолчи, пока тебя не спросили! — рыкнул взбешенный Харган и только потом понял, что в который раз нажил неприятностей из-за своей вспыльчивости. — Я докладываю Повелителю, и не смей меня перебивать!

— Нет-нет, пусть объяснит, что он имел в виду, — остановил его Повелитель. — А то мне почему-то

непонятны причины твоего затруднения с ответом и столь внезапного гнева.

— Я о нимфе, — затараторил брат Аркадиус, восторженно пожирая глазами свое божество. — Вы знали, заранее знали, что она появится! Вам подвластны время и пространство, ваш взор пронзает их, подобно солнечному лучу, пронзающему прозрачное стекло!..

— Конечно, знал, — согласился Повелитель с такой безмятежной простотой, будто это самое «пронзание» было его обычным божественным времяпрепровождением и вовсе не

заключалось в том, что о грядущем появлении нимфы доложил ему ученик. — Она должна была появиться, и она появилась. Кстати, когда именно? Мне интересно, правильно ли я угадал дату?

Харган так и не узнал, спросил ли он это из праздного интереса, из желания лишний раз произвести впечатление на гостей, или же потому, что на лице любимого ученика все обуревавшие его чувства были написаны огромным плакатным шрифтом.

— Да уж больше недели, — с готовностью отозвался брат Аркадиус.

Небо не рухнуло на голову

несчастного наместника, земля не разверзлась под ним, и жизнь не кончилась, хотя ему самому показалось, что все это произошло, причем одновременно.

— Харган, — властно громыхнул новый голос Повелителя, — у тебя есть полминуты на объяснения.

— Можете убить меня сразу, — отозвался ученик, так как в тот момент именно этого ему больше всего хотелось.

Шеллар перевел пристальный взгляд с брата Лю на брата Чаня и вслух предположил, поощряя рассказчика к дальнейшим

объяснениям:

— Поскольку вы примчались за мной в такой панике, полагаю, гнев Повелителя все же не дошел до упомянутой крайности и в данный момент господин наместник не лежит хладным трупом в его чертогах, а упоенно разделывает брата Аркадиуса на множество мелких частей. И вы опять намереваетесь возложить на меня нелегкую задачу укротить его ярость, пока он не добрался до остальных.

— Ну… не совсем… — Обычно невозмутимый и терпеливый брат Лю выглядел донельзя огорченным и даже слегка испуганным, и причиной его

огорчения вряд ли стоило считать прискорбную ошибку при телепортации, в которой он многословно и униженно повинился еще в Оплоте Вечности. — Но позвольте, я все же продолжу… дабы изложить все по порядку и ничего не упустить…

— Я весь внимание.

— Повелитель действительно разгневался и куда-то увел господина наместника, не желая в присутствии подданных… Вы понимаете…

— Понимаю, — кивнул Шеллар. — Обошлось хвостом, или все еще хуже?

— Обратно господин наместник

вернулся уже без хвоста. Как мне показалось, к этой утрате он отнесся довольно равнодушно, тогда как приказ в следующий сеанс привезти нимфу привел его в отчаяние, а категорический запрет причинять какой-либо вред брату Аркадиусу — в ярость. Во время прощания и дороги домой он еще держался, но, едва выйдя из портала, полностью потерял голову.

— Нам опять предстоят выборы первосвященника? — недовольно поинтересовался Шеллар.

— Нет, брату Аркадиусу удалось спастись бегством…

— Боги, я хотел бы это видеть! —

не удержался советник.

— В этом-то и проблема, — подал голос брат Чань. — Чтобы спасти нашего духовного пастыря от верной смерти, а божьего посланника от гнева Повелителя, брат Лю взял на себя смелость обездвижить его.

— Ага, — опять не удержался от комментария Шеллар, — и на этом его взятая смелость закончилась. Если я вас верно понял, в данный момент господин наместник все еще стоит посреди двора, не только не оставив своих кровожадных намерений, но и значительно их расширив, а вы не знаете, что со всем этим делать.

— Знаем, — коротко возразил

брат Чань. — Потому и обратились к вам. В его теперешнем состоянии господин наместник не способен адекватно оценить происходящее и понять, что, во-первых, братья ни в чем не виноваты, они всего лишь исполняли свой долг; во-вторых, еще одни выборы первосвященника окончательно дестабилизируют ситуацию; в-третьих, откровенное нарушение приказа Повелителя будет иметь весьма печальные последствия для самого наместника.

— И никто, кроме меня, не может ему этого объяснить? Вот вы, например? Чего вы боитесь, он же обездвижен?

— Я не засек начальное время… — виновато вставил брат Лю. — Понимаете, не до того было…

— Я все понимаю, кроме одного, — раздраженно произнес Шеллар. — Почему всякий раз, когда какой-нибудь болван доведет господина наместника до состояния боевого безумия, вы обязательно обращаетесь ко мне, словно я нянька или укротитель? Неужели никто больше не способен поговорить с ним по-человечески?

— К сожалению, наставления и увещевания он выслушивает только от вас, — заметил глава департамента, и советнику почудился в его словах

нехороший намек.

— И теперь я должен позориться сам и позорить наместника, играя с ним в целителя и душевнобольного посреди двора, на глазах у подданных, ибо снимать с него заклинание вы не посмеете, пока он не уймется. Премного вам благодарен. Вы находите, что подобная обстановка располагает к задушевным беседам и что кто-либо вообще способен успокоиться, пребывая в столь унизительном положении?

Брат Лю еще ниже опустил голову, демонстрируя неимоверную глубину своего раскаяния.

Брат Чань, настроенный более

конструктивно, чуть шевельнул бровью и предложил вместе обдумать детали.

— Да хотя бы уберите его оттуда, пока мы будем обдумывать, — посоветовал Шеллар. — Отнесите домой, уложите в постель…

— А не укусит? — засомневался глава департамента.

— Согласитесь, брат Чань, если он укусит, скажем, брата Аркадиуса или брата Лю, это будет вполне справедливо и заслуженно. Пусть они сейчас этим займутся, а мы с вами подумаем… впрочем, о чем тут думать? Как только господина наместника вернут в его покои, я

тотчас же отправлюсь туда и поговорю с ним.

— Так и сделаем, — согласился Чань и одним выразительным взглядом отправил покаянного телепортиста исполнять. — А пока наши неосмотрительные братья трудятся над последствиями своих ошибок, я хотел поговорить с вами наедине.

— О чем же? — Шеллар исправно изобразил на лице любезную заинтересованность.

— Вы не догадываетесь?

— Я догадываюсь, но мне не хочется перебирать все двенадцать возможных вариантов, поэтому

просто скажите сами.

Брат Чань откинулся на спинку кресла и сделал вид, будто смотрит в раскрытую папку на столе, хотя на самом деле его глаза из-под опущенных ресниц пристально следили за собеседником.

— Скажите, насколько хорошо вы знаете нимфу Азиль?

— Насколько вообще можно понять подобное существо, — пожал плечами Шеллар, столь же старательно притворяясь, будто ничего не заметил и подвоха не предвидит. — Вас интересует что-то конкретное, или вам тоже прочесть общеобразовательную лекцию о

свойствах нимф?

— Благодарю вас, на этот счет вы меня уже просвещали. Меня больше интересует их… образ мыслей, если таковые вообще имеются.

— Уверяю вас, нимфы полностью разумны. Если они кажутся порой умственно неполноценными, то лишь по причине своей инаковости. Им присуща определенная логика мышления, но она настолько отличается от человеческой, что трудно постижима для нас. Особенно для таких людей, как мы с вами, отдающих предпочтение холодному разуму. Вот Кантор, к примеру,

будучи бардом, понимал ее гораздо лучше, чем я.

— Хм… — Черные глаза брата Чаня на миг заинтересованно блеснули и тотчас же опять скрылись в тени ресниц. — Значит, можно предположить, что господин наместник тоже понимает ее лучше нас по причине свойственной демонам чрезмерной эмоциональности?

— Теоретически мог бы, если бы воспринимал ее адекватно. Но в данной ситуации об этом говорить не приходится. А что, собственно, вас интересует? Вы не могли бы обрисовать проблему конкретнее?

— Вчера я имел разговор с нимфой… — задумчиво произнес брат Чань, словно на ходу подбирая наиболее правильные слова. — Вернее, попытался, так как то, что у нас получилось, сложно назвать разговором. Она действительно неспособна дать прямой ответ на поставленный вопрос, или ее бессмысленные высказывания — лишь уловки, попытка уклониться от ответа?

— Я не знаю, о чем именно идет речь. — Шеллар упорно отказывался понимать намеки, надеясь выдавить из скрытного хина хоть что-нибудь конкретное. — Возможно, то, что вы

приняли за бессмысленные высказывания, и было ответом.

— А если нет?

— Еще это могло быть объяснением, почему на ваш вопрос она ответить не может. Право же, брат Чань, мне было бы легче разъяснить вам ее туманные речи, если бы вы хоть что-то привели дословно. Я, конечно, не могу похвастаться, будто постиг нечеловеческую логику нимф и способен легко толковать их слова, но все же некоторый опыт имею.

— Ну что ж… — Брат Чань наконец поднял веки и посмотрел собеседнику в глаза. Нехорошо как-то

посмотрел… Или все же показалось? — Как, например, следует понимать заявление «Мне очень жаль. Я не могу тебе помочь», сделанное чуть ли не со слезами в голосе?

— О, это как раз очень просто. Она увидела в вас проблему, которую невозможно решить целительной магией нимфы.

— Какую, например? — Теперь глава департамента упорно не отводил взгляд, словно боялся упустить реакцию советника или пытался давить на него. Последнее было бы просто глупо, но и первое не стоило демонстрировать столь

откровенно.

— Если вам любопытно, покопайтесь в себе сами. Я, к сожалению, не настолько хорошо вас знаю, чтобы судить.

— Могло ли это касаться, например, последствий посвящения?

Нет, попытка, конечно, хороша, но за кого брат Чань его держит? Он что, всерьез надеялся, что Шеллар поддастся на такую дешевую провокацию? Или не догадается, как выглядело не приведенное здесь продолжение диалога? «А брату Шеллару вы помочь можете?» — «А ему не надо…»

— Вряд ли. Иначе она и мне

сказала бы что-то подобное. И брату Вольдемару тоже.

Хитрец опять опустил глаза, хотя разочарование в них и так даже не мелькало.

— Почему в таком случае она отказала брату Вольдемару, предпочтя ему увечного солдата?

Шеллар усмехнулся.

— Учитывая, что Азиль попросила охрану выставить брата Вольдемара вон, проблема заключалась вовсе не в посвящении и вообще не в том, что она не могла ему помочь, а в том, что не хотела. Он ей просто не понравился. Скверный он человечишко, это видим даже мы с

вами без всякой магии. А нимфы тем более. Вот вы ей приглянулись, и вам она охотно помогла бы, будь это в ее силах.

— А вы?

— Что именно?

— Что она сказала вам? Пригласила, отказала, призналась в неспособности помочь или еще что-то?

— Ах, в этом смысле. Нет, она ничего мне не говорила. Мы знаем друг друга много лет, и за это время я неоднократно отвечал отказом на ее приглашения. Поэтому она давно уяснила, что приглашать меня провести с ней ночь бесполезно, и

даже не пытается.

— А как она отреагировала на изменения, которые произошли с вами после посвящения?

— Никак.

— Но она ведь должна была их заметить?

— Непременно.

— И они не взволновали ее, не обеспокоили, она не перестала вам доверять, не попыталась что-то исправить?

— С чего бы? Если она добровольно пришла к нам, следовательно, она не питает враждебных чувств к Повелителю и ордену и не считает мои новые

воззрения чем-то плохим и нуждающимся в исправлении.

— А как же ваш кузен, ее избранник? Она знает, что с ним произошло?

— А что плохого с ним произошло? Он жив, здоров, одет, накормлен, а что лишен свободы — так это для его же блага, ибо распорядиться этой свободой с умом он не способен и, не изолируй мы его, давно бы свернул себе шею. К тому же Азиль искренне надеется с ним встретиться, когда ее наконец переправят в чертоги Повелителя.

— Кстати, брат Шеллар, — кажется, глава департамента

специально выискивает, за что бы зацепиться, и в своих поисках уже сделался откровенно неразборчив, придирается к чему попало, — мне показалось, или вы осуждаете поступок брата Аркадиуса?…

— Категорически осуждаю! — решительно заявил Шеллар. — И полностью разделяю возмущение наместника.

— Простите? — Удивление на вечно каменной физиономии брата Чаня казалось неестественным и наигранным. А может, таковым и было на самом деле.

— Вы не согласны, что брат Аркадиус поступил бестактно,

неразумно, и со стороны его выходка весьма напоминает мелкую пакость, совершенную в корыстных карьерных целях?

— Что бы она ни напоминала, разве он не прав? Разве вы на его месте стали бы покрывать обман наместника? Смогли бы промолчать, слыша, как он в вашем присутствии лжет самому Повелителю?

— Разве господин наместник солгал? Если мне верно изложили происшедшее, он вообще ничего не успел ответить. И коль уж вы задали мне прямой вопрос — извольте: я бы не стал лезть со своим мнением вперед высшего руководства, а

подождал бы ответа наместника. Вы же понимаете, как бы он ни хотел скрыть от Повелителя нимфу, он не осмелился бы лгать в присутствии троих посвященных и, поколебавшись еще пару мгновений, ответил бы утвердительно. Я, уважаемый брат Чань, дал бы моему господину возможность сохранить лицо, а не торопился выставлять его в неприглядном свете, лишь бы обратить на себя высочайшее внимание. Если бы у брата Аркадиуса было хоть чуточку больше ума и такта и меньше эгоистичных амбиций, все разрешилось бы подобающим образом и к всеобщему удовольствию.

Повелитель получил бы нимфу, наместник сохранил его расположение и остатки хвоста, брат Аркадиус не трясся бы за свою жизнь, а мы не ломали головы, что со всем этим делать.

— А если бы он все же солгал?

— Нет. За день до того у нас с ним был разговор как раз на эту тему, и я предупредил его, что в моем присутствии или в присутствии других посвященных не стоит и пытаться обмануть Повелителя — мы не сможем промолчать, даже если бы и хотели. Поэтому при них он не посмел бы.

— Что ж, — философски заметил

брат Чань, — ваша теория не лишена стройности, но знаете… Если бы да кабы, да черепахам крылья, то летали бы они в теплые края… Увы, все уже случилось, и не лучшим для нас всех образом.

— Позвольте напомнить, переход в область гипотез был вашей инициативой, не моей. Разумеется, содеянного не исправить, и даже минимизировать последствия вряд ли возможно. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы господин наместник по крайней мере не усугубил свое положение, хотя Повелитель свидетель — я бы не погнушался лично испачкать руки о

физиономию брата Аркадиуса и даже получил бы от этого низменное примитивное удовольствие.

Глава департамента замешкался с ответом, видимо, не зная, как прокомментировать подобное заявление, и выбирая оптимальный вариант. От необходимости отвечать его избавил возникший в сером облачке брат Лю. На первый взгляд он был жив, цел и даже не укушен, что обнадеживало.

— Я переправил господина наместника в его покои и снял с него заклинание, — предвосхищая расспросы, пояснил он. — Господин наместник изволил лечь и пожелал,

чтобы я его усыпил. Он выглядел угнетенным и расстроенным и, кажется, нехорошо себя чувствовал, но я не посмел расспрашивать. Еще он велел передать, что не желает никого видеть и что в наших интересах его не беспокоить.

— Тем лучше, — пожал плечами Шеллар. — Надеюсь, на этот раз вы не забыли засечь время?

Брат Лю испуганно оглянулся на часы.

— А это было важно?

— Разумеется. Вдруг господин наместник проснется в скверном настроении и решит, что готов отдать любую из оставшихся частей своего

тела за возможность вырвать язык брату Аркадиусу? На такой случай желательно не оставлять его одного в момент пробуждения.

— Всего несколько минут назад… — виновато опустил глаза телепортист. — Не совсем точно, но, думаю, одна-две минуты не имеют значения, их можно учесть и явиться чуть пораньше.

— Вы собираетесь сделать это лично? — поинтересовался брат Чань.

— А разве не об этом вы просили меня четверть часа назад? — изящно парировал Шеллар и выбрался из кресла. — Когда он проснется, брат Лю?

— Около полуночи.

— Тогда без десяти двенадцать переправьте меня в его покои. Надеюсь, на этот раз вы не промахнетесь?

Брат Лю зарделся, склонив голову так низко, что едва не свернул себе шею, и поклялся, что ни в коем случае.

— Вот и прекрасно. А брату Аркадиусу передайте, что сейчас он может спокойно вылезти из той дыры, в которую забился, и немного поработать для разнообразия. Когда же время приблизится к полуночи, я рекомендовал бы ему найти место, труднодостижимое с помощью

телепорта, и там укрыться. На всякий случай.

Привыкший к постоянному невезению агент Кангрем не особо рассчитывал на милость судьбы и всяких прочих высших сил. По всем законам этого паршивого мироздания, с ним просто обязано было случиться еще какое-то несчастье. Логичнее всего — он попадется на глаза Повелителю, и тот мигом вспомнит о пророчестве и о своем визите. А дальше уж как получится — либо подивится возмутительной живучести подозрительного дикаря и пожелает выяснить, как ему удалось спастись от

качественного профессионального проклятия, либо велит прикончить для верности. И трудно сказать, что хуже…

За долгие годы своей несчастливой жизни Кангрем научился стойко переносить бесконечные каверзы судьбы и предстоящей смерти ждал молча и не дергаясь понапрасну, но на этот раз удача отчего-то вильнула хвостом в другую сторону. При сортировке свежих рабов Повелитель не присутствовал — в самом деле, нечем больше заняться великому и божественному, кроме как лично добычу считать! — и никто на рыжую

персону господина Морковки не обратил внимания. Вернее, внимание-то обратили, но совсем не то, какого он ожидал.

Невысокий длинноносый тип с остатками былых кудрей вокруг сияющей лысины, руководивший сортировкой, заинтересованно смерил его взглядом с головы до ног и жестом велел вывести из строя. Затем Витьку осмотрели и ощупали, как лошадь на ярмарке, даже зубы проверили и в штаны заглянули. Видимо, какие-то сомнения у носатого все же остались, потому что после осмотра он снизошел до разговора.

— У тебя дети есть?

— Нет, — отозвался Кангрем, уже начиная догадываться, к чему идет. — Первая степень, подписка о неразмножении.

— Ты что, мутант?

— Сказали, что да.

— А в чем мутация?

— Цвет волос.

— И все?

— Больше ничего.

Носатый кивнул охранникам:

— В «крольчатник» на испытательный срок.

— А на анализы — не? — уточнил кто-то из подчиненных.

— А зачем? В Оазисе их уже делали. С неспособных к

размножению подписку не берут, надобности нет. Значит, может. Староват немного, но зато крупный. Надо попробовать. Не так их нынче много, чтобы разбрасываться. Глянь на эту партию — одни коротышки, как нарочно подбирали!

Кангрем мысленно возблагодарил папу, маму и Бога — всех, кто был причастен к его метру девяноста. Хотя он теоретически знал, что такое «крольчатник» Повелителя, и очень сомневался, что продержится там дольше испытательного срока, это все же было несравненно лучше «кормушки», «вивария» или рабочей бригады.

На практике «крольчатник» оказался длинным коридором с двумя рядами зарешеченных клетушек. Наверное, в этих решетках вместо передней стены была своя логика — каждый заключенный для соседей наглядная стимулирующая порнуха, — но Витьке стало просто противно при мысли, что на него будут пялиться соседи напротив.

В камере слева спали. Один или двое — при скудном освещении было плохо видно. Справа усердно отжимался от пола огромный светловолосый дикарь, а сидящая на широком двуспальном топчане девушка наблюдала за ним с

боязливым интересом.

Охранники немедленно отреагировали на эту сцену скотским ржанием и похабными шуточками. Дикарю это не понравилось. Он неторопливо, с достоинством поднялся, выпрямился и сделал два шага к решетке.

Таких экземпляров Кангрему еще не доводилось видеть в этом проклятом всеми богами мире. Даже покойный дружок Мохнорылого не шел ни в какое сравнение. Во-первых, Витька со своими метр девяносто доставал этому гиганту в лучшем случае до плеча. Во-вторых, в отличие от могучего мутанта дикарь

напоминал не кубик на ножках, а героя античных мифов. Пропорционально сложенная фигура, правильные черты лица, яркие синие глаза, в общем, не мужик, а погибель девичья. Даже в родном Витькином мире любая особь женского пола от четырнадцати до шестидесяти пяти при виде такого чуда задохнется и поплывет, а уж здесь-то, где просто быть здоровым — уже счастье…

Насмешники шустро отскочили подальше, словно боялись находиться близко к решетке. Кангрем вдруг поймал себя на том, что тоже инстинктивно отшатнулся, хотя и так сидел далеко от соседа, в собственной

камере. Уж больно нехорошо смотрел этот дикарь. Вроде бы и не зло и даже не угрожающе, но не по себе становилось от этого тяжелого, пристального взгляда. Словно кошка, притаившись в засаде, следит за возней мышей и выбирает жертву. Невозможно угадать, в какой момент она прыгнет, но нет сомнений, что жертвы будут. Витька и сам почти почувствовал себя мышью, хотя на него молчаливый гигант даже внимания не обратил.

— Эй, вы, придурки! — донеслось от входа. — А ну перестаньте немого дразнить! Он вчера одного такого умника через

решетку поймал, сломал обе руки и челюсть. Если на этот раз он решетку вынесет, вы будете отвечать! Если выживете.

Конвойные послушно удалились — бочком, по дальней стороне коридора, — протерлись спинами по Витькиной решетке и исчезли. Немой гигант едва заметно ухмыльнулся им вслед, внимательно изучил нового соседа и вернулся к своему занятию. На соседку по камере он не обращал внимания, словно ее не было вообще.

Где ж его взяли такого? Где вообще в этом голодном мире могло вырасти такое вот чудо природы, и чем оно питалось до того, как

перешло на рабские харчи? Неужто и впрямь где-то в северных лесах отловили? Если он вырос в дикой природе, то вполне мог добыть себе достаточно пищи охотой, да и мышцы там же нарастил. Возможно, и не разговаривает по той же причине. Понимать человеческую речь научился, а вот говорить — поздно уже… С другой стороны, не особенно он похож на детей-маугли, слишком уж глаза умные, да и в упражнениях система просматривается. Может, все не так сложно и романтично, а родился этот феномен в тех же рабских загонах, здесь и вырос, а здоровенный такой, потому что

мутация. Может, даже направленная, говорят ведь, что Повелитель с модификацией генов экспериментирует направо и налево, вон, халков вывел искусственно, почему бы этому немому и не оказаться побочным продуктом какого-нибудь опыта. Кстати, он ведь даже не мычит. Может, у него в придачу к гигантским размерам связки атрофированы, или еще чего. Ведь слышит-то нормально. А еще есть вероятность, что Повелитель начал завозить «материал» из соседнего мира, тогда отпадает вопрос, как этот самый «материал» кормился все годы своей жизни, но

становится непонятно, почему он все-таки не разговаривает…

Понаблюдав еще немного за таинственным соседом и поломав голову насчет его происхождения, Витька переключился на собственные проблемы. На первый взгляд могло показаться, что ему в кои-то веки повезло, но если заглянуть в будущее хотя бы на неделю-две, становится понятно, что это лишь отсрочка. Да, «крольчатник» — заведение привилегированное, но помещенный сюда раб должен свои привилегии отрабатывать, а в то, что из него получится племенной производитель, Витька не особо верил. Хотя бы

потому, что он не животное — тупо крыть каждую приведенную к нему женщину, да еще и на виду у соседей. Даже если стиснуть зубы и сказать себе, что для выживания любой способ хорош, это еще большой вопрос — получится ли у него что-нибудь в такой обстановке. По всему выходит, что через неделю-другую хозяева убедятся в его бесполезности и выкинут бракованный экземпляр, чтобы не занимал место и харчи не переводил зазря. Хорошо если в рабочую бригаду, а могут и в «кормушку»… Была бы хоть надежда, что его найдут и спасут, стоило бы потянуть время, а так — откуда

помощи ждать? Родная лавочка оформит несчастный случай на работе, и даже искать не станут, некому уже искать, все эвакуировались. Даже извещение послать будет некуда, ведь у него никого нет и никому он не нужен, кроме Дэна, да еще нескольких приятелей. Даже если Дэн его разыщет и убедится, что друг Витька жив и ждет помощи, — что он сможет сделать? В лавочке его просто пошлют или предложат самому придумать способ вытащить пропавшего агента из рабских загонов Повелителя. И винить их не в чем — ну какой самоубийца рискнет

штурмовать Первый Оазис при живом Повелителе? Даже Мафеевы приятели, могущественные маги, не рискнут. Разве что как раз за эту несчастную неделю успеют свой хитрый план провернуть, но это будет уж совсем запредельное везение, и не Витьке Кангрему на него рассчитывать…

В храме по-прежнему царили пустота и пыль, только все тот же служитель с метелкой безуспешно пытался с ними бороться, оживляя своей сгорбленной фигурой безлюдный зал и перегоняя пыль с места на место. На этот раз он стоял к

Харгану лицом, и непродуктивность его усилий стала понятна: бедолага был слеп. Харган осторожно, стараясь не топать и не шуршать, приблизился к алтарю и опустился на колени. Статуэтка мелко дрожала в его руке, когда он тянулся к пустой выемке в камне, из которой всего полтора цикла назад лихо выдернул изображение мстительной богини, не задумываясь о последствиях.

— Вот, — неловко произнес он, установив фигурку на место. — Я вернул ее. Теперь ты поговоришь со мной? Ты что-нибудь мне ответишь?

Его голос дрожал, словно у плачущего человека. Будь он

человеком и имей он слезные железы, как все люди, наверное, в самом деле заплакал бы.

— Ты уверен, что хочешь услышать мои слова, приготовленные для тебя?

Знакомая женщина в зеленом платке словно соткалась из танцующих в лучах света пылинок и грациозно опустилась на алтарную плиту, вытянув одну ногу и поджав другую.

— Что бы ты ни сказала, я хотя бы буду знать, что ты слышишь меня, — прошептал Харган, чувствуя, как третьи веки вдруг судорожно заморгали, словно пытались скорей

увлажнить пересохшие глаза.

— Что ж, я тебя слышу, — спокойно произнесла Мать Богов, как будто демоны каждый день молились у ее алтаря и ничего особенного в этом она не усматривала. — И в прошлый раз слышала. Ты молил меня о прощении, правда?

— Ты не ответила мне тогда. Это потому, что я плохо просил, или ты… не хочешь меня простить?

— Скажем так, меня несколько озадачило твое понимание этого таинства… То есть — что именно ты считаешь прощением. И, поразмыслив, я решила, что ты ничего не понял и должен подумать еще.

Харган и сейчас ничего не понял, но испугался, что она сейчас уйдет, и торопливо заговорил:

— Я знаю, что виноват перед тобой, но…

— Ой ли? Только ли передо мной?

— Хорошо, я много перед кем виноват и даже не вспомню сейчас всех, но наказала-то меня ты… пожалуйста, не перебивай, дай мне договорить, я теряю ход мысли… что неудивительно, потому что рассудок я тоже теряю… И поэтому хочу сказать скорее… пока помню… Я виноват перед тобой, но чем виновата Азиль? Почему она должна умереть лишь

ради того, чтобы мне стало больно? Ты можешь причинить мне боль любым другим способом, я стерплю, я приму это, я знаю, что виноват… Но ее за что?

— Ага, — глубокомысленно изрекла богиня, и ее голос рассыпался по залу, эхом отражаясь от каждой пылинки. Миг спустя каждое крошечное эхо обрело вид, наполнив зал бесчисленными отражениями сидящей на алтаре женщины. Точными копиями эти отражения не были — они различались и фигурами, и одеждами, лишь сидели все одинаково. Харгану даже показалось, что среди них мелькнули знакомые

лица — местная богиня, скульптуры которой выносили из какого-то храма на его глазах, и полуодетая красотка, посетившая как-то его сон в компании двух помешанных мистралийцев. — Ну, видишь ли… К сожалению, это единственный способ, которым я могу заставить человека страдать. Зато теперь ты знаешь, что чувствовал тот мальчик, у которого ты отнял любимую девушку, чтобы подарить Повелителю. И что чувствовали все близкие убитых тобой людей. Если ты не догадался, мои жрицы и служители в этом храме тоже были мне дороги…

— Да, я знаю… я понял… но все равно… если ты не можешь — скажи,

что сделать, я сделаю это с собой сам, но пощади ее.

— В самом деле? — Темная бровь богини взмыла вверх, почти исчезнув под платком. — Ты действительно на все готов ради нее?

— Все, что скажешь, — порывисто выдохнул Харган, действительно готовый на все.

— Даже если я попрошу твои крылья?

— Отдам!

— Твою жизнь?

— Она не нужна мне!

— Жизнь Повелителя?

— Тогда он точно не сможет убить Азиль! Только… он ведь

бессмертен…

Мать Богов рассмеялась, словно он сказал что-то несусветно глупое.

— Это я бессмертна. А он пока нет. Но от тебя никто не требует убивать его собственноручно. Это было лишь испытание, и я вижу — ты готов. Иди и ничего не бойся.

— Ты спасешь ее? Правда?

— Смело отправляй ее, как сказал тебе твой Повелитель, с ней ничего не случится. Обещаю. А сам приходи ко мне. Сюда. В храм.

— И? Что я должен сделать там? Постой! Не уходи! Скажи, что я должен сделать?

Харган ринулся вперед в

безнадежной попытке ухватить край зеленого одеяния, которое уже начало рассыпаться пылью, но поймал только край алтаря.

— Спокойно, господин наместник, — произнес рядом знакомый голос. — Ничего не случилось. Вам просто что-то приснилось.

Приснилось? Это был только сон?

Харган распахнул глаза и рывком вскочил, выпустив при этом край кровати, в который успел вцепиться, гоняясь за призрачной богиней.

В комнате было темно, и советник, неподвижно восседающий

на высоком резном стуле, тоже казался не совсем реальным.

— Успокойтесь, — повторил он, не шевелясь и даже не делая попытки зажечь свет. — Ничего не было. Это всего лишь сон.

— Сон! — в отчаянии взвыл Харган и за неимением более подходящей цели ударил кулаком по подушке. — Я-то думал… А это только сон!

— Простите, мне показалось, вам приснилось нечто дурное или страшное. На самом деле это было не так?

Да существует ли на свете хоть что-нибудь, способное прошибить

этого истукана и заставить переживать?

— Какого грака ты здесь делаешь? — раздраженно прорычал Харган, щелчком зажигая свечу. — Тебя что, приставили ко мне сиделкой?

— Ну что вы, я пришел всего пять минут назад. Любезные братья с трепетом ожидают вашего пробуждения, гадая, в каком настроении вы встанете…

Наместник вполголоса выругался. Комментариев не последовало — видимо, Шеллар полностью разделял его мнение о братьях. И наверняка пришел не потому, что так уж

переживал за целость их шкур, а на случай, если расстроенному наместнику понадобится его поддержка, или совет, или просто кто-то, способный выслушать. Никому другому из братьев это и в голову бы не пришло…

— Они тебе рассказали? — уже спокойнее спросил Харган, понимая, что рычать на советника и неумно, и несправедливо.

— Да. Жаль, что так получилось, но кто мог знать, что брат Аркадиус настолько глуп и недальновиден?

— Ты думаешь? — неохотно отозвался Харган. У него было иное мнение на этот счет, но заводить спор

с занудой Шелларом не хотелось. В голове волнами колыхалась тупая, мутная боль, и почему-то отчаянно ломило хвост, которого не было.

— А вы подозреваете, что это был обдуманный и заранее просчитанный ход с его стороны? Тоже вероятно, но с трудом верится, что он не просчитал возможную опасность подобного шага. Он ведь прекрасно знает — в ярости вы не владеете собой и не способны помнить даже о запрете Повелителя. Разве что рассчитывал на вашу полную отставку…

— Или на казнь.

— Это уж слишком, на мой

взгляд.

Харган поколебался пару мгновений — стоит ли об этом говорить, или же советник может воспринять излишнюю откровенность как малодушные жалобы? Затем решил, что Шеллар, в конце концов, затем сюда и пришел — жалобы послушать и чего-нибудь успокоительного наговорить, дабы наместник не ринулся искать других способов утешения и не осиротил в процессе весь орден. Да и, честно говоря, хотелось сказать хоть кому-нибудь, чтобы не носить обиду в сердце, даже если потом о его словах опять донесут Повелителю.

— Слишком или нет, а готовить мне замену он взялся еще раньше, чем узнал о моем ослушании. Видимо, я не оправдал его надежд и списание неудачного творения давно рассматривалось как вариант.

— Он сам вам об этом сказал?

— Нет. Но когда Повелитель призывает демона, это слишком выдающееся событие, чтобы его не обсуждали потом на каждом углу благоговейным шепотом.

— Он мог сделать это с иной целью.

— Мог. Но сделал именно с этой.

Советник опустил глаза, словно этот разговор его смущал.

— Следовательно, вы сказали неправду. Вернее, не всю правду. Но я вас не осуждаю. Вам и в самом деле стоило умолчать об истинном источнике информации, я ведь могу не сохранить его в тайне.

Нет, ну вот как руководить такими советниками и как с ними вообще общаться? Харгану казалось, он был так осторожен, так удачно сослался на безликие сплетни, а его раскололи с полуслова! Какое счастье, что Шеллар слишком мало знает о ближнем круге Повелителя, ведь сейчас он вмиг вычислил бы Кайдена!

— В любом случае вам не стоит переживать об утрате вашей

нынешней должности ближайшие лет двадцать, — продолжил догадливый советник и потянул из кармана трубку.

— Меньше, — неохотно поправил Харган. — Демонята быстро растут. Умнеют, впрочем, не быстрее людей, но сроки тут не важны. Важен сам факт. Зря, наверное, я тебе это сказал.

— Если вы испытывали потребность кому-нибудь это сказать, то не зря. Вряд ли я могу дать вам толковый совет, ибо никогда не оказывался в вашем положении — всякое со мной случалось в жизни, но наставники меня не предавали. Но, по

крайней мере, я не поспешу доложить о ваших сомнениях Повелителю, пока он не спросит меня прямым текстом.

— Надеюсь, не спросит, — уныло согласился Харган и сполз с постели. Вставать ему не хотелось, но сцена «больной и сиделка» казалась унизительной и неподобающей. — Кстати, ты был прав. Насчет крыльев. Он мне сам сказал.

Советник промолчал. Видимо, и без уточнений знал, что был прав. Он, зараза такая, всегда прав, как ни крути.

Харган неприкаянно послонялся по комнате, ища, куда бы приткнуться, и в конце концов

оседлал свободный стул, развернув его так, чтобы видеть собеседника. Сидеть оказалось больно, но не укладываться же обратно, раз встал.

— И что мне теперь делать?

Шеллар, не поднимая глаз от трубки, которую не торопясь набивал, едва заметно пожал плечами.

— То, что должно.

— Ты хочешь сказать — сделать вид, будто ничего не было, и просто продолжить?…

— Не думаю, что вам придется так уж откровенно притворяться и лицемерить. Вы ведь все равно не предадите Повелителя и не пожелаете ему зла, как бы он с вами ни

поступил.

Харган вспомнил прерванный сон и невольно вздрогнул, словно под чешую внезапно набились острые льдинки. «Жизнь Повелителя?» — спросила она… И он… не колеблясь… легко… пусть и во сне…

— Скрывать обиду вам будет трудно, — продолжал между тем советник, — но попытайтесь просто держаться с достоинством и увидите, она скроется сама. Выполните то, что вам приказано, — привезите Повелителю Азиль и не трогайте брата Аркадиуса, он того не стоит. От вас не требуется любезничать с ним или делать вид, будто вы его

простили, исполните ровно то, что вам приказано: не причинять ему вреда. — Шеллар чиркнул спичкой и на мгновение поднял глаза, одарив собеседника лукавым, исполненным скрытого намека взглядом. — Полагаю, если вы скажете о нем все, что думаете, это не нанесет никакого вреда его здоровью. И не отвалится у него голова от знания, что вы терпите его в живых только по приказу Повелителя и только пока владеете собой, поэтому в его интересах не доводить вас до срыва. Попробуйте вообразить себе жизнь в постоянном страхе и ожидании…

Харган через силу усмехнулся.

Да, советник как всегда хитроумен и как всегда прав, но все же… Мало брату Аркадиусу одного лишь страха, мало!

— Нет, это понятно… а с собой что мне делать?

Тяжкий вздох был ему ответом. Глупо, наверное, спрашивать — это только кажется, будто советник знает ответы на все возможные вопросы, а на самом деле есть вещи и ему неподвластные…

— Вы были в храме? — глухо донеслось из клубов дыма.

— Да.

— И что?

— Ничего. То есть в реальности

ничего. А сон… Не знаю… Я не могу понять, был ли это просто сон или он имел мистический смысл… Тот, первый, я счел обычным, а потом оказалось… А этот… Я боюсь поверить… что, если ничего этого на самом деле не было?…

— Думаю, вам стоит рассказать мне. К сожалению, ваши рассуждения слишком бессвязны, чтобы из них можно было почерпнуть информацию для размышления.

Харган помялся, стыдливо вспоминая, как во сне без малейших угрызений совести распорядился жизнью Повелителя, потом подумал, что хуже уже все равно не будет. И

рассказал.

— И что вам здесь кажется непонятным? — серьезно поинтересовался Шеллар, выслушав внимательно и уже в третий раз за вечер принимаясь набивать трубку. — По-моему, независимо от того, посещала ли ваш сон Мать Богов, или всему виной игра вашего подсознания, ваши дальнейшие действия остаются прежними. Не важно, велела вам богиня или собственная совесть, ее веление все равно совпадает с приказом Повелителя и моим советом. В следующий сеанс вы должны отвезти Азиль. Может быть, утратив возможность видеться с ней,

вы сможете легче пережить расставание, которое в любом случае неизбежно.

— Ну сразу видно, что ты далек и от магии, и от мистики… — огорченно вздохнул Харган. — А если для того, чтобы не случилось несчастья, я должен что-то сделать? И если я этого не сделаю, все закончится плохо?

— Это что же, например? Отрубить крылья, покончить с собой и убить Повелителя? Вам не кажется, что подобная последовательность действий нереальна? И даже если изменить порядок в сторону здравого смысла, последнее требование

невыполнимо, пусть вы даже окончательно утратите рассудок и попытаетесь. Если принять за основу предположение, что сон действительно носил мистический характер и его действительно посещала богиня, ее вопросы следует рассматривать только как испытание, как проверку ваших чувств и готовности к самопожертвованию. Боги, если они в самом деле существуют, всеведущи и вряд ли нуждаются в подтверждении наших слов. Подтверждения нужны людям, а боги видят наши мысли, и им достаточно. Поэтому оставьте бесполезные переживания и делайте

что велит вам долг.

Харган едва удержался, чтобы не сказать вслух, где он видал этот долг, этих всеведущих богов и этого Повелителя заодно.

На этот раз он даже не испугался собственных нечестивых мыслей. Только подумал, что именно здесь и сейчас предпочел бы видеть перед собой Шеллара таким, каким он был до посвящения. Тогда с ним можно было бы поделиться действительно всем, что на душе, не спотыкаясь о его непоколебимую лояльность.

И еще он подумал, что Ольга была права. И неплохо бы перечитать ее письмо. А чем еще заняться — на

дворе ночь, у Азиль наверняка кто-то другой, государственные дела на ум не идут, да и хвост болит…

— Хорошо, так и сделаю, — согласился Харган, понимая, что звучит это по меньшей мере неохотно, но не в силах ничего поделать со своим голосом. — Знаешь, ты… иди, мне нужно подумать.

— Как скажете, — без возражений согласился советник и поднялся. Харган заметил, что сегодня он пришел без трости. Не пожелал ломать комедию, как в прошлый раз, когда его приволокли с собой перепуганные братья.

— Будешь уходить, найди Лю или

кого-нибудь еще, пусть примерно через час зайдет ко мне и усыпит до утра.

— Непременно, господин наместник. — Шеллар чуть склонил голову, что получалось у него едва ли не почтительнее, чем у иных братьев земные поклоны, и, почти не хромая, направился к двери. — Спокойной ночи.

— И тебе, — в спину ему пожелал Харган.

На самом деле он не хотел спать. Он надеялся лишь вернуться во сне в тот самый храм и попросить уклончивую богиню разъяснить ему простыми словами: что он должен

делать?

Глава 10

Ну а теперь, если господа не возражают, пройдемте чуть подальше, вон до той прогалины, и проведем собрание. Мне кажется, настало время поговорить о более важных вещах, чем браслеты.

Т. Янссон

Наместник в последний раз посмотрелся в зеркало, убедился, что камзол сидит как надо, штаны нигде не топорщатся и плащ ниспадает с

должной элегантностью. Чуть тронул кончиками пальцев непослушные, вечно торчащие волосы, хотя на этот раз они торчали ровнехонько. Повернулся спиной и оглядел себя через плечо, насколько позволяли уложенные под одеждой крылья.

Без хвоста он все еще чувствовал себя непривычно, но уже успел заметить некоторое удобство своего нового состояния — проблем с надеванием штанов стало гораздо меньше.

Обычно Харган не уделял столь пристального внимания своему внешнему виду, но сегодня, после того как подданные имели сомнительное

удовольствие лицезреть правую руку Повелителя сонным, мятым, растрепанным и в несвежих подштанниках, он чувствовал необходимость показать им всем, что наместник не болен, не в запое и не в истерике, у него по-прежнему все под контролем и надежды некоторых честолюбцев воспользоваться его слабостью не имеют под собой оснований. Подумать только, стоило ему немного понервничать и вздремнуть пару лишних часов, как эти мерзавцы уже начали распоряжаться тут без его ведома, учинили безобразную драку и даже позволили себе ухмыляться, когда

наместник, разбуженный пальбой, примчался на шум спросонок в затрапезном виде! Ну, дорого же кое-кому обойдутся эти несвоевременные ухмылки!

Убедившись, что выглядит со всех сторон безукоризненно, Харган напоследок зловеще оскалился на свое отражение и, круто развернувшись на каблуках, четким шагом направился в тронный зал, куда велел советнику доставить всех провинившихся. Сейчас разберемся, кто прав, кто виноват, кто кому чего приказал и кто что должен был исполнять, а кто не должен… Не начнут же они драку по второму кругу, Шеллар должен бы

справиться…

Еще за дверью он услышал изнутри голос брата Аркадиуса и остановился — вовсе не для подслушивания, а дабы немного остыть и взять себя в руки, поскольку при одном звуке этого голоса Харгана мелко затрясло от ненависти и желание умертвить главу ордена как можно мучительнее овладело им с новой силой.

— Они все будут стоять здесь и ждать господина наместника, ибо таков был его приказ. — Каждое слово советника звенело, как льдинка, и рассудительный собеседник давно поспешил бы извиниться и удрать, но

брат Аркадиус продолжал журчать:

— Вы удивляете меня, брат Шеллар, я всегда считал вас человеком проницательным и полагал, что вы поймете всю деликатность сложившейся ситуации.

— Простите, брат Аркадиус, но ситуация, которую вы сложили, является деликатной исключительно в вашем собственном восприятии. Мне же со стороны она видится простой и недвусмысленной. И крайне некрасивой, должен заметить.

— Боюсь, вы меня не поняли. Речь шла не о конфликте в коридоре, а о вещах более тонких…

— Оставьте, я прекрасно понял

ваш намек с первого раза и полагаю, что вы несколько поторопились с отдачей приказов. Тот факт, что господин наместник провинился перед Повелителем, никоим образом не расширяет ваши полномочия ни номинально, ни реально, о чем и свидетельствует упомянутый вами конфликт.

— Напрасно вы с непонятным упорством не желаете видеть истинного расклада сил и цепляетесь за тонущую лодку. Уж вам более чем кому-либо должно быть понятно, что наместник с каждым днем все больше утрачивает связь с реальностью и недалек тот день, когда он не сможет

более здесь распоряжаться.

— А вы напрасно меня пугаете, — прохрустел непоколебимый советник. — Уж вам более чем кому-либо должно быть понятно, что, когда наместник окончательно лишится рассудка, первое, что он сделает, — это свернет вам шею.

Харган скрипнул зубами и пинком распахнул тяжелую двустворчатую дверь.

— Ты как всегда прав, брат Шеллар, — громко произнес он, вступая в зал. — Ибо исполнять волю Повелителя и держать в узде свои желания я могу только до тех пор,

пока нахожусь в своем уме. Ты понял меня, брат Аркадиус? Когда я действительно сойду с ума и не смогу далее править вами, ты узнаешь об этом первым, но вряд ли успеешь этим знанием воспользоваться. А пока отойди в сторонку и не мости свою задницу на это красивое золоченое кресло.

Насладившись реакцией первосвященника, Харган прошагал по голубой ковровой дорожке и уселся в упомянутое кресло сам.

Виновники скандала, все еще помятые и побитые, стояли вдоль стен — слева солдаты, справа святые братья. Посередине, разделяя

враждующие стороны и препятствуя новому выяснению отношений, выстроились сотрудники департамента Безопасности. Ближе к трону топтались избранные представители — с одной стороны — Хашеп и Шеллар, с другой — несколько верховных.

— А где брат Чань? — поинтересовался Харган, заметив, что командует бравыми молодцами какой-то мелкий чин.

— На кладбище, — кратко доложил Шеллар. И тут же, заметив явную двусмысленность сказанного, добавил: — Проверяет свою новую версию. Но, если позволите, я доложу

вам об этом отдельно. Или он сам доложит, если найдет что-либо важное.

— Тогда я слушаю ваши объяснения. Что произошло на третьем этаже, из-за чего началась драка и что там вообще делали эти братья. — Он кивнул на строй бело-голубых одеяний. — Кто начнет?

— Если позволите, — опять подал голос советник, — я бы рекомендовал начать брату Аркадиусу. Это будет правильно как в хронологическом смысле, так и в причинно-следственном.

Глава ордена опасливо отступил на пару шагов от наместника и

защебетал, старательно пряча страх под маской преданности и почтения. Конечно же, он хотел как лучше, кто бы сомневался, они, мерзавцы, всегда хотят как лучше и даже самым закоренелым грешникам желают только добра. Он искренне переживал за бесценного господина наместника, и только желание спасти беднягу от окончательного падения подтолкнуло его к действию. Мучительно и невыносимо ему было видеть, как гибнет столь выдающаяся личность, околдованная коварной ведьмой. И он подумал, что было бы разумным изолировать наместника от ее вредного влияния. Поэтому он велел

братьям переместить ее из дворца в другое место, не менее надежное, но ему неведомое, чтобы околдованный наместник не мог…

— Что за чушь? — не сдержался Харган. — Какие, к гракам, ведьмы и «околдования»? По-вашему, я просто влюбиться не могу, как все нормальные люди? И коль уж Повелитель отдал мне четкий и недвусмысленный приказ, что решили бы эти последние два дня?

— У нас — я говорю, нас, так как мнение это не только мое личное, но и всех верховных иерархов — были опасения, что за эти два дня вы можете дойти до такой степени

неадекватности, что предпочтете вообще оборвать связь с Повелителем, лишь бы не расставаться с очаровавшей вас женщиной.

— Ты думай, что говоришь, презренный! — взревел Харган, приподнимаясь.

Брат Аркадиус резво шмыгнул за спины Хольса и Чи.

— Действительно чушь. — Невозмутимый голос Шеллара странным образом подействовал успокаивающе, и наместник не стал вскакивать и гоняться за сладкоречивым негодяем. — Если вы позволите мне высказать мое мнение, все намного проще. Братьев одолела

низменная греховная зависть. Каждую ночь, когда нимфу не навещаете вы, с ней остается один из охранников. А нашим верховным иерархам очень хотелось бы самим вкусить…

— Ложь и клевета! — возмущенно выкрикнул брат Хольс.

— Разве что в отношении брата Чи, в силу его почтенного возраста. Что до всех остальных…

— Я не давал разрешения пререкаться в моем присутствии! — рыкнул Харган. — Хашеп, я слушаю твои объяснения.

Командир оглядел своих бойцов и сердито сообщил:

— Ни с того ни с сего является

толпа местных и заявляет, что им приказано забрать охраняемый объект. Спрашивают их, кто приказал, — брат сякой-то, говорят. Парни его знать не знают, он им не брат и не начальник, и слушаться они его не обязаны. Часовой, чтобы с ними объясниться, вызвал Амана, а тот мужик умный и правильно сказал: согласуйте с нашим начальством. И пусть не врут, что не поняли, он же их понял, и вообще он по-местному неплохо чирикать научился. А они начали выпендриваться и права качать. Парни позвали подмогу…

Харган жестом остановил Хашепа и перевел его объяснения для

противоположной стороны.

— Пусть лучше скажут прямо — им не хотелось этот «охраняемый объект» отдавать, потому что они еще не все с ним переспали, — непочтительно огрызнулся брат Хольс.

— Вы можете сколько угодно рассуждать о мотивах и выдвигать любые удобные вам предположения, — прохладно прокомментировал Шеллар, — но действия охраны остаются правомерными в любом случае. Если вы не хотели впутывать в это дело наместника, следовало согласовать ваши требования со мной или с

командиром Хашепом. Вы же предпочли применить силу.

— Очень мило с вашей стороны предлагать подобные кандидатуры для согласования — ведь что вы, что Хашеп в этом вопросе безобразно пристрастны! — вознегодовал брат Аркадиус.

— Не могли бы вы объяснить, в чем вы видите лично мое пристрастное отношение?

— Не притворяйтесь наивным и несведущим, вы поощряли губительную страсть господина наместника!

— Заткнулись все! — рявкнул Харган, все-таки не усидев на месте.

Повиновение было полным и безоговорочным — что бы ни думали братья касательно вменяемости наместника, его разгневанное рычание и пылающие яростью глаза не располагали к высказыванию подобных мыслей вслух.

— А теперь слушайте, что я скажу. Шеллар, переведи для левой половины. Вы тут все за последние пару недель окончательно потеряли и совесть, и стыд, и даже страх. Вы забыли о почтении и повиновении. Вы забыли, дери вас лишайный грак, кто здесь хозяин. Ты! — Харган ткнул пальцем в одного из братьев, чью ухмыляющуюся физиономию хорошо

запомнил сегодня утром, и вокруг того мгновенно образовалось пустое пространство — так резво шарахнулись от него стоявшие рядом. — Не помню, как тебя зовут и кто ты такой, но ты посмел надо мной смеяться!

Комок огня сам сорвался с кончиков пальцев, едва Харган успел вскинуть руку. Братья в панике ринулись прочь от вспыхнувшего товарища, который с воплями катался по полу, то ли пытаясь сбить пламя, то ли обезумев от боли.

На лицах святых отцов впервые за долгое время появилось выражение должного трепета — ни стыда, ни

совести у них отродясь не водилось, а вот страх вспомнился быстро.

— Кто-нибудь, принесите воды, — недовольно произнес у него за спиной непрошибаемый советник, который если и чувствовал когда-либо страх, то об этом все равно никто не мог догадаться. — Сейчас он подпалит ковер, и мы получим полномасштабный пожар.

— Брат Лю, погаси, — скомандовал Харган. Даже если этот весельчак еще жив, долго он все равно не протянет. — А все прочие могут продолжать пялиться, но при этом слушать меня внимательно. Что бы ни думал себе брат Аркадиус и что бы он

вам ни нашептывал, я здесь по-прежнему правая рука Повелителя, я уста Его и уши Его, и моя воля — Его воля, и будет так до тех пор, пока Он не скажет иначе.

Он сделал паузу, дабы осознали, вдумались и переварили впечатление, и продолжил.

— Мои отношения с моими женщинами — это мои личные дела, и никто из вас не имеет права совать в них свой озабоченный нос. Послезавтра нимфа будет доставлена Повелителю, потому что такова его воля, и если кто-то посмеет сомневаться, что я ее выполню, то сильно о своих мерзких мыслишках

пожалеет. Но эти две ночи, две последние оставшиеся ночи — мои. Я запрещаю соваться в эту комнату членам ордена, божьему воинству, охране, прислуге, лично советнику — всем. Что касается тебя, брат Аркадиус, то расположение и забота Повелителя — не причина для непомерной гордыни, которую я в тебе наблюдаю. Я непременно доложу ему о разговорчиках, которые ты ведешь за моей спиной, едва почувствовав безнаказанность. Пусть он решает, как с тобой быть. И еще подумай над тем, что смещение тебя с должности, над которым я как раз размышляю, не принесет тебе

никакого вреда, а одну сплошную пользу. А теперь все вон отсюда, и чтоб через час в малом зале заседаний меня ждали все представители регионов.

Харган тяжело опустился на мягкое бархатное сиденье, садиться на которое было так же больно, как и на жесткий стул. На душе было мерзко и пусто, и опять, как во сне, хотелось плакать.

Бело-голубые рясы, песочно-зеленые мундиры и черные куртки толпились в дверях разноцветной шевелящейся массой, торопясь скорее покинуть опасное место, пока еще кого не подожгли. Противно и

чересчур интенсивно для чувствительного нюха демона воняло паленым.

— Пойдем отсюда, — не оборачиваясь, бросил Харган. Ему не нужно было ни оборачиваться, ни высматривать в толпе торчащую надо всеми голову, чтобы знать, что советник стоит сейчас за его левым плечом и никуда убегать не собирается. — Сейчас уборщики наползут…

— Разумно, — согласился Шеллар. — Только давайте отойдем, было бы не совсем уместно захватить с собой трон.

Харгану было начхать на

подобные мелочи, но он все же встал и отошел на пару шагов, чтобы не затевать бесполезное и никому не нужное обсуждение.

— Не сочтите за лесть, — сообщил советник, как только они оказались в уютных звукоизолированных покоях, — но сегодня вы были великолепны. Конечно, огненные заклинания в помещении не совсем уместны, но в остальном безупречно. Вам все-таки удалось справиться?

Харган сорвал плащ и рухнул лицом вниз на постель, как был, в сапогах и парадном одеянии. Гнев его прошел так же быстро, как и

вспыхнул, а врать и притворяться не было сил. Да и бесполезно играть в героя с советником — все равно поймет…

— Я все это очень красиво там сказал… — глухо простонал он в подушку. — Но на самом деле… когда настанет это проклятое послезавтра… Я не смогу-у-у-у!..

И завыл — жутко, безнадежно, нечеловечески, выбрасывая в безумном вое всю ярость крылатых предков, которая раздирала его изнутри и которой не было иного выхода.

Личные апартаменты

первосвященника мало походили на келью смиренного аскета, отринувшего мирские блага и посвятившего свою жизнь великому служению. Ни огромная кровать с золочеными украшениями и парчовыми покрывалами, ни мраморная ванна, ни серебряная посуда с деликатесами и дорогими винами не вязались с традиционными добродетелями воздержания и нестяжания. Впрочем, если совсем честно, блюсти эти добродетели требовалось лишь на начальном этапе карьеры в ордене, и даже тогда они оставались третьестепенными по отношению к главным — лояльности

и покорности. От верховных иерархов скромного существования уже никто не требовал, и если некоторые и продолжали довольствоваться малым, достигнув вершин, то исключительно из личных убеждений.

Брат Аркадиус поправил сползающую простыню, в которую кутался после ванны, и залпом опрокинул изрядную чашу вина, крайне необходимого после пережитых потрясений минувшего дня.

— Нижайше благодарю за совет, драгоценный брат Чань, — ядовито произнес он, отдышавшись. — Он едва не стоил мне жизни.

Глава департамента даже не потрудился изобразить на своем непроницаемом лице видимость раскаяния.

— В мои рекомендации не входили драка с пришельцами и изложение порочащих наместника соображений в его присутствии.

— Так вы уже знаете?

— Разумеется, мне уже доложили. Поэтому не надо перекладывать на меня ответственность за оплошности ваших подчиненных и досадные случайности. Я лишь просил вас произвести определенные действия и понаблюдать за реакцией на них

брата Шеллара. Доводить же эти действия до логического конца от вас не требовалось. Это не было целью.

— Ах вот как. — Любой другой позволивший себе подобные непочтительные речи давно пожалел бы об этом, но учитывая влияние и могущество главы департамента, с его дерзостью приходилось мириться. — Значит, целью была именно реакция советника и ничего более?

— Я сообщил об этом без всяких иносказаний. Я просил вас попытаться перепрятать нимфу и посмотреть, как отреагирует Шеллар. Но вовсе не просил действительно ее перепрятывать. Точно так же я просил

завести с советником разговор и послушать, что он ответит, а не добиваться успеха в его переубеждении.

— Тогда вы, наверное, уже знаете о его реакции на обе мои попытки. Раз уж вам так резво обо всем докладывают. — Уязвленный брат Аркадиус, которого изящно и недоказуемо обозвали дураком, не сдержал раздражения.

— Да, благодарю вас, — невозмутимо отозвался брат Чань.

— В следующий раз поручайте подобные рискованные задания своим подчиненным. Иначе у меня может сложиться впечатление, что вы

активно стремитесь освободить место первосвященника для дальнейшей борьбы за него.

На малоподвижном лице главы департамента отразилось что-то вроде легкой досады.

— Кажется, я должен объясниться, ибо мне кажется, между нами имеет место некоторое недопонимание. Я не имею никаких личных интересов в борьбе за первенство, мне нравится моя работа, и меня устраивает моя должность, на которой я могу принести ордену максимальную пользу. Моя личная просьба была обусловлена лишь тем, что никому из подчиненных я не мог

доверить эту задачу.

— Продолжайте, мне как главе ордена необходимо знать, в какие тайные дела меня впутывают, даже не ставя в известность.

— Теперь я могу сказать. — Невозмутимый хин словно не услышал упрека. — Дело в том, что у меня возникли серьезные и достаточно обоснованные подозрения в отношении брата Шеллара. Я проверяю их с самых разных сторон, но по известным причинам держу в секрете. Вы первый, с кем я позволил себе поделиться. Теперь вы понимаете, почему я не доверил сегодняшнюю проверку никому их

подчиненных? Любой их них является также и подчиненным советнику. Вздумай тот спросить, и ему тут же ответят, кто приказал и что именно. А попробуй я предупредить и потребовать держать все в тайне от Шеллара, любой сотрудник тут же поймет причину. И если вдруг слухи о моих подозрениях просочатся раньше времени, да еще окажутся необоснованными или недоказуемыми…

— Вы это серьезно? — изумился брат Аркадиус. — Но ведь третья ступень посвящения!

— Если вы помните, брат Шеллар сразу выдал атипичную

реакцию на посвящение. А некоторое время спустя в нем произошли значительные изменения. И по странному стечению обстоятельств почти сразу скончался мастер Ступеней. А затем началась сплошная полоса неприятностей. Я могу и ошибаться, но тщательная проверка необходима.

— Мне все еще непонятна моя роль в вашем расследовании.

— Раз уж я открылся вам, объясню и это. Сегодня рано утром я получил любопытные сведения от нашего агента в Лондре. Ему удалось подслушать спор нескольких магов. В нем шла речь об этой самой нимфе и

упоминалось, что она ни при каких обстоятельствах не должна попасть в руки Повелителя. Ибо если он вдруг пожелает… хм… употребить ее по прямому назначению до того, как она созреет, случится нечто крайне для них нежелательное и даже опасное. Что именно — не упоминалось, поскольку все участники спора были об этом осведомлены и объяснять никому не требовалось.

— А почему они тогда спорили?

— Предметом спора являлся другой вопрос: следует ли их шпиону в нашем окружении попытаться вывезти нимфу, что для него весьма рискованно, или же по-тихому ее

отравить, что крайне неэтично. Настолько, что он может даже отказаться выполнить подобное указание.

— Ах, вот в чем дело… Действительно, что-то в этом есть… Значит, вы полагаете, советник нарочно поощряет заблуждения наместника, чтобы использовать его чувства для спасения нимфы?

— Такой вывод напрашивается сам. К тому же сегодня я получил кое-какие косвенные подтверждения своих подозрений.

— Это их вы искали на кладбище?

— И я их нашел. Помните, как

мы потеряли первый излучатель?

— Ну еще бы.

— В подробностях?

— Смотря о каких подробностях речь.

— О принятой нами версии, что соучастником преступления был один из солдат, влюбленный в беглянку. На первый взгляд, все казалось логичным — адъютант Тоти действительно отправился на свидание с этой девицей, что засвидетельствовали несколько его приятелей, и больше не вернулся. Но потом мне показалось странным, что впоследствии, когда она вместе со своими драконами добралась до Поморья, сообщник

больше нигде не всплыл. Могло, конечно, статься, что он не пережил знакомства с ревнивым мужем своей пассии, или просто сбежал, или же за него плотно взялись секретные службы, но сомнения оставались. Сегодня, взяв за основу гипотезу, что на самом деле он никуда не улетал, я провел небольшое расследование на месте предполагаемого свидания.

— И что-то нашли?

— Да, брат Аркадиус. Не буду подробно останавливаться на каждом шаге своего пути, скажу лишь, что в итоге мы обнаружили пропавшего адъютанта в запертой старой усыпальнице с кинжалом в спине.

— Наместник уже в курсе? — оживился первосвященник.

— Ни в коем случае. Я ничего ему не докладывал и вас тоже попрошу пока хранить в тайне все услышанное. Вы не хуже меня знаете, насколько сильно наместник подвержен влиянию со стороны брата Шеллара, и можете предположить, как он отреагирует. Он просто не поверит. И хорошо еще, если сочтет мои умозаключения ошибкой, а не злым умыслом. Нужны неопровержимые, железные доказательства. И пока я их ищу — ни слова не должно просочиться за пределы этой комнаты. Даже если вы

захотите порадовать кого-нибудь из братьев, кто ненавидит советника столь же искренне, как и вы. В вас я могу быть уверен, а какой-нибудь прямолинейный болван вроде брата Хольса может все испортить одним выражением лица.

— Хм… — Брат Аркадиус на пару мгновений задумался. — А разве найденное вами тело — не доказательство? Кстати, оно сказало, кто его зарезал?

— Завтра я попрошу наместника лично поднять покойника и присутствовать при допросе. Есть небольшой шанс, что перед смертью он мог заметить убийцу и опознать,

тогда его свидетельство будет бесценной уликой. Но, вероятнее всего, советник не глупее нас с вами и не позволил жертве себя увидеть. Напал со спины и уложил одним ударом. Характер ранения позволяет предположить, что убийца высокого роста, и Шеллар в тот вечер прогуливался где-то поблизости, но все это косвенные доказательства, их не хватило бы, даже чтобы осудить обычного преступника при наличии хорошего адвоката. А попробуй я предъявить это все советнику, он тут же безукоризненно изумится, сообщит, что и предположить подобного не мог, и выдвинет еще с

полдюжины стройных и непротиворечивых версий. Причем вариант собственного участия будет упорно игнорировать, пока ему не выскажут прямым текстом. Когда же выскажут, рассмеется в лицо и без труда опровергнет.

— Да что вы, в самом деле! — всплеснул руками брат Аркадиус. — Да в подвал его, как в прошлый раз, надолго ли хватит его наглости!

— Вполне может хватить до того скорого момента, когда возмущенный наместник примчится спасать друга от клеветы и интриг завистников. А если и не хватит, то через две секунды после спасения он откажется от своих

признаний и заявит, что оговорил себя, дабы спасти нелишние части тела и остатки погубленного на беспорочной службе здоровья. Поймите, мы не должны недооценивать врага, даже если он вызывает у нас презрение. Все наши действия следует планировать с учетом того, что враг умен, хитер и бессовестно нагл, а его покровитель безоговорочно ему верит. Поэтому просто молчите и предоставьте все мне. У меня есть некоторые соображения, как спровоцировать советника на действие и загнать в ловушку. Взятый с поличным, он уже не отопрется.

— Действуйте. Надеюсь, ваши соображения не предполагают опять задействовать мою персону в рискованных операциях?

— Возможно, ваша помощь еще понадобится, но уверяю, на этот раз — никакого риска. Если я не смогу обойтись своими силами, вы позволите еще раз обратиться к вам с просьбой?

Брат Аркадиус сердечно заверил, что ради торжества справедливости и спасения бедного наместника готов даже на риск.

И он действительно был готов на что угодно, лишь бы избавиться от опасного и недостижимого советника,

а заодно и от его покровителя, если получится.

— Ваше величество, — устало повторил Макс, все еще надеясь достучаться до королевского рассудка, по всей видимости утраченного на почве постоянных стрессов и нервного напряжения. — Вы без всякой причины усложняете себе жизнь…

— Это ваши капризные боги ее мне усложняют! — огрызнулся Шеллар, тоже уставший спорить. — У меня все было продумано и рассчитано, а теперь по милости эгоистичной дамочки все пошло

кувырком! Она что, нарочно? Не может простить мне ту оплеванную статуэтку?

Сегодня они сидели на чьем-то надгробии, датированном первым веком от Исхода, и пытались донести друг до друга каждый свою единственно верную точку зрения. Прочих персонажей Дэн давно разогнал, и о пафосной сцене разоблачения злодея напоминали лишь брошенные на дорожке вещественные доказательства — неестественно свежий труп, кинжал и пара перчаток.

— Во-первых, вы, кажется, не совсем правильно поняли мои

объяснения о божественных сущностях и их отражениях. Я вовсе не имел в виду, что все аналогичные божества есть одно и то же. Они есть отражения друг друга, носители частиц единого исходного духа, бесконечные аватары, если хотите, но это не значит, что Мааль-Бли и Мать Богов есть одно и то же лицо. Во-вторых, не важно, имеет она к этому отношение или нет, в любом случае не стоит лишний раз нарываться на неприятности. Я понимаю, вы не рассчитывали, что этот полоумный социопат вдруг возьмет и влюбится в нимфу, но ваши нарушенные расчеты давно пора было скорректировать.

Где-то высоко, среди по-зимнему голых ветвей, каркнула ворона, словно подтверждая неумолимую истину. Дэн не утруждал себя подтверждениями и поддакиваниями — с самого начала спора он безмолвно дезертировал и теперь бродил неподалеку, с интересом рассматривая королевское кладбище.

— Что я и сделал, — не унимался Шеллар. — Причем дважды, потому что мне их нарушили повторно. И корректировать что-либо в третий раз у меня уже нет времени. Сделаем как договорились. Послезавтра я организую нам обоим легкое недомогание, чтобы он ничего не

отмочил в последний момент и делегация к Повелителю отправилась без нас. А как только нам полегчает, я вспомню, как я хрупок и смертен, и почувствую необходимость немедленно представить наместника Рутгеру Шварцу. На всякий случай, если вдруг со мной чего. Там вы нас и возьмете.

— На кой он вам сдался — из-за него так рисковать? Оставьте его и спасайтесь, пока не поздно.

— Чтобы за пять минут до отбытия его опять переклинило? Даже я не могу предположить, что ему стукнет в башку в следующий момент. Он запросто может решить,

что великая и чистая любовь важнее службы Повелителю, и удрать куда-нибудь телепортом вместе с Азиль. Нет, я с места не сдвинусь, пока у него есть хоть какая-то возможность до нее добраться. Я должен быть уверен, что она благополучно отбыла. До этого осталось чуть больше полутора суток. Неужели я не продержусь?

Все это, конечно, выглядело обалдеть как разумно и правдоподобно, но Макса не оставляла мысль, что его величество малость привирает, если можно так сказать о коронованной особе. Что не только в этом дело, а может быть, и

вовсе не в этом. Да, Харган непредсказуем, это подтвердило бесконечное множество вариантов, которое вылезло в видениях Ресса. Да, за ним неплохо бы присмотреть, ведь никто не гарантирует что ключевая точка пройдена и одна нить из бесконечности уже выбрана. Но тем не менее Шеллар явно не договаривает. Не только об успешном воплощении своих порушенных расчетов он переживает. Он не хочет бросать на произвол судьбы бестолкового демона, которого три луны старательно обрабатывал в надежде перетянуть на свою сторону и приспособить с пользой к какому-

нибудь делу. Более того, он не хочет, чтобы бедный обманутый лопух узнал, что ему три луны вешали лапшу на гребни. Как великий комбинатор намеревается все это провернуть — одному ему известно, ибо нормальные боги о такие навороты давно мозги бы сломали. Но что бы он там ни замышлял, неужели непонятно, что на все эти светлые мечты банально нет времени? До интриг ли сейчас, когда речь уже идет о жизни и смерти и пора срочно уносить ноги?

— Я все еще недоумеваю, почему вы до сих пор на свободе. Ведь до усыпальницы добрались, как вы и опасались. Наш наблюдатель видел,

как оттуда выносили тело.

— Я знаю, — согласился Шеллар. — Думаете, с какой радости мне все это приснилось? И даже знаю, почему я на свободе. Брат Чань, в отличие от наместника, достаточно предсказуем. Он не предъявит мне обвинение открыто, пока не будет иметь на руках неопровержимые доказательства, так как прекрасно знает, что в случае чего я от всего отопрусь, а наместник за меня вступится. Наиболее разумным с его стороны было бы меня спровоцировать, чтобы я себя выдал, и, вероятнее всего, он так и поступит. Завтра или послезавтра. Если до

завтра он успеет что-то придумать, я намереваюсь немного его озадачить, спутать ему расклады и вызвать сомнения. Если не успеет, послезавтра будет уже поздно. Право, мэтр Максимильяно, вы напрасно так беспокоитесь. Я успею.

— Дэн! — окликнул Макс, не выдержав столь наглого пассивного уклонизма со стороны кузена и надеясь получить от него хоть какую-то поддержку. — Вот как ты думаешь, он успеет?

Дэн оторвался от эпитафии, которую изучал с таким вниманием, словно умел читать руны, и обернулся.

— Успеет, — безмятежно сообщил он. — Если не случится что-нибудь непредвиденное и не спутает ему расчеты в четвертый раз.

— А если случится?

— Тогда не успеет.

Наверху опять каркнула пессимистичная ворона.

Неделя после налета, казавшаяся Ольге особенно долгой из-за того, что ее так и не пустили проведать Диего, прошла в бесконечных визитах вежливости и торжественных благодарностях, с которыми участники событий попеременно ходили друг к дружке. Начал все это

безобразие Кондратий, которого, по всей видимости, все-таки вздрючила грозная маменька. Хотя, если вдуматься, чем он виноват? У всех бывают дети, и все дети, бывает, создают проблемы, а родители за их шалости отвечают, это нормально и естественно, но ставить кому-либо в вину наличие этих самых детей или их… ну, скажем так, врожденные особенности — это уже слишком. Как будто бедняга нарочно, со злым умыслом, настрогал бурундуков, чтобы кого-то уморить. Все равно что упрекать родителей в том, что их дети-инвалиды плохо бегают или туго соображают.

Как бы то ни было, в четверг (среда выдалась слишком уж суматошной) Кондратий официально обошел всех участников спасения бурундуков с официальными же благодарностями. Мафей застеснялся и промямлил что-то ответно-официальное. Ольга от шока не сразу нашла слова, но потом все-таки сообразила ответить: «Да вам ли нас благодарить? Вы же сами в это время сражались, защищая нас всех!» А его величество Александр счел своим долгом нанести ответный визит вежливости ее величеству королеве Глафире, ибо, по его мнению, благодарить следовало в первую

очередь ее. Королева Андромаха тоже так считала, и, кроме того, по ее мнению, благодарностей заслуживало еще множество людей, принявших участие в спасении ее супруга, ибо не в первый раз он попал в неприятности. Визитам к этим достойным людям королевская чета и посвятила пятницу.

В субботу с визитами и благодарностями прошелся его величество Пафнутий — ко всем, кого смог достать. Даже Диего в лазарете нашел — он, оказывается, не просто так магической отравы наглотался, а вражеского мага выцелил, за что ему почет, уважение и всеобщая

благодарность. Поскольку отправиться с ответным визитом он пока был не в состоянии, это сделал в воскресенье мэтр Максимильяно, захватив с собой Ольгу для массовости. Ольга страшно робела и нервничала, но отказываться было бы с ее стороны свинством — ведь Александр и Глафира и вправду их всех спасли. Стоит ли упоминать, что их скромные величества немедленно вернули обратно все благодарности, напомнив о том, что «ваш муж и сын в это время геройски сражался…» и так далее.

В понедельник то же самое проделал Мафей — то ли наконец

набрался духу, то ли наставник пинка выдал.

Во вторник вернулся из лазарета Диего — все еще зеленоватый и слегка подергивающийся, но уже способный самостоятельно передвигаться и внятно говорить. Угадайте, что он сделал прежде всего? Разумеется, лично навестил спасителей своей несчастной супруги и заодно мэтра Вельмира, коего полагал спасителем собственной пострадавшей персоны.

Пако, всю неделю с трудными думами на челе наблюдавший за этими хождениями туда-сюда, проводил взглядом уходящего

мистралийца и выдал наконец итог недельных размышлений:

— Ольга, как ты думаешь… Может, мне тоже надо сходить и кого-то поблагодарить?

— Пако, я тебя умоляю… — простонала Ольга, которая только-только начала надеяться, что эпидемия торжественных благодарностей закончится и хотя бы мэтр Вельмир не решит, что обязан нанести ответный визит. — Кого, например? И за что?

— Ну вот его величество меня благодарил и даже подарил такую красивую блестящую штуку на шею… И еще два воина приходили, тоже

благодарили и покормили вкусным ужином… И мэтр тоже сказал, что я очень сильно ему помогал, и «спасибо» говорил… Может, я тоже должен? А то подумают, что тролли глупые и невежливые…

— Так, погоди… — Ольга срочно отвлеклась от мысленных причитаний о здоровье несчастного супруга и включила думалку. — Его величество всех отличившихся в бою награждал, и если ты не забыл сказать «спасибо», когда тебе эту самую штуку вручали, то больше не надо.

«Штуку» эту она видела и даже щупала, когда Пако прибегал похвастаться обновкой, но как ее

назвать, и сама не знала. Видимо, сию уникальную вещицу сковали специально для героического тролля с учетом его анатомии и физиологии — этакий бронированный вариант шарфика-трубы, защищающий шею.

— Нет, я не забыл! — заверил воспитанный тролль.

— Значит, тут все в порядке. Мэтру ты помогал, наверное, носить-прибирать? Тогда он тебя благодарил просто за работу, потому что он вежливый. А те два воина — за что?

— Они сказали, что я их спас от вампира, но я не помню… Не заметил, как получилось.

— Ну правильно, ты их спас, и

они тебя поблагодарили. А тебе их благодарить не надо, разве что если тебя кто-нибудь спас…

Пако задумался.

— А как это узнать?

Ольга перевела дух и в очередной раз попыталась свести мысли в кучку. После того как Пако поучаствовал в боевых действиях, у него появилось огромное множество свеженьких вопросов о ранее неизведанной стороне жизни, и вопросы эти всякий раз ставили Ольгу в тупик. Эх, сюда бы его величество, уж его-то никогда не смущала необходимость объяснять очевидные вещи умственно отсталым подданным, уж он любому троллю

разжевал бы подробно и доступно…

Когда через час явился Диего, Ольга все еще мучилась над расширением тролльего кругозора.

Пока она колебалась, стоит ли подключать к просветительской работе больного и уставшего супруга, или лучше пусть отдохнет, простодушный Пако успел выложить свою проблему и с надеждой воззрился на потенциального советчика.

К счастью, Диего нашел нужный ответ в считанные секунды.

— Бросьте вы забивать себе головы глупостями. Вы можете представить себе ситуацию, в которой

Пако пришлось бы спасать?

— Да! — не сдалась без боя Ольга, заподозрив в этом ответе попытку отделаться от чужих проблем. — Например, огненные заклинания.

— Пако, в тебя огненными заклинаниями кто-то кидался? — тут же уточнил Диего.

— Нет, — покачал головой тролль.

— А голову отрубить пытались?

— Да.

— А почему не смогли?

— А я его вот так поймал… — Пако показал как, сжав перед носами слушателей огромный кулачище. — И

копьем проткнул.

— Вот видишь. Значит, ты спас себя сам и никого благодарить не надо. А теперь бросайте ваши возвышенные беседы и пойдемте, нас там на чай пригласили и уже ждут.

— И Пако тоже? — поспешила уточнить Ольга, боясь оконфузиться, если вдруг окажется, что беднягу там не рады видеть. Как потом ему в глаза смотреть?

— Да, и Пако тоже. Там все свои — папа, мэтресса Морриган, Мафей, Жак, может, еще кто-то из магов подойдет, но всяких высокопоставленных особ не будет, так что «парадные рюшики», как ты

выражаешься, можешь не надевать.

Ольга только вздохнула. В последние несколько недель возможность «не надевать парадные рюшики» стала для нее слабым и сомнительным утешением, так как любимые штанишки перестали налезать на раздавшуюся во всех направлениях фигуру, и хошь не хошь пришлось добыть из сундука платьица. Хоть и не парадные, а все равно радости мало. А в обозримом будущем предстояло, видимо, переходить на поморские сарафаны, потому что и платья становились тесны, даже с распущенной до предела шнуровкой. Вон, добрая

женщина Анфиса уже притащила ей несколько штук своих.

«Чай» был накрыт в резной деревянной беседке в укромном уголке дворцового парка, и размах этого «чая» потряс Ольгу с первого взгляда. Стол, рассчитанный человек на десять-двенадцать, ломился от бесчисленных блюд, тарелок, мисок, плошек и прочих емкостей с разнообразными закусками. Собственно чай занимал среди всего этого обилия довольно скромное место — одинокий самовар, возвышающийся над плотным ковром еды, как Элмар на детском утреннике, и приткнувшиеся по краям чашки. Все

остальное жизненное пространство было отдано всевозможным вареньям, плюшкам, пирожкам, бутербродам, колбаскам, блинчикам и начинкам для оных, и еще куче всяких вкусностей, от которых у Ольги разбежались глаза и потекли слюнки.

Кроме уже упомянутых персон за столом находились мэтр Вельмир, мэтр Силантий и, к удивлению Ольги, — старый знакомый Толик. Не вместившийся в беседку мэтр Хирон участвовал в чаепитии снаружи, просунув в окошко человеческую свою половину и облокотившись на спинку скамейки. Пако недолго думая втиснулся в соседнее окошко, так как

внутри ему тоже было бы тесно, и, едва успев произнести слова приветствия, скоренько закусил их парой пирожков.

Мэтр Максимильяно переставил всю миску на скамейку, поближе к нему, и приглашающе махнул рукой.

Едва гости уселись, откуда-то из-под стола возникла рыжая кошка с одним глазом и деловито вспрыгнула на колени к Диего, где принялась топтаться, поцапывая когтями штаны и рокочуще мурлыча.

— Не забыла, — улыбнулся тот, поглаживая нахалку, и предложил ей кусок рыбного пирога. Ольга хотела было тоже погладить кошку, но

мэтресса Морриган как нарочно ввернула что-то о глистах, блохах и всевозможных инфекциях, да так проникновенно, что захотелось тут же вымыть руки с мылом и спиртом протереть.

— Как поживаете? — поинтересовался мэтр Максимильяно, протягивая гостям налитые чашки. — Как самочувствие?

— Да все нормально, — поморщился Диего.

— Да, все в порядке, — поддакнула Ольга.

— Оно и видно, хорошеешь с каждым днем, — с ухмылкой подмигнул Толик.

— Он серьезно, — поспешил уточнить мэтр Максимильяно. — Не прими это за насмешку, ты действительно очень похорошела. Но это совершенно естественное и понятное явление, а мне хотелось бы поговорить о вещах менее очевидных и на первый взгляд незаметных, но гораздо более важных, чем приятная внешность.

— А что случилось? — Ольга даже испугалась немного — такой консилиум собрал дорогой свекор, как будто эти самые «важные вещи» как минимум государственной важности.

— Абсолютно ничего такого, чего не случалось бы прежде с

другими женщинами, которым довелось носить детей от мужчин-магов. Но мне хотелось бы точнее узнать, что именно из этого бесконечного списка происходит сейчас с тобой. Видишь ли, когда малышка родится, мы еще долго не сможем определить, какие именно способности она унаследовала, — пока не подрастет и не сможет их проявить. Зато сейчас, пока вы с ней составляете одно целое, это можно выяснить по тебе. Такие вещи лучше узнавать как можно раньше, согласись.

— Ага, — жизнерадостно хохотнул Толик. — До того, как

дитятко начнет призывать хомячков и растить яблочки на кактусах.

Компания за столом оживилась, и, прежде чем Ольга успела как следует вообразить себе подобный разгром в своей квартире, Мафей с хихиканьем поинтересовался:

— Ты, что ли, так в детстве развлекался?

— А что, это на Макса похоже? — продолжал веселиться оливковый озорник. — Конечно, я. Ну захотелось ребенку хомячка. Как это у меня получилось, не знаю, но хомячок сам собой образовался. Мне так понравилось, что я еще одного сделал. А потом еще одного. Так вошел во

вкус, что, когда пришла няня, в комнате негде было ступить от хомячков. — Толик мечтательно улыбнулся, вспоминая беззаботное детство, и добавил: — Визгу было…

— Но ты не бойся, — утешил Ольгу мэтр Максимильяно. — Тебе не грозят ни хомячки, ни беспричинные пожары, ни даже падающие заборы. Наши фамильные способности — иного свойства, и одно из них ты уже испытала на себе.

— Это насчет мужского внимания? — вздохнула Ольга, вспомнив, как Диего вечно собирал вокруг себя всех наличных дам.

— О, так ты догадалась?

— Не сама, Харган сказал, — честно призналась Ольга.

— А что он еще интересного сказал?

— Больше ничего.

— Максимум, что мог заметить классический маг, — прокомментировала мэтресса Морриган, — это особенности ауры. А потом сопоставить увиденное с толпой воздыхателей, не дающих тебе проходу. Он и сам, наверное, не остался равнодушен?

— Когда я убежала, он все еще ломал голову: к кому он на самом деле неравнодушен, ко мне или к малышке? Мне теперь ужасно

неловко, что я туда влезла… Наверное, у его величества были на этот счет свои планы, а из-за меня все пошло не так…

— Не переживай, — махнул рукой мэтр Максимильяно. — Если хочешь знать, это просто замечательно, что ты туда влезла. Изначально твое место в планах его величества занимала другая дама, и если бы он додумался притащить Харгана к ней в гости, не посоветовавшись предварительно со мной, вот это была бы катастрофа. Он ведь понятия не имеет, что как раз там-то я и спрятал Киру.

— Что, серьезно? — ахнул Толик.

Даже чашку отставил от полноты чувств.

— И представь себе, я узнал об этом постфактум, причем совершенно случайно, в разговоре мелькнуло. У меня еле хватило сил промолчать. Но давайте все же вернемся к предмету нашего разговора. Ольга, попытайся вспомнить, что еще странного ты заметила за собой в последние несколько лун, кроме уже упомянутого мужского внимания.

Ольге даже не пришлось долго вспоминать.

— Мне снились странные сны, — тут же выложила она. — И еще я несколько раз замечала, что говорю

то, чего не собиралась, и даже то, о чем не имею понятия.

— С тебя десять щелбанов! — торжествующе вскричал Толик, тыча пухлым пальчиком в Жака.

— Вот негодники! — покачал головой мэтр Вельмир. — Как вы ухитрились поспорить о тонкостях неизвестной вам магической школы, в которой оба разбираетесь, как варвар в архитектуре?

— Мы поспорили, заметит ли она, — возразил Толик. — И Жак, мнящий себя знатоком человеческой натуры, заявил, что Ольга — существо возвышенное до полного отрыва от реальности и происходящих с ней

чудес не заметит.

— Ольга, не верь, я такого не говорил! — возмущенно вскричал шут. — Он все переврал! На самом деле я говорил, что ты рассеянная!

— Не мешай утонченному эльфу излагать проблему в своих понятиях! — не отступил Толик. — Так вот, он решил, что ты не заметишь. А подумать поглубже ему помешала обычная человеческая самонадеянность.

— Ну брось, — вмешался Мафей. — Я тоже думал, что Ольга по рассеянности не заметит.

— А, — махнул рукой нахал, — ты в этих делах практически человек,

да еще и неопытный. На самом деле все не так просто. Ольга может не замечать обыденных вещей, но всяческие чудеса мимо ее внимания не проходят. А уж если эти чудеса творятся с ней самой, тем более. Надо было и с тобой поспорить.

— Уймитесь, а то выгоню из-за стола! — прикрикнул мэтр Максимильяно. — С вашими щелбанами разберетесь потом, а сейчас не мешайте мне. Ольга, расскажи, пожалуйста, подробнее, в каких именно обстоятельствах и что именно ты сказала такого, что показалось тебе странным.

Ольга со всем возможным

старанием, не упуская ни одной подробности, поведала о приключавшихся с ней странностях. О неожиданном превращении в истинную леди во время беседы с виконтом, о построении и вразумлении компании пьяных бардов, о знакомстве с Харганом в лавке дядюшки Цыня и, наконец, о внезапно пришедших на ум словах, которыми ей удалось вернуть в чувство невменяемого демона и в которых она сама ничегошеньки не поняла.

— Вот, значит, как… — задумчиво кивнул мэтр, когда она умолкла и выжидающе на него

уставилась, ожидая либо объяснений, либо дополнительных вопросов. Однако в отличие от его величества мистралиец никаких дополнительных вопросов не задал. — Что ж, полезное умение. Особенно для девушки.

— А в чем оно заключается? — нетерпеливо заерзал жаждущий знаний Мафей. — Это что-то вроде ясновидения?

— Вовсе нет. Это способность в нужный момент сказать нужные слова. Разумеется, интонация и жесты прилагаются.

— А насчет последнего… понимать, что эти слова значат, — действительно необязательно?

— Обычно у взрослых и более опытных людей понимание сказанного приходит в голову так же, как и сами слова. Но здесь мы имеем дело со стихийной способностью младенца, неуправляемой и неосознаваемой, да к тому же Ольга — человек, лишенный магических способностей, потому слова и остались непонятными. Главное — они сработали.

— Значит, так ваша внучка будет воздействовать на людей? — не унимался принц. — Всегда находить для них нужные слова?

— Ну, возможно, не всегда, а в определенных ситуациях… Но в

целом верно.

— А в чем тогда заключается способность восприятия?

Мэтр неодобрительно покосился на юного исследователя.

— Я вижу, Саша рассказала тебе уйму лишнего.

— Вовсе не лишнего! — немедленно надулся тот. — А необходимого для полноценного общения! Иначе я бы просто не понимал половину из того, что она говорит!

— А тебе и не следовало понимать! А ей говорить! Выпороть бы вас обоих…

Жак и Толик отозвались на его

утопические мечтания обидным и зловредным хихиканьем. Мэтресса Морриган неодобрительно на них покосилась и что-то проворчала про балаган и неумение вести себя в обществе.

— Жаль, у вас нет возможности перемещать телепортом пассажиров, — грустно заметил мэтр Вельмир, не обратив внимания на мелкие разборки. — Как бы вам пригодилась эта способность в общении с его величеством Орландо…

— Ненадолго, мэтр, уверяю вас, — вздохнул мистралиец. — Вправить мозги его величеству можно

и обычными методами, но беда в том, что результат, как правило, не длится дольше нескольких дней и магические способы ничего не исправили бы. Но продолжим. Ольга, ты, кажется, упоминала о странных снах?

Вспоминать эти сны было неприятно и даже до сих пор жутковато, но признаваться в своей слабости Ольга постеснялась и, сделав над собой усилие, поведала все три по возможности подробно.

— Ты мне этого не рассказывала, — с упреком заметил Диего, когда она закончила.

— Не хотела тебя расстраивать.

— Вот тут вы оба неправы, —

возразил мэтр Максимильяно. — Сны были чрезвычайно полезные и даже необходимые.

— Это что-то вроде моих? — заинтересовался Мафей. — Тогда почему они не сбылись, причем все три?

— Вовсе это не вещие сны, как у тебя, и вовсе они не должны были сбыться. Они, собственно, затем и снились, чтобы не сбыться. Это, господа, опять же стихийный и подсознательный вариант явления, известного в нашей магической школе как «моделирование ситуаций».

— А чем они отличаются от вещих?

— Ты же сам видишь чем. Они ничуть не вещие. Кроме того, моделирование не обязательно должно происходить во сне, у более опытных магов подобные вещи получаются в бодрствующем состоянии, всего лишь силой воображения.

— То есть, — подал голос мэтр Хирон, — это своеобразный просчет ситуации? Но если производить его не во сне, а осознанно, чем он отличается от обычных расчетов… скажем, того же Шеллара?

— Тем, что при обычных расчетах может ошибиться даже Шеллар. Магическое моделирование

ошибки не допускает. В том и состоит его волшебство, что ситуация воссоздается с точностью и объективностью, недоступной для человека, хотя бы по той причине, что всевозможные случайные факторы учитываются тоже.

— Оно всегда приобретает форму предостережения, или сюжеты бывают иными? — полюбопытствовал мэтр Вельмир, тоже заинтересованный новым для себя магическим явлением.

— Не всегда. Например, опытные бойцы, владеющие этим умением, способны наперед просчитать предстоящую драку за несколько

секунд. Также популярен этот метод у дипломатов и учителей и в медицине имеет применение. Но в нашем случае это было действительно предостережение. Разумом Ольга не смогла бы просчитать описанные ситуации настолько точно, у нее просто не хватило бы ни сведений, ни объективности.

— А Шеллар смог бы? — опять не удержался любопытный эльф.

— В подробностях — не знаю, а вот основные тезисы — запросто. Задача-то была не настолько уж сложная, и обычные здравые рассуждения вполне могли привести его к тем же выводам: хамить

враждебно настроенному демону — опасно, драться с ним хрупкой женщине — бесполезно, а тролль — никудышная защита от мага, владеющего огненными заклинаниями. Ольга и сама могла бы до всего этого дойти, если бы села и обдумала все это с холодной головой. Но, к сожалению, ее мысли были подчинены одной идее: любым способом разыскать и спасти друзей, поэтому к хладнокровным рассуждениям она в тот момент была неспособна. Потому и всплыли из подсознания наглядные примеры, как нельзя себя вести в определенных ситуациях.

— А почему мне больше ничего такого не снится? — решилась поинтересоваться Ольга, пристыженная рассуждениями о своей бестолковости.

— Значит, нет необходимости. Ты сейчас в безопасности, с тобой ничего не происходит, никаких ситуаций, которые ты не могла бы оценить без магического вмешательства, в ближайшем будущем не предвидится.

— Как не случается? — Диего чуть не подпрыгнул на месте, даже кошка, уже угнездившаяся у него на коленях, обеспокоенно приподняла голову. — А та история с бурундуками

и вампирами?

— В той истории Ольга без всякого моделирования сделала все правильно. Варианта, в котором она геройски сразила бы двух вампиров в честном бою, не существует в природе, какого-либо иного способа для вас выпутаться из той ситуации без посторонней помощи — тоже, поэтому корректировать ее будущие действия не было надобности.

— А, например, как-то учесть этих несчастных бурундуков разве нельзя было? — подбросил идею Мафей.

— Повторяю, это не вещие сны. Они не показывают, что случится в

объективной реальности. Они показывают, как может поступить субъект в уже сложившейся ситуации и каковы будут последствия его поступков. Ольга не имела никакого отношения к тому, что близнецы обернулись в такой неудобный момент. От нее это никоим образом не зависело. Равно от нее не зависел тот факт, что к вам пришли на помощь другие люди. А поскольку и впутались вы в ту ситуацию, и выпутались из нее независимо от действий Ольги, никакой необходимости в моделировании не было. Так тебе понятно?

Мафей заверил, что понятно, и,

судя по всему, не врал, потому как понятно было даже Ольге. Но кое-что для нее до сих пор оставалось неясным, а узнать хотелось, и случай спросить выпал подходящий, поэтому Ольга решительно выбросила из головы традиционные опасения «а не буду ли я выглядеть полной дурой, если об этом спрошу?» и все-таки рискнула поинтересоваться:

— Мэтр, а вот эти все способности… Когда малышка родится, они сразу закончатся?

— А они тебе понравились? — усмехнулся мэтр Максимильяно. — Надеюсь, ты не очень расстроишься, если я скажу тебе правду?

— Ну, в общем, я так и думала… — торопливо вставила Ольга, чтобы не подумали, будто она раскатала губу и возомнила себя великой волшебницей. — Просто уточнить хотела.

— Не огорчайся, — подбодрил ее Толик. — Магические способности, с которыми ты не знаешь, что делать, и не можешь справиться, не настолько полезны, как тебе кажется. С ними больше хлопот, чем реальной пользы. Зато у тебя есть еще целых пять лун, чтобы успеть изучить и запомнить кое-какие полезные мелочи, которые потом можно воспроизвести без всякой магии.

— Например, твое внутреннее ощущение себя в те моменты, когда ты нравишься мужчинам, строишь подчиненных или просто ведешь себя с достоинством, — поддакнул Макс. — Ведь магия для этого действительно не нужна.

— Может быть… — вздохнула Ольга. — Но того, что нужно, у меня все равно нет, и вряд ли оно появится…

— Ну не скажи, — хохотнул Толик. — Вон Сашкина мама в юности тоже была беспомощной девчонкой с кучей комплексов, но три беременности сделали с ней просто чудо. Правда, она не бард, а алхимик,

ей с анализом и самопознанием было немного проще, но в целом ничего недоступного. И ты сможешь.

— Спасибо… я постараюсь… — неуверенно пробормотала Ольга и поспешно откусила побольше от пирога, чтобы избавить себя от необходимости объяснять что-то еще. Но на этом ее оставили в покое и переключились на Диего. Всю неделю, которую он провел в лазарете, его страшно недоставало всем без исключения, и теперь почтенные мэтры засыпали его вопросами, которые бедняге надо будет выяснить этой ночью. Конечно, все мэтры были люди вежливые и

воспитанные и к каждому вопросу неизменно добавляли «если вас это не затруднит» и «если позволит самочувствие», но это надо совершенно не знать Диего, чтобы вообразить себе, будто он со своим самочувствием вообще станет считаться. Позволит оно там или не позволит, он обязательно этой же ночью опять побредет по чужим снам — искать, спрашивать, передавать… Да еще в такой ситуации, когда его величеству грозит опасность, а Элмар вообще непонятно где.

Глава 11

Пятачок говорил: «Понимаешь, Пух, что я хочу сказать?» А Пух говорил: «Я и сам так, Пятачок, думаю». Пятачок говорил: «Но с другой стороны, Пух, мы не должны забывать». А Пух отвечал: «Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустить это из виду».

А. Милн

Мать Богов Пустыни больше не навестила сны Харгана — то ли решила, что все сказано и толкования не требуются, то ли чего-то выжидала. А может, и вовсе не было ничего, ведь «бывают и просто сны» (как выразился однажды Кайден, когда один из учеников попросил его истолковать бредовые видения, посетившие бедолагу не иначе как под хорошей дозой экстракта пустынной колючки).

Наместник страдал, маялся и всерьез подумывал — если традиция топить горе в алкоголе или искать забвения в наркотиках настолько популярна, не скрыта ли в ней,

случайно, некая народная мудрость? И не будет ли разумным ее там поискать или хотя бы проверить, насколько упомянутый метод помогает?

Дальше размышлений идея с наркотиками пока не продвинулась — прежде чем что-то испытывать, нужно было долго рыться в справочниках, а сил на умственный труд Харган в себе не находил. А вот со спиртным все обстояло проще — ведь пробовал же он вино, и ничего с ним не случилось. Поэтому во вторник, перед тем как отправляться на утренний доклад министров, наместник честно и обстоятельно, как подобает

истинному экспериментатору, отмерил в лабораторную мензурку ровно полкварты спирта и выпил, наблюдая за собой в зеркало. Ни во внешнем своем облике, отраженном в зеркале, ни во внутреннем самочувствии изменений он не заметил, поэтому решил, что алкоголь на демонов не действует, следовательно, для заливания горя бесполезен.

Сделав два шага к двери, экспериментатор вдруг обнаружил, что ноги не желают ему повиноваться и у каждой имеются собственные планы касательно направления движения. Причем ни одно не

совпадало с нужным хозяину.

Харган остановился и попытался восстановить контроль над своевольными конечностями. Похоже, спирт все же подействовал, но совсем не так, как он рассчитывал. Непотопляемое горе злорадно плавало на поверхности и издевательски ухмылялось. А ноги отказывались не только ходить, но даже, кажется, стоять…

«Ну и пусть, — упрямо подумал Харган. — Я и долететь могу».

Потом было землетрясение. Вернее, это он так подумал, потому что пол вздыбился и стены опрокинулись.

Потом наместник обнаружил себя опять в той же лаборатории, из которой с таким трудом вышел. Над ним стояли несколько подданных, и кто-то из них крайне непочтительно произнес:

— По-моему, он просто пьян.

— Возмутительно! — добавил другой.

— Уж кто бы возмущался, брат Вольдемар! — ехидно отозвался третий. — Ваш камердинер каждый вечер укладывает вас спать в состоянии бревна.

— Брат Лю, вы можете его протрезвить? — деловито поинтересовался первый, не обращая

внимания на посторонние замечания. Харган поднапрягся и узнал голос советника.

— Нет, но я могу быстро сбегать…

— Быстро сбегайте.

«Подите прочь, презренные!» — хотел гордо заявить наместник, но язык тоже отказался ему повиноваться, и высочайшее повеление, состоящее из одних гласных, было не понято и проигнорировано.

Четверть часа спустя Харган тоскливо слушал доклад брата Хольса, кляня свое любопытство и мрачно оглядывая слушателей — не посмеет

ли кто опять ухмыльнуться. Министрам было не до ухмылок. Все прекрасно видели, что наместник сердит и в их же интересах не раздражать его еще больше.

Древняя традиция оказалась чистейшим надувательством и никакой народной мудрости не содержала. Лучше не стало — наоборот, только хуже.

Харган слушал, не понимая ни слова, но чувствуя, что брат Хольс несет бессмысленную, никому не нужную чушь. Ну зачем это все, кому это надо, эта средняя посещаемость проповедей за две недели по сравнению с прошлой луной,

недостаточная просвещенность населения, необходимость усилить… улучшить… принять решительные меры… Тошно слушать.

Остался последний день. И последняя ночь. Странно — времени еще много, а жизнь уже потеряла смысл. Почему, в какой момент то великое служение, которое было смыслом жизни Харгана с самого рождения, вдруг перестало им быть? Когда одна-единственная женщина стала значить для него больше, чем все, что было до нее? Или все же в тот миг, когда верный пес получил пинок от хозяина? Если подумать, пинок был заслуженный, но все же… все

же… именно тогда он впервые почувствовал себя рабом. Не учеником, последователем, единомышленником, а рабом. Вещью, лишенной права на собственные мысли, чувства и поступки. Неужели права была та бестолковая девчонка, когда рассуждала в своем неразборчивом, покрытом кляксами письме о персоне Повелителя? Или все же сам виноват нерадивый ученик, посмевший предать доверие наставника, обмануть его, поставить собственные прихоти выше долга?

И где правда? Где искать верный путь? Кто подскажет, что теперь делать?

Брата Хольса сменил брат Чань. Надо бы его послушать внимательнее, он может сказать что-то важное, пропустишь — потом в дурацком положении окажешься… Но и его тошно слушать. Что он забыл на том кладбище, какой шестиногий крокодил понес его по гробницам шастать?…

— Могу я поинтересоваться, что натолкнуло вас на мысль о кладбище? — Ну советник прямо его мысли читает! Или это он сам так поумнел с горя, что стал догадываться обо всем быстрее советника? — Мне обидно сознавать, что я мог упустить в своих рассуждениях некий факт,

впоследствии оказавшийся важным.

— Вряд ли, брат Шеллар, на момент рассмотрения ваша версия казалась подходящей, и факт, натолкнувший меня на мысль о проверке, появился гораздо позже. Однако должен заметить, что с нашей стороны было большим упущением не рассмотреть и другие версии, остановившись на одной-единственной. Как вам известно, мы получаем сведения от наших агентов с севера. И в их донесениях…

— Благодарю вас, брат Чань, можете не продолжать. Я все понял. Как я мог быть таким самоуверенным ослом! Я пристыжен. Всему виной

моя проклятая гордыня и самонадеянность, от которых я уже неоднократно страдал в своей жизни и тем не менее не вынес должного урока из сделанных ошибок. Подумать только, все это время во дворце орудовал шпион, а я, уверенный в своих умозаключениях, даже не удосужился проверить! Прошу вас, продолжайте.

Увы, угнаться за рассуждениями советника было так же сложно, как и прежде. Что он успел понять из недосказанной фразы? И о чем вообще речь? Какой шпион? И при чем тут самонадеянность Шеллара и кладбище? Надо все-таки послушать.

Заставить себя и разобраться. Хотя все это мелко, ничтожно и совершенно неважно.

— Да, продолжайте, — сказал Харган. — Только по возможности кратко и без лишних подробностей.

— При визуальном осмотре сотрудниками были обнаружены следы недавнего использования на замке и дверном кольце старой усыпальницы, в которую предположительно не входили четыре-пять веков. Отперев дверь ключом и исследовав внутренние помещения, мы обнаружили тело адъютанта Тоти, ранее подозреваемого в организации побега

пленницы и соучастии в некоторых других преступлениях. Потерпевший был убит ударом кинжала в спину…

— Этого еще не хватало… — устало прокомментировал Харган.

— Новость действительно неприятная, — согласился глава департамента. — Но вместе с тем наша находка чрезвычайно полезна, ибо дает возможность рассмотреть некоторые события в ином свете. Если отказаться от версии соучастия покойного адъютанта, как правильно заметил брат Шеллар, мы приходим к заключению, что во дворце работает тщательно законспирированный вражеский агент. Это позволяет найти

адекватные объяснения многим неприятным событиям последних дней, как, например, уничтожение излучателя в Галланте и провал операции и в Поморье.

— Вам поднять этого придурка? — обреченно уточнил Харган, которому отчаянно не хотелось работать и вообще о чем-либо думать.

— Вы оказали бы неоценимую помощь следствию. И чем быстрее это произойдет, тем меньше успеет нам навредить вражеский шпион при дворе. Желательно сразу после заседания.

Харган, которому было наплевать

на всех шпионов вместе взятых и больше всего хотелось отложить любую работу на неопределенное «потом», не решился в присутствии подданных признаваться в собственной слабости и безразличии ко всему их копошению.

— Хорошо. Приносите в лабораторию. У вас все, брат Чань? Следующий.

Брат Гельби бодро затараторил о поступлениях в бюджет и сокращении расходной части, с множеством цифр, которые он наконец научился произносить не запинаясь и не обмирая от ужаса перед «такими грандиозными кучами денег» (по его

собственному выражению). При этом он то и дело поглядывал на советника трепетным взором ученика, ожидающего оценки от наставника. На невозмутимой физиономии Шеллара угадывалось легкое одобрение.

Харган без труда отвлекся от доклада, в который все равно был не в состоянии вникнуть, и принялся повторять про себя все, что могло пригодиться для предстоящего поднятия духа: список ингредиентов и инвентаря, порядок действий, необходимое заклинание, даже на всякий случай примерный список вопросов. До сих пор он знал это все

назубок и применял легко и привычно, но сейчас совершенно искренне боялся не справиться, что-то забыть, да просто не достичь нужной степени концентрации. Что-то разладилось в безупречном исполнителе воли Повелителя. Память ускользала, каждая мысль давалась с трудом, сосредоточиться на чем-либо становилось непосильной задачей.

Такое состояние Харган испытал всего раз в жизни — когда еще во времена ученичества отрабатывал «змеиный ветер» и случайно сам себя задел собственным заклинанием. Только тогда было еще и страшно. А

сейчас только тошно, тяжко и безысходно.

И еще хочется умереть.

Вот этого Харган никогда прежде не испытывал.

Утверждение главы департамента, что на брата Аркадиуса можно положиться, ничуть не было пустым комплиментом. Во время доклада и короткого диалога с Шелларом первосвященник ни словом, ни взглядом не показал своей осведомленности и предвкушения грядущего триумфа. Впрочем, по мнению брата Чаня, предвкушать там было нечего, и бессовестная наглость

советника его ничуть не удивила. Как он и предполагал, от предстоящего сеанса некромантии многого ожидать не приходилось, и Шеллар это прекрасно понимал, потому и не обеспокоился ни капельки. Скорее всего, покойный действительно не видел убийцу, и сенсационного разоблачения не произойдет. Но пока остается хотя бы мизерный шанс, что советник блефует, или ошибается, или, к примеру, жертва продолжила свое существование в виде призрака, как это часто бывает с невинно убиенными, — даже самую ничтожную вероятность надлежит проверить и лично убедиться.

Сейчас перед главой департамента стоял вопрос: следует ли подозреваемому присутствовать при допросе покойника, или отослать его прочь, пусть помучается неизвестностью? Ведь наверняка и он допускает ту самую ничтожную вероятность, обязательно должен, он всегда рассматривает все варианты, даже совершенно абсурдные на первый взгляд. Наверняка сейчас сидит и высчитывает, что предпринять на тот самый невозможный случай. Хотелось бы знать, что для него важнее: иметь возможность проверить или иметь возможность удрать вовремя?

Брат Чань был уверен, что к вопросу собственного присутствия советник отнесется с блестяще сыгранным равнодушием и предоставит выбор противоположной стороне. Не станет ни напрашиваться, ни уклоняться, терпеливо подождет, пока сами не пригласят, и если пригласят, не откажется, а если нет — уточнит и согласится. Но что будет скрываться под этой маской вежливого и ненавязчивого интереса?

Или лучше рассмотреть с другой стороны? Что будет выгоднее ему самому? Разоблачить злодея в хорошо охраняемой комнате, из которой у него не будет возможности сбежать?

Или оставить в неведении, предоставив в то же время свободу передвижения (под негласным наблюдением, разумеется)? Какова вероятность, что брат Шеллар попытается сбежать, не дожидаясь результатов? Решится ли он рискнуть, или проявит свою знаменитую осторожность? И что для него будет рискованнее, вот вопрос…

Брат Чань украдкой взглянул на советника, делая вид, будто внимательно слушает казначея. Нет, безнадежно. Сидит, не шелохнется и на вид полностью поглощен докладом. Даже комментирует что-то и вопросы задает. Пожалуй, от этого

дождешься, чтобы он как-либо себя выдал…

Но все же, оставшись один, попытается он скрыться, или у него хватит наглости остаться и даже активно участвовать в поиске таинственного шпиона? Пожалуй, это зависит от единственного обстоятельства: от возможности вывезти нимфу. Если он допрессовал наместника до надлежащей степени, то вариант с телепортом для него удобнее, выгоднее и безопаснее. Если же нет, ему так или иначе придется хватать девушку в охапку и бежать на чем придется. Ну, «на чем придется» — это, пожалуй, сильно сказано,

наверняка такой предусмотрительный господин уже давно подготовил и транспорт, и повод для поездки, но если он вообще намерен это провернуть, то именно сегодня. Завтра останется слишком мало времени, да и вокруг нимфы будет толпиться куча народу. Ночью там будет наместник. Поэтому он должен успеть до вечера.

Брат Чань еще раз украдкой взглянул на Шеллара. Поскольку брата Гельби только что сменил брат Вольдемар, советник больше не прислушивался к докладчику, а размышлял о чем-то своем, недовольно морщась время от

времени. Трудно было сказать, вызвано его недовольство неприятными мыслями или же стихотворными цитатами, коими господин министр щедро пересыпал каждый свой доклад. Больше всего брат Вольдемар любил цитировать себя, чуть меньше — своих сподвижников и единомышленников. Лично брату Чаню тонкости ортанского стихосложения были сложны для понимания, но он знал, что брат Шеллар находит творчество министра изящных искусств бездарной пачкотней, а вкус его — отвратительным и низкопробным.

Глава департамента перевел

взгляд на наместника. Божий посланник сидел, тоскливо подперев кулаком гребень, и, судя по его отрешенному взору, пребывал где-то не здесь. Как жаль, что нет возможности заглянуть в его разум и прочесть те мрачные мысли, что одолевают сейчас бедного влюбленного демона. Видно, что он за последние дни весь извелся, измучился и довел себя до последней черты, за которой может оказаться что угодно — никому не дано знать, в чем выразится безумие этого странного существа. Как, интересно, советник может что-то рассчитать и предвидеть, когда речь идет о

Харгане? Настолько ли сильно его влияние, что он способен всего лишь парой вовремя сказанных правильных слов регулировать поведение непредсказуемого демона, раздираемого страстями? Тогда он действительно гений и знает что делает. И запросто может оказаться, что до завтра он дожмет наместника и вся троица благополучно испарится в неизвестном направлении. Единственное, что можно сделать для предотвращения столь нежелательного оборота дел, — не допустить финальной задушевной беседы. Всячески препятствовать контакту двух фигурантов. Чем-то

занять наместника, установить наблюдение за советником, при попытке уединиться — немедленно вломиться и отвлечь каким-либо срочным делом. В конце концов, в крайнем случае можно пригласить брата Шеллара в департамент для всестороннего обсуждения новых фактов и продержать его там до момента, когда наместник уединится с нимфой и станет недоступен для общения. А наутро окружить всех троих пристальным вниманием. Как вариант — усыпить наместника. Словом, как-то продержаться до момента отправки. Оказавшись в безвыходном положении, Шеллар

рискнет бежать без телепорта, и его возьмут тепленьким на воротах. Если только он действительно собирается ими воспользоваться. Есть еще один довольно скользкий вариант, способный поставить под удар всю операцию.

Возможно ли, чтобы королевский дворец не имел нескольких потайных выходов?

И возможно ли, чтобы король, владевший этим дворцом и проживший в нем всю жизнь, об этом не знал?

Никто не запрещает его об этом спросить под любым благовидным предлогом, но если ответ будет

содержать хоть что-то полезное, то почти доказанную версию об агентурной деятельности советника можно считать опровергнутой. Скорее всего, он либо ничего не скажет, либо покажет один ход, а воспользуется другим. Разумнее будет все же проследить. Вряд ли кому-то придет в голову делать потайной ход с третьего этажа, из комнат придворных дам. Беглецам в любом случае придется пройти по коридорам, спуститься по лестницам, где-то по пути их и перехватят.

Если же брат Шеллар и наместника задействовать не сумеет, и на бегство не решится, то на этом

его песенка будет спета окончательно. Едва лишь он окажется на территории Повелителя, как его немедленно проверят — либо классические маги простым сканированием, либо коллеги мастера Ступеней своим методом. Уж об этом он позаботится — если не лично, то через брата Аркадиуса. Но это будет завтра. А сейчас, вот прямо сейчас, все-таки приглашать или не приглашать?

«Ну что, позовет или нет? — думал в этот же момент Шеллар, останавливая скучающий взгляд на главе департамента. — Это в какой-то степени покажет, чего он от меня ждет. Вряд ли брат Чань ожидает

чего-то сногсшибательного от предстоящего допроса, скорее это дань точности и аккуратности. Я бы тоже обязательно проверил при самых мизерных шансах. Но неужели он не понимает, что шанс испугать меня и спровоцировать на попытку к бегству столь же ничтожен?

Впрочем, вопрос моего присутствия на допросе абсолютно не важен и не стоит такого пристального рассмотрения. Гораздо интереснее, чего ждет от меня брат Чань в более широком смысле. Разумеется, он уверен, что я обязательно постараюсь прихватить с собой Азиль. И наверняка установит наблюдение за

ее комнатой. Но вот как он себе представляет мои действия, хотелось бы знать. Неужели думает, что я, как Камилла, повезу Азиль по магазинам и не вернусь? Или прокрадусь тайком по черной лестнице на конюшню, лично запрягу карету и лихо помчусь таранить ворота? Нет, скорее всего этот вариант он оставит на крайний безвыходный случай. А что будет оптимальным с его точки зрения? Самым лучшим и безопасным способом был и остается телепорт. Дежурного телепортиста на всякий случай предупредят, но обращаться к нему с подобной просьбой столь же умно, как и таранить ворота. Не

считает же меня совсем уж дураком наш любезный брат Чань?

Кроме штатных магов телепортацией у нас владеет наместник. Кажется, не зря наш глава департамента так пристально к нему присматривался. Наверняка прикидывал, не перевербовал ли я беднягу, подло воспользовавшись его влюбленностью… Ах, нет, в таком случае нас бы здесь уже не было. Вероятнее всего, по его мнению, процесс еще не завершен. Почва подготовлена, наместник колеблется, и мне осталось только нанести последний удар. Значит, он будет всеми силами препятствовать нашим

попыткам остаться наедине и поговорить. Ну, пусть развлекается; чтобы напоить наместника нужным порошочком, мне много времени не понадобится. Да бедный парень с радостью сам сожрет этот порошок вместе с упаковкой, чтобы избежать лишней нервотрепки, не придется ни в питье подсыпать, ни искать повод выпить.

Одно сомнительно. Когда брат Чань вернется и обнаружит нашу пропажу, не догадается ли он об истинном положении дел? Собьет ли его с толку тот факт, что я не препятствовал отправке Азиль, усомнится ли он в своих выводах? А

если нет, поверит ли он, что я ничего не сделал, ибо не имел физической возможности и случившееся для меня — катастрофа? Не заподозрит ли, что его провели, что моей истинной целью как раз и было подсунуть Повелителю незрелую нимфу, а сведения из Лондры — намеренная дезинформация? И если заподозрит и пожелает поделиться с Повелителем, успеет ли Азиль до следующего сеанса? И что с ними будет потом? Сможет ли Элмар…»

Братья зашуршали бумагами и зашаркали стульями, вполголоса переговариваясь и осторожно оглядываясь на наместника.

Заседание окончилось.

Встрепенулся и наместник, словно пробуждаясь ото сна и силясь понять, где проснулся.

«Звать или не звать?» — продолжал колебаться глава департамента.

«Позовет или не позовет?» — изнывал от любопытства советник.

Харган обвел зал рассеянным взглядом страдающего склерозом старца, словно спрашивая себя: «Что я забыл? Я что-то должен сделать, но что?…» Затем вскинулся, приветствуя возвращение блудной памяти, и приглашающе махнул рукой:

— Брат Чань, брат Шеллар,

пойдемте в лабораторию.

Братья на миг замешкались, затем бодро зашагали вслед за наместником, пряча друг от друга взоры, исполненные искренней досады пополам с облегчением.

Как и предполагал Шеллар, глава департамента прилагал все усилия, чтобы ни на миг не оставлять их с наместником без присмотра. Как будто боялся, что коварный советник за несколько минут успеет совершить свое черное дело, хотя сам ведь прекрасно знал, что подобные дела в двух словах не делаются. Неужели неуловимый шпион так потряс

воображение хладнокровного хина, что тот уже приписывает ему скрытые магические способности? Или просто перестраховывается? Если так, любезный брат Чань малость перестарался с предосторожностями. Весьма забавно было наблюдать, как он метался, когда ему понадобилось отдать распоряжение, чтобы доставили тело в лабораторию. Ни одного телепортиста поблизости не оказалось, и бедняге пришлось бежать куда-то в конец коридора, что-то впопыхах объяснять первому попавшемуся подчиненному, а затем с неприличной торопливостью догонять наместника и советника,

которые успели уйти далеко вперед. В самом деле, как будто Шеллар каждый день вербует вражеских главнокомандующих и так отработал эту процедуру, что проделывает ее на ходу посреди коридора.

Добравшись до лаборатории, Харган велел братьям посидеть в сторонке и не мешать ему готовиться, а сам принялся расставлять на специальном столике флаконы и выкладывать в рядочек инструменты. Шеллар, которому не терпелось услышать, что еще интересного пожелает выспросить у него брат Чань, немедленно уселся в ближайшее кресло и достал трубку.

Вопросы не заставили себя ждать.

— Как вы полагаете, брат Шеллар, — поинтересовался глава департамента, едва устроившись напротив, — если во дворце действительно работает вражеский агент, как может осуществляться связь?

Забавно. В высшей степени забавно. Не ждет же он, что ему расскажут все как есть? Скорее хочет исключить один-два варианта из имеющихся возможных, будучи уверен, что хитрый враг непременно попытается направить его по ложному пути.

— Если бы я знал, кто это, мне было бы легче предположить. — Шеллар изобразил глубокую задумчивость. — Если этот человек живет в городе, а во дворец ходит на службу, то связь осуществляется в городе. Любым удобным способом, коих вы знаете не меньше моего. Если же он не покидает дворца… Брат Чань, вы видели этот огромный парк? В нем можно заблудиться и потеряться, в нем вот человека зарезали, и никто не заметил.

— Вы допускаете возможность, что кто-то пробирается в охраняемую зону? Вы помните, как это пытался сделать ваш кузен?

— Согласитесь, что мы имеем дело с людьми, значительно превосходящими кузена по интеллекту. И кроме того, в отличие от Элмара связному нет надобности переправлять на территорию дворца всего себя. Достаточно перебросить записку или пакет. Это можно сделать даже с очень большого расстояния, если, например, привязать к стреле.

— То есть вы не допускаете мысли, что сведения могли передаваться лично?

— И это возможно. Но, к сожалению, у меня мало информации для более конкретных выводов.

И у тебя, дорогой брат Чань, ее

будет очень и очень мало, и снабжать тебя ею никто не собирается.

— А вы бы на его месте как организовали связь?

— Если вы помните, я намеревался работать один. Без связи. И если бы ее впоследствии организовали, то этим занимался бы не я, а Флавиус и его люди. Моих мыслей по поводу никто бы и не спрашивал.

— Ну а если бы спросили?

— Поскольку я не живу во дворце и каждый день бываю в городе, возможностей для встреч со связными у меня была бы масса. Право, брат Чань, непродуктивный это разговор.

Мы скорее вычислим связного через агента, чем наоборот. Сейчас послушаем, что скажет нам покойный адъютант Тоти, возможно, он подбросит какую-нибудь информацию для размышления, даже если ничего не видел.

— Кстати, — заметил брат Чань, — если я верно помню, вы в тот вечер прогуливались где-то в окрестностях кладбища?

— У вас прекрасная память.

Чтоб вам ее отшибло чем-нибудь тяжелым.

— Вы не видели и не слышали ничего подозрительного?

— Абсолютно.

— И даже не встретились по пути с убитым?

— Странный вопрос. Если бы я с ним встретился, неужели я позабыл бы сказать об этом, когда мы разбирали тот случай?

— Заткнитесь оба! — раздраженно рыкнул Харган, не оборачиваясь. — Вы мешаете мне сосредоточиться!

— Извините, — хором произнесли разговорчивые подданные и послушно умолкли.

Жаль, возможно, брат Чань спросил бы еще что-нибудь интересное. Судя по всему, перчаток они так и не нашли. Поленились по

саркофагам шарить. Вот если бы обыск проводил лично Шеллар, он бы непременно нашел.

Исполнительные сотрудники департамента не заставили себя ждать — едва минута прошла. Два бравых молодца в сопровождении телепортиста возникли из серого тумана, водрузили на стол плотно упакованный непромокаемый мешок и без лишних слов удалились.

— Ну-ка, посмотрим, что там от него осталось… — сам себя подбодрил наместник и заглянул внутрь. Видно было, что ему совершенно неинтересно, в каком состоянии покойник и что он скажет.

Даже на шпиона во дворце ему было наплевать. — Как я и думал, из этого — только духа.

— Так даже лучше, — кратко прокомментировал глава департамента. — Зомби — утомительные собеседники.

— Что ж поделаешь, — посочувствовал Шеллар. — Пусть радуется, что получил хоть такое посмертие. Кроме того, он сможет заменить вам пропавшего господина Хаббарда. Да и, как мне кажется, он все равно не успел заслужить большего.

— Я не просил ваших комментариев! — рыкнул демон.

Похоже, его раздражало решительно все, происходящее в его присутствии. — Посидите молча и не мешайте работать.

Верные подданные опять замолчали и не тревожили занятого делом некроманта, пока над немилосердно воняющим мешком не воспарил свеженький, еще испуганный и не опомнившийся дух убиенного адъютанта.

— За что?… — жалобно прошелестел он, едва обретя способность говорить.

— Для начала сообщите — кто, — посоветовал Шеллар. — А из этого мы уже сможем делать выводы

касательно мотивов.

— Брат Шеллар, позвольте мне задавать вопросы, — вмешался глава департамента. — Все-таки это дело в моей компетенции… Да и переводить лучше получается у господина наместника.

— О, простите, привычка. Конечно, прошу вас и не смею мешать.

— Мама, что это?… Ой… Уберите это! Мне дурно… Где я? Дайте… дайте… — Дух растерялся, сообразив, что просить воды недостойно солдата, а чего покрепче ему тут вряд ли кто поднесет, ибо собралось вокруг одно начальство.

— Еще один слюнтяй… — с отвращением произнес Харган, мрачно созерцая свое творение. — Мало мне было Генри. Молчать! Смирно!

Дух подавился очередной жалобой.

— Кратко объясняю ситуацию. Ты умер. То, на что ты смотришь, — твое тело. К сожалению, оно три недели пролежало необнаруженным. Дурно тебе быть не может, потому что ты дух. Возьми себя в руки и отвечай на вопросы кратко, четко и по существу. Услышу еще хоть один звук, напоминающий нытье и скулеж, — упокою и закопаю. Понял?

Призрачный адъютант часто-часто закивал, дабы не сердить и без того рассерженного наместника.

— Прежде всего пусть расскажет, как он оказался на кладбище. Все по порядку. Я помню, мы опрашивали его сослуживцев, но теперь хочу услышать все подробно из его уст.

Харган перевел вопрос, и присмиревший дух принялся уже не жалобно (упасите боги!), но все же с некоторой обидой излагать все то, что Шеллару было известно едва ли не лучше самого рассказчика.

Он с самого начала был уверен, что белокурая красотка с третьего этажа влюблена в него по уши, только

боится признаться. И не оставлял своих упорных ухаживаний. (Наместник зло сверкнул правым багровым глазом, но от комментариев воздержался.) И вот однажды, когда они оказались наедине, то есть поблизости не было никого, кто мог бы оценить ее неприступность, дама открыла свои истинные чувства. Она сбросила из окна записку, в которой при известной догадливости можно было разобрать приглашение на свидание.

— Записку нашли, — добавил брат Чань. — Я был бы чрезвычайно признателен, если бы господин наместник лично на нее взглянул.

Возникли определенные языковые трудности.

— Потом посмотрю, — проворчал Харган и кивком велел продолжать.

Окрыленный повеса, чуть ли не пританцовывая от радости, ринулся наряжаться и прихорашиваться. Мундир погладил, зубы почистил, трусы постиранные надел, душистой водой побрызгался от всей души, не жалеючи. Даже плащик специально прихватил, ну, чтобы, значить, постелить, когда…

Слушатели безмолвно переглянулись, как бы вопрошая друг друга, не ослышались ли они и

действительно ли этот идиот рассчитывал, что ему отдадутся прямо там же, на кладбище. Даже брат Чань не сдержал легкого недоумения.

Ах да, еще лестницу под окно принес, как она просила. Но это раньше, до того. А в назначенный час отправился он на свидание, весь в предвкушении и в радужных мечтах, и вдруг — хлоп! — кто-то зажимает ему рот, бьет в спину, и… и все.

Брат Чань, разумеется, не удовольствовался услышанным, и Шеллар его прекрасно понимал. Он и сам не преминул бы уточнить: не слышал ли убитый шагов или иных посторонних звуков, не заметил ли,

скажем, тень за спиной, не почуял ли каких запахов… И непременно попросил бы уточнить насчет руки, которая зажала ему рот, — большая, маленькая, мягкая, жесткая, в перчатке, без оной, и тому подобное. И точное место преступления указать попросил бы, конечно, хоть и прошло три недели, а все ж осмотреть нелишне будет — вдруг да завалялось чего.

— Кажется, в перчатке… — с трудом вспомнил потерпевший после дюжины наводящих вопросов. — Вроде бы большая — всю морду облапила… И запах… был какой-то запах, только я сейчас не вспомню…

— Другой одеколон? — терпеливо принялся перечислять старательный глава департамента. — Химическое вещество? Мыло? Порох? Конский пот? Табак?

— О! — просветлел измученный дух. — Точно! Куревом несло от этой перчатки!

Брат Чань даже не преминул поинтересоваться сортом табака, хотя и так было ясно, что потерпевший разбирается в местных сортах не лучше, чем брат Шеллар в харзийских народных танцах. Больше ничего полезного из бедняги выудить не удалось.

— Ну что ж, — бодро подвел

итог Шеллар, видя, что вопросы постепенно иссякают. — По крайней мере мы можем исключить из числа подозреваемых женщин и некурящих.

— Весьма полезно, — не разделил его оптимизма глава департамента. — Особенно если учесть, что женщин во дворце что-то около одной. Да и у той рука что лопата.

— Если вы о кухарке, то она не курит, — любезно подсказал Шеллар. — Кроме того, можно с некоторой долей вероятности исключить мужчин изящного телосложения с маленькой кистью. И еще у нас есть записка. Словом, есть с

чем работать.

— Вот и идите, работайте, — неприязненно перебил их наместник. — Если у вас все. И не забудьте прислать кого-нибудь, чтобы забрали материал.

— Непременно, господин наместник, — пообещал брат Чань, и они с Шелларом, вежливо попрощавшись, двинулись к выходу.

— А я? — растерянно выдавил дух.

— А ты лети отсюда к гракам линялым, чтобы сегодня и завтра я тебя не видел! Послезавтра утром явишься за указаниями, и чтоб до тех пор очухался, привел себя в чувство и

не кудахтал над своей безвременной кончиной! Идиот безмозглый!

Испуганный Тоти метнулся прочь, с непривычки пролетев сквозь дверь, и повис между господами, которые эту дверь только что закрыли за собой.

— Ну что я такого сделал? — пожаловался он, почему-то уверенный, что жаловаться не следует только в присутствии наместника, а у всех остальных можно искать сочувствия и утешения.

— Вы еще спрашиваете, молодой человек? — не удержался Шеллар. — Мало того, что ваша глупость и самонадеянность стоили вам жизни,

вы еще и оказались истинной находкой для шпиона. Неудивительно, что господин наместник так на вас сердит. Извините, нам недосуг рассказывать вам суть этой истории, расспросите ваших товарищей, они все в курсе дела. Вам подробно поведают, к чему привели ваши похождения по дамам.

Ничего не понявший без перевода брат Чань просто промолчал.

Не получив сочувствия и здесь, любимый адъютант командира Хашепа полетел дальше — привыкать к своему новому состоянию и выяснять, что интересного он пропустил за прошедшие три недели.

Брат Чань оглянулся на дверь, затем на Шеллара и, видимо, решил, что оставлять его здесь без присмотра опасно.

— Позвольте поинтересоваться, брат Шеллар, какие у вас планы на остаток дня?

— Я намеревался обсудить с братом Гельби некоторые моменты его сегодняшнего доклада, затем потолковать в тысячу первый раз с командирами Махтом и Хашепом касательно жалоб от населения на непотребное поведение личного состава, затем проверить расход казенных средств в министерстве изящных искусств, а то давеча в

канцелярии мне попался на глаза донос, что их там якобы банально пропивают… А брат Аркадиус еще так кстати об этом сегодня напомнил. Просветительские беседы о вреде пьянства и культуре потребления алкоголя я, пожалуй, отложу до послезавтра. Во-первых, наместника сейчас и без того все раздражает, а во-вторых, возможно, он понял все без дополнительных пояснений и больше подобное безобразие не повторится. Еще я хотел напомнить Азиль, чтобы никого сегодня не приглашала, а то она может запросто забыть такую мелочь. Ну а вечером собирался пораньше поехать домой и поработать

со справочной литературой о культах варварских народностей Белой пустыни. Но если вы желаете пригласить меня на осмотр места преступления или показать найденную записку, я с радостью отложу все дела и окажу вам любую возможную помощь.

— Честно говоря, на место преступления я собирался послать подчиненных, а записку показать кому-нибудь, для кого сей язык является родным. Вы все равно вряд ли сможете определить, насколько грамотно она составлена.

— Зато я могу по почерку точно вам сказать, Ольга ее писала или нет.

Я отлично знаю Ольгин почерк, а вам для этого придется просить у господина наместника ее письмо и лишний раз его раздражать.

— Записку я вам непременно покажу, когда ее немного отмоют и просушат.

— Когда вам будет угодно. Что в таком случае вы хотели мне предложить?

— О, я хотел обсудить с вами новые сведения, которые мы сегодня получили, но потом подумал, что лучше будет сделать это позже, после осмотра места преступления и изучения записки.

Ага. Значит, окажись в

сегодняшнем распорядке дня беседа наедине с наместником, брат Чань непременно пожелал бы уволочь брата Шеллара куда-нибудь подальше и занять интеллектуальными беседами до самой ночи. Интересно, спросит он о планах на завтра или все же сочтет подозрительным?

— Значит, завтра? — невинно поинтересовался Шеллар.

— Да, скорее всего. Полагаю, до завтра все уже будет готово.

— В таком случае разрешите откланяться. Боюсь, я и так заставил брата Гельби ждать.

— Покорнейше прошу простить, что задержал вас неуместными

вопросами, брат Шеллар.

Любезно раскланиваясь и взаимно желая друг другу вслух всяческих успехов, а мысленно — сдохнуть, господа попрощались и направились каждый по своим делам.

Сегодня сон его высочества демонстрировался в декорациях варварского стойбища, а самого Элмара Кантор с огромным трудом узнал в белобрысом вихрастом мальчишке, который с детским азартом пытался оседлать и объездить здоровенного бодливого козла. Или барана. Вид этого животного определить было сложно, зато морда

и рога имели явное портретное сходство с мордой и рогами демона-наместника.

— Элмар? — неуверенно позвал Кантор, не зная, имеют ли его подозрения хоть какое-то магическое основание, или же являются лишь плодом его фантазии.

Мальчишка оглянулся, и зловредный козел тут же воспользовался моментом, чтобы вывернуться и боднуть наездника под зад.

— Диего? — растерянно отозвался Элмар, потирая ушибленное место. — Как ты сюда попал?… Ах, я понял, это опять сон!

— Ага, — кивнул Кантор. — Это — сон, а ты — взрослый дядька пяти с половиной локтей.

— Да, помню… — На глазах сменивший облик принц-бастард оглянулся и одним ловким движением перехватил за рог своего обидчика, который почему-то не догадался ускакать, а вознамерился боднуть еще раз. — Ну, скотина, будешь еще бодаться?

Висящий в воздухе козел беспомощно дрыгал всеми четырьмя копытцами, глаза его от ужаса почти вылезли из орбит — видимо, бедняга представил себе, что это сейчас на него все-таки сядет.

— Не буду… — вдруг жалобно проблеял он человеческим голосом.

— Брысь отсюда, — проворчал Элмар, отпуская плененного скакуна. — В следующий раз поймаю — зажарю.

— Что, достал наместник? — посочувствовал Кантор, присаживаясь вслед за хозяином сна прямо на утоптанную траву.

— Да нет, просто вспомнился, наверное. Ты бы видел, как он на меня смотрел, когда увозил! Я себе все щеки искусал, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

— А как он так особенно мог смотреть? — не понял Кантор.

— Ты видел когда-нибудь влюбленного сопляка, лет пятнадцати, которому дама его сердца предпочла кавалера постарше? Вот с такой же щенячьей ревностью и пялился на меня этот бестолковый демон.

— Из-за Азиль?

— Ну не из-за Шеллара же. Что так долго не приходил?

— Почтил своим присутствием поморский лазарет, — отшутился Кантор. — Нет, ничего серьезного, даже не ранен, просто под заклинание попал и голова всю эту неделю не работала совершенно. Сейчас уже все в порядке. Ты-то как? Без меня с

тобой не было возможности связаться, и все беспокоятся. Что тебя увезли, Шеллар сказал, а больше он и сам не знает.

— Да что со мной может случиться? — поморщился Элмар. — Сижу, как дурак. Жду, когда мне хоть что-то объяснят. Я думал, Азиль привезут вместе со мной, но меня почему-то потащили одного. Почему — не понимаю. Когда ее привезут — не знаю. Никто не приходит и ничего не говорит. Я в любой момент могу вынести решетку и напасть на охрану, но мне же нет смысла что-либо затевать, пока я не буду знать, где Азиль.

— Вот и сиди и ничего не затевай без команды. Азиль еще в Даэн-Риссе, привезут ее, может быть, завтра, а может быть, еще через три дня. Когда тебе пора будет действовать, либо я приду и все объясню, либо мэтры команду дадут, они все равно собирались тоже туда нагрянуть и обеспечить вам с Азиль магическую поддержку. Все тебе скажут, куда идти, что делать, даже план всех помещений Оазиса вместе с расстановкой охраны. А пока посиди уж тихонько. Тебя там не обижают?

— Как посмотреть… С одной стороны, носятся как с хрустальным — ведь Повелителю нужна Азиль, а

случись что со мной, она не переживет созревания. Не поверишь, я на днях случайно охранника покалечил, и мне за это ничего не было. А с другой стороны — за скотину держат. Представляешь, посадили в клетку и девиц каких-то подсаживают, чтобы я их трахал. До того ли мне?

— А зачем? — не сразу понял Кантор.

— Детей хотят, как я понял. Нашли тоже племенного жеребца… Да еще и клетка эта без одной стены и обоим соседям напротив полное обозрение. Я одного не пойму, неужели они там до такого животного

состояния опустились, что им все равно?

Кантор прекрасно понимал, что его любопытство будет выглядеть не совсем пристойно, но все же не удержался:

— А что, твои соседи вот так запросто у тебя на глазах детей делают?

— Тот, что напротив слева, — да. Не то чтобы ему это нравилось, но видно: человек давно сломался и потерял интерес к жизни, тупо делает что велено, а меня даже не замечает. Через стенку слева — вообще полная скотина, делает свое дело с удовольствием и гордостью, да еще во

всеуслышание требует от своей дамы, чтобы хвалила его и благодарила. Ты бы знал, как мне хочется пробить эту стенку и до него добраться… Через стенку справа — тихо, то ли там пустая камера, то ли кто-то очень застенчивый. А справа напротив — вроде приличный человек, хоть и варвар. Ему привели молоденькую девочку, так он ее до сих пор не тронул, жалеет. Правда, он новенький, что с ним дальше будет — не знаю… Впрочем, ничего хорошего, я думаю. Если не сломается и не оскотинится, отошлют куда-нибудь камни таскать, а то и убьют. Жалко будет, все же соотечественники в каком-то смысле.

— А он что, тоже отсюда?

— Он по-ортански чешет, как мы с тобой.

— Так ты с ним говорил?

— Нет! — огорченно воскликнул Элмар подозрительно знакомым тоном утреннего покаяния.

— А почему?

— Потому что я идиот! — горестно повинился герой. — Помнишь, ты мне рассказывал, что на допросах таким умникам, как я, лучше вообще молчать и не втягиваться в разговор, потому что специалист вроде Шеллара запросто из меня вытащит все, что я не собирался никому говорить? А я ведь знаю,

какой из меня конспиратор, мне и специалиста не надо — из меня Ольга все вытягивает не напрягаясь. Вот я и решил молчать. А для верности, недоумок, дал обет. Пока не освобожусь — ни слова. Теперь меня уже никто ни о чем не спрашивает, а молчать все равно приходится, потому как обет. Ведь можно было бы с ним сговориться, а как? Жестами всего не объяснишь, пробовал руны чертить — и в воздухе, и на полу, и из пальцев сооружал — не помогло. Неграмотный попался, представляешь? Не знаю, говорит, этих закорючек. Видно, что он тоже не прочь пообщаться, но вот такая

вышла закавыка. Я-то его понимаю, но сказать ничего не могу. А ему так и сказать особо нечего.

— Вот и помолчи, — посоветовал Кантор. Да и впрямь, чему тут удивляться? Можно подумать, его высочество в своей жизни много сидел в тюрьмах и знает о подобных заведениях все, что можно. — По крайней мере, не делись планами побега с первым же соседом, который показался тебе приличным человеком, пока не убедишься точно, что он не подсадной и не стукач.

— Тханкварра… — проворчал Элмар. — Не похоже вроде… А что, думаешь, может оказаться?…

— Да запросто. А если даже и нет, перекрикиваться об этом через коридор — тоже не самая умная мысль.

— Понятно… — Принц-бастард погрустнел еще больше. — Значит, я все же не такой идиот, как думалось. Правильно я сделал, что обет дал. А то уже давно вытрепал бы все что можно. Вот даже сейчас сижу с тобой и все о себе болтаю, вместо того чтобы спросить, как там все.

— Это нормально, — утешил его Кантор. — Если тебе в реальности приходится все время молчать, неудивительно, что во сне тебя тянет поговорить. А все… да по-прежнему.

Единственная новость — Шеллар сворачивает свои дела в Даэн-Риссе и скоро переберется к нам. Там опасно становится, под него уже копать начали.

— А мэтр Истран так и не нашелся?

Соврать Кантор побоялся — вдруг здесь не получится? — и ответил уклончиво:

— Не переживай, он жив. Никаких сомнений. Морриган в этом абсолютно уверена. Ты с ним еще увидишься, когда все это кончится.

Элмар хотел спросить еще что-то, но реальность сна вдруг задрожала, поплыла, раскололась болью…

Кантор едва успел ответить на растерянный вопрос принца-бастарда «что случилось?»:

— Ничего… я просыпаюсь…

И проснулся в своей постели рядом с Ольгой. Перепуганная девушка судорожно шарила по тумбочке в поисках спичек и звала его по имени, с таким отчаянным ужасом в голосе, будто он умирает у нее на глазах.

— Успокойся, — слова с трудом выталкивались сквозь сведенные челюсти, но боль в этой реальности оказалась вполне терпимой, — это просто судорога. Сейчас пройдет.

С каждым словом челюсти и язык

сводило все сильнее, но промолчать он побоялся — Ольга и так испугана, сейчас как поднимет на ноги полдворца… А то и еще чего похуже…

— Может, я сбегаю, позову кого-нибудь? Хоть Мафея?

Кантор протестующе мотнул головой, и в ту же секунду свело и шею.

— А это точно само пройдет?

Чиркнула спичка. Лица Ольги Кантор не видел — для этого пришлось бы повернуть голову, — но сдавленный вскрик говорил о ее реакции столь же ясно. Хорошо хоть не завизжала и спичку не уронила.

Сейчас, чего доброго, и вправду побежит всех будить…

Кантор неловко дернул рукой, пытаясь поймать, остановить… Ничего не вышло. Промахнулся. А кто б не промахнулся, если хватать вслепую. Второго шанса ему не выпало — при виде его лица у Ольги наверняка исчезли всякие сомнения в том, что любимый муж не просто помирает страшной смертью, а уже почти начал коченеть, и она рванула прочь из комнаты, роняя тапочки, — звать на помощь. Хорошо если хоть на себя что-то набросила, а могла и в чем есть побежать…

Словом, получилось редкостное

позорище, за которое занудный мэтр самого же Кантора и отчитал, — дескать, зачем не объяснил все заранее, знал ведь, что супруге вредно волноваться в ее положении. Супруга ревела в три ручья и объясняла, что она вовсе не хотела учинять панику и ставить всех в неловкое положение, но видел бы Кантор себя в зеркале…

В общем, из-за этого дурацкого недоразумения и вышло, что в ту ночь Кантор так и не повидал Шеллара. Пока сам очухался, пока Ольгу успокоил, пока долго и старательно засыпал, его величество, видимо, успел проснуться и приступить к труду.

Глава 12

— Это трагедия, дорогая моя, — сказал папа. — И обязательно в конце кто-то должен умереть. Еще лучше, если умрут все, кроме одного, но желательно, чтобы и он тоже.

Т. Янссон

Солнце, успевшее взобраться уже довольно высоко, пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы и с оптимизмом идиота пыталось сказать

миру, что жизнь прекрасна и будущее светло, как этот начинающийся ясный день. Мир, возможно, верил — он вообще никогда не отличался разумностью. Харгану подобная неуместная жизнерадостность казалась издевательством и топтанием грязными сапогами по его израненному сердцу.

Он крепко зажмурился, отчего в раздраженных светом глазах немедленно засверкали радужные кружочки и палочки, и отвернулся от окна, зарывшись лицом в подушку.

Последняя ночь прошла. Пролетела, промчалась, растворилась незаметно в свете неумолимого утра.

И вместе с ней, казалось, закончилась жизнь.

Тонкие пальчики осторожно, едва ощутимо прикоснулись к волосам.

— Тебе пора.

Харган повернул голову. Влажные темные глаза смотрели на него с болью и состраданием. Вот и слезинка блеснула на густых ресницах… Неужели ей в самом деле… небезразлично?

— Азиль, — отчаянно прохрипел он непослушным со сна голосом, — давай убежим. Он же убьет тебя.

— Нет, что ты, — так говорят с глупыми детьми или

сумасшедшими, — он ничего мне не сделает.

— Сначала — нет. А потом убьет. Даже если прежде не собирался, то теперь, после того, что я натворил, — обязательно. Чтобы меня проучить, чтобы я не смел больше влюбляться и перечить Повелителю.

— Я все равно не могу убежать с тобой. Ведь Элмар там.

Все верно, Шеллар уже объяснял ему весь расклад, и не один раз, и прямым текстом в глаза говорил: нет способа, нет выхода, что бы ты ни делал, не вывернешься. Была б это хоть обычная женщина… А у нимфы есть избранник. Зачем, ну зачем он

отвез его? Сейчас Харган был готов на что угодно, лишь бы сохранить ей жизнь, даже наплевать на приказ Повелителя и отправить Азиль куда подальше вместе с ее обожаемым варваром. А теперь… теперь поздно. Он все равно ее убьет, так или иначе, своими руками или убив избранника… Если бы можно было… как-нибудь его отвлечь… быстро сбегать в «крольчатник»… А потом вернуться, схватить ее в охапку, и в телепорт…

Безумные идеи теснились в голове, беспорядочно суетясь и мешая друг дружке.

— А что можно сделать?

— Ничего, — просто ответила она и виновато пожала плечами. — Все должно идти как идет. Мне жаль, что я не могу тебе помочь.

— Он же тебя убьет! — простонал Харган, не в силах вынести такого вопиющего непонимания. — Так же, как ведьму, которую я привез ему летом, как всех женщин, наделенных Силой, которые попадают ему в руки!

— Со мной такого не случится.

— Почему?! — взвыл доведенный до истерики демон. — Почему ты думаешь, что с тобой все будет иначе? Ты надеешься, что он тоже в тебя влюбится? Да он же мертвый! Он не

знает ни любви, на жалости, ни даже элементарного сочувствия! Или ты надеешься, что твоя Сила ему не подойдет? Так это его не остановит, он может не взять твоей Силы, но тебя убьет обязательно!

— Я думаю, что он этого не сделает, — терпеливо повторила Азиль. — Ты можешь думать иначе, но изменить все равно ничего нельзя. Я очень хотела бы как-то помочь тебе, чтобы ты не страдал из-за меня, но это не в моих силах. Мне правда очень жаль.

Это был не первый их разговор об одном и том же, и даже не второй, и заканчивались эти разговоры

однообразно и безнадежно. Она не понимала, отказывалась понимать ясные и очевидные факты, упрямо стояла на своей точке зрения, которую не в состоянии была внятно объяснить, и временами Харгану казалось, что это не он, а она сошла с ума. Или в крайнем случае — они вместе.

— Тебе пора, — повторила Азиль и, запечатлев на его щеке последний, прощальный, поцелуй, выпорхнула из-под одеяла. — Мы еще увидимся днем и успеем попрощаться.

Харган проводил взглядом хрупкую фигурку, беззащитную в своей наготе и лишь частично

скрытую роскошными волосами, на пару мгновений задержал взгляд на закрывшейся двери ванной, за которой она исчезла, и силком стащил себя с постели.

Все кончено. Он действительно ничего не сможет сделать.

И богиня тоже молчит. Не появляется ни во сне, ни наяву. Либо все уже сказано и к сказанному нечего добавить, либо это лишь игра его воображения, а на самом деле она просто не хочет ни видеть, ни слышать окаянного святотатца.

Может, стоит попытаться вернуть все как было? Может быть, это возможно? Наступить на свое

разгулявшееся сердце, заставить его замолчать, пойти к Повелителю… Поговорить с ним, как прежде, как ученик с учителем, объяснить все, покаяться, попросить прощения… Вдруг получится? Вдруг все действительно вернется? Если он увидит, что ученик искренне старается справиться с собой, и как-то поможет?… А что он опять призвал демона — это еще ничего не значит, если бы удачные гибриды получались всегда с первого раза, у него был бы уже целый отряд таких Харганов…

Нет, это действительно безнадежно. Он не сможет. Как прежде никогда уже не будет. Как бы

ни старался оступившийся ученик, между ними всегда будет стоять темноглазая девушка с ласковой улыбкой и нечеловеческим, потусторонним взглядом. Нет, напрасно надеяться, что, простив его, Повелитель сохранит жизнь ей. Скорее он пожелает, чтобы Харган своими руками убил ту, что посмела встать между ними. И лишь тогда, возможно, примет его покаяние…

А может, все правы, один он дурак, и Повелителю действительно не нужна жизнь несчастной нимфы? И напрасно он сходит с ума, воображая себе всякие ужасы?

И тут же полоумное

воображение, как нарочно, нарисовало четкую, почти осязаемую картину очередного ужаса. Он ведь не раз бывал в той комнате, даже иногда прибирал ее после ритуала, видел и сам выносил то, что оставалось от «материала»… Тогда это ничуть его не пугало и не трогало, а теперь, когда на месте безымянных рабынь навязчиво представлялась дорогая ему женщина…

Нет, он должен спасти ее, во что бы то ни стало! Можно же что-то придумать! К гракам лишайным прощения, покаяния и всю его пропащую жизнь!..

Так, из одной крайности в

другую, метались мысли Харгана все утро, пока он медленно, временами забывая, где находится и что дальше делать, умывался, одевался и бесцельно бродил по комнатам (или перемещался телепортом куда попало). До тех пор, пока, в очередной раз забредя в кабинет, не наткнулся на вездесущих каменных близнецов — главу департамента и любимого советника. Будь Шеллар один, можно было бы поделиться с ним всеми, абсолютно всеми безумными мыслями, что посетили наместника в это утро, и даже, вероятно, услышать в ответ разъяснение, совет или хотя бы

просто утешение. Но рядом сидел брат Чань, а в его присутствии Харган никогда бы не позволил малейшей слабости.

— Что вы тут делаете? — вяло и без особого интереса спросил он, занимая свое место за столом. Ведь наверняка опять пришли морочить голову всякой дурью, с которой прекрасно справились бы сами, без его высочайшего одобрения.

— Вас ждем, — пояснил Шеллар, успевший за время ожидания надымить полный кабинет, к великому неудовольствию главы департамента.

— Что опять случилось? —

неохотно, скорее из необходимости поддерживать разговор, чем из любопытства, поинтересовался Харган. Ему было абсолютно все равно, что там у них случилось, даже если хитроумные вражеские маги разнесли в одночасье все оставшиеся излучатели и сейчас стояли под стенами дворца, готовясь его штурмовать.

— Вы, видимо, запамятовали, — вежливо напомнил советник. — Брат Чань принес вам записку, на которую вы обещали взглянуть.

Харган с трудом припомнил что-то такое… ах да, записка, которой балбеса Тоти выманили на кладбище.

С плащиком, ага. Поди, в тот же плащик его и завернули, все ж пригодился…

— Да, помню, — кивнул он. — Ну, показывайте.

Будь эти каракули нарисованы чернилами, от них бы не осталось ничего, кроме разводов, но Ольга почему-то предпочла карандаш. Да еще какой-то жирный, непромокающий, где только взяла…

Шеллар, не дожидаясь приглашения, обежал вокруг стола и заглянул через плечо.

— К сожалению, о почерке сказать ничего не могу, — прокомментировал он, пока Харган

тупо пялился в узор трудноузнаваемых закорючек, разглядеть в которых знакомые буквы удавалось, лишь приложив усилие. — Но рекомендовал бы осмотреть комнату, особенно ящички трюмо. Это косметический карандаш, каким дамы подкрашивают брови, и, скорей всего, он до сих пор лежит на месте. Вряд ли Ольга захватила его с собой, а Азиль косметикой не пользуется. Если вы его найдете — значит, писала все же Ольга.

— Писала? — наконец нашел слова наместник. — Правильнее будет сказать — рисовала! Здесь ни одной верно написанной буквы! Как Тоти

ухитрился разобрать хоть что-то?

— Очень хотелось, наверное, — предположил Шеллар. — И вожделение помогло ему довообразить все непонятое. Ошибки вижу даже я, хотя мой харзи еще далек от совершенства.

— Простите, господин наместник, вы не могли бы точнее и подробнее перечислить все ошибки и сообщить, какого рода каждая из них, — вмешался брат Чань.

— Что я вам, каждую букву буду разрисовывать? — раздраженно отозвался Харган, которому не терпелось отослать этих зануд с их крохоборской дотошностью подальше.

— Лучше напишите этот самый текст правильно, — посоветовал Шеллар, — а мы уже сами сравним, разберемся и сделаем выводы. Конечно, насчет «ни одной буквы» вы погорячились, но предварительно могу с вами согласиться — основная масса ошибок именно в начертании букв. Что повергает меня в растерянность.

Главу департамента подобное заявление тоже повергло в растерянность, хотя он и пытался сей прискорбный факт скрыть. Получив в руки лист бумаги с несколькими словами, начертанными привычной к чужеземным буквам рукой

наместника, он пристально изучил оба варианта, словно хотел найти изъян в рассуждениях Шеллара и предложить более разумное и логичное объяснение, но, судя по его недовольному виду, не нашел.

— Это нелогично, нелепо и создает впечатление, будто кто-то специально сам себе все усложнил, — сказал наконец он.

— Да, — согласился Шеллар. — Смею вас заверить, Ольга не тупа и не настолько криворука, чтобы не суметь правильно перерисовать даже незнакомые значки с образца, который видит перед собой. Выходит, она рисовала либо по памяти, либо по

устному описанию. Смысл? Логика? При каком способе общения может быть проще описать или показать, чем передать записку с образцом?

— По радио, — машинально откликнулся Харган.

Братья в один голос откликнулись:

— Что такое радио?

— Откуда у Ольги радио?

— Послушайте, шли бы вы беседовать в другое место! — не выдержал наместник. — Я понятия не имею откуда, я так просто ляпнул. Вы что, не можете обсудить простые рабочие вопросы без моего участия?

Шеллар послушно поднялся, брат

Чань помедлил пару мгновений и последовал его примеру. Наверное, хотел еще пару десятков вопросов задать, как бедному духу, но решил не нарываться на неприятности.

— Разрешите откланяться, — хором произнесли оба негодника и почти синхронно откланялись.

У самой двери советник вдруг остановился, словно что-то забыл и вот сию секунду вспомнил, и торопливо произнес:

— Ах да… Вот еще что… Простите, брат Чань, всего две минуты, я вас сейчас же догоню.

Глава департамента застыл в дверях, словно хотел тоже остаться и

непременно послушать, что же такое хотели здесь обсуждать без него, и наверняка остался бы ждать в кабинете, если бы Харган не сообразил вмешаться. Услышав прямой и категорический приказ ждать в коридоре, бедняга смирился, но уходил так неохотно, словно от него тут намеревались скрыть какие-то сверхважные улики.

Плотно закрыв за ним дверь, Шеллар быстро и деловито приблизился к столу и вполголоса, почти шепотом произнес:

— Вам нельзя показываться на глаза Повелителю в таком состоянии.

— А что я могу поделать? —

огрызнулся Харган. Заботливые мы какие! Лучше бы что-то полезное посоветовал…

— Не кричите. С текущим положением дел — ничего. Азиль должна отбыть сегодня вечером, и приказ Повелителя не может быть нарушен. Но ваше личное в этом участие не настолько обязательно, чтобы от него нельзя было уклониться.

— А как?

— Сегодня, ровно за час и десять минут до отбытия, я должен быть у вас, и нам никто не должен мешать. Если я не явлюсь по не зависящим от меня обстоятельствам, любым

способом найдите меня и под любым предлогом доставьте или прикажите доставить сюда. Я все организую.

— А можно…

— Я просил вас — тише! — перебил советник. — Брат Чань подслушивает под дверью.

Харган так и не понял причин секретности, но все же послушно понизил голос:

— А можно без тайн, хотя бы от меня? Или тебе важно, чтобы я целый день мучился неизвестностью и гадал, что ты еще придумал?

— По мне, все же лучше, чем мучиться теми мыслями, что одолевают вас сейчас. Но извольте,

если желаете. Мы с вами примем по небольшому пакетику одного малоизвестного порошка, и аккурат к моменту отправки нам сделается очень-очень нехорошо. Не настолько, чтобы умереть или получить тяжкие последствия для здоровья, но в достаточной степени, чтобы быть не в состоянии куда-либо ехать. Братья забегают, начнут искать отравителя и всячески нас спасать, истинной причины никто не заподозрит. Делегация отправится без нас. А к следующему сеансу, я надеюсь, вы немного оправитесь и придете в себя.

— Постой, а почему «мы»? Думаешь, я тебе не доверяю и боюсь,

что отравишь?

— Нет. Поскольку я организатор этого безобразия, мне лучше тоже не показываться на глаза Повелителю, ведь он может спросить не то и не так. И поди потом докажи, что я хотел как лучше и что это действительно лучше для всех. Да и в целом… так честнее.

Харган заколебался.

— Господин наместник, — с нажимом произнес Шеллар, — не советую вам отказываться. Я всерьез боюсь за вас. В любой момент вы можете сорваться и наделать непоправимых глупостей. И если это произойдет на глазах у Повелителя,

последствия будут фатальными. Для всех, не только для вас.

Харгану, честно говоря, плевать было на все последствия, но он уже привык прислушиваться к мнению вечно правого и никогда не ошибающегося советника. Да и, как ни странно, видеть Повелителя ему и самому не хотелось. Ни сегодня, ни через два дня, вообще никогда.

— Хорошо, — неохотно кивнул он. — Если ты считаешь, что так лучше…

— Договорились. Тогда до вечера.

Советник ушел, и, оставшись в одиночестве, Харган вновь погрузился

в тягостные и бессмысленные думы. Теперь его даже бродить по дворцу не тянуло, и он, чтобы занять руки, то переставлял с места на место письменные приборы на столе, то перекладывал бумаги, коих за последние пару недель накопилось непостижимое количество, то бесцельно выдвигал и задвигал ящики стола. Зачем — сам не мог понять. Ящики были почти пусты — в них до сих пор валялись лишь старые вещи Шеллара, которые тот забыл забрать или счел мелочным ради них рыться в столе наместника. Харган ничего туда не добавил, мало у него было личного имущества, да и то состояло в

основном из книг, одежды и магических инструментов, у которых есть свое место, и оно вовсе не в ящике рабочего стола.

В девятый или десятый раз выдвинув верхний ящик и безучастно скользнув взглядом по нескольким серебряным стаканчикам, которые перекатывались из угла в угол, постоянно задевая тяжелый и неудобный местный пистолет, Харган хотел было задвинуть этот ящик и перейти к следующему (где сиротливо лежали пустая коробка из-под табака и стопка чистой бумаги), затем к нижнему, пустому, затем опять переставить чернильницу,

переложить стопку толстых папок на другую сторону стола, выдвинуть ящики в левой тумбе…

Огромные настенные часы неожиданно громко и назойливо принялись отбивать полдень, и их мерное «бамм! бамм!» напомнило наместнику, что время идет и что он должен что-то делать и где-то быть как раз сейчас. Правда, напомнить, где именно, часам было не под силу.

Харган выпрямился в кресле и сердито потряс головой, словно таким способом можно было утрясти нужные мысли и вытрясти лишние. Что-то он совсем расклеился, неудивительно, что пошли слухи о его

невменяемости. Что бы сказали подданные, если бы увидели, как он с отрешенным видом шарит по столу и двигает ящики туда-сюда? Особенно если учесть, что ничего достойного внимания в них нет…

То есть как — нет?

Окончательно проснувшийся демон рванул левый верхний ящик.

Пусто.

Не веря своим глазам, он лихорадочно проверил остальные пять. Затем вынул все ящики и проверил, не завалилась ли пропажа за них, хотя статуэтка — не лист бумаги, чтобы спрятаться между ящиками и задней стенкой.

Мать Богов Пустыни исчезла. Вместе с лоскутом, в который была завернута.

Несколько мгновений Харган оторопело пялился на пустой стол и сваленные в кучу ящики. Затем сорвался с места и ринулся прочь из кабинета, на ходу требуя немедленно, вот прямо сию секунду, найти ему советника.

Шеллар нашелся в кабинете главы департамента, где эти братья по разуму, вдоволь натешившись разгадыванием корявой Ольгиной головоломки, успели перейти к обсуждению еще каких-то шпионско-розыскных дел.

— И я подумал: если преступник был в перчатках, зачем ему понадобилось протирать ручку и ключ? — как раз излагал брат Чань. — Это наводит на мысль, что из усыпальницы он вышел уже без перчаток. К примеру, во время убийства или транспортировки они испачкались в крови и от них пришлось избавиться. Причем он не просто их снял — что мешало снять их позже? — а именно оставил внутри. И если хорошенько поискать…

— Блестящая идея, брат Чань! — с энтузиазмом откликнулся Шеллар.

Серый туман рассеялся, и верные

подданные выжидающе уставились на взъерошенного наместника.

— Шеллар, — торопливо выдохнул тот, — она пропала!

— Кто? — хором откликнулись оба. Даже беспокойства не скрыли. Привстали даже.

Харган остановился, вспомнив, что не намеревался обсуждать свою пропажу со всеми подряд и что глава департамента здесь лишний. Но не объяснять же ему теперь сей факт простыми словами, его и так уже сегодня из кабинета выставили, подумает еще чего-нибудь не то…

— Не «кто», а «что», — поправил он, дабы хоть частично успокоить

хина, решившего, поди, что пропала Азиль, и намекнуть Шеллару на истинное положение дел. — Я полез в ящик стола — а там пусто.

— И обертка пропала или только сама вещь? — уточнил деловитый советник.

— И обертка тоже. Ты не брал?

— Я? Из вашего стола?

— Ну мало ли, вдруг боялся, что я опять каких-нибудь глупостей натворю или в очередной раз забуду ее взять…

— Нет, я намеревался всего лишь напомнить вам, чтобы вы не забыли, а контролировать вас подобным способом у меня и в мыслях не было.

Вы не могли унести ее в свои покои? В спальню, например?

— Да нет.

— На всякий случай все же проверьте. Тот вариант, который пришел вам в голову первым, тоже проверьте — я не особенно верю в мистические перемещения предметов посредством сновидений, но могло статься, что вы действительно наведывались туда, однако по какой-то причине этого не помните. Если же оба предположения окажутся неверны, значит, кто-то банально пошарил в вашем ящике и прикарманил эту вещицу, возможно, не подозревая о ее истинной

ценности, а возможно, и с какой-то целью, вряд ли благой. В этом случае я готов лично заняться поисками…

— Ладно, подожди, я проверю…

И Харган поспешил переместиться в свои покои, оставив советника самостоятельно изобретать объяснения для брата Чаня, который непременно пожелает сунуть свой нос в чужие секреты.

При всем его уважении к мнению мудрого брата Шеллара у наместника были несколько иные представления о «мистических перемещениях», и поиски он начал с места, наиболее вероятного на его собственный взгляд. Наскоро набросив на себя

невидимость, он наведался в пустынный храм и осмотрел алтарь. Как ни обидно, советник оказался прав и на этот раз — статуэтка не вернулась на место, сон остался всего лишь сном.

Неохотно, но тем не менее добросовестно была проверена и вторая версия, предполагавшая, что божий посланник окончательно подвинулся рассудком, в состоянии помрачения таскает вещи туда-сюда и потом ничего не помнит. Харган тщательно обшарил спальню, лабораторию, кабинет, даже столовую, в которую не заглядывал уже больше цикла. Единственным

утешительным результатом можно было назвать лишь тот факт, что он все еще в своем уме и память его не обманывает.

Оставался последний вариант, самый неприятный. Кто-то осмелился покопаться в его столе и украсть его вещь. Кем надо быть, чтобы совершить подобное? Бесстрашным наглецом? Чокнутым идиотом? Или, напротив, хитрым расчетливым мерзавцем, уверенным в безнаказанности и, более того, имеющим на то основания?

Умом Харган понимал, что валить все неприятности на ненавистного брата Аркадиуса и в

каждой пакости подозревать одного его — глупо. Но именно он упорно лез в голову, стоило лишь подумать о чем-либо плохом. Даже в роли коварного шпиона, затаскивающего труп в усыпальницу, Харгану представлялся не кто иной, как глава ордена, хотя это и противоречило здравому смыслу. А уж спереть артефакт, утаенный от Повелителя заодно с нимфой, дабы потом торжественно предъявить и еще разок уличить наместника в нелояльности, — вполне в духе брата Аркадиуса, и ни логика, ни здравый смысл при этом не страдают.

Стоило бы, конечно, дождаться

Шеллара, и пусть бы искал как положено, основательно, со знанием дела, но навязчивая мысль о виновности первосвященника и непреодолимое желание его разоблачить не давали наместнику покоя. Он даже успел в красках вообразить себя, объясняющего Повелителю, кого тот пригрел на груди и как сей мерзкий таракан распорядился его высочайшим доверием, а рядом советник цитирует свой любимый уголовный кодекс с комментариями, а напротив презренный вор пытается оправдываться, жалко и косноязычно, но Повелитель ему больше не верит…

И так соблазнительно все это смотрелось в воображаемом варианте, что Харган не выдержал и все-таки отправился в храм, хотя какая-то уцелевшая часть рассудка и пыталась робко напомнить, что даже если брат Аркадиус и в самом деле так низко пал, у него хватит и ума, и наглости от всего отпереться, выставить себя невинной жертвой, свалить все на самого же Харгана, да так умело, что Повелитель ему за милую душу поверит. И надо бы хоть советника с собой взять, ибо самому господину наместнику бесполезно тягаться с первосвященником по части лживых речей, подстав и интриг. Но Харгана

уже понесло, и от голоса разума он только раздраженно отмахнулся.

В храме было почти пусто — утренняя служба давно закончилась, и народ разбежался. Помнится, брат Хольс очень этим возмущался — дескать, как на проповедь, так надо их силком сгонять, а как домой — так в момент разбегаются, что твои тараканы. Несколько младших служителей, занятых уборкой зала, не обратили на Харгана никакого внимания, глядя на него, словно на пустое место. «Невидимость снять забыл!» — догадался он. Что ж, так даже лучше. Очень удобно. Можно спокойно обыскать все, что

потребуется, не боясь, что кто-то войдет и застанет его роющимся в чужих вещах. А он непременно обшарит все комнаты первосвященника, и рабочие, и жилые. Даже если статуэтку он и не брал, там обязательно найдется что-нибудь интересное. Какие-нибудь мерзкие секреты, доносы, тайная переписка…

Витающий в радужных фантазиях наместник переступил порог и растерянно замер. В своих мечтах он как-то не учел, что упомянутые комнаты не обязаны быть пустыми лишь потому, что ему так хочется. В кабинете сидел сам брат Аркадиус,

вдохновенно что-то кропая на аккуратном белом листе. Услышав, как за его спиной открылась дверь, он испуганно подскочил на стуле и оглянулся, мимоходом прикрыв свое творчество промокашкой. Пару секунд он настороженно всматривался в открытую дверь, за которой никого не было, затем, видимо, поверив, что она отворилась сама, резво кинулся закрывать. Харган едва успел отпрыгнуть, чтобы не столкнуться с ним. Первосвященник высунул голову в коридор, воровато огляделся, плотно прикрыл дверь и запер на задвижку. Огляделся еще раз, с подозрением осматривая комнату. Харган затаил

дыхание и бесшумно отступил на шаг, уже сомневаясь, правильно ли он поступил, метнувшись внутрь, а не наружу. Не будет же он обыскивать кабинет, когда здесь сидит хозяин. Брат Аркадиус не такой дурак, чтобы списывать летающие предметы на проказы сверхъестественных сил, зная об умении наместника становиться невидимым. И выйти незаметно теперь не получится… Разве что дождаться, когда этот гад опять погрузится в творчество, и исчезнуть телепортом. Что он там пишет, интересно, с такими предосторожностями? Поди, опять какую-нибудь жалобу или донос.

Харган осторожно подошел поближе и заглянул через плечо главы ордена, который как раз успокоился, убрал промокашку и макнул перо в чернильницу.

Во первых строках своего письма презренный кляузник возносил хвалы божественному Повелителю, припадал к его стопам и просил простить за дерзость, каковой, с его точки зрения, являлось обращение в письменном виде и просьба не открывать коробочку до отбытия делегации. Самой просьбы в письме не было — наверное, собирался высказать устно. Коробочка лежала в сторонке.

Даже следовало слезное объяснение причин такой суровой конспирации. Два или три абзаца мерзавец расписывал, как третирует его злопамятный наместник, как, не имея возможности расправиться физически, всячески уничтожает морально. Изводит угрозами и насмешками, публично унижает, пользуясь своей неограниченной властью, и даже открыто заявил: «Я тебя (нехорошее слово) пальцем не трону, раз Повелитель имел глупость этого пожелать, но я тебе (нехорошее слово) такую жизнь устрою, что ты (нехорошее слово) через луну сам удавишься».

«Ах ты, крысий сын!» — мысленно взвыл Харган, не выкрикнув этого вслух лишь оттого, что у него от возмущения перехватило дыхание, и продолжил чтение.

Далее гнусный лжец доводил до сведения всемогущего и божественного, что наместник, полагая себя несправедливо наказанным, позволял себе возмущаться действиями Повелителя, отзываться о нем непочтительно и высказывать угрозы в его адрес.

И как раз сейчас лживое перо грязного доносчика выводило: «Еще раз прошу простить меня за дерзость, но я не могу молчать, видя, как этот

неблагодарный негодяй опять пытается вас обмануть и присвоить то, что по праву принадлежит вам. Находящийся в коробке артефакт был добыт воинами ордена еще две луны тому назад, но до сих пор…»

— Ах ты, ворюга! — не выдержал Харган и, позабыв обо всех предосторожностях, одним ударом смахнул брата Аркадиуса со стула.

Первосвященник проехался по полу, впечатался головой в шкаф, но сознания не потерял и еще попытался что-то прокричать — то ли звал на помощь, то ли поминал Повелителя в надежде, что наместник опомнится и не посмеет усугублять нарушение

приказа. Сломанная челюсть не шибко способствует внятности речи. Да если бы он и смог сказать что-то членораздельное, сейчас Харгана не остановили бы ни воля Повелителя, ни весь личный состав ордена, попытайся братья действительно прибежать и вмешаться. Знакомая багровая мгла залила глаза, и не осталось ни проблеска разума, ни единой осознанной мысли, ничего, кроме чистой, незамутненной ненависти и звериной жажды крушить, кромсать, рвать на части…

Со второго удара брат Аркадиус повторил судьбу Шеллара — вылетел из кабинета вместе с дверью и

задвижкой. Хотя на этом он умолк и больше не пытался протестовать, он был еще жив, и взбешенный демон с радостью ринулся исправлять эту досадную несправедливость.

Он проволок бесчувственное тело по коридору, пиная его впереди себя. Затем протащил по ступенькам, методично пересчитав каждую болтающейся головой. В главном зале ему попался на глаза ряд пустых постаментов, оставшихся от прежних статуй, и в процессе движения через зал Харган с наслаждением приложил свою жертву остатками лица о каждый постамент…

Опомнился он на кухне. В одной

руке у него был здоровенный мясницкий нож, в другой — тяжелая чугунная сковорода. Под ногами лежало то, что осталось от клеветника и доносчика брата Аркадиуса. Во всяком случае, основная его часть. На забрызганных кровью столах валялись опрокинутые миски, недорезанные овощи, разбитые яйца, размазанное тесто, брошенные убегающими поварами ножи и половники, среди которых кое-где попадались более мелкие части брата Аркадиуса. У самой двери, уткнувшись лицом в корзину с булочками, лежал в обмороке молодой послушник, не успевший удрать вовремя.

Харган медленно разжал пальцы и не глядя уронил свое нехитрое оружие.

Разум неохотно возвращался, и вместе с ним наступало мучительное осознание случившегося.

Он нарушил приказ Повелителя. Пусть не нарочно, в невменяемом состоянии, кого интересуют подробности и тонкости? Он нарушил приказ. И Повелитель с полным на то правом обрубит ему крылья. Даже если он попытается что-то объяснить, даже если покажет клеветническое письмо и привезет эту проклятую статуэтку… Его никто не поймет и не станет делать скидку на его обиды,

страдания и вспыльчивый характер. Не поймет, потому что не пожелает понимать.

Харган горько рассмеялся и заметил, как в дверях мелькнуло и в панике исчезло чье-то лицо. Ну почему сейчас? Почему не неделей раньше? Почему все происходит не вовремя? Почему он не взбунтовался, когда еще было можно? Что толку уходить от Повелителя и спасать Азиль теперь, когда ее жизнь все равно в его руках?

Почему он такой недотепа и дурак? Думал, мучился, страдал, переживал, творил что попало, и в результате — ни себе, ни людям…

Повелитель разочарован, Азиль умрет, сам он останется без крыльев, все несчастны, и он во всем виноват…

В дверях опять мелькнула чья-то испуганная физиономия. Сейчас братья поймут, что он уже не опасен, осмелеют, позовут советника, как они это обычно делают… Лучше отсюда убраться.

Харган не мог даже вообразить, что скажет Шеллар, но ему уже заранее было стыдно.

С трудом сосредоточившись, он очертил полукруг телепорта и вернулся в кабинет, выглядевший разгромленным после сегодняшних поисков. Спотыкаясь о расставленные

вокруг стола ящики, пробрался к креслу. Рухнул в него, закрыл глаза.

Что делать? Что вообще можно сделать в его положении?

Ничего. Даже хитроумный советник еще утром это сказал. Ни-че-го. А сейчас — еще более ничего, чем утром. Теперь уж точно все кончено.

Харган открыл глаза, уныло оглядел разруху в кабинете. В этот момент и попался ему на глаза тот самый верхний ящик из правой тумбы, в котором катались стаканчики и обстоятельно, увесисто возлежал забытый пистолет Шеллара.

Что можно сделать, когда ничего сделать нельзя?

Ты хотела мою жизнь, Мать Богов? Не знаю, зачем тебе понадобилось нечто настолько ненужное и бесполезное, но, если желаешь…

Он протянул руку и без колебаний выхватил из ящика пистолет. Заряжен. Прекрасно…

Нет, в висок, как люди, нельзя… Там же броня и гребни, не хватало еще выжить и опозориться…

Харган повертел оружие в руке, пристраиваясь поудобнее. Затем засунул ствол поглубже в рот и нажал на спусковой крючок.

Сначала Шеллар подумал, что

скандал и переполох как нельзя лучше соответствуют его замыслам. Во-первых, брат Чань немного отвлечется, и некоторое время ему будет не до шныряния по чужим усыпальницам. Конечно, если он и найдет перчатки, всегда можно сказать, что их украли, но все же удобнее действовать, когда у противника нет на руках даже таких ненадежных улик. Во-вторых, как только одуревший наместник очухается, он потребует к себе советника и выставит вон всех благожелателей. При известной сноровке можно повернуть дело так, что они оба увильнут от визита к

Повелителю без всяких порошочков. Наместник будет малость не в себе, а в таком состоянии его побоятся трогать и даже напоминать о визите к Повелителю не рискнут. Особенно если его сегодняшнее буйство вылилось в жертвы и разрушения. А верного советника он якобы от себя не отпустит. Брат Шеллар будет беспомощно оглядываться и делать вид, будто искренне пытается найти способ улизнуть. Так, чтобы брат Чань и его соглядатаи поверили — рушится весь план коварного шпиона, и ничего он с этим поделать не может. И пока он не придумал, как ему выкрутиться, надо срочно хватать

нимфу и волочь к Повелителю, а то брат Шеллар — он хитер и изобретателен, не успеешь оглянуться — а уже ни его, ни нимфы, ни наместника…

Перепуганный храмовый телепортист, примчавшийся в департамент с вытаращенными глазами, заикающийся от испуга (эх, как уместнее был бы в этой ситуации невозмутимый брат Лю!), проблеял что-то невнятное о погроме и реках крови. Советник и глава департамента молча переглянулись и без слов согласились, что источник информации ненадежен, сама информация противоречит здравому

смыслу, а чтобы уяснить, что там происходит на самом деле, надо идти самим и проверять.

В главном зале их встретила толпа таких же перепуганных священнослужителей. К счастью, паника, блеяние и заикание поразили не всех поголовно, и нагрянувшему начальству сумели объяснить, что наместник спустился вон оттуда и побежал вон туда, насчет погрома они не уверены, а жертвы точно есть, как минимум одну все видели.

Начальство окинуло взорами зал, на пару мгновений задержавшись на злополучных постаментах, опять переглянулось и опять поняло друг

друга без слов.

— Проводите, — коротко приказал брат Чань, выбрав из трясущейся толпы наиболее, как ему показалось, вменяемое лицо. Святой отец сделался белее своего капюшона, но смиренно поклонился и попросил следовать за ним.

Вот тут-то нюх и стал подсказывать брату Шеллару, что все совсем не так удачно и радужно, как ему поначалу показалось. Конечно, насчет кровавых рек любезный брат наврал с перепугу, но след, оставленный наместником по дороге от зала до кухни, исключал всякие сомнения: кому-то сегодня очень не

повезло. А учитывая, что невменяемый демон не крошил кого попало, а сосредоточил весь свой пыл на одном объекте, можно было без труда догадаться, кому именно.

У дверей кухни топталась еще одна группа бледных напуганных людей. Они уже достаточно осмелели, чтобы приблизиться к кухне, которую наместник покинул с минуту назад, но еще не настолько, чтобы туда входить.

Шеллар решительно распахнул дверь, уже представляя себе, что там увидит, и шагнул через порог. Брат Чань не отстал от него ни на полшага.

Увиденное настолько выходило

за рамки ожидаемого, что братья остановились у порога и целых три или даже четыре секунды промедлили, прежде чем в очередной раз переглянуться.

— Как вы полагаете, брат Шеллар, — с сомнением произнес глава департамента, — это можно опознать?

— О, я полагаю, брат Чань, — отозвался советник, — что в этом нет необходимости.

— У меня тоже мелькала такая мысль, — признался хин. — Но не должны ли мы ее проверить?

— Вне всяких сомнений, — заверил Шеллар. — Проверять надо

всегда, даже если кажется, что сомнений быть не может.

Они одновременно развернулись и вышли, так как оба в равной степени понимали, что проще вернуться по следам и найти, откуда начался славный путь господина наместника, чем пытаться что-то опознать в обнаруженной кучке фарша.

Шагая обратно по тем же коридорам в зал, а оттуда вверх по лестнице, Шеллар торопливо прикидывал, в каком состоянии сейчас Харган и не придется ли это состояние как-нибудь корректировать. И как бы теперь извернуться, чтобы сначала остаться с

ним наедине хотя бы на пару минут, чтобы проинструктировать, а потом обеспечить публику, для которой можно будет убедительно изобразить безуспешные попытки от него отвязаться… Нет, похоже, рано он радовался — скандал не упростил задачу, только усложнил…

Варианты ложились один на другой, как исписанные листы в стопку, — пока что на все рассмотренные расклады находилось подходящее решение, где-то проще, где-то сложнее, но ничего невозможного. «Только бы этот безбашенный демон ничего с собой не сделал!» — мысленно взмолился

Шеллар, уже на последнем повороте дойдя до этой версии и обнаружив, что при таких условиях задача решения не имеет. Нет, конечно, запасные варианты есть всегда, и даже в этом случае можно воспользоваться планом «капкан», а если не выйдет — плавно перейти к плану «тупик», но в обоих этих планах имелся один весьма неприятный изъян, из-за чего они, собственно, и были оставлены на самый крайний случай.

— Кажется, мы не ошиблись, — произнес брат Чань. Шеллар сообразил, что в задумчивости позабыл с ним переглянуться, и

согласился, изучая висящую на одной петле дверь:

— Насколько я помню, это кабинет брата Аркадиуса?

— Совершенно верно.

— Войдем?

— Думаю, осмотреть кабинет в состоянии и мои сотрудники. Нам потом доложат. Лучше вернемся во дворец.

Шеллар не стал настаивать. Что там у них произошло, Харган и сам расскажет, а вот поторопиться стоит. Конечно, вряд ли он покалечит еще кого-нибудь, раз приступ ярости у него уже прошел, и сомнительно, чтобы он, как в прошлый раз, созывал

целителей и требовал срочно вылечить свою жертву, но есть масса других способов усугубить и без того неприятную ситуацию, поэтому лучше не оставлять его одного.

— Во дворец, — коротко скомандовал брат Чань, и Шеллар уловил во взгляде телепортиста завистливое восхищение. Дескать, вот же люди — ничего не боятся, на кухню сходили — даже не побледнели, а теперь и вовсе отправляются прямо в пасть наместнику и хоть бы дрогнули.

Покинув гостевую комнату, «бесстрашные люди» первым делом прислушались. Ни паники, ни

беготни, ни криков о помощи до них не донеслось — дворец жил своей жизнью, и никакие посторонние звуки не нарушали его обычный рабочий шум.

— Разделимся? — скорее спросил, чем предложил Шеллар. Ясно, что на любое его предложение брат Чань ответил бы отказом, а вот услышав вопрос, пусть поломает голову — чего хочет от него коварный шпион, с какой целью, и как лучше на это ответить.

— Нет, — отозвался глава департамента пару секунд спустя. Так и не смог решить, бедняга, на кого нацелился советник, на демона или на

нимфу, и решил присматривать за ним лично. — Пойдемте вместе.

Долго искать не пришлось — первые же опрошенные подданные (по странной случайности ими оказались сотрудники департамента Безопасности, просто удивительно, откуда они взялись во дворце в таком количестве), изловленные по дороге, доложили, что из кабинета наместника слышали выстрел, но войти никто не осмелился.

На этот раз господа не стали даже переглядываться. Вернее, Шеллар не стал. Брат Чань, может, и взглянул на него в надежде засечь какую-нибудь реакцию, а вот сам

советник решил не подставляться. То, что он встревожился, — реакция естественная, наверняка сам глава департамента подумал о том же и встревожился не меньше. А вот встречаться с ним взглядом советник не рискнул.

Он не был уверен, что где-то в самой глубине его глаз не отразится нечто большее, чем простое беспокойство. Нечто такое, чего не следует видеть проницательному хинскому разведчику. Если, конечно, его ортанский коллега не хочет завалить к едреным демонам и оба запасных плана.

Почтенные мэтры, навещавшие

Шеллара в снах, об этих последних запасных вариантах не знали. Возможно, догадывались — любой неглупый человек мог повторить его размышления, если бы, конечно, потрудился пройти их до конца. До настоящего, полного логического конца, о котором обычно боятся не только говорить, но даже думать, как будто от этого он становится менее вероятным. Наверняка догадывались, только не решались об этом заговаривать. Мэтр Дэн, как давно заметил Шеллар, чувствовал себя слишком посторонним, чтобы влезать не в свое дело, о котором он к тому же недостаточно осведомлен, с советами

и поучениями. А мэтр Максимильяно боялся сглазить, потому и не заговаривал об этом, только убедительно просил «не геройствовать». Шеллар столь же убедительно соглашался, что мэтр абсолютно прав и геройская гибель не входит в его планы, если, конечно, не вынудят обстоятельства. И тактично умалчивал при этом о планах «капкан» и «тупик». Зачем провоцировать излишне эмоционального мэтра на жаркие споры с криками, руганью и раздиранием косы, если до самого предмета спора дело, возможно, не дойдет. А если дойдет, его мнение все

равно ничего не изменит…

У двери в приемную нервно переминались с ноги на ногу несколько охранников и вездесущих подчиненных брата Чаня. Их тоже встревожил одинокий выстрел, но полномочий вламываться в кабинет наместника бедняги не имели, а проявлять инициативу опасались. Не потому, что боялись наместника — о его последнем подвиге они могли еще и не знать, — а по гораздо более прозаическим причинам. Неизвестно еще, нужны ли они там, внутри, и могут ли быть полезны, а вот примерный список неприятностей за проникновение в рабочий кабинет

правителя без достаточных на то оснований представляли себе вполне четко. А если в этом кабинете еще и пропадет что-нибудь, последствия из категории неприятностей быстро перейдут в категорию смертельно опасных несчастий. При виде высокого начальства мающиеся подданные с видимым облегчением расступились, и на их лицах отразилась готовность доложить быстро, четко и ясно обо всем, что бы у них ни спросили.

Спрашивать их тем не менее никто не стал. Начальство решительно пересекло приемную, не издав ни звука, и рывком распахнуло

дверь кабинета.

Судя по всему, боги сегодня не благоволили к советнику. А может, их и не было вовсе. Или просто такова его судьба, с которой он упорно пытался спорить. А она повела себя с ним примерно так же, как он сам — с мэтром Максимильяно. Не стала спорить и сделала по-своему. Может, и правы друзья-провидцы, утверждающие, что с ней бесполезно бороться? Ведь все, чего он добился, — это лишний год жизни. Будет смешно, если он умрет именно в субботу, — тогда действительно выйдет ровно год…

Брат Чань, склонившийся над

столом, степенно выпрямился и отступил на шаг.

— Мертв, — коротко подтвердил он то, что было видно даже издали.

— Бедняга… — с искренним сочувствием произнес Шеллар. Парень все-таки не выдержал. Сломался. Когда осталось совсем немного…

Глава департамента обернулся и пристально на него посмотрел.

— Вам действительно его жаль, брат Шеллар?

— Да, — грустно кивнул советник. — Представьте себе, мне действительно его жаль, и я в самом деле хорошо к нему относился. Не из

страха и не из желания подольститься, а из искренней симпатии, может быть, не вполне объяснимой, но все же настоящей. А вот брата Аркадиуса мне не жаль ни вот столечко.

Брат Чань отвел взгляд, то ли убедившись, что поживиться свежими наблюдениями не удастся, то ли спохватившись, что наблюдение может быть обоюдным.

— Мы должны будем как-то объяснить все Повелителю…

— К сожалению, — печально согласился Шеллар. — И, как ни обидно, хвостов у нас нет.

— Полагаю, следует все же

вызвать экспертов, чтобы провели тщательный осмотр помещения и тела. На первый взгляд, действительно самоубийство, но проверять, как вы справедливо заметили, надо всегда.

Похоже, брат Чань не торопится хватать под локти беззащитного теперь советника и волочь к себе в норы, на свидание с умельцем Тедди. В чем же дело? Считает лишним или преждевременным?

— Да, конечно. И неплохо бы одновременно осмотреть кабинет первосвященника. Нам ведь придется объяснять Повелителю и причины случившегося, и на этот случай не

мешало бы их выяснить. Пока есть время.

Время. Вот в чем дело. До сеанса связи остались каких-то несчастных два часа, а брат Чань прекрасно знает, что за столь короткий срок Шеллара не расколет даже Тедди. Поэтому он не станет возиться сам, а просто поделится подозрениями с Повелителем. А уж у того полно возможностей проверить, хотя бы один мастер Ступеней у него точно есть. Для главы департамента не имеет значения, как будет разоблачен вражеский шпион, его устраивают оба варианта: и тот, в котором Шеллар поддастся на провокацию и

попытается бежать (а далеко убежать ему не дадут, не зря на каждом углу околачиваются люди брата Чаня), и тот, в котором его проверят в гостях у Повелителя. В любом случае шпион разоблачен, и в обоих случаях это заслуга бдительного хина. Для него нет разницы, побежит Шеллар сейчас или нет. А вот для самого Шеллара — есть.

Все тот же больной вопрос, в который изначально упирались все его расчеты и который сложнее всего было в них вписать. Азиль и ее миссия. По легенде, агент должен сделать все возможное, чтобы она не попала к Повелителю. На самом деле

он должен сделать все, чтобы она туда попала, но Повелитель и его люди при этом остались в уверенности, что делалось как раз обратное… Словом, если сейчас он ничего не сделает, чтобы воспрепятствовать отправке нимфы, брат Чань обязательно заподозрит неладное. Значит, придется изображать спасителя девиц, отвлекать стражу, волочь упирающуюся Азиль… кстати, куда? Не на конюшню же, подобный идиотизм ему не свойственен и будет выглядеть подозрительно. Поскольку уверенности в том, что «капкан» сработает, нет, а также потому, что бежать надо не куда попало, а в

каком-то разумном направлении, задействуем «тупик». А столь милый сердцу заботливого мэтра вариант «бросить все и спасаться самому» даже не подлежит рассмотрению, ибо давно рассмотрен и признан непригодным. Хотя он имеет все шансы на успех — в одиночку бывший король легко затеряется в собственном дворце и улизнет через потайной ход — такой поступок погубит всю операцию. Брат Чань слишком умен, чтобы не догадаться: будь свидание нимфы с Повелителем действительно такой уж трагедией для врагов, шпион не бросил бы ее здесь, в лепешку бы расшибся, но не

допустил переправки. А раз бросил и удрал — значит, что-то нечисто…

— Да, — согласился брат Чань, поразмыслив. — Вы совершенно правы. Я, пожалуй, останусь здесь и поработаю с экспертами, а вы возьмите с собой нескольких оперативников и осмотрите кабинет брата Аркадиуса. Если вас не затруднит.

Отсылает. Значит, все же надеется спровоцировать. Что ж, брат Чань, вы получите то, чего так желаете. Чтоб вы им подавились.

— Сию минуту.

«…Еще три-четыре дня — и

зацветет сирень. Дворцовый парк опять станет таким же, каким я запомнил его в ту памятную ночь, — облитый лунным серебром и наполненный сладким цветочным ароматом. Кто-то будет стоять на балконе и любоваться весенней ночью, но это точно буду не я. Потому что один взбалмошный непредсказуемый психопат выбрал из бесконечности вариантов самый идиотский и бесполезный.

Он тоже не увидит, как цветет сирень, и не узнает, почему эта луна названа Сиреневой.

А ведь стоило потерпеть хотя бы несколько часов…

На центральной лестнице прямо почетный караул выстроили. Брат Чань действительно считает меня настолько ненаблюдательным, что полагает, я не обращу внимания на лишних стражников и на двух болванов с вениками, которые елозят ковер на ступеньках уже в течение восьми часов? Или надеется, что в отчаянии я пренебрегу опасностью? Или же демонстративно уставленная стражей парадная лестница — лишь способ загнать меня на черную, где на самом деле скрывается засада? Что ж, не будем сюда возвращаться, спустимся по черной. Это будет правдоподобнее.

Коридор третьего этажа подозрительно пуст. Если меня поджидают здесь, все становится проще простого. Быстро, эффективно, и бегать никуда не надо. Кто у двери? Тухти и Нетери. Это хорошо. Один туповат, другой заводится с пол-оборота. Удачно. С Аманом примитивная провокация не сработала бы, пришлось бы изобретать что-нибудь поумнее, а времени — только на длину коридора. Причем быстрым шагом. Я тороплюсь. Я взволнован. Обеспокоен. Даже немного напуган. Вокруг катастрофа и конец света. Ребята должны проникнуться паникой

и рвануть без дополнительных вопросов.

— Скорее! Во дворце вражеский десант! Наместник убит! Бегите скорей, поднимайте по тревоге всех, кого найдете!

Разумеется, Нетери уже бежит, а Тухти только начинает соображать.

— Не стой столбом, беги! Каждый солдат на счету. А здесь я сам посторожу.

Наверное, я выгляжу смешно и глупо, с воинственным видом потрясая пистолетом, но бедняги даже не улыбнулись. Хорошо бегут, резво… Отлично, а теперь — в комнату.

— Азиль, бегом за мной.

— Куда? — Бедняжка ничего не понимает, объяснять — долго и бесполезно, а правду говорить еще и опасно.

— Потом объясню, давай руку, и бежим.

— Но зачем? — Это произносится уже на бегу, но ясно, что ничего не понимающая девушка не отвяжется, пока хоть что-то не уяснит.

— Кое-что изменилось. Мы в опасности.

— Нет же, Шеллар, беги сам, если тебе что-то грозит, а меня оставь, я должна…

— Говорю тебе, все изменилось. Ты тоже в опасности. Помолчи.

Увы, здесь засады нет. Значит, на лестнице?

Тихо шуршат за спиной пышные юбки, заглушая почти неслышные невесомые шаги.

Второй этаж. Никого. Еще один пролет… Где же они? Неужели все-таки придется лезть в эту пыльную дыру и играть в поддавки с погоней? Хотелось бы без этого обойтись. Брат Чань дотошен почти как я, он ведь непременно позаботится, чтобы потайной ход осмотрели, — хотя бы для того, чтобы узнать, куда он ведет. И когда этот умник обнаружит

обвалившийся еще при прадедушке потолок, у него обязательно возникнет вопрос: а как вышло, что я об этом не знал? Конечно, ситуация поддается коррекции, и об этом позаботятся, но лишние сложности, дополнительный риск…

Дверь. Первый этаж. Никого. Они что, оставили ближайший выход к конюшне вообще без наблюдения? И коридор пуст, если сейчас свернуть в купальню, никто и не увидит… Не слишком ли быстро мы бежим?

— Он в другую сторону пошел! Сюда!

Ах вот они где… За дверью ждали, на улице. Чтобы не попасться

на глаза раньше времени. Хорошо хоть заметили…

— Стой!

Нет уж, побегайте сначала.

— Скорей! Он свернул вон в ту дверь!

— Разве там есть выход?

— Не знаю, может быть. Быстрее за ним!

Ребята молодые, бегают хорошо, сильно отстать не должны.

Выстрел. В воздух или промазали?

— Живым брать!

— По ногам, по ногам стреляй!

Оранжерея. Здесь между кадками налево и в угол, к шпалере с

мистралийскими лианами. Третья планка снизу…

— Азиль, пригнись! Спускайся, я за тобой.

Растерянную нимфу приходится буквально впихивать в открывшийся проход. Спуститься за ней в подвал или остаться отстреливаться? Нет, если и оставаться, то ненадолго. Я ведь должен либо сказать ей, где вход, либо проводить к нему. Иначе…

О, чтоб тебя… Достали…

А-а-а-а!.. Больно, твою мать, как же…

Откуда он взялся, этот проклятый снайпер? Как же теперь встать?

А впрочем, зачем вставать… все

равно свалят…

Теперь все пойдет как надо… Сейчас они осмелеют, подбегут, обезоружат… Достанут из подвала Азиль… Все пойдет по плану… Только…

Может, стоит застрелиться, пока есть возможность? Мертвого они не поднимут, а живой я могу и лишнего сказать… Если мне уже дурно от боли, то что будет дальше?…

Нет. Только что один уже застрелился сдуру, по недомыслию. Я подобной глупости не сделаю, как бы ни было соблазнительно разом прекратить боль и избегнуть унижения. Слишком уж наглядно

напомнил мне бедный наместник, что не дожить один день до великих перемен — самое обидное, что может случиться. Лучше потратить оставшиеся патроны на врагов. Жаль, сюда не прибегут ни брат Хольс, ни брат Вольдемар, ни Хашеп, ни опасный брат Чань… Под пули полезут рядовые… Получи… О, чуть не забыл… пока есть патроны…

Подползти ко все еще открытой потайной двери… сунуться туда и выстрелить. Лучше пару раз… А теперь можно стонать и ругаться. Это будет нормально. Я должен быть в отчаянии — ведь я не смог ни спасти Азиль, ни пристрелить.

Кажется, все прошло как надо. Кажется, я ничего не пропустил и нигде больше не ошибся. Они поверят. Осталось только не завалить все на допросе, не пропустить момент, когда пора „ломаться“ и „выдавать информацию“. Хоть бы меня на это хватило…

Жаль, что сирень еще не зацвела…»

Глава 13

В жизни величайших людей всегда найдутся унижающие их моменты. Не зря, видимо, говорится, что человек может быть героем для кого угодно, но только не для слуг. К этому вполне можно добавить, что и в своих собственных глазах человек перестает быть героем, едва он оказывается в зубоврачебном кресле.

А. Кристи

Редко кому удавалось удивить Повелителя настолько, чтобы его изумление было видно даже при вечно закрытом лице. Брат Чань мог бы гордиться собой, ибо ему это удалось.

— Что это? — произнес наконец онемевший от изумления Повелитель после продолжительной паузы, понадобившейся для того, чтобы обозреть делегацию и ничего в происходящем не понять.

— Позволите доложить? — почтительно склонил голову глава департамента.

— И как можно скорее.

— Сегодня днем господин

наместник обнаружил, что из его стола исчез артефакт, который он, по его словам, добыл для вас и намеревался вам доставить, но почему-то несколько раз об этом забывал. По какой-то причине он не пожелал привлекать к поиску меня или иных подданных и предпринял попытку сделать это лично. Насколько представляется возможным реконструировать события, господин наместник заподозрил в краже брата Аркадиуса и явился к нему, дабы проверить свои подозрения. Брат Аркадиус был им застигнут в момент составления доноса. Похищенный предмет

находился тут же на столе, в коробке. Вот, почтеннейше прошу взглянуть. Это собственно артефакт, это — неоконченный донос. От себя лично спешу уведомить, что большая часть изложенного не является правдой.

Повелитель, осененный частичным пониманием, обратил свой высочайший взор на непромокаемый мешок на одних из носилок:

— Насколько я понимаю, удержать гнев он оказался не в состоянии, даже невзирая на мой запрет.

— Преклоняюсь перед вашей проницательностью, о божественный. Мы постарались по мере возможности

собрать все, что осталось от брата Аркадиуса, и доставили сюда, дабы вы сами оценили степень его заслуг и решили вопрос о его посмертии.

— Вы правильно поступили. Слушаю вас дальше.

— Спустя несколько минут после произошедшего инцидента мы обнаружили господина наместника мертвым в его кабинете. По всем признакам имело место самоубийство, мотивы для подобного поступка у наместника тоже имелись, но точно узнать это можете только вы, спросив его самого. Соизмерить степень его вины и заслуг также не вправе никто, кроме вас.

Повелитель молча подошел ко вторым носилкам и откинул край покрывала. Он не произнес ни слова, а лицо надежно скрывала вуаль, поэтому даже самые наблюдательные подданные так и не смогли понять, огорчен ли он смертью ученика, разгневан ли, или же воспринял с облегчением как самый простой выход из сложившейся нехорошей ситуации.

Уделив покойному не более десяти секунд своего божественного внимания, он опустил покрывало и кивком велел продолжать.

— Примерно через четверть часа после гибели господина

наместника, — послушно продолжил глава департамента, — брат Шеллар, которого я давно разрабатывал по подозрению в шпионаже, был взят с поличным при попытке похитить нимфу и скрыться. Я привез его сюда, потому что вы желали его видеть, но если в связи с открывшимися обстоятельствами он больше не представляет для вас ценности, то я заберу его обратно, поскольку не успел даже допросить. Нимфу я тоже доставил.

Опять наступила тишина, и лишь по тому, куда обращался лик Повелителя, можно было догадаться, что он пристально рассматривает

сначала разоблаченного шпиона, затем нимфу, боязливо выглядывающую из-за его спины, и напоследок — самого докладчика, который, завершив свои пояснения, стоял навытяжку и бесстрашно ожидал высочайшего решения, каким бы оно ни было.

— Я впечатлен, — произнес наконец Повелитель. — Редкое сочетание преданности, интеллекта, умения эффективно работать и достоинства. Представьтесь, дитя мое.

— Глава службы безопасности брат Чань, — отчеканил хин.

— Поторопитесь подобрать на эту должность нового кандидата, ибо

с сегодняшнего дня вы — новый наместник.

— Готов служить Повелителю!

— Нового первосвященника назначите по собственному решению без всяких обсуждений, сейчас не самое подходящее время для интриг и склок.

— Как пожелает Повелитель.

— Вопросы есть?

— Да. Что мне надлежит знать как наместнику, чего я до сих пор не знал, будучи его подчиненным? Какие инструкции я должен получить от вас, какие задачи не успел выполнить прежний наместник? И каковы будут ваши распоряжения касательно

бывшего советника Шеллара? Считаете ли вы нужным, чтобы я допросил его и предоставил вам доклад, или желаете допросить сами? И еще брат Хольс — вы, вероятно, помните, он был здесь три дня назад — категорически потребовал, чтобы я передал вам его просьбу. Он жаждет устроить показательную публичную казнь, и кандидатура советника, по его мнению, подходит как нельзя более.

— Вы, как я вижу, не разделяете мнения вашего соратника и передали мне его просьбу исключительно из личной порядочности? — заметил Повелитель.

— Ваша проницательность свыше доступного простому смертному, — склонил голову брат Чань. — По моему скромному разумению, публичное разоблачение и казнь бывшего правителя этой страны будет иметь эффект обратный тому, на который рассчитывает брат Хольс. Нам невыгоден король-мученик. Король-изменник будет гораздо полезнее.

— Оставить его здесь и распространить в народе слух, что брат Шеллар вознесен в чертоги Повелителя за особые заслуги?

— Если так будет угодно Повелителю.

— Угодно. А теперь… сколько времени у нас осталось? — Повелитель взглянул на часы. — К сожалению, я не успею дать вам все надлежащие инструкции. Посвятите следующие три дня наведению порядка и решению кадровых вопросов, а также тем областям деятельности наместника, которые были вам известны ранее. Все необходимые разъяснения и распоряжения я дам вам в следующий сеанс в письменной форме. Шпиона я оставлю у себя и допрошу лично.

— Сейчас? — живо поинтересовался брат Чань.

— А вы столь сильно желаете

при этом присутствовать?

— Да будет мне позволено объяснить, это не прихоть. Мне необходимо выяснить, как осуществлялась связь, и как можно скорее. Тогда у нас будет шанс захватить связного и выйти на более значительных участников заговора. Как только сообщники узнают, что случилось с советником, связь тотчас же оборвется, а до следующего сеанса они это точно узнают.

— Профессионал остается профессионалом в любых обстоятельствах, — с одобрением качнул вуалью Повелитель. — Что ж, если мы успеем до закрытия портала

добиться от советника правдивых показаний, почему бы и не начать сейчас. — Он щелкнул пальцами, не оборачиваясь, и к нему немедленно подскочили с двух сторон два младших мага. — Отведи девушку в жилой бокс, устрой со всеми удобствами, на охрану поставь халков, и если кто-то хотя бы попытается к ней прикоснуться — уйдет на корм без права Перерождения. Ты, — он повернулся ко второму, — распорядись подготовить лабораторию номер четыре и приведи туда доктора Пахма. Кайден, бери этого красавца и тащи туда же. Наместник Чань, следуйте за мной.

Ни Повелитель, редко снисходящий до того, чтобы наблюдать за выполнением своих приказов, ни новоиспеченный наместник, торопящийся последовать за ним не отставая, не заметили, как пленник и его конвоир, сделав шаг вслед за высочайшими персонами, одновременно обернулись и задержали взгляды на укрытых покрывалом носилках.

И в одном, и в другом промелькнули сочувствие и сожаление.

В следующий миг их взгляды случайно встретились и тотчас же обрели привычную бесстрастность с

легким оттенком неприязни.

— Почему так долго? — недовольно поинтересовался Повелитель, когда Шеллар и его провожатый появились в дверях.

— Он хромает, — коротко и без всякого выражения пояснил Кайден, вталкивая пленника в комнату и закрывая за собой дверь. — Еле доковылял.

Шеллар, который всю дорогу на попытки понукать огрызался и бессовестно предлагал себя отнести, на этот раз промолчал.

— Что у него с ногой? — Белая вуаль повернулась в направлении

брата Чаня, и тот немедленно отрапортовал:

— Подстрелили при аресте.

— Пуля еще там?

— Арбалетный болт, о божественный. Удалили, так как мешал ходить, а носить этого негодяя на носилках — много чести.

— Как приятно пообщаться с человеком, умеющим докладывать быстро, четко и по существу… — мечтательно вздохнул Повелитель и жестом велел Кайдену посторониться. — Пока мы ждем нашего дорогого доктора, можно заняться предварительной подготовкой. Господа, во избежание

неприятных случайностей встаньте за моей спиной. В маленьком помещении разброс может исказиться. Мне-то ничего, а вы живые…

Убедившись, что между ним и объектом никто не стоит, Повелитель аккуратно снял перчатку с правой руки и поднял вуаль, забросив на голову. Ожидаемого эффекта его жест не возымел — пленник уставился на божественный лик без трепета, но с наглым и непочтительным любопытством. Ему действительно было интересно своими глазами увидеть этот уникальный образец нежити, тем более сейчас, пока не

началось…

— Осторожно, — предупредил Повелитель. — Если срикошетит от стен — прячьтесь за меня.

Черная, почти материальная струя Силы рванулась из его ладони прямо в лицо Шеллару. Удушливая мгла залепила глаза, ворвалась в легкие, хотя он и пытался задержать дыхание, ледяными иглами обожгла кожу. Откуда-то возникла нелогичная, но чудовищная по своей силе уверенность, что он умирает, и Шеллар еще успел удивиться — почему так легко и быстро, неужели Повелитель надеется его поднять, ведь его предупредили еще две с

лишним луны назад…

Затем боль и удушье отступили и остались лишь холодный, панический страх, точь-в-точь как год тому назад при виде белого бархата, и странное, опустошающее чувство, будто все кончено, сопротивляться бесполезно и лучше всего было бы действительно умереть.

— Менталисты утверждают, — разглагольствовал между тем Повелитель, словно профессор за кафедрой, — будто в качестве предварительной обработки лучше всего подходит «игла страха». Я категорически с этим не согласен. «Змеиный ветер», если, конечно, не

увлекаться и вовремя его нейтрализовать, дает гораздо более ощутимый эффект. Остаточные явления после этого заклинания превосходят по силе воздействия…

«Змеиный ветер… — вспомнил Шеллар, изо всех сил пытаясь овладеть собой и привести мысли хотя бы в относительный порядок. — Так вот что чувствовал Кантор, когда хватил той гадости в Хине… вместо меня, кстати… Нет, ну нельзя так… надо собраться… ведь знаю же, что это всего лишь наведенные ощущения, последствия заклинания. Угнетенное состояние и приступы немотивированного страха. Знаю,

понимаю и все равно не могу справиться. Проклятье, тут и мотивированного страха предостаточно, еще и эта пакость…»

— А вот и доктор. Прекрасно, у нас есть еще минут двадцать-двадцать пять, поэтому не будем терять времени. Кайден, помоги доктору зафиксировать пациента на столе.

Невысокий сухонький вампир, чем-то неуловимо похожий на своего Повелителя, без лишних слов поставил чемоданчик, легко подхватил за пояс и за шиворот «пациента» вдвое крупнее себя и столь же легко потащил к «столу».

«Даже не спросили, — обреченно

подумал Шеллар, все еще пытаясь справиться с охватившим его ужасом, — а вдруг я и так готов рассказать все, что знаю? Всего лишь за такую малость, как легкая и быстрая смерть? Впрочем, я слишком много и успешно их обманывал, чтобы Повелитель согласился поверить моим словам, сказанным добровольно… Придется все же побороться… хоть немного… сколько смогу… чтобы добыча не показалась им слишком легкой и недостойной доверия…»

Тратить силы на бесполезные попытки сопротивляться он счел глупым и недостойным. Молча

позволил уложить себя на то, что здесь возвышенно обзывали «столом», и пристегнуть все требуемые ремни и браслеты, лишь один раз не удержал стон — когда вампир грубым рывком затянул очередной ремень почти рядом со свежей раной.

— Очень хорошо, — одобрительно прокомментировал Повелитель. — Теперь отрегулируйте стол. Сильно разводить ноги не надо, не дама, только чтобы удобно было работать с левым бедром. А головной конец поднимите повыше, чтобы пациент имел возможность наблюдать и впечатляться.

Шеллар едва удержался от

уточнения, что и так давно уже впечатлен дальше некуда и демонстрация богатого докторского инструментария вряд ли это состояние усугубит. К его удивлению, это оказались не знакомые с юных лет приспособления для добычи показаний, а действительно медицинские инструменты, но сей факт Шеллар отнюдь не счел утешительным. Напротив, он понял, что именно сейчас будет, и малодушно пожалел, что не застрелился, пока можно было.

— Аккуратно осмотри, обработай, где нужно — ушей сосуды, — объяснял между тем

Повелитель. Доктор понимающе кивал. — Рану зашивать не надо… Нет-нет, ничего лишнего пока не отрезать, только иссечь поврежденные ткани, как обычно. Все, что сверх того, — только по моему указанию. Кайден, ты готов?

— Да, — коротко произнес тот где-то позади.

Эта новость не понравилась Шеллару еще сильнее, чем предстоящее знакомство с экстремальной хирургией. Там по крайней мере все было понятно, известно и предсказуемо — сейчас его начнут резать и шить, и это будет очень больно. А вот что собирается

делать маг, скрывшийся за его спиной? Сдирать скальп? Резать уши? Или попытается сканировать? И в этом заключается причина странной уверенности Повелителя, что за двадцать минут они управятся?

Обрывки штанины и окровавленный бинт полетели на пол, и в следующий миг Шеллару показалось, что ему не палец в рану сунули, а раскаленный штырь в мозги. Или и то и другое одновременно.

Вопрос «достойно ли кричать в такой ситуации и что об этом скажут двадцать поколений королей-воинов?» утратил какую-либо значимость почти мгновенно.

Единственное, на что еще хватило чудом сохранившейся части рассудка, — это не кричать ничего членораздельного.

Хотя бы в первые минуты.

Беда лишь в том, что когда тебя режут живьем и ковыряются в открытой ране, следить за временем и отсчитывать минуты нет никакой возможности.

Когда боль немного ослабла и стала относительно терпимой, Шеллару показалось, что прошло уже несколько часов. Но стоило ему перевести дыхание и открыть глаза, как первым делом он увидел все того же брата Чаня, терпеливо

ожидающего разрешения задавать вопросы.

«Значит, прошло всего-то несколько минут, — сообразил он. — Не более десяти, во всяком случае. А я уже дошел до состояния мятой тряпки. Боги, ну почему я так глуп и самонадеян и, более того, — неспособен учиться на собственных ошибках… Что мне стоило вовремя застрелиться!»

— Можете спрашивать, — любезно предложил Повелитель, и брат Чань немедленно взялся за дело с рвением, которое частенько обуревает людей в первые дни после нежданного назначения на высокую

должность:

— Как вам удалось обойти посвящение?

Надо отдать ему должное — даже после неслыханного возвышения брат Чань остался по-прежнему рационален, вежлив и немногословен…

— Мне не удалось… — прохрипел Шеллар и, не удержавшись, искоса взглянул на руки доброго доктора — не возобновит ли свою работу посреди фразы. Пинцет и скальпель неподвижно зависли над «рабочим местом», готовые продолжить по первому сигналу. — Меня достали уже оттуда.

— Когда?

— Примерно через неделю…

— Точнее?

— Тот день, когда я упал с лестницы в библиотеке.

— До того дня вы пребывали еще под действием посвящения, и все сказанное вами тогда является правдой? Касательно подполья, жены и всего остального?

— Да.

— Кто вернул вас назад?

— Какой-то маг. Я его не знаю… А-а-а-а-а!!! Я правда не знаю! Его послал за мной мэтр Максимильяно, но я его видел впервые в жизни!!! Даже не его самого, а проекцию в

субреальности!

— Как осуществлялась связь?

— Через забор…

— Какой забор?

— Ограду особняка. Я выходил гулять в сад, мне перебрасывали все, что нужно. Записки, яды, другие нужные снадобья… А-а… Не надо! Это правда!

— Это не все. Как вы передавали сведения? Не вздумайте лгать.

— Они связывались со мной магически.

— Кто?

— Мэтр Максимильяно и тот, другой… они неклассические… они могли…

— Так вы спланировали уничтожение двух излучателей и побег драконов с девушкой?

— Да.

— Поэтому она не смогла правильно изобразить нужные буквы?

— Да. Ей передавали через третье лицо.

— Адъютанта зарезали тоже вы?

— Да, я.

— Мастера Ступеней отравили вы?

— Да.

— Астуриас ничего не знал?

— Вероятно, догадался, раз сбежал.

— Но он был ни при чем?

— Абсолютно.

— Что с агентом в Лондре? Вы предупредили о нем?

— Да. Элвис ищет… Это правда, правда!!! Он знает, что агент существует, но до сих пор не сумел обнаружить его во дворце…

— Что такого важного в нимфе?

— Я не знаю… Нет! Пожалуйста! Не надо! Я не знаю, не знаю! Мне передали только задачу — не допустить… ну перестаньте же! Я не могу так говорить… Мне передали одно: не допустить, чтобы она попала к Повелителю, потому что если он переспит с ней до созревания, это будет катастрофа. Какая именно и

насколько страшная — умолчали. Сказали только, это очень важно, но почему — не объяснили. Обещали все рассказать по окончании. Сочли, что мне лучше не знать лишнего. Мэтр нюхом чуял, что какая-нибудь накладка да случится… А у него отличный нюх, не то что у меня…

— Вы собирались бежать вместе?

— Да.

— Каким образом?

— Телепортом… С наместником… Я не хотел его бросать, хотел взять с собой. Поэтому получилось так долго… Мы не успели… Кто же знал, что он сломается… Его смерть спутала мне

все планы…

— Известно ли вам что-либо о других планах ваших соучастников?

— Излучатели… мы искали способы добраться до оставшихся… Мы должны были успеть до осени… Пока я ничего не успел придумать… из-за нимфы… был занят…

— Ваша роль в истории с братом Джарефом?

— Никакой. Он действительно затеял все сам. Я всего лишь дождался, когда он начнет действовать, чтобы вмешаться.

Только сейчас Шеллар заметил, что после каждого его ответа брат Чань почему-то переводит взгляд с

допрашиваемого на некую невидимую точку поверх его головы.

— Зачем?

— Чтобы наглядно показать господину наместнику истинную цену его сподвижников. Чтобы он не считал их друзьями и вообще достойными людьми. Чтобы, когда придет час выбора, расстался с ними без сожалений и колебаний.

Повелитель, следивший за допросом в полном молчании, похожий на статую в своем неподвижном одеянии с вуалью, неожиданно подал голос, и эффект от этого получился такой, словно действительно статуя вдруг

заговорила:

— Наместник, ваше время подходит к концу.

— Благодарю вас, Повелитель. — Брат Чань одним движением развернулся в нужном направлении и подтвердил свою благодарность глубоким поклоном. — У меня осталось еще несколько вопросов, но они могут подождать.

— В таком случае поторопитесь. Телепортист ждет вас за дверью.

Когда новый наместник, попрощавшись персонально с каждым присутствующим (даже с Шелларом), исчез за дверью, Повелитель помолчал еще несколько минут, затем

перевел взгляд все туда же, в загадочную точку, которую Шеллар так и не смог высмотреть даже краем глаза. Как ни пытался он вывернуться и удовлетворить свое любопытство, голову ему зафиксировали тоже надежно.

— Кайден, ты ничего не упустил?

— Нет, о Повелитель, — прозвучало сзади. — Я был внимателен.

— А почему так долго подключался?

— Там стояла ловушка, мне пришлось с ней повозиться.

— Вот как? Какая именно?

— Я никогда такой не видел.

Школа близкая к нашей традиционной, но поставлено было на классического сканирующего мага. Если бы вы попытались сами его сканировать, то попались бы. Меня спасла только моя неклассическая школа, но понадобилось время, чтобы обойти.

Шеллар похолодел. Все это время, пока он думал, что работает по плану, его втихомолку сканировали! Даже хитрая ловушка мэтра Максимильяно не помогла! Вот зачем туда поглядывал брат Чань, и вот почему он так точно распознавал ложь и недомолвки — ему подавали условный знак… Но почему тогда

этот Кайден промолчал, когда речь зашла об Азиль и лондрийском агенте, через которого передали информацию о ней? Ведь Шеллар солгал, и маг это видел, но почему-то не просигналил… Почему?

— А снять ты ее не смог? — продолжал расспросы Повелитель.

— Нет, к сожалению. Чужая школа, неизвестные методики, мне это не под силу.

— И ты не смог выяснить, что там не то с этой нимфой, почему ее так старались спасти от меня, что пожертвовали столь ценным агентом?

— К сожалению, он действительно знает не больше того,

что сказал.

Высшие силы, что же здесь происходит? Ведь этот верный слуга Повелителя врет своему обожаемому божеству столь же нагло и откровенно, как и покойный Харган! Почему? Неужели тоже втрескался в нимфу с первого взгляда? Или все еще проще и материальнее: незадачливый брат Шеллар — не единственный агент в стане врага, и сейчас он наткнулся на коллегу неизвестного происхождения, который преследует те же цели?

Кружевная физиономия Повелителя на несколько мгновений замерла, словно он пристально

всматривался во что-то, — Шеллар так и не понял, в него или в мага за его спиной.

— Кайден, — произнес наконец Повелитель, — мне показалось, или тебя что-то очень сильно взволновало? Ты выглядишь… подавленным.

Не хватало, чтобы сейчас и этого тоже разоблачили и еще через десять минут они дружным дуэтом проорали всю правду о нимфе и ее предназначении…

— Возможно, о Повелитель, — дрогнувшим голосом отозвался Кайден. — Я действительно взволнован и, может быть, подавлен,

но разве у меня нет на то причины?

— И что же это за причина?

— А разве вы не помните? Ведь я говорил вам, когда просил отпустить меня в тот мир…

— Ах, верно, я постоянно забываю такие мелочи. Мастер Ступеней был твоим братом, и ты рвался искать его убийцу, которого прошляпил Харган со своими бестолковыми подданными, верно?

— Да, о Повелитель. Теперь я его нашел. Я не знаю, что вы хотите с ним сделать, но осмелюсь вас просить… разрешить мне… поучаствовать.

Значит, сходство ему не почудилось… Этого еще не хватало…

можно подумать, без участия мстительных родственников покойного мастера его смерть будет недостаточно медленной и болезненной…

— Хм… Надо подумать… — Повелитель перевел взор на доктора-вампира, который терпеливо ждал указаний, между делом развлекаясь тем, что ловил пальцем капли крови пациента, стекавшие из свежего разреза, и задумчиво слизывал. — Пахм, прекрати баловаться, даже мне смотреть неприятно. Ты закончил?

— Шить? — деловито уточнил доктор, нацелившись пинцетом. Шеллар непроизвольно вздрогнул и

сжался.

— Погоди… — Повелитель подошел вплотную и, склонившись над ним, прошептал что-то, как показалось Шеллару, прямо в открытую рану. — Теперь просто стяни кожу, чтобы не распадалось, и довольно.

Доктор флегматично подцепил пинцетом иглу и принялся снимать крючки и сводить края. Пациент вскрикнул и напрягся, но ремни держали прочно.

— «Могильные черви»? — понимающе кивнул Кайден.

— Да, — задумчиво ответствовал Повелитель. — Думаю, они будут

кушать его не торопясь и со вкусом. Не меньше цикла. У тебя будет масса времени налюбоваться и утолить свою жажду мести. Тебе ведь не обязательно… собственноручно?

Маг пожал плечами.

— Вы же знаете, я работаю не руками. А потом? Когда он все же умрет, через цикл или как получится? Вы поднимете его и продолжите?

— Как ты догадался?

— Я бы сам так поступил.

— Я бы тоже очень хотел, но, насколько мне известно, поднять его не получится. Впрочем, если ты смог обнаружить ловушку на сканирование, то, возможно, найдешь и блокировку

от поднятия. И если ты все же сумеешь ее убрать или найдешь способ обойти, у нас будет прекрасная возможность продолжить и после смерти.

— Я обязательно поищу, — с энтузиазмом закивал мстительный брат мастера Ступеней. — И вообще пороюсь в его памяти, может, еще что-то полезное найду.

— Можешь порыться, если желаешь, но это лишнее. Через пару дней он сам расскажет все, что сможет вспомнить, включая догадки и подозрения. А пока пусть полежит. У меня есть некоторая надежда, что соратники станут его искать и даже,

возможно, попытаются спасти. И на этот раз их будут ждать несколько иные сюрпризы.

— Вы безгранично щедры, о Повелитель. — Кайден благодарно склонил голову. — Я все же поковыряюсь в его памяти. И осмелюсь добавить к вашему наказанию кое-что от себя.

— Это то, о чем я думаю? — Голос Повелителя прозвучал неуместно лукаво и где-то даже игриво.

— Да, о божественный. Я намереваюсь подкрепить телесные муки душевными, независимо от того, будут ли они вечны, или продлятся

всего цикл.

— Уж постарайся найти этот блок. Вечные они как-то интереснее.

Шеллар так и не успел разобраться, что они имели в виду и какой еще пакости ему стоит ожидать. Боль в растравленной ране, которую сноровисто сшивал безмятежный вампир, снова начала усиливаться, словно там, внутри, что-то шевелилось, ворочалось и мелкими острыми иголочками тыкалось в обнаженную плоть.

Повелитель не шутил — там действительно что-то есть, и это что-то уже начало пожирать его изнутри… Предстоящая казнь

действительно будет мучительной и долгой. Если память не изменяет, их цикл — это чуть больше луны…

«Ну почему, — мысленно простонал Шеллар, уже понимая, что мысленными его стоны останутся очень и очень недолго, — почему я тогда не застрелился?…»

— Ну и чем бы мне заняться? — сам себя спросил Повелитель, остановившись у выхода на лестницу и прислушиваясь к истошным воплям, доносившимся из лаборатории номер четыре. — Поднять этого болвана или поговорить с нимфой?

Кайден почтительно молчал. Или

просто не хотел отвлекаться от приятных его сердцу звуков.

Где-то этажом выше хлопнула дверь, и визгливый голос Нимшаста истерически вопросил в просторы коридоров, кто это орет и почему левой руке Повелителя, страдающей от невыносимой мигрени, невозможно спокойно прилечь на пять минут.

— О, действительно! — обрадовался Повелитель. — Почему это моя левая рука мается от безделья и даже не знает до сих пор, что она опять правая, а я тут между двумя делами разрываюсь? Кайден, ну-ка сбегай за ним, введи в курс дела и

передай мой приказ. Пусть он займется Харганом, а я поговорю с девушкой. Может, она сама мне что-нибудь вразумительное объяснит, хотя нимфам это и несвойственно…

— Что именно? — полюбопытствовал Кайден и получил исчерпывающий ответ:

— Объяснять вразумительно. Эти существа то ли не от мира сего, то ли с большой придурью. Но попробовать все же стоит.

— А что поднимать?

— Пока — нестабильного духа. Когда я с ним поговорю, решу окончательно. Надо все-таки выяснить, что там случилось, вдруг

его на самом деле убили. А если сам, то почему? Страх наказания? Раскаяние? Или бедняга просто утратил рассудок?

Возложив таким образом задачу на нерадивого помощника, Повелитель отправился в жилой блок, где без труда нашел нужный бокс по торчащим у двери халкам. Можно было и не трудиться самому, а приказать, чтобы пленницу к нему доставили, но что-то подсказывало — чем меньше посторонних будет вертеться вокруг их беседы, чем уединеннее и доверительнее она окажется, тем больше шансов разговорить перепуганную нимфу.

С первого взгляда на бесценную добычу Повелитель понял, что зашел не в самый удачный момент. И виноват во всем Нимшаст, который своими воплями сбил его с мысли, он и будет за это отвечать.

— Когда в жилище моих подданных вхожу я, — наставительно произнес он, слабо, впрочем, надеясь на то, что подобные наставления производят эффект на плачущих женщин, — при виде моей персоны надлежит прекратить все личные дела и встать, приветствуя меня.

Она послушно умолкла и встала, ни словом, ни жестом, ни выражением лица не показав ровно

ничего. Даже глаза, из которых по-прежнему обильно струились слезы, ухитрялись ничего не выражать. Что угодно ожидал увидеть Повелитель на этом прекрасном застывшем личике — вызов, страх, покорность, упрек, ненависть, обиду, что угодно, но не это чудовищное «ничего», свойственное скорее зомби, чем живым людям.

— Почему ты плачешь?

— Потому что все плохо, — произнесла она. Несмотря на потоки слез, голос ее не прерывался, и сказанное прозвучало скорее печально.

— Что именно — все?

— Все. Харган умер. Шеллар страдает. Я… мне плохо здесь, здесь все мертвое, как в могиле, стены давят со всех сторон, везде боль и злоба… Это очень плохое место.

— Ты можешь сесть, — великодушно разрешил Повелитель, которому надоело стоять столбом, и подал пример, заняв единственный стул. Девушка одним быстрым движением вспорхнула на кровать с ногами и опять замерла, выпрямив спину и не утирая бегущие слезы. — Итак, мы начали говорить о плохом. Мне тоже жаль Харгана, но не ты ли сама виновата в том, что с ним случилось?

— Нет, — вскрикнула она, мгновенно утратив свою пугающую «никаковость», и в очаровательных темных глазах появилась искренняя боль. — Не я.

— А кто же?

— Ты. И… еще что-то… что-то такое, что сильнее меня, сильнее тебя и сильнее любого мага.

— Я? — Повелитель от возмущения едва не потерял дар речи. — То есть мне следовало подарить ему тебя и просто подождать, пока вы оба не умрете?

— Дело не во мне. Ты оттолкнул его, когда ему было плохо. Ты ведь мог объяснить, что не сделаешь мне

ничего плохого, что он напрасно переживает и боится, что ты не собираешься меня обижать и ничего со мной не случится. С остальным он бы справился. А ты бросил его, когда ему нужна была твоя поддержка.

— Реальность сильно отличается от воображения чувствительных девиц, но я не стану тебе ничего объяснять, потому что у тебя все равно не хватит разума это понять. Лучше объясни подробнее насчет могущественного «чего-то», для которого не можешь найти названия.

— Я не могу. Я сказала то, что поняла.

— То есть это не иносказание и

ты не имела в виду любовь?

— Нет. Любовь была уже потом, а это было причиной. И любви, и всего остального.

Надо будет поинтересоваться у самого Харгана, что он может поведать об этой странной силе, если, конечно, он ее почувствовал…

— Что ж, раз не можешь, не буду настаивать. Я имею представление о внятности объяснений, которые дают нимфы, и не надеюсь услышать что-то вразумительное. Теперь касательно страдающего советника, которого ты так жалеешь. Тебе следовало бы понимать, что он взрослый человек и знал, на что идет, когда затевал со

мной игру в «кто кого ловчей обманет». Кстати, в отличие от тебя он принял правила этой опасной игры и даже сейчас на проигрыш не жалуется. И не жалеет себя. Так что твое сострадание ему ни к чему. А уж просить меня о снисхождении — верх тупости.

— Я знаю, — просто ответила она, чуть кивнув точеной головкой. — Ты злой и безжалостный. И тебе нравится, когда твои враги страдают. Зачем просить, если знаешь ответ.

— Ты можешь объяснить, зачем ты пришла ко мне, если я такой нехороший и не нравлюсь тебе?

— Не могу. Что-то повлекло меня

сюда. То самое, что свело с ума Харгана. Или не то самое, но похожее. Наверное, я тоже умру.

— Откуда такие мысли?

— Ну, он же умер…

Когда нимфы «что-то чувствуют», к их словам следует прислушаться. Но когда они пытаются логически мыслить и строить причинно-следственные связи, можно затыкать уши и прятаться в самый глубокий бункер… Гениально, ничего не скажешь.

— Может быть, тебе так кажется потому, что тебе здесь плохо?

— Не знаю. Наверное, нет. Это плохо, но от этого не умирают.

— Я не нарочно поместил тебя сюда и вовсе не намеревался причинять тебе страдания, но обеспечить тебе солнечную полянку с деревьями и цветами у меня нет возможности. Поэтому придется потерпеть. Ты знаешь, зачем ты мне нужна?

Нимфа медленно покачала головой.

— Я только знаю, что очень нужна тебе. Но не знаю зачем.

— Когда ты созреешь, ты должна будешь кое в чем мне помочь. Всего лишь подержать одну вещь, пока я буду колдовать. Это несложно.

— Хорошо, — рассеянно кивнула

она. Слезы наконец остановились, и взгляд сделался задумчиво-отсутствующим. Странные они все же существа, эти нимфы… — А до тех пор?

— До тех пор ты мне не нужна. Просто посидишь здесь.

— Ты позволишь мне увидеться с Элмаром?

— Если он будет хорошо себя вести. Пока он не вызывает у меня доверия. Так и высматривает, как бы сбежать. Боюсь, если он окажется рядом с тобой, то не устоит перед искушением. А мне не хотелось бы тебя потерять, если кого-то из вас случайно убьют.

Она ничего не ответила. Просто приняла к сведению. Даже не спросила, что с ними обоими будет потом, когда Повелитель получит то, что ему требовалось. Ей это безразлично? Или она просто уже знает? Или полагает, что об этом пока рано говорить? Как бы то ни было, заводить разговор об отдаленном будущем действительно сейчас не время, а лучше аккуратно подобраться к самой интересной теме.

— Тебе обязательно нужны мужчины на каждую ночь, или ты можешь без этого прожить?

— На каждую — не надо. Это много. Последние пару недель у меня

был мужчина каждую ночь, и я очень устала. Я отдохну несколько дней. Но потом, наверное… не знаю… может быть, Элмар будет вести себя хорошо и ты ему позволишь? Или дашь мне взглянуть на твоих подданных, может, среди них найдется кто-то… не очень плохой.

— А если, например, я предложу тебе свою кандидатуру? — Повелитель постарался, чтобы это прозвучало весело и несерьезно, чтобы в случае чего можно было легко перевести все в шутку.

Нимфа потрясенно распахнула глазищи и вскинула голову.

— Но зачем? Зачем тебе? Ты ведь

мертвый.

— Ну а что тут такого? Мертвые тоже имеют желания и не хуже живых способны ценить женскую красоту. Я могу выглядеть несколько непривычно или казаться холодным на ощупь, но в действии ничем не отличаюсь от обычного живого любовника. Тебя ведь не смутила и не оттолкнула внешность Харгана?

— Дело не в том, как ты выглядишь и способен ли ты заниматься любовью. Наши Силы… они слишком разные и даже… даже… враждебные.

— Брось, моя Сила ничем не отличается от Силы любого

классического мага, что в ней может конфликтовать с твоей?

— Не отличалась, пока ты был живым. Теперь она другая. Ничего хорошего у нас не выйдет.

— Плохо будет тебе или мне?

— Обоим.

— Тебе будет так же плохо, как от пребывания в этом месте?

— Да, только сильнее.

— И мне будет точно так же, я верно понял? А в остальном?

— В чем?

— Что со мной произойдет после этого? Ведь со всеми что-то происходит?

— Что ты, я никогда не могу

знать заранее, что произойдет с мужчиной после ночи со мной. Даже с живым. Если я сейчас начну вспоминать, что бывало, мне не хватит всей ночи, чтобы перечислить.

В целом ее ответ не противоречил общеизвестным сведениям о нимфах, и дальнейшие расспросы вряд ли что-то прояснили бы. Пожалуй, стоит попрощаться, дать глупышке время опомниться и отдохнуть, а потом можно и вернуться к этой теме. Кажется, возможный конфликт Сил — единственное, что ее испугало, по крайней мере очередной претензии к его злобности предъявлено не было. Что же такое

выяснили Морриган и ее приятели, чего испугались?

Уже на пороге он обернулся и спросил, не надеясь выудить что-либо полезное, а просто из любопытства:

— А что случилось с Харганом? Ты ведь это заметила? Ты никогда не знаешь наперед, но уже случившееся замечаешь всегда?

— Не всегда. Бывает, этого не видно сразу. Но с ним — заметила.

— И что?

— Он просто стал… немного больше человеком.

Открывая дверь в коридор, Повелитель опять заметил, как нимфа вздрогнула, сжалась и часто-часто

заморгала, собираясь опять расплакаться. И подумал, что так можно, чего доброго, и уморить ценную пленницу, ищи потом новую нимфу… Надо будет приказать, чтобы наложили звукоизоляцию на ее бокс. Или на четвертую лабораторию, все равно эти крики скоро надоедят и Кайдену, и ему самому, да и персоналу мешают работать.

Своих первых магов он нашел почти сразу — по доносившимся из лабораторий возмущенным визгливым воплям. Опять Нимшасту что-то не понравилось, а Кайден, взволнованный нежданным свиданием с убийцей брата, не

потрудился сдержать раздражения, и в результате опять скандал, опять нервный лич доведен до белого каления, а угрюмый куфти на все упреки мрачно огрызается и посылает беднягу во всякие нехорошие места. Эх, не будь ориентация левой… то есть уже правой руки такой устойчивой и непоколебимой, можно было бы для начала на нем нимфу испытать, но ведь не сможет, даже по приказу не сможет. А жаль. Интересно было бы посмотреть, что с ним будет. Не вампиров же подсовывать, этих только пусти — не удержатся и выпьют ненароком в пылу страсти…

Скандал резко оборвался, едва Повелитель дернул дверь. Нимшаст прекрасно знал, что наставник не одобряет его непристойного поведения, и, как бы ни расходился, при виде Повелителя всегда умолкал на полуслове, словно в нем звук выключался.

— Опять вместо работы выяснение отношений? — медленно и угрожающе проговорил Повелитель. — Кайден, я тебе неоднократно запрещал нарочно доводить Нимшаста.

Куфти бесстрашно пожал плечами.

— Я даже в мыслях не держал

нарочно его доводить. Просто у него ничего не получается, и он почему-то решил возложить на меня вину за собственную криворукость.

— Тише, тише. — Повелитель жестом остановил ученика, который уже вдохнул для очередного вопля. Нимшаст замер с открытым ртом и полной грудью ненужного теперь воздуха, который не знал, куда девать. — Как — не получилось? Почему?

— Он не поднимается, — пояснил правая рука, восприняв вопрос как разрешение говорить. — Как будто… как будто он уже чей-то и нам нет к нему доступа. Как бывает с

адептами достаточно сильных богов.

Кайден красноречиво хмыкнул.

— Что за глупости! — раздраженно перебил их Повелитель и приблизился к столу, где лежало тело бывшего наместника. — Не думаешь же ты, что Харган в последние пару дней жизни успел поклониться чужим богам, да так впечатляюще, что кто-то из них после смерти взял его под свою опеку? Ну-ка отойди, я сам попробую. И если кто-то хоть звуком нарушит мое сосредоточение…

Помощники умолкли, даже Кайден, кажется, перестал дышать.

Так, все технические моменты были проделаны правильно, ученик

нигде не ошибся, можно просто встать на проложенный им путь и всего лишь влить в процедуру свою Силу — уж ее-то хватит на что угодно, как бы ни увиливал бедный покойник от неприятного разговора. Может, он просто не захотел видеть Нимшаста, потому что не любит его? Харган вполне мог уклониться от вызова, он ведь не простой мертвец, а тоже некромант приличной квалификации. Но от желания наставника он уклониться не сможет, даже если захочет, не хватит у него сил. Ну так приди же, мой ученик, взываю к тебе!..

Вся Сила Повелителя, вложенная

в заклинание, с разгону налетела на невидимое препятствие и растеклась, словно пытаясь найти край, перелиться через него и все же дотянуться до искомого объекта, спрятанного где-то за этой стеной. Он был там, его можно было почувствовать, даже окликнуть (правда, без особой надежды на ответ), но дотянуться до него не было никакой возможности. Нимшаст не солгал и не ошибся — именно за такой невидимой и непроницаемой стеной скрывались всевозможные посмертные сущности, принадлежащие чужим богам. Причем не каким попало, а действительно

могущественным, и не просто поклонившиеся, а отдавшие себя со всеми потрохами. Это было невозможно, неосуществимо и необъяснимо, но его ученик, некромант, убийца и наполовину демон, непостижимым образом ухитрился всучить свою посмертную сущность какому-то доброму божеству. И его не погнали от ворот, не припомнили бесчисленные грехи, не направили к кому-нибудь более подходящему, а приняли и укрыли за невидимой стеной, сквозь которую не пробиться даже самому могущественному некроманту всех времен. Во всяком случае, пока он не

сравняется в мощи с хозяином этого местечка.

Повелитель растерянно опустил руки и вслух сам себя спросил, позабыв о притихших помощниках:

— Но как? Как ему это удалось?

Если у тех и были какие-либо достойные внимания версии, подавать голос не рискнул ни один.

Хотя Мафей мог теперь в любой момент появиться у Саши дома, встречаться они условились, как и прежде, по четвергам. Ей так было удобнее — в этот день было меньше уроков, и отец возвращался с работы позже, а для Мафея день недели

значения не имел.

Вопрос «что надеть» давно утратил всякую важность — теперь, когда юные конспираторы узнали друг друга получше, подобные мелочи уже никак не могли послужить причиной недоразумений. Мафей являлся на свидания в чем был, а хозяйка принимала гостя в домашнем костюмчике и тапочках. Время тоже точно не соблюдалось — вернее, оговаривалось очень примерно, с точностью до получаса, а то и часа.

В тот четверг, выпавший на восемнадцатый день Сиреневой луны, Мафей немного припозднился, так как по не зависящим от него

причинам попал на обед к дядюшке, а уйти оттуда раньше не позволял этикет. Этот обед ему вообще весь день перепортил. Он намеревался утром после занятий разыскать Кантора, порасспрашивать, ходил ли он этой ночью по снам, видел ли Шеллара, как там у него все прошло, а то ведь пока дождешься мэтра Максимильяно с новостями, да к тому же неизвестно, пустят ли «еще маленького» принца на обсуждение этих самых новостей… И на тебе — едва он успел убрать книги и пообещать мэтру после ужина поработать над новым заклинанием самостоятельно, как явился дядюшкин

камердинер с приглашением на семейный обед. И приспичило же дяде именно сегодня официально посвятить племянника в семейную тайну, которая уже перестала быть тайной даже для Ольги, и обсудить нестандартное поколение оборотней. По словам мэтра Силантия, такое в истории королевского дома случилось впервые, и он пребывал в глубокой растерянности. Хотя это заявление и вызвало деликатные улыбки со стороны старших принцев, ибо глубокая растерянность была обычным состоянием придворного мага, причины для беспокойства у него имелись. Комплект защитных

артефактов состоял из четырех браслетов: три взрослых, сохраняющих человеческий разум, и один детский, сдерживающий превращение. Они передавались в семье из поколения в поколение несколько веков; уже никто не помнил, когда точно все это началось и кто этот комплект делал, но не подлежало сомнению, что артефакты штучные, ручной работы, делались по индивидуальному заказу и аналогов в мире не имеют. Как поделить один браслет на двух близнецов, мэтр не имел представления, и где взять еще один — тоже. Единственным полезным результатом обсуждения

была идея проконсультироваться с Толиком, и ради нее, по мнению Мафея, не стоило устраивать такое заседание. Он мог бы высказать эту идею без всяких обедов за две минуты. И не опоздал бы к Саше, да еще и с Диего успел бы поговорить. Прав был Шеллар, когда говорил, что всяческие церемонии только отнимают время и не приносят никакой пользы.

Обычно в ожидании гостя практичная девочка не сидела без дела, а начинала учить уроки, чтобы не терять времени. Но сегодня, второпях прыгнув в соседний мир чуть ли не прямо из обеденного зала,

Мафей застал подружку бесцельно бродящей по комнате, хотя ее и предупреждали, что так можно нечаянно забрести в телепорт и поиметь неприятностей.

— Саша, что случилось? — встревожился он, когда она обернулась, почувствовав его присутствие, и приветствовала гостя всхлипом облегчения.

— Где ты был? Тут такое творится, ты мне так нужен, а тебя нет и нет…

— Меня дядя задержал. А что творится?

Саша еще раз всхлипнула, тщательно утерла глаза и нос мятым

платочком и сообщила:

— Дядя Витя пропал.

— Как пропал? Когда?

— Не явился на эвакуацию. Так папе сказали. И думай что хочешь.

— А мэтр Максимильяно в курсе? Он же умеет…

— Да я знаю, что дядя Макс некромант, и папа, конечно, его попросит, но… он же только одно может сказать: жив или мертв. Да и то не точно. Вернее, если мертв, то точно, а если не пришел — опять же думай что хочешь: то ли он жив, то ли как-то не так умер. Я так боюсь, что папа пойдет искать… Если будет хоть какая-то надежда — он может

рискнуть… И вдруг с ним что-то случится…

— Не бойся, мэтр обязательно уточнит у коллег. Мэтресса Морриган скажет точно, надо только принести ей что-нибудь… Ой, я не знаю, что можно… но спрошу непременно. А пока, хочешь, я сбегаю проверю, что там, в Пятом Оазисе?

— Так давай вместе, — оживилась Саша.

— Нет-нет, сначала я сам. А потом, если там безопасно, вернусь за тобой.

Мафей отступил на шаг, поднял руки и остановился, вдруг вспомнив, что за это время лавку могли занять и

вероятность наткнуться там на посторонних значительно перевешивает вероятность найти пропавшего дядю Витю. «Пожалуй, лучше сначала сунуться в потайную комнату, — рассудил он. — Послушать под дверью, если в подвале пусто — перескочить в подвал. И только все разведав, вылезать наверх».

Вопреки его ожиданиям потайная комната не пустовала. Вернее, не настолько, как ожидалось. Среди четырех голых стен на грязном полу стоял на коленях незнакомый Мафею человек и что-то негромко бормотал себе под нос — молился, скорее всего, судя по сложенным

перед грудью рукам.

Пока растерянный принц пытался понять, откуда здесь взялся человек и не следует ли немедленно отсюда драпать, пока не случилось какого-нибудь межмирового скандала, молящийся поднял голову и обнаружил, что он тут не один. Дальнейшее его поведение плохо согласовывалось с представлениями Мафея о здравом рассудке и разумном поведении.

Незнакомец воззрился на него с безумным изумлением и что-то заговорил, воздевая руки к потолку. Мафей так и не понял, обращался он с просьбой к возникшему из ниоткуда

пришельцу или же благодарил своих богов за подарок. Но едва растерянный эльф пришел все же к умозаключению, что лучше всего отсюда смыться, ненормальный богомолец ухватил его за полу и принялся что-то горячо и торопливо излагать, на этот раз точно ему.

— Извините, — отозвался Мафей, мысленно укоряя себя на нерасторопность. — Я вас не понимаю.

Незнакомец замолчал и свободной рукой несколько раз хлопнул себя по уху.

— А так? — деловито поинтересовался он.

— Так хорошо, спасибо. Так что вы говорили?

— Я говорил, что только что получил новое доказательство бытия Божия, но ведь ни один окаянный безбожник мне все равно не поверит! Я молил Господа о спасении, и он послал мне ангела своего! Разве это не доказывает, что Бог есть и он меня любит!

— Э-э… — еще сильнее растерялся Мафей, слабо представляющий себе, как следует разговаривать с ненормальными мистиками. — Я вообще-то не ангел, если вы заметили…

— Ну, не ангела, а эльфа, какая, к

хренам, разница, — махнул рукой мистик, поднимаясь с колен, но все еще не выпуская камзол спасителя. — Главное, ты вытащишь меня отсюда!

— А как вы здесь оказались? Что вы здесь делаете, и что вообще произошло?

— Сейчас я все расскажу, только умоляю, забери меня отсюда куда-нибудь и дай напиться. Я имею в виду, воды, — торопливо добавил он, хотя Мафей ни о чем другом и не подумал.

— Хорошо, только скажите, вы не знаете, где Виктор и что с ним?

— Не знаю, — горестно покачал головой бедняга. — Как раз перед

тем, как все началось, он пошел к доктору. И не вернулся. Во всяком случае, я его больше не видел.

Мафей подумал немного и решил, что притащить сейчас этого страждущего в комнату к Саше или в квартиру к Виктору будет верхом бестолковости. Сложности-то никакой, секунда дела и капля Силы, но как потом бедный Сашин отец будет объяснять всяким сотрудникам лавочек мистическое перемещение этого недоразумения между мирами? Пожалуй, лучше перебраться в деревушку у реки и поручить беднягу заботам Ллит. А потом посоветоваться с мудрыми мэтрами,

что с ним делать.

Видимо, несчастный мистик просидел взаперти не час и не два, а как минимум сутки, потому что, едва увидев воду, бросился к ней, спотыкаясь и путаясь в мантии, окунулся с головой и напился прямо из реки, совершенно не думая о всевозможной заразе, которая наверняка кишмя кишит во всех водоемах.

— Что вы делаете! — запоздало спохватился Мафей, хотя исправить уже ничего было нельзя. — Она же сырая!

Мистик приостановился, посмотрел на воду и махнул рукой.

— Господь уберег меня от смерти, неужели от какой-то несчастной дизентерии не убережет? И вообще дизентерия — это мелочи, если сравнить со смертью от жажды. Особенно если теперь эту воду запить чем-нибудь покрепче… ну, для внутренней дезинфекции…

— Не получится, — оборвал его мечтания Мафей. — Придется обойтись заботой вашего бога. А теперь объясните мне все-таки, что же случилось? Почему Виктор не явился на эвакуацию? Он заболел? И как вы оказались заперты?

Мистик хлебнул напоследок еще дизентерийной воды, выбрался на

берег и наконец объяснил.

Как оказалось, те самые «сектанты», к которым Виктор ходил выпивать и общение с которыми так не одобрял убас Кетмень, происходили из того же мира, что и прочие лавочники. Только они в лавочке не служили, а действительно занимались какой-то религиозно-просветительской деятельностью. Лично отец Жан (так звали этого бедолагу) загремел в миссию на Каппу в качестве альтернативы лишению сана, ибо его пьянство и непристойное поведение переполнили чашу терпения как начальства, так и паствы. Когда

началась эвакуация лавочек, миссионеров тоже должны были вывезти, но святой отец крайне не вовремя забрел к кому-то в гости, напился до поросячьего визга и проспал эвакуацию. Весьма огорченный этим фактом, он бросился за спасением к другу и собутыльнику Виктору, надеясь, что тот еще не уехал и что у него в машине найдется место для опоздавшего приятеля. Потом зашел еще убас, и господа сели за прощальную трапезу, дабы достойно попрощаться…

«…И опять набраться до фиолетовых гоблинов и еще раз

прозевать отъезд», — мысленно закончил Мафей, но вслух сих непочтительных речей повторять не стал.

Где-то ближе к утру Виктору стало плохо — он вообще почему-то плохо переносит местный самогон, — и он решил зайти к доктору, живущему поблизости, потому что свою аптечку давно упаковал и сдал. А примерно через полчаса после его ухода началась пальба, взрывы и полная неразбериха. Убас первым делом схватился за оружие и куда-то умчался — воевать, наверное. А мирному священнику посоветовал укрыться в подвале, что тот и сделал.

Почему его занесло в ту комнату — он уже не помнит. То ли спьяну, то ли с перепугу, то ли решил, что там будет безопаснее. Но когда он попытался оттуда выйти, оказалось, что дверь привалило снаружи.

— Понятно… — мрачно подвел итог Мафей, хотя на самом деле ничего «понятного» из рассказа священника он так и не узнал. Во всяком случае, он по-прежнему не знал, где Виктор и что с ним случилось. И даже касательно «пальбы и взрывов» мог только строить предположения. — Что ж, пойдемте, я отведу вас в деревню и познакомлю с местными жителями.

— А домой ты меня отвезти не можешь? — с надеждой уточнил святой отец.

— Не могу, — твердо ответил Мафей, окончательно решив не ввязываться, пока не посоветуется с мэтром Максимильяно. — Я из другого мира. Побудьте пока здесь, я обещаю, что поищу способ вернуть вас домой. Но сейчас мне надо вернуться в Пятый Оазис и поискать Виктора. Вдруг он жив.

Объяснение с Ллит и ее односельчанами отняло немного больше времени, чем рассчитывал Мафей, но в конце концов он попрощался с ними и спасенным

священником, наказав последнему вести себя прилично, не пить и не безобразничать, потому что тут ему не снисходительная родина и за подобные вещи его просто выгонят, а то и в рабство продадут.

В подвал, где они с Виктором и Жаком не так давно сразили вампира, Мафей попасть не смог. Наверное, слишком разрушен был подвал, чтобы сохранить ориентиры. Не повезло ему и с комнатой, где он провел несколько не лучших недель в своей жизни. Пришлось возвращаться к Саше несолоно хлебавши и объяснять, что дом разрушен, Виктора нет, а какой-то полоумный мистик сказал,

что перед самым налетом Виктор пошел к врачу и не вернулся.

Разумеется, свидание и беседы о магических школах пришлось отложить и бежать на поиски знакомых некромантов. Да честно говоря, обоим было не до бесед в такой момент.

Наскоро утешив шмыгающую носом девушку, расстроенный Мафей вернулся в Поморье и первым делом сунулся за советом к мэтру, как привык и как сделал бы любой ученик на его месте. И обнаружил, что сегодня поистине день несчастий.

Сначала, увидев полулежащего в кресле наставника, вокруг которого

хлопотали испуганная мэтресса Морриган и нервный мэтр Максимильяно, Мафей не сразу понял, что с ним случилось. За последние дни он как-то уже привык, что два его наставника на самом деле один, и видеть старого мэтра Истрана было столь же естественно, как и молодого Мыша.

— О, Мафей, помоги, — воззвал мистралиец, завидев в дверях нежданного гостя. — Ты же умеешь…

— Не надо! — слабо попытался протестовать мэтр, но его никто не послушал. И только тут до Мафея дошло, что он видит и почему мэтр так не хотел, чтобы он это видел.

— А что случилось? — спросил он, подбегая и пытаясь дрожащими руками провести диагностику. Должного сосредоточения добиться никак не удавалось.

— Опять мэтра сердце подвело, — коротко пояснил мэтр Максимильяно. — Потом объясним, не отвлекайся. Ты можешь снять приступ?

— Да, как только поймаю…

— Успокойся. — Опять постаревший голос мэтра звучал тихо и слабо, но спокойно и уверенно. Кажется, единственным целителем в этой комнате, не впавшим в панику, был сам больной. — Не торопись.

Речь не идет о жизни и смерти, ты все успеешь. Сосредоточься и выстраивай, спокойно и не спеша, как на экзамене. Давай, как я тебя учил.

Неторопливая речь наставника оказала на ученика обычное благотворное воздействие: он тотчас же успокоился и поверил, что спешить и нервничать нет причины, срочно спасать никого не надо, а требуется от него всего лишь несложная лечебная процедура. И все пошло как по маслу — и концентрация достиглась, и векторы выстроились как надо, и воздействие далось легко и безошибочно. Когда спустя десять минут до комнаты

добрался мэтр Хирон, за которым послали давным-давно, его помощь уже не требовалась. Ну разве что перетащить пациента из кресла на кровать, да и то, едва почувствовав себя лучше, мэтр Истран вознамерился проделать это самостоятельно и, наверное, проделал бы, если бы ему позволили. Во всяком случае, лично Мафей не посмел бы возражать, а насчет остальных затруднялся что-либо утверждать. Может, и посмели бы, но насколько успешно?… А вот мэтр Хирон, превосходящий весом и размерами их троих вместе взятых, просто поднял протестующего мэтра Истрана, как

игрушку, и переложил на кровать. После чего задал все тот же закономерный вопрос: что здесь вообще происходит?

Мафей, который тоже хотел бы услышать ответ, навострил уши.

И тут не задавшийся с утра день выложил перед ним главную и последнюю на сегодня страшную новость.

— Да что… — расстроенно махнул рукой мэтр Максимильяно, избегая встречаться взглядом с кем-либо из присутствующих. — То, чего я и боялся. Шеллар не прибыл в условленное место и никак не дал о себе знать. Почтенные мэтры

заглянули в зеркало, так, на всякий случай, мало ли куда его могло занести, вдруг увидят… Ну и увидели… — Он в отчаянии дернул себя за косу и, не удержавшись, добавил: — Я ведь его предупреждал!..

— Что?… Как?… — Не найдя слов, Мафей метнулся к зеркалу, но оно давно было выключено и отобразило только его собственную испуганную физиономию с дрожащими губами. — Покажите!

— Не надо, — мягко произнесла за его спиной мэтресса Морриган. — Правда не надо. Он бы не хотел, чтобы ты увидел его… таким.

— Что с ним? Где он? Почему никто его не спасает?

— Потому что мой сволочной братец только и ждет, чтобы мы за ним пришли!

— Я не заметил там ловушек, — подал голос мэтр Истран.

— Зато я заметила. И как ты думаешь, почему он выбрал самый медленный способ казни из всех возможных? Не потому, что он садист и желал бы подольше полюбоваться мучениями врага! Ему бы и нескольких дней хватило, чтобы налюбоваться! Это он нам время дает, чтобы нашли, увидели, поверили, что есть шанс, и явились спасать

Шеллара. И вот тут-то Скаррон и захлопнет свою ловушку. Он злодей, но не дурак, и второй раз на один трюк не попадется.

— Мы можем как-то засечь эти ловушки и попробовать их обойти?

— Не знаю. Посмотрим, подумаем, время у нас есть. Пусть не целая луна, но по крайней мере пара недель. Посоветуемся со специалистами.

— Жака позовите, — напомнил мэтр.

— Да он рухнет без чувств, едва увидит!

— Ничего-ничего, я уже проверял — «львиное сердце» действует на

него с потрясающим эффектом.

— Ай-яй-яй, коллега, — покачал головой мэтр Хирон. — А бедный юноша знает, что его подвергали запрещенным заклинаниям из школы Потаенных Дуновений?

— Так ведь по жизненным показаниям, — не смутился уличенный нарушитель. — Там выбирать не приходилось.

— И вы полагаете, он согласится это повторить, учитывая, какие после «львиного сердца» последствия и как этот конкретный человек тяжело переживает подобные явления?

— Потерпит, — прошипела Морриган. — Не помрет. И вообще,

чего его спрашивать!

— Думаю, ради Шеллара он согласится и на большее, — возразил мэтр. — Но спросить, конечно же, следует. А давайте прямо сейчас его позовем, я все ему объясню, и сразу начнем…

— Коллега, одумайтесь! — нахмурился кентавр. — Вы… ты… словом, подобные глупости недостойны гранда пятой стихии! Лежите и отдыхайте, а завтра посмотрим на ваше… твое самочувствие… проклятье, как теперь правильно обращаться?

Изобличенный самозванец уныло вздохнул и развел руками.

— Что ж, я правильно догадался, отчего у вас не возникло вопроса, откуда я вдруг взялся…

— Более того, — проворчал мистралиец, — подобного вопроса не возникло даже у вашего ученика.

— Я давно догадался, — признался Мафей, почему-то покраснев при этом, хотя стыдиться ему было решительно нечего.

— Мне невыразимо приятно сознавать, что мой ученик отличается не только умом и наблюдательностью, но и выдающейся тактичностью, — снова вздохнул мэтр. — Если он вам сейчас не очень нужен, я попросил бы его

остаться и побыть со мной немного. Нам есть о чем поговорить, как мне кажется. Да, и не говорите пока никому. Вдруг я опять помолодею и все удастся как-то скрыть…

— Конечно, — заверили оба мага. — Мы никому не скажем, Мафей пусть остается…

— У меня вообще-то была мысль попросить его проводить нас в тот сарай с тараканами… — задумчиво заметила Морриган. — Мне кажется, оттуда и смотреть будет легче, и ловушки щупать удобнее…

— Ой! — вскрикнул Мафей, который из-за нового потрясения чуть не забыл о еще одном человеке,

нуждающемся в спасении. — Я забыл вам сказать! Туда нельзя, там что-то случилось. Дом разрушен, подвал завален, Виктор исчез. И на место сбора он тоже не прибыл.

— О боги! — простонал мэтр Максимильяно, с новой силой принимаясь мочалить кончик косы. — Да они что, сговорились? Будь на моем месте Амарго, точно заявил бы, что братья!..

— Давайте я вас в деревню переправлю, — предложил Мафей. — Вам же все равно. Заодно поговорите с тем ненормальным мистиком, которого я в подвале нашел. Он, правда, знает немного, но, может, вам

будет понятнее…

— Хорошо, сейчас мы найдем Жака, прихватим зеркало и отправимся. А ты проводишь нас — и немедленно назад, к мэтру.

Мафей послушно кивнул, начиная догадываться, зачем понадобился наставнику предстоящий разговор наедине. Уж не для того, чтобы признаться в том, о чем ученик давно догадался. И не только для того, чтобы прояснить подробности этого запутанного дела в задушевном разговоре. Им и помимо сложной судьбы почтенного мэтра было о чем поговорить. Кое о чем важном, о чем кроме них никто не знал.

Глава 14

— Как снять Тигру с дерева, — сказал Иа-Иа, — и никому не повредить! Придерживайся этих правил, уважаемый Пятачок, и все будет в порядке!

А. Милн

Властью, дарованной ему Повелителем, брат Чань распорядился в высшей мере разумно и достойно. В некотором смысле даже не хуже Шеллара.

Прежде всего он сделал то, о чем давно и, как ему казалось, безнадежно мечтал. Поснимал с должностей половину верховных иерархов, которых полагал некомпетентными болтунами (в особенности это касалось брата Вольдемара, успевшего достать своей нечеловеческой гениальностью даже невозмутимого хина). Упразднил департамент Чистоты Веры, включив в департамент Безопасности в качестве отдела. Объединил министерства пропаганды и изящных искусств и поставил во главе брата Хольса, рассудив, что главное здесь — не образованность министра, а

идеологическая правильность. С грехом пополам изыскав переводчика, провел беседу с командирами «божьего воинства» — и с живым, и с вампиром. Прочел братьям по ордену внушительную проповедь, в которой разъяснялось, что отныне их полезность будет определяться по делам, а не по количеству восхвалений. Затем объявил конкурс на вакантную должность верховного иерарха и предложил всем желающим приходить на собеседование в воскресенье, с готовыми идеями и предложениями.

На этом работу с людьми деятельный наместник на сегодня

завершил и занялся работой с документами.

Следующий день брат Чань посвятил визитам в регионы. Полюбовался на пьяного Луи и убедился, что он никому не мешает управлять оккупированной частью Галланта. Вынес последнее предупреждение брату Павсанию, популярно объяснив при этом, что его здесь посадили не для того, чтобы он предавался чревоугодию и размышлениям, не пытается ли его кто-нибудь обидеть. Учинил разнос нерадивым мистралийцам, которые последние полторы луны вообще ничего не делали и были заняты

исключительно подковерной грызней и дележом имущества и титула покойного да Косты.

Управившись с построением подданных, он вызвал к себе всех наличных телепортистов и задал всем один и тот же вопрос: куда еще ездил прежний наместник, с кем еще общался (и о чем) или вел дела (и какие именно). Что следовало понимать «а не пропустил ли я кого, и не надо ли еще кому-то объяснить высшие цели его никчемной жизни?». Телепортисты исправно принялись перечислять ориентиры, а бесценный брат Лю даже припомнил, что господин наместник вел какие-то

записи. Поскольку, по его собственному выражению, от огромного количества государственных дел у него «гребни дыбом вставали», а кроме того, ему еще нужно было одновременно искать больше десятка артефактов, он записывал в специальную тетрадочку, где, когда, с кем и о чем договаривался и когда должен встретиться в следующий раз. Дабы ненароком не забыть и не пропустить важную встречу.

Воодушевленный успехом брат Чань велел разыскать заветную тетрадочку и отнести к нему домой, дабы без помех ее изучить, а сам

решил пока навестить пещеры клана Сигмар. Неизвестно, чем там на самом деле занимался Шеллар и чего наговорил гномам; сомнительно, что они станут вести переговоры с кем-то кроме старого знакомого, но прощупать почву не помешает. Пока боеприпасы исправно поставляются через портал, но кто знает, какую еще пакость изобретут вредоносные чародеи, засевшие на севере? Вдруг связь опять оборвется и придется изыскивать способ выживать самостоятельно?

Телепортист, который уже бывал здесь с Шелларом, указал наместнику нужное место и сообщил, что

«господин советник стучал молотком вот по этому камню». Судя по тому, что камень выглядел весьма приметно и молоток к нему прилагался (на толстенной кованой цепи, дабы не сперли вороватые люди), это был парадный, общеизвестный вход для посторонних. Шеллар наверняка знал и парочку тайных, для своих, но делиться информацией с врагами, разумеется, не пожелал. Что ж…

Брат Чань оглянулся проверить, достаточно ли близко к нему стоят два вампира-телохранителя (а то мало ли, вдруг эти ненормальные гномы агрессивно относятся к незнакомцам), и поднял тяжеленный «дверной»

молоток. Странный гудящий звук сотряс камень, отдался в рукоять молотка и словно всосался в землю, заставив ее слегка завибрировать.

Спустя полминуты каменная плита отодвинулась, словно занавес, представив взглядам почтенной публики с полдюжины мрачных, заросших бородами коротышек в тяжелых доспехах и с топорами примерно в рост владельцев.

— Кто такие, кого ищете? — старательно проговорил один из гномов. Видно было, что язык людей для него чужой и пользуется он им редко.

Брат Чань принялся

представляться и объяснять цель своего визита, но едва слушатели уяснили суть, они тут же перебили его на полуслове и, кратко бросив: «Ждите», исчезли за плитой, которая, словно по волшебству, скользнула на место. Брат Чань отметил, что внутрь их не пригласили, но и взашей не погнали. Следовательно, определенные шансы договориться все же существуют.

Еще минут через десять вход открылся снова. На этот раз делегацию встречал какой-то высокий чин, судя по богато украшенным парадным доспехам и внушительной охране.

— Почему не приехал Шеллар? — спросил он первым делом после краткого приветствия.

— Он был приглашен в чертоги Повелителя и некоторое время проведет там, изучая высшие премудрости, — уклончиво ответствовал гость. — В его отсутствие вести переговоры поручено мне.

— Кем? — поинтересовался гном.

— Повелителем, разумеется, — пояснил брат Чань, мельком отметив про себя, что этот господин не только занимает высокое положение в клане, но и единственный из

присутствующих здесь соплеменников имеет представление о дипломатии. Среди суровой неприязни, легко читавшейся на лицах окружавших его воинов, он один выглядел спокойным и серьезным. Не особо приветливым, это верно, но без видимой враждебности.

— Понятно, — кивнул «дипломат» и, обернувшись, крикнул куда-то в глубь пещеры: — Выносите.

Охрана расступилась, и группа рабочих не вынесла, а с натугой вытолкала наружу огромный тяжеленный ящик.

— Это ему, — пояснил гном, предвосхищая вопросы удивленных

гостей. — Подарок. От короля. К годовщине свадьбы. Как вернется, пусть заходит, будем рады видеть.

Прежде чем наместник успел что-либо сказать, входная плита в одну секунду скрыла от него гномов, дружно и слаженно шагнувших назад. И остался он посреди пустынных гор с двумя вампирами, телепортистом и загадочным неподъемным ящиком.

Все было яснее ясного — ему недвусмысленно, хотя и вежливо, дали понять, что ни с кем кроме Шеллара разговаривать не станут. Что ж… пока они не так и нужны, а если возникнет необходимость — придет время и обсудить со знающими

людьми, как лучше всего поступить с гномами, не желающими разговаривать по-хорошему. Способ наверняка есть, ведь у Блая в Мистралии получилось.

Загадочный «подарок» брат Чань велел переправить во дворец, так как любопытством ненамного уступал Шеллару и жаждал непременно посмотреть, что же такое огромное и тяжелое подарили ему бородатые приятели, кровать, что ли, новую?

Когда ящик со всеми мерами предосторожности был вскрыт и разобран, любознательный наместник с минуту в безмолвии стоял перед обнажившимся содержимым, пытаясь

постичь логику загадочной гномьей души его величества Рутгера Шварца.

В ящике оказался огромный, вытесанный из цельного куска мрамора, украшенный резьбой и инкрустациями ослепительно шикарный саркофаг.

В этот вечер Макс Рельмо засыпал долго и тяжело. Несмотря на трудный день и смертельную усталость, уснуть не удавалось часа полтора. Даже усыпить себя насильно не получалось — тревожные мысли лезли в голову, гнали прочь сон и не давали сосредоточиться.

Ведь предупреждал этого

упертого горе-шпиона: не надо подвигов! Не надо рисковать! Если что не так — бросай все и беги! Нет же, дотянул… На чем он погорел? Нашли перчатки? Азиль сболтнула лишнее? За подсыпанием отравы застукали? Наместник что-то непредвиденное отмочил? Ведь до сих пор непонятно, сработал ли веер на бесконечность…

И самое главное — что он им сказал? Он ведь знал все! Практически все! Если он заговорит, это полный провал всего на свете! А судя по тому, что с ним творится, он может сломаться в любой момент. Если уже не сломался. Морриган

сказала, что его уже казнят, просто очень медленно. И понимай это как хочешь: то ли он уже все сказал, то ли Повелитель решил совместить два равно полезных и приятных дела…

Ни на один вопрос Рельмо так и не нашел ответа, и они кружились в голове, сменяя один другой, так что впору было считать их вместо овец для скорейшего засыпания.

Когда ему удалось наконец уснуть, заждавшийся Дэн уже собирался уходить. К счастью, упреков за опоздание и дурацких предположений насчет похождений по дамам Макс от него не услышал — если кузен и собирался высказать свое

недовольство, все его намерения мигом улетучились при виде убитой горем физиономии опоздавшего. Сам Дэн выглядел не лучше, и Макс тут же вспомнил о пропавшем Витьке. И невольно почувствовал себя виноватым за то, что заставил ждать.

— Что случилось? — спросил Дэн.

— Извини, не мог уснуть, — признался Макс. — Тут такое творится… Пойдем, по дороге расскажу…

— Он все-таки не успел, — огорченно констатировал кузен. — И теперь нам придется его искать, возможно, даже не здесь, а в

Лабиринте… И, возможно, всю ночь… Он хоть жив?

— Он совершенно точно жив. И мы будем его искать сколько понадобится. А если ты хотел по-быстрому от меня отвязаться и кинуться на поиски Витьки, то я тебя просто не отпущу от себя, пока не проснешься.

— О, ты уже знаешь? — встрепенулся Дэн. — Откуда?

— Мафей сказал. Он был там сегодня.

— И что?

— Судя по всему, в ночь перед эвакуацией войска Повелителя взяли Пятый Оазис. Витькин дом разнесло

вдребезги, так что даже телепортом туда теперь не попасть. Осталась только потайная комната, но его там, сам понимаешь, нет. Витьки дома не было, он как раз перед штурмом пошел к соседям, но никто не знает, что было дальше, и пережил ли он этот погром. Я постараюсь выяснить точно, но до тех пор, прошу тебя, не пытайся его искать, потому что вероятность выжить для него очень невелика. А ты сам знаешь…

— Ты еще не искал?

— Я не смогу это сделать без тебя. Я слишком мало его знал. Даже с тобой проблематично, ты ведь только друг, а больше пригодился бы

кровный родственник… Если ты сможешь найти какой-нибудь материал для классических некромантов — волосы, допустим, или кровь, — я попрошу Морриган, она скажет точно. Но забрать это все смогу только в выходной. Ты потерпишь?

— Хорошо, — напряженно кивнул Дэн. — Я подожду до выходного. А тем временем поищу то, что тебе нужно.

— Договорились. Почему ты остановился?

— Слушаю. Знаешь, по-моему, он не спит.

Макс вспомнил то, что видел

сегодня в зеркале, и ничуть не удивился. Странно было бы, если бы Шеллар ухитрился уснуть.

— Да, вряд ли мы найдем его здесь, — согласился он, — скорее в нижнем Лабиринте.

По ступеням они спускались в молчании, каждый думал о своем, хотя, возможно, это «свое» у них было одним и тем же.

Лабиринт сегодня оказался мрачен как никогда и особо щедр на индустриальные пейзажи, послевоенные руины, кладбища, пустыри и тому подобные жизнеутверждающие места. Дэн сосредоточенно шагал вперед, иногда,

поглощенный поисками, ломился напрямую сквозь стены, и приходилось переходить на бег, чтобы не отстать от него, огибая препятствия. Макс давно потерял направление, не успевая вовремя ориентироваться, и теперь просто следовал за Дэном, утешая себя мыслью, что кузен специалист, он знает что делает и, более того, делает это раз в десять быстрее, чем мог бы он сам.

— Ах вот в чем дело… — произнес наконец Дэн и остановился, словно уперся в невидимую стену. — Боюсь, поговорить ты с ним не сможешь.

В нескольких шагах от них очередной заброшенный город с пустыми окнами и сломанными заборами неожиданно обрывался, упершись в знакомую комнату. Макс не понял сразу, почему она кажется ему неестественной, потом рассмотрел, что на самом деле это было полкомнаты, словно специально выстроенная декорация для спектакля или киносъемок. И в ней действительно происходило что-то вроде спектакля в жанре садо-мазо-порно, с Мафеем в роли жертвы и группой разнообразной невменяемой нежити, то ли пьяной, то ли под наркотой. А на расстоянии

протянутой руки от Дэна, все в том же пыточном кресле, сидел единственный зритель, спиной к ним и лицом к сцене.

Макс ринулся вперед и тут же понял, почему остановился Дэн, — между ними и происходящим действительно стояла стена, абсолютно прозрачная, но непроницаемая даже для мастера.

— Это грань, — пояснил Дэн. — Здесь кончается Лабиринт и начинается другая субреальность. Очень близкая, но не наша. Мы туда не пройдем.

— Они же насмерть мальчишку уделают! — умоляюще простонал

Макс, в очередной раз пробуя стену на прочность и убеждаясь в бесполезности своих попыток. — Не замучают, так выпьют!

— Макс, перестань нервничать и возьми себя в руки. Мерзкое зрелище, не спорю, но оно не имеет никакого отношения к реальности. Во всяком случае, не больше, чем сон или бред.

— То есть это Шеллару снится?

— Нет. Это ему кто-то снит. Подожди, я пощупаю поближе…

Макс оставил попытки проломиться сквозь стену и попытался позвать Шеллара, но, как и предсказывал кузен, из этого ничего не вышло.

— Да, это не сон, — подтвердил Дэн через несколько минут. — Это ему внушают. Где-то там, за декорациями, стоит режиссер этого безобразия, но мы его не видим. Надо же, какая занятная методика…

— То есть ты хочешь сказать, что, пока Шеллар валяется в беспамятстве, ему, чтобы не расслаблялся, насылают вот такие бредовые видения?

— Нет. Не насылают видения, а прошивают в память. Когда он придет в себя, он будет это помнить как реальные события, которые видел своими глазами.

— А этого садиста точно никак

нельзя достать? А выманить, чтобы хоть показался? Я бы его так проклял…

— Не выйдет. Вернее, показаться-то он может, если захочет, он нас видит и чувствует. Но с проклятием у тебя не получится. Ты его не зацепишь.

— Почему?

— Пойдем отсюда. По дороге объясню. Ты же не намерен досматривать это тошнотворное зрелище до конца?

Макс, разумеется, не испытывал такого желания, но и уходить было гадко и стыдно. Как струсить и бросить товарища в беде. Хоть и

уверяет знающий человек, что помочь они бессильны, ни разум, ни чувства не соглашались принять этот приговор.

— Но, может быть…

— Макс, даже я не могу, а ты тем более. Пойдем же.

Рельмо насильно заставил себя отвернуться и сделать несколько шагов прочь от невидимой стены.

— Ну хоть на всякий случай может стоит попробовать? Может, хоть частично да проклянется?

— Если бы ты или я могли сами соразмерить надлежащее и излишнее, возможно, твое проклятие и пробилось бы через этот излишек. Но

нам не дано, так что лучше не пытайся. А то еще возвратку схлопочешь.

— Даже так? — Макс замедлил шаг, и Дэн решительно подтолкнул его, словно опасался, что кузен сейчас опять остановится, а то и назад побежит. — Ты хочешь сказать, что этот «постановщик» в своем праве и Шеллар заслужил вот такое издевательство?

— Повторяю, я не могу определить, что он заслужил, а чего нет. Но он совершенно точно сделал нечто такое, что дало «постановщику», как ты говоришь, определенную власть над ним и

определенное право на расплату. Не знаю, превысил ли он его, и если да, то насколько, но оно есть, и открыться для твоих проклятий он может, только если действительно выйдет за рамки своего права. Которые, сам знаешь, не мы ставим, и не он, и видеть их у нас не хватает квалификации. Ну не тащить же сюда дядю Молари, чтобы он тебе разглядывал условия для проклятия!

Макс тихо выругался и со злости пнул попавшуюся под ноги консервную банку.

— Ну что, что он ему сделал? И когда успел?

Дэн промолчал. Даже плечами не

пожал. Дескать, я понял, дорогой кузен, вопрос риторический, а ты не такой дурак, чтобы ждать на него ответа.

— А сглазить?

— Ты же все равно его не видишь. Да и важно ли это? Если вы спасете того беднягу, он все равно узнает правду и утешится, а ложные воспоминания перейдут в категорию бреда или галлюцинаций. А если он умрет, какая ему разница?

— А если он опять, как в прошлый раз, призраком станет?

— Макс, ты смотри хоть его-то не сглазь между делом.

Рельмо спохватился и принялся

торопливо колдовать защиту от сглаза, хотя в глубине души почему-то чувствовал, что зря старается. Ни его сглаз, ни защита от оного не сыграют сколь-нибудь значимой роли в судьбе несчастного короля, от которого в самый неподходящий момент вдруг отвернулась воровская удача.

Проснувшись, он все же не выдержал и сбегал проверить, на месте ли Мафей. Хоть и понимал, что ведет себя глупо, и заранее чувствовал себя последним идиотом и клиническим параноиком, но все же не успокоился, пока не убедился — мальчишка спит в своей постели и даже не догадывается, что с ним

вытворяют в чужих снах.

На обратном пути Макса вдруг посетила мысль, что Кира до сих пор ничего не знает и именно ему предстоит ей все объяснить. А потом еще силком удерживать за руки, чтобы не бросилась спасать и мстить, едва услышав о судьбе любимого супруга.

И спать ему расхотелось окончательно.

Наместник Чань неожиданно проснулся среди ночи от внезапного ощущения опасности. Был ли то посторонний звук, подозрительная тень в окне или всего лишь лишнее

движение воздуха — трудно сказать, во сне таких вещей не осознаешь. Но что бы это ни было, недремлющая Тень заметила угрозу без всякого участия разума и заставила проснуться.

Не поднимая головы, хин бесшумно скользнул рукой под подушку и чуть приоткрыл глаза, всматриваясь в темноту. Кто-то действительно находился в комнате, кто-то чужой, опасный и непростительно наглый. Он сидел у освещенного луной окна и неторопливо листал заветную тетрадочку предыдущего наместника.

— Вы неосторожны, мастер

Чань, — неожиданно произнес ночной гость, не оборачиваясь. Наместник узнал этот голос, но расслабляться не спешил — неизвестно еще, с какой целью пожаловал к нему непрошенный благодетель. — Я пробрался в вашу спальню без малейших проблем, охрана вашей обители — это просто сказка в стихах. А ведь вы не можете не понимать, что в ближайшие дни подполье воспылает желанием вас убрать. Частично из мести за своего короля, частично из предосторожности — им ни к чему слишком эффективные лидеры во вражеском командовании.

— Благодарю за предупреждение, мастер Астуриас, — в тон ему отозвался брат Чань. — Я, конечно же, уделю должное внимание охране своей персоны, но все же сомневаюсь, что в этом их подполье найдутся специалисты вашего уровня.

— К их услугам все убийцы уголовного мира, — невесело усмехнулся гость. — Если Флавиус не найдет нужного специалиста среди своих людей, он поднимет на уши всех родственников, начиная с дядюшки. Кстати, вы можете оставить в покое ваш пистолет под подушкой — я пришел как друг. А в такой тайне мой визит пришлось устроить по

понятной вам причине.

— Я завтра же устраню эту причину, — пообещал наместник. — И вы сможете посетить меня открыто и официально. Да и я смогу выразить вам свою безмерную благодарность публично и… более ощутимо.

Астуриас задумчиво воззрился на луну за окном.

— Видите ли, мастер Чань… Я бы попросил вас пока не обнародовать мою роль в провале брата Шеллара. Во-первых, его публичное разоблачение не впишется в вашу легенду о его вознесении в чертоги Повелителя, а во-вторых, я тут нащупал кое-какие подходы к

подполью, и мой статус разыскиваемого врага ордена оказался весьма полезным для завоевания доверия. Было бы неразумно его внезапно утратить, когда я уже почти добрался до цели.

— Как пожелаете. — Брат Чань выбрался из-под покрывала и набросил халат. Кажется, гость намерен обсудить все именно сейчас, а вести важные разговоры лежа не совсем удобно. — Но вам все равно понадобится какая-то связь, не будете же вы всякий раз пробираться ко мне тайком, особенно когда я усилю охрану.

— Да, конечно. — Астуриас

подождал, пока хозяин не присядет напротив, и поинтересовался, кивнув на тетрадку, брошенную на столе: — Вы уже были в Аррехо?

— Нет. Я еще не приступал к восстановлению конфиденциальных контактов моего предшественника. Слишком много оказалось более важных и срочных дел. Возможно, займусь этим завтра или послезавтра. Мне следует знать об этом месте что-то особенное?

— Все, что вам следует знать, эти люди расскажут сами и даже покажут. Я лишь могу дать один совет: отнеситесь к их рассказу без скептицизма и не примите за

небылицы. Это все правда. Я сам видел. Но заговорил я о них по другой причине. В магазинчике Крепыша Санчеса мы сможем встречаться без помех и без опасений, что о наших встречах пронюхает подполье или ваши завистливые братья.

— У вас появился персональный телепорт? — не удержал любопытства брат Чань.

— Ну не одному же мэтру Максимильяно по континенту скакать, — усмехнулся Астуриас. — Господа из Аррехо раскрыли секрет его странно избирательной телепортации и предоставили мне возможность пользоваться их

услугами. Так что если пожелаете со мной связаться, можете смело договариваться с Санчесом о времени и месте. Мне передадут.

Хин сдержанно кивнул, давая понять, что принял к сведению.

— Надеюсь, ваше проникновение в подполье не займет много времени. А то мои осведомители уже вчера слышали в городе подрывные перешептывания на тему «короля убили и скрывают».

— Я тоже слышал, — подтвердил мистралиец. — Причем гораздо подробнее. Что убили вы короля за то, что он вам народ притеснять мешал, не позволял вашим солдатам грабить

население и боролся с произволом вампиров. И даже более неудобную версию: что он вообще был тут главным агентом подполья, а вы его раскрыли и предали мучительной казни. Меня удивляет такая оперативная реакция Флавиуса. Либо он сделал удачное предположение и угадал, либо у вас где-то капитально течет. Кстати, вчера я узнал, что человек, через которого я передал вам свое письмо, буквально через сутки после того был найден в своем доме зверски убитым. И, что примечательно, тайный знак Общества, указывающий на стукача, мирно соседствовал на одной стене с

аналогичным посланием от подполья, сделанным открытым текстом.

— Вот как? Мне докладывали об этом случае, но я как-то не связал его с вашим письмом. Мало ли анонимных доносов пишется в мой департамент, и практически любой из авторов мог попасться… Завтра потребую дело и пересмотрю внимательнее.

— Потрясите Элмара, он единственный, кто контактировал с этим человеком, пусть вспомнит, где и кому об этом сболтнул. Полезно было бы также спросить Шеллара, если он уже начал говорить. Вдруг ему что-то известно. Кстати, вы не

узнали, как у него была поставлена связь?

— У меня было крайне мало времени на допрос, но зато он велся с магической поддержкой и расколоть советника удалось за пару минут.

— Вас не затруднит поделиться со мной информацией? Там может оказаться что-нибудь важное для дела, которым я сейчас занимаюсь. Та же связь…

— О, не напоминайте, коллега… — Брат Чань устало поморщился, словно у него вдруг разболелись зубы. — Не знаю, течет ли у меня где-либо в настоящее время, но через самого Шеллара текло так,

что впору запускать грузовые баржи. Ваш придворный маг, который окопался на севере вместе с остальными, держал с ним связь магическим образом. Все, что знал наш советник, становилось достоянием наших врагов в ближайший сеанс связи. Я уже сомневаюсь, верить ли донесениям лондрийского агента, или он давно раскрыт и через него нам сливают дезу… Сам Шеллар считает, что нет, но меня это ничуть не успокаивает. Мне с самого начала казалось, что в этой истории с нимфой не все чисто, нюхом чуял, но выяснить так и не смог. Вроде маг подтвердил, что

насчет нее Шеллар не врет, но все равно нюх не унимается и сомнения меня гложут… Может, и не врет, но его и втемную могли сыграть, зная, как он чувствителен к допросу с применением…

— Магически?! — Более темпераментный и не испорченный хинским воспитанием мистралиец громко охнул и схватился за голову. — О небо, ведь если он с самого начала держал связь с Шелларом, значит, он знает всю правду о судьбе мастера Ступеней…

— И давно поведал ее Флавиусу, — согласился проницательный хин. — И у вас нет

шансов пробраться в подполье, и вы до сих пор живы только потому, что кому-то захотелось с вами поиграть… Может быть, вам стоит бросить это дело, пока не поздно?

— Нет, ни в коем случае. Я действую не лично, а через человека, который вне всяких подозрений. Он ничего не знает и мне верит. Для остальных я скрыт за легендой и гримом… Словом, шансы есть, и я намерен использовать их или хотя бы проверить. А вы обязательно предупредите Повелителя…

— Он знает. Он ведь присутствовал при допросе.

— А сделал ли он выводы из

услышанного?

— Я понял, что вы имеете в виду. К сожалению, мне пришлось отбыть прежде, чем Повелитель сообщил свою волю, но в следующий визит я непременно проверю и, если понадобится, предупрежу его.

— И пожалуйста, не забудьте его спросить о… о том, что вам скажут в Аррехо. Ваш предшественник оказался крайне необязательным и… как бы это сказать… несамостоятельным.

— Но он обязан был согласовать вопрос с Повелителем.

— Да, но он должен был сделать это при первой же встрече, а не

забывать о таких важных вещах несколько раз подряд. И уж как-то постараться сохранить конфиденциальность, как его просили, а не тащить с собой советника на тайную встречу. Бедный Санчес едва не поседел и чудом успел укрыться в потайной комнате и сделать вид, что его нет дома. В противном случае я затрудняюсь представить, что бы случилось, ведь Шеллар знает его в лицо и, возможно, даже осведомлен о неких обстоятельствах… — Астуриас бросил быстрый взгляд на луну за окном и вдруг оборвал свои познавательные речи. — Простите,

коллега, время идет, я должен вас покинуть. Надеюсь, мы еще встретимся в более комфортной обстановке и у нас будет достаточно времени на разговоры.

Он вежливо поклонился и, бесшумно распахнув окно, темной тенью исчез в ночи.

В ночь на пятницу не выспался никто, хотя все честно разошлись спать чуть ли не засветло, чтобы к утру быть свежими и готовыми к бою. Наверное, потому и не выспались — точно так же как и Макс, не могли уснуть, а когда наконец смогли, настала пора просыпаться. Мафей

даже признался, что ему снилась всякая пакость — нет, не вещая, просто кошмары, но все равно неприятно, и просыпался за ночь раз пять. Жак вообще ночью работал, отоспался после нехорошего заклинания часиков десять и сел «фугас кропать», по его собственному выражению, ибо на этот раз наученный горьким опытом Повелитель защитил свои ловушки от взлома и с ходу их не смог снять даже Жак. За остаток ночи он с задачей управился, но выглядел бледным и усталым. То ли создание магического аналога «фугаса» столько сил отнимает, то ли это были последствия

вчерашней искусственной храбрости, то ли его организм просто выдавал обычную реакцию на воспоминания об увиденном вчера. Макса его состояние всерьез беспокоило, но произнести вслух «а не сорвется ли он в решающий момент и не завалит ли все дело?» он не решался, зная о нехороших свойствах своего дурного языка. Только переспросил раза четыре, хорошо ли Жак себя чувствует, в состоянии ли он работать, все ли у него в порядке с вниманием и концентрацией. Жак бледнел еще сильнее и уверял, что все в порядке и не стоит обращать внимание на его дрожащие руки, все равно он не

руками работать будет. Макса не покидали подозрения, что там дрожат и мозги, и каждая заблудшая мысль в них, но сказать вслух опять же побоялся. Зато Морриган, точно так же помня о своей специфике сглаза, живописно рассказала, каких непоправимых бед может натворить бедный шут, если ошибется, чем запугала горемыку окончательно. К счастью, это заметил Хирон и поспешил объяснить:

— Не беспокойтесь, молодой человек, это она из предосторожности, чтобы не сглазить.

Сам почтенный кентавр ничем таким не страдал и мог говорить все

как есть, не боясь загубить дело неосторожным словом.

На этот раз их было всего пятеро, не считая Жака, который все равно не должен был отходить от зеркала ни в каком случае. Сначала они хотели привлечь к делу и спасенного священника, рассудив, что какой бы он ни был пьянчуга, а все равно нет лучше против нежити, чем мистик-христианин. К тому же Виктор утверждал, что этот конкретный мистик эффективно колдует в любом виде, а маги с первого взгляда обнаружили в нем врожденные способности. Но, к сожалению, бедняга чересчур раскатал вчера губу

на господние чудеса, за что и был соответственно наказан, ибо на спасении чудеса закончились и на божественную дезинфекцию речной воды их не хватило.

Поэтому участников было пятеро, а на захват собирался отправиться и вовсе только один. Мэтр Хирон безапелляционно оставил эту честь за собой, заявив, что остальные трое уже были внутри и могли наследить там, оставить обрывки ауры, на которые Повелитель мог запросто повесить какие-нибудь дополнительные следилки или ловушки, а то и проклятия с порчей зацепить. Ведь не случайно же он установил ловушки

именно в тех местах, где в прошлый раз участники операции набрали ориентиров на всякий случай. И приманку поставил в одном из тех же мест. Он ждет их прямо из телепорта, тепленькими. А попробовать еще раз войти тем же путем, который уже использовался, было бы верхом неразумности, так как уж этот-то путь наверняка обнаружен, отслежен и надежно перекрыт.

Кандидатура Макса, неспособного к телепортации, даже не рассматривалась. Жаждущий подвигов Мафей остался страшно недоволен, но спорить с мэтром не осмелился.

План был прост как апельсин: Жак снимает ловушки, Ален перемещает Хирона, тот быстро хватает Шеллара вместе с креслом и телепортом же уходит обратно в этот сарайчик на окраине поселка, где его ждут коллеги. Сами же коллеги сидят и страхуют его на всякий случай — если вдруг в помещении окажется засада или какие-нибудь иные неожиданности. Повторять это лишний раз не требовалось — все и так прекрасно помнили. Боевые, парализующие и отвлекающие заклинания на случай этих самых неожиданностей тоже были заготовлены заранее. Оставалось

только включить зеркало и действовать, но Морриган почему-то медлила.

— Мафей, — наконец произнесла она, так и не прикоснувшись к зеркалу, — отвернись и не поворачивайся без сигнала.

— Что за глупости! — обиделся мальчишка, которого и так со всех сторон обделили подвигами. — Я ведь все равно все увижу, не сразу, так потом! Вы же сами говорили, что на мне вся медицинская часть!

— Потом — сколько угодно. Но мне бы не хотелось, чтобы ты ошибся во время операции, будучи в шоке от

увиденного.

— Что за чушь действительно! — вмешался Ален. — Он все равно услышит, даже если отвернется и заткнет уши. Лучше бы показали ему вчера. Или хотя бы описали словами, чтобы заранее был готов к тому, что увидит. Или надо было вообще не брать. В любом случае, теперь поздно проявлять заботу.

— Вы меня с Жаком не путаете? — сердито поджал губы мальчишка. — Я, между прочим, видел то, что осталось от Орландо после Кастель Агвилас, и это не помешало мне его лечить.

— Дело не в том, господа, —

грустно тряхнул гривой мэтр Хирон. — Наша коллега вовсе не боится, что Мафей испугается, тем более там нет ничего, что могло бы испугать целителя, даже столь юного. А боится она, что Шеллар потеряет лицо перед младшим кузеном и это ужасно расстроит их общего наставника, о котором она переживает больше, чем о них двоих вместе взятых. Логики в ее тайных страхах я не нахожу. Мы все уже видели это неприятное зрелище, даже Жак видел, и его величеству придется как-то смириться с фактом, что не во всякой ситуации можно сохранить достоинство. Чем Мафей отличается

от всех нас, что нам можно, а ему не следует?

Мэтресса поджала губы и промолчала. Настаивать на своем не стала, и Мафей устремил взгляд в пустое зеркало, упрямо закусив губу, словно морально готовился увидеть там нечто действительно невообразимое.

Хирон наложил на Жака запрещенное заклинание с опасными побочными эффектами и велел начинать.

По мановению руки волшебницы зеркало прояснилось, и на лице мальчишки явственно проявилось недоумение. Ожидаемого

«неподобающего зрелища» он так и не дождался — Шеллар тихо и скромно лежал без чувств и не делал ничего губительного для королевского достоинства. Рядом с ним сидел незнакомый маг.

— В трансе или медитирует, — чуть слышно прокомментировал Ален. — Жак, подключайся и проверь, связан ли он как-то с ловушками и вообще… вдруг он магический фон читает или еще чего…

Макс хотел было сказать, что, по его мнению, происходит, но не стал. Пусть все же проверят на всякий случай, вдруг он ошибается. Хотя в

глубине души был уверен, что видит именно «постановщика», и сейчас этот злодей продолжает то, что они с Дэном видели ночью, — прошивает в память воспоминания о том, чего не было.

— Кто идет с Хироном? — поинтересовалась Морриган, пока Жак подключался к зеркалу. Согласно запасному плану, если пленник окажется в комнате не один, идти должны тоже несколько человек, чтобы прикрыть основного. Все одновременно подняли руки. Макс почему-то поднял пистолет.

— Нет, — покачал головой Хирон. — Ален. Морриган на связи,

Макс зависим от телепорта, Мафей готовится принять пациента.

На этот раз мальчишка даже не заметил, что его опять «не взяли», — пристально уставившись в зеркало, он пытался на расстоянии определить, насколько плох будущий пациент и что делать в первую очередь.

— Проверил, — подал голос Жак. — С ловушками не связан. На окружающее пространство не работает. Только персонально на короля. Начинаю снимать.

Макс не удержался — посмотрел внимательно на этого «работничка» и от всей души пожелал: «И тебе того же, сволочь. Столько, сколько

заслужил, больше не надо, но ты таки переживешь то же самое, что сейчас делаешь другому».

Хирон и Ален шагнули в сторону, чтобы не прихватить в телепорт лишнего, и замерли в готовности.

И тут все пошло наперекосяк.

Жак неожиданно вскрикнул, дернулся, схватился за голову и, прежде чем кто-то понял, что происходит, бессильно уронил руки и затих.

В следующий миг зеркало разлетелось вдребезги, словно в него запустили камнем.

Мафей ринулся к Жаку, но наткнулся на выставленную руку

мэтрессы Морриган.

— Стой! Не лезь! Пусть посмотрит Хирон, со всеми предосторожностями! Там могло быть что-то еще!

— Я-то посмотрю, — мрачно произнес кентавр, созерцая разбитое зеркало. — Но ты мне скажи, ты опять промедлила из каких-то неведомых соображений или просто нарочно, из-за того, что этого парня не любишь?

— Я пыталась определить, что происходит! — огрызнулась мэтресса. — И если бы ты не разнес зеркало, определила бы точно, что это такое и как с ним бороться!

— Извини, но никого, кроме тебя, не устраивала цена этих полезных сведений, — ничуть не смягчился мэтр Хирон.

— Да ничего бы с ним не сделалось!

— Если ты не заметила, с ним уже что-то сделалось.

— Я имею в виду, ничего большего, чем было заложено в той ловушке, на которую он все-таки напоролся! И меньшего тоже, потому что он уже на нее напоролся и поделать мы все равно ничего не успели, только зеркало зря разбили.

— Зеркало у нас не последнее, а другого такого взломщика больше нет.

Если уж он ловушку проглядел, то я не знаю, кому еще можно позволить туда лезть.

— А что ты успела заметить? — вклинился в разговор Макс, чтобы свернуть его в деловое русло и прекратить обмен упреками.

Морриган раздраженно стряхнула с платья осколки.

— Там стояла еще одна ловушка. На самой ловушке стояла еще одна, специально поставленная на взломщика, и никто ее не заметил, пока ломать не начали! Сволочь братец, сделал выводы из предыдущего случая!

— Что же теперь делать? —

Мафей часто-часто заморгал, беспомощно переводя взгляд с нее на Хирона, который как раз склонился над бездыханным Жаком. — Может, я помогу?…

— Нет-нет… лучше пусть Морриган поможет, тут, похоже, по ее части что-то…

Мэтресса уныло посмотрела на то место, где было зеркало, и предложила:

— Раз мы все равно запороли спасательную операцию в первые же секунды и возобновить сможем не раньше, чем откачаем нашего потерпевшего и достанем новое зеркало, предлагаю вернуться домой и

продолжить обследование в оборудованной для этого лаборатории.

Мафей молча принялся за телепорт. Похоже, он был рад, что для него нашлась хоть какая-то работа, потому что еще немного — и мальчишка сорвался бы в истерику.

— Я смогу дать вам ответ не ранее воскресенья. Без одобрения Повелителя я не вправе решать подобные вопросы, а сеанс связи будет в субботу за час до полуночи.

Саня Сидоренко дипломатично промолчал, ибо просившийся на язык ответ был исключительно

непечатным. С одной стороны, хорошо, что предыдущего «перспективного клиента» сменил обычный человек без магических способностей и природного бронежилета. С другой — на первой же минуте разговора стало понятно, что этот цельнотесаный самурай в пять раз умнее и хитрее прямолинейного демона и обвести его вокруг пальца в случае надобности будет так же проблематично. А кроме всего прочего, он точно так же не смеет ничего предпринимать без санкции Повелителя. Но тут уж дело скорей в самом Повелителе, чем в его представителях.

— Мы подождем до воскресенья, — подавив тяжкий вздох, пообещал Саня. — Только попрошу вас больше не привозить с собой посторонних лиц без предварительной договоренности.

Наместник Чань едва заметно моргнул.

— Наличие мага-телепортиста не подлежит обсуждению, так как перемещаться в пространстве самостоятельно я не могу.

Понятное дело, а этот телепортист может оказаться заодно и менталистом, и телепатом, и боевым магом, и чем будет угодно узкоглазому хитрецу.

— Я имел в виду несколько иной инцидент… — начал было Сидоренко, но его перебили на полуслове.

— Касательно бывшего советника Шеллара можете не беспокоиться. Он больше не причинит нам неприятностей.

Может быть. Если одноглазому удастся продвинуть идею о его блистательной карьере на службе Повелителю. Если же версия господина Флавиуса окажется более правдоподобной в глазах населения, то мертвый король может доставить еще чертову уйму неприятностей, хотя и меньше, чем живой. Здесь ведь не

то, что дома. Ни тебе мегасети, ни даже радио с телевидением. Чтобы вести пропаганду, надо каждое слово доносить до целевой аудитории лично. Ходить по кабакам, по базарам, по всем мало-мальски крупным скоплениям народа и говорить, не в микрофон и не на камеру, а в глаза, рискуя нарваться на оппонента и получить в ответ не цивилизованное устное возражение, а что там у оппонента в руках окажется.

— Вы несказанно утешили меня этой замечательной новостью, — с энтузиазмом заверил Саня, — но это касается не только советника. В вашем окружении могут оказаться

люди, которым точно так же не следует знать о нашем существовании. Не оттого, что они могут, как Шеллар, оказаться шпионами, а просто из-за ограниченности их мышления, недальновидности, фанатичной религиозности…

— Уверяю, я не хуже вас понимаю, что брату Хольсу, к примеру, или брату Чи нельзя показывать что-либо выходящее за рамки их представлений о благе ордена.

Должным образом восхитившись проницательностью собеседника и распрощавшись с ним по всем правилам хинского этикета, бывший

агент Сидоренко принялся собирать и упаковывать разложенные на столе демонстрационные образцы.

Минуту спустя, когда от серого облачка гарантированно не осталось и следов, он постучал в деревянную дверцу неприметного шкафа, одного из шести таких же, выстроенных в ряд вдоль стены. Еще несколько мгновений спустя из шкафа, служившего проходом в потайную комнату, появился Одноглазый Астуриас собственной персоной.

— Ну что, убедился? — насмешливо спросил он, усаживаясь в кресло, с которого совсем недавно поднялся брат Чань. — Они все —

игрушечные солдатики. Без приказа Повелителя и чихнуть не посмеют. Вы фактически договариваетесь с ним самим. С бессмертным, неуязвимым, могущественным некромантом. Хоть он и сидит на своей Каппе, как вы ее называете, и не может явиться сюда лично, у него достаточно возможностей не отдать вам этот мир, который он желает иметь в своей собственности. Эти самые излучатели, которые вы так жаждете заполучить, не дадут вам никаких преимуществ перед ним, даже если он с вами поделится секретом.

— Да меня-то убеждать не надо. — Саня наконец-то позволил

себе от души вздохнуть. — Как бы это моим шефам растолковать…

— Ты же понимаешь, что у вас в нынешней ситуации есть два варианта. Либо здесь правит Повелитель, а вы действуете с его позволения, по его правилам и имеете ровно столько, сколько он выделит вам от щедрот, либо мой вариант.

— Спору нет, твой вариант привлекательнее. Выпереть отсюда Повелителя, посадить везде своих людей и получить права победителя — оно, конечно, заманчиво. Но два момента меня в этом смущают. Во-первых, как это практически осуществить. А во-вторых, как быть с

эльфами? Пойти на открытый конфликт, разорвать договор и сунуть под нос излучатели в качестве аргумента? Это сколько же их надо наклепать, чтобы накрыть всю Альфу, да еще и здесь хотя бы этот континент? И что потом делать с шархи, на которых эти излучатели не действуют совсем, абсолютно никак?

— Санчес, ну ты же сам говорил, что в договоре есть лазейки, которыми вы уже собирались воспользоваться. Вот и воспользуйтесь.

— Насчет инициативы местных международных организаций и гуманитарной катастрофы?

— Ну конечно. Ваши люди из местных быстренько склепают международную организацию и попросят у вас помощи в большом своем несчастье.

— А несчастье нам тоже самостоятельно организовывать?

— А чем тебе исчезновение магии не глобальная катастрофа мирового масштаба? Пусть ваши умники все как следует обдумают, проработают детали, просчитают риски и дадут прогноз. Но, по-моему, идея стоящая.

— Может быть. Не знаю. Передам, конечно; там, — он указал пальцем в потолок, — очень ценят

тебя и твое мнение, но решать буду не я.

— Мы куда-то спешим? — усмехнулся Астуриас. — Подождем. Не год ведь они будут решать и даже не полгода. А потом посмотрим, что они нарешают, и будем действовать по обстоятельствам.

Сидоренко защелкнул последний замочек и, подхватив ящики, направился к заветному шкафу. На полпути он остановился и, оглянувшись, пристально посмотрел на собеседника.

— Давно хотел спросить. А что ты-то будешь иметь со всего этого? Что за игру ты затеял, бегая таким

манером между захватчиками, повстанцами и нами?

Астуриас пожал плечами.

— Мне одно надо — чтобы излучатели работали. Не понравилось мне, знаешь ли, на полочке над камином стоять. Потому я и кинулся сначала к этим пришельцам. А потом присмотрелся к ним внимательнее и понял, что не все так радужно, как казалось. Во-первых, они за свое покровительство слишком много требуют, а во-вторых, не удержатся они долго. Всего за луну они потеряли два излучателя из пяти и чуть ли не треть вампиров. Без нашей помощи их к осени попрут отсюда сапогом под

зад.

— Даже без Шеллара?

— Можно подумать, на нем свет клином сошелся. Шеллар был одним из главных руководителей сопротивления, но все же именно одним из. Их осталось предостаточно, и это они еще не бросили в бой основные силы. Они вообще пока не выступали открыто, только шпионаж, интриги и точечные диверсии. А вот когда одновременно поднимутся все четыре региона, потрясая осиной, которую всю весну старательно запасали… Словом, я решил, что у вас перспектив несравненно больше.

— А через месяц ты

присмотришься и решишь, что тебе выгоднее столковаться с эльфами или местными магами?

— Увы, у нас с ними взаимоисключающие интересы. Они хотят обратно свою Силу, а я не хочу обратно на полочку. Так что насчет этого твои патроны могут быть спокойны — любой вариант с возвращением магии для меня неприемлем.

«Хотелось бы верить», — мысленно хмыкнул Саня, но опять дипломатично промолчал и потащил ящики в шкаф. В конце концов, пусть спонсоры сами разбираются, что им выгоднее. Жаль только, что дядя

Гриша пропал с концами. Так иногда не хватает его опыта, мудрости и знания людей…

Остаток дня и почти вся ночь оказались потрачены, по выражению раздраженной мэтрессы Морриган, на «бесполезное топтание, причитания и истерики» над безжизненным телом незадачливого взломщика. И еще на споры и ругань — как по делу, так и на отвлеченные темы.

К великому огорчению Мафея, ему не позволили соваться ни во что, кроме хорошо ему знакомой сферы пятой стихии. «Ты целитель, вот и занимайся своим делом. Следи за

дыханием и сердцебиением, и внимательно, в любой момент может понадобиться подхватить и держать!» Мудрые такие мэтры, предусмотрительные такие, прямо покусать всех хочется! Вот почему бы мэтру Хирону не поручить это самое «слежение», он что, хуже Мафея как целитель? Так нет же, все в чем-то копаются, а самого младшего поставили на контроль. Вдруг он первый нашел бы проблему и лучше их разобрался, он все-таки лучше их всех знает Жака! Но нет, там же может быть что-то опасное, ни в коем случае нельзя его допускать, с ним ведь непременно что-то страшное

случится, и бедный наставник расстроится, а ему нельзя! Да, конечно, пусть что-то страшное случится с самой Морриган, это можно, это, по ее мнению, бедного мэтра не расстроит! Слышал бы Шеллар эти шедевры альтернативной логики! Уж сказали бы честно, что не доверяют, все маленьким считают!

Мафея с самого начала не покидало ощущение, что и задачу ему придумали нарочно, чтобы он чувствовал себя занятым и не путался под ногами. Или руками. Или потоками Сил. В общем, чтобы не мешал. Что бы там ни происходило сейчас с сознанием Жака, тело

работало исправно и ни в какой медицинской помощи не нуждалось.

Более того — пристроив пылающего энтузиазмом ученика к делу, мэтры, похоже, немедленно забыли о его существовании. Во всяком случае, прежде они не позволяли себе столь откровенно выяснять отношения в его присутствии, сказывалась вековая привычка и неписаные правила — при учениках мэтры должны сохранять достоинство и обращаться друг к другу с должным почтением, ибо, поступая иначе, можно нарочно или невольно уронить авторитет наставника в глазах ученика, а то и

вовсе создать нехорошее впечатление о магической науке в целом. Сегодня же почтенных мэтров несло по всем кочкам. То ли все настолько были издерганы и расстроены, то ли наконец признали за его высочеством право созерцать магическую науку без прикрас, то ли в самом деле забыли.

Сначала Морриган набросилась на Алена, который неудачно проехался по ее сложным личным отношениям с пострадавшим и вслух засомневался, спасти она его собирается или добить. Потом чуть ли не в мантию вцепилась мэтру Максимильяно, который намеревался позвать на помощь мэтра Истрана…

или теперь вернее будет говорить — мэтра Вельмира?... Как бы то ни было, звать его она запретила и пригрозила проклясть, если с бедным больным мэтром что-то случится. Мистралиец откровенно посмеялся над угрозой, но все же пообещал больного не беспокоить. И через десять минут вернулся, таща за рукав Казака, при виде которого Морриган взвилась и восшипела что-то трудноразличимое, но несомненно хулительное. Казак не остался в долгу, и еще с полчаса они дружно и слаженно роняли светлый образ магической науки в глазах юного ученика. Остальные трое

многозначительно переглядывались, занимались своим делом и помалкивали. А через полчаса к избранному обществу присоединился больной наставник, непринужденно возникнув в дверях и поинтересовавшись, что здесь происходит и где вообще спасенный Шеллар. Еще некоторое время его безуспешно пытались спровадить, чем, по всей видимости, рассердили и обидели, потому что по окончании долгой и эмоциональной перепалки вместо старого больного мэтра перед ними встал молодой и здоровый. И сердитый.

Следующие несколько часов

мэтры трудились, не отвлекаясь, но так и не обнаружили ничего знакомого или похожего на знакомое, хотя попробовали все по очереди, даже мэтр Максимильяно.

Все было тихо и мирно, пока отчаявшийся мэтр Вельмир не сбегал на верхний этаж и не приволок Кантора, за которым хвостиком уцепилась Ольга. Узрев подобное самоуправство, мэтр Максимильяно в гневе рванул себя за косу и принялся самым недостойным образом ронять авторитет наставника в глазах Мафея. И ронял до тех пор, пока на папеньку не окрысился сам Кантор, обиженный на такую о себе заботу. Потом,

правда, оказалось, что он все равно ничем помочь не может, так как магия, использованная в ловушке, ближе к классической, чем к их фамильной школе. На всякий случай для очистки совести к Жаку подтащили и Ольгу — вдруг на нее снизойдет какое-нибудь тайное знание свыше и она скажет что-нибудь мудрое, отчего Жак немедля проснется, как проснулся одурманенный «пудрой» демон. На Ольгу ничего не снизошло, и их с Кантором выставили, наскоро извинившись на прощанье и ничего не объяснив.

Наконец ближе к полуночи мэтр

Вельмир вспомнил памятный вечер перед коронацией и высказал надежду, что в этот раз с Жаком случилось нечто подобное. Во всяком случае, немного похоже. Может быть, сходство и обманчиво, но попробовать аналогичный метод извлечения не повредит. Мафей, наслышанный об этой истории с детства, поспешил предложить свою помощь — он ведь знает, а остальные нет… И опять его хором попросили заниматься своим делом и не лезть куда не просят. Честный наставник даже не стал изобретать каких-либо хитрых аргументов, щадящих самолюбие ученика, а вежливо, но

уверенно заявил, что для такого дела ему нужен кто-то поопытней. Мафей немного растерялся, не зная, как объяснить, что уж он-то опытней их всех, что он почти целый год занимался практической магией с Жаком и уж точно знает, что, где и как, и при объяснении не ляпнуть лишнего. А пока он терялся и вспоминал, что можно знать наставнику, а чего не следует, мэтр выбрал для почетной миссии Алена.

Еще некоторое время все хором уговаривали Морриган успокоиться, мэтр знает что делает и ему виднее, и если он выбирает кого-то, то уж точно не из личной симпатии. Мэтресса не

унималась — она была уверена, что ей попросту не доверяют, боятся, как бы она из личной неприязни не обидела этого паршивца, и вообще считают ее коварной злодейкой, способной на подлости. На самом же деле, как подозревал Мафей, после того, что учинила в прошлый раз Этель, мэтр не допускал даже мысли о том, чтобы отправить за Жаком даму, будь она хоть святой подвижницей с обетом целомудрия.

Вот на все эти безобразия и угрохали достойные мэтры почти полсуток. И только ближе к полуночи выяснилось, что все они были не правы и совершенно зря столько

ругались и нервничали.

Жак неожиданно встрепенулся и отозвался на зов.

— Кто здесь?

— А что, меня трудно узнать? — хохотнул неисправимый Ален. — Но, надеюсь, меня нельзя спутать с Этель?

— Толик? — неуверенно предположил Жак.

— Нет, это я, мэтр Ален. Давай руку… или там щупальце, или что у тебя здесь есть… И будем выбираться на волю, к людям. Там уже весь цвет магической науки собрался, бранятся друг на дружку, как извозчики на мосту. Если б Истран не догадался, до

сих пор ругались бы.

— Спасибо, но мне нельзя отсюда выходить. Я вирус поймал. Оставьте все как есть. Я с ним разберусь и сам потом выйду.

— Какой еще вирус? — хором произнесли все присутствующие мэтры с почти одинаковым изумлением. Мафей, который примерно понимал, о чем речь, немедленно почувствовал себя единственным посвященным среди невежественной толпы.

— Долго объяснять, — неохотно отозвался Жак. — У нас выйдет такая путаница с терминологией, что лучше и не начинать. Вкратце — защита на

ловушке была заражена вирусом, и я его подцепил. Сейчас я пытаюсь его локализовать и уничтожить. Здесь я это могу сделать, а если меня вывести — потеряю доступ, и все.

— То есть эта штука тебя убьет?

— Физически нет, но она полностью сожрет мою личность. Что будет в результате, еще не знаю, не разобрался пока. Может, овощ, а может, преданный слуга Повелителя. В общем, просто не трогайте меня и не мешайте.

— А помочь тебе как-то можно?

— Вы не сможете, вам же все надо с нуля объяснять. Разве только Мафей, ему я уже объяснял и он хотя

бы знает терминологию и понимает, как эта система работает. Если он сюда доберется, он сможет помочь. Остальные только мешать будут.

Мафей едва сдержал торжествующий крик: «А я вам говорил!» Впрочем, его тактичность оказалась напрасной — мудрые мэтры прочли все по его лицу. Они тоже промолчали, но под их снисходительными взглядами юный принц невольно устыдился и даже покраснел.

Только наставник почему-то не разделил всеобщей реакции на неуместный восторг ученика. И даже замечания не сделал, хотя Мафей

втайне этого опасался.

— Вот видишь, — печально вздохнул он. — Все складывается именно так, как должно было. Сколько бы времени ни потребовалось тебе для помощи Жаку, это займет ровно столько, чтобы ты не успел попасть к тому заветному месту заранее, как хотел.

— Ой, мама… — по-детски охнул Мафей, сообразив, что имел в виду наставник. — Ну как же так… а вы уверены, что именно в это время? … Ведь он совсем не там, и никакой возможности туда попасть в ближайшее время у него нет.

— Конечно же, я не уверен. Но

когда бы это ни случилось — сейчас или в отдаленном будущем, — ты все равно не попадешь туда вовремя. Утешься хотя бы тем, что хуже от это этого все равно не будет. Либо ты успеешь в последний момент, либо вместо тебя успеет кто-то другой.

— Мэтр, но вы же…

— Разумеется, мы не оставим дело без присмотра, пока ты будешь занят.

— А как же вы без меня…

— Да как-нибудь справимся. Например, попросим мэтра Максимильяно разыскать Толика, чтобы заменил тебя на телепорте. Но вот что-то мне подсказывает, что и

поиски Толика займут у нас ровно столько времени, чтобы мы никоим образом не смогли успеть к месту событий раньше предрешенного судьбой момента.

— А может… — Мафей с надеждой воззрился на бессмертного бродягу, но Казак только шапкой покачал.

— На меня не смотри. Между мирами я перемещаюсь только одним способом, и совсем не в те места, в которые хотел бы. Но если мне расскажут, о чем вы тут намеками перекидываетесь, то, может, что-то придумаю.

— Да-да, — подхватил мэтр

Максимильяно, который с откровенным подозрением прислушивался к их разговору, между делом подергивая себя за косу. — Нам всем хотелось бы услышать, что у вас за тайны от соратников, куда вам надо успеть и зачем вам понадобился Толик.

— Ты позволишь? — серьезно уточнил мэтр, обращаясь к Мафею. Тот обреченно махнул рукой.

— Если это хоть чем-то поможет…

— В таком случае мы поступим следующим образом. Ты сейчас отправляешься на помощь Жаку. Мэтр Максимильяно ищет Толика. А потом

мы посмотрим, что получится раньше: ты освободишься или этот бездельник найдется. Если ты успеешь — вопрос снимается, справимся вдвоем. Если же придется прибегнуть к помощи Толика, ему в любом случае надо растолковать задачу. Вот тогда я и остальным объясню, чтобы не пересказывать по два раза. А теперь ложись на место мэтра Алена, и я провожу тебя.

— Может, пусть бы Мафей сначала переправил нас туда? — предложила Морриган.

— А назад вас потом как забирать? И чем вы вообще намерены там заниматься без Жака? Лучше

пойдите выспитесь, неизвестно, что ждет нас наутро.

Что ответили мэтру коллеги и поругались ли они опять, Мафей уже не узнал.

Он спешил на помощь другу, попавшему в беду, и отчаянно сожалел, что не может разделиться надвое, ибо чувствовал, что наставник прав, как всегда. Что пока юный сновидец будет помогать одному другу, другого в это время будут доедать огромные крокодилы на ступенях злосчастной пирамиды. И успеть в два места сразу не получится никак.

Глава 15

— Но мы не собираемся возвращаться в тюрьму, — возразил Муми-тролль. — Мы собираемся идти к себе домой, в театр.

Т. Янссон

В эту ночь Кайден не сомкнул глаз. Совсем не потому, что того требовала работа, — сцену трагической гибели любимого кузена при попытке к бегству он прокрутил Шеллару за каких-то полчаса, и остаток ночи вполне можно было

посвятить сну. Но уснуть, когда Повелитель все-таки уединился с нимфой, он бы все равно не смог, поэтому не стал и ложиться.

Всю ночь он просидел в своем боксе в тягостном ожидании — что же в итоге получится из его опасной затеи?

Получиться могло что угодно, от самого радужного варианта, в который входили освобождение от диктата Повелителя, избавление от проклятого болота, с каждым годом подступающего все ближе к деревне, женитьба на Анари, долгая счастливая жизнь и светлое будущее для потомков, до самого непоправимого,

предполагавшего мучительную смерть и не менее мучительное посмертие.

Стрелки на часах ползли медленно, тихонько отсчитывая секунды. То ли последние секунды рабства, то ли последние секунды жизни, как получится.

Время от времени он пытался прислушаться к звукам, долетающим из коридора, но то были обычные звуки ночной жизни «чертогов Повелителя», и никаких признаков суеты или переполоха среди них не слышалось.

Незадолго до шести утра — обычного времени подъема — в ровный приглушенный шум ночной

жизни ворвался пронзительный громыхающий скрежет, разбудивший, наверное, все население оазиса. В первый миг Кайден вздрогнул от неожиданности, затем, мысленно посетовав на истрепанные нервы и переутомление, поднялся с постели, на которой так и просидел всю ночь не раздеваясь, и поплелся в туалетную кабинку. Что бы там ни было, надо вести себя как обычно. Если бы сейчас он спал и был разбужен дивной музыкой открываемых ворот, что бы он сделал? Правильно, наскоро привел себя в порядок и побежал взглянуть, кто и зачем в такую рань открывает внешние ворота, кого

впускает-выпускает и не нарушаются ли при этом какие-нибудь правила безопасности или указания Повелителя. Поэтому сейчас следует быстро причесаться, почистить зубы и бежать к воротам.

Когда Кайден вышел за внутренние ворота, там уже стоял чужой грузовик, вокруг которого слонялись вооруженные до зубов незнакомцы — те самые, с которыми вел свои левые делишки оборотистый Танхер. Неторопливые зомби-грузчики перетаскивали во внутренний двор какие-то ящики, а несколько вампиров гнали от бараков группу рабов — вполне приличных,

между прочим, за такое разбазаривание материала Повелитель мог бы и Перерождения лишить. Кое-где среди общей массы попадались и недопитые доходяги, но их было немного, и они изо всех сил старались держаться ровно и выглядеть здоровыми. Разумеется, Танхер не был бы Танхером, если бы не подсунул в партию качественного товара хоть немного некондиции, он ведь уважать себя перестанет, если никого не нагреет хотя бы на ржавую гайку.

Кайден отыскал взглядом носатого пройдоху и властным шагом человека, имеющего право контролировать и распоряжаться,

подошел к нему.

— Что здесь происходит?

Танхер почесал длинный горбатый нос и довольно равнодушно отозвался:

— Не дергайся, Повелитель в курсе.

— Он разрешил тебе продавать рабов неизвестно кому?

— Во-первых, известно кому, а во-вторых, разрешил. Чтоб ты знал, нам очень даже выгодно обменивать излишек рабов на всяческие нужные и полезные вещи. В общем, иди занимайся своими делами и не суйся в чужие.

— Еще раз посмеешь мне

нахамить, — посулил Кайден, — сделаю так, что забудешь не только где у тебя сколько чего припрятано, но и таблицу умножения.

— Это будет форменный саботаж, — ухмыльнулся Танхер, впрочем, совершенно беззлобно. — И непоправимый удар по нашей экономике. Ладно, не психуй, я не в обиду, а просто… Каждый должен заниматься своим делом, разве нет?

— Я проверю, — предупредил куфти, дабы отступить с достоинством.

— Ой, да на здоровье. Что я, врать буду?

Насколько знал Кайден, их

экономический гений ничем иным и не занимался, и подтверждение последовало прежде, чем они успели попрощаться.

Один из рабов, которых как раз подвели к машине и велели забираться в кузов, не осилил этой сверхзадачи и свалился без чувств прямо с борта. Покупатели не замедлили предъявить претензии, что им подсунули полудохлый товар, заодно напомнили, что в прошлой партии таких оказалось аж пятеро, и если трех еще удалось откормить и поставить на ноги, то двое околели, не успев даже отработать свою стоимость.

Когда Кайден уходил, разборки еще продолжались — покупатели требовали в качестве компенсации пару лишних рабов, Танхер клялся мамой, папой и Повелителем, что ничего лучше у него нету, все такие, сделка грозила в любой момент сорваться и перерасти в драку, а вампиры-надсмотрщики, пользуясь моментом, пока покупатели отвлеклись, быстро затаскивали и забрасывали в кузов самых слабых рабов, которые не могли залезть самостоятельно.

Чем закончилась торговля, он уже не видел, о чем ему вскорости пришлось сильно пожалеть.

И не слышал, как Танхер, опасаясь потерять таких выгодных клиентов, вслух смирился с разорением и приказал подручным отобрать в «крольчатнике» пару самых бесперспективных мужчин, лишь бы здоровые были, и отдать этим кровопийцам, пусть успокоятся.

В главном корпусе было по-утреннему тихо, жизнь текла своим чередом, и было ясно, что ждать придется еще долго. Если Повелитель сам не выйдет из своих покоев, его никто не хватится, пока не случится чего-нибудь важного. А входить к нему позволено лишь избранным и доверенным слугам, среди которых,

разумеется, нет ни одного живого. Может, пойти потормошить Нимшаста? Сойдет ли за повод сомнительный бизнес Танхера, или лучше не рыпаться и терпеливо ждать, пока все не обнаружится естественным путем?

Кайден в очередной раз напомнил себе, что должен действовать как обычно, и попытался прикинуть — как бы выглядело это самое «обычно». Разумеется, он не стал бы вламываться к Повелителю в шесть утра, чтобы настучать на Танхера, — хоть Повелитель и не спит, ночь для него все же остается личным временем, когда никому не

позволено нарушать его уединение. Нимшаст тоже вряд ли продерет глаза раньше одиннадцати, если только его не распинает лично Повелитель, а будить его, пребывая в здравом уме, никто не решится — не потому, что правая рука так уж страшен в гневе, а потому что никому не хочется связываться с истеричным скандалистом. Подозрительные торговые операции Танхера — не такой уж важный и срочный вопрос, чтобы ради него Кайден или любой другой подданный Повелителя добровольно согласился выслушивать визги Нимшаста. Поэтому самое естественное, что он мог бы сделать

сейчас, — это пойти позавтракать. Затем навестить подопечного, проверить, как он там, не пытается ли опять скрыться от справедливого возмездия за стеной безумия, как на второй день. Подкорректировать, если понадобится. А там видно будет. Рано или поздно какие-то известия все равно появятся.

Известия появились примерно через час с небольшим, и появились они громко, надрывно и жалобно. В обычной обстановке Кайден не полез бы разбираться, кто и за что в очередной раз обидел профессионального страдальца, а подождал бы, пока скандал не

уляжется сам. Но сегодня он просто не выдержал. Раз уж какой-то недальновидный мазохист додумался разбудить Нимшаста в начале восьмого, лучше «прибежать на шум» и между делом перевести разговор на нужную тему, чем ждать, пока это невиданное достижение магической науки доспит, а то и затеет утешительные мероприятия, после которых до вечера будет непригодно к общению.

Ухватив со стола первую попавшуюся ритуальную лопатку для создания видимости, будто его оторвали от работы, а также чтобы было чем в негодовании потрясать, он

даже не пошел, а просто-таки побежал в жилой блок. Как будто боялся, что Нимшаст поорет немного и скроется, а он, как дурак, прибежит к закрытой двери. Глупо, конечно — непочтительно разбуженный лич никогда не отличался краткостью в речах, и в этот раз на момент, когда Кайден добежал до нужного коридора, праведное возмущение Нимшаста было в самом разгаре. Более того — объектами его гнева стали не кто попало, а личные слуги Повелителя, трое зомби из тех самых, избранных, кому позволено входить в его покои в любое время по всяческой хозяйственной надобности. Только

что они посмели разбудить высокопоставленное лицо, второе по значимости после Повелителя — само по себе неслыханное проявление инициативы для зомби! — и сейчас неуверенно топтались у двери Нимшастова бокса, не совсем понимая, за что на них так орут.

Боги, неужели все-таки получилось?…

— Ну, что у вас тут опять стряслось? — издали окликнул Кайден, старательно маскируя неуместную и преждевременную радость почти искренним раздражением. — Ну работать же невозможно! У меня, между прочим,

тоже болит голова, и меня вообще разбудили в половине шестого, граки бы драли этого Танхера с его гостями! И вы еще тут шумите! Зачем было беспокоить правую руку Повелителя в такое время?

— Вот именно! — Вдохновленный нежданной поддержкой Нимшаст завел свои претензии по второму кругу. — Никакого почтения, никакого понятия о субординации и даже никакого просто человеческого сочувствия к чужому здоровью! Тупые животные, знали ведь, что Кайден в это время уже работает, а я еще сплю, почему надо было именно ко мне ломиться,

будить ни свет ни заря, а потом еще мямлить нечто невнятное, потому что объяснить толком ума не хватает! Теперь у меня целый день будет невыносимая мигрень, и все из-за каких-то бестолковых зомби!

— Подожди, не кричи, — поморщился Кайден. — Может, их Повелитель послал? Что там случилось-то? Чего они от тебя хотели?

— Я ничего не понял, — пожаловался лич. — Это же зомби, они двух слов связать не могут!

— Так расспросил бы получше, вдруг что-то важное. Вдруг, — Кайден доверительно понизил голос и

наклонился к уху собеседника, как это ни было противно, — опять был налет, или Повелитель опять пропал, или еще какое несчастье.

Поглощенный своими переживаниями, он напрочь забыл, что зомби тупые, но не глухие — сказанное на полтона ниже для них не становилось неслышимым.

— Да! — обрадованно воскликнул один из них, обнаружив нужные слова, которые не мог сложить без посторонней помощи. — Повелитель пропал.

— То есть как — пропал? — ужаснулся Нимшаст. Видимо, вспомнил, как в прошлый раз

напористый и безжалостный демон пинками и руганью заставил его тяжко трудиться, и испугался, что в этот раз повторится нечто подобное.

Зомби принялись вразнобой, косноязычно и путано объяснять, что пришли утром убираться в повелительских покоях и обнаружили: Повелителя там нет, на его кровати лежит неопознанный труп и сидит живая девушка. Плачет. Девушка плачет, труп нет, он молчит.

У Кайдена все похолодело внутри. Вот и верь после этого провидицам… Ввязался на свою голову… Повелитель все равно его переиграл. Подсунул вместо себя

кого-то другого и проверил. И теперь… хорошо, если хотя бы поверит и примет его версию о многоступенчатом коварстве врагов, а если пожелает убедиться? Если в качестве проверки полезет сканировать пленника — еще есть шанс, ловушка-то стоит на самом деле, хотя никто не может предсказать, как она подействует на Повелителя. Но если он решит больше не рисковать и просканирует своего верного слугу… боги, это же погибель всем, кто знал…

— Я тоже ничего не понял, — произнес он, беспомощно разводя руками. — Может, сходим сами

посмотрим? Ты все равно уже проснулся, а дело, похоже, действительно важное.

— Ох, не знаю… — засомневался Нимшаст. — Конечно, до сих пор Повелитель не тащил в свои личные покои материал из «крольчатника», но если окажется, что он там всего лишь ставил эксперименты, а сам на минутку отлучился…

— Вчера он велел привести к себе ту самую нимфу, — поделился секретной информацией Кайден. — И мне он говорил, что собирается заняться ею сам. Лично. Поэтому мне совершенно непонятно, откуда взялся неопознанный труп и куда,

соответственно, девался сам Повелитель. После прошлого раза я за него опасаюсь. Его врагам была почему-то очень важна эта нимфа. Если они каким-то образом за ней следили и увидели, к чему идет, могли рискнуть чем угодно, лишь бы помешать. А ориентиры наверняка взяли еще в прошлый раз.

— Все равно непонятно. Если им удалось, почему ее не забрали, да еще и труп оставили? А если нет, то где Повелитель?

— Вот я и говорю — надо пойти и разобраться. Может, он их победил и теперь преследует, а может, и наоборот. В случае недоразумения

виноваты все равно будут зомби, а вот если мы из ложной скромности бросим Повелителя в беде…

— Ну ладно, — сдался Нимшаст с таким видом, будто делал всему миру громадное одолжение. — Только подожди, я оденусь…

Грузовик неторопливо катил по разбитой бетонке, подпрыгивая на многочисленных ухабах и подбрасывая пассажиров, теснящихся на лавках и на полу. Агент Кангрем, затиснутый между чумазым парнем в обрывках мундира Конфедерации и немым дикарем из клетки напротив, исправно подпрыгивал вместе с

остальным содержимым кузова и тоскливо размышлял о вечном вопросе относительности везения и невезения и их соотношения в природе.

Вот, к примеру, тот удручающий факт, что всего за несколько часов до его предполагаемого отъезда Пятый Оазис взяли войска Повелителя, — это чистое невезение. А что он при этом остался жив — это, можно сказать, повезло. Но попал в плен. Ничего хорошего, разумеется. С другой стороны, ни на корм, ни на тяжелые работы не попал, а оказался в «крольчатнике» — самом привилегированном местечке для

раба. А с третьей стороны, показал себя там не лучшим образом и очень скоро загремел бы в «виварий» или в «кормушку», если бы его так вовремя не продали. Он даже успел обрадоваться, увидев среди бледных, шатающихся выходцев из «кормушки» знакомое лицо убаса, которого заочно похоронил еще в день пленения. Но опять же нежданная удача всего через минуту обратилась в свою противоположность — как только свежепроданный раб разглядел машину и оружие покупателей и расслышал их речь.

Нет, это только ему одному могло так «повезти» — чтобы его,

штатного сотрудника лавочки, купили по случаю владельцы той самой подпольной шахты, которую четыре месяца безуспешно искали все полевые агенты региона! И наверняка опознали в тот самый момент, как увидели. Даже если его не помнят в лицо или просто никогда не встречали, даже если они не в курсе, что рыжий цвет волос на Каппе не встречается вообще, первое же сказанное слово будет его приговором. Кем бы ни были его новые хозяева — турки, арабы или афганцы, — не может быть, чтобы среди всего персонала не нашлось ни одного человека, способного хотя бы

на слух опознать русскую речь. Хоть бери да прикидывайся немым, как сосед. Вдруг получится. А если нет — конечной суммой всех удач и неудач прошедшей недели будет пуля в затылок, и это в лучшем случае.

И ведь сделать ничего нельзя. Руки скованы, в кузове два вооруженных охранника, в кабине еще трое. Хоть молиться начинай, как Жан делает в таких случаях. Но у того от молений этих обычно хоть какая-то польза бывает, даром что пьяница, бабник и святости в нем что в самогонном аппарате. А ему что толку пробовать? Смех один.

Неожиданный посторонний

рывок, никак не связанный с ухабистой дорогой, отвлек его от мрачных размышлений. Там, за спиной, кто-то сильно и бесцеремонно ухватил его за запястье и сжал, словно тисками. Боясь оглядываться, чтобы не привлекать внимания охранников, Кангрем осторожно покосился налево. Молодой солдат по-прежнему сердито взирал исподлобья на жестокий мир и на соседа не обращал внимания. Кангрем перенес внимание направо и наткнулся на серьезный, предостерегающий взгляд немого гиганта.

Спустя секунду чужая рука

убралась с его запястья.

Вместе с браслетом.

Боже праведный, он же его просто… сломал!.. Хотя чему тут удивляться, это ж не человек, а гора, точно как дружок Мохнорылого, который грака голыми руками… Этот, наверное, тоже осилит… Вот почему он нахально втиснулся между Витькой и убасом, которые не сговариваясь сели рядом, — ему был нужен сообщник. Или даже два. Хотя нет, тогда бы он втиснулся с другой стороны, сердитый солдатик и моложе, и здоровее…

Что же этот авантюрист собрался делать? Драться врукопашную с

автоматчиками? Нет, он, конечно, не дебил, это было видно еще в «крольчатнике», но и особого интеллекта в лице немого соседа Витька не заметил. Слишком уж он… нет, не глупый, это было бы неправильно, а… дикий. Вот, точно. Он и вел себя как дикий зверь, посаженный в клетку и выжидающий момента, чтобы броситься и укусить. И смотрел так же. Запросто может оказаться, что он вообще не имеет понятия об огнестрельном оружии, если его действительно поймали где-то в северных лесах, вдали от цивилизации. Если так, то не ошибся ли он с выбором момента?…

И тут до Витьки дошло, что ошибся этот дикарь или нет, а вот лично для него лучшего момента в любом случае не будет. Как бы ничтожен ни был шанс, он все же больше нуля, а когда доедут до базы, то не станет и такого, поэтому надо пользоваться нежданной и непрошеной милостью доброго боженьки и… Но чего он ждет? Когда собирается начать?

Немой поймал его вопросительный взгляд и красноречиво зашарил глазами по небу, словно что-то искал. Затем не менее красноречиво оскалился и пару раз символично клацнул зубами,

словно сказочный волк, который «зубами щелк». Кангрем с трудом сообразил, что сосед выжидает нападения каких-нибудь хищников, на которых охранники гарантированно отвлекутся. С одной стороны, умно, а с другой — ну как на этот раз им ни жвальников, ни полосатиков не попадется? Запросто, с Витькиным-то везением…

Делиться своими опасениями, рискуя привлечь к себе внимание, он все же не осмелился и лишь едва заметно кивнул в ответ.

Потянулись медленные, бесконечные минуты ожидания, еще более мучительные от сознания того

факта, что за каждую из этих черепашьих минут резвый грузовик отматывал по целому километру. Вскоре вдали показались какие-то строения, и Витька откровенно занервничал, не в силах рассмотреть — то ли это обычные местные развалины, то ли они уже подъезжают к месту назначения и через каких-нибудь полчаса им предстоит объясняться по поводу разломанных браслетов…

Он так увлекся, пытаясь что-то разглядеть в далекой кучке непонятных строений, что едва не прозевал нужный момент. Только когда сосед вдруг толкнул его локтем,

а охранники быстро и тревожно что-то залопотали, догадался оглянуться и заметил небольшую стайку сосунов, с традиционным оглушительным звоном заходящих наперерез грузовику.

Безоружные пассажиры дружно пригнулись, хотя, честно говоря, от сосунов такие меры предосторожности практически не спасали, даже если руки свободны и ими можно прикрыться. Охранники вскинули автоматы и бойко застрочили по приближающимся насекомым.

Дикарь, пригнувшийся только для виду, зорко следил исподлобья за

каждым движением стрелков, и Витька мог бы поклясться, что заметил, как шевельнулись его губы, словно что-то беззвучно произнося. В эти мгновения он особенно сильно напоминал хищника, затаившегося и готового к прыжку, выжидающего того самого нужного момента, когда жертва подойдет поближе и подставится под клыки.

Жертвы, ничего не подозревая, продолжали палить по изрядно поредевшей стае сосунов, пока у одной из них не кончились патроны. И вот тогда, точно в тот момент, когда охранник справа полез за новой обоймой, отчаянный дикарь вскочил в

полный рост и метнулся влево, одним прыжком перемахнув через ряд склонившихся рабов и неуловимым для глаза движением выхватив из-за спины неизвестно откуда взявшийся длинный клинок.

Прежде чем ошалевший Витька успел задать себе вопрос «откуда он взял оружие?», сверкающая полоса описала стремительную дугу, оставив за собой оседающее тело без головы, и, не останавливаясь, продолжила движение ко второму охраннику, торопливо пытавшемуся воткнуть на место обойму, хотя даже потрясенным зрителям было ясно, что он не успеет.

В следующий миг Кангрем

опомнился и подхватил автомат, выпавший из рук охранника. Почти одновременно с ним сорвался со своего места Кетмень — за вторым. Значит, его могучий дикарь тоже освободил… Странно, почему все-таки его? Видно же было, что он от ветра шатается, а с другой стороны сидит молодой здоровый парень…

Размышлять над странным выбором немого было недосуг — еще с десяток насекомых неслись на беззащитных пассажиров в открытом кузове, упорно намереваясь кем-нибудь закусить, чего бы это им ни стоило.

Бравый герой тем временем, даже

не взглянув ни на результаты своих трудов, ни на верных помощников, в два прыжка подскочил к кабине и легко взлетел на крышу, едва опершись свободной рукой. При этом он непостижимым образом умудрился ни на кого не наступить и не потерять равновесия. Один быстрый взмах клинка — и высунувшийся из правого окна стрелок отправился на небеса. Быстрый разворот — вприсядку, на крыше движущейся машины, вот же, мать его, каскадер! — перехват, короткий удар куда-то внутрь кабины через второе окно…

Грузовик завилял, как пьяный, что уже никого не удивило —

конечно, такие герои не промахиваются, и если целят в водителя, то непременно попадают. И, похоже, одним ударом укладывают двоих.

Немой рывком выдернул из кабины окровавленный меч и спрыгнул обратно в кузов, опять ухитрившись ни на кого не наступить и даже не пошатнуться, хотя в кузове и сидящих-то кидало из стороны в сторону, из-за чего стрельба по насекомым получалась не особо эффективной. Из последнего десятка штуки четыре все же прорвались, и одного Витька успел сбить как раз в тот момент, когда мерзкий кровосос

уже нацелил хобот на могучую шею всеобщего спасителя и благодетеля.

Окончательно добив восхищенных зрителей красивым пируэтом и разрубанием на лету одновременно двух сосунов — последних, почти добравшихся до вожделенного обеда, — светловолосый гигант опустил меч, встряхнул растрепанной башкой и довольно приятным голосом произнес:

— Господа, там, — он указал на кабину, — все мертвы. Кто-то из вас умеет управлять этой… этим… транспортом?

Витька огорошенно опустил

автомат. Вот тебе и немой! Какого ж черта он до сих пор…

Потом спохватился и на всякий случай проверил дорожки.

Ну кто б сомневался! Опять она, все та же многострадальная седьмая!

Его опять толкнули в бок.

— Морковка, он, наверное, просит, чтобы кто-то сел за руль. Полезай ты. У меня сил не хватит, а этих еще расковать сперва надо.

— Я умею, — не очень охотно признался Кангрем, прикидывая, что ему предстоит сейчас повторить подвиг дикаря-каскадера — перелезть на ходу из кузова в кабину, заваленную трупами кроме всего

прочего. — Только не очень представляю, как у меня получится перебраться…

— Нет проблем, я помогу, — охотно, хотя и с некоторым удивлением отозвался «немой», оказавшийся очень даже говорящим. Похоже, он относился к той породе людей, у которых вообще по жизни не бывает никаких проблем. И не потому, что им так уж беспросветно везет, а потому, что они просто не замечают тех проблем, в которых обычные люди тонут.

— Тогда давай.

Он опять взобрался на крышу, распахнул дверцу, выбросил

ближайшее тело и проворно перебрался в кабину. Через пару секунд из противоположной дверцы вылетели еще два трупа и последовало приглашение прыгать, а он, дескать, поймает, если что.

Кангрем глубоко вдохнул, украдкой перекрестился и, вцепившись в край кабины, рывком перебросил тело на подножку. Чуть не промахнулся, мать его… Не тот уже возраст для такой акробатики…

Могучая лапища ухватила его за руку и буквально втащила в кабину.

— Спасибо, — выдохнул Витька, хватаясь за руль и нащупывая педали. Под ноги ему тут же попался тот

самый меч — правда, уже в ножнах, тоже непонятно откуда взявшихся. — Куда ехать?

Гигант пожал плечами.

— Не знаю. Я нездешний. У тебя есть какие-нибудь идеи?

— Если б я еще знал, где мы вообще… — проворчал Кангрем, пытаясь что-то понять на приборной панели. — Ладно, сначала проедем назад, подберем то, что ты выбросил, обшмонаем и как следует спрячем. Чтобы сразу не наткнулись, когда станут искать. А потом остановимся и посоветуемся с народом. Кто-то же должен хоть что-то знать. И ты… это… меч свой убери из-под ног, он

мне мешает.

— Охотно, — улыбнулся сосед и добавил, наклоняясь за своим имуществом: — В качестве ответной любезности попрошу не задавать мне двусмысленных вопросов на тему «откуда я его достал».

— Он что, волшебный? — почти автоматически предположил Витька, мысли которого были сейчас заняты другим. Он наконец сообразил, что не так с этой машиной и почему у него сразу не включились водительские навыки. Чертовы рабовладельцы для торговли и прочих контактов с местными замаскировали нормальный грузовик под

каппийскую бензиновую развалюху. Вместо джойстика баранку приставили, баки бутафорские снаружи прилепили, кузов поменяли на деревянный, а внутри все прежнее осталось — и движок на манке, и приборы… Агент Кангрем умел водить оба варианта, но, столкнувшись с их гибридом, слегка растерялся в первый момент. Но ничего, теперь все понятно. Сначала немного притормозим… и медленно, никуда не спеша, проедемся вперед, попутно осваивая тонкости управления грузовиком-мутантом.

— В некотором смысле, — уклончиво ответил пришелец. — Он

знает только хозяина, и чужим его лучше вообще не трогать. А в остальном — обычный меч. В том смысле, что сам вместо хозяина не сражается, сталь как масло не режет, не делает из болвана первоклассного фехтовальщика, ну и все прочее, что в сказках встречается, тоже вранье.

— И еще его можно позвать, когда понадобится? — догадался Кангрем.

— Да. Поэтому мне всегда смешно, когда кто-то пытается его украсть. Ты хотел повернуть назад, почему не поворачиваешь?

— Хочу немного освоиться с управлением и перекинуться с тобой

парой слов наедине. У тебя наверняка тоже есть ко мне пара-тройка неудобных вопросов, и я бы не хотел, чтобы ты задал их при толпе посторонних ушей. Кстати, ты на кой немым прикидывался, симулянт?

— Я не прикидывался. Я просто не хотел говорить, чтобы не сболтнуть лишнего. Сам-то зачем неграмотного из себя корчил?

— Послушай, — рассердился Витька, — если я не знаю какой-то письменности, это еще не значит, что я неграмотный.

— Тогда откуда ты вообще? На вид ты типичный варвар с Ледяных островов, по-ортански говоришь, как

исконный столичный житель, а с письменностью не знаком. Зато уверенно владеешь оружием этого мира и управляешься с машинами, словно всю жизнь этим занимался. Ты что, переселенец?

Прекрасная была бы версия, и ее легко скушали бы все пассажиры злосчастного кузова, не будь среди них убаса.

— Нет. Я местный. А язык выучил однажды волшебным образом, познакомившись с магами из твоего мира. И вот как раз об этом я и попросил бы тебя не особо распространяться.

— Тебе же все равно придется

переводить.

— Само собой, но не лезь с уточнениями и исправлениями, когда я буду им объяснять, как мне это удается. Тебе я потом растолкую, наедине и по секрету. А им не надо знать лишнего.

— Спасибо за доверие, — улыбнулся спаситель. — Кстати, меня зовут Элмар. Ты скажешь мне свое имя, или это тоже великая тайна?

Кангрем представился и, решив, что все скользкие вопросы они обсудили, принялся разворачиваться.

Пару мгновений спустя до него дошло, почему имя героического лженемого показалось ему знакомым,

но на этот момент способность удивляться у него уже притупилась от частого использования.

— А у тебя, случайно, нет младшего сводного брата с эльфийскими ушками? — на всякий случай уточнил он.

— А ты откуда его знаешь? — Элмар сначала изумился, как положено, но быстро сообразил: — Ах да, Диего ведь говорил мне, что им тут местные жители помогали.

— Все понятно, — вздохнул Кангрем, искренне надеясь, что Максов потерянный ребенок хотя бы не растрепал своим друзьям о перемещении своего нового приятеля

между мирами. — Оказывается, у нас куча общих знакомых, и просто странно, как мы еще не встретились до сих пор.

Герой чуть шевельнул могучими плечами.

— Значит, так было надо. Диего сказал бы, что это судьба, и она точно знает, когда и где надо свести нужных людей.

Витька, занятый высматриванием впереди валяющихся тел, чтобы ненароком на них не наехать, не придал его словам особого значения. Мало ли во что они там у себя на Дельте верят и чего этой самой судьбе приписывают.

Лишь полчаса спустя, когда все раскиданные по пустошам тела «покупателей» были собраны, а освобожденные от оков пленники вылезли из кузова размяться, перезнакомиться и обсудить, что делать дальше, невезучий агент Кангрем понял, во что вляпался.

Но было поздно.

Они уже стояли рядом — огромный светловолосый пришелец со своим волшебным мечом, и он, скромный мутант с огненно-рыжей шевелюрой. А какой-то полоумный дикарь, пав перед ними на колени, простирал к ним руки и вопил о чуде, карающих богах и последнем

пророчестве Нарны.

— …! — только и смог сказать Витька. Но его примитивное, пошлое и не подобающее богам высказывание никто не расслышал за истовыми воплями ненормального фанатика.

Все оказалось в точности так, как изложили растерянные зомби: на одной стороне кровати лежало чье-то тело, а на другой, пристроившись на самом краешке, словно инстинктивно стремясь отодвинуться от покойника подальше, горько плакала красавица-нимфа.

Еще с порога можно было без труда разглядеть, что труп

принадлежит нормальному человеку с полностью сохранившейся кожей и нормальным количеством плоти и даже отдаленно не напоминает провяленное тело Повелителя. Неужели они ошиблись? Неужели он что-то подозревал и устроил вот такую ловушку?… Или он просто знал, знал с самого начала, кто рылся в его записях и что в них прочел?…

Усилием воли Кайден заставил себя подойти поближе и заглянуть в мертвое лицо, в котором уже готов был опознать кого-то из знакомых вампиров.

Покойный оказался относительно молодым человеком, даже красивым в

каком-то смысле. По куфтийским канонам красоты узкое лицо с тонким носом вряд ли могло считаться привлекательным, а вот в северо-восточном Харзи его бы оценили, несмотря даже на слишком тонкие губы и слишком бледный, как у дикаря, цвет кожи.

И что странно, Кайден видел этого человека впервые в жизни.

За спиной протяжно взвыл Нимшаст — с таким искренним надрывом, словно этот покойник ему родной. Не успел Кайден обернуться и заткнуть это впечатлительное создание, как его отпихнули в сторону и стенающий лич с жалобным ревом

ринулся к повелительскому ложу.

Он упал на колени, схватил безжизненную руку, прижал к губам, что-то невнятно запричитал — разобрать удалось только что-то о любви и возвращении.

— Ты его знал? — спросил Кайден, просто чтобы не молчать и заодно прекратить эти причитания.

Нимшаст притих и медленно повернул искаженное страданием лицо.

— Да… — медленно, словно давая себе время осознать что-то невероятное, произнес он. — Пожалуй, из всех ныне живущих таким его знал только я.

— А кто это? — Вопрос был глупее не придумаешь, в ближнем кругу Повелителя не нашлось бы тугодума, который не догадался бы, но Кайден не решался принять эту догадку, боясь спугнуть последний призрачный шанс.

— Это Повелитель, — с нежностью произнес влюбленный ученик и бережно поправил прядь темных волос, упавших на обожаемое лицо. — Такой, каким он был… Когда был живым… такой, каким я любил его… И он… он мертв…

Изнервничавшийся заговорщик не удержал вздох облегчения. В следующий момент он спохватился и

поспешил свое подозрительное поведение обосновать.

— Последние века полтора, если я правильно помню. И что это меняет? Сходи да подними его обратно, можно подумать, ты не умеешь.

— Но я не смогу! Ты же знаешь…

— Я понимаю, ритуал Ушеба тебе не под силу, но подними хоть как-нибудь. Хоть упырем. А там он сам разберется. Ну в самом деле, не оставлять же его трупом! Давай, не ленись, бери тело на плечо и телепортом в лабораторию.

— Я же надорвусь! — ужаснулся Нимшаст. — Ты пробовал когда-

нибудь поднять на руки взрослого мужчину?

— Ты надорвался бы, если бы был живым. А сейчас ты можешь без всяких последствий поднять хоть троих таких мужчин, если не будешь сам себе внушать всякие глупости. Я бы не просил тебя напрягаться лично, но посвящать в случившееся обслуживающий персонал в нашей ситуации не следует. А я в это время займусь другим полезным делом — попробую успокоить девушку и расспросить ее о том, что произошло. Если бы я был некромантом, а ты умел общаться с женщинами, мы могли бы выбирать, а так нет смысла

обсуждать и спорить.

Как ни странно, Нимшаст не стал возражать. Подхватил на руки ненаглядного наставника, словно невесту, и исчез в телепорте, оглянувшись напоследок на притихшую нимфу и в который раз изложив свое глубокое убеждение, что от женщин все зло в мире.

Подождав, пока не рассеется серый туман, чтобы ушедший случайно не услышал лишнего, Кайден подобрал с ковра наспех брошенное платье и подал девушке.

— Перестань плакать и оденься. У нас мало времени, нужно успеть до его возвращения. Прежде всего

ответь: Нимшаст сможет поднять Повелителя, или на этот раз он мертв окончательно?

— Не сможет, — всхлипнула нимфа и осторожно протянула руку за одеждой, словно боялась, что ее ударят.

— Ты можешь объяснить, как это получилось?

— Я не могу сделать мертвое опять живым. А он хотел именно этого. Быть живым, красивым и бессмертным. Он стал красивым, но остался мертвым. Теперь — насовсем.

— Ты знала, что так будет?

— Я никогда не знаю наперед, — устало произнесла она и нырнула в

платье, словно хотела в нем скрыться от неудобных вопросов.

— Но очень надеялась.

— А ты знал? — донеслось из вороха ткани.

— Откуда я мог знать…

— Но очень надеялся?

Что бы ни говорил Повелитель об этих существах, с интеллектом у них точно все в порядке.

— Я понял твой намек, но не будем обсуждать это вслух.

Она одернула подол, поправила рукава, отбросила с лица спутавшиеся волосы и наконец посмотрела в глаза. Очень неуютным был этот замерший взгляд, и Кайдену даже показалось,

что его магически прощупывают, но ощущение получилось слишком мимолетным, чтобы сказать наверняка.

Нимфа моргнула и отвела взгляд.

— Чего ты хочешь? — вдруг спросила она. Просто и незатейливо. Словно действительно заглянула в его мысли и поняла, что ей собираются предложить сделку.

Кайден присел на край кровати и, понизив голос, объяснил:

— Прежде всего, я не хочу тебе зла и никому не позволю тебя обидеть. Я уверю всех, что ты ничего не знала и ни в чем не виновата. А потом увезу тебя отсюда в безопасное

место. Если я могу еще чем-то помочь тебе — скажи, я сделаю все, что в моих силах.

— Почему?

— Потому что мне тоже нужна твоя помощь. Не лично мне, всему моему народу.

— Но что я могу сделать для вас?

— Остановить болото, которое с каждым годом все ближе подступает к поселку и скоро вытеснит нас с нашей земли. Я не знаю, сможешь ли, но хотя бы попытайся. Тот волшебный жезл, который Харган привез Повелителю, — наша последняя надежда, и никто, кроме тебя, не способен им воспользоваться.

— Ты знаешь, что это получится не раньше, чем я созрею?

— Мы подождем. Ведь это должно случиться скоро, верно?

— Да. Хорошо, я помогу вам. Я не умею, но постараюсь. Если не разберусь сама, можно спросить у настоящих хозяев жезла… вы ведь собираетесь его потом вернуть обратно, правда?

— Ну, если он больше не будет нам нужен и если мы найдем способ переместить тебя в твой мир, не пользуясь порталом Повелителя…

— О, об этом не беспокойся. Только не забудь про Элмара. Он тоже должен уехать с нами.

— Конечно, я в курсе, что значит для тебя избранник. С ним все в порядке, я заберу его без проблем.

— И Шеллара тоже забери.

— А этого еще зачем? — Подобный поворот не входил в планы Кайдена, и он не смог сдержать раздражения.

Нимфа неторопливо и грациозно поднялась на ноги и принялась затягивать шнуровку на своем чудном иномирском платье.

— Во-первых, мы не можем бросить его здесь на верную смерть, — со странным отчужденным спокойствием пояснила она. — А во-вторых, если с ним что-то случится,

Элмар непременно попытается открутить тебе голову, и, что бы ни вышло из его попытки, все равно выйдет плохо. Либо ты лишишься жизни, либо единственной возможности спасти свою землю.

— Думаю, я как-нибудь справлюсь с этой ситуацией, — скрипнул зубами Кайден, — и обойдется без жертв.

— Напрасно ты так думаешь. С моей памятью ты ничего не сможешь сделать, ты над ней не властен. А вычеркивать что-либо из памяти Элмара тебе не позволю я. Да и зачем тебе это? Ты ведь не злодей. Ты наслаждался местью все эти дни, но,

может быть, хватит?

— Откуда ты это знаешь? — Не то чтобы Кайдена так уж интересовал этот вопрос — тот же Харган мог запросто разболтать все, что знал, — но ему требовалось время на обдумывание следующего хода. Запугивать жалостливую девушку не хотелось, да и пророчицы подчеркивали, что с ней надо договориться по-хорошему, но отпустить этого…

— Я заглянула в тебя, — просто ответила она и, затянув последний бантик, чинно присела рядом. Этого еще не хватало! Получается, ее и обмануть не так просто будет?

Впрочем, непросто — не значит невозможно. Правда — она тоже разная бывает. Можно попробовать.

— Хорошо, — неохотно согласился он. — Я не стану его убивать и заберу отсюда. Но привести его в поселок я не могу. Ты представляешь, каково будет моему отцу видеть убийцу сына и не иметь возможности ничего с ним сделать? К тому же он не совсем нормальный, и я не удивлюсь, если он не удержится… В общем, я отвезу этого… в другое место. Не потому, что мне его жаль, а потому, что мне жаль родных. И не хочется лишних конфликтов. Такой вариант тебя устроит?

— Только не пытайся обмануть. Я узнаю, если с ним что-то случится.

— Обещаю — ни слова неправды. Итак, мы договорились?

— Да. Поторопись. — Ее глаза опять стали жалобно-умоляющими. — Ведь ему больно…

— Вот это как раз нет. — Ухмылка получилась не к месту и не на пользу делу, но удержаться он опять не смог. — В тот самый момент, когда Повелитель скончался, его призванные черви рассеялись. И теперь твой ненаглядный приятель наслаждается избавлением от боли. Или просто спит. Скоро узнаем точно. А сейчас я прикажу отвести тебя

обратно в твой бокс, собирай вещи и жди. Я все улажу и приду за тобой.

Когда немногословные охранники увели девушку, а торчащие под дверью зомби получили разрешение войти и приступать к уборке, Кайден перевел дыхание и вдруг понял, что все его действия были продуманы ровно до этого момента. Боясь спугнуть удачу, он даже в мыслях не позволял себе строить планы и теперь просто не знал, что делать дальше. Сходить к Нимшасту, посмотреть на его успехи (вернее, отсутствие оных)? Нет, пожалуй, пока не стоит. Он же ненормальный, одним богам ведомо, в

чем выразится его скорбь по безвременно ушедшему Повелителю. Взбредет в голову какая-нибудь нездоровая идея или просто дурь взыграет, и как с ним справиться в одиночку? Сначала надо собрать всех своих, объяснить им ситуацию и сказать, что они возвращаются домой, они отныне никому ничего не должны, они могут не беспокоиться больше за жизни своих матерей и сестер, они могут найти себе жен и жить, как нормальные люди… Если среди семнадцати магов-куфти найдется хоть один желающий остаться и служить Нимшасту, как прежде служил Повелителю, то мэтр

Кайден ничего не смыслит в жизни и в людях. Да, так и надо сделать и с Нимшастом говорить уже при поддержке семнадцати товарищей… ох, нет, шестнадцати. Совершенно забыл, ведь Хума отправился с наставником, да так и застрял в чужом мире, никому не нужный и всеми забытый… как бы его обратно вернуть? Ладно, об этом можно подумать позже. А сейчас… ах да, чуть не забыл. Прежде чем покинуть покои Повелителя, надо сразу прихватить отсюда все, что нужно, а то вдруг потом не удастся сюда вернуться.

Одежда покойного все еще

висела на стуле, сложенная складочка к складочке, — Повелитель был человеком аккуратным и вещи по полу не разбрасывал, как некоторые. Ключи от кабинета, сейфа и шкафов лежали в кармане, как и обычно. Замок на двери можно было и отмычкой открыть — в прошлый раз Кайден так и поступил, — но ключом всяко удобнее. Тем более что от отмычки он избавился, как только Харган с Нимшастом принялись за поиски наставника, и, как оказалось, правильно сделал…

Отперев сейф, он осторожно извлек футляр с жезлом и завернул на всякий случай в полотенце — чтобы в

глаза не бросалось. С любопытством оглядел остальные волшебные вещи, но брать что-либо еще не осмелился, помня, во что обошлись игры с незнакомыми артефактами одному любопытному демону. Пересмотрел тетради с записями Повелителя, выбрал одну, пролистал и аккуратно вырвал из середины несколько листов. Сомнительно, чтобы Нимшаст дерзнул продолжить дело наставника и воспользоваться его знаниями для себя, но уверенным быть нельзя. От этого психа чего угодно можно ожидать, вскружит ему голову власть, возжелает, как Повелитель, стать богом, полезет в его записи искать

способ и, чего доброго, наткнется на упоминание, что самое подходящее место Силы для подобного ритуала — все та же многократно проклятая гробница Ушеба. А тот малозначащий факт, что выброс Силы во время ритуала уничтожит все живое в нескольких ближних провинциях, его взволнует ничуть не больше, чем покойного наставника. Незачем ему такие вредные знания. Обойдется.

Следующие полчаса Кайден просидел у рации, собирая разбросанных по Оазисам соотечественников. Потом еще минут десять объяснял им суть дела. Потом еще с полчаса носился по этажам и

раздавал указания. За это время даже самый бестолковый маг мог убедиться, что у него покойник не поднимается, и начать искать другое решение, но Нимшаст так и не появился. То ли у него мозги заклинило и он до сих пор тупо и настойчиво повторял свои попытки, то ли счел Кайдена недостойным совместного обсуждения проблем, то ли просто отчаялся и сейчас рыдает в истерике.

Когда все приготовления к последнему разговору были завершены и Кайден уже собирался сам отправиться в лаборатории на поиски правой руки, тот наконец

появился. Похоже, третий вариант оказался самым простым и самым верным — все это время впечатлительный лич предавался своему бесконечному горю, причем, судя по его виду, весьма бурно — одежды на нем местами были разорваны, и сквозь прорехи виднелось усохшее мумифицированное тело.

— Ну что? — Вопрос звучал по-дурацки, но спросить все же следовало.

— Ничего, — горестно помотал головой Нимшаст.

— То есть как? Ты не смог поднять покойника? При твоей-то

квалификации?

— Ты помнишь, как мы Харгана поднимали?

— Только не говори мне, что Повелителя тоже забрало к себе какое-то божество! Я в это не поверю!

— Нет, конечно… — Тихий и несчастный Нимшаст обессиленно рухнул на ближайший стул и картинно подпер пальцами лоб. — Он просто упокоен. Как обычная нежить. Только и того, что красиво. Мы не сможем его поднять.

— Мне жаль. — Кайден постарался, чтобы это прозвучало сочувственно.

— Ты выяснил, что там у них

случилось?

— Нет. Она сама ничего не знает о механизме действия своей магии. Знает лишь одно — всегда случается что-нибудь хорошее. Но это с живыми. Почему так вышло с Повелителем — можно думать что угодно. То ли на нежить волшебство нимфы действует в обратную сторону, то ли ее сил просто не хватило, чтобы его воскресить. В любом случае, она точно ни в чем не виновата. Я проверил, она не врет.

— Нет, не может быть, чтобы это вышло случайно! Почему тогда ее так стремились не пустить к Повелителю? Они знали, что так будет, и нарочно

притворялись и лгали!

— Если и так, ее разыграли втемную. И того шпиона тоже. Ни он, ни она ничего не знали, можешь мне поверить, уж его-то я изучил вдоль и поперек.

— И что нам теперь делать?

— Ну, что касается меня, то я уезжаю домой. И все наши уезжают со мной. Мы обещали служить Повелителю до тех пор, пока будем нужны ему, и вот настал час, когда мы больше ему не нужны. Я забираю с собой нимфу, ее дикаря и один из артефактов Повелителя. Вот этот. Тебе он все равно не нужен, его свойства могут представлять ценность

только для живых. Ах да, еще шпиона прихвачу, я с ним не закончил, а просто убить его было бы слишком легко и слишком быстро. Все. Больше мне ничего не нужно. Остальное твое. Теперь ты здесь повелитель.

Нимшаст поднял голову и потрясенно уставился на него.

— Как? Ты меня бросаешь? В такой момент?

— А зачем я тебе нужен? Ты сам могущественный маг, неуязвимый и практически бессмертный, ты справишься и без меня.

— Но что я буду делать?

— Да что хочешь. Можешь продолжить дело наставника, можешь

на все плюнуть и спокойно искать свой филактерий, а можешь надеть белые одежды Повелителя и сделать вид, будто он никуда не пропадал. Только с голосом поработай, а то узнают.

— Я… — На правую руку Повелителя жалко было смотреть. — Я… не знаю…

— Ну, ты пока подумай, разберись, чего ты хочешь, время еще есть. Я никому ничего не скажу, сочтешь нужным — скажешь сам. А теперь давай прощаться.

Прощание получилось на удивление мирным и где-то даже дружеским — наверное, Нимшаст все

же решил, что лишние конкуренты ему здесь и в самом деле без надобности. Или просто был так пришиблен безвременной гибелью Повелителя, что все остальное ему казалось неважным. Оставив страдающего лича страдать дальше — благо на этот раз у бедняги был достойный повод, — Кайден вернулся к своим шестнадцати и объявил, что можно отправляться. Одному из телепортистов он поручил переправить в поселок всех товарищей, а также нимфу и ее избранника, которого еще раньше велел привести из «крольчатника» прямо в ее бокс. Сам же, прихватив с

собой второго, направился в лабораторию номер четыре, где уже должны были подготовить третьего «гостя» — то есть отмыть, одеть и «привести в транспортабельное состояние», как было приказано.

В первый момент, увидев советника, Кайден решил было, что обслуга поняла его приказ слишком буквально.

— Вы что, накачали его стимуляторами? — неодобрительно поинтересовался он, с удивлением обнаружив, что мерзавец стоит как ни в чем не бывало и даже, похоже, готов самостоятельно идти. Его тут же заверили, что вовсе нет, только

выдали костыль и вкололи обезболивающее, иначе он передвигаться не сможет.

— Как будто мне так уж нужно было, чтобы он передвигался! — не удержался от возмущения куфти. — Мы бы его и сидя прекрасно переправили!

— Приказали — «в транспортабельное состояние», — ухмыльнулся доктор Пахм, наглый, как все вампиры, и чхать хотевший на приказы всяких живых. — Откуда мы знали, как вы его собираетесь транспортировать? Да не парьтесь из-за мелочей, ну, подождете, пока действие не кончится, да и займетесь.

Можно подумать, вы куда-то торопитесь.

— Он нужен мне в сознании, а не под наркотиками! Что вы ему вкололи?

— Да никаких наркотиков ему не давали, а что он выглядит малость прибалдевшим, так он такой и был. Может, помешался еще ночью и никто не заметил.

Кайден всмотрелся в остекленевшие, полусумасшедшие глаза пленника, пытаясь уловить в них хоть что-то осознанное.

— Ты меня слышишь?

— Да, — еле слышно отозвался тот и, словно для пущей загадочности,

вообще закрыл глаза.

— Ты помнишь, кто ты такой и где находишься?

— Да.

Ответ не вызывал особого доверия, но подключаться к памяти сейчас, в присутствии кучи народу, — не самая умная идея…

— Ты понимаешь, что сейчас происходит?

— Нет.

— Ну, это не показатель, — влез без спросу доктор. — Мы тоже не особенно понимаем.

— Тогда помолчите и не мешайте, — огрызнулся Кайден. — Поставим вопрос иначе: ты сознаешь,

что происходит с тобой и вокруг тебя?

— Да.

— Я ожидаю более развернутого ответа.

— Я в своем уме, — неохотно отозвался советник и открыл все-таки глаза. Безжизненно-равнодушные, но все же не совсем безумные. — Я сознаю, что происходит. Просто не могу собраться с мыслями, чтобы понять причину.

Значит, не свихнулся. Это хорошо, в противном случае задача здорово усложнилась бы.

— Причина проста — тебя просто переводят в другое место. Подойди сюда.

Он сделал несколько неловких шагов, тяжело опираясь на костыль.

Кайден обернулся к телепортисту.

— А теперь перемести нас в долину, только не в поселок, а к западным воротам.

От ворот начиналась старая разбитая дорога, которая когда-то вела к морю, а сейчас в никуда, потому что всего в нескольких сотнях шагов от поселка начиналось болото, давно поглотившее остальную часть дороги и грозившее в ближайшее десятилетие поглотить и сам поселок.

Край болота, прилегающий к деревне, был давно изучен и истоптан

тропинками — туда ходили за грибами и ягодами, охотились и ловили съедобных лягух. Дальше начинались дикие места, куда решались соваться только самые отважные и опытные охотники. Там запросто можно было заблудиться в зарослях, провалиться в трясину или попасть в зубы многочисленным хищникам.

— Иди в поселок, — сказал Кайден телепортисту, с интересом ожидающему, что будет дальше. — Скажи, чтобы приготовили машину. Мне надо будет кое-куда этого мерзавца отвезти. Я сейчас привяжу его, чтобы не сбежал, и вернусь. А ты

следуй за мной и не отставай.

Не отставать у недоеденного смертника не очень-то получалось. Хотя боли он сейчас не чувствовал, поврежденные мышцы работали плохо и левая нога больше мешала при ходьбе, чем помогала. Он молча ковылял в указанном направлении, не жалуясь и ничего не спрашивая. Даже когда отставал, продолжал молчать — ждал, когда провожатый сам заметит и остановится. Взгляд его стал немного более осмысленным, но ни интереса к происходящему, ни воли к сопротивлению, ни страха перед неизвестным будущим в нем не появилось. Кайден искренне надеялся,

что желания жить его спутник тоже не испытывает.

Когда поселок стал не виден за деревьями и буйно разросшимися кустами дикой краснушки, он подвел пленника к подходящему на вид дереву и велел сесть. Тот послушно опустился на землю, не выпуская из рук костыль, и уставился на Кайдена с безмолвным вопросом.

— Через четверть часа я вернусь с машиной, — кратко изложил тот, — и отвезу тебя в надежное место, где мы сможем продолжить наше познавательное общение.

Он вытащил из-за пазухи припасенный заранее моток веревки,

с нарочитым сомнением оглядел сначала дерево, затем сидящего под ним человека и словно сам себе сказал:

— Пожалуй, можно и не привязывать, куда он убежит на одной-то ноге…

И как бы невзначай уронил веревку на мягкий мох.

Шпион не шелохнулся. Он несомненно заметил, куда упала веревка, но не двинется, пока нежелательный свидетель не отойдет подальше.

Маг развернулся и уже сделал первый шаг в направлении поселка, как вдруг ему в спину негромко

полетело:

— А другого ничего нет?

Он остановился и оглянулся. Пленник все так же неподвижно сидел под деревом, но теперь его взгляд стал полностью разумным, хотя и слегка очумелым.

— То есть?

— Я глубоко благодарен за столь великодушное предложение, но есть ли другие варианты? Кроме веревки?

— Ну ты наглец… — Кайден даже не знал, злиться ему или восхищаться. — Если тебе не нравится веревка, вон в той стороне есть болото, в котором можно утопиться. И крокодилы. Или можешь

дождаться моего возвращения, если тебе больше по душе «могильные черви» Повелителя.

— А там что?

— Где?

— Чуть правее крокодилов, какое-то здание, словно бы в лесу?…

— Это древняя гробница, тебе она без пользы. Броситься с нее вниз не выйдет — там со всех четырех сторон ступеньки и ни одной отвесной стены.

— А далеко она отсюда?

— Часа три ходьбы. Для здорового человека. А для тебя это все равно крокодилы.

— Благодарю за разъяснение.

Прощай.

Кайден едва удержался, чтобы не плюнуть напоследок ему в лицо.

— Еще скажи, что рад был со мной познакомиться.

Он неожиданно ухмыльнулся. Слабо и неуверенно, но достаточно гадко.

— Это должен был сказать ты. Потому что уж ты-то точно был рад без памяти.

— Еще одно слово — и я заберу веревку, — зло предупредил Кайден. Так хотелось съездить по этой мерзкой роже, но нельзя, ни в коем случае нельзя, всего через четверть часа ему предстоит клясться, что

пальцем этого гада не тронул и никакого вреда ему не причинил, а глазастая нимфа непременно почует, если это будет ложью…

— И крокодилов тоже? — с интересом уточнил гад, оживая прямо на глазах.

Кайден не удостоил его ответом, молча развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь.

В конце концов, не столь важно, сам этот шутник повесится или его сожрут крокодилы, — в любом случае объяснение будет абсолютно честным и правдивым: «Я его оставил на четверть часа и просил подождать, а он…»

Только бы не додумался и в самом деле дождаться!

Больше всего на свете Шеллару хотелось лечь под кустик, закрыть глаза и без помех осмыслить происходящее, пока не вернется мстительный подручный Повелителя. Сейчас у него в голове творилось нечто невообразимое — с грохотом сталкивались обрывки воспоминаний, часто взаимоисключающих, наползая друг на дружку, подобно льдинам во время весеннего ледохода на поморских реках, и грозя раздавить неудачно попавший между ними хлипкий кораблик рассудка.

Некоторые из них вызывали стойкое желание последовать совету и повеситься — не ради того, чтобы избежать смерти более долгой и мучительной, а просто потому, что жить с этим невозможно и бессмысленно. Но как раз они и вызывали самые сильные сомнения. Было в них что-то ненормальное, сбивающее с толку, множество малозначительных, на первый взгляд, мелочей, которые рушили целостную картину и позволяли надеяться, что на самом деле ничего этого не было, а если и было — то в бреду или в кошмарном сне. Как раз сейчас, пока действует обезболивающее зелье,

хорошо было бы упорядочить весь этот хаос, разгрести по полочкам сваленные в кучу воспоминания, мысли, чувства… и обязательно, непременно дождаться ушедшего мага. Он так старательно убеждал, что этого делать не следует, так топорно подталкивал к самоубийству и так неизящно пугал своим возвращением, что просто необходимо дождаться и посмотреть, чего же он так боялся…

Шеллар в последний раз посмотрел вслед исчезнувшему из виду Кайдену и, тяжело опираясь на любезно предоставленный костыль, принялся подниматься. Да, очень хотелось бы отдохнуть, подумать и

посмотреть на результат, но слишком велика вероятность, что его просто прикончат. Слишком уж хотел глубоко неуважаемый мэтр видеть своего пленника мертвым, только рук пачкать не желал. И не особенно умно будет проверять, насколько сильно ему дорога эта самая чистота рук и побрезгует ли он лично добить малодушного смертника, если обнаружит его живым. Было бы хоть немного времени — подумал бы, рассудил, разобрался, просчитал… но времени нет. Минуты три из обещанных пятнадцати уже прошли, и за оставшиеся нужно уйти как можно дальше, чтобы его палач поверил —

выбор сделан в пользу крокодилов. На самом же деле…

Шеллар бросил взгляд на пирамиду, которая возвышалась над деревьями, определил направление и с максимально возможной скоростью поковылял по едва заметной тропинке между деревьями. Это было чистой воды безумие — пробираться на одной ноге через совершенно незнакомое болото, где наверняка полно опасных мест и всевозможных хищников, но вместе с тем это был шанс. Единственный реальный шанс выжить.

Упрямый мальчишка старательно скрывал от всех свои сны, боясь уже

не огорчить близких, а сломать их судьбу несвоевременными предсказаниями. Может быть, он и оказывался прав в большинстве случаев, но сколько раз Шеллар предупреждал его: «С остальными — как считаешь нужным, а мне обязательно говори все!» Что стоило сказать? Не будь он таким скрытным, хромающий путник сейчас точно знал бы, что делать и чего ждать. А так одни обрывки… Хорошо еще, что Кантор заметил повышенное внимание к этой пирамиде и догадался поделиться сомнениями с Шелларом. Даже этого крошечного кусочка информации оказалось

достаточно. Мафей видел во сне эту пирамиду. Значит, к ней прилагался основной персонаж — в жалком и требующем спасения виде, как всегда. Но вместе с тем это значит, что смерти сей персонаж благополучно избежит, хотя и пострадает изрядно. Следовательно, пирамида — его шанс на спасение. Если только… если все то, что он видел, действительно только бред, и на самом деле мальчишка жив, и все маги, которые оказались в ловушке вместе с ним, тоже сидят где-нибудь у зеркала и думают, как спасти одного незадачливого вора, который слишком много на себя взял… И у них, конечно

же, есть ориентиры этой злосчастной пирамиды… И потом они помогут вытащить из трижды проклятых «чертогов Повелителя» Элмара и Азиль…

«А если нет? — безжалостно резанула по больному упрямая память. — Если это все-таки правда и они все погибли? Маги, Мафей, Элмар, Кира, ребенок?… Если мне только кажется, будто в моих воспоминаниях что-то не стыкуется, а на самом деле?…»

Шеллар смахнул рукавом закипающие слезы и упрямо зашагал вперед. Потом разберемся, правда или нет. Если нет — все будет хорошо. А

если правда… у него просто не будет больше причин цепляться за жизнь, и умереть будет легко. Сейчас же все, что от него требуется, — идти как можно быстрее. Неизвестно, сколько будет действовать укол — час, два, полчаса, в любую минуту боль может вернуться. Тогда преодоление трехчасового перехода затянется не на шесть-семь часов, а на все двенадцать, если не больше, учитывая необходимые передышки. Если же он останется в этом болоте на ночь или свалится без сознания где-нибудь по пути, то не доберется до цели никогда. Поэтому — вперед, изо всех сил, не останавливаясь и не

отвлекаясь от дороги. Подумать можно будет и потом, а сейчас все внимание должно быть сосредоточено на почве под ногами, которая может в любой момент провалиться, и подозрительных зарослях по сторонам, где могут скрываться хищники.

При мысли о местных хищниках Шеллару стало вдруг так неуютно, что он невольно замедлил шаг и вытянул в сторону правую руку. Губы шевельнулись сами собой, произнося первое слово тайного зова, но второе прозвучало уже как-то неуверенно, а на третьем Шеллар оборвал зов и решительно опустил руку. Нет, это на

самый крайний случай. Во-первых, фамильный меч — не пушинка, тащить его через все болото — только усложнять себе задачу, тут себя бы дотащить, не уронив. А во-вторых, вдруг Элмару он сейчас нужнее?

«Вот когда действительно кто-то нападет, тогда и призову», — решил Шеллар и заторопился дальше, уверяя себя, что те три секунды, что требуются для зова, у него обязательно будут.

Глава 16

Мой друг сказал мне:
«Мы с тобою бодхисаттвы»,
Я ответил: «Да, но нам пора в магазин».

Б. Гребенщиков

Кайден никуда не торопился. Вразвалочку дошел до поселка, обстоятельно побеседовал с автомехаником о дефиците бензина и износе запчастей, заглянул к Эрне — поздороваться и поблагодарить, а заодно повидать Анари и проверить,

как устроилась на новом месте нимфа со своим необщительным избранником. Он искренне надеялся, что у советника все же хватит духу покончить с собой, но вдруг ему потребуется время, чтобы морально подготовиться и решиться. Кажется, он имеет привычку каждый свой поступок обдумывать, а уж вопрос жизни и смерти наверняка обдумает со всех сторон. Что бы он ни выбрал — веревку, трясину, хищников или даже попытку к бегству, — он сделает это не наобум, не под влиянием эмоций, а как следует поразмыслив. Сколько это у него займет, Кайден не знал и поэтому нарочно тянул время,

опасаясь по возвращении застать окаянного подлеца все еще сидящим под тем же деревом в мучительных раздумьях.

На полдороге от гаража к дому Эрны его и перехватил взволнованный Шабир.

— Что случилось? — встревожился Кайден, по одному виду телепортиста поняв, что стряслось нечто серьезное.

— Кайден, пойдем со мной, — выдохнул тот, запыхавшись от долгого бега. — Там такое творится… Они притащили не того дикаря, а девушка отказывается куда-либо идти, пока не приведут именно того, а Танхер

посылает всех к шестиногим крокодилам и куда похуже и говорит, что это не наше дело и вообще он ничего не знает…

— Я ему мозги вышибу! — вскипел Кайден, припомнив заодно и утреннюю размолвку. — Я ему сотру всю его склизкую память до момента рождения! А ну, пойдем! Нет, стой, собери всех наших, кого найдешь, и пойдем вместе! А то этот наглец, кажется, решил, что нас можно не бояться и посылать куда ему захочется! Я его сейчас сам так пошлю, что забудет цены на рабов! Без всякой магии!

Увидев перед собой десяток

неприязненно настроенных куфти, Танхер слегка присмирел и посылать «куда похуже» резко прекратил, но с перепугу вызвал условным свистом личную охрану. Кайден жестом остановил самых горячих соратников, уже потянувшихся за оружием, и попытался решить дело без подобных крайностей.

— Танхер, — внушительно сказал он, делая вид, будто не замечает двух готовых к драке групп за спинами предводителей, — ты хоть понял, что натворил, или до сих пор считаешь, будто я с тобой пошутить решил?

— Чего я и в самом деле не понял, так это какого грака вы ко мне

вообще доколупались? — сердито отозвался пройдоха. — Какого еще не такого дикаря вам от меня надо и на кой хрен?

Кайден глубоко вдохнул и вслух сосчитал до семи. Нарочно, чтобы этот болван понял, с каким трудом собеседник сдерживает справедливое негодование. Потом медленно, словно тупому зомби, пояснил:

— Ты помнишь, на прошлой неделе Харган привез с собой из того мира здоровенного дикаря? И Повелитель велел посадить его в «крольчатник» и глаз с него не спускать, помнишь? И обещал упокоить без права перерождения,

если он сбежит или с ним что-то случится?

— Так тебе этот был нужен? Объяснять надо было вразумительно. От Повелителя никаких распоряжений насчет него не было, прибежал какой-то перепуганный придурок, а я тут сейчас должен все бросить и выдавать ему по первому требованию все, что он пожелает…

— У меня есть распоряжение. Так что если ты наконец-то понял, о чем речь, прикажи своим людям привести сюда именно того самого дикаря. Или его все-таки не устерегли, а теперь ты тут передо мной дурачком прикидываешься?

— Без личного распоряжения… — начал упрямый Танхер, но его перебил кто-то из магов, сгрудившихся за спиной Кайдена:

— Он врет и боится. Там что-то не так.

Кто-то из охраны нервно дернул стволом, но стрелять без приказа не посмел.

— Именем Повелителя! — рявкнул Кайден, понимая, что его собственного авторитета будет недостаточно, чтобы заставить их отступиться. — Всем опустить оружие и не вмешиваться без разрешения! Танхер, или ты сейчас

все объяснишь сам, или я считаю это из твоей памяти. Я имею на это право, и твоя охрана не смеет мне мешать.

Носатый северянин вдруг разом обмяк, словно спущенное колесо, и обреченно огляделся по сторонам.

— Пойдем, я тебе все объясню. Только наедине.

Кайден покачал головой.

— Не выйдет. После того как ты чуть не натравил на меня свою охрану, я никуда не пойду с тобой один.

— Тогда считывай. Только молча. Ни слова вслух. Сам поймешь почему.

Кайден шагнул ближе, прикрыл

глаза и окунулся в память шустрого администратора.

Танхер действительно ни в чем не был виноват. И, если быть беспристрастным, никто виноват не был. Произошло дурацкое, чудовищное недоразумение. Вампиры, которых послали отобрать «самых бесперспективных» из «крольчатника», ничего не знали об особом статусе избранника. Часовые, охранявшие блок, не знали, куда, зачем и по чьему приказу его повели. Танхер, который видел, куда и зачем, не знал, кто это такой, потому как «не могу же я знать в лицо каждого раба!»…

Вот так и получилось, что из-за рокового стечения незнаний ценного пленника тупо продали неизвестно кому, и теперь Танхер, успевший это обнаружить, панически боялся, что о происшедшем узнает Повелитель.

Кайден вынырнул и отступил на шаг. На Танхера жалко было смотреть.

— У тебя есть единственный выход, — произнес он. — Сам понимаешь какой. Но действовать надо очень быстро. В любой момент вопрос может всплыть. К тому моменту все должно быть… кхм… в порядке.

— Я сию же минуту займусь, — клятвенно пообещал разоблаченный

аферист, с трудом веря в столь неуместное благородство Кайдена. Это не укладывалось в его сознании — иметь компромат на ближнего и не донести?

— Я уезжаю в долину. Мои люди будут к тебе наведываться. Как справишься — отдашь. Повелитель приказал мне вывезти нимфу куда-нибудь на природу и втереться к ней в доверие, поэтому ее дикарь мне нужен позарез. И желательно до того, как Повелитель спросит меня о результатах, потому что тогда… сам понимаешь.

— А он у тебя не сбежит? — изумился Танхер.

Кайден усмехнулся.

— Думаешь, он будет об этом помнить?

Что ж, с этим получилось договориться. Теперь осталось самое сложное — сообщить обо всем самой нимфе… Боги, хоть бы не решила, что ее обманули… Хотя это и в самом деле недоразумение, выглядит оно не особенно правдоподобно, и истолковать его можно как угодно…

Кайден вдруг вспомнил об оставленном в лесу советнике, который во время объяснения с Танхером вылетел из головы, и похолодел. Она просила двоих. Накладки с одним еще могли бы

сойти за случайность, но оба сразу…

Он неуверенно оглянулся на спутников, сомневаясь, не послать ли Шабира назад в поселок, чтобы сбегал за этим гадом и приволок его, если тот еще жив. Нет, пожалуй, поздно метаться, пока Шабир его найдет, он успеет сам вернуться и сбегать. Проклятый недоумок Танхер, из-за него теперь такое дело срывается…

К его удивлению, девушка восприняла путаные объяснения со странной благосклонностью. Только уточнила зачем-то:

— Его просто заковали в наручники, посадили в повозку и куда-то повезли?

— Ну… да, — согласился Кайден, примерно представивший себе перевозку рабов в грузовиках.

— Тогда за него можно не волноваться. Наверное, он уже на свободе и ищет меня. Пойдем отсюда скорее, не надо, чтобы он искал меня здесь. Это может быть опасно. А где Шеллар?

— Я оставил его за воротами. Сейчас вернемся, и схожу за ним. Он, наверное, уже заждался — я обещал вернуться через четверть часа с машиной, а тут весь этот скандал…

— Можно мне пойти с тобой? Я хотела с ним попрощаться… и кое-что сказать.

— Да, конечно, — с облегчением согласился Кайден. Будет только лучше, если она увидит своими глазами, тогда точно ничего не заподозрит… Одно плохо: он так и не успел придумать, куда же девать этого недоеденного паразита, если окажется, что он до сих пор сидит под деревом и честно ждет.

Кайден ломал голову над этим теоретическим вопросом все время, пока они бежали к гаражу, выводили машину и добирались до окраины болота. Когда же он увидел наконец то самое дерево, то едва сдержал вздох облегчения. Все-таки предпочел болото с крокодилами. Интересно

почему. Может, у них там повешение считается слишком позорной смертью? Или все же понадеялся каким-то чудом выжить?

— Я оставил его здесь… — изо всех сил стараясь казаться растерянным, сообщил он в ответ на безмолвный вопрос в глазах нимфы. — Вот под этим деревом. Велел сидеть и ждать меня… Наверное, с моей стороны было слишком самонадеянно ожидать, что он мне поверит…

— Значит, он ушел? — уточнила девушка, всматриваясь в заросшее кустарником и тростниками болото.

— Утащить его отсюда никто не

мог, крупные хищники сюда не выходят, они водятся намного дальше, а к деревне приближаться боятся, пуганые. Ну что теперь делать?

— Как что? Надо его найти. Он не мог далеко уйти с больной ногой.

— Я пошлю на поиски наших охотников. Но сам в болото не полезу и тебя не пущу. Не зная местности, здесь легко можно утонуть, и, боюсь, именно по этой причине он и не ушел далеко. Почему, ну почему я его не привязал! Пусть бы думал обо мне что угодно, но тогда он бы не сбежал!

Нимфа потянула его за рукав.

— Тогда пойдем скорее! Чем скорей они соберутся, тем больше

вероятности, что его догонят!

— Да, конечно… — согласился Кайден и быстрым шагом направился к поселку, всем своим видом показывая, что страшно озабочен, чрезвычайно расстроен и изо всех сил спешит. Кажется, все прошло по плану. Нимфу уговорили, от убийцы избавились, избранника с большой долей вероятности найдем. Или он сам явится, если действительно сбежал. Теперь осталось изобразить тщательные поиски беглого шпиона в болоте, и можно будет передохнуть. Может, даже какие-нибудь останки удастся найти и предъявить с подобающей скорбью. Жаль, дескать,

беднягу, но кто ему виноват?

Кангрем не уставал восхищаться непробиваемым оптимизмом Элмара и железной волей убаса. Они практически вдвоем привели в чувство и построили разношерстную толпу вчерашних рабов, на глазах превратив это стадо в организованный отряд. От Витьки им тут помощи было мало, если не сказать — вообще никакой: сам он был начисто лишен организаторских способностей и задатков лидера; одиночка по натуре, он просто поехал бы куда глаза глядят, позволив всем прочим действовать на их личное усмотрение.

Нет, желающих, конечно, взял бы с собой, но нипочем не стал бы всех строить, пересчитывать и втолковывать каждому, как тот должен поступить. Хотя бы потому, что его все равно бы никто не послушал.

Этих двоих слушали. Чуть ли не с открытыми ртами. Невзирая на то, что Элмара без перевода никто не понимал. А заодно с ними в главари почему-то попал и Витька, которому все это сто лет не нужно было. Наверняка из-за того ненормального дикаря, который вдруг узрел в нем одного из сказочных богов…

Всего их оказалось тридцать

восемь человек. Пятнадцать работяг, дюжина из «вивария», девятеро из «кормушки» и два племенных божества из «крольчатника». Ну, или, по другим подсчетам, — шестеро дикарей, восемь поселян, четырнадцать военных из разных оазисов и девять мирных жителей оттуда же. И один Элмар.

На всю компанию у них получилось четыре автомата, один пистолет, который убас сразу же забрал себе, немного патронов (все, что осталось после отстрела сосунов), пять ножей и один меч. От автомата Элмар отказался, пояснив, что не умеет с ним обращаться. Хотя в

пустошах мужчина, не умеющий стрелять, считался недочеловеком и нижним звеном пищевой цепочки, на авторитет иномирянина это не повлияло. Еще бы, после того, что он сегодня на глазах у всех вытворял с холодным оружием, зрители, поди, решили, что такому и автомат не нужен.

Еще в машине нашлась аптечка, но прочесть названия лекарств, понятное дело, никто не сумел, а Витька не мог признаться в лишних познаниях, не вызывая подозрений. Из-за этого у него на душе скребли здоровенные когтистые мутанты, ведь из-за его чертовой конспирации кто-

то наверняка не получил лекарств, в которых нуждался.

Не считая выходцев из «кормушки», обессилевших от потери крови, среди проданных на сторону рабов обнаружились и просто больные, которых сплавили как ненужный балласт. Особенно Витьку беспокоил дикарь с открытой формой туберкулеза, который и сам был уже не жилец, и половину товарищей мог перезаразить между делом. Но не бросишь же его посреди дороги…

Посовещавшись и поразмыслив, предводители решили, что пропавший грузовик непременно станут искать и первым делом двинутся по его

обычному маршруту. Поэтому лучше свернуть в сторону и отъехать подальше. Куда направлялись покупатели, теперь уже не узнать, но раз до сих пор двигались на запад, то свернуть лучше всего будет на юг. На севере дикие леса, а на юге еще остались последние оазисы, где можно найти помощь.

На том и порешили. Забрались обратно в машину и поехали. Витька как-то по умолчанию опять оказался за рулем, Элмар рядом с ним в кабине, а между ними втиснулся убас Кетмень. Втроем в кабине было тесновато — хотя она и была рассчитала на троих, слишком много

места занимал необъятный герой, — но возражать никто не стал. Оба прекрасно видели, что старик держится на одном лишь упрямстве и вот-вот свалится с ног. И столь же прекрасно понимали, что он всеми силами старается скрыть сей факт от подчиненных.

— Далеко нам ехать? — поинтересовался Элмар, едва лишь они тронулись с места.

— Далеко, — огорчил его Витька.

Убас, всегда отличавшийся любознательностью, на этот раз в разговор не вмешивался — едва устроившись на мягком сиденье, тут

же намертво отключился.

— А как далеко? Мы уже отъехали от логова Повелителя почти на дневной перегон, сколько еще нам ехать?

— Да какая тебе разница? Ты что, торопишься куда-нибудь?

— Нет, просто мне нужно будет потом вернуться, и я пытаюсь представить, сколько времени это займет.

— Вернуться? Ты что, припух?! Зачем? Забыл что-то нужное, или так в «крольчатнике» понравилось?

— Там осталась моя девушка. Я должен ее спасти.

— Э-э… — Подобный оптимизм,

по мнению Кангрема, уже носил клинические признаки, но не скажешь же это прямо в глаза… — Извини, конечно, но почему ты так уверен, что она еще жива и ее имеет смысл спасать?

— До созревания с ней точно ничего не случится. Повелителю нужна зрелая нимфа, чтобы держать волшебный жезл во время ритуала обожествления. Но что с ней станет потом, никто не знает. И когда это случится, тоже никто не знает. Поэтому мне не стоит терять время на долгие путешествия. Я не вернулся сразу только потому, что господин Кетмень пообещал собрать в

оставшихся оазисах какие-то войска мне в помощь. Все же лучше идти на битву с войском, чем в одиночку.

— А если бы не пообещал — ты бы пошел в одиночку?

Элмар пожал плечами.

— Я постарался бы связаться с нашими магами и попросить их о помощи. Но если бы другого выхода не нашлось — пошел бы один.

— Ты ненормальный, ты это знаешь?

— Знаю, — покладисто согласился герой и тут же перевел разговор на другую тему. — Мы будем проезжать мимо каких-либо мест, где у Мафея или других магов есть

ориентиры?

— Понятия не имею, — честно признался Кангрем. — Пятый Оазис захвачен войсками Повелителя, туда нам соваться нет смысла. Деревенька Ллит где-то далеко в стороне. А у каких развалин они брали ориентиры по дороге, я даже представить затрудняюсь.

— Ладно, что-нибудь придумаем. — Элмар ничуть не утратил энтузиазм из-за таких мелочей. Подумаешь, разыскать неизвестно где этих магов или попереть на штурм Первого Оазиса в одиночку с одним мечом — это же так легко и просто, и успех в

подобных мероприятиях неизбежен.

Витьке вдруг стрельнула в голову мысль, что этот неунывающий герой всю свою жизнь именно так и поступал и в самом деле всегда побеждал, потому и не испытывает ни малейших сомнений.

— Да, конечно, — согласился он. — Придумаем. Только сначала надо хоть куда-нибудь доехать. А то нас тут тридцать восемь некормленых рыл, которых погрузили без завтрака, а уже обед, а у нас и ужина не предвидится…

— Ты же сказал ребятам в кузове, чтобы посматривали по сторонам, — поспешил утешить его Элмар. — Если

они заметят какую-нибудь съедобную живность, то подстрелят, и ужин у нас будет.

— Хорошо бы… — вздохнул Витька. В пустошах, конечно, водилось множество «съедобной живности» — или хотя бы условно съедобной, но все эти многочисленные виды гигантских грызунов и карликовых копытных были не очень-то легкой добычей. Поколения естественного отбора научили их укрываться и от более стремительных и маневренных хищников, чем человек. — А то уже и жрать хочется…

— Не одному тебе. Причем не

знаю, как ты, а голодный я становлюсь невыносим в общении, как любит повторять мой кузен…

— Это тот самый, о котором мне Мафей все уши прожужжал, или у вас их несколько?

— Один он у нас. Но раз Мафей тебе уже все рассказал, я не стану повторяться. Лучше ты расскажи мне что-нибудь полезное об этом мире. Вот, например, ты обещал «как-нибудь потом» объяснить странное поведение того варвара, который падал перед нами на колени. Мне кажется, сейчас как раз наступило это «потом».

Витька тоскливо покосился на

убаса, по-прежнему спавшего беспробудным сном смертельно уставшего человека, и понял, что увести разговор в сторону никто ему не поможет. Пришлось поведать любознательному пришельцу о последнем пророчестве Нарны, снабдив его на всякий случай собственными комментариями, чтобы доверчивый герой не вздумал принять всю эту галиматью за руководство к действию. Увы, дитя волшебных холмов вынесло из Витькиного рассказа только то, что сочло нужным.

— Ты напрасно так легкомысленно относишься к

пророчествам, — с легкой укоризной заметил он, когда рассказчик умолк. — Это может быть действительно серьезно.

— Я тебя умоляю! Как можно серьезно воспринимать пророчество, которого на самом деле никто не знает! То, что дошло до нас, — многократно искаженный вариант косноязычного пересказа больным на голову дикарем слишком сложного для его понимания текста, услышанного в состоянии шока и тяжкого душевного потрясения. Ты можешь вычленить правду из этого бреда и дополнить недостающими фактами, утерянными при

пересказах?

— Например, вот мы с тобой. Ты и я. Судьбе пришлось стащить нас из разных миров, чтобы мы встретились, но вот мы вместе, и в нас узнают героев пророчества. И это скорее всего правда.

— Ага, и мы с тобой боги.

— Вот как раз насчет богов — это уже чья-то буйная фантазия постаралась. Или фанатичная религиозность. Показалось очередному рассказчику, что обычные люди — это недостаточно впечатляюще, и превратились герои в богов. А что там говорилось о падении Оазисов? Это правда?

Повелитель действительно захватил ваши города?

— Правда, — неохотно признал Витька. — Наш был двадцатый по счету. Только не думаю, что последний.

— Вот и проверим.

— Хорошо, я соглашусь с тобой, что пророчество действительно правдивое и стоящее внимания, если ты мне сейчас скажешь, что твоим волшебным мечом можно убить Повелителя, которого ничем другим даже ранить невозможно.

— Нет, не скажу, — после недолгих размышлений отозвался Элмар. — Вся волшебность моего

меча ограничивается особым магическим контактом с хозяином. На поражающих свойствах она никак не сказывается. И я пока не знаю, каким образом нам предстоит расправиться с Повелителем. Может статься, мы в наших странствиях найдем какой-нибудь мощный артефакт или узнаем какую-то тайну…

В ответ на этот перечень избитых сказочных сюжетов Кангрем столь красноречиво закатил глаза, что наивный мечтатель сразу же прекратил спор. И как раз вовремя, потому что именно в этот момент они заметили впереди и левее движущийся им наперерез легкий

«скорп» из тех, какими в пустошах пользовались небольшие мобильные банды.

— Что это? — немедленно поинтересовался любознательный иномирянин.

— Машина, — коротко пояснил Витька.

— Как наша?

— Поменьше. В нее больше шести человек не влезает.

— Ты можешь определить, кто это — друзья или враги?

— Бандиты, скорей всего. Машина всего одна, значит, банда мелкая и несерьезная, напасть они вряд ли рискнут. Как только увидят в

кузове автоматчиков, либо свернут и уедут, либо подкатят познакомиться. Может, что-то на обмен предложат.

Сзади загрохотало — кто-то в кузове стучал по крыше кабины.

— Да вижу, вижу! — крикнул Кангрем. — Выставьте автоматчиков на левый борт, чтобы они видели. Первыми не стрелять.

От грохота проснулся убас, поинтересовался, что случилось, и полностью одобрил Витькин приказ. К идее обмена отнесся скептически, с откровенным сарказмом вопросив, что у них есть такого ненужного, что можно было бы предложить.

— Ну, например, у одного из

покойников были при себе наркотики. А еще у нас пять трупов в кузове.

— Эти вряд ли заинтересуются человечиной, не такие уж голодные. А вот наркотики — может быть… Если что, иди сам торговаться. Я уж больно непрезентабельно выгляжу.

— А ствол мне свой дадите? А то знаете, человек без оружия выглядит еще более непрезентабельно, чем человек шатающийся.

— Дам, дам. Хотя лучше было бы оставить себе и прикрывать тебя отсюда, но безоружный ты и впрямь будешь смотреться подозрительно. И примету свою особую спрячь, нечего каждой крысе в пустошах знать, куда

направляется единственный в мире мутант с оранжевыми волосами.

— А куда я их дену?

— Там в бардачке я видел какую-то тряпку. Повяжи на голову.

— Тогда повяжите сами, я же за рулем.

«Тряпка» оказалась выцветшей байкерской банданой в стильных языках пламени и по цвету мало отличалась от Витькиных волос, в чем доверчивый Элмар, наверное, усмотрел очередное подтверждение дурацкого пророчества.

Банда действительно оказалась несерьезная — четверо юнцов, ошалевших от безграничной свободы

и вседозволенности, из тех, что ни в грош не ставят ни чужую жизнь, ни свою собственную и летят по жизни легко и беззаботно. Пока патруль не остановит.

Поравнявшись с грузовиком, «скорп» покатил рядом, а лихие молодцы, смекнув, что добычи из этого не выйдет, приветственно замахали руками и наперебой принялись предлагать поторговать.

Кангрем аккуратно затормозил и, поправляя трофейный пистолет на поясе, выпрыгнул из кабины. «Деловые партнеры» лихо развернулись, обдав его облаком пыли, и встали как вкопанные точно

напротив. Переговоры получились краткими и информативными.

— Жратва, пульки, бензин? — деловито поинтересовался предводитель, легким прыжком перемахивая через дверцу.

— Человечина интересует? — тут же предложил Кангрем, ибо еда и патроны им и самим бы не помешали, а про бензин он вообще боялся даже заговаривать.

— Не. — Парень брезгливо сморщился. — А чего еще есть?

— Ширево есть. Надо?

— С побережья или с пустоши?

— Синтетик, из Оазиса.

— Покажь.

Кангрем показал пакетик с порошком.

— А у вас что есть? Жратвы нет, это я понял. Может, хоть вода?

— Не, самим мало. Вот баба есть, если хотите… — Он обернулся к своим и крикнул: — Эй, меняем бабу на ширево?

— А мы как?

— Да что мы, другую не достанем? Мне эта уже надоела, и кормить ее нечем, да и затаскали вы ее что тряпку. Покажите, может, ее еще и не возьмут…

Сопливый пацан на заднем сиденье, тот самый, который вопрошал, как же они без бабы, полез

куда-то под ноги и за волосы вытащил на свет божий полуживое существо, в котором с большим трудом можно было опознать женщину. Голова ее бессильно болталась, на теле, едва прикрытом обрывками одежды, не было живого места.

Кангрем убрал руку с пистолета от греха подальше, чтобы не сорваться и не устроить все-таки перестрелку.

— Она у вас хоть живая вообще? — как можно непринужденнее поинтересовался он. — А то дохлятины у нас своей хватает.

— Да живая, че! — заверил юнец и рванул сильнее, заставляя пленницу

поднять голову. — Вона, гля, глазами смотрит! А у вас просто дохлые или зомби?

Кангрем с трудом сглотнул внезапно собравшийся в горле комок. Он узнал эти глаза, от которых до сих пор не удавалось укрыться ни одному таракану.

— Просто дохлые и вообще мужики. Если интересует…

— Не-е-е, — хором отозвались юные бандиты. — Если бы баба-зомби, тогда да…

— Ну че, швырк? — напомнил главарь. — Не боись, живая.

— Надолго ли? — с сомнением протянул Кангрем. — Ну да ладно…

Швырк. Хоть такая. Где взяли-то?

— В Пятом на бухло выменяли. Там еще есть, вам, если что, на ширево сменяют.

— Ага. Может, и заедем. — Витька обернулся к грузовику, колеблясь — не позвать ли Элмара, чтобы помог дотащить? Потом подумал, что лучше не рисковать. Он сам-то еле удержался, а этот вообще без тормозов. Увидит, что эти уроды с женщиной сделали, и молча пойдет рубить. А у них пулемет. Лучше уж он сам как-нибудь…

Он взвалил на плечо почти безжизненное тело, бросил главарю пакетик и, стараясь не сгибаться под

тяжестью груза, зашагал к своим.

За его спиной взревел мотор и опять взвилось облако пыли.

— Морковка, ну ты и коммерсант хренов, чтоб тебя граки линялые драли! — встретил его у подножки рассерженный Кетмень. — Как твоя лавочка не разорилась до сих пор, не могут понять! На кой нам сдалась эта несчастная женщина, когда у нас и так полный кузов больных, увечных и голодных!

— Зачем ты их живыми отпустил? — почти в один голос с ним воззвал из глубины кабины спаситель больных и увечных.

— Потому что у них пулемет, —

ворчливо отозвался Витька, помогая им втащить тело в кабину. — Но не огорчайся заранее, может, они нынче же вечером от передоза сдохнут, как только покупку распробуют.

— Вот уж свалился на мою голову собиратель убогих! — не унимался убас. — Как можно было сменять единственное, что у нас было, на совершенно незнакомую женщину, которая еще неизвестно, выживет ли! У нас ведь даже врача нет!

— Во-первых, очень даже знакомую, — огрызнулся Витька и с трудом втиснулся на водительское место. — А во-вторых, теперь есть.

Сварливый старик наконец

догадался присмотреться к покупке и охнул в изумлении.

— Да ведь это же Хаши!

— Вот именно, — проворчал Кангрем. — Уплотнитесь как-нибудь.

— Я переберусь в кузов, — немедленно сообщил Элмар. — Я занимаю слишком много места. А поговорить мы сможем и потом.

Когда он исчез за дверью, а оставшиеся пассажиры расположились свободнее, Кетмень задумчиво произнес:

— Знаешь, Морковка, мне иногда кажется, что ты и не человек вовсе, а какой-нибудь пришелец с Семи Небес.

Витька угрюмо указал себе за спину.

— Вон там у нас есть куда более интересный экземпляр для удивления.

— Там как раз ничего удивительного. Он действительно пришелец и не скрывает этого. А вот ты… Знаешь, меня бы не удивило, если бы ты отдал последнее за какую-нибудь незнакомую девчонку, которую тебе просто стало жалко. Но Хаши — это уж слишком.

— Да что за хрень вы несете! — разозлился Витька. — По-вашему, из-за этих несчастных тараканов я должен был оставить ее на верную смерть? По-вашему, деньги и жизнь

— это равноценные понятия? И, в конце концов, нам нужен врач или нет?

— Да нужен, конечно. Только я ни на вот столечко не поверю, что ты хоть на миг об этом задумался, когда ее выкупал. Тебе просто стало ее жалко. Вот это меня в тебе и удивляет. Ты вырос в дикарском селении, где жизнь зачастую дешевле черствой лепешки, откуда в тебе это? Где ты подцепил эту нечеловеческую жалостливость, эти возвышенные идеи о сверхценности человеческой жизни и о том, что никого нельзя бросать в беде?

— Не знаю, — проворчал Витька,

мрачно уставившись на дорогу. — Мало ли где я мог чего подцепить за свою долгую жизнь. Может, и в детстве, я его все равно не помню. А может, от сектантов заразился. Чего вы пристали, что да откуда. Спите вон лучше. Или помогите Хаши, если есть чем. Там вроде в аптечке было что-то узнаваемое… Спиртом пахло, во всяком случае.

Доставая из бардачка аптечку, убас не удержался и в который раз сунул нос в приборы. Кангрем давно заметил его интерес, но упорно молчал, ожидая, когда он сам спросит. На этот раз старик, похоже, отчаялся найти ответы

самостоятельно.

— Давно хотел тебя спросить, Морковка: сколько у нас бензина осталось?

— Я был бы благодарен, если бы кто-то мне показал, где здесь вообще бензин, — мрачно ухмыльнулся Виктор. — Потому что я его не нашел. Ни на приборах, ни в баках.

— Но машина как-то едет?

— Да. Бензина нет. А машина едет. Я сам понятия не имею как. И что вот это такое, — он ткнул пальцем в шкалу расхода энергии, — тоже не знаю. Не видел ни разу. И заводится эта машина не так, как наши. Мне пришлось методом тыка

искать. И руль у нее тоже какой-то странный. И в аптечке не пойми чего. Да и сами эти торговцы какие-то подозрительные.

— Ты тоже заметил?

— Да все, наверное, заметили, кроме Элмара, пожалуй. Для него здесь все одинаково чужое.

— И что ты обо всем это думаешь?

— Ничего особо умного мне в голову не приходит. Вы там, кстати, не отвлекайтесь, занимайтесь делом. Общаться можно и в процессе.

Кетмень зарылся в аптечку, но от скользкой темы не ушел.

— А что глупого приходит тебе в

голову?

— Вы нарочно издеваетесь, что ли? Наверняка ведь сами уже придумали пару-тройку версий куда умнее моих, но вам непременно надо, чтобы неграмотный дикарь в очередной раз расписался в своей бестолковости!

— Откуда такие мысли? Если хочешь знать… раз уж спросил прямо, а момент располагает к откровенности… Я никогда не считал тебя тупым дикарем, а, напротив, уверен, что ты успешно скрываешь свой истинный уровень интеллекта под маской хамоватого простака.

— Я такой, какой есть, — упрямо

отозвался Витька, впившись взглядом в дорогу, чтобы не встретиться глазами с собеседником. — И вовсе я не имел в виду, что я дурак, а вы умный, хотя вы и считаете своим долгом ткнуть меня носом в каждую глупость, которую я делаю или говорю. Просто я технарь, а вы безопасник, поэтому во всяких подозрительных загадках наверняка разбираетесь лучше.

Убас вздохнул, грустно попялился на пузырек, который вертел в руках, безуспешно пытаясь по запаху определить содержимое, и признался:

— Дело в том, что мне тоже

приходят в голову лишь несусветные глупости. Настолько, что я не решаюсь их высказать без гарантии, что меня не высмеют. Потому и пытаюсь узнать, одинок ли я в своих фантазиях.

— И для этого вам непременно нужно, чтобы я высказался первым? Для гарантии, что я не повторю эти глупости за вами? Ну ладно, пожалуйста. Первый вариант — сюда добрались уцелевшие жители других мест. Не одичавшие группки выживших, а организованные остатки государственных структур, вроде наших Оазисов. Второй вариант — где-то на ничьих землях возникла

новая цивилизация, вроде империи Повелителя. Не зря же они с ними торгуют, чем-то обмениваются. Тоже, поди, такие же сволочи. И третий вариант… наверное, вы о нем тоже подумали, и он-то вас так и смутил. Если есть один «другой мир», откуда к нам приходят волшебники, то почему бы не быть и второму, где делают странные грузовики и лекарства с нечитаемыми названиями.

— Вот видишь. А еще дурачком прикидываешься. Вот этот-то последний вариант меня и пугает. И не столько фантастичностью своей, сколько опасностью. Как думаешь, почему?

— Потому что они сильнее, у них все есть, а у нас они покупают рабов.

— Вот именно. Даже если они не поддержат Повелителя, они и сами по себе могут доставить нам кучу неприятностей.

— Давайте о неприятностях думать по мере их поступления, а пока все-таки займитесь бедняжкой Хаши. Мне не нравится, что она сидит и тупо молчит, пока мы через ее голову переговариваемся. Поговорите с ней, что ли.

— Сам бы и поговорил.

— Она меня не любит. И вообще я за рулем.

— Ага, и едешь ты по узкой

извилистой дороге, на которой постоянно попадаются канавы, камни и прохожие, — съязвил убас, которому, по всей видимости, тоже хотелось спихнуть душеспасительные разговоры на кого-то другого.

Неизвестно, до чего бы еще они договорились, но тут случилось нечто, заставившее обоих на некоторое время забыть о загадочных пришельцах и несчастной пассажирке.

Меч Элмара, который так и лежал, мешаясь под ногами, вдруг замерцал и прямо на их глазах исчез.

Несколько секунд они глупо таращились на то место, где он только

что был. Потом совершенно непонимающе переглянулись.

Потом ошарашенный Витька остановил машину и, высунувшись из кабины, заорал на всю пустошь:

— Элмар! Твой меч пропал!

— Как пропал? — Возникшая над бортом физиономия пришельца излучала максимум легкое недоумение. — Выпал или исчез?

— Исчез. Прямо на глазах, словно в воздухе растворился.

— А, это значит, его просто кто-то взял, — окончательно успокоился Элмар. — Вернее, не кто-то, а Шеллар, нас только двое признанных владельцев. Вот только… — Герой

вдруг утратил обычное непробиваемое спокойствие, словно некая неожиданная мысль пришла ему в голову и за доли секунды успела перевернуть там все вверх тормашками. — Зачем он мог понадобиться Шеллару? Не случилось ли с чего с моим кузеном?

Шеллар отступил на несколько шагов и оперся плечом о ближайшее деревцо, пытаясь отдышаться. Нечто длинное, безглазое и зубастое, напоминающее одновременно змею и червяка, все еще извивалось и жадно разевало пасть, уже будучи разрубленным на три неравные части.

В иной обстановке Шеллар непременно дождался бы, когда диковинное животное сдохнет окончательно, чтобы рассмотреть поближе, пощупать, изучить, но сейчас ему чуть ли не впервые в жизни было совершенно безразлично, как оно там устроено, сколько рядов зубов у этого чудища и змея оно вообще или все-таки червяк.

Он не дал себя съесть, а все остальное было не столь важно.

Шеллар с сожалением отлип от дерева и отошел еще немного дальше, перед каждым шагом осмотрительно прощупывая почву костылем. Четверть часа назад он чуть не утонул,

провалившись по пояс в трясину, и лишь природное хладнокровие и верный костыль помогли ему спастись. Поскольку бывший король еще с детства отличался сообразительностью и быстрым усвоением учебного материала, одного наглядного урока ходьбы по болоту ему хватило, чтобы усвоить основной принцип и больше не подставляться.

Только что он получил второй урок: внимательно смотреть следует не только под ноги, но и по сторонам, иначе можно запросто без этих самых ног остаться.

Присев на кочку, Шеллар

осмотрел прокушенный в нескольких местах ботинок, поколебался пару мгновений и пришел к выводу, что снимать его — только зря время терять. Ядовито ли зубастое нечто, он не знал, и даже если бы знал, практической пользы от подобной осведомленности было ноль. Серьезных ран напавший хищник не нанес, а мелкие царапины нет смысла перевязывать. К тому же нога все равно левая, которой хуже уже не будет. Дыры в ботинке вряд ли могут всерьез кого-то волновать, когда в этом ботинке давно хлюпает вода пополам с грязью. А беспокоиться о возможной инфекции уже немножко

поздно — за последние пару часов он успел прополоскать в болотной воде и более серьезную рану, чем только что полученные царапины. Поэтому нечего тут рассиживаться, сударь, в левую руку костыль, в правую меч, и вперед, к заветной пирамиде.

Да, фамильный меч тяжеловат, и нести его в руке неудобно, но третий урок, преподнесенный самонадеянному путешественнику суровой природой, гласил: хищники не предоставляют своему будущему обеду лишних трех секунд на то, чтобы достать оружие. А их впереди еще будет достаточно. Насчет прекрасной возможности утонуть в

болоте маг не соврал, значит, и обещанные крокодилы скорее всего тоже реальны. Вот только одно плохо: когда обе руки заняты, нечем сражаться с комарами…

Когда вдалеке замаячили развалины, было всего два часа с небольшим, поэтому добраться до них удалось еще засветло. Здесь и решили остановиться на ночь.

Вопреки представлениям аудитории популярных сериалов у реальных жителей Каппы ночевка в развалинах не считалась опаснее ночевки под открытым небом в пустошах. Хищников хватало и там и

там, но в заброшенных поселках можно было найти еще и какую-никакую крышу над головой, и стены, хотя бы относительно защищающие от тех самых хищников, и топливо для костра, и даже, если повезет, какие-нибудь полезные вещи, до которых не добрались вездесущие следопыты-собиратели. Последнее было особенно актуально для беглецов, не имеющих даже ложки с кружкой.

Кроме того, в развалинах всегда можно настрелять хотя бы крыс, что тоже важно для тридцати восьми голодных мужчин, которые выехали в дальний путь без завтрака, не нашли по дороге ничего напоминающего

обед и даже на ужин не смогли припасти никакой дичи — не попадалась она сегодня что-то.

Едва беглецы вылезли из машины, неутомимый Кетмень мгновенно их опять построил, разбил на группы и раздал каждому указания. Самым боеспособным — произвести разведку, остальным здоровым, кому не хватило оружия, — двигаться следом за разведчиками и собирать все, что найдут полезного, тем, кто послабее, — обустраивать лагерь, а совсем немощным — лежать под машиной и ждать ужина. Если он будет.

Оба «карающих божества»

оказались в группе собирателей-носильщиков, что весьма обрадовало Кангрема — он еще не забыл генеральную уборку под руководством деятельного волшебника и сильно подозревал, что обустройство под руководством убаса будет происходить точно так же. Элмар остался недоволен. Он полагал, что его место среди разведчиков-охотников, а в носильщики убас его запихнул только оттого, что плохо его знает. Открыто протестовать он не стал, чтобы не подрывать авторитет командира, но Витьке свое возмущение высказал.

— Ты совсем того? — опешил

Кангрем, выслушав весь этот вздор. — Куда тебе в разведку, ты же безоружен, а там знаешь какие твари могут водиться? Был бы у тебя хоть меч твой, я б еще мог понять, а с голыми руками в развалины переться — какой смысл?

— Почему с голыми руками? — недоуменно переспросил Элмар. — Неужели там невозможно даже дубину выломать или палку найти? К тому же у меня есть вот эта замечательная прочная веревка, из которой можно смастерить…

Идущий впереди разведчик, бывший спецназовец из Семнадцатого Оазиса, по прозвищу Змей, обернулся

и внушительно шикнул на них. Обиженный герой послушно умолк, так и не поведав миру, что можно смастерить из буксировочного троса и каких деталей для сего шедевра не хватает.

Боевая группа работала быстро и слаженно, словно ребята не сегодня познакомились, а много лет воевали бок о бок. Несколько ближайших зданий были осмотрены в считанные минуты и признаны безопасными и бесполезными — в них явно уже кто-то побывал и вынес все, что уцелело. Разведчики двинулись дальше, за ними на некотором расстоянии поплелись и добытчики.

Элмар так и не расстался с идеей соорудить себе какое-нибудь оружие из подручного материала: на каждом шагу он осматривался, отбегал в сторону, подбирал всякий хлам, пробовал на вес и на прочность, после чего с огорчением отбрасывал обломки и опять принимался высматривать что-нибудь увесистое и крепкое. Увы, сгнившие доски и ржавые трубы крошились в его могучих руках, как солома. Герой ругался, спутники деликатно хихикали, а Витька пытался объяснить, что за полтора столетия сохраниться могли только самые устойчивые материалы, и на улице

они не валяются.

Элмар уже почти смирился, и тут-то им попался практически целый и почти не разграбленный особнячок. Видно было, что кто-то подбирался к этому кладезю ценнейших сокровищ и даже успел выволочь наружу два мешка (они так и стояли у двери, сиротливо прислонившись друг к дружке). Но дальнейшая судьба счастливого искателя сложилась не столь радужно, как он надеялся, о чем ясно свидетельствовали брошенная тут же на пороге винтовка, обрывки защитного костюма и красноречивое бурое пятно.

Разведчики остановились у

крыльца, осмотрели винтовку и принялись встревоженно оглядываться по сторонам, что-то яростно обсуждая вполголоса. Сунувшись внутрь и осмотрев прихожую и коридор, трое остались у дверей, а спецназовец, подхватив найденную винтовку, вернулся к поисковой группе, ожидавшей на другой стороне улицы.

— Войдете в дом сразу за нами, — приказал он, внимательно всматриваясь в лица, словно искал кого-то. — На улице не торчите. Если у этого мешочника было при себе оружие и достаточно патронов и его все равно кто-то сожрал, велика

вероятность, что здесь водятся граки. Может, конечно, он просто бдительность потерял от радости, но рисковать не стоит. Сожрали-то со всеми потрохами, даже сапог не осталось.

Витька перевел его речь для Элмара, с тоской ожидая закономерного вопроса, что такое граки и нельзя ли их зашибить голыми руками или при помощи «вот этой замечательной веревки». Но, к счастью, расспросов не последовало — герой только кивнул серьезно и сообщил:

— Диего мне рассказывал про этих чудовищ.

Витька мысленно возблагодарил предусмотрительного квартиранта.

Змей между тем в последний раз перевел взгляд с него на сердитого солдатика и обратно, затем все же остановился на парнишке и решительно сунул ему в руки винтовку.

— Ты пойдешь с нами.

Кангрем даже обиделся немного. Не то чтобы он так уж рвался в бой, скорее давнее чувство собственной второсортности, сопровождавшее всю его жизнь в Пятом Оазисе, дало о себе знать. Конечно, неопытный новобранец всяко лучше, чем какой-то дикарь с сомнительным цветом волос.

Вроде и мужик серьезный этот спецназовец, и не дурак, а все равно где-то в голове сидит у него это дурацкое убеждение: лучше соотечественник, чем дикарь, лучше военный, чем штатский, лучше полноправный гражданин Оазиса, чем приблуда из пригорода…

— Это он зря, — заметил за его спиной наблюдательный Элмар. Кангрем обернулся и замедлил шаг.

— Ты о чем?

— О том, кого он выбрал. Среди нас было три более толковых воина, но он выбрал самого младшего.

— Трое — это с тобой?

— Нет, себя я не считаю. Ты и

вон те двое. — Он кивнул вслед обогнавшим их двум летчикам из Первого.

— Слушай, а чем тебе этот парнишка не понравился? Ты тогда, в машине, тоже ведь нарочно выбрал, куда сесть? Ну, со мной понятно, мы хотя бы относительно знакомы были, но ты ведь мог втиснуться хоть слева, хоть справа, а предпочел иметь дело с убасом, а не с этим парнем. Почему? Что с ним не так?

Элмар чуть шевельнул массивными плечами.

— Да все так, только молодой слишком. Старый воин — мудрый и опытный, а в мальчишках дури еще

много, в любой момент могут глупость спороть и все испортить. Знаю, сам таким был. Вот меня и удивило — этот ведь тоже должен знать, а почему-то взял мальчишку.

— Да тут все просто. Летчики для зачистки зданий не подготовлены, у них другая специальность, другие навыки. А я вообще не военный.

Разумеется, отважный пришелец тут же мыслительно наморщил лоб и уточнил:

— А летчики — это что за войска?

— Это водители летающих боевых машин… — обреченно пояснил Витька, предвидя долгую

просветительскую лекцию об элементарных вещах. Но Элмар тут же просветлел лицом, вспомнил, что ему об этом тоже кто-то уже рассказывал, и через два шага о тех летчиках забыл.

Но зато не забыл, что ему по-прежнему нужно оружие.

Перила крыльца избежали проверки лишь оттого, что их кто-то успел разломать раньше, — наверное, тот самый неопознанный хищник, который здесь обедал. Но уж внутри дома страдающий от безоружности воин развернулся вовсю.

Началось все еще на кухне, где Элмар, наплевав на свои собирательские обязанности,

перещупал все ножи и всеми остался недоволен. Продолжилось в кладовой, в которой не нашлось ничего, кроме пыли и плесени. Затем в санузле, где уже изрядно испачканный герой собрал на себя еще больше пыли. Затем в столовой, где вообще нечего было искать, потому что все это уже стояло в мешках на крыльце…

И только когда они добрались до следующей комнаты, упорство несокрушимого дикаря было вознаграждено с лихвой: там обнаружилась отлично сохранившаяся и никем не тронутая коллекция старинного оружия.

Глаза Элмара в один миг обрели

то особое выражение, которое можно наблюдать у детей в магазине игрушек. Он метнулся к одной витрине, потом к другой, потом передумал и схватил какой-то церемониальный меч на деревянной подставке и сразу же потянулся за двумя другими, висящими крест-накрест на истлевшем ковре…

Кангрем понял, что это надолго, и махнул рукой остальным спутникам.

— Давайте пока вернемся на кухню и соберем какой-нибудь посуды.

— А он?… — попытался возмутиться вечно всем недовольный автомеханик из Тринадцатого Оазиса,

которого за полдня знакомства уже успели окрестить Консультантом — так он всех достал попытками руководить хоть чем-нибудь и наводить порядок хоть где-нибудь.

— А он потом придет.

— А чего это мы будем работать, а он развлекаться!

— По-моему, если он найдет себе наконец оружие, это будет лучше для нас всех.

— Вот всегда так — одним оружие, а другим таскать! Я, может, тоже хочу…

— Пойди сам ему скажи, — предложил Витька, теряя терпение.

— Консультант, ты достал! —

поддержал его один из летчиков. — Ты хоть имеешь представление, как этим старинным железом пользоваться? Ты вообще хоть что-нибудь, кроме монтировки, в руках держал?

Обиженный Консультант отступил под давлением большинства, но еще долго ворчал, что окружающий мир всю жизнь был к нему несправедлив, что ему всегда чего-то недодавали, в школе придирались, по службе не продвигали, гениальные идеи зажимали и даже женой обделили. По Витькиному глубокому убеждению, совершенно заслуженно, ибо подобные экземпляры не должны

размножаться.

Пока они выискивали среди битых черепков целые тарелки, отбирали наименее пострадавшие от времени ложки и складывали все это в трехведерную выварку, вернулись разведчики с новостями. Они обошли весь дом, подстрелили пару крыс, больше никого не встретили. Зато нашли в саду колодец, и теперь им нужна та веревка, которую нес Элмар, и ведро или что-то в этом роде, чтобы проверить, есть ли там вода и какая она. Если окажется, что вода здесь есть, а граков, соответственно, нет, было бы неплохо подогнать машину поближе и расположиться прямо в

этом самом доме.

Почти сразу же за ними явился и Элмар. В одной руке он тащил здоровенную медную палицу, напоминавшую скипетр, а в другой — сразу несколько разнообразных клинков.

— Вам здесь точильный камень, случайно, не попадался? — с порога вопросил он, не обращая внимания на любопытные взгляды.

— Где-то видел, — отмахнулся Витька, — но сейчас не вспомню. Потом наточишь, сейчас нам веревка нужна. Где она?

— Ах да… — виновато огляделся герой. — Кажется, я ее там оставил.

Сейчас принесу. А зачем?

— Колодец надо проверить.

— А, ну, давайте ведро, я проверю.

Вот так и получилось, что в сад — вернее, на то место, которое полтора века назад теоретически было садом, — вместе с разведчиками вышел и этот безбашенный дикарь с ведром на тросе в одной руке и палицей в другой. Как оказалось, к всеобщему счастью, ибо в то же самое время со стороны улицы в тот же бывший сад вошел, крадучись и принюхиваясь, тот самый не к добру помянутый грак.

Момент его появления Витька

пропустил и к окну бросился, только услышав предостерегающий окрик спецназовца. Видимо, зря он всю жизнь валил все свои неприятности на невезение — его собственной дури в них тоже немало было вложено. Вот и в этот раз нормальные люди бросились в кладовку, а он, как придурок последний, — к окну. Посмотреть, театрал недоделанный! Как будто его «посмотреть» чем-то могло помочь тем, кто снаружи, и не было опасно для него самого.

К чести разведчиков, у них все же хватило выдержки не драпать в панике, хотя и в противном случае их бы все поняли и никто бы не осудил.

Отступали быстро, но спиной к опасности не разворачивались и бесполезной стрельбы не начинали — граку автоматная пуля не повредит, а патронов не так много, чтобы ими без толку разбрасываться.

Элмар остался стоять где стоял. Как был, с палицей и ведром, только оружие перехватил поудобнее и стойку немного сменил. Все орали ему: «Уходи!» — даже сам Витька, кажется, что-то такое орал, но точно он не помнил. А пришелец стоял и молча ждал, бесстрашно наблюдая, как на него несется полтонны мышц, зубов и первобытных инстинктов. Он стоял спиной, и лица его было не

видно, но Витька почему-то был уверен, что оно сейчас точно такое же, как тогда, в кузове, — выжидающе-сосредоточенное, без тени сомнения в глазах. Он привык побеждать, он всегда побеждал и даже в мыслях не допускал, что может быть иначе, чертов сумасшедший дикарь…

Казалось, что еще миг — и он просто не успеет отступить, увернуться или что он там задумал, но, несмотря на свой простодушный вид, парень просчитывал каждое движение четко и безошибочно. Короткий и быстрый, слишком быстрый для такого массивного тела рывок — и зловещие челюсти

клацнули вхолостую, не задев даже одежду. А ускользнувшая добыча в мгновение ока оказалась на охотнике верхом, вернее, на загривке, прочно стиснув его ногами и одной рукой держась за ухо.

Ошалевший от такой наглости грак попытался сбросить наездника, мотая головой, потому что дотянуться до него зубами теперь не мог, — и немедленно получил сокрушительный удар коллекционным «скипетром» между глаз. И еще раз — по носу. И по зубам. И по морде. И по шее. И по свободному уху. Словом, по всему, что подворачивалось под руку «карающего божества». Еще

несколько секунд оглушенный зверь по инерции дергал башкой, затем пару раз встал на дыбы и наконец сообразил, что дело складывается не в его пользу. Издав непривычно жалобный, болезненный вой, грак ринулся прочь, унося на загривке намертво вцепившегося всадника и волоча за собой на буксировочном тросе победно громыхающее ведро.

Змей опустил автомат и некоторое время смотрел им вслед, прислушиваясь к затихающему вдали топоту, затем уверенно заявил:

— Ставлю на парня.

Его товарищи тоже расслабились и опустили оружие, но желающих

поставить на грака среди них не нашлось.

Глава 17

— Вот этого, — мрачно изрек Фредриксон, — сейчас съедят.

Т. Янссон

Когда Шеллар добрался до цели своего путешествия, солнце уже склонилось к закату и над болотом сгущались сумерки.

Если бы сейчас его увидел кто-то из давних знакомых, то вряд ли узнал бы в этом ходячем комке грязи всегда аккуратного и опрятного короля.

Несмотря на все попытки быть осмотрительным и смотреть, куда ступает, Шеллар трижды или четырежды проваливался в болото и несчетное число раз спотыкался и падал, по каковой причине его теперь с головы до ног покрывали грязь и тина. Местами она успела подсохнуть и отвалиться, и сквозь эти прорехи виднелись изорванная одежда и даже участки голого тела, изъеденные комарами. Над левой лопаткой распухал и наливался фиолетовым неимоверных размеров синяк, оставшийся после укуса неизвестного насекомого, напоминавшего громадного слепня. Лицо тоже

распухло, покраснело и покрылось волдырями до такой степени, что трехдневная небритость на нем уже становилась незаметна. На левой руке чуть выше локтя багровел ожог, приобретенный при встрече с плотоядным растением. Злополучный левый ботинок давно остался в пасти гигантской сороконожки, не разжавшей челюсти даже после отрубания головы. Правый продержался почти до самого конца и трагически погиб в пучине болота, когда его владелец в очередной раз провалился по колено в вездесущую жидкую грязь.

Как ни странно, встреч с

крокодилами Шеллару почти удалось успешно избежать. Один раз он заметил их издали и успел свернуть и обойти, в другой — заметил слишком поздно, но тут уж не заметили его они, так как были заняты поеданием кого-то другого.

Действие укола давно закончилось, и все раны и увечья, как старые, так и свежие, превращали каждое движение в мучительную пытку, а каждый шаг — в подвиг. Острая дергающая боль в ране перемежалась жжением в местах укусов (то есть везде) и ноющей ломотой во всех мышцах. Шеллар давно оставил попытки о чем-либо

думать, ибо думать в таком состоянии вообще было невозможно, и тупо шагал вперед, из последних сил удерживая в голове одну, последнюю, мысль: он должен дойти до пирамиды во что бы то ни стало. Зачем? А демоны его знают, неважно, просто надо дойти, а там видно будет.

Когда до подножия пирамиды оставалось всего около тысячи локтей, идти стало немного легче. Под водой, на глубине не больше локтя, появилась твердая поверхность. Наверное, когда-то тут была дорога.

«Последние шаги, уже почти пришел», — мысленно подбодрил себя Шеллар и попытался вспомнить,

зачем же он сюда столь отчаянно рвался. В голове царила такая неимоверная путаница, что вспомнить сразу не удалось, лишь смутно всплыла подсознательная уверенность, что его здесь кто-то должен ждать. И, видимо, напрасная, потому что ни на пирамиде, ни рядом, у подножия, никого не было. «Как бы то ни было, — подумал валящийся с ног путник, — я выбрался из болота и нашел место, где можно сесть… или даже лечь… не боясь провалиться в трясину или попасться в зубы крокодилу…»

И как будто сглазил.

Недалеко позади послышался

подозрительный плеск, будто кто-то шлепает по болоту за ним вслед. Шеллар оглянулся и, стиснув зубы, из последних сил ускорил шаг. Из зарослей выбирался огромный крокодил.

Пирамида приближалась с каждым шагом, до нее оставалось локтей семьсот, и уже хорошо видны были ступени, ведущие к вершине, — высокие, неудобные, доступные для человека, но представляющие серьезное препятствие для коротких лап крокодила. Нужно только добраться до них, успеть, и он спасен…

Шестьсот пятьдесят локтей…

шестьсот…

Шеллар не вполне помнил, зачем ему спасаться, и даже не был полностью уверен, так ли уж это необходимо, но всякие вопросы «зачем?», «для чего?», «нужно ли?», «а что потом?» в этот миг вылетели у него из головы, осталось лишь неудержимое животное желание жить, которое гнало его вперед, подхлестывало и заставляло измученное тело находить силы для последнего рывка.

Пятьсот локтей…

Крокодил шлепал по дороге далеко позади, расстояние до него было намного больше, чем до

пирамиды, но и сокращалось оно гораздо быстрее. Почему-то чуть ли не впервые в жизни у Шеллара не возникло ни малейшего желания прикинуть на глаз расстояния и скорости и высчитать, кто доберется до цели первым. Он отчаянно ковылял вперед, опираясь уже не только на костыль, но и на меч и боясь лишний раз оглянуться, чтобы не терять драгоценные секунды.

Четыреста локтей…

Зловещее хлюпанье слышалось все ближе, а идти становилось все труднее. Правая нога так и норовила подогнуться, а на левой сквозь мокрую грязную повязку стала

проступать кровь. Последнее почти не взволновало Шеллара — гораздо больше его беспокоила вероятность оступиться и упасть. Это было бы непоправимо и, помимо того, чрезвычайно обидно — свалиться за каких-то триста локтей от спасительных ступеней и потерять уйму времени на попытки подняться. И вдвойне обидно было бы умереть именно сейчас, когда спасение так близко. Проклятье, неужели эти бессовестные боги, если они есть, решили, что он еще недостаточно познал обратную сторону пути?

Двести локтей.

Шеллар уже видел, как по

стремительно мелеющей воде расходятся волны, догоняя его, и чувствовал, как дрожит земля под тяжеленной тушей хищной рептилии. Он не выдержал и все-таки оглянулся, боясь пропустить момент, когда бегство становится бесполезным и надо срочно поворачиваться к опасности лицом, пока она не вцепилась тебе в задницу. Огромной распахнутой пастью, плотно усеянной острыми зубами.

Нога скользнула по мокрому камню, и он едва не свалился, чудом удержав равновесие и не сломав при этом ни меч, ни костыль. Торопливо выровнявшись, беглец ринулся вперед,

стремясь наверстать потерянные секунды.

До пирамиды оставалось около ста локтей.

До крокодила ненамного больше. И он двигался быстрее.

Через десяток шагов вода кончилась, и по сухому камню идти стало легче, но эта маленькая радость уже никак не могла помочь выиграть время. Шеллар попытался прибавить скорости, но безуспешно. Сердце колотилось как безумное, голова кружилась, а дыхание давно превратилось в прерывистые хриплые стоны.

Они добрались до цели

одновременно. В один и тот же миг лязгнули зубастые челюсти, норовя сомкнуться на ближайшей ноге резвой добычи, а сама добыча последним натужным рывком бросила обессилевшее тело вверх через две ступеньки.

Крокодил все же промахнулся — в последний момент мясо выскользнуло у него чуть ли не из пасти, оставив вместо себя невкусную и вообще несъедобную деревяшку.

Шеллар простонал самое грязное ругательство, какое смог вспомнить, и в отчаянии запустил в зверя обломком безвременно погибшего костыля. Встать он, возможно, смог бы, но вот

идти… Передвигаться без опоры он был не в состоянии с самого начала пути, а использовать в этом качестве меч сейчас не казалось разумным — оружие требовалось для другой цели.

Крокодил потянулся вперед, нащупывая передними лапами ступеньку. Будь он раза в полтора поменьше, возможно, и не достал бы, но, как назло, этот экземпляр оказался поистине гигантским.

Увидев на нижней ступеньке устойчиво опирающуюся лапу, а в локте от своей пятки — настоятельно раззявленную пасть, Шеллар торопливо отдернул ногу и пополз вверх по лестнице, не выпуская из рук

меч.

Крокодил медленно, но настойчиво пополз за ним.

На площадке первого яруса Шеллар остановился, сел, подтянувшись на руках, и попытался хоть немного отдышаться. Проклятая скотина здорово отстала, но упорством, похоже, не уступала своему будущему ужину. Медленно и осторожно цепляясь лапами за ступеньки, крокодил взбирался наверх, и рассиживаться было некогда.

Шеллар задрал голову и посмотрел вверх. Еще десяток локтей до второго яруса, примерно столько

же до вершины… И все. Дальше бежать некуда. Вариант «спуститься вниз с противоположной стороны» в качестве разумного не рассматривается.

Он посмотрел вниз. Крокодил неумолимо приближался. Издали в сумерках он казался огромным сказочным чудовищем, хотя Шеллар еще внизу успел заметить, что лап у него все же четыре, а не шесть. Все-таки сбежать не удастся, и помощи тоже ждать неоткуда. Вряд ли те далекие голоса, что пытались дозваться его на болоте, искали его с благородной целью спасти. Утопить или вернуть к Повелителю — это

ближе к истине…

Значит, придется драться. Только для этого лучше встать. Драться лежа не особенно удобно. А чтобы встать, и главное — чтобы остаться стоять, нужна опора. Здесь ничего подходящего нет, а вот на втором ярусе виднеются какие-то скульптуры. Доползти туда… Встать на ноги… поднять меч, который последние полчаса кажется неподъемным… и опустить на жадную зеленую морду. Если повезет, может быть, попадет. Если очень повезет, крокодил отпрянет, оступится и свалится вниз. Если удача будет особо благосклонна — ну хотя бы для равновесия, после

всего пережитого за последние дни, — он больше не полезет наверх, а поползет искать добычу попроще…

До второго яруса Шеллар добирался уже без той безумной суеты, которая владела им во время отчаянной гонки со смертью у подножия пирамиды. Теперь спешить было некуда, и не было нужды надрывать мышцы и задыхаться — кстати, надо все-таки хоть немного меньше курить, действительно легкие слабеют… Повязка все больше пропитывалась кровью, а что творилось под ней, не хотелось даже представлять, особенно учитывая тот факт, что даже относительно чистой

тряпки, чтобы сменить повязку, поблизости не наблюдалось. Добравшись до второго яруса и присев на верхнюю ступеньку, Шеллар без особой надежды что-то понять пощупал промокшую штанину, выяснил, что жар от воспаленной раны чувствуется даже сквозь слой бинтов и ткань одежды, а прикосновение только усиливает и без того нестерпимую боль, со стоном выругался и не глядя вытер окровавленную ладонь о влажный шероховатый камень ближайшей скульптуры. Об этом можно будет подумать потом… если это будет еще актуально… вернее, если «потом»

вообще будет…

Крокодил приближался.

Шеллар с некоторым злорадством представил себе, как он будет спускаться, и, ухватившись липкой от крови рукой за то место, где когда-то была голова каменной кошки, принялся осторожно вставать. Единственная здоровая нога подгибалась от усталости, голова по-прежнему кружилась, а когда Шеллар попытался выпрямиться, его с такой силой повело в сторону, что пришлось ухватиться за статую и второй рукой, чтобы не упасть. Меч он так и не выпустил, отчего хватка получилась недостаточно крепкой. И когда

каменная плита, на которой он стоял, неожиданно поехала под ногами, все-таки не устоял и с безнадежным стоном скатился по узкой каменной лестнице.

Он еще увидел высоко над собой лоскуток темнеющего неба с белесой луной, а потом плита задвинулась и стало темно.

Рев, топот и разноголосый галдеж слышались по всему заброшенному городку еще с полчаса — очумелый грак с наездником на загривке все это время бесцельно носился по улицам и переполошил всю местную живность — от

тараканов до крыс и собак. Потом шум стих вдалеке, и непонятно было — то ли зверь наконец издох, не вынеся издевательств, то ли все-таки извернулся и добрался до обидчика, то ли просто слишком далеко ускакал.

Витька всерьез обеспокоился за судьбу отчаянного пришельца, и по лицам остальных было видно, что в своем беспокойстве он не одинок. Но каждый предпочитал нехорошие мысли держать при себе, отчего вслух никто тревоги не высказал, чтобы не навлекать беду. Разведчики и собиратели молча продолжили работу, лишь изредка прислушиваясь к естественному шуму развалин и

тревожно переглядываясь.

Размещаться на ночь в городе, где обитал грак, побоялись — даже если этот не вернется, у него могла быть пара или даже детеныши. Так и остались в устроенном за окраиной лагере. Витька с товарищами принялись перетаскивать к грузовику свои находки, собирать дрова и искать другой источник воды. Если здесь живут млекопитающие, они обязательно что-то пьют, и уж точно не из колодца, значит, поблизости должен быть либо родник, либо ручей, либо какой-то другой водоем.

Прошел еще час. Разведчики нашли небольшое озерцо в бывшем

сквере, превратившемся теперь в заросли низкорослых скрюченных деревьев, носильщики натаскали оттуда воды, хозгруппа освежевала крыс и разожгла огонь, а Элмар все не возвращался, и прогнозы касательно победителя стали уже не столь однозначны. Один из разведчиков, бывший патрульный из Пятого, по прозвищу Полосатик, даже поинтересовался, а что, собственно, ставил Змей и что примет в качестве ответной ставки, но спецназовец так на него вызверился, что поднимать вопрос больше никто не рискнул. Тем более никакого личного имущества у беглецов не имелось, и поставить

любой из них мог бы разве что штаны или ботинки.

Стемнело. Тридцать семь голодных мужчин давно доели сваренную в корыте похлебку из крысы и обглодали косточки, а никаких новостей о пропавшем товарище так и не появилось. Миска с его порцией ужина, оставленная на всякий случай и опять же чтобы не накликать, сиротливо остывала в сторонке. Все, кто отдыхал неподалеку и кто собирал грязную посуду, складывая в корыто, чтобы завтра утром отнести к озерцу и помыть, тайком друг от друга косились на одинокую миску и опять

не решались ничего сказать.

Молчал и Кангрем. Он прекрасно понимал, почему всем так не хочется заговаривать о наиболее вероятном, но таком нежелательном результате эпической битвы человека и грака. Они уже видели сегодня нечто весьма напоминающее чудо и, прикоснувшись к нему один раз, жаждали продолжения. Люди, которых жизнь затолкала в такую задницу, что иначе как чудом из нее не выбраться, отчаянно нуждались в том, чтобы их кто-то убедил: чудеса бывают, и им есть на что надеяться. Чтобы хоть одна сказка со счастливым концом, пусть и

рассказанная сумасшедшим дикарем, оказалась правдой. Чтобы подтвердилось то, во что они лишь недавно, с опаской и подозрением, начали верить: что рядом с ними пусть не боги, но хотя бы герои, которым подвластно невозможное. И Витька, искренне полагавший все вышеупомянутое бредом и самообманом, не решался заговорить об этом первым. Возможно, потому, что, как бы он ни желал избавиться от навязанной ему роли полубога, он не хотел платить за это такую цену. Пусть думают что хотят, пусть обманывают себя и сочиняют какие угодно сказки, лишь бы этот

ненормальный пришелец вернулся… или хотя бы остался жив.

Позади кто-то негромко окликнул его. Витька оглянулся и увидел убаса. В одной руке тот держал кружку, а другой безмолвно подзывал к себе.

— Морковка, — тихонько произнес он, когда Витька подошел, — как ты думаешь?…

Он не договорил, но и так было понятно, что старик точно, как и все, боится внезапно разувериться в чудесах. В которые еще пару месяцев назад не верил вообще.

— Я не знаю, что и думать, — честно признался Витька. — С одной

стороны, мне доводилось лично знать человека, который расправился с граком врукопашную, и у этого не меньше шансов его подвиг повторить. С другой — уже столько времени прошло, а его все нет. Может, он просто заблудился в этих развалинах?

— И постеснялся позвать товарищей, чтобы узнать, куда идти?

— Надо было поискать его, пока светло, — угрюмо откликнулся Витька. — А теперь поздно метаться.

— Если бы разведчики сами вызвались, я бы разрешил. А приказать я им не мог. Так далеко углубляться в развалины слишком рискованно, чтобы от кого-то этого

требовать.

— А они, наверное, ждали приказа. Или хотя бы отмены предыдущего, потому что они все люди военные и не могли просто так уйти кого-то искать, когда им приказано зачищать местность и охранять носильщиков.

Убас помолчал (причем видно было, что он не обдумывает слова, а не решается произнести уже давно готовые), затем неловко произнес:

— Утром поищем.

Вот, значит, как. Даже у этого старого прагматика, всю жизнь убежденно ратующего за суровый отбор и жесткий приоритет

выживания популяции перед выживанием отдельной особи, не хватило духу просто бросить неосторожного героя на произвол судьбы.

Витька молча кивнул. Он не сомневался, что приказывать кому-либо лезть в развалины не придется, — стоит только предложить, и тут же вызовется куча добровольцев, только выбирай. Он и сам вызовется, хотя Змей наверняка опять его не возьмет…

— Ключи от машины у тебя?

— Да, а что?

Убас сунул ему в руки теплую кружку, в которой плескались

жиденькие остатки крысиной похлебки.

— Сходи посмотри, как там Хаши. Если не спит, покорми ее.

— Хорошо, — неохотно согласился Витька, которому при всем сочувствии к доктору Хаши совершенно не хотелось с ней общаться, а тем более ухаживать. На время стоянки ее от греха подальше заперли в кабине, и до сих пор оттуда не доносилось ни звука — наверное, все еще спала. Хорошо бы так и оказалось. Тогда, во-первых, общаться не придется, а во-вторых, не так стыдно сознавать, что о ней забыли, как о зайке из детского стишка.

Он не спеша добрел до стоящего чуть поодаль грузовика, поставил кружку на землю у колеса и, вспрыгнув на подножку, заглянул в кабину. Хаши спала, свернувшись в комочек на сиденье, есть не просила и общаться не рвалась. Вот и хорошо.

Витька с облегчением спрыгнул на землю и неожиданно оказался лицом к лицу с Полосатиком, Консультантом и еще одним парнем, ни имени, ни прозвища которого не запомнил. Само по себе их присутствие здесь подозрительным не было — мало ли, может, отходили по нужде или тоже что-то проверяли по приказу свыше, — но больно уж тихо

они подкрались.

— Чего там? — поинтересовался Полосатик, кивая на кабину.

— Да ничего. Спит, — отозвался Витька, стараясь казаться равнодушным и ничего не подозревающим, хотя на самом деле ему эта нежданная встреча очень почему-то не нравилась.

— А чего не открыл?

— А зачем? Спит, значит, есть не будет.

— А если мы попросим открыть?

— На хрен пошлю, — огрызнулся Витька, примериваясь, как половчее нырнуть за колесо в случае чего и удрать обратно к кострам. Его маневр

тут же заметили. Безымянный парень шустро шагнул вперед, отрезая ему путь, а Полосатик красноречиво поднял автомат.

— А если мы очень убедительно попросим?

— Неубедительно, — покачал головой Витька, стараясь казаться спокойным, но уже понимая, что влип по самое некуда. — Во-первых, на выстрел сбежится толпа народу, и вооруженные в первых рядах. А во-вторых, вы все равно без меня открыть не сможете. А завести тем более.

— А ты говорил, что он дурак, — возгласил Консультант с таким упреком в голосе, как будто

Полосатик обещал ему жениться и бросил с младенцем на руках.

— Ну, пусть он и не дурак, — покладисто согласился Полосатик, задирая ствол вверх, — но он все равно один, а нас трое.

Витька едва успел уклониться, и удар приклада не пришелся в лицо, а чуть скользнул по уху. В тот же миг стоящий с другой стороны безымянный набросил ему на шею шнурок от ботинка. Нет, все-таки дурак, кричать надо было сразу…

У него еще хватило сил увернуться от второго удара, таща за собой безымянного вместе с его шнурком, и пару раз ударить спиной о

подножку в надежде от него освободиться. Третий удар все же достиг цели, и оглушенный Витька зашатался, пытаясь удержаться на краю сознания и чувствуя, как бесполезный в драке Консультант торопливо шарит по его карманам.

Когда ему дали вдохнуть и в голове немного прояснилось, он обнаружил себя стоящим на коленях, по-прежнему со шнурком на шее. Полосатик что-то говорил — кажется, обещал оставить в живых, если покажет, как открыть кабину и завести мотор… не сумели все-таки, придурки бестолковые… А рядом стоял Консультант с перекошенным

от ужаса лицом. Он сдавленно что-то сипел, словно это его, а не Витьку придушили шнурком, и указывал дрожащей рукой на что-то, скрытое фигурой Полосатика.

В следующий миг за спиной истерически взвизгнул безымянный:

— Грак! Грак! Стреляй!

Консультант бросился бежать, за ним последовал безымянный, бросив шнурок на шее недодушенной жертвы, а вот Полосатик почему-то замешкался, оглядываясь.

Витька поднял гудящую голову и увидел сначала здоровенную морду грака над головой горе-похитителя, а затем что-то длинное, тускло

блеснувшее зеленью в свете луны. «Что-то» гулко опустилось на голову Полосатика, и тот без звука рухнул между Витькой и лапами зверя.

— Ты в порядке? — заботливо поинтересовался кто-то с небес.

Витька прокашлялся, поморгал и задрал голову, пытаясь понять, что происходит и почему грак не только на него не нападает, но и не трогает лежащее тело.

То, что он увидел, превосходило все ожидаемые чудеса.

Перед ним действительно стоял грак, стоял смирно, никого не трогая, и тяжело дышал, вывалив огромный синий язык. А на загривке у него

восседал непобедимый «карающий меч», одной рукой сжимая импровизированные поводья из буксировочного троса, а в другой держа наготове все ту же медную палицу. Карающую, кто б спорил.

— …! — только и смог прохрипеть Витька. — Ну ты даешь…

— Что здесь происходит? — продолжал допытываться Элмар, спрыгивая со своего «скакуна».

— Машину угнать хотели… — Витька потрогал левую половину лица и поморщился. Синячище будет знатный, хорошо если хоть скулу не сломали… — А ты как здесь оказался?

— Круг сделал, — охотно пояснил Элмар, протягивая ему руку, чтобы помочь подняться. — Крепкая скотина, пришлось погонять как следует, чтобы сломать и объездить… Куда, животное! Стоять!

Грак, потянувшийся было к разбитой голове Полосатика, получил увесистый удар по носу и, глухо ворча, отступил.

— Ты… — растерянно выговорил Витька, не веря своим ушам, — ты собираешься на этом… ездить?

Элмар пожал плечами.

— Я привык на ком-нибудь ездить. А приличную лошадь у вас тут вряд ли найдешь.

— Приличную? — Кангрем красноречиво покосился на грака, как бы вопрошая: «И это, по твоим понятиям, приличное?»

— Ну да, — не понял подвоха Элмар. — Ну, то есть такую, которая не свалится подо мной через пару часов.

Да, конечно, если судить по грузоподъемности, грак ему подходит идеально. Да и чему тут удивляться, божеству обязательно положено ездовое животное… Чем грак хуже других?

— А кормить ты его чем будешь?

На этот вопрос Элмар ответить не успел — подбежали привлеченные

шумом разведчики, потом приковылял Кетмень, минут пять ушло на разборки, после чего все умчались обратно в лагерь — ловить и судить двух выживших угонщиков. Полосатика Элмар зашиб-таки насмерть. По его уверению, нечаянно.

Уходя, Витька все же оглянулся на окна кабины. Если Хаши и проснулась от всего этого шума и гвалта, то предпочла притворяться спящей и дальше. В окнах было по-прежнему темно и пусто.

Элмар привязал своего объезженного скакуна к бамперу, сурово потрепал по опущенной морде и, пинком пододвинув к нему тело

незадачливого Полосатика, скомандовал:

— Можно.

Витька торопливо отвернулся и, все еще пошатываясь, побрел прочь. Его и без того подташнивало.

Изнутри пирамида не была абсолютно пустой и темной, как показалось Шеллару в момент падения. Вновь открыв глаза, он вполне отчетливо разглядел над собой расписной потолок, слегка облупившийся от времени, но не утративший яркости красок. Потолок нависал слишком низко, чтобы находиться под вершиной, значит,

внутри пирамида тоже разделена на ярусы. Его хорошо видно, значит, где-то рядом есть свет. Более того, слышны голоса.

Шеллар отвел взгляд от потолка и тут же увидел и источник света, и обладателей голосов. Прямо над его телом висел в воздухе обычный шарик-светлячок, какими с успехом пользовался Мафей лет этак с десяти, а чуть дальше, в ногах, сидели на корточках, деловито переговариваясь, двое незнакомцев. Они странно смотрелись рядом — дивной красоты эльф в белой мантии, сребровolосый, как Мафей, и лысая мумия в истлевшей от времени хламиде, — но

они действительно сидели рядом и общались вполне дружелюбно. Только эльф говорил кротко, сочувственно и по-эльфийски, а мумия раздраженно вздымала иссохшие руки и сварливо огрызалась на незнакомом Шеллару языке, даже частично не напоминавшем харзи. Судя по всему, между почтенными мэтрами происходил консилиум, ибо каждая реплика сопровождалась указующим жестом, недвусмысленно направленным на многострадальную ногу пациента.

Только тут Шеллар спохватился и обратил внимание на свое странное самочувствие. Тот факт, что у него

ничего не болело, еще можно было объяснить обычным обезболивающим заклинанием, но вместе с болью странным образом исчезли и слабость, и головокружение, и даже усталость. Он давно не чувствовал себя так легко и свободно, пожалуй, с тех самых пор, как…

Мысленно выругавшись — в основном чтобы отогнать внезапный страх, — Шеллар поднял голову… затем привстал…

Ну точно! Это что же, так отныне будет повторяться каждый год? Из-за того, что один раз ему удалось обмануть смерть, теперь она ежегодно в этот день будет возвращаться и

требовать реванша? Или как это понимать?

Его материальная часть скромно помалкивала и, по всей видимости, собиралась в ближайшие часы окончательно разделиться с духовной. Ждать от нее ответа на вопросы было бессмысленно.

— Господа, — вежливо окликнул Шеллар в надежде, что хотя бы один из двух магов его услышит и заметит. — Не позволите ли вы мне тоже поучаствовать в разговоре, ибо мне кажется, речь идет обо мне.

Господа одновременно, словно по команде, повернули головы и уставились на непрошеного

собеседника.

— О, простите, я не заметил, что вы здесь, — извиняющимся тоном произнес эльф, легко и непринужденно переходя на ортанский. Да и не удивительно — как бы он иначе общался с соратниками три века назад, когда был жив. В профиль Шеллар его не узнал, так как и на иконах, и на историческом полотне маэстро Хаггса великомученика Феандилля изображали всегда в фас. Теперь же, когда он повернулся лицом, не узнать его было невозможно.

Мумия в очередной раз проворчала что-то ругательное. Да и

без того древний куфтийский некромант настолько сильно походил на Повелителя, что даже смотреть на него было жутковато и крайне неприятно.

— Не обращайте внимания. — Видимо, на призрачном лице Шеллара отразились какие-то неконтролируемые эмоции, и эльф тут же поспешил его успокоить. — Мэтр Ушеб не отличается вежливостью и терпимостью, но его можно понять — две тысячи лет одиночества кому угодно испортят характер.

— А вы, значит, здесь недавно? — Вопрос получился глупый

донельзя, но составить что-то более сложное, используя тот чудовищный фарш, в который превратилась его память, Шеллар не сумел.

— К сожалению, — грустно развел руками эльф. — Крайне неловкая получилась история… Если совсем кратко, я оказался здесь по неудачному стечению обстоятельств и не могу теперь выйти наружу. Даже телепортом, ибо все известные мне ориентиры стерлись еще в момент моей смерти. Из-за этого мне приходится большую часть времени проводить в стазисе, так как вода в нижнем ярусе собирается слишком медленно, а без пищи я могу прожить

хотя и долго, но все же ограниченное время. Но не будем подробно останавливаться на моей скромной персоне, ваши проблемы кажутся мне более серьезными, и уместнее будет обсудить их.

— Я умираю? — уточнил Шеллар. Не потому, что сомневался, а чтобы собеседник из-за своей тактичности не пустился в иносказательные рассуждения и вообще понял, что пациент во всех этих утешительных плясках не нуждается.

Эльф коротко кивнул.

— И, судя по тому, что ваше призрачное состояние не вызывает у

вас удивления, не в первый раз.

— От чего?

— Сепсис. Молниеносная форма.

— Сколько мне осталось?

— Минимум — десять часов. Максимум… не могу сказать точно.

— Варианты есть?

Святой великомученик покачал головой с таким виноватым видом, словно лично таскал искусанного пациента по грязному болоту.

— Для квалифицированного специалиста пятой стихии процесс еще обратим, но здесь нет ни условий, ни инструментов, чтобы обработать рану. Здесь даже воды нет, не говоря уж о стерильных инструментах и

перевязочных материалах. Целебное заклинание, которое я наложил, поможет, но лишь на время. Рана по-прежнему инфицирована, и вскоре процесс возобновится. Возможно, со временем разовьется и гангрена.

— Значит, единственный шанс выжить для меня — выбраться отсюда?

— Если вы знаете способ.

— В таком случае я его поищу. А пока я буду искать… вас не затруднит наложить на мое тело стазис, чтобы не тратить время и силы на бесполезное лечение?

— Мысль весьма здравая, — эльф немного оживился, обрадовавшись,

что к милому обществу сварливой мумии не добавится еще и разлагающийся труп, — ведь, будучи бесплотным, вы легко можете выбраться наружу сквозь стены и позвать кого-нибудь на помощь. Но сначала… раз уж я вышел из стазиса, возможно, нам стоит познакомиться и поговорить? Нам чрезвычайно интересно, кто вы и как сюда попали, у вас, наверное, тоже есть к нам вопросы…

— Нет-нет, — торопливо возразил Шеллар. — То есть я, конечно же, очень хочу с вами пообщаться, но не сейчас. Мне нужно срочно уединиться где-нибудь и

основательно поразмыслить, чтобы разобраться в собственной памяти. До тех пор, пока я не приведу в порядок свой разум, из меня будет не особенно полезный собеседник. Вы не сочтете меня невежей, если я попрошу отложить нашу беседу на некоторое время? Если вам на это время нужно будет вернуться в стазис, я охотно подожду…

— А что случилось с вашей памятью? — обеспокоился сострадательный мистик.

— Вот это мне и нужно выяснить — почему в ней столько невероятных и местами противоречивых воспоминаний.

Некромант сердито прорычал несколько фраз, пристально всматриваясь то в призрак Шеллара, то в тело.

— Он говорит, — перевел эльф, явно опустив при этом половину произнесенных слов, — что эта магия ему известна и что вам корректировали память.

— Я догадывался, — кивнул Шеллар. — Но теперь мне надо понять, где истинные воспоминания, а где ложные. Он может мне помочь?

Почтенные мэтры перекинулись еще парой фраз, и эльф, опять с выражением неискупимой вины на бледном точеном лице, пояснил:

— Он мог бы, но для этого вы должны быть в своем теле в полном сознании.

— Что ж, тогда попробую сам. Приступайте, мэтр.

— Отодвиньтесь, пожалуйста, подальше от тела.

— Как скажете, мэтр. Так достаточно?

— Вполне.

— А на какое максимальное расстояние от своего тела я вообще могу удалиться?

— Пока вы живы — достаточно далеко. А вот после смерти… к сожалению, я не могу сказать точно, но в очень ограниченном радиусе.

— Благодарю вас. А сейчас, с вашего позволения, я вас покину.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь?

— Что вы, мэтр, вы и так уже очень мне помогли. А сейчас мне нужно просто посидеть немного в одиночестве и подумать. Я скоро вернусь.

Очередной визит в чертоги Повелителя оставил у брата Чаня странное и крайне неприятное впечатление. Ничего конкретного, почти никакой фактической информации, из которой можно было бы делать выводы, он не получил, и

причиной его тревоги был скорее нюх, да еще пара ничем не подтвержденных предположений.

Единственный факт, не вызывающий сомнений, ни о чем не свидетельствовал и допускал самые различные толкования. Повелитель больше не снизошел до личной встречи с новым наместником, хотя и обещал дать ему инструкции. Более того, неприятный тип с жеманным голосом, который говорил с братом Чанем от имени Повелителя, упоминал что-то о «небесных чертогах», куда нет хода даже самым приближенным лицам. Значит ли это, что Повелитель по какой-то причине

оставил своих последователей в столь сложный момент и действительно вознесся на небеса, дабы руководить оттуда? Его «правая рука» уверял, что там находится главный источник силы Повелителя, и чем ближе к нему, тем легче Повелителю влиять на события, изменяя ткань бытия нужным ему образом. Помимо этого, только там возможны контакты с другими богами, а сейчас как раз возникла необходимость усмирить нескольких особо зарвавшихся. Это слегка удивило брата Чаня, ибо истинное учение гласило, что никаких «иных богов» не существует вовсе и всякие их упоминания есть ересь и

поклонение ложным кумирам. Он осторожно поинтересовался причинами подобного разночтения в основных постулатах веры и тут же получил слегка снисходительное пояснение: дескать, истинный бог действительно один, но там, вокруг небесных источников божественного могущества, постоянно крутится свора всяческих самозванцев, и от них не избавиться, пока заблудшие души верят в них, как в богов. Вот почему так важно очищать мир от скверны и приобщать людей к истинной вере.

Объяснение казалось вполне правдоподобным и непротиворечивым, и, возможно, при

других обстоятельствах брат Чань поверил бы в него, если бы не одно неприятное обстоятельство. Все эти дни ему не давало покоя смутное подозрение, что в истории с нимфой что-то нечисто, и это невыясненное «что-то» таит в себе угрозу для Повелителя. И по странному совпадению Повелитель вдруг куда-то девается аккурат после того, как ему доставили эту самую нимфу. Хорошо бы все дело действительно заключалось в источнике силы и богах-самозванцах, но тревога не отпускает. Нюх не обманешь.

Уже без какого-либо дальнего прицела, просто из стремления узнать

хоть что-нибудь еще, брат Чань последовательно поинтересовался, нельзя ли ему увидеть советника Шеллара, нимфу и ее избранника, ибо ко всем этим людям имеется ряд важных вопросов, которые в прошлый раз не удалось задать из-за нехватки времени. Это была пальба наобум по подозрительным кустам, он даже не заготовил вопросов, и в случае чего пришлось бы сочинять их на ходу, но полученный ответ все же дал некую пищу для размышлений.

Точнее, для дальнейших подозрений.

Ни с одним из упомянутых людей ему поговорить не позволили,

мотивировав отказ «нехваткой времени» и «неготовностью». Правда, пообещали к следующему визиту обязательно организовать все надлежащим образом, но обещание не развеяло сомнений наместника. Что-то здесь было не так. Нюх не обманешь.

Мучимый неосязаемыми подозрениями брат Чань так сосредоточился на обдумывании происходящих странностей, что едва не забыл рассказать о предложении торговца из Аррехо. Неудивительно, что Харган забывал об этом несколько раз подряд…

Заместитель Повелителя отнесся

к вопросу с недопустимым на взгляд наместника легкомыслием — без раздумий дал высочайшее позволение, предупредив только, чтобы верный подданный не проторговался, и сразу же отправил к специалистам за чертежами и описанием.

Специалисты пожали плечами, выдали пачку нечитаемых бумаг и с сожалением пояснили, что действующей модели в наличии нет и не будет, пока не вырастут новые кристаллы. То есть минимум до осени. Что делать? А ничего. Ждать. Или выкручиваться как-то иначе. Способа искусственно ускорить рост магических кристаллов не существует

в природе. Без кристалла — сколько угодно, штук десять уже собранных на складе стоит, но работать они не будут.

Будь это его подчиненные, брат Чань живо заставил бы этих бездельников напрячь мозги и совершить невозможное, но командовать здесь у него полномочий не было, и, что еще важнее, бездельники об этом знали. Поэтому он молча удалился, недовольный и расстроенный, прихватив на всякий случай предложенную «недействующую» модель. Вряд ли она удовлетворит заказчиков, но все же лучше, чем просто явиться с

пустыми руками.

Охотники вернулись через пару часов. Разумеется, они ничего не нашли. Далеко ли мог уйти по незнакомому, полному опасностей болоту выросший в роскоши неженка, да еще к тому же хромой и вооруженный одним лишь костылем? По мнению Кайдена, ровно до первого топкого места. Или до первого хищника. Теперь уж не важно, что там попалось раньше.

Делиться печальными известиями с нимфой он не торопился — мало ли, вдруг ей покажется, что искали мало и надо непременно

поднять всех наличных мужчин во всех поселках и прочесать болото вдоль, поперек и вглубь. Честно дождался темноты и только потом, тщательно изобразив на лице скорбь и проверив ее глубину при помощи зеркала, отправился к дому Эрны.

Разговор получился долгим и трудным. Кто бы мог подумать, что это чистое, волшебное существо может питать столь нежные чувства к хладнокровному лжецу и убийце? Ведь она плакала совершенно искренне, она и в самом деле его любила, и не потому, что он король или родственник ее жениха, а просто он ей нравился таким, как есть.

Кайден мучительно ждал, когда она наконец успокоится, вставлял к месту и не к месту утешительные банальности и безумно боялся сказать что-нибудь лишнее. Что-нибудь такое, что выдаст его как обманщика и лицемера. И с облегчением покинул комнату, когда нимфа, все еще всхлипывая, попросила оставить ее одну.

Было уже далеко за полночь, и Анари скорее всего уже легла спать, но Кайден все же не удержался — подкрался к двери и осторожно прикоснулся к сознанию. Все-таки спит, не дождалась… Ну да ладно, скоро он станет ее законным мужем,

и ночь не будет больше разлучать их…

Дверь неожиданно распахнулась, едва не стукнув его по носу, и на пороге возникла Эрна.

— Я ждала тебя, — неприязненно прошипела она и вдруг, бесцеремонно ухватив бывшего первого мага за шиворот, поволокла к выходу. Без объяснений.

В первый момент Кайден даже растерялся немного. Будущая теща смолоду славилась крутым нравом и прямолинейным характером, но так она с ним еще никогда не обращалась.

— В чем дело? — шепотом, чтобы не разбудить скандального

старейшину, возмутился он. — Разве я мальчишка, чтобы так со мной обращаться? Разве я сделал что-то дурное?

Эрна молча выволокла его на порог, плотно прикрыла за собой дверь и лишь потом отпустила.

— Иди за мной, — коротко приказала она, спускаясь с крыльца и направляясь в тень фруктовых деревьев, окружавших дом. Даже Повелитель позавидовал бы этому командирскому тону…

Они остановились под ветвями шелковицы, и Кайден наконец оказался с тещей лицом к лицу. Лицо это не обещало ничего хорошего, и по

нему даже видно было, что женщина едва сдерживается, чтобы не наградить зятя хорошей оплеухой…

— Да что я сделал-то? — раздраженно спросил он, поправляя перекошенный воротник.

— Ты его убил. — Это был не вопрос, а констатация факта, но Кайдена удивило не то, что провидица все поняла — даже без учета магических способностей Эрна была женщина умная и проницательная, — а такая агрессивная реакция на нормальное торжество справедливости, которое к тому же ее лично не касалось.

— Ничего подобного, — упрямо

возразил он. — Я к нему даже не притронулся. И сказал я чистую правду — я оставил его ждать под деревом, а он встал и ушел. В болото.

— Мне-то не надо рассказывать сказки для юных девиц, — раздраженно бросила Эрна. — Я-то понимаю, что из этой сказки удален изрядный кусок, о котором незачем знать всем подряд. И говорится в нем о том, как именно ты заставил своего пленника «встать и уйти в болото». Зачем ты это сделал? Я ведь тебя предупреждала. Будут проблемы.

— Никаких проблем не будет, — заверил ее Кайден, понимая, что настаивать на своей версии

бесполезно — все равно не поверит. — Я убедил нимфу, что все вышло случайно. Она поверила.

— Она поверила? Идиот! Да с чего ты взял, что проблемы будут с ней?! Она милое, безобидное существо, неспособное причинить зло даже такому крокодилу, как ты! Да узнай она даже правду, она бы не отказалась нам помочь, потому что из-за одного тебя губить весь поселок, с женщинами и детьми, не стала бы! Это только ты носился со своей местью, как ненормальный…

— По-твоему, я должен был все так оставить?…

— Я тебе объяснила все доступно

и понятно! Пока ты был на службе у Повелителя, ты мог делать что угодно, но после того надо было остановиться! А ты не смог, ты все же решил довести дело до конца и утопить этого человека в болоте! Ты не подумал, что кроме безобидной нимфы есть и другие люди, которым он может быть дорог? Тебе не пришло в голову, что теперь их очередь мстить, и они тоже «так не оставят»? И почему ты уверен, что все они окажутся так же наивны и незлобивы, как малышка Азиль?

— Перестань орать! — не выдержал Кайден. — Это мое дело, и я сам с этим разберусь.

— Вот именно, — зло огрызнулась теща. — Это твое дело, и только твое. Поэтому чтобы с сего момента я тебя больше не видела рядом с Анари. У меня осталась только одна дочь, и я не хочу, чтобы она платила вместе с тобой за твои ошибки.

— Эрна, ты это… серьезно? Ты же обещала!..

— Ты не выполнил условий. У тебя был выбор, и ты променял любовь на месть. Вини только себя. Впрочем… если ты все же сумеешь разобраться сам и остаться в живых после этого, мы вернемся к нашему разговору. А до тех пор — не приходи

больше в этот дом.

— Но здесь ведь нимфа…

— Ах, можно подумать, ты горишь желанием с ней общаться. Когда ты ее обманул и дрожишь от одной мысли, что она твой обман раскроет.

Эрна резко развернулась на каблуках, давая понять, что разговор окончен, и размашисто зашагала к дому.

— Вот же послали боги тещу! — вполголоса выругался Кайден ей вслед. На языке Повелителя, которого Эрна не знала. — Не баба, а Харган в юбке! Еще и Анари наговорит обо мне граки знают чего!

— В самом деле? — неожиданно произнес кто-то за его спиной. — Это твоя теща? И что же вы с ней не поделили?

Кайден обернулся, как полосатиком ужаленный. Этот неприятный, немного гнусавый голос был еще слишком свеж в памяти, чтобы его спутать с каким-либо другим…

Позади его никого не было. Кайден невольно вспомнил древнее поверье о Тенях Ночи, которые говорят с людьми из-за левого плеча, и на всякий случай три раза обернулся вокруг себя на одной ноге, чтобы их отпугнуть и запутать.

— Ах, теперь я понял, — издевательски продолжил голос. — Она обнаружила, что ее зять впал в детство, и выгнала его из дому.

— Изыди, дыхание тьмы, и забудь дорогу к этому месту! — на всякий случай произнес Кайден и сотворил защитное знамение. Тени — это, конечно, суеверие, но есть и реальные порождения темных сил, которые не следует подпускать к себе даже из любопытства.

— Ты еще попрыгай вокруг дерева на одной ножке, — с язвительным участием посоветовал окаянный голос и наконец отделился от ствола шелковицы, в котором

скрывался до сих пор.

Выглядел он ужасно — видимо, до того как утонуть, все же успел побродить по болоту и познакомиться с некоторыми его обитателями. Впрочем, утопленник и не должен выглядеть красивым и нарядным, особенно если он при жизни был уродом.

— Что ты тут забыл? — огрызнулся Кайден. — Возвращайся в свое болото и не приходи сюда больше.

Призрак усмехнулся, нагло и исключительно мерзко.

— Ты всерьез рассчитывал, что я послушаюсь, или так, для порядку,

высказался?

— Отвяжись от меня!

— И не подумаю. Теперь я буду каждую ночь за тобой таскаться, поскольку в болоте мне скучно и не с кем поговорить. А кто такая Анари? Твоя жена?

— Нет. И вообще это не твое дело.

— Как это не мое? Я честно отсмотрел все, что вы сделали с моей женой, с начала и до конца. Теперь твоя очередь. Ты же не думаешь, что убил всех, кому небезразлична моя судьба? И что мой юный кузен был единственным магом, способным перемещаться между мирами? Жди,

скоро сюда придут. Правда, я не знаю, кто именно. Мои паладины — люди порядочные большей частью, они скорее всего просто перебьют всех без излишней жестокости. А вот если Орландо приведет сюда своих мистралийцев, ваши женщины будут пользоваться огромным спросом. Она у тебя красивая?

— У меня нет жены! — зло выкрикнул Кайден. — Нет! И не будет!

Он отвернулся и зашагал прочь, пока Эрна не услышала голоса и не выглянула. Если она еще и застанет его разговаривающим с призраком, скандал будет неописуемый, весь

поселок сбежится…

— Прогневил тещу? — безошибочно догадался призрак, пристраиваясь рядом. — Чем же, интересно? Неужто старуха догадалась, что ты утопил меня в болоте и накликал беду на свою деревню?

— Я не топил тебя в болоте! — яростно прошипел маг, теряя контроль над собой от бессилия что-либо сделать с этим наглым духом. Не идти же теперь к Нимшасту с просьбами… Надо расспросить Шоши, он ведь изучал некромантию… должен же быть способ отваживать навязчивых

призраков…

— Ну да, ты всего лишь предоставил мне выбор между смертью быстрой и медленной. Кстати, а что скажет тебе Повелитель, когда узнает? Он разрешал тебе топить меня в болоте?

— Он разрешил мне делать с тобой все, что мне будет угодно.

— Странно, тогда почему тебе было угодно так изворачиваться и громоздить столько сложностей вокруг простейшего дела? Даже если предложенные Повелителем черви показались тебе слишком долгими, есть множество более быстрых и болезненных способов казни. Но тебе

зачем-то понадобилось, чтобы я повесился сам. Зачем?

— Не твое дело!

— Не убедил, — насмешливо отозвался нахал. — Мое дело или не мое, зависит лишь от того, насколько это дело мне интересно, но никак не от твоих голословных утверждений. Итак, тебе настоятельно требовалось, чтобы я умер, а ты остался невиновен в этом хотя бы формально. Чтобы ты мог заявить, что не убивал меня, и это не было бы откровенной ложью. Следовательно, либо ты врешь и Повелитель ничего тебе не разрешал, либо кроме него есть еще кто-то… Впрочем, есть и третий вариант —

тебе по каким-то магическим или религиозным причинам нельзя убивать собственноручно. Судя по тому, как честила тебя теща, скорее всего это второй вариант. Это она велела тебе воздержаться от излишней кровожадности? Она ведь провидица, наверняка она знала, что из этого может выйти, и наверняка тебя предупреждала. А ты попытался и на елку влезть, и задницу не оцарапать. Ох, не завидую я теперь твоей заднице. Как ты собираешься сохранить что-то в тайне, таскаясь по деревне с призраком за спиной, я затрудняюсь вообразить.

Нет, ну какая же сволочь!

— А ты не таскайся за мной! И вообще я сегодня же посоветуюсь с другими магами, и мы тебя упокоим раз и навсегда, чтобы не шлялся!

— Ты для начала тело мое найди, упокойщик! — насмешливо бросил призрак и все же замедлил полет. — Ладно, на сегодня хватит. Скоро уже рассвет, а я еще хотел слетать посмотреть на твою Анари. А то вдруг там такая кривобокая мутантка, что и мистралиец не позарится.

— Не смей ее трогать, ты!.. — в бессильной ярости прокричал ему вслед Кайден.

Покойник глумливо и очень обидно рассмеялся.

— Как, по-твоему, я могу ее тронуть? Я же бесплотен! Вот придут мои выжившие друзья и подданные мстить за меня, тогда и тронут. Я им обязательно покажу, кого первым трогать и за какие места.

Он бесшумно исчез в темноте, а бывший первый маг еще несколько минут глупо торчал посреди улицы, утирая холодный пот и безуспешно пытаясь унять дрожь в руках.

Все учел, все предусмотрел, что только можно было, и все-таки просчитался. Ну кто мог предположить, что у этого мерзавца окажется посмертная сущность бродячего типа и что никакое

божество ее к себе не пустит! Хотя, последнее, пожалуй, и можно было предвидеть — кому нужна такая сволочь…

Было еще темно, когда Мафей открыл глаза, потянулся и осторожно спустил ноги с кушетки. Правда, это могло быть как сегодняшнее утро, так и завтрашнее, и послезавтрашнее — ощущение времени в глубинах транса терялось.

Рядом застонал и заохал Жак. Тоже, наверное, отлежал себе все на свете… Но это неважно. Он жив, с ним все в порядке, теперь надо мчаться спасать Шеллара.

Зациклившись на этой мысли, не покидавшей его все время, пока они с Жаком разбирали сложную структуру «вируса» и создавали для него нейтрализатор, Мафей по пробуждении даже не подумал ни о чем ином. Например, о том, что неплохо бы сначала показаться наставнику. Спросить его, не узнали ли они чего-либо нового. Не нашли ли Толика. Не спасли ли Шеллара без Мафея. И вообще что тут происходило, пока он отсутствовал. Но нет — ничего подобного не пришло в голову юному эльфу, которого последнее время прямо-таки преследовали картинки из

предпоследнего сна: высокая каменная лестница, раскрытая пасть крокодила и едва живой кузен Шеллар, ползущий с мечом в руке вверх по ступеням. Даже умыться и переодеться он не подумал, а немедленно, едва поднявшись на ноги, ринулся в телепорт.

Первым делом он чуть не наступил на крокодила, и с перепугу взлетел вверх локтей на десять. Только затем осмотрелся и понял, что опоздал.

Шеллара нигде не было, только проклятый крокодил уныло ползал по второму ярусу, не зная теперь, как спуститься. В отчаянии Мафей

запустил в него молнией и, приземлившись на безопасную теперь площадку, беспомощно оглянулся. Может, все-таки… Ну не мог же этот крокодил, какой бы он ни был огромный, сожрать кузена без остатка и без следа! Может, ничего этого еще и не было вовсе?

Мафей заставил себя тщательно осмотреть весь ярус, всякий раз вздрагивая при мысли, что, возможно, через пару шагов наткнется на отгрызенную конечность или недоеденные внутренности. Шершавый желтоватый камень был чист, а местами даже покрыт нетронутым слоем пыли, только на

злосчастной безголовой кошке виднелось несколько нечетких смазанных пятен, весьма напоминающих кровь.

Уже ни на что не надеясь, принц осмотрел первый ярус, спустился к подножию и обежал вокруг пирамиды, но единственное, что он нашел, были обломки костыля со следами крокодильих зубов. Значит, все-таки он здесь был? Но как? Как Шеллар мог из застенков Повелителя попасть на эту пирамиду? Может быть, эти негодяи здесь развлекаются, выпуская смертников бегать наперегонки с крокодилами? Или все еще проще и это вовсе не его костыль?

Ну в самом деле, разве он единственный хромой человек в этом мире?

Мафей остановился в растерянности, все еще продолжая вертеть в руках бесполезные куски дерева. «А что бы сделал Шеллар на моем месте? — с трудом сдерживая слезы, подумал он. — Ведь не сел бы он на ступеньки и не заплакал бы. А подумал бы, наверное. Как он обычно думает — спокойно, методично, раскладывая по полочкам все известные факты…»

Принц честно попытался воспроизвести способ рассуждений кузена, но полочек у него получилось

всего две, а фактов, пригодных для раскладывания, ненамного больше.

На первую полочку легли: сцена из сна, крокодил на втором ярусе и отсутствие в пределах видимости живого Шеллара.

На вторую — отсутствие каких-либо останков и тот факт, что герои вещих снов до сих пор никогда не умирали.

Куда отнести найденный костыль, Мафей не придумал. Не тянул этот кусок деревяшки на полноценный факт, его кто угодно мог обронить.

А что делал кузен, когда ему «не хватало информации»? Правильно,

добывал ее всеми возможными путями. И самый простой и доступный их них — осмотр места происшествия. Не впопыхах, на бегу, как сделал это перепуганный мальчишка, а внимательно и обстоятельно, как мудрые сыщики из Ольгиных рассказов, которые каждое пятнышко рассматривали под увеличительным стеклом. Стекла Мафей с собой не захватил, но на зрение он и так не жаловался, спасибо эльфийским предкам, а в случае надобности его можно и усилить магически.

Солнце еще не выползло из-за гор, но уже разогнало предрассветную

мглу, и, чтобы разглядеть искомые следы, не требовалась даже способность к ночному видению. Но, к сожалению, следы пока наблюдались только крокодильи. Если человек и оставил свои на ступеньках, то проползшая за ним голодная скотина размазала и стерла все своим бездонным брюхом…

На этом месте Мафея посетила еще одна идея, но выглядела он настолько жутко, что в первый момент он сам испугался своих мыслей. Затем немедленно устыдился малодушного страха. Невольно подняв глаза вверх, туда, где на втором ярусе еще дымился обладатель бездонного

брюха, юноша мужественно вздохнул и пообещал себе, что обязательно это сделает, но не сейчас, а потом, когда все осмотрит… Если будет необходимость… Ну, то есть если окажется, что желудок крокодила — последнее место, где есть надежда что-то найти.

Примерно на середине лестницы первого яруса его старания оказались вознаграждены. Чуть в стороне от середины обнаружился грязный отпечаток человеческой ладони, не затоптанный ползущим вслед животным. Хотя все видно было и на глаз, Мафей все же для верности осторожно поднес к найденному

следу свою ладонь.

Предпоследняя надежда улетучилась, а сломанный костыль и отпечаток соединились в одно целое и отвоевали себе отдельную полочку в рассуждениях начинающего сыщика. Ибо хромых на Каппе, конечно, может быть сколько угодно, но кисть такого размера редкость в любом мире, а в сочетании эти два признака все же подтверждают, что по этой лестнице, спасаясь от преследующего жертву хищника, полз именно Шеллар. Осталась только последняя надежда — что он все-таки неким чудесным образом избежал крокодильих зубов. Только непонятно, куда, в таком

случае, он подевался…

Мафей честно исследовал все ступеньки до самого второго яруса, но следов больше не нашел. Тщательно изучил пятно на скульптуре и пришел к выводу, что это все-таки кровь, но не брызги, а скорее размазанная пятерня. И второе пятно, сверху, тоже отпечаток руки, только уже более бледный, почти вытертый. Во сне Шеллар тоже поднимался на ноги, опираясь об эту самую кошку, ему еще было очень неудобно, потому что в правой руке он держал меч…

Мафей спохватился и еще раз торопливо оглянулся. Нет, не может быть, фамильный меч слишком

большой, чтобы его можно было нечаянно не заметить. Он точно нигде не валяется. Не мог же крокодил съесть заодно и меч. Значит, Шеллар его унес. Значит, Шеллар был в состоянии уйти сам и унести меч… Но куда? Не провалился же он сквозь землю!

И тут Мафея посетила третья подряд умная мысль. Ведь запросто могло так статься, что, пока он спал, мэтр давно отыскал Толика, наведался на эту пирамиду и забрал Шеллара. И если бы один бестолковый герой-одиночка додумался кого-то спросить, прежде чем затевать поиски…

Стоп! Но тогда почему крокодил

ползал здесь живехонек?

Юный сыщик еще раз окинул взором окрестности, посмотрел на покрытую чешуей тушу и решил все-таки сбегать домой и проверить. Если даже последняя идея и была ошибочной, все равно для потрошения крокодила нужно взять с собой хотя бы нож. А еще лучше — почтенных мэтров…

— Мафей, — неожиданно раздалось рядом, — неужели ты намерен искать меня в желудке крокодила? Быть того не может. Ты ведь образованный здравомыслящий юноша и должен понимать, что весь я там не помещусь даже по частям.

— Шеллар! — Мафей завертел головой в надежде увидеть горячо любимого кузена выходящим из какого-нибудь укрытия, где он до сих пор успешно прятался, но ничего не увидел. — Где ты?

— Я здесь, рядом, в стене. Просто выгляжу не лучшим образом, и мне неприятно показываться тебе на глаза в таком виде… Нет-нет, только не плачь, я жив, и у меня все под контролем, лучше скажи, как вы… все? Мэтры, Элмар, Кира?…

— Да ничего с нами не случилось… — Мафей все же не выдержал и всхлипнул, так как уверения насчет «все под контролем»

не особенно убедительно звучали из уст призрака. — Все, что тебе там внушили, — все неправда! Мы все живы. Мэтры ищут способ тебя спасти, Кира на месте, с Элмаром Диего только вот прошлой ночью виделся во сне. Лучше скажи, что с тобой? И где ты? Я имею в виду, все остальное?

— Я там, внутри… Да нет же, не внутри крокодила, а внутри пирамиды. Когда я стал подниматься, держась за вот эту скульптуру, на которой оставил отпечатки пальцев, под мной вдруг провалился пол. Все, что от вас требуется, — это достать меня оттуда. Поэтому сейчас, как бы я

ни был рад тебя видеть живым и целым, ты все же сбегай домой, объясни все почтенным мэтрам и пригласи их сюда. Я вам все объясню, чтобы не повторяться, и вместе будем думать, как эта гробница открывается. Да не торопись, у нас достаточно времени все обсудить и обдумать. Приходите где-то через час или полтора. Мне нужно еще кое-какую информацию собрать и задать несколько вопросов обитателям пирамиды.

— А она обитаема? — не удержал изумления Мафей.

— Разумеется. Разве ты не понял этого еще в тот день, когда местная

дама рассказывала вам о том, как обрел бессмертие Повелитель? Почтенный мэтр Ушеб, захороненный в этой гробнице две тысячи лет назад, до сих пор живет там, внутри. На вид он сильно напоминает Повелителя, но во всем остальном, похоже, человек неплохой. И главное — он готов ответить на все мои вопросы и даже, кажется, рад этому, что великая редкость даже среди моих близких друзей. Поэтому я сейчас спущусь вниз и воспользуюсь его любезным предложением, а ты пока объясни ситуацию мэтру и остальным.

— Погоди! — спохватился Мафей, вспомнив, что так и не

спросил о самом главном. — А что там с Азиль и Повелителем?

Шеллар помрачнел.

— К сожалению, точно сказать не могу. Но судя по тому, что… — Мафей по-прежнему не видел кузена, но мог бы поспорить на что угодно, что тот принялся загибать пальцы, — Азиль я только что видел живой, здоровой и мирно спящей в ближайшем поселке, заклинание, наложенное на меня Повелителем, ночью рассеялось и более не возобновилось, а все маги-куфти вдруг собрались и вернулись домой… С большой долей вероятности можно предполагать, что с Повелителем

вышло именно так, как мы рассчитывали. Но проверить все же не мешает. И… пожалуйста, уточни насчет Элмара. Все, что касалось Киры, тебя и прочих магов, я выяснил сам, ты только подтвердил мои выводы. Но с Элмаром я до сих пор не могу определиться — то ли это тоже искусственные воспоминания, то ли вчера вечером он действительно вырвался из заточения и пытался меня спасти… со всеми вытекающими последствиями. Первое наиболее вероятно, но пока остается хоть мизерная вероятность второго, я не смогу спокойно жить.

Глава 18

— Ааз, что ты там всегда говоришь о выгодных сделках с деволами? — спросил я.

Р. Л. Асприн

Утро второго дня свободы началось для беглецов с грохота, топота, визга, рева и всеобщего переполоха. Правда, когда все проснулись и разобрались в ситуации, оказалось, что ничего страшного не произошло. Сущая безделица — один ненормальный энтузиаст, которого

черти подняли раньше всех, решил заняться дрессировкой своего четвероногого питомца. Он, видите ли, сообразил, что своим ходом зверек за машиной не угонится, и придумал гениальное решение проблемы — посадить его в кузов вместе со всеми. Мнением «всех» Элмар интересоваться не спешил, но почему-то был уверен, что возражений не последует. Оставалось только решить вопрос, как погрузить в довольно высокий кузов животинку весом более полтонны, и неунывающий герой вышел из положения с присущим ему блеском и простотой: а пусть залазит, как все. И принялся учить полудикого

грака самостоятельно запрыгивать в кузов.

Отдохнувший за ночь и хорошо подзакусивший хищник вспомнил о беззаботной вольной жизни и попытался сопротивляться. От этого и случились рев и топот, потому как непослушания хозяин не потерпел и властной рукой (а также всем своим хозяйским весом и все той же медной палицей) восстановил порядок.

Первой все это представление увидела запертая в кабине Хаши, дополнив утренний переполох классическим женским визгом, к которому до сих пор считалась неспособной.

Что до грохота, то им все это безобразие увенчалось, потому что граки, как оказалось, легко поддаются дрессировке. Просто до сих пор это никто не успевал выяснить до съедения.

Когда огромная туша нового пассажира перемахнула через задний борт и гулко приземлилась в кузов, сотрясши при этом не только машину, но и пару гектаров окрестностей, у Витьки невольно екнуло в груди. Четыре-пять тонн этот грузовик поднимал, и семь центнеров грака в дополнение к прочим пассажирам вписывались даже с запасом, но если эта скотина каждый день будет вот

так с разбегу запрыгивать, через недельку машина просто рассыплется.

— Ты припух, что ли?! — заорал он, торопясь донести сокровенные знания до безграмотного дикаря. — Вы ж развалите машину к хренам!

— Ну не сразу же, — ничуть не смутился Элмар. — Несколько дней она в любом случае выдержит.

— А потом?

— Нам все равно придется ее бросить, когда в ней кончится этот… как его… топливо, на котором она работает.

Понятно. Из вчерашнего вечернего разговора, во время которого Витька чуть не порвался на

три десятка мелких частей, переводя кучу дурацких вопросов, задаваемых чуть ли не хором, дикий пришелец немного просветился насчет местных чудес техники. Вот только самому Витьке так и не выпало шанса объяснить ему наедине, что это чудо вовсе не местное, и ездит оно не на бензине, и запаса хватит еще на неделю катания по пустошам…

— А как ты собираешься людей рассадить, когда твоя скотина полкузова заняла?

— Так мы сдвинемся вплотную к кабине!

Переполох, как по волшебству, стих — все столпились на безопасном

расстоянии от машины и с осторожным интересом прислушивались к дискуссии двух полубогов.

— Да ты рехнулся! Кто, кроме тебя, рискнет приблизится к твоему «скакуну», не говоря уж о том, чтобы тесниться в набитом кузове!

— Да чего тут страшного? Я же буду все время рядом, и даже не просто рядом, а верхом на нем, чтобы меньше места занимать. Орк уже прекрасно усвоил команду «фу!» и без моего разрешения никого не тронет. Но если вы так уж сильно трусите, я сделаю ему намордник.

— Намордник? На эту-то морду?

За спиной Витьки послышалось сдавленное фырканье — это давился от смеха убас. И явно не оттого, что его рассмешило непривычное имя «скакуна», которого он все равно не мог расслышать без перевода.

— Что вы нашли забавного в этом идиотизме? — немедленно переключился на него Кангрем, надеясь найти в лице третьего лидера хоть какую-то поддержку. — Лучше бы помогли объяснить этому дикарю, что крупному хищнику не место в кузове с людьми!

— А что, в кабину его посадить? — огрызнулся Элмар. — Он не влезет!

А то бы и посадил, без всяких сомнений.

Убас оглянулся на притихшую толпу и за рукав оттащил Витьку в сторонку.

— Что ты к нему пристал? — вполголоса прошипел он. — Пусть действительно наденет намордник и везет с собой.

— И вы туда же… — измученно простонал Витька. — На него и так вот-вот молиться начнут, а заодно и на меня, за компанию, а вы еще поощряете…

— Потому что надо, Морковка, надо это поощрять! Как ты не понимаешь!

— Вы что, тоже во всю эту хрень верите?

Кетмень еще раз оглянулся, как бы проверяя, не услышит ли их кто.

— Какая разница, верю ли я, веришь ли ты, верит ли сам Элмар… Главное, чтобы верили все остальные! Ты подумай головой! Конфедерация сейчас в такой заднице, что последние оставшиеся Оазисы уже опустили руки и даже не думают о сопротивлении. Ты бы видел, что творилось у нас, как разбегались по норам, на ходу срывая мундиры, и соревновались, кто быстрей сдастся в плен! Боевой дух на нуле, явись мы сейчас в любой Оазис, не то что

военной помощи не получим — еще и выдадут, если увидят возможность откупиться нами от Повелителя. Чтобы поднять и расшевелить людей, чтобы они нашли в себе силы бороться дальше, чтобы хоть какая-то надежда на победу у них появилась, требуется не меньше, чем чудо. И если на роль этого чуда так удачно подходите вы с Элмаром, то вы им будете, что бы тебе ни говорили твоя скромность и честность.

— Я чувствую себя самозванцем, — проворчал Кангрем. — И это противно.

— Засунь свои чувства подальше и хотя бы просто молчи. Элмар

спокойно вытянет вашу общую роль один, ты только не мешай ему. Хочет он ездить на граке — пусть ездит, это только на пользу. Ты сам видел, как эффектно он смотрится верхом и какое впечатление производит на людей. Хотят они на него молиться — пусть молятся. Тем охотнее за ним пойдут, когда потребуется.

— А с ним вы об этом говорили? Вы уверены, что он согласится дурачить людей?

— Вся прелесть ситуации в том, что ему не нужно никого дурачить. Он может все это проделать абсолютно честно. Он действительно освободил нас всех, он действительно сам,

своими силами, взнуздал грака, и он, кажется, и впрямь склонен верить в пророчества. Ему не нужно притворяться героем, он такой и есть. От нас требуется всего лишь немного подыграть, и это тебе по силам, просто не выпендривайся и не спорь с ним.

— Но он действительно раздолбает машину, если будет так бухаться в кузов.

— В самом деле? Скорее, чем в ней кончится то, на чем она ездит?

— Вот если бы я знал, на чем она ездит и сколько его есть, я бы, может, и сказал точно, — проворчал Кангрем, пытаясь прочесть по

непроницаемому лицу убаса истинную подоплеку вопроса. Он в самом деле забыл о вчерашнем разговоре или все же что-то заподозрил и теперь при каждом удобном случае будет проверять, ловить на слове и задавать провокационные вопросы?

— Разве нельзя разобраться по приборам?

— Вчера мне было не до того. Попробую сегодня разобраться. Вы бы и сами могли, все равно сидите рядом и ничем не заняты. — Он бросил взгляд на грака, топтавшегося в кузове, и добавил: — А народу что скажем? Думаете, они все прямо так и

согласятся ехать рядом с этим чудовищем, которого до полусмерти боятся?

Убас усмехнулся.

— Оставь это Элмару и просто не вмешивайся. Переводи без комментариев, не криви физиономию и вообще никак не проявляй несогласия. Увидишь, все образуется само собой.

Кантор зевнул, лениво выругался и открыл глаза.

— Папа, — негромко, чтобы не разбудить Ольгу, но очень сердито прошипел он, — если бы ты сделал так пару лет назад, я мог бы тебя

нечаянно пристрелить спросонок.

По перепсихованной папиной морде можно было предположить, что он не особенно рассчитывал вообще добудиться начинающего сновидца. Или что-то в этом роде.

Отвечать на провокационные заявления условно дееспособного сына он не стал, лишь приложил палец к губам и поманил рукой, после чего молча покинул комнату. Поняв это так, что он опять зачем-то понадобился почтенным мэтрам, Кантор осторожно выбрался из постели и принялся одеваться.

Ольга зашевелилась, не просыпаясь, переползла на середину

кровати, потискала подушку и опять затихла.

За окном вовсю светило солнце и чирикали воробьи, хотя Кантору поначалу казалось, что его разбудили посреди ночи и до утра еще можно обежать хоть десяток снов. До сих пор не научился правильно чувствовать время в иной реальности… А может, дело просто в том, что он так уперся в эти поиски Доктора, что о времени вообще забыл. Можно, конечно, и через папу передать, но ведь хотелось самому найти дядюшку и обрадовать! А он, поди, опять в нижнем Лабиринте заблудших выискивает…

Наскоро поплескав водой на лицо

и махнув расческой по волосам, Кантор натянул рубашку и на цыпочках прокрался к двери, таща в руках куртку и сапоги.

— Что там у вас опять случилось? — шепотом поинтересовался он, плотно прикрыв за собой дверь. — Такое впечатление, будто ты не ждал меня живым увидеть.

— Ты виделся сегодня с Элмаром? — встревоженно спросил папа, начисто проигнорировав заданный вопрос.

Кантор затянул на талии ремень и поднял один сапог.

— Да, виделся. Я все потом

расскажу, объясни мне, из-за чего тебя так перекалотило, что ты в полуобморочном мандраже будишь меня с утра и отвечаешь вопросом на вопрос?

Папа мгновенно расслабился.

— А, не обращай внимания. Раз ты видел Элмара сегодня ночью, значит, с ним все в порядке.

— А не должно? — удивился Кантор. — Вроде с ним все было стабильно и ровно, с чего вдруг такой переполох? Кстати, у меня новости, тебе докладывать или всем?

Папа подумал пару секунд и махнул рукой.

— Обувайся и пойдем. Сам

доложишь. Мэтр Вельмир все равно велел и тебя привести, как будто ему меня мало. Заодно тебе там все объяснят, чтобы меня не доставал.

— Но хоть вкратце ты можешь сказать?

— Вкратце — Шеллар нашелся.

— Хвала небу! — совершенно искренне вырвалось у Кантора.

— Согласен, — не стал возражать папа. — Подробности потом. Пойдем, там уже, наверное, все собрались.

В лаборатории мэтра Силантия действительно собрались все придворные маги, к которым присоединились мэтр Алехандро,

Казак, Мафей, внезапно нашедшийся Толик, и даже Жака зачем-то позвали. При виде Кантора почтенные мэтры так наглядно обрадовались, что он понял — у них действительно была причина за него беспокоиться, и папины навязчивые идеи здесь вовсе ни при чем. Если бы с Элмаром действительно что-то случилось, забредшему в его сон Кантору тоже не поздоровилось бы, это понятно. Вот только с чего они взяли, будто с Элмаром что-то должно было случиться именно сегодня?

— Элмар жив и здоров, — объявил папа, подталкивая Кантора вперед, словно ему пять лет и он

сейчас должен встать на табуретку и рассказать стишок. — Диего был у него сегодня ночью и говорит, есть какие-то новости.

— Мы внимательно слушаем вас, дон Диего.

Вот почему у мэтра получается общаться с людьми на равных, несмотря на четыре века разницы в возрасте, а у папы — ну никак, все как с маленьким!

— У Элмара изменились обстоятельства, — доложил Кантор. — В ближайшее время он не сможет вернуться в Первый Оазис. Его почему-то продали вместе с группой рабов и увезли оттуда.

— И как далеко успели уехать счастливые покупатели? — Мэтр поинтересовался безупречно вежливо, но в глазах у него немедленно засверкали ироничные смешинки.

— Ну, примерно на час-полтора езды, Элмар затрудняется определить скорость и расстояние. Разделавшись с охраной, освобожденные рабы повернули на юг и сейчас направляются к последним уцелевшим оазисам. И Виктор тоже среди них. Оказывается, все это время они с Элмаром сидели в камерах напротив и считали друг друга отсталыми варварами, пока не познакомились.

— Ты Дэну сказал, что Витька жив? — вмешался папа.

— Я его не нашел. Дэна то есть. К Виктору я тоже заглянул в сон. Он стонет и ругается — какой-то местный житель опознал в них с Элмаром героев пророчества, и теперь все на них смотрят с благоговением и ждут чуда. А Элмар с радостью их этими чудесами развлекает — то наручники ломает, то мечом волшебным размахивает, то на граке верхом катается.

— Можно подробнее насчет катания? — неожиданно влез в разговор мэтр Силантий. — В каком смысле это было сказано?

— В самом прямом. Элмар объездил грака, сплел ему уздечку из охапки недоломанных наручников и намерен забрать его с собой и приручать дальше, чтобы как следует выездить и использовать вместо лошади. Половина спутников в шоке, другая половина начинает потихоньку на него молиться.

— Но как это возможно? — Растерянная Морриган выглядела чрезвычайно забавно, возможно, потому, что прежде Кантор никогда ее такой не видел.

— Вот никогда вы меня не слушаете, — недовольно покосился на нее мэтр Силантий. — Когда я вам

говорю, что это искусственная мутация, вы только хихикаете. Когда я говорю, что в этом животном присутствуют гены домашних парнокопытных, вы начинаете надо мной смеяться. А потом, когда это животное, которое мы с вами вместе вскрывали, вдруг оказывается под седлом, вы спрашиваете «как это возможно?», потому что вам удобнее считать невероятным все, что противоречит вашей теории.

— Силантий, да ты сам подумай, ну кому может быть нужно искусственно создавать такое вот страшилище?

— Генетическими

экспериментами на Каппе занимался только один человек, — заметил Вельмир. — А применительно к нему вопросы «зачем» могут и не иметь ответов в рамках общепринятой логики. Хотя скорее всего это результат неудачного опыта или случайный побочный продукт, так же случайно оказавшийся на свободе, где и размножился. Ну, как вы думаете, господа, его величество уже успел утомить своими вопросами несчастного обитателя пирамиды? Не пора ли нам туда наведаться?

— А вы что, собрались в другой мир? — уточнил Казак.

— У вас есть возражения?

— Предупреждать надо было! У меня-то нет, а вот у мироздания есть. Не могу я между мирами перемещаться по своей воле, даже в чужом телепорте. Говорил же, только одним способом.

— Простите, я, конечно, помню, — спохватился Вельмир, — но, видимо, неправильно вас понял тогда. А можно полюбопытствовать, вы знаете этот мир, куда мы собираемся?

— Да чтоб я еще понимал, в какой именно вы собираетесь!

— Давайте выясним это в другой раз, — вмешался папа. Наверное, ему, как и Кантору, не терпелось поскорее

позвонить Дэну и обрадовать новостями.

Мэтр Вельмир извинился перед Казаком, попросил никуда не уходить и кивнул ушастым телепортистам.

Первым делом по выходу из телепорта все по очереди споткнулись о тушу крокодила, а Мафей, соответственно, услышал три неизящных мистралийских выражения, одно лондрийское (печатное, но ничуть не более ласковое), один риторический вопрос, одно наставительное замечание касательно необходимости убирать за собой, два аналогичных насмешливых, один возглас восхищения и просьбу

никуда это не девать и одно категорическое требование убрать это немедленно хоть куда-нибудь, если почтенные мэтры не хотят сейчас получить на руки обморочное тело.

Мафей со вздохом извинился и телепортировал дохлого крокодила в лабораторию мэтра Силантия, раз уж ему так хотелось сие чудо заполучить.

Мэтр Вельмир огляделся и воззвал в пространство:

— Ваше величество!

Ответа не последовало. Видимо, истосковавшийся в одиночестве древний некромант оказался особо стойким или даже получал от подобной беседы удовольствие.

— Он обещал появиться, — умоляюще произнес Мафей, словно испугался, что мэтры сейчас не станут ждать и уйдут.

— А ты точно его здесь видел? — уточнил мэтр Хирон.

— Не видел, а слышал! — поправил Мафей. — Вот так я и знал — сейчас все дружно усомнятся в моем душевном здравии, уведут домой, полдня будут обследовать… А Шеллар придет — и никого нету! Он обещал прийти, значит, придет.

— Раз нам все равно ждать, — предложил мэтр Вельмир, — давайте пока займемся делом. Не знаю, как вас, уважаемые коллеги, а меня

весьма уязвил тот факт, что мы с вами почти луну безуспешно искали вход в эту гробницу, а его величество едва успел сюда взобраться, как перед ним тут же все само открылось. Кстати, Мафей, он тебе не сказал, как именно ему удалось открыть вход?

— Он сказал, что пытался подняться, держась за вот эту безголовую кошку, и пол вдруг провалился у него под ногами, — честно признался принц.

Мэтры, позабыв о возрасте, солидности, авторитете в глазах ученика и добром имени всей магической науки, ринулись к указанной скульптуре. Минут

двадцать они щупали, лапали и тискали несчастную кошку, давили в самых разных местах, тянули, толкали, висли на ней и пытались в точности воспроизвести движения Шеллара. Непонятно, каким чудом они не сковырнули скульптуру с постамента, но, невзирая на их старания, она все же осталась стоять на месте. И входная плита тоже.

Прекратилось это безобразие лишь после того, как над площадкой раздался бестелесный голос:

— Приветствую всех. Почтенные мэтры, оставьте статую в покое, вход открывается не механическим способом. Лучше скажите скорее, что

с Элмаром.

— Да все с ним в порядке, — ответил Кантор, который все это время стоял рядом с Мафеем и скептически наблюдал за усилиями магов. — Сегодня ночью я его видел, он едет на юг вместе с группой беглых рабов.

— Хвала богам, — с искренним облегчением произнес голос. — Значит, все действительно прекрасно.

— Ваше величество! — строго возразил мэтр Вельмир, вдруг на глазах становясь старше. — Во-первых, я не назвал бы «прекрасным» положение дел, при котором вынужден разговаривать с вашим

призраком. Во-вторых, вы ведете себя так, словно у нас неограниченное количество времени! Скажите честно, ваше величество, вы действительно еще живы или пытаетесь нас осторожно подготовить к…

— Честное слово, мэтр, я действительно жив, и у нас нет необходимости куда-либо спешить. В настоящий момент мое тело находится в стазисе, и оставшиеся часы моей жизни можно растянуть на неограниченное время. А сейчас позвольте мне поведать вам все, что я узнал об этой пирамиде и ее обитателях. Возможно, это поможет вам найти способ проникнуть внутрь

и достать нас оттуда.

— Погодите! — вмешался папа. — Не в одной пирамиде дело. Начните лучше с того, как вы сюда попали. Причем с самого начала. С момента провала. Что случилось во дворце, почему вы не ушли оттуда?

— Случилось то, что и было предсказано, — невесело сообщил Шеллар. — Сработал тот самый «веер на бесконечность», о котором вас предупреждали предсказатели. И сработал крайне неблагоприятным для меня образом.

— Харган все-таки раскусил вас?

— Нет. Этот глупый мальчишка застрелился. Чем немедленно

воспользовался брат Чань, который только и ждал момента, чтобы свозить меня к Повелителю на проверку. Кстати, что там с Повелителем? Вы не выяснили точно?

— У нас пока нет такой возможности. Не отвлекайтесь. И что было дальше?

— С вашего позволения, я опущу не относящиеся к делу подробности и перейду к фактам, которые могут представлять интерес. Прежде всего, когда меня допрашивали, мои ответы контролировал маг-менталист. Он ловил меня всякий раз, как я пытался лгать, за исключением одного момента. Когда я выдал заранее

заготовленную ложь касательно Азиль, он промолчал.

Магистры молча переглянулись. Да и сам Мафей тут же вспомнил рассказ почтенной Эрны о сложных взаимоотношениях куфти с Повелителем. Вот, значит, как вышло. Едва появилась реальная возможность от него избавиться, они ею воспользовались. И потребовалась для этого сущая малость — в нужный момент промолчать…

— Вчера ночью, — как ни в чем не бывало продолжал Шеллар, — заклинание, наложенное на меня Повелителем, развеялось. Утром меня зачем-то умыли, одели и перевязали,

после чего привезли на окраину деревни и оставили под деревом, прямым текстом приказав ждать, но намекнув при этом, что для меня же лучше будет умереть легко и быстро, прежде чем за мной вернутся. Я не послушался этих сомнительных советов и решил просто удрать.

Кантор невольно поглядел вниз, где примерно в паре часов ходьбы виднелась деревушка куфти — та самая, которую они видели с другой стороны, когда добрались к ней через горы. Великое небо, это он перся пешком через болото, один, без оружия, наверняка не в здоровом состоянии, после допросов-то… И

ведь дошел, что поразительно!

— Ты добрался… оттуда? — повторил его мысли впечатлительный юный эльф. — Через болото, без оружия, на одной ноге?

— Мне любезно выдали костыль, — педантично уточнил неисправимый король. — Согласен, это не было легко, но результат того стоил. Позвольте мне продолжить. Вчера ночью, уже пребывая в призрачном состоянии, я слетал в деревню и, к своему удивлению, нашел там Азиль. С ней все в порядке, и скорее всего она находится там по своей воле, а не удерживается насильно. Я не решился показываться

ей в своем нынешнем состоянии, опасаясь расстроить, и поэтому не смог расспросить. Этот вопрос мы с вами потом обсудим и решим, как лучше поступить. А теперь все же вернемся к загадке пирамиды. Кстати, почтенные мэтры, а почему вы все слушаете меня стоя? Присядьте, история довольно долгая…

Долгая история мэтра Ушеба началась более двух тысяч лет назад, когда Куфтийская империя еще блистала своим величием, а Снежный край даже не был открыт.

Стареющий маг чувствовал приближение смерти и воспринимал сей факт как вопиющую

несправедливость. «Какова цена всему моему могуществу, — говорил он сам себе, — если оно не может даже продлить мне жизнь сверх положенного обычным смертным срока? Чего стоят все те знания, которыми я упорно и старательно овладевал всю свою жизнь, если мне некогда ими воспользоваться — так мало времени отмерено мне богами? И не глупо ли я поступил, потратив свои лучшие годы на исследования, которые никаким образом не могут мне помочь?»

Ушеб оставил службу при императорском дворе и уехал в свое поместье у моря, захватив с собой

кучу книг, магических предметов и верного ученика. И там, укрывшись от посторонних глаз, начал свой последний, самый грандиозный проект — поиск вечной жизни.

Время шло, исследования постепенно продвигались вперед, но результаты достигались слишком медленно. Намного медленнее, чем наступала безжалостная старость. И в один прекрасный день Ушеб понял, что не успеет придумать ничего лучшего, чем то, что уже придумал. Что, если он не собирается умереть, не завершив своих исследований, ему придется испытать на себе пусть несовершенную, но относительно

надежную процедуру, которую он успел разработать.

Он понимал, что превратиться в вечно юного и бессмертного живого человека ему не суждено. Максимум, что может получиться, — разумная нежить.

Он понимал также, что не может предугадать, насколько сохранится его личность после ритуала и как он вообще будет выглядеть. Что в случае непредвиденных осложнений может превратиться в безумное чудовище, пожирающее людей и пьющее их кровь.

Он все же был порядочным человеком, в отличие от сами-знаете-

кого, и не хотел, чтобы из-за его неудачного эксперимента пострадали невинные люди. Поэтому для проведения ритуала избрал старую семейную гробницу на окраине своих владений. Она удобно располагалась на месте Силы и в стороне от человеческого жилья, к тому же у нее были прочные стены и каменные плиты вместо дверей.

Главный вход Ушеб распорядился замуровать, а потайной переделал таким образом, чтобы его можно было открыть только снаружи. Дно было выложено камнем еще со времен его предков, и подкопаться было не то чтобы совсем невозможно, но очень

трудно. Для верности он еще встроил в камни гробницы защитное магическое поле, границы которого не могла пересечь никакая нежить. И дал последние наставления своему ученику: ровно через цикл прийти к потайному входу, открыть его и проверить, во что превратился его наставник. И если вдруг случится, что эксперимент пошел не так, как планировалось, если вместо разумной мумии в гробнице обнаружится чудовище — запереть потайной вход и никогда больше его не открывать и людей вокруг предупредить, чтобы ни в коем случае не входили внутрь и не пытались разрушить пирамиду, иначе

случится большая беда.

Ученик был старательный, послушный и тоже очень порядочный. Он не предал наставника, не обманул его доверия, ничего такого. Ровно через цикл, как и было велено, он открыл потайной вход и вошел в гробницу.

Роковая ошибка, которую мэтр Ушеб допустил в своих расчетах, была донельзя глупой и всего лишь арифметической. То ли где-то не ту циферку поставил, то ли сложил-отнял неправильно, но в результате срок в один цикл, который он назвал, оказался неверным. И, войдя в пирамиду, исполнительный ученик

застал почтенного мэтра в середине трансформации.

Он был еще и весьма впечатлительным, этот честный юноша. Увидев жуткое существо, напоминающее недоваренную тушу с лоскутами свисающей кожи, которое ползло ему навстречу и что-то нечленораздельно хрипело, он сделал логичный вывод: бедный наставник все-таки превратился в чудовище, как и опасался. Всхлипывая и утирая слезы на ходу, он выбежал наружу и закрыл за собой дверь. Навсегда.

Еще цикл спустя незадачливый маг обрел надлежащий вид и способность говорить, но было

поздно.

Две тысячи лет он ждал благоприятного случая, надеялся, что когда-нибудь каким-то чудом кто-то все же найдет способ войти в гробницу, и тогда он сможет этому кому-то все объяснить, а в ответ ему помогут выбраться из заточения. И в один прекрасный день дождался.

Сначала почтенный мэтр был без ума от радости — человек, сумевший проникнуть внутрь, оказался коллегой, что являлось несомненной и редкостной удачей. Коллеге не надо объяснять на пальцах вещи, понятные любому магу, он все поймет и во всем разберется, а главное — ему под силу

снять то злосчастное защитное поле, исходные точки которого Ушеб так предусмотрительно расположил снаружи.

Молодой человек охотно согласился помочь, но попросил для начала ознакомиться со всеми записями по эксперименту, чтобы иметь полное представление о ситуации и разобраться в структуре защитного заклинания, да и вообще в данной школе магии. Так как он, извините, чужестранец, его учили совсем по-другому, и новую для него школу он должен сначала изучить.

«Изучение» длилось подозрительно долго, и Ушеб уж

начал было подозревать, что вежливый коллега его попросту надул, но в конце концов молодой маг вернулся. И даже не один. Он рассказал, что не только изучил, но и усовершенствовал методику Ушеба, и хотел бы повторить его эксперимент. По каковой причине ему, в свою очередь, тоже требуется помощь. Защитное поле он снять не сумел, но придумал другой способ вытащить жертву собственной предусмотрительности из опостылевшей гробницы: телепорт. Словом, предложил взаимовыгодное сотрудничество, на которое доверчивый старик без колебаний

согласился.

Чем закончилась их договоренность, всем известно. Бессовестный чужестранец все-таки надул партнера и телепортировался оттуда один. Будущему Повелителю не нужны были конкуренты.

Обманутый маг обиделся до глубины души и несколько лет щедро осыпал коварного коллегу разнообразными проклятиями, которые вряд ли могли нанести сколь-нибудь ощутимый вред квалифицированному некроманту, да к тому же бессмертному и неуязвимому. Спустив пар и поняв, что так он ничего не добьется,

почтенный мэтр обратился за справедливостью к своим древним богам. Денно и нощно досаждал он им просьбами послать в этот мир достойного героя, который мог бы добраться до презренного клятвопреступника, невзирая на бессмертие, и бедные боги, которым настойчивый старик проклевал все мозги, пошли советоваться к коллегам. Совершенно случайно они набрели на некого Создателя, в чертогах которого обретался один симпатичный святой, известный тем, что когда-то давно, еще при жизни, имел дело с упомянутым злодеем и даже относительно успешно. Боги

как-то между собой договорились, святой с радостью согласился помочь несчастной жертве, и беднягу отправили с миссией спасения и восстановления справедливости. Не уточнив предварительно, где объект спасения находится и как до него добраться — вернее, от него выбраться. И теперь они сидят там вдвоем, поскольку у спасителя не сохранилось ни одного ориентира из тех, что он знал при жизни.

Мэтр Вельмир опять на глазах помолодел. Кантор невольно подумал, что при такой частой смене облика у него не больше шансов сохранить свою тайну, чем у замурованного в

пирамиде коллеги самостоятельно оттуда выбраться.

— То есть… — осторожно уточнил мэтр, — вы хотите сказать… что там, внутри…

— Именно, — подтвердил Шеллар. — Там, внутри, вместе с обиженной на весь свет мумией сидит ваш покойный друг, святой великомученик Феандилль. И мы все трое были бы признательны, если бы нас каким-то образом оттуда извлекли.

— Боги, это же так просто! — не удержался воодушевленный Мафей. — Пусть мэтр скажет, как к нему войти, и мы войдем и всех

вытащим телепортом!

— Вот тут и начинаются проблемы. Он сделал один-единственный ключ — для ученика. Две тысячи лет назад. Где этот ключ сейчас, если он вообще уцелел, — никому неизвестно. Скаррон не пользовался им для проникновения в гробницу, он нашел собственный способ. Я, заметьте, тоже. Следовательно, у нас есть следующие пути решения проблемы: отыскать затерявшийся в веках артефакт, добыть записи Повелителя и изучить их в надежде, что он свое открытие задокументировал, разобраться, как это получилось у меня при полном

отсутствии магических способностей, или банально взломать. Ах да, еще можно попробовать обратиться за советом к жителям деревни, но я бы не возлагал на этот вариант особых надежд. Возможно, послать нас подальше они не решатся, но наверняка сделают вид, будто впервые о проблеме слышат. Сейчас я работаю над тем, чтобы сделать их посговорчивее, но это займет некоторое время, и на этот период я попрошу вас не вести с ними переговоров, не согласовав предварительно со мной. Если у вас есть еще вопросы, прошу задавать.

У мэтров были вопросы. У

мэтров, можно сказать, была огромная куча разнообразных вопросов, и Кантор невольно подумал, что его величеству будет полезно хоть раз на собственной шкуре прочувствовать, каково это, когда тебя достают бесконечными «как?» и «почему?», половину из которых ты считаешь лишними, а на вторую половину не желаешь отвечать.

На этот раз в укромной комнатке необычного магазинчика брата Чаня поджидал не только подозрительный торговец, но и старый знакомый. При виде хитрой одноглазой физиономии наместник, как ни странно,

почувствовал себя увереннее, хотя на самом деле понимал, что само по себе присутствие Астуриаса вовсе не означает поддержки с его стороны и, более того, по всем раскладам в случае несовпадения интересов мистралиец мгновенно сделает вид, будто не имеет с ним ничего общего. Брат Чань хорошо знал людей этого типа и не питал иллюзий, будто Астуриас может занимать хоть какую-то сторону, кроме своей собственной. Если такие люди и вступают с кем-нибудь во временный союз, то лишь потому, что им это выгодно, и обычно такие союзы оказываются ну очень временными. Сейчас, судя по намекам

мистралийца, оброненным при их последней встрече, а также по его присутствию здесь сегодня, основным его интересом было свести потенциальных партнеров и стать посредником при сделке. Что не помешает ему предать любого из них или обоих, если в какой-то момент у него появится возможность таким путем увеличить свою долю. Но все равно приятно было видеть хоть одно знакомое и понятное лицо в столь неловкий и неприятный момент.

— Что сказал Повелитель? — с живейшим интересом спросил торговец, едва завершив подобающие приветствия. Его нетерпение было

столь явственно, что выглядело даже невежливым. Брат Чань подозревал, что, если бы не опасение за исход переговоров, сей дурно воспитанный молодой человек и вовсе пренебрег бы приветствиями, лишь бы поскорее услышать ответ. Поистине варварские нравы царят по эту сторону Большого Хинского хребта…

— Я получил разрешение, — с достоинством ответствовал он, выкладывая на столик перед собеседником папку с бумагами. — Вот вся необходимая документация. Если вам понадобится переводчик, я попытаюсь изыскать такового среди своих подданных, но, боюсь, в этом

случае о секретности можно будет забыть.

— Документация на харзи? — немедленно догадался «партнер». — Не беспокойтесь, у нас есть возможность перевести все это… э-э… не привлекая посторонних. Что насчет действующего экземпляра, как я просил?

— Один прибор я привез, но для полноценной работы в нем не хватает одной детали. Просто потому, что их сейчас вообще нет ни здесь, ни у Повелителя. И не будет до осени.

— Так снимите одну с действующего.

— Но тогда он перестанет

работать, а у нас их всего три.

— У вас останется еще два. И, более того, это ведь ненадолго. Вы получите сколько угодно приборов, и гораздо раньше осени.

— Все параметры требуемого кристалла изложены в предоставленной документации, — ровным голосом сообщал брат Чань, чувствуя за собой силу логики и здравого смысла, но сильно опасаясь при этом, что собеседнику они недоступны.

— Ах вот в чем дело! — неожиданно воскликнул Астуриас, до сих пор скромно молчавший и довольно убедительно занятый

бокалом вина. — Господа, позвольте мне внести ясность, так как у вас, кажется, возникло некоторое недоразумение. Видите ли, брат Чань, параметры магического кристалла, изложенные в этих научных трудах, ничем не помогут нашим уважаемым партнерам. Они не пользуются магией при создании вещей, и в их версии излучателя магический кристалл будет заменен техническим аналогом… как вы это называли, господин Санчес?…

— Генератором прерывистых волн, — подсказал торговец. — Совершенно верно. Нам нужен этот кристалл не затем, чтобы его

скопировать, а чтобы определить, что именно он излучает. И затем именно этот тип излучения воспроизвести.

Наместник внезапно ощутил брезгливое раздражение, вроде того, что чувствует разумный и здравомыслящий человек, столкнувшись с дешевым мошенничеством, рассчитанным на полного дурака. Ему предлагали фактически уплатить вперед за неясные будущие услуги, причем без всяких гарантий.

С другой стороны, отказываться наотрез тоже неразумно — если обе стороны честно выполнят условия, сделка все же выгодна. Пожалуй,

лучшим решением будет тоже запросить в обмен что-либо ценное…

Он быстро перебрал в памяти записи предыдущего наместника, и нужное решение само пришло на ум. Повелитель придавал очень большое значение списку артефактов, это было одним из главных его требований, и Харган мог даже безнаказанно пренебрегать текущими делами ради поисков этих предметов. Один из них ему обещали здесь. И до сих пор обещают. Прекрасно. Удобный повод отложить сделку на неопределенное время, не прибегая к прямому отказу.

— Хорошо, — доброжелательно произнес брат Чань, подкрепив слова

учтивым поклоном. — Я предоставлю вам один из кристаллов, как только получу известный вам артефакт, который был обещан моему предшественнику. Камень на камень, из рук в руки.

— Но это самым фатальным образом замедлит работу! — попытался протестовать торговец.

Наместник вежливо, но твердо перебил его:

— До осени мы никуда не торопимся. А последние три действующих прибора слишком дороги сейчас, чтобы отдать любой из них под чистое обещание без всякой гарантии.

Астуриас поднял удивленный взгляд от бокала.

— А этот пропавший камень вы считаете надежной гарантией?

— Нет, но он по крайней мере достаточно ценен, чтобы компенсировать возможную утрату кристалла.

Санчес огорченно вздохнул. Не умеют эти мистралийцы скрывать свои чувства, все на лицах можно прочесть. Даже Астуриас уж на что мастер, а все равно на роже написано, что пройдоха.

— А оружие вас чем-то не устраивает или кажется недостаточно ценным?

— Оно не является жизненно необходимым. К тому же оружие в любом случае входит в оплату, но это как раз не самая срочная ее часть.

— Мне нужно доложить наверх и посоветоваться. Я не уполномочен…

— В таком случае можете оставить себе все документы и сам прибор, а касательно кристалла поговорим отдельно. Когда мне вас навестить?

Торговец беспомощно покосился на Астуриаса, словно вопрошая: «Кого ты мне привел?», и попросил неделю. Для верности. Возможно, хватит и пары дней, но на всякий случай пусть будет неделя, вдруг там, наверху,

возникнут разногласия…

Брат Чань почтительно кивнул и удалился на улицу, где ждал его телепортист, по пути пытаясь представить себе загадочных повелителей мистралийского торговца. В воображении наместника они почему-то представлялись похожими на высших иерархов, между которыми тоже постоянно происходили какие-нибудь разногласия.

Второй день путешествия получился ничуть не легче первого. Начавшись с утреннего животноводческого скандала, он

продолжился целым днем пребывания в одной кабине с любознательным убасом и частично оклемавшейся Хаши. Хотя бывшая атаманша санитарных инспекторов вела себя тихо, ни словом не вспоминала о тараканах и даже нашла в себе силы сказать «спасибо» за спасение своей многострадальной персоны, находиться с ней рядом все равно было неприятно, неловко и чертовски некомфортно. С одной стороны, воспоминания о долгой и кровопролитной войне за санитарное состояние магазина не способствовали возникновению теплых чувств; с другой — даже

мимолетный взгляд в сторону пассажирки вызывал одновременно жалость и стыд за весь мужской род. И молчать все время неудобно — вроде как невнимание получается, и сказать нечего, и от убаса помощи никакой — вместо того, чтобы чего утешительного бедной женщине сказать, он всю дорогу только и делал, что расспрашивал. Ближе к вечеру Кангрем уже готов был с радостью поменяться местами с любым из ребят в кузове, пусть даже ему придется сидеть под самым граковым хвостом и целый день переводить без передышки, но увы, заменить его за рулем автомутанта было некому.

Ночевали опять в развалинах, только на этот раз никаких сокровищ искателям не перепало. Граков здесь не водилось, и поселок давно был обчищен до последнего гвоздика. Даже крыс на ужин едва отыскали.

Когда же уставший за день Витька завалился наконец спать, радуясь, что его хотя бы от ночных дежурств освободили, в его сон почти сразу же явились гости. Был бы сон какой приличный, Витька даже огорчился бы. Но снилась ему какая-то хрень, будто он объясняет начальству, что не по своей воле сделался богом, а по вине обстоятельств, а начальство будто бы

ему не верит, кричит, что он уволен, и требует сдать казенную молнию и не позорить лавочку этими белыми одеждами и сандалиями неопределенной ориентации. Дэн с Максом от души над его бредом поржали, объявили себя его верными ангелами и кышнули назойливое начальство прочь из божественных чертогов.

— Да, — покачал головой Дэн после бурных приветствий, забираясь в начальственное кресло. — Видно, крепко тебе там досталось, что тебе такое снится…

— Вам смешно, — ворчливо отозвался Витька, с отвращением

рассматривая дурацкие сандалии. — А меня и в самом деле придурочные дикари на голубом глазу в боги записали. А этот оглашенный воин света так и норовит что-нибудь эдакое выкинуть, чтобы их не разочаровать. А убас, на здравый смысл которого я так надеялся, велит всячески этот бред поддерживать, потому как ему это в целях пропаганды страсть как необходимо.

— Вот и прекрасно, значит, вас с Элмаром послушают, — обрадовался Макс, точно так же, как убас, наплевав на переживания агента Кангрема. — Завтра утром объясни всем, что вам надо немного свернуть в

сторону и заехать в один небольшой поселок… Сейчас я тебе карту нарисую…

— Зачем? — обреченно переспросил Витька. Что ехать все равно придется и возражений никто не станет слушать, он уже понял, но имеет он право хотя бы знать, что к чему и что вокруг него происходит?

— Там вас встретят наши маги. Главная проблема вообще-то в том, что мэтрам нужен Доллегар — возможно, вместе с Элмаром, возможно, без, в любом случае при наличии телепорта это минутное дело. А в остальном магическая поддержка здорово облегчит вам

задачу. Вы сможете взять с собой телепортиста, и у вас не будет проблем ни с провизией, ни с бензином. У вас будет доступная медицинская помощь в любой момент, когда понадобится. Вы сможете оставить там часть людей — больных, слабых и тех, кто не хочет ехать дальше…

«И скотину эту зубастую тоже можно оставить!» — чуть не вслух закричал Витька. Идея коллеги начала ему нравиться.

— …Переговоры с Конфедерацией вы будете вести не просто как толпа беженцев, а вместе с официальными представителями

Международного Совета Дельты…

— Нам же головы поснимают за контакт!

— А нам за что? Почтенные мэтры все это прекрасно провернули без нас. Мы их друг к дружке в гости не возили, во всем виноват Повелитель, наладивший регулярное сообщение между двумя мирами, ну и частично Мафей, который к нам тоже никакого отношения не имеет. Кстати, для тебя это еще и прекрасная возможность без проблем вернуться домой. Элмар пригласит тебя в гости, а там тебя как бы найду я и увезу на нашу базу.

— Ага, а местным скажем, что на

небеса вознеслись… — не удержался от шпильки расстроенный Витька. Да, конечно, кто бы сомневался, ему непременно помогут вернуться домой. Но только после того, как его роль божества-избавителя будет сыграна до конца. — Элмару вы все сами объясните, или мне завтра его изловить и растолковать?

— Не беспокойся, Элмару все это сейчас объясняет Диего. Вы с ним произведете на спутников незабываемое впечатление, когда по пробуждении окажется, что оба видели один и тот же мистический сон, в котором вам голоса свыше велели ехать на запад.

— Ну какая тут мистика! Я же говорил, что с нами убас, а он все знает и про магов, и про Диего…

— Но ты также говорил, что он всеми силами поддерживает версию вашей божественности, — напомнил Дэн. Все время, пока его кузен толковал о делах, он молча любовался вновь обретенным другом, и счастливая улыбка не сходила с его лица.

— Не перебивайте меня, пожалуйста… — остановил его Макс. — О чем я говорил? Ах да… И еще в том самом поселке вас будет ждать твой старый приятель и собутыльник, которого совершенно

случайно нашли у тебя в подвале.

— Что? — изумленно переспросил Кангрем, не веря в такое количество счастья одновременно. — Жан тоже спасся?!

— Да, и теперь я не знаю, как с ним лучше поступить. То ли пусть сидит где сидит, чтоб меньше знал и не трепал по пьянке, то ли пусть с тобой едет — толковый мистик вам пригодился бы… Ты сам как думаешь?

— Да я не знаю… А что в нем толкового? Он же раздолбай каких свет не видел, одно название, что священник. Его на Каппу с миссией выперли, чтобы церковь не позорил, а

то хотели вовсе сана лишить.

— Ты же сам говорил — хоть и пьяница, а святит эффективно. Мы с коллегами проверили — действительно, при всех своих бесчисленных грехах твой приятель может быть весьма полезен в качестве мистика.

— А как такое может быть?

— Да запросто, на Дельте это обычное дело. Магические способности не от посвящения, а от природы. Ты там подумай, с соратниками посоветуйся, потом скажешь.

— Хорошо, — кивнул Витька. — Кстати, о соратниках. Макс, ты

хорошо знаешь этого парня? Элмара?

— Довольно поверхностно, но я близко знаком с человеком, который воспитывал его с детства, так что могу спросить, если надо. Тебя что конкретно интересует?

— Хотелось бы иметь представление, что он за человек, чтобы хоть примерно знать, чего от него еще ждать. Я затрудняюсь постичь логику его действий.

Макс пристально уставился на него, чуть прищурившись, будто поймал на лжи и намекал на то, что лучше признаться, пока не уличили.

— Серьезно? Вот именно ты находишь в его поступках что-то тебе

непонятное? Тогда как единственное отличие между вами состоит в том, что ты можешь отступить, подумав «у меня это не получится» или «я это не смогу», а он — нет.

— И он до сих пор жив?

Макс усмехнулся.

— Это же не значит, что он всякий раз берется за то, что ему не по силам. Но если он сталкивается с непреодолимым препятствием, то не отступает, а ищет другой путь.

— Знаешь, до сих пор я не замечал, чтобы ему вообще приходили в голову такие мысли. Ну, о том, что ему что-то не по силам.

— Значит, за время вашего

знакомства он просто ни с чем подобным не сталкивался. Пусть тебя не беспокоит его отчаянное геройство, он не самоубийца и знает что делает. В конце концов, он действительно дожил до своих лет и до сих пор успешно справлялся.

— То есть ты пытаешься меня убедить, что когда он, впервые в жизни увидев грака, внезапно проникся мыслью вскочить на него верхом — он знал что делал?

— Разумеется. Видеть он их, может, и не видел, но все, что известно об этом животном нашим почтенным мэтрам, ему позаботились передать.

— И когда он кидался с мечом на двух автоматчиков — он тоже знал что делал?

— Раз ему это удалось — несомненно знал.

— И когда высказывал намерение вернуться в Первый Оазис за своей девушкой?

— Намерение, может, и выглядело глупо, но возьмись он за практическое его воплощение — поверь, трубить в рог под воротами и вызывать Повелителя на рыцарский поединок он не стал бы. Впрочем, когда речь идет о его девушке — тут за ним надо присматривать, в таких случаях он перестает прислушиваться

к чувству опасности и может наломать дров. И еще один момент, о котором следует знать вашему мудрому и дальновидному убасу: Элмару нельзя доверять командование войском. Он не полководец, ничуть и ни разу. Тактика одиночки или малой группы у него отработана в совершенстве, но это его предел. И не следует забывать, что отрабатывалось это все в его родном мире и может не работать в других условиях. Думаю, он сам это понимает и в случае необходимости скажет, главное — не убеждать его в обратном и не настаивать.

— Я передам, — вздохнул

Витька, с тихим ужасом представляя, что кому-то особо мудрому и дальновидному придет в голову после подобных предупреждений переложить командование на второго героя пророчества. — Но все равно — не нравится мне все это…

— Мало ли кому чего не нравится… — помрачнел Макс. — А что делать, надо как-то выкручиваться. Ладно, я пойду, мне еще кое-кого надо навестить, а вы с Дэном тут пообщайтесь, соскучились, наверное…

Весь день Кайден провел в колебаниях и размышлениях. К дому

старейшины он больше не приближался, чтобы не провоцировать Эрну на новые упреки, которые на этот раз мог услышать кто-то посторонний, да и показываться на глаза Азиль было как-то боязно. Прилетал ли туда злоязыкий призрак, говорил ли с кем-либо и если да, то что сказал — выяснить не было возможности, но Кайден все же предполагал, что, если бы он поделился своими планами будущей мести с кем-то из обитателей дома, то уже с утра они бы колотили в дверь, требуя объяснений. Значит, все же промолчал. Или не смог объясниться, не зная языка. Впрочем,

даже увидеть его было бы достаточно, и, раз Эрна не прибежала разбираться, значит, скорее всего призрак действительно молча посмотрел и удалился незамеченным.

Сей вывод немного утешил Кайдена, но не настолько, чтобы расслабиться и перестать думать об услышанных прошлой ночью угрозах. Днем он может спокойно жить, призраки не преследуют живых при свете дня, но ведь наступит новая ночь, и утопленник обязательно вернется. Вне зависимости от того, насколько реальны его угрозы, он, похоже, получил удовольствие от самой возможности безнаказанно

издеваться над своим бывшим мучителем и возможность эту использует на полную катушку. Даже будучи не в состоянии причинить Кайдену материальный вред, покойник может здорово испортить ему жизнь, таскаясь по пятам и доставая издевательскими разговорами. А уж если кто-то увидит или, сохраните боги, услышит, неприятностей не миновать. Сейчас его считают героем и спасителем, которому можно простить мелкую слабость, да и права на месть никто в этой ситуации не оспорит. Но если действительно окажется, что он навлек на поселок беду…

Чем ближе подступала ночь, тем больше мрачнел и нервничал бывший первый маг Повелителя и, когда за окном начали сгущаться сумерки, все же решился попросить помощи у друга и коллеги.

— Шоши, что говорит некромантия о призраках, преследующих людей по ночам?

Некромант только чуть приподнял брови и снял с плиты чайник. Несмотря на то, что приятель был старше Кайдена лет на пять, он почему-то до боли напоминал ему Райлина. Наверное, таким стал бы братишка, доживи он до этого возраста, — спокойным и

непробиваемым, что бы ни случилось. Ему тоже не составляло труда прятать истинные чувства за внешней безмятежностью, тогда как сам Кайден научился носить маску лишь с годами, успев изрядно настрадаться из-за своей несдержанности.

— Обычно призраки преследуют своих убийц или же людей, в которых нуждаются. Например, если у призрака остались неоконченные дела, а сам он уже ни на что не способен в силу своего состояния, он просит о помощи кого-то из живых. Или если призрак не может уйти оттого, что его тело не погребено как положено, он тоже ходит всех

достает, чтобы его похоронили. А ты спрашиваешь из теоретического интереса, или у нас в поселке призрак завелся?

Кайден поколебался несколько мгновений и все же решил сказать правду.

— Помнишь, вчера мы искали на болоте того придурка, который сбежал? Вчера ко мне приходил его призрак.

— И что он от тебя хотел?

— Ничего. Просто наговорил мне гадостей.

— Кайден, — миролюбиво поинтересовался Шоши, разливая чай, — скажи честно: ты его убил?

— Я его не убивал. Клянусь чем угодно, я желал ему смерти, но я пообещал нимфе не убивать его, и я действительно даже не прикоснулся к нему. Он и впрямь сбежал и утонул в болоте. Теперь он обращается со мной так, будто я утопил его своими руками. Грозится, что за него отомстят, издевается надо мной, позволяет себе грязные намеки насчет Анари… Самое ужасное, что он может кому угодно наговорить обо мне чего угодно, и как мне потом доказывать, что это неправда? А он обязательно это сделает, он, похоже, настроен сжить меня со свету или хотя бы сделать мою жизнь

невыносимой. А если вдруг сюда каким-то образом заявятся его приятели, он ведь действительно может натравить их на весь поселок. И хорошо, если только на наш.

— Если ты его не убивал, тогда почему он так тебя ненавидит? Он знал, что ты желал ему смерти?

— Конечно, знал. Когда Повелитель собирался его казнить, я при этом присутствовал и просил разрешения поучаствовать. А еще раньше я помогал его допрашивать. И вообще я никак не скрывал своей ненависти к мерзавцу, который убил моего брата. Но что бы я ни чувствовал к нему, я его не убивал. У

него нет причин преследовать меня как убийцу.

— Значит, он просто остался из-за того, что его тело не нашли и не похоронили. А к тебе пристает потому, что… ну не к кому ему больше приставать. Сначала его истязали, потом он по-дурацки погиб, отсюда обида и злость, стремление поквитаться. До Повелителя ему не добраться, зато ты здесь, под боком. Вот он и срывает злость на тебе.

— Спасибо за разумное объяснение, но мне от этого не легче. Его можно утихомирить?

Шоши задумался.

— Чтобы надежно упокоить

бродячую посмертную сущность, надо найти тело. Вряд ли нам удастся как-либо добыть его из болота. Мы даже не знаем, где именно он утонул, чтобы совершить похоронные обряды над этим местом. Я попробую его изгнать, но получится ли из этого что-либо — не уверен. Если не получится… попытайся с ним помириться.

— По… помириться?! — Кайден от возмущения даже заикаться начал. — С… с ним?

Шоши поднял взгляд от плошки с топленым маслом, в которое сосредоточенно макал кусочек лепешки, и с мягкой укоризной

улыбнулся. Точь-в-точь как это делал Райлин.

— Ты все еще ненавидишь его. Даже теперь, когда он мертв.

— А у меня нет на то причин?

— Смерть должна закрывать все счета. Или… хм… ты не можешь успокоиться именно потому, что не сам его убил? Или потому, что тебе не дали помучить его еще немного? Подумай и ответь себе. Мне можешь не отвечать. Но если я угадал, то это еще одна причина, по которой он тебя преследует.

Кайден не стал отвечать. Только спросил:

— Можно, я останусь у тебя на

ночь? Ты живешь один, а у меня дома отец… и тетушка… Не хочу, чтобы он еще и их начал доставать.

— Конечно, — без вопросов согласился Шоши. — Пусть приходит сюда. Я посмотрю на него, попробую точнее определить причину его поведения и попытаюсь решить проблему. Но ты все же подумай над моим советом.

На этот раз призрак явился намного раньше полуночи. Сначала заглянул в окно, потом просунул сквозь стекло голову и радостно воскликнул:

— Ах вот ты где!

И просочился в дом. Несмотря на

то, что дом был окружен защитным кругом от нежити.

— Отчего не спим? — бодро поинтересовался утопленник, зависая задницей над скамейкой и непринужденно закидывая ногу на ногу. — Бессонница одолела? Совесть замучила? Или страшно стало?

Кайден, который и в самом деле не мог уснуть в ожидании ночного гостя, негромко позвал:

— Шоши! Проснись, он пришел.

— Ты все-таки решил поделиться своей тайной с односельчанами? — продолжал издеваться призрак. — Поскорее рассказать им свою версию, пока я не успел первым? И начал,

наверное, с лучшего друга, который тебе поверит, чего бы ты ни навешал ему на уши?

— Я рассказал ему правду! — вскинулся Кайден и тут же пожалел о собственной несдержанности. Его искреннее возмущение выглядело нервной, чуть ли не истеричной и оттого не слишком убедительной попыткой оправдаться.

— Да ты что? — притворно удивился утопленник. — Всю? И про веревку тоже?

— Про какую веревку? — заинтересовался Шоши, который к этому моменту успел выбраться из-под одеяла, пригладить волосы и

нацепить очки, дабы получше рассмотреть посетителя.

— Ну вот, а говорил — «правду»! Небось, так старался убедить друга в своей невиновности, так клялся «я не убивал», что про веревку пришлось умолчать?

— Да при чем здесь эта несчастная веревка! — опять не удержался Кайден и опять с запозданием понял, что ведет себя несолидно, срываясь на крик и размахивая руками.

— По-твоему, если я отказался на ней вешаться, то она уже и ни при чем?

— Господа, вы здесь не одни! —

Шоши всего чуть-чуть повысил голос, а эффект от этого превзошел все Кайденовы вопли. — И если я спросил про веревку, ответить надо мне, а не ругаться между собой.

— Ему, может быть, и надо, — насмешливо отозвался призрак, кивая на Кайдена с хамским пренебрежением. — А я вам, сударь, ничего не должен.

— Я не пытаюсь предъявить вам долги и ни к чему не принуждаю, но, может быть, вы ответите мне хотя бы из вежливости, почему преследуете Кайдена?

— Потому что он поиздевался надо мной в свое удовольствие и

обманом довел до вот этого состояния, в котором я пребываю. Теперь моя очередь. А вы лучше не вмешивайтесь. Впрочем, если желаете, можете попробовать, я даже не обижусь, мне все равно не повредит все то, что вы здесь выстроили на столе.

Шоши был не из тех, кого можно смутить или сбить с толку голословными заявлениями. Он старательно перепробовал все известные ему способы, не обращая внимания на издевательства и насмешки призрака, и только потом с сожалением развел руками.

— К сожалению, Кайден, ни

один не работает. Остается либо искать тело, либо как-то договариваться.

— А с чего вы взяли, что я хочу с ним договариваться? — Призрак вдруг оставил язвительный тон и сделался серьезным, как и положено неупокоенному духу. — Может, мне это неинтересно.

— Вам интереснее скитаться по земле, не зная покоя?

— Честное слово, я никогда его не жаждал. Даже после того, как ваш лживый приятель долго и целенаправленно доводил меня до самоубийства, в болото я полез вовсе не за тем, чтобы там утопиться.

— Ах вот в чем дело… — Кайден чуть сквозь землю не провалился под этим отеческим укоризненным взглядом. — Тебе все-таки надо было сказать мне все, без умолчаний и иносказаний. Есть разница между «желать смерти» и «толкать к ней». Если ты действительно не просто желал ему смерти, а что-то делал для того, чтобы и он сам этого пожелал, то он может преследовать тебя как убийцу.

— Откуда я знал, что это важно? И что мне теперь делать?

— То, что я советовал. Либо ищи тело, либо добивайся прощения.

— Мне?! — вскипел Кайден. —

Просить прощения у этого подонка, который убил моего брата?

— Действительно, какой негодяй! — с издевкой произнес призрак. — Бедный парень сидел себе дома, никого не трогал, поливал цветочки, и вдруг прибежал я, вломился к нему в дом, ни за что ни про что кирпичом по голове… Подонок, иначе не скажешь.

Кайден с ревом сорвался с места и опомнился, только расшибив кулак о стену. А сволочной утопленник, мерзко ухмыляясь, заметил, что бить морду призраку опасно для здоровья.

Шоши неодобрительно посмотрел на стену, убедился, что она

не пострадала, и сообщил:

— Я считаю, что это должно быть взаимно.

— Вот когда ваш приятель будет висеть на том же дереве, на которое столь старательно пристраивал меня, — не унимался призрак, — и мы с ним будем вместе бродить ночами по болоту, тогда у нас, возможно, и получится помириться. А вам я рекомендую поразмыслить над одной забавной нравственной проблемой. Когда под вашей деревней будет стоять моя армия и мои безутешные подданные потребуют выдать им виновника моей смерти, станете вы им объяснять, что он имел

право на месть, или откупитесь его головой, чтобы спасти жизни всех остальных жителей?

— Ну ты видишь, какая сволочь? — простонал Кайден, все еще баюкая пострадавшую руку. — Как с таким договариваться? Да проще действительно договориться с его подданными. Не поверю, чтобы настолько мерзкий тип был кому-то настолько дорог.

— В переводе с возвышенного на реальный, — доверительно сообщил утопленник, демонстративно обращаясь к хозяину дома, — это будет звучать так: «Надеюсь, мы убили всех, кому он был дорог». И

ответ будет неутешительным. Не всех. Кстати, изложенный мною вариант — не то, чего вам следует бояться, а то, на что следует надеяться. Вот если горячий мистралийский парень Орландо вообще не захочет разбираться и искать виноватых, а начнет жечь все, до чего достанет огненный шар восьмого уровня…

— Послушайте, — тут уж даже флегматичный Шоши начал терять терпение, — не могли бы вы уйти? Хотя бы сегодня? Мне нужно поговорить с Кайденом, а в вашем присутствии это невозможно, вы же все время влезаете в разговор.

— Ну, раз вы так вежливо

просите… — Он отвесил издевательский поклон. — Пойду поброжу по деревне.

Шоши прикрыл глаза, как обычно, когда колдовал, и стоял так, пока не удостоверился, что надоеда действительно ушел. И только потом, сняв очки и устало протирая глаза, очень серьезно сказал:

— Надо искать тело. Другого выхода нет. Если он не только сам умер, но и потерял близких, он точно не отступится. Их тоже убил ты, или это сделали другие слуги Повелителя, а на тебе он просто отыгрывается?

— Их вообще никто не убивал, — мрачно отозвался Кайден. — Я просто

немного поменял ему память, и теперь он думает, что потерял всех своих родных.

— И ты молчишь? Ты с ума сошел, или тебе жизнь не дорога?! Завтра же признайся во всем. Может, он на радостях передумает тебе мстить.

— А если нет?

— Тело искать надо в любом случае.

— Но как? Как можно найти в болоте одного утопленника, не зная даже, где именно он утонул? И как его достать из трясины?

— Надо попробовать проследить, куда он возвращается утром. Хотя бы

примерно. А потом я произнесу на этом месте «общую побудку». Подкачаюсь стимуляторами и сделаю. Сам вылезет. Дальше уже дело техники.

— А как за ним проследить? Бежать через болото за призраком? При том, что он летит напрямик, а мне нужно придерживаться тропы, чтобы не отправиться в трясину вслед за ним? Да еще в темноте?

— Нет-нет, бегать за ним по болоту не нужно. Я придумаю способ проследить магически. Завтра опять оставайся ночевать у меня, но не буди, пока он не соберется уходить.

— Спасибо, — искренне

поблагодарил Кайден. Все же хорошо иметь верного друга, который не предаст и не бросит в трудную минуту, что бы ты ни натворил.

— Пока не за что. И, кстати, раз уж меня все равно разбудили среди ночи, расскажи эту историю еще раз, с самого начала, во всех подробностях и без мелочной ретуши. Чтобы я больше не узнавал важные детали от третьих лиц.

Призрак больше не возвращался, но сам рассказ, видимо, так расстроил Кайдена, что он не мог уснуть до самого утра, мучительно пытаясь разобраться, насколько реальны угрозы озлобленного призрака и что

делать, если тело найти не удастся. Когда же он все-таки уснул, измученный тревогами и страхами, то весь остаток ночи его преследовали кошмары. И почему-то в каждом обязательно была Анари.

* * *

Уважаемые читатели! Поскольку электронные версии не помогут Автору писать новые книги, вы можете это исправить: web-money Оксана Петровна принимает на кошелек **Z765938819912** (удостовериться в этом, найти единомышленников, а также задать вопросы и следить за выходом новых

книг можно тут: pankeeva.info)

Также ждем вас в социальных сетях: facebook.com/pages/Oksana-Pankeeva/ и vk.com/deltaworld